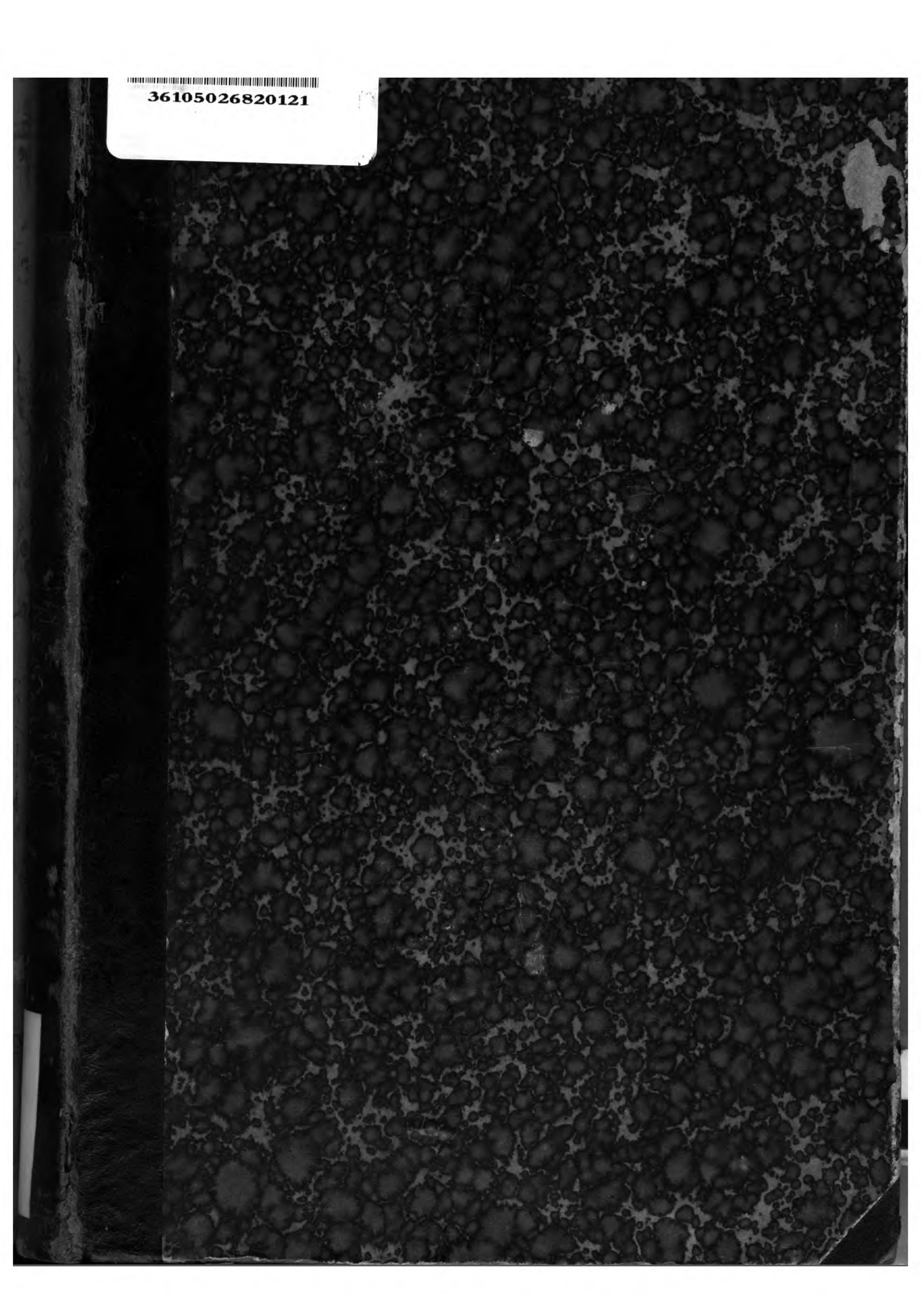
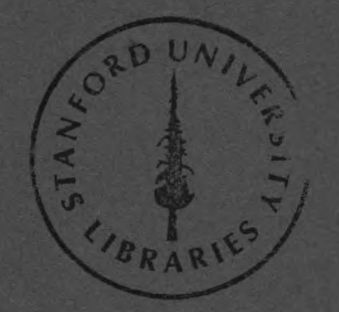
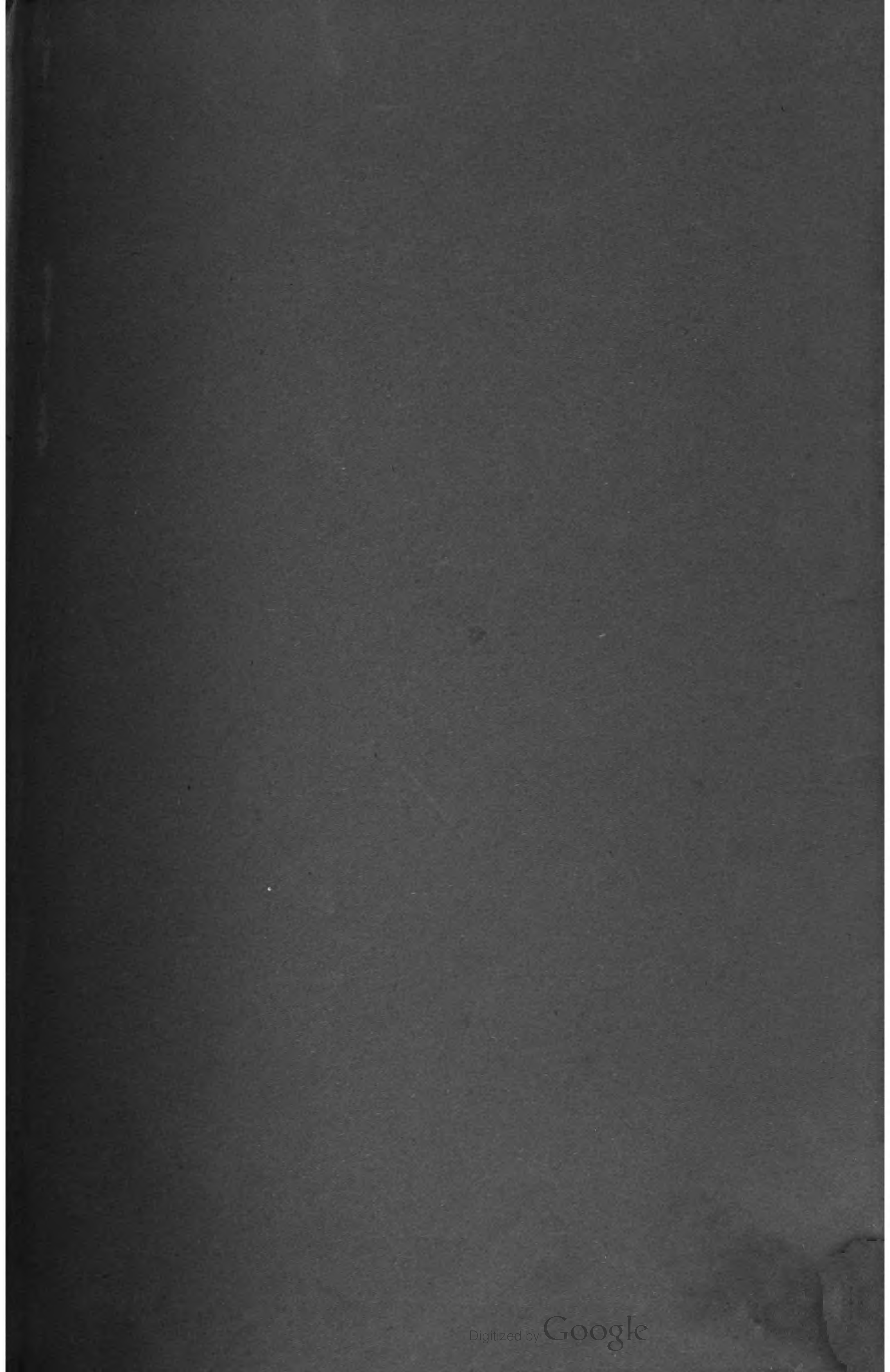

36105026820121

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

Изд. А. Хованскимъ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ семинарій и училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Воронежъ.
Въ Типографіи В. И. Исаева.
1897.

СОДЕРЖАНІЕ I ВЫПУСКА.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ

Изд. А. Хованскимъ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ семинарій и училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Воронежъ.
Въ Типографіи В. И. Исаева.
1897

Дозволено Цензурой. Москва, 5 Марта 1897 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Открыта подписка на продолженіе изданія „Филологическихъ Записокъ“ въ 1897 году.

Въ прошломъ году исполнилось 35-лѣтіе существованія нашего скромнаго провинціальнаго изданія, предпринятаго нами въ научныхъ интересахъ по языку и литературѣ. Область языкознанія широка и задачи далеко еще не исчерпаны; работъ впереди предстоитъ еще много. Разработка разныхъ вопросовъ, благодаря нашимъ почтеннымъ сотрудникамъ, мало по малу развивается, а потому учеными и компетентными лицами и педагогическимъ сословіемъ труды наши оцѣнены по достоинству. Съ своей стороны Редакція принимаетъ всевозможныя усилія доставлять больше нужныхъ матеріаловъ для развитія и разъясненія вопросовъ въ классныхъ занятіяхъ. Постоянные наши подписчики достаточно знакомы съ цѣлью, задачами и стремленіями и съ тѣми матеріалами и пособіями, какіе доставлялись и доставляются въ журналѣ, но для тѣхъ учебныхъ заведеній которымъ это изданіе или мало было извѣстно, или вовсе неизвѣстно, особенно вновь открытымъ, мы представимъ хотя сжатый перечень изданныхъ трудовъ. Такъ нами помѣщены были: Очерки изъ исторіи языкознанія.—Нѣсколько замѣтокъ о русск. правописаніи. Система языковѣдѣнія, Гейзе. (перев.) Современный взглядъ на сравнит. языкознаніе. Изъ записокъ по рус. грамматикѣ А. А. Потебни. Публичныя лекціи по русск. народ. словесности. О. Ѳ. Миллера Много было переводныхъ статей изъ Лукіана Самосатскаго (переводъ съ греч.). Современное состояніе романской филологіи. Практическія замѣтки о рус. синтаксисѣ. О частяхъ предложенія. Сравнительн. синтаксисъ имен., зват. и винит. падежей въ Санскр. зенд. греч., лат., нѣм., литов., лат. и славян. нарѣч. (обширное изслѣдованіе). По литературѣ, осо-

бенно въ послѣднее время много было практическихъ статей, каковы—Двѣ статьи: I. Изученіе словесности въ нашихъ гимназіяхъ. II. Каковъ долженъ быть гимназическій учебникъ русской словесности? Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности.—Отношеніе языка къ мысли.—О воспитательномъ значеніи сочиненій Пушкина. Взглядъ на личность и литературную дѣятельность Тургенева. Необходимъ ли вымыселъ въ поэтическомъ произведеніи? Баронъ А. А. Дельвигъ. Его жизнь и литературная дѣятельность,—Матеріалы для исторіи Пушкинскаго періода. Къ біографіи—А. С. Грибоѣдова. На могилѣ Великаго поэта. Разборы образцовъ художественныхъ произведеній нашихъ поэтовъ—Гоголя, Кольцова, Лермонтова въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ, какъ необходимыя упражненія для ознакомленія учащихся съ составомъ, значеніемъ и отличительными свойствами и оборотами словесныхъ произведеній.

Притомъ укажемъ на изданіе, какъ на практическое пособіе, выработанное г. Барсовымъ—„Методику" подъ заглавіемъ „Живое слово" для преподаванія рус. языка, изданное въ 3-хъ курсахъ, печатается и 4 й курсъ.—Наконецъ не можемъ не упомянуть о почтенномъ трудѣ "Къ ученію о русскомъ глаголѣ" г. Добровскаго,—это громадный трудъ состоящій изъ 719 стр. съ 20 разными приложеніями и таблицами. Въ журналѣ помѣщались и помѣщаются даже цѣлые курсы напр.—„Грамматика" Говорова,—„Краткій курсъ теоріи слога, прозы и поэзіи" г. Брайловскаго.—Курсъ—„Теорія Словесности", составленный Стефановскимъ, отличающійся научно-яснымъ изложеніемъ. Готовится также курсъ, какъ новый трудъ въ учебной литературѣ по словесности: „Очерки изъ современной поэтики" въ связи съ логикой и психологіей, какъ разъясненіе взаимныхъ отношеній между произведеніями поэтическими и научными на почвѣ психологіи, чего у насъ, какъ болѣе важнаго въ дѣлѣ преподаванія теоріи словесности, недостаетъ.

Здѣсь считаемъ нужнымъ напомнить тѣмъ лицамъ учебнаго персонала, которыя или забыли, или совсѣмъ не знали о слѣдующемъ Циркулярномъ предложеніи Господина Министра Нар. Прос., отъ 24 января 1876 г. за № 1044, „коимъ предложено было Начальствамъ Учебныхъ Округовъ, „въ видахъ учебныхъ интересовъ, оказать содѣйствіе къ пріобрѣтенію „Филологическихъ Записокъ" въ библіотеки по „всѣмъ вообще среднимъ учебнымъ заведеніямъ, не исключая „и уѣздныхъ училищъ". А еще ранѣе Ученый Комитетъ предлагалъ Начальству учебныхъ заведеній войти въ соглашеніе съ Редакціей о пріобрѣтеніи Ф. З. и за первые годы.

Полагаемъ, что это предложеніе будетъ принято къ исполненію учебными заведеніями какъ обязательное.

„Филологическія Записки" издаются въ **Воронежѣ**; выходятъ безсрочными выпусками, — по шести выпусковъ въ годъ.

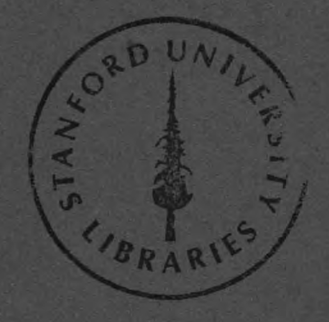
ЦѢНА годовому изданію **6** руб. **50** к. съ пересыл.; за границу **7** руб.

ПОДПИСКА преимущественно принимается въ Редакціи „Филологическихъ Записокъ", въ **Воронежѣ**; желающіе могутъ подписываться также въ извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ. Изданіе „Фил. Зап". можно выписывать и за прежніе годы.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій.**

Дозволено цензурой.
Москва, 23 Октября 1896.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Digitized by Google

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. Хованскимъ.

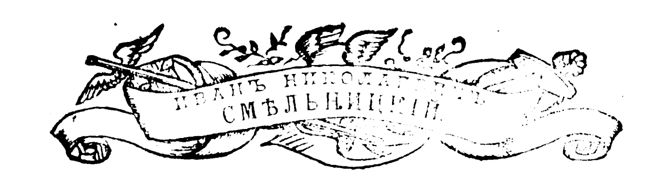
Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ семинарій и училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Воронежъ.
Въ Типографіи В. И. Исаева.
1897.

СОДЕРЖАНІЕ I ВЫПУСКА.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ.

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ

Изд. А. Хованскимъ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ семинарій и училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Воронежъ.
Въ Типографіи В. И. Исаева.
1897

Дозволено Цензурой. Москва, 5 Марта 1897 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Открыта подписка на продолженіе изданія „Филологическихъ Записокъ“ въ 1897 году.

Въ прошломъ году исполнилось 35-лѣтіе существованія нашего скромнаго провинціальнаго изданія, предпринятаго нами въ научныхъ интересахъ по языку и литературѣ. Область языкознанія широка и задачи далеко еще не исчерпаны; работъ впереди предстоитъ еще много. Разработка разныхъ вопросовъ, благодаря нашимъ почтеннымъ сотрудникамъ, мало по малу развивается, а потому учеными и компетентными лицами и педагогическимъ сословіемъ труды наши оцѣнены по достоинству. Съ своей стороны Редакція принимаетъ всевозможныя усилія доставлять больше нужныхъ матеріаловъ для развитія и разъясненія вопросовъ въ классныхъ занятіяхъ. Постоянные наши подписчики достаточно знакомы съ цѣлью, задачами и стремленіями и съ тѣми матеріалами и пособіями, какіе доставлялись и доставляются въ журналѣ, но для тѣхъ учебныхъ заведеній которымъ это изданіе или мало было извѣстно, или вовсе неизвѣстно, особенно вновь открытымъ, мы представимъ хотя сжатый перечень изданныхъ трудовъ. Такъ нами помѣщены были: Очерки изъ исторіи языкознанія.—Нѣсколько замѣтокъ о русск. правописаніи. Система языковѣдѣнія, Гейзе. (перев.) Современный взглядъ на сравнит. языкознаніе. Изъ записокъ по рус. грамматикѣ А. А. Потебни. Публичныя лекціи по русск. народ. словесности. О. Ѳ. Миллера Много было переводныхъ статей изъ Лукіана Самосатскаго (переводъ съ греч). Современное состояніе романской филологіи. Практическія замѣтки о рус. синтаксисѣ. О частяхъ предложенія. Сравнительн. синтаксисъ имен., зват. и винит. падежей въ Санскр. зенд. греч., лат., нѣм., литов., лат. и славян. нарѣч. (обширное изслѣдованіе). По литературѣ, осо-

Дозволено Цензурой. Москва, 5 Марта 1897 г.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Открыта подписка на продолженіе изданія „Филологическихъ Записокъ" въ 1897 году.

Въ прошломъ году исполнилось 35-лѣтіе существованія нашего скромнаго провинціальнаго изданія, предпринятаго нами въ научныхъ интересахъ по языку и литературѣ. Область языкознанія широка и задачи далеко еще не исчерпаны; работъ впереди предстоитъ еще много. Разработка разныхъ вопросовъ, благодаря нашимъ почтеннымъ сотрудникамъ, мало по малу развивается, а потому учеными и компетентными лицами и педагогическимъ сословіемъ труды наши оцѣнены по достоинству. Съ своей стороны Редакція принимаетъ всевозможныя усилія доставлять больше нужныхъ матеріаловъ для развитія и разъясненія вопросовъ въ классныхъ занятіяхъ. Постоянные наши подписчики достаточно знакомы съ цѣлью, задачами и стремленіями и съ тѣми матеріалами и пособіями, какіе доставлялись и доставляются въ журналѣ, но для тѣхъ учебныхъ заведеній которымъ это изданіе или мало было извѣстно, или вовсе неизвѣстно, особенно вновь открытымъ, мы представимъ хотя сжатый перечень изданныхъ трудовъ. Такъ нами помѣщены были: Очерки изъ исторіи языкознанія.—Нѣсколько замѣтокъ о русск. правописаніи. Система языковѣдѣнія, Гейзе. (перев.) Современный взглядъ на сравнит. языкознаніе. Изъ записокъ по рус. грамматикѣ А. А. Потебни. Публичныя лекціи по русск. народ. словесности. О. Ѳ. Миллера Много было переводныхъ статей изъ Лукіана Самосатскаго (переводъ съ греч). Современное состояніе романской филологіи. Практическія замѣтки о рус. синтаксисѣ. О частяхъ предложенія. Сравнительн. синтаксисъ имен., зват. и винит. падежей въ Санскр. зенд. греч., лат., нѣм., литов., лат. и славян. нарѣч. (обширное изслѣдованіе). По литературѣ, осо-

бенно въ послѣднее время много было практическихъ статей, каковы—Двѣ статьи: I. Изученіе словесности въ нашихъ гимназіяхъ. II. Каковъ долженъ быть гимназическій учебникъ русской словесности? Объ изученіи исторіи просвѣщенія вообще и исторіи литературы въ особенности.—Отношеніе языка къ мысли.—О воспитательномъ значеніи сочиненій Пушкина. Взглядъ на личность и литературную дѣятельность Тургенева. Необходимъ ли вымыселъ въ поэтическомъ произведеніи? Баронъ А. А. Дельвигъ. Его жизнь и литературная дѣятельность,—Матеріалы для исторіи Пушкинскаго періода. Къ біографіи—А. С. Грибоѣдова. На могилѣ Великаго поэта. Разборы образцовъ художественныхъ произведеній нашихъ поэтовъ—Гоголя, Кольцова, Лермонтова въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ, какъ необходимыя упражненія для ознакомленія учащихся съ составомъ, значеніемъ и отличительными свойствами и оборотами словесныхъ произведеній.

Притомъ укажемъ на изданіе, какъ на практическое пособіе, выработанное г. Барсовымъ—„Методику“ подъ заглавіемъ „Живое слово“ для преподаванія рус. языка, изданное въ 3-хъ курсахъ, печатается и 4 й курсъ.—Наконецъ не можемъ не упомянуть о почтенномъ трудѣ “Къ ученію о русскомъ глаголѣ“ г. Добровскаго,—это громадный трудъ состоящій изъ 719 стр. съ 20 разными приложеніями и таблицами. Въ журналѣ помѣщались и помѣщаются даже цѣлые курсы напр.—„Грамматика“ Говорова,—„Краткій курсъ теоріи слога, прозы и поэзіи“ г. Брайловскаго.—Курсъ—„Теорія Словесности“, составленный Стефановскимъ, отличающійся научно-яснымъ изложеніемъ. Готовится также курсъ, какъ новый трудъ въ учебной литературѣ по словесности: „Очерки изъ современной поэтики“ въ связи съ логикой и психологіей, какъ разъясненіе взаимныхъ отношеній между произведеніями поэтическими и научными на почвѣ психологіи, чего у насъ, какъ болѣе важнаго въ дѣлѣ преподаванія теоріи словесности, недостаетъ.

Здѣсь считаемъ нужнымъ напомнить тѣмъ лицамъ учебнаго персонала, которыя или забыли, или совсѣмъ не знали о слѣдующемъ Циркулярномъ предложеніи Господина Министра Нар. Просв., отъ 24 января 1876 г. за № 1044, „коимъ предложено было Начальствамъ Учебныхъ Округовъ, „въ видахъ учебныхъ интересовъ, оказать содѣйствіе къ пріобрѣтенію „Филологическихъ Записокъ“ въ библіотеки по „всѣмъ вообще среднимъ учебнымъ заведеніямъ, не исключая „и уѣздныхъ училищъ“. А еще ранѣе Ученый Комитетъ предлагалъ Начальству учебныхъ заведеній войти въ соглашеніе съ Редакціей о пріобрѣтеніи Ф. З. и за первые годы.

Полагаемъ, что это предложеніе будетъ принято къ исполненію учебными заведеніями какъ обязательное.

Дозволено цензурой.
Москва, 23 Октября 1896.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.

ОЧЕРКИ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭТИКИ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ближайшее родство между научной областью и поэзіей.

I. Присутствіе процесса абстракціи въ конкретномъ творчествѣ поэта. Типы родственные съ абстракціями общими и единичными. Другія дѣленія литературныхъ типовъ.—II. Отношеніе литературныхъ типовъ къ людямъ жизни реальной.—III. Типическое изображеніе предметовъ пространственныхъ, событій и явленій природы. Давно ли въ европейской литературѣ стало преобладать типическое изображеніе жизни частныхъ людей.—IV. Интуитивность конкретнаго мышленія поэта и даже подневольность его творчества. Въ чемъ состоитъ при этомъ сознательная работа ума. Важность образованія и личнаго опыта для поэта. Проявленіе интуиціи въ мышленіи научномъ.—V. Различная цѣна конкретнаго творчества съ точки зрѣнія логики.—VI. Правда художественная и реальной жизни. Поэзія и исторія по взгляду Аристотеля.

Изъ предъидущей главы видно между прочимъ, что конкретное творчество поэта съ особою очевидностію и необходимостію должно проявляться въ дѣлѣ созданія типовъ.

Ученіе о литературныхъ типахъ можетъ быть сведено нами къ двумъ пунктамъ—къ выясненію а) родства ихъ съ научными абстракціями и б) отношеній ихъ къ людямъ жизни реальной.

Главная трудность въ вопросѣ объ абстрактномъ мышленіи поэта заключается однако не въ выясненіи тѣхъ свойствъ конкретнаго творчества, которыя обнаруживаютъ несомнѣнное родство мышленія поэта съ мышленіемъ человѣка науки, а въ иномъ: какъ происходитъ въ головѣ поэта процессъ абстракціи—такъ ли, какъ у ученаго? На этомъ пунктѣ мы и должны остановиться съ особымъ вниманіемъ въ настоящей главѣ. Но сначала выяснимъ первую задачу—о природѣ литературныхъ типовъ.

I.

1). Между типами и абстрактными образами родство есть несомнѣнное, близкое и притомъ очевидное, какъ нельзя болѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, основное свойство абстракцій всякаго рода, а въ томъ числѣ и тѣхъ, которыя составляютъ содержаніе любой науки, заключается въ томъ, что въ абстракціяхъ удерживаются нашимъ умомъ лишь нѣкоторые и притомъ немногіе признаки реальныхъ предметовъ по выбору этой аналитической способности человѣка: въ понятіяхъ «общихъ» умъ нашъ исключительно останавливается только на общихъ признакахъ, въ понятіяхъ «единичныхъ» онъ имѣетъ въ виду лишь важнѣйшіе, главные въ томъ или другомъ отношеніи. Все же остальное, чѣмъ обладаютъ предметы реальной дѣйствительности, т. е. неизмѣримо большее,—безчетное, можно сказать, число признаковъ, свойственныхъ этимъ предметамъ [27]),—остается, при возникновеніи абстрактныхъ образовъ въ головѣ человѣка, за бортомъ нашего сознанія или намѣренно игнорируется нашимъ умомъ.

---

[27]) Пусть читатель припомнитъ то, что сказалъ Гегель о томъ листѣ бумаги, на которомъ онъ писалъ свою работу въ данный моментъ.

Но при созданіи типовъ, т. е. въ творчествѣ конкретномъ, наблюдается точь-въ-точь такое же явленіе, что и въ мышленіи абстрактномъ (въ частности, научномъ).

Вѣдь «типы», если они дѣйствительно заслуживаютъ этого названія, состоятъ въ свою очередь только изъ важнѣйшихъ чертъ [28]). Мы уже видѣли, какъ поступаетъ истинный поэтъ-реалистъ (а не копировщикъ простой или фотографъ), когда принимается за изображеніе людей, его окружающихъ, которые по чему-либо заслужили его вниманія. Первое дѣло его—выбросить за бортъ своей работы все неважное и случайное, что заслоняетъ существенныя свойства характера, затѣмъ все фальшивое, напускное; а второе дѣло—заняться конкретной обрисовкой лишь выдающихся качествъ этого человѣка и притомъ истинныхъ. Чтобы качества эти выдвинуть изъ числа остальныхъ, ничуть не характеризующихъ или мало характеризующихъ изображаемое лицо (или ту группу людей, къ которой изображаемое лицо принадлежитъ по существеннымъ чертамъ своего характера), поэтъ самъ подыскиваетъ въ своемъ воображеніи, не особенно стѣсняясь реальными фактами, соотвѣтствующія сцены и положенія, причемъ преувеличеніе и контрасты являются самыми обычными пріемами поэтическаго воображенія [29]).

---

[28]) Слово «типъ», «типы» (отъ греч. τύπτω «бью») само уже намекаетъ на то, что въ характерахъ, съ которыми читатель имѣетъ дѣло въ поэзіи, «выбиты» съ особою отчетливостію или «отчеканены», какъ бы на камнѣ или на металлѣ, лишь главныя стороны лица; все прочее или опущено или, какъ на картинѣ, затушевано и отодвинуто на задній планъ. Намъ неизвѣстно, кто и когда выдумалъ это мѣткое слово; только въ сочиненіи Аристотеля «Περὶ ποιητικῆς» его еще не находимъ.

[29]) Объ этихъ пріемахъ въ главѣ пятой говоритъ Шербюлье (Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Соч. Виктора Ш., члена Французской Академіи.

Такимъ образомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ головѣ реальнаго поэта, рядомъ съ процессомъ созиданія конкретныхъ положеній и сценъ, происходитъ процессъ абстракціи, т. е. различенія важныхъ сторонъ отъ неважныхъ. Типъ—результатъ этой абстракціи. Это—«понятіе», облеченное въ плоть и кровь конкретныхъ сценъ и положеній (если и не вымышленныхъ всецѣло, то во всякомъ случаѣ значительно видоизмѣнившихся въ воображеніи поэта въ сравненіи съ положеніями реальными, которыя ближайшимъ образомъ дали толчокъ творческой дѣятельности художника).

Но не только реальный поэтъ, но и всякій другой,—въ томъ числѣ и поэтъ собирательный, т. е. толпа,—вольно или невольно подчиняется этому важнѣйшему закону поэтическаго творчества.

Напр. возьмемъ русскія народныя пѣсни про царя Ивана Грознаго: о томъ, какъ царь Иванъ бралъ Ка-

---

Перев. Калмыковъ. Спб. 1894).—Съ своей стороны вспомнимъ, въ какихъ большихъ героевъ,—конечно безъ всякаго намѣренія, въ силу свойствъ поэтическаго лишь вдохновенія,—авторъ «Слова о полку Игоревѣ» превратилъ мелкихъ русскихъ князей, въ извѣстномъ своемъ воззваніи къ нимъ, и во всей поэмѣ—самихъ участниковъ похода, несмотря на то, что эти послѣдніе и забраны были половцами въ плѣнъ. Этотъ гиперболизмъ у Гоголя встрѣчаемъ въ «Мертвыхъ душахъ», въ «Ревизорѣ», «Шинели», «Носѣ» и др. повѣстяхъ; у Стерна—въ «Тристрамѣ Шенди» особенно. У Шекспира въ свою очередь излюбленный пріемъ—контрасты, въ композиціи его трагедій (шуты и короли). Тотъ же пріемъ проходитъ чрезъ весь знаменитый рыцарскій романъ Сервантеса (Санхо-Панчо, какъ извѣстно, составляетъ рѣзкую противоположность Донъ-Кихоту); и гипербола въ свою очередь очень видное мѣсто занимаетъ у Сервантеса, не говоря уже о Шекспирѣ.—У Тэна, о типическомъ изображеніи въ искусствѣ, см. стрн. 2—35 (И. Тэнъ. Чтенія объ искусствѣ, пять курсовъ лекцій. Переводъ А. Н. Чудинова. Спб. 1889—Раньше этотъ переводъ труда И. Тэна печатался въ «Фил. Зап.» 1868, 1869 и 1871 годовъ.

знь, и о томъ, какъ Никита Романовичъ спасъ (будто бы) отъ смерти родного сына Грознаго. Въ этихъ пѣсняхъ царь выставленъ, какъ человѣкъ крайне мнительный и въ такой же степени вспыльчивый и раздражительный. Онъ грозенъ противъ своихъ враговъ, дѣйствительныхъ или воображаемыхъ, но отходчивъ въ гнѣвѣ, какъ только убѣждался, что его «прозрѣнія» невѣрны, и былъ способенъ къ глубочайшему раскаянію. Любилъ съ своими приближенными попировать (важнѣйшая черта эпическаго Владиміра),—вотъ и все, что народъ уловилъ изъ жизни царя «тирана», что отпечатлѣлось въ воображеніи толпы изъ всего столь долгаго царствованія (1533—1584) Іоанна Грознаго... Замѣчательно, что народъ при этой характеристикѣ царя не только не стремился воспользоваться историческими фактами, но и измѣнилъ послѣдніе *), чтобы только остаться вѣрнымъ тому понятію о громкой личности Ивана Васильевича, какое невѣдомыми для историковъ путями создалось раньше въ его умѣ [30]).

Или возьмемъ примѣръ изъ творчества Шиллера, поэта идеальнаго. Одна и та же главная мысль проходитъ у него и чрезъ трилогію «Валленштейнъ»—и чрезъ трагедію «Орлеанская дѣва». Эта мысль, несомнѣнно руководившая—сознательно или безотчетно-воображеніемъ поэта, характеризуется слѣдующими немногими чертами: народный герой (героиня), избранный Про-

*) Царевичъ Иванъ Ивановичъ былъ убитъ, какъ извѣстно. Другіе впрочемъ представляютъ себѣ дѣло такъ, что рѣчь въ пѣснѣ о Никитѣ Романовичѣ идетъ о Ѳедорѣ Іоанновичѣ, котораго братъ Иванъ на пиру передъ отцомъ изобличалъ въ измѣнѣ.

[30]) Конкретная характеристика Грознаго, сдѣланная толпою, отнюдь не напоминаетъ той, какую даютъ русскіе историки, напр. Карамзинъ. Она въ то же время разностороннѣе, чѣмъ та, которая остается въ умѣ читателя послѣ прочтенія довольно объемистой трагедіи Алексѣя Толстого: «Смерть Іоанна Грознаго».

мысломъ Божіимъ для подвиговъ на общее благо, до тѣхъ поръ успѣваетъ въ своихъ начинаніяхъ, пока отстраняетъ отъ себя всякія поползновенія къ личному счастію, до котораго народу нѣтъ дѣла; но какъ только онъ станетъ повиноваться внушенію голоса своекорыстнаго блага и личныхъ страстей, успѣхъ немедленно его покидаетъ и онъ самъ погибнетъ. Къ этой общей идеѣ приноровлено все конкретное содержаніе упомянутыхъ обширныхъ піесъ поэта-романтика. Что содѣйствуетъ раскрытію этой абстрактной мысли [31]), или что не препятствуетъ, по крайней мѣрѣ, видѣть ее читателямъ, Шиллеръ внесъ въ свои трагедіи. Только то опустилъ онъ—тѣ случаи, историческіе факты и преданія, которые не имѣли никакого отношенія къ его главной мысли или ей противорѣчили.

О томъ, какъ происходитъ этотъ процессъ абстракціи въ умѣ поэта при конкретномъ его мышленіи, мы говоримъ ниже. Теперь же будемъ далѣе разъяснять родство творчества поэта съ творчествомъ научнымъ.

2) Типы, съ точки зрѣнія логики, можно всѣ раздѣлить на общіе и единичные, подобно и научнымъ абстрактнымъ образамъ. Къ общимъ принадлежатъ типы бытовые и психологическіе, тогда какъ историческіе, въ истинномъ смыслѣ этого слова, по большей части являются родственными абстракціямъ единичнымъ.

а) Бытовые типы, въ противоположность психологическимъ, являются продуктомъ болѣе или менѣе внѣшнихъ условій жизни общества, сословія или другой какой-либо среды. Къ этимъ условіямъ принадлежатъ прежде всего издавна установившіеся обычаи и воззрѣнія на жизнь, господствующія въ этой средѣ; затѣмъ—матеріальная обезпеченность, степень образова-

---

[31]) Что успѣхъ покидаетъ народнаго героя дѣйствующаго въ своихъ интересахъ, эта первая половина идеи Шиллера выражена также и въ Иліадѣ (ссора Ахилла съ Агамемнономъ изъ-за Бризеиды).

нія, воспитаніе извѣстнаго рода, сословныя права, родъ занятій и проч. И само собою разумѣется, что сходныя условія жизни плодятъ и похожихъ другъ на друга людей. Поэтъ бытописатель улавливаетъ общія черты, роднящія между собою цѣлую группу людей или даже все общество въ извѣстную эпоху, и въ конкретномъ выраженіи отпечатлѣваетъ эти черты на жизни и судьбѣ одного человѣка—героя романа, повѣсти, драмы и проч. Обрисованный такимъ образомъ человѣкъ явится уже въ полномъ смыслѣ слова представителемъ своей среды и получитъ, конечно, большую важность въ дѣлѣ ознакомленія читателей съ цѣлою категоріей людей.

Бытовые типы—самые распространенные въ литературѣ каждаго европейскаго народа. У насъ въ XVIII в. ихъ рисовалъ уже Кантемиръ, потомъ императрица Екатерина II, Фонъ-Визинъ, Капнистъ. Въ XIX вѣкѣ— Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Писемскій, Печерскій (псевдонимъ), Григоровичъ Д. Г. Успенскій, В. И. Немировичъ-Данченко, П. Д. Боборыкинъ, г.г. Короленко, Потапенко, Шпажинскій и мн. др.

— Господъ Евгеніевъ Онѣгиныхъ, напримѣръ, среди дѣтей русскихъ помѣщиковъ было множество въ свое время. Ихъ отцы, обезпеченные матеріально, привыкли смотрѣть на жизнь, какъ на чашу наслажденія и чувственныхъ удовольствій, болѣе или менѣе скрашенныхъ приличіями богатой среды,—тѣ же воззрѣнія они передали и своимъ дѣтямъ, отчасти примѣромъ личной жизни, отчасти чрезъ извѣстнаго рода воспитаніе.— И Ленскій Владиміръ, съ своимъ туманнымъ идеализмомъ и полнымъ незнаніемъ практической жизни, отнюдь не былъ исключеніемъ въ началѣ XIX вѣка (до сороковыхъ годовъ приблизительно). Ленскихъ впрочемъ несомнѣнно было меньше, чѣмъ Онѣгиныхъ. Изъ обезпеченныхъ сословій меньше ѣздило русской молодежи за границу, въ Германію, чтобы слушать профессоровъ въ томъ или другомъ нѣмецкомъ университетѣ, гдѣ тогда не только поэзія, но философія и историческія науки

были проникнуты духомъ романтизма. Одною же изъ характерныхъ чертъ тогдашняго нѣмецкаго романтизма было презрительное отношеніе къ людямъ сѣрой дѣйствительности, которые не удостоивались даже вниманія со стороны истыхъ романтиковъ. Вотъ за это то невѣдѣніе практической жизни романтики жестоко платились, такъ какъ жизнь эта нерѣдко била ихъ наповалъ или, въ болѣе благопріятномъ случаѣ, всѣ ихъ фантазіи обращала въ нуль *).—Объ общемъ характерѣ бытовыхъ типовъ Грибоѣдова, Гоголя, Гончарова, Островскаго, Тургенева и говорить нечего: многіе изъ нихъ и до сихъ поръ сохраняютъ вполнѣ свое прежнее значеніе въ дѣлѣ сортированія людей, среди которыхъ мы теперь живемъ. Названія—Собакевичъ, Маниловъ, Молчалинъ, Фамусовъ, Подхалюзинъ, Обломовъ, Рудинъ—до сихъ поръ употребляются въ значеніи надписей или ярлыковъ, обозначающихъ ту или другую категорію людей, порождаемыхъ главнымъ образомъ именно внѣшними условіями, господствующими въ соотвѣтствующей средѣ,—условіями, болѣе или менѣе похожими на тѣ, которыя произвели героевъ Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго, Тургенева и Гончарова.

б) Типы психологическіе представляющіе конкретную обрисовку людей со стороны ихъ страстей и главныхъ свойствъ души, лежащихъ въ основѣ ихъ характера, принадлежатъ тоже къ числу «общихъ» типовъ. Дѣйствіе страстей и темпераментовъ извѣстнаго рода всегда проявляется въ болѣе или менѣе сходныхъ поступкахъ и въ болѣе или менѣе сходномъ отношеніи къ людямъ окружающей среды.

Возьмемъ напр. чувство любви, безъ которой, какъ извѣстно, не обходится ни одинъ романъ, а драма только очень рѣдкая. Истинная любовь, какъ аффектъ, нерѣдко заставляетъ всецѣло жертвовать собою въ пользу любимаго человѣка: тогда ей чужды всякіе страхи,

---

*) Припомнимъ размышленія автора романа по поводу смерти Ленскаго.

кромѣ развѣ страха за милаго или милую... Такъ любили другъ-друга Шекспировскіе герои Ромео и Юлія, Гемонъ Софокловъ—Антигону, Соня Мармеладова—несчастнаго студента Раскольникова, Елена—Болгарина Инсарова и Анна Каренина—кавалериста, дворянина Вронскаго. Всѣ эти люди, охваченные аффектомъ любви, становятся очень похожи другъ на друга, несмотря на глубокое различіе положеній, націй и эпохъ. Или возьмемъ въ примѣръ аффектъ властолюбія. Жертвою этой страсти сдѣлались между прочимъ Шекспировскій Макбетъ и Борисъ Годуновъ Пушкина. Ослѣпленные ею, тотъ и другой измѣняютъ вѣнценосному роду, ихъ облагодѣтельствовавшему, которому раньше оба служили не только вѣрно, но и любовно; оба прокладываютъ себѣ дорогу къ престолу кровавыми преступленіями; оба терпятъ потомъ сильныя угрызенія совѣсти, доходя до галлюцинацій (Борису мерещились въ его глазахъ тоже «мальчики кровавые», какъ тѣнь Банко Макбету), и наконецъ, оба, поглощенные внутреннею борьбою и ею измученные, становятся неспособны бороться съ внѣшними препятствіями такъ энергично, какъ прежде, и погибаютъ.

Само собою разумѣется, психическія свойства, не только отдѣльныхъ лицъ, иногда сословій, но даже цѣлаго поколѣнія и народа—тоже вѣдь зависятъ въ большей или меньшей степени, а иногда всецѣло отъ внѣшнихъ условій жизни. Различіе типовъ психологическихъ отъ бытовыхъ, значитъ, ужъ не такое большое, чтобы тѣ и другія не имѣли точекъ соприкосновенія. Это различіе чисто относительное: поэтъ психологъ главное свое вниманіе при изображеніи жизни лица обращаетъ на то, что творится въ его душѣ, тогда какъ наоборотъ поэтъ бытописатель—преимущественно на то, какія обстоятельства внѣшнія обусловили ту или другую судьбу человѣка. Иногда даже очень трудно бываетъ рѣшить вопросъ, какъ назвать извѣстный литературный типъ, психологическимъ или бытовымъ, такъ какъ авторъ, создавшій его, одинаково хорошо обри-

созвадъ жизнь дѣйствующаго лица съ той и другой стороны.

в) Многіе типы историческіе и пожалуй большинство, относятся уже не къ общимъ, а къ единичнымъ абстракціямъ, съ точки зрѣнія логики.

Поэтъ историкъ, въ истинномъ значеніи этого слова, можетъ задаваться, именно двоякою цѣлію, когда беретъ свой сюжетъ изъ жизни минувшей эпохи: онъ хочетъ или выяснить характеръ извѣстнаго дѣятеля въ существенныхъ чертахъ или познакомить читателя не столько съ отдѣльною личностью, сколько съ самою эпохою, съ ея отличительными чертами бытовыми и даже психическими. Въ первомъ случаѣ, конечно, въ результатѣ получится изображеніе одного человѣка, который будетъ интересовать насъ, какъ и автора, самъ по себѣ, отдѣльно взятый. Во второмъ случаѣ, наоборотъ, герой можетъ быть измышленъ поэтомъ, какъ говорится, съ ногъ до головы—съ тою цѣлію, чтобы смѣлѣе можно было, не боясь повѣрки со стороны большинства читателей, знающихъ исторію, наложить на него извѣстный отпечатокъ эпохи, къ которой поэтъ отнесъ своего героя.

Когда Пушкинъ рисовалъ Бориса Годунова, слѣдуя Карамзину, онъ, конечно, имѣлъ въ виду прежде всего познакомить читателя именно лишь съ этимъ любопытнымъ дѣятелемъ русской исторіи: Борисъ Годуновъ, значитъ, судя по явному намѣренію автора драмы, прежде всего типъ историческій, а потомъ уже психологическій и отчасти бытовой. Дать единичную абстракцію (понятіе) у Пушкина было на первомъ планѣ при изображеніи Бориса. Та же цѣль руководила имъ, когда онъ рисовалъ своего Григорія Отрепьева и Пугачева въ «Капитанской дочкѣ». Подобно Пушкину и А. Толстой предпринялъ такую же задачу въ своей трилогіи: «Смерть Іоанна Грознаго», «Царь Ѳеодоръ» и «Царь Борисъ», причемъ А. Толстому удалось выполнить свое предпріятіе несравненно строже и вѣрнѣе, съ точки зрѣнія историческихъ данныхъ, чѣмъ Пушкину, кото-

рый Пугачева обрисовадъ слишкомъ наивно, а Отрепьева хотя и весьма правдоподобно, но тѣмъ не менѣе наугадъ (точныхъ свѣдѣній о личности этого самозванца сохранилось весьма мало въ русской исторіи).

Въ оперѣ Бородина «Князь Игорь» намѣреніе автора текста явно было иное, чѣмъ напр. у А. Толстого: зритель на представленіи этой піесы интересуется главнымъ образомъ особенностями быта русскихъ и половцевъ XII вѣка, а не личною судьбою малоизвѣстныхъ и ничѣмъ особенно не выдававшихся участниковъ похода противъ половцевъ. Еще въ большей степени такая манера рисовать минувшее время свойственна была шотландцу по происхожденію, Вальтеру Скотту, которому между прочимъ подражалъ и нашъ писатель Лажечниковъ («Ледяной домъ», «Послѣдній новикъ» и др.).

Что касается Шекспира, который такъ любилъ брать сюжеты для своихъ драматическихъ піесъ изъ исторіи,—какъ англійской, такъ и другихъ европейскихъ народовъ,—то его нельзя отнести къ поэтамъ историкамъ: это былъ глубокій психологъ своего вѣка, слишкомъ здороваго физически и бурнаго психически, какъ Достоевскій нашего вѣка – изломаннаго, нервнаго, больного. Для Шекспира историческія имена королей, принцевъ, королевъ, полководцевъ, Цезарей, патриціевъ—были только предлогомъ, чтобы сильнѣе тронуть любопытство зрителей при изображеніи дѣйствія страстей. По произведеніямъ Шекспира никакой исторіи, конечно, изучать нельзя, какъ и по произведеніямъ Достоевскаго, который вовсе не бралъ историческихъ сюжетовъ: но оба они великіе мастера разгадывать душу людей своего времени. Въ этомъ отношеніи Достоевскій достоинъ сравненія съ корифеемъ европейской драмы, Вильямомъ Шекспиромъ, и результаты этого сравненія были бы глубоко поучительны и важны для исторіи психологіи народовъ Европы [32]).

---

[32]) Мрачный философъ Ницше, зовущій современную христіанскую Европу къ соціальнымъ принципамъ древнихъ

Примѣчаніе 1. Въ почвы логики существуютъ еще и другія дѣленія литературныхъ типовъ. Именно, сверхъ указанныхъ нами трехъ категорій типовъ, критики изящной словесности различаютъ еще слѣдующіе:

г) Типы положительные и д) отрицательные. Это съ точки зрѣнія нравственно воспитательной. Положительные типы тѣ, которые могутъ служить намъ образцомъ въ какомъ-нибудь отношеніи и возбуждаютъ къ себѣ нашу симпатію, отрицательные наоборотъ внушаютъ антипатію. Эта точка зрѣнія господствовала и съ особою послѣдовательностію приводилась къ ложноклассическихъ комедіяхъ императрицы Екатерины II, Фонвизина и Капниста.

е) Идеальные и ж) реальные. О нихъ шла рѣчь раньше. Основаніемъ этого дѣленія служитъ отношеніе изображаемыхъ въ поэзіи дѣйствующихъ лицъ къ людямъ «сѣрой» дѣйствительности. Не всѣ идеальные типы, съ которыми читатель имѣетъ дѣло въ поэзіи, возбуждаютъ нашу симпатію: есть идеальные злодѣи, которыхъ въ жизни трудно замѣтить (у Сумарокова Димитрій Самозванецъ. Они часто попадаются у В. Гюго, между прочимъ въ Nontre Dame de Paris). Наоборотъ, сплошь и рядомъ типы реальные не только не внушаютъ къ себѣ антипатіи, но являются положительно симпатичными въ глазахъ читателя, какъ напр. Лаврецкій въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» Тургенева, Наталья Ростова въ «Войнѣ и мирѣ» Л. Толстого и мн. др.

грековъ и римлянъ, во имя улучшенія человѣческой породы, несомнѣнно былъ близко знакомъ какъ съ Шекспиромъ съ одной стороны, такъ и съ нашимъ Достоевскимъ — съ другой. О философіи Ницше (въ концѣ жизни сошедшемъ съ ума), см. между прочимъ мастерски написанную критическую статью В. Преображенскаго въ «Вопросахъ философіи и психологіи» (Фридрихъ Ницше. Критика морали альтруизма), кн. 15. 1892.—О времени Шекспира и нашей эпохѣ см. также у Г. Тэна въ исторіи англійской литературы, т. I, стрн. 209 etc., 360 etc., 365 etc.

з) Субъективные и и) объективные. Это дѣленіе основывается на отношеніи типовъ къ личности самого автора. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, у котораго мы заимствуемъ это дѣленіе [33]), такъ характеризуетъ творчество объективное и субъективное: «Объективнымъ я называю такое творчество, которое преимущественно (въ своихъ лучшихъ созданіяхъ) направлено на воспроизведеніе типовъ, натуръ, характеровъ, умовъ и т. д., болѣе или менѣе чуждыхъ или даже противоположныхъ личности художника. Создавая такіе образы, художникъ отправляется не отъ себя. Субъективнымъ я называю такое творчество, которое преимущественно (въ своихъ лучшихъ созданіяхъ) направлено на воспроизведеніе типовъ, натуръ, характеровъ, умовъ и т. д. болѣе или менѣе близкихъ, родственныхъ или даже тожественныхъ личности самого художника. Создавая такіе образы, художникъ отправляется отъ себя.—Геніальнымъ представителемъ такого субъективнаго творчества служитъ Левъ Толстой. Однимъ изъ величайшихъ представителей творчества объективнаго является Тургеневъ». Съ своей стороны мы укажемъ на Байрона, какъ на самого субъективнаго изъ всѣхъ поэтовъ Европы, а на Гете, какъ на самаго объективнаго изъ нихъ.

і) Національные и к) антинаціональные. Дѣленіе основано на отношеніи типовъ къ жизни той націи, къ которой поэтъ ихъ отнесъ. «Скупой Рыцарь» Пушкина, несмотря на то, что самъ авторъ—русскій, тѣмъ не менѣе остается піесою національною (съ точки зрѣнія нѣмецкой дѣйствительности), потому что Пушкинъ умѣлъ хорошо постигнуть жизнь средневѣковаго рыцаря. Самъ Шиллеръ не лучше бы воспроиз-

---

[33]) Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева, стрн. 2. Харьковъ 1896. Рекомендуемъ всякому, кто интересуется вопросами о природѣ поэтическаго творчества, прочесть эту весьма содержательную книгу, съ философскимъ освѣщеніемъ затронутыхъ въ ней вопросовъ (и, добавимъ, оптимистически философскимъ).

велъ эту жизнь *). Но вотъ Лермонтовъ, начитавшійся Байрона и обожавшій Пушкина, поскольку этотъ последній подражалъ Байрону, не былъ поэтомъ русской действительности въ большей части своихъ поэмъ и въ известномъ романе «Герой нашего времени» (где лишь Максимъ Максимычъ является вполне реальнымъ лицомъ). Впрочемъ, подобно тому какъ следуетъ различать многія степени субъективности и объективности въ деле созданія типовъ поэтомъ, такъ точно бываютъ и различныя степени нарушенія началъ народности въ томъ же деле. Несомненно, что въ байроническихъ типахъ Лермонтова есть и черты чисто-русскія людей его времени; но эти черты, по большей части второстепенныя, а главныя, въ приложеніи къ русской жизни, являются не типичными, а случайными.

л) Аллегорическіе и м) прямые. Первые господствуютъ, какъ известно, въ искусственномъ животномъ эпосе: въ поэмахъ («Лиса Рейнеке» Гете, «Собаки» Полонскаго), въ повестяхъ («Война мышей и лягушекъ»; «О томъ, какъ мыши кота хоронили»), басняхъ и сказкахъ. Въ настоящее время аллегорически толкуютъ и героевъ русскихъ былинъ, напр. Соловья-Разбойника, Идолище Поганое, Жидовина и др., хотя несомненно самъ народъ, создававшій былины, никакой зад-

---

*) Изъ поэтовъ Европы никто не владелъ въ такой степени даромъ проникновенія въ жизнь другихъ народовъ, какъ Гете. Объ этомъ, между прочимъ, см. у Шевырева, Теорію поэзіи, стрн. 201—205. Шекспиръ же, хотя и бралъ сюжеты изъ исторіи другихъ націй, но влагалъ въ действующихъ лицъ качества более англичанъ, чемъ иноплеменниковъ. Шекспиръ, значитъ, былъ геній объективный въ пределахъ своей націи и преимущественно своего века. Въ этой все-таки чрезвычайно многолюдной сфере людскихъ характеровъ, онъ умелъ прекрасно проникать въ душу своихъ современниковъ, отчасти и историческихъ деятелей прошлой жизни Англіи. Есть, вообще, различные степени субъективности и объективности въ художественномъ творчестве. Это надо иметь въ виду.

ней цѣли не имѣлъ, а вѣрилъ въ существованіе подобныхъ созданій своей фантазіи буквально.

Наконецъ, въ соотвѣтствіе группѣ историческихъ типовъ надобно признать и другую—н) типы современные, т. е. взятые поэтомъ изъ жизни ему современной. Такъ напр. Евгеній Онѣгинъ, несмотря на то, что относится къ эпохѣ, давно пережитой уже русскими помѣщиками, долженъ однако быть признанъ романомъ современнымъ (съ точки зрѣнія жизни самого автора).

Итакъ, значитъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія, всего можно различать четырнадцать группъ типовъ.

Примѣчаніе 2. Надобно имѣть въ виду, что абстрактный смыслъ всякаго рода типовъ, особенно же общаго характера, т. е. родственныхъ съ общими абстракціями, можетъ открывать лишь болѣе или менѣе развитой читатель или опытный въ жизни человѣкъ. Но очень многіе изъ читателей и читательницъ романовъ, повѣстей, драмъ не доискиваются этого смысла и даже не подозрѣваютъ его. Имъ кажется, что типы литературные ничѣмъ не отличаются отъ людей реальной жизни [34]).

II.

И немудрено. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, типы, несмотря на свое столь близкое родство съ абстрактными образами, остаются живыми людьми—благодаря тому, конечно, обстоятельству, что важныя или общія стороны ихъ не просто отмѣчаются поэтомъ въ двухъ, трехъ или нѣсколькихъ десяткахъ строкъ, а облечены въ кон-

---

[34]) Чѣмъ больше испыталъ человѣкъ въ жизни и чѣмъ больше у него изощрилась наблюдательность, способность понимать людей, тѣмъ больше удовольствія и наслажденія доставитъ ему ознакомленіе съ творчествомъ выдающихся или знаменитыхъ поэтовъ.

кретные факты, въ конкретныя дѣйствія, сцены, положенія, причемъ иные поэты умѣютъ превосходно изображать и то, что творится на душѣ дѣйствующихъ лицъ.

Отвлеченная характеристика типовъ не производится поэтомъ, который часто ихъ самъ не понимаетъ (см. ниже), а должна быть производима самимъ читателемъ, такъ что абстрактное пониманіе типовъ идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и пониманіе людей реальной жизни, т. е. на основаніи отдѣльныхъ фактовъ и дѣйствій *).

Только пониманіе людей по поэтическимъ произведеніямъ дается читателю несравненно легче, чѣмъ по непосредственному наблюденію его надъ людьми реальной жизни, такъ какъ истинный поэтъ — лучшій знатокъ жизни людской. Притомъ же читатель избавленъ отъ намѣреннаго обмана и всякой лжи; все лишнее, что заслоняетъ важнѣйшія черты характера, заботливо опущено поэтомъ напередъ; все, что заслуживаетъ особаго вниманія, наоборотъ, обрисовано ясно и отчетливо, часто даже гиперболически; наконецъ, что имѣетъ особенную высокую цѣнность для пониманія людей, — ихъ психическая сторона, жизнь сердца — мысли, чувства, думы, намѣренія, надежды, какъ бы они ни были секретны, — съ такою искренностію и откровенностію поэтомъ выставляются наружу, какой вы навѣрное не встрѣтите ни въ комъ изъ людей васъ окружающихъ, — ни среди вашихъ родныхъ, ни среди лучшихъ вашихъ друзей и пріятелей.

Недаромъ русская пословица гласитъ, что для того, чтобы хорошо раскусить человѣка, надобно вмѣстѣ съ нимъ «пудъ соли съѣсть» (разумѣется въ дружескихъ

---

*) Манера абстрактной обрисовки типовъ, въ свою очередь, ни у кого изъ писателей не была развита до такой высокой степени, какъ у Лабрюйера, французскаго писателя VII—VIII в. (см. его характеры въ Пантеонѣ литературы русс. перев. 1889 г.).

бесѣдахъ за столомъ). Обыкновенному человѣку, даже не лишенному наблюдательности и опыта жизни, это пониманіе людей, съ которыми мы вступаемъ въ извѣстныя отношенія, дѣйствительно, дается не легко и далеко не сразу: кому изъ насъ не приходилось обманываться въ людяхъ послѣ долгаго знакомства? Вспомнимъ также, что Евгенія Онѣгина то общество, въ которомъ онъ жилъ, такъ и не поняло; что Чичиковъ, несмотря на всѣ свои крайне некрасивыя продѣлки и ничтожность натуры, въ глазахъ огромнаго большинства людей съумѣлъ сохранить репутацію благороднаго господина и проч. и проч.

Впрочемъ не всегда дается легко и разгадываніе нѣкоторыхъ (правда, очень немногихъ) литературныхъ типовъ. Мы уже говорили о томъ, что Шекспировскій Гамлетъ породилъ въ Европѣ цѣлую критическую литературу, и что всякій талантливый артистъ умѣетъ своею игрою дать болѣе или менѣе своеобразное истолкованіе дѣйствующаго лица той или иной піесы, не измѣняя ея текста. Значитъ и тѣ субъекты, которые обрисованы въ поэзіи, подобно людямъ реальной дѣйствительности, могутъ вызывать о себѣ въ публикѣ различныя мнѣнія и, главное,—не только среди однихъ людей неопытныхъ или малоразвитыхъ, но и спеціалистовъ, знатоковъ своего дѣла.

III.

Къ тому, что нами сказано о типическомъ изображеніи, слѣдуетъ добавить, что типически поэтъ обрисовываетъ не только людей, но и событія, явленія природы, происшествія и случаи, мѣстности и предметы неодушевленные.

Въ этомъ случаѣ поэтъ улавливаетъ въ событіяхъ и предметахъ пространственныхъ тѣ стороны, которыя способны произвести на человѣка наиболѣе сильное впечатлѣніе, и эти стороны, какъ важнѣйшія съ его точки зрѣнія, художникъ рисуетъ съ особою выпук-

лостію и яркостію, нерѣдко выражая при этомъ и свое душевное настроеніе, т. е. тѣ чувства, мысли и думы, которыя эти стороны предмета возбудили въ его душѣ.

Образцомъ такого рода типическаго изображенія природы можетъ служить полный глубокаго смысла разсказъ Тургенева «Поѣздка въ Полѣсье» [35]). Такимъ же образцомъ типической обрисовки извѣстной мѣстности можетъ служить и коротенькое стихотвореніе Пушкина «Кавказъ», вызывающее въ читателѣ уже не мысль о ничтожествѣ человѣка передъ вѣчной стихіей, какъ у Тургенева въ упомянутомъ разсказѣ (а также въ повѣстяхъ «Довольно» и «Призраки»), а настроеніе жизнерадостное, вызванное сознаніемъ преимуществъ человѣка, какъ существа свободнаго и мыслящаго, надъ грозной и дико-величественной, но бездушной мертвой природой Кавказа.

Примѣч. Надобно замѣтить, что типическое изображеніе отдѣльныхъ людей, особенно частной жизни людей обыкновенныхъ, стало господствовать въ европейской литературѣ сравнительно не очень давно,—съ тѣхъ поръ, когда христіанство, возвеличившее личность каждаго человѣка въ отдѣльности (его тѣло—«храмъ Божій», т. е. вмѣстилище между прочимъ и богоподобныхъ качествъ. Срав. оду Державина «Богъ»),—пустило глубокіе корни въ жизнь народовъ Европы [36]). Раньше личность стушевывалась въ толпѣ или въ цѣломъ народѣ. Поэтому въ языческой литературѣ, и въ частности въ поэзіи древнихъ грековъ, все вниманіе обращалось на самыя событія, имѣющія общенародное значеніе, и на героевъ этихъ событій, т. е. богатырей, потомъ царей, полководцевъ и т. п. Оттого у всякаго народа въ періодъ доисторическій господствовалъ эпосъ богатырскій. Человѣкъ обыкновенный вовсе не удоста-

35) Томъ III. Карлсруэ, 1865.

36) Въ XVI вѣкѣ романъ у испанцевъ былъ уже въ большомъ ходу.

ивался вниманія *), да и личная жизнь самихъ героевъ народныхъ отражалась въ поэзіи настолько, насколько обстоятельства этой жизни и извѣстныя качества героя были важны съ точки зрѣнія общенародныхъ интересовъ. Недаромъ Иліада начинается изображеніемъ ссоры Ахилла съ Агамемнономъ, вызванной ихъ личными счетами между собою (изъ за Бризеиды): эта ссора задержала взятіе Трои на много лѣтъ и была причиною гибели множества ахейцевъ. Недаромъ, далѣе, въ русскихъ былинахъ разсказывается подробно объ исцѣленіи Ильи Муромца: вѣдь только это событіе дало возможность впослѣдствіи богатырю Ильѣ совершить рядъ подвиговъ на пользу русскаго народа.... При такомъ взглядѣ на личность, болѣе или менѣе обстоятельная обрисовка частной жизни литературныхъ типовъ должна была отсутствовать какъ въ поэзіи безъискусственной у народовъ Европы, такъ и вообще во всей поэзіи языческой. Исключенія рѣдки. Все вниманіе привлекало къ себѣ событіе и оно то типическими чертами и обрисовывалось въ народныхъ поэмахъ, былинахъ. Рядомъ съ этимъ въ той же поэзіи встрѣчаются и прекрасныя описанія природы.

IV.

Теперь перейдемъ къ одному изъ самыхъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ, касающихся художественнаго творчества,—именно, къ вопросу о томъ, какъ совершается въ головѣ поэта процессъ абстракціи,—тѣмъ ли путемъ, какъ у труженика науки, который всякій свой

*) Онъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ у грековъ и римлянъ только въ сатирахъ и комедіяхъ, значитъ—интересовалъ древняго поэта лишь своими отрицательными сторонами. Объективнаго же непредвзятаго и всесторонняго воспроизведенія жизни частныхъ людей вы не встрѣтите въ литературѣ римской или греческой,—на подобіе того, какое находимъ въ современномъ романѣ.

шагъ повѣряетъ, когда обдумываетъ тотъ или другой вопросъ, или путемъ инымъ. Первое слово при рѣшеніи этого вопроса предоставимъ поэту.

а). И. А. Гончаровъ въ одной изъ своихъ статей [37]) слѣдующими словами характеризуетъ свое творчество:

«Обращаюсь къ любопытному процессу сознательнаго и безсознательнаго творчества. Я о себѣ прежде всего скажу, что принадлежу къ послѣдней категоріи, т. е. увлекаюсь, больше всего (какъ это замѣтилъ обо мнѣ Бѣлинскій)—своею способностію рисовать».

«Рисуя, я рѣдко знаю въ ту минуту, что значитъ мой образъ, портретъ, характеръ; я только вижу его живымъ передъ собою и смотрю, вѣрно ли я рисую, вижу его въ дѣйствіи съ другими—слѣдовательно, вижу сцены и рисую этихъ другихъ, иногда далеко впереди по плану романа, не предвидя еще вполнѣ, какъ вмѣстѣ свяжутся всѣ, пока разбросанныя въ головѣ, части цѣлаго. Я спѣшу, чтобы не забыть, набрасывать сцены, характеры на листкахъ, клочкахъ—и иду впередъ какъ будто ощупью, пишу сначала вяло, неловко, скучно (какъ начало въ Обломовѣ и Райскомъ), и мнѣ самому бываетъ скучно писать, пока вдругъ не хлынетъ свѣтъ и не освѣтитъ дороги, куда мнѣ идти. У меня всегда есть одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ: онъ-то и ведетъ меня впередъ—и по дорогѣ я нечаянно захватываю, что попадется подъ руку, т. е. что близко къ нему. Тогда я работаю живо, бодро, руки едва успѣваетъ писать, пока опять не упрусь въ стѣну. Работа между тѣмъ идетъ въ головѣ, лица не даютъ покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ, я слышу отрывки ихъ разговоровъ—и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ около меня и мнѣ только посмотрѣть и вдумываться.

[37]) «Лучше поздно, чѣмъ никогда». Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова. Спб. 1862. Томъ VIII.

«Мнѣ, напр., прежде всего бросался въ глаза лѣнивый образъ Обломова — въ себѣ и другихъ — и все ярче и ярче выступалъ передо мною. Конечно, я инстинктивно чувствовалъ, что въ эту фигуру мало по малу вбираются элементарныя свойства русскаго человѣка, — и пока этого инстинкта довольно было, чтобы образъ былъ вѣренъ характеру.

«Если бы мнѣ тогда сказали все, что Добролюбовъ и другіе и, наконецъ, я самъ потомъ нашли въ немъ, — я бы повѣрилъ, а повѣривъ, сталъ бы умышленно усиливать ту или другую черту — и конечно испортилъ бы: вышла бы тенденціозная фигура! Хорошо, что я не вѣдалъ, что творю»... (стран. 209—210).

Изъ этой откровенной исповѣди нашего поэта видно, что его творчество шло безотчетно, непреднамѣренно, само собою; главный мотивъ велъ его впередъ, связывая другіе образы, которые казались поэту не порожденіемъ его собственной фантазіи, а какъ бы существующими внѣ его; онъ вглядывался въ эти образы и рисовалъ ихъ, рисовалъ все вообще, что попадалось подъ руку, самъ не зная пока, что изъ этого выйдетъ.

Но этого мало. Тэнъ, характеризуя Шекспира, гораздо глубже вводитъ читателя въ процессъ познанія поэтомъ людей и предметовъ мертвой природы. Вотъ его слова:

«У Шекспира былъ *симпатичный геній*. Я хочу этимъ сказать, что Шекспиръ умѣлъ по натурѣ отрѣшаться отъ самого себя и превращаться въ каждый предметъ, который желалъ представить. Взгляните вокругъ себя на великихъ художниковъ, постарайтесь сблизиться съ ними, войти въ ихъ интимную жизнь, посмотрѣть, какъ они думаютъ, и вы поймете тогда всю силу этого слова. По какому-то *необъяснимому инстинкту* они съ перваго же раза ставятъ себя на мѣсто того, что намѣрены изображать, — на мѣсто людей, животныхъ, растеній, цвѣтовъ, пейзажей. Каковы бы ни были предметы, одушевленные или неодушевленные, но художникъ, вслѣдствіе какого-то отраженія вне-

чатлѣній, чувствуетъ силы и стремленія видимой природы и его до безконечности сложная душа обращается въ родъ микроскопической вселенной отъ безпрерывныхъ превращеній. Вотъ причина, почему они, повидимому, живутъ долѣе прочихъ людей: *имъ нѣтъ надобности учиться; они угадываютъ.* Мнѣ случалось встрѣчать такихъ между ними, которые *по одному вооруженію, костюму, старинной меблировкѣ* проникали въ жизнь Среднихъ Вѣковъ гораздо глубже, *чѣмъ трое ученыхъ, изучавшихъ ее досконально.* Они *возсоздаютъ также, какъ вновь творятъ, — натурально, навѣрняка, по вдохновенію, которое можно назвать окрыленнымъ разсудкомъ.* Шекспиръ получилъ полуобразованіе, зналъ немножко по-латыни и не зналъ вовсе по-гречески, почти тоже по-французски и по-итальянски — и больше ничего. Онъ не путешествовалъ, читалъ только сочиненія текущей литературы, подобралъ нѣсколько техническихъ словъ науки о правѣ въ судейской канцеляріи своего городка. А между тѣмъ, взвѣсьте-ка, если можете, все, что онъ зналъ по части человѣка и исторіи. Люди, подобные ему, видятъ понѣсколько предметовъ заразъ, обнимаютъ ихъ полнѣе, глубже и скорѣе, чѣмъ другіе; умъ ихъ хватаетъ черезъ край и разливается, какъ потокъ. *Они не придерживаются простого разсужденія. Какъ только вступаютъ они въ соприкосновеніе съ идеей, то все ихъ существо — мысль, воображеніе, нервы — получаетъ толчокъ.* И вотъ они начинаютъ работать: жестикулируютъ, мимируютъ свою мысль, сыплютъ дождемъ сравненій; даже въ простомъ разговорѣ ихъ воображеніе и творческая способность не перестаетъ дѣйствовать... Ихъ рѣчь поражаетъ своимъ увлеченіемъ и блескомъ, смѣлою импровизаціей, равно какъ отрывистостію, неожиданными переходами, посредствомъ которыхъ они связываютъ самыя отдаленныя идеи, уничтожаютъ разстояніе, переходятъ отъ патетическаго къ смѣшному, отъ запальчивости къ нѣжности.

Значитъ, поэтъ работаетъ сразу всѣмъ своимъ существомъ: нервами, умомъ и воображеніемъ, — работаетъ, руководимый какимъ-то таинственнымъ инстинктомъ. Но и этого мало. Творчество поэта не только безотчетно, когда происходитъ въ немъ этотъ процессъ, но и подневольно. На эту принудительность творческаго процесса намекаетъ уже Гончаровъ, говоря, что образы къ нему «пристаютъ и не даютъ покоя»; то же самое внушаетъ читателю и Тэнъ, когда говоритъ, что — «какъ только художникъ слова вступаетъ въ соприкосновеніе съ идеей, то все его существо (мысль, воображеніе, нервы) получаетъ толчокъ». Но лучше всего отмѣтилъ эту подневольность поэтическаго процесса Л. Пичъ, нѣмецкій критикъ и большой пріятель Тургенева [38]), когда этотъ послѣдній жилъ въ Баденъ-Баденѣ:

«Теоретически Тургеневъ поклонялся лѣни. Онъ принимался за перо, лишь побуждаемый внутренней силой творчества, которая не зависѣла отъ его воли. Онъ могъ противиться этому влеченію нѣсколько дней или недѣль, но совершенно освободиться отъ него не могъ. Образы, являвшіеся въ его фантазіи, возбужденные личнымъ ли опытомъ или наблюденіемъ, или приходившіе на память — неизвѣстно какъ и откуда, осаждали и тѣснили его все болѣе и болѣе, такъ что онъ принужденъ былъ рисовать ихъ такъ, какъ они ему являлись, и записывать то, что они говорили ему и другимъ. Часто, въ часы такой вынужденной работы, я слышалъ, какъ Тургеневъ подобно льву въ клѣткѣ ходилъ въ своей комнатѣ, ходилъ и вздыхалъ, между тѣмъ какъ еще утромъ за чаемъ бывало произнесетъ свое трагикомическое восклицаніе: «Ахъ, сегодня я долженъ работать!» — Принявшись за работу, онъ переживалъ все то, что изображалъ. Когда онъ писалъ свой грустный маленькій романъ «Несчастная», возникшій почти противъ

[38]) В. М. Добровскій: Тургеневъ, какъ великій поэтъ. Въ «Фил. Зап.» 1883 г., вып. V—VI, стр. 15—16.

его воли изъ сцены, пережитой имъ еще въ студенчествѣ, то я его увидѣлъ совершенно нездоровымъ: «Что съ вами, Тургеневъ? чего вамъ не достаетъ?» — «Эхъ!» отвѣчалъ онъ: «она должна отравиться. Ея трупъ выставленъ въ церкви въ открытомъ гробу и по нашему русскому обычаю всѣ родственники должны цѣловать умершую. Я видѣлъ разъ, какъ прощались съ отравленнымъ. Вотъ это то я и долженъ написать сегодня, и вотъ у меня цѣлый день испорченъ».

«Это его сочувствіе», добавляетъ Пичъ, — «эта энергія его внутренняго созерцанія — проявляются во всемъ, что онъ ни написалъ» *).

---

*) Въ свою очередь нашъ Бѣлинскій объ этой подневольности или принужденности творческаго процесса говоритъ: «Вдохновеніе художника такъ свободно, что самъ онъ не можетъ повелѣвать имъ, но повинуется ему, ибо онъ въ немъ, а не оно отъ него. Онъ не можетъ выбирать темъ для своихъ созданій, ибо безъ его вѣдома возникаютъ въ душѣ его таинственныя явленія, которыя показываетъ онъ потомъ на диво міру. Онъ творитъ не когда хочетъ, а когда можетъ; онъ ждетъ минуты вдохновенія, но не приводитъ ея по волѣ своей, и потому-то

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснулся,—
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира,
Не клонетъ гордой головы...

(Сочиненія В. Бѣлинскаго. М. 1862. Часть III, стрн. 310—311).

Но возвратимся къ Гончарову. Какая же доля ума, внѣ всякаго сомнѣнія, принадлежала уму въ его произведеніяхъ—въ томъ ихъ видѣ, какъ ихъ знаемъ мы, его читатели? Отвѣтъ: лишь окончательная словесная отдѣлка. Для того нужно было 1) каждую сцену, каждый образъ облечь въ слово, подобрать выраженія лучшія и подумать, если эти выраженія сами собой не срывались съ кончика его пера—подобно тому, какъ сами собой—не спросясь и совсѣмъ неожиданно—приходили въ голову мысли, сцены и образы; 2) кое-что выбросить, кое-что получше отдѣлать и 3) всѣ части привести въ стройный порядокъ, т. е. подчинить извѣстному плану, такъ какъ многія сцены тѣснились у Гончарова въ головѣ «далеко впереди», по плану романа (потомъ уже придуманному). Такимъ образомъ, эту роль ума, при творческой работѣ воображенія поэта, одареннаго вѣщимъ чутьемъ (таинственнымъ инстинктомъ), можно вполнѣ уподобить той, какую выполняетъ повивальная бабка и отчасти кормилица при новорожденномъ ребенкѣ: живое существо появилось въ свѣтъ уже безъ нихъ,—надо только, чтобы оно не погибло, пока слабо, или чтобы не выросло уродливымъ. Надо за нимъ ухаживать, присматривать, пеленать. Такъ и тутъ: дѣйствующія лица романа, съ ихъ обличіемъ, костюмомъ, ростомъ, всею фигурой, отдѣльныя сцены, въ которыхъ они участвуютъ, душевное настроеніе ихъ—все это какъ-то само собою предстало воображенію Гончарова. Надо было, чтобы это не погибло, скорѣе записывать, прибѣгать къ памяти письма съ тѣмъ, чтобы послѣ все это получше вспеленать, отдѣлать, прежде чѣмъ пустить въ свѣтъ—безъ уродства, въ изящной формѣ.

Появленіе на свѣтъ младенца не только не произвольно, но и подневольно, принудительно совершается по законамъ безсознательно дѣйствующей физіологической природы человѣка. Самое трудное для родителей не произвести на свѣтъ живое существо,—оно само появится,—а вскормить и выростить. Такъ и тутъ: самое трудное для поэта не выдумывать образы,—они сами

собою неотвязчиво къ нему пристаютъ,—а облечь въ словесную форму: иначе забудутся, исчезнутъ изъ памяти и погибнутъ для читателей и самого поэта.

б). Образованіе, обогащеніе ума свѣдѣніями и научными обобщеніями, на ряду съ личнымъ опытомъ поэта, безспорно имѣетъ все-таки огромное значеніе при природномъ поэтическомъ талантѣ. Намъ представляется, что тотъ умственный багажъ, которымъ поэтъ тѣмъ или инымъ путемъ овладѣлъ, играетъ очень существенную роль почвы, которая безсознательно производитъ или обильную и роскошную, или скудную и некрасивую растительность, когда бываютъ брошены въ нее сѣмена. Талантъ безъ образованія или безъ богатаго личнаго опыта производитъ лишь пустоцвѣтъ. Личнымъ опытомъ и образованіемъ опредѣляется въ то же время и направленіе творческой работы поэта *).

Все это можно подтвердить безчисленными фактами изъ исторіи различныхъ литературъ. Въ самомъ дѣлѣ, наши ложноклассики только потому и вышли таковыми, что ихъ образованіе заключалось главнымъ образомъ въ ознакомленіи съ произведеніями французскаго классицизма, отчасти нѣмецкаго (Ломоносовъ) и итальянскаго (Херасковъ). Стернъ и Ричардсонъ воодушевили Карамзина писать повѣсти (правда, плохія). Поэзіи Лермонтова далъ толчекъ Байронъ, Шекспиръ, Исторія Государства Россійскаго, русскія лѣтописи и двухлѣтняя жизнь среди крестьянъ села Михайловскаго—были истинною виною крутого поворота въ творчествѣ Пушкина. Тургеневъ, прежде чѣмъ написать лучшія свои вещи,

*) Тургеневъ, обращаясь къ молодымъ писателямъ съ своими совѣтами умудреннаго опытомъ человѣка, говоритъ имъ: «Нужно постоянное общеніе съ средою, которую беремся воспроизводить; нужна правдивость, правдивость неугомонная въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ; нужна свобода, полная свобода воззрѣній,—и наконецъ, нужна образованность, нужно знаніе». Скабичевскій.—стр. 140.

долженъ былъ не только получить образованіе въ университетѣ, но и пережить многое, многое вынести и вытерпѣть (какъ и Пушкинъ). Дантъ образовался на Вергиліѣ; Петрарка и Боккачіо преимущественно на греческихъ и римскихъ лирикахъ, послѣдній также и на комикахъ. Шекспиръ имѣлъ цѣлый рядъ предшественниковъ, которые писали въ томъ же родѣ, какъ и онъ самъ, въ томъ же духѣ и направленіи; Шиллеру и Гете предшествовали Лессингъ и Гердеръ съ своею проповѣдью о независимости нѣмецкой поэзіи, о ея самостоятельности, съ своею враждою къ французскому классицизму, и т. д.

Но поэтъ, одаренный истиннымъ талантомъ, когда берется писать свое произведеніе, тѣмъ не менѣе не разсчитываетъ, не разсуждаетъ, а отдается всецѣло во власть своего творческаго инстинкта, который «при соприкосновеніи съ идеей» заставляетъ работать все его существо, такъ что въ этомъ процессѣ совершенно невозможно ни ему самому, ни другому кому-либо разобрать, что принадлежитъ уму, что воображенію и чувству [39]). Отдаваясь во власть этого инстинкта, который Тэнъ замѣчательно мѣтко называетъ «окрыленнымъ» разсудкомъ, онъ нарисуетъ и образы, полные глубокаго смысла, и отгадаетъ съ особою чуткостію существенныя стороны изображаемаго лица, и восполь-

[39]) «Въ процессѣ творчества», говоритъ проф. Д. Овсянико-Куликовскій, — «элементы сознательнаго и безсознательнаго, наивности и осмысленности, непосредственности и преднамѣренности такъ причудливо перепутываются, такъ чередуются и совмѣщаются, что самъ художникъ часто не въ состояніи разобраться, гдѣ кончается одно и гдѣ начинается другое, когда дѣйствовало вдохновеніе и когда являлась сознательная работа мысли». Но у Тургенева «преднамѣренность, сознательность, очевидно, играла большую роль въ самомъ началѣ, въ первомъ замыслѣ типа Бочарова. Сильное впечатлѣніе, произведенное на Тургенева молодымъ провинціальнымъ врачемъ, вызвало сознательную работу мысли» и т. д. стрн. 20—21.

зуется всѣмъ своимъ образовательнымъ багажемъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ по предвзятому намѣренію. Такъ сѣмя, брошенное въ почву благопріятнаго химическаго состава, тучную и обильную живительными элементами, не разсуждая, само собою вытянетъ изъ нея всѣ соки, которые ему полезны и нужны, чтобы сдѣлаться роскошнымъ растеніемъ.

в) Часто, правда, иниціатива принадлежитъ исключительно уму; но только иниціатива — начало, идея, первый толчекъ [40]). А затѣмъ поэтъ самъ не знаетъ, куда его поведетъ воображеніе. Пушкинъ, извѣстно, хотѣлъ дать въ лицѣ Онѣгина новый байроническій типъ, на подобіе Алеко, а между тѣмъ Евгеній вышелъ самымъ реальнымъ типомъ русской жизни — лучшимъ національнымъ типомъ среди всѣхъ, которые создалъ Пушкинъ. Еще любопытнѣе вышло приключеніе съ Сервантесомъ. Въ упомянутомъ романѣ Пушкина мы не видимъ по крайней мѣрѣ противорѣчій, не смотря на измѣну автора первоначальной своей идеѣ; у Сервантеса же противорѣчія эти такъ и остались въ неприкосновенномъ ихъ видѣ.

«Уже при первомъ чтеніи ясно, говоритъ проф. А. Кирпичниковъ [41]), — что Донъ-Кихотъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ геніальнымъ произведеніямъ, которыя были первоначально задуманы съ цѣлію несравненно болѣе скромною, чѣмъ достигнутая ими. Деревенскій дворянинъ, помѣшавшійся вслѣдствіе глупыхъ книгъ и попадающій въ рядъ комическихъ положеній вслѣдствіе противорѣчія дѣйствительности и его иллюзій — (весьма возможно, что эти положенія не выдуманы Сервантесомъ, а заимствованы изъ какой нибудь безъименной пародіи, въ родѣ нашего богатыря Ѳомы Берд-

---

[40]) Такъ извѣстно, что первоначальную идею «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора» Гоголю далъ Пушкинъ.

[41]) Всеобщая исторія литературы. Томъ III, часть I, стрн. 412—413.

никова), — постепенно становится безумцемъ, геніальнымъ, удивляющимъ всѣхъ своими умными рѣчами и отважно-безумными дѣйствіями. Авторъ постепенно сживается съ нимъ, привязывается къ нему, влагаетъ въ уста ему всѣ свои знанія (до производства арабскихъ словъ включительно), свои литературные взгляды, свои гуманныя убѣжденія относительно воспитанія дѣтей, любви, отношенія супруговъ, обязанностей правителей и проч. Забывъ, какимъ ограниченнымъ шутомъ онъ выставилъ его въ началѣ, забывъ, что грабитель Рейнальдъ Монтальванскій былъ его идеаломъ, Сервантесъ въ послѣдней главѣ говоритъ, что онъ былъ прозванъ *добрымъ* за свой кроткій нравъ, что онъ всегда отличался умомъ и кроткимъ и пріятнымъ характеромъ, заставляетъ всѣхъ порядочныхъ людей, его знавшихъ, горевать о немъ, какъ о лучшемъ человѣкѣ, возбуждаетъ нашу антипатію къ племянницѣ и экономкѣ за то, что онѣ слишкомъ скоро утѣшились предстоящимъ наслѣдствомъ. Такимъ же образомъ въ Санчо-Пансѣ, сперва обыкновенномъ дуракѣ, онъ постепенно воплощаетъ простонародную мудрость, дѣлаетъ его умнѣйшимъ изъ властителей и заставляетъ его своею искренностію и вѣрностію заслужить обладаніе королевствомъ».

Такимъ образомъ, только узко тенденціозный поэтъ (изъ числа которыхъ ни одного не было великаго), не отдается цѣликомъ вдохновенію во время творчества, не работаетъ всѣмъ своимъ существомъ, всѣми нервами, а шагъ за шагомъ идетъ, когда пишетъ, за указаніями холоднаго разсудка, насилуя свое воображеніе и вымучивая изъ него тѣ конкретные образы, которые ему нужны, чтобы оправдать предвзятую тенденцію. А между тѣмъ, во время процесса творчества «реальный разумъ», какъ говоритъ Гейне, — «волей неволей долженъ трястись на своемъ спокойномъ ослѣ въ слѣдъ за воодушевленіемъ», какъ оселъ Санхо-Панчо за Россинатомъ Донъ-Кихота *).

*) Философъ древности Платонъ говоритъ: «Кто безъ

г) Итакъ, значитъ, есть большая разница между абстрактнымъ мышленіемъ человѣка науки съ одной стороны, и абстрактнымъ процессомъ мышленія у поэта. У ученаго умъ всегда впереди, у поэта его роль незамѣтна для самого мыслителя. Умъ дѣлаетъ у него свое дѣло во время вдохновенія при общей, дружной работѣ духовныхъ силъ художника, какъ-то скрытно, тайкомъ.

Примѣчаніе 1. Если въ этой совмѣстной работѣ духовныхъ способностей поэта умъ идетъ впереди,—командуетъ, такъ сказать,—то въ лучшемъ случаѣ получится результатъ тотъ, который слѣдующимъ образомъ охарактеризованъ Теномъ при оцѣнкѣ англійскаго писателя Джонсона, какъ поэта.

«Джонсонъ», говоритъ Тэнъ,—«вполнѣ обладаетъ пріемами латинскаго искусства. Когда онъ захочетъ, то въ изображеніи латинской субъективности у него является самый послѣдній, ученый пріемъ ея,—блестящая краткость Сенеки и Лукана, ограненные, уравновѣшенные, отдѣланные антитезы, самыя удачныя и продуманныя украшенія ораторской архитектуры.

«Прочіе поэты не болѣе, какъ мечтатели, а Джонсонъ почти логикъ.

«Этимъ объясняются его талантъ, его ошибки и успѣхи, если онъ лучше прочихъ владѣетъ слогомъ и умѣньемъ располагать планъ, зато уступаетъ имъ въ творческомъ воспроизведеніи души. Онъ черезъ мѣру теоретикъ, придаетъ слишкомъ большое значеніе правиламъ. Привычка резонировать не покидаетъ его даже тогда, когда ему хотѣлось бы поставить на ноги и дать движеніе цѣльному, живому человѣку.

маніи, внушаемой музами, приходятъ къ вратамъ поэзіи съ убѣжденіемъ, что при помощи искусства изъ него выйдетъ хорошій поэтъ, тотъ никогда не будетъ поэтомъ совершеннымъ, и поэзія его, какъ поэзія благоразумнаго, будетъ отличаться (невыгодно) отъ поэзіи безумствующихъ» (В. А. Воскресенскій, поэтика, стрн. 12). Наглядный примѣръ тому находимъ у Тэна въ его характеристикѣ Джонсона.

Но для того, чтобы владѣть подобною способностію, надобно имѣть, какъ Шекспиръ, воображеніе, доходящее до степени ясновидѣнія. Человѣческая личность такъ сложна, что логикъ, подмѣчающій въ послѣдовательномъ порядкѣ различныя части ея, не въ состояніи обхватить ихъ разомъ.

Чтобы это сдѣлать, нуженъ родъ вдохновенія и лихорадочнаго возбужденія. Тогда умъ дѣйствуетъ, какъ во снѣ. Лица движутся въ немъ почти безъ всякаго участія съ его стороны; поэтъ выжидаетъ, пока они заговорятъ, и остается неподвиженъ и глубоко сосредоточенъ при звукахъ ихъ голоса, потому что боится разстроить внутреннюю драму, разыгрываемую ими въ его душѣ. *Давать имъ полную волю*, — тутъ и все *его искусство*. Онъ удивленъ ихъ разговорами; онъ записываетъ ихъ, забывая, что самъ же и сочиняетъ эти разговоры. Ихъ темпераментъ, характеръ, воспитаніе, складъ ума, ихъ обстоятельства, положенія, дѣйствія — связываются въ немъ такъ хорошо въ одно цѣлое, такъ скоро превращаются въ обязательныя и прочныя существа, что онъ не рѣшится приписывать это обширное и быстрое творчество ни своему разсудку, ни своему воображенію. Существа образуются въ немъ, какъ въ природѣ, т. е. сами собою и *посредствомъ той силы*, которую не въ состояніи замѣнить всѣ ресурсы искусства.

А у Джонсона вмѣсто этой силы только и есть что правила искусства. Онъ выбираетъ общую идею — коварство, глупость, жестокость — и обращаетъ ее въ лицо. Это лицо называется Критесъ, Асперъ, Сордидо, Делиро, Пекунья, Сюбтиль и прозрачнымъ именемъ своимъ показываютъ на логическій методъ, который даетъ имъ начало. Поэтъ беретъ отвлеченное качество и, построивъ на немъ всѣ истекающія отсюда дѣйствія, выводитъ его въ мужскомъ платьѣ на театральныя подмостки. Его личности фабрикуются такъ же, какъ «характеры» Ла-Брюйера (Лабрюйера) и Θеофраста, посредствомъ прочной дедукціи»...

Словомъ, Тэнъ изобличаетъ Джонсона въ односторонности изображенія людей, которая является прямымъ результатомъ его тенденціознаго творчества, не лишеннаго впрочемъ блестящихъ качествъ иного рода *).

Примѣчаніе 2. Впрочемъ надобно замѣтить, что и въ области научной часто абстрактныя завоеванія и открытія нерѣдко поражаютъ самихъ мыслителей своею неожиданностію и полною непредвидѣнностію. Предаваясь свободнымъ мечтамъ, касающимся какого-либо предмета, абстрактный мыслитель иногда натыкается сразу на великую идею до которой не могъ додуматься путемъ долговременной, кропотливой и методически размѣренной работы. Эти открытія въ свою очередь и у изслѣдователей нерѣдко приводятъ къ нулю всю предъидущую работу ума, всѣ прежнія выкладки и соображенія. Великій законъ тяготѣнія открытъ былъ Ньютономъ не въ своемъ кабинетѣ, а какъ-бы совершенно случайно, когда онъ снялъ съ себя цѣпи обуздывающаго полетъ вольной мысли разсудка и когда онъ мечталъ въ саду, лежа подъ яблоней. Точно также та или другая гипотеза осѣняетъ голову ученаго внезапно, потомъ провѣряется и нерѣдко оказывается вѣрной. Мало того: Абстрактныя истины иногда открываются во снѣ, подобно тому какъ во снѣ мы грезимъ образами конкретными. Вообще, при современномъ состояніи психологіи и логики, остается еще много таинственнаго, невыясненнаго въ вопросѣ о мышленіи человѣка. Одно только несомнѣнно, что факты интуитивнаго мышленія, хотя и рѣдко, но все же бываютъ и въ области наукъ, а эта черта въ свою очередь еще и еще сближаетъ область поэзіи съ научною.

V.

а) Къ чему относятся абстрактныя истины поэзіи. Всѣ обобщенія или абстракціи, которыя

*) Исторія англійской литературы, томъ I, стр. 333 etc.

мы извлекаемъ изъ чтенія поэтическихъ произведеній, относятся къ вопросу о счастіи людей. Около этого вопроса, какъ вокругъ стержня, вращается все колесо поэзіи у всѣхъ народовъ земли, потому что отнюдь не одна область прекраснаго, какъ думали и продолжаютъ думать эстетики, составляетъ предметъ поэзіи. И вотъ въ сферѣ вопросовъ о счастіи людей, о счастіи того или другого народа, сословія, общества и проч.—*обобщенія поэтовъ, съ точки зрѣнія логики, могутъ быть самой различной цѣны*,—отъ нуля, можно сказать, и до неизмѣримой величины, отъ момента и до вѣчности.

б) *Отъ чего главнымъ образомъ зависитъ различная цѣна конкретныхъ обобщеній поэзіи.* Въ самой природѣ человѣка есть двѣ стороны и двоякаго рода побужденія, изъ которыхъ одни, отличаясь большимъ или меньшимъ «благородствомъ» въ лучшемъ смыслѣ слова, влекутъ человѣка въ высь, къ идеалу, къ небу: эти побужденія отличаются особою устойчивостію и долговѣчностію. Они — плодъ той стороны «естества» человѣческаго, которая дѣлаетъ тѣло человѣка, по слову Христа, храмомъ Божіимъ или вмѣстилищемъ богоподобныхъ качествъ. Другого рода побужденія тянутъ человѣка книзу, къ землѣ; они вытекаютъ изъ животнаго инстинкта, сближаютъ человѣка съ прочими тварями земли, неразумными и лишенными способности стремиться къ высокому. Проявленіе этихъ побужденій, отличаясь стихійнымъ характеромъ и часто полнымъ безсмысліемъ, лежитъ въ основѣ тѣхъ обобщеній поэзіи, которыя наименѣе прочны, скоропроходящи и отъ которыхъ такъ легко человѣкъ отказывается, лишь только блеснетъ ему лучъ съ высоты.

Эту двойственность природы человѣка мѣтко охарактеризовалъ нашъ поэтъ Державинъ, сказавъ про него:

Частица цѣлая я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной

Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ, я червь—я Богъ *).

Какой-нибудь писатель-порнографъ по-преимуществу посвящаетъ свою музу на служеніе низменнымъ инстинктамъ людей, не стараясь при этомъ эти инстинкты даже облагородить. Вы встрѣтите такихъ писателей въ области европейскаго эпоса и лирики, смакующихъ прелесть низменныхъ побужденій нашего тѣла, и что особенно замѣчательно, многіе поэты, впослѣдствіи сдѣлавшіеся выразителями лучшихъ думъ своего вѣка и времени, заплатили кратковременную дань той сторонѣ своего «естества», которая сближаетъ насъ съ «червемъ» и «рабомъ» (Пушкинъ, Лермонтовъ, напр.). Но уже земная красота и естетическое чувство, въ такой высокой степени отличавшее древняго грека,

*) Знаменательно здѣсь совпаденіе Державина съ Платономъ. Вотъ идея этого философа, относящаяся къ душѣ человѣка: «Душа въ человѣкѣ—происхожденія божественнаго. Но кромѣ души божественной есть въ человѣкѣ душа животная, чувственная, которая умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, тогда какъ божественная душа безсмертна. Богъ сотворилъ души въ извѣстномъ числѣ и распредѣлилъ ихъ по планетамъ, гдѣ облеклись онѣ тѣлами.... Небесное свойство души, которое свидѣтельствуетъ о ея божественномъ происхожденіи, состоитъ въ томъ, что она всегда стремится къ своему божественному началу». У этой души есть своего рода крылья на которыхъ она какъ-бы паритъ къ небу. См. «поэтику» В. А. Воскресенскаго, стрн. 9—10.

недоступныя животнымъ способность эстетическая до извѣстной степени возвышаетъ человѣка, манитъ его къ небу, въ высь и нерѣдко вдохновляетъ на высокіе подвиги самопожертвованія (средневѣковые рыцари, Кола ди Ріенци). О средневѣковыхъ христіанахъ, объявившихъ систематическую войну животной сторонѣ своего «естества», ради загробнаго счастія, конечно не можетъ быть сомнѣнія: идеалъ святыхъ, мучениковъ и аскетовъ былъ высокъ. Но средневѣковой идеалистъ хваталъ черезъ край: онъ отрицалъ тотъ самый міръ, который Богъ возлюбилъ и ради котораго, чтобы возвысить его, пострадалъ на крестѣ. Такимъ образомъ средневѣковой аскетъ въ своемъ увлеченіи не сознавалъ, что онъ косвенно, во имя любви къ Богу, оскорблялъ Его, отрицая совершеннѣйшее изъ Его созданій — «вѣнецъ творенія», — человѣка во плоти, ненавидя, презирая и удаляясь отъ него въ лѣсъ, въ пустыню, въ горы и пещеры.

в) Какъ поэтъ насъ учитъ. Вѣра въ этого самаго «человѣка во плоти», въ возможность проявленія его болѣе или менѣе совершенныхъ и высокихъ качествъ, насъ не должна покидать. И вотъ истинный поэтъ учитъ насъ любить то, что всегда или долго-долго будетъ въ почетѣ и дорого у людей, какъ существъ разумныхъ и стремящихся къ идеалу, и наоборотъ, — чувствовать презрѣніе или отвращеніе къ тому, что насъ унижаетъ и приближаетъ къ неразумнымъ тварямъ земли. Для чистаго все чисто. Поэтому истинный поэтъ насъ не научитъ плохому и тогда, когда имѣетъ дѣло съ низкими, отрицательными явленіями жизни, потому что онъ учитъ насъ ничѣмъ инымъ, какъ именно своимъ отношеніемъ къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя изображаетъ: иначе говоря, онъ учитъ насъ своими симпатіями и антипатіями.

г) Поэтическій геній всегда коллективенъ. Ренанъ сказалъ о Тургеневѣ въ надгробной рѣчи [42]) своей: «Тургеневу данъ былъ отъ таинственнаго

[42]) В. М. Добровскій. ibid., стрн. 16—17.

Предопредѣленія, управляющаго человѣческими поколѣніями, высокій даръ благородства: онъ былъ рожденъ, такъ сказать, отрѣшеннымъ отъ личныхъ вкусовъ. Душа его не была душою отдѣльной личности, болѣе или менѣе богато одаренной отъ природы: то была нѣкоторымъ образомъ совѣсть цѣлаго народа. Прежде чѣмъ родиться на свѣтъ, онъ уже жилъ въ продолженіе тысячелѣтій; безконечный рядъ поэтическихъ образовъ сосредоточивался въ глубинѣ его сердца. Ни одинъ человѣкъ не воплотилъ въ себѣ такъ полно своей народности [43]. Въ немъ жилъ цѣлый міръ и говорилъ его устами.

«Молчаливый геній коллективныхъ массъ есть источникъ всего великаго. Но у массы нѣтъ голоса. Она умѣетъ лишь чувствовать и лепетать. Ей нуженъ выразитель, пророкъ, который бы умѣлъ говорить отъ лица ея. Вотъ почему великій человѣкъ — наименѣе свободный изъ всѣхъ людей. Онъ дѣлаетъ и говоритъ не то, что хочетъ: его устами глаголетъ Богъ».

Этотъ отзывъ объ истинномъ поэтѣ есть не болѣе, какъ абстрактная варьяція того, что конкретно выразилъ нашъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи «Пророкъ», «Поэтъ» и «Поэту». Тутъ говоритъ Пушкинъ, что во время вдохновенія поэтъ является жрецомъ, изрекающимъ волю Божію; что онъ тогда становится вполнѣ самостоятеленъ и вѣренъ лишь внутреннему голосу; что онъ въ то же время является самымъ строгимъ судьею того, что пишетъ. Его глазъ вѣренъ и остръ; слухъ чутокъ и далекъ; сердце жгучее, какъ уголь, пылающій огнемъ. И ужъ нечего говорить о томъ, что свои личные интересы въ моменты творческаго процесса забы-

---

[43]) Всякій изъ насъ извинитъ Ренану этотъ гиперболизмъ въ оцѣнкѣ Тургенева. И мы приводимъ его мнѣніе не для оцѣнки этого во всякомъ случаѣ большого и очень большого человѣка, но для выясненія характера истиннаго поэта.

ваетъ поэтъ всецѣло, такъ какъ онъ — орудіе «гласа Божія» и своего народа.

д) Чѣмъ абстракціи поэтическія отличаются иногда отъ научныхъ истинъ. Истины или обобщенія, которыя «вѣщаетъ» поэтъ отъ своего имени и которыя въ слѣдъ за нимъ начинаетъ чувствовать толпа, народныя массы, часто не отличаются объективною достовѣрностію, но отличаются за то соотвѣтствіемъ исторіи народа, его лучшимъ воззрѣніямъ и высокимъ стремленіямъ. Поэтическія обобщенія вѣрны прежде всего съ точки зрѣнія «сердца», а не ума и разсудка, такъ какъ мы видѣли, что въ самомъ то процессѣ творчества умъ остается позади воображенія и чувства (т. е. позади «сердца»). Миѳологія древнихъ грековъ и римлянъ, какъ извѣстно, составляла цѣликомъ плодъ фантазіи первобытной эпохи греческой жизни. Но она вывела всю послѣдующую исторію грековъ, сообщивъ ей извѣстный характеръ, она родила ихъ искусство, бытъ, общественное устройство и государственное, семейные нравы и, наконецъ, самую науку рядомъ съ культурой, живописью и поэзіей. Она была такъ дорога для толпы древнихъ грековъ, что когда Сократъ сталъ подкапываться подъ наивные вымыслы своего народа — на которыхъ однако создалась, какъ на крѣпкихъ сваяхъ, жизнь его народа, — то заплатилъ за это своею умною башкою [44]. Понятно, что судьба Сократа не должна смущать жрецовъ божественнаго глагола. Но надо во всякомъ случаѣ отвлеченнымъ мыслителямъ, похитившимъ съ неба Прометеевъ огонь ранѣе своей націи, принимать по крайней мѣрѣ во вниманіе условія мѣста и времени, или же не бояться смерти, какъ Сократъ.

е) Обзоръ нѣкоторыхъ моментовъ исторіи русской литературы. Для подтвержденія выше-

[44]) Сократъ, абстрактнымъ путемъ философа, добрался до идеи вѣчнаго и «безпорочнаго» Бога, и сталъ ее пропагандировать своимъ ученикамъ.

упомянутыхъ положеній, относящимся къ абстракціямъ поэзіи, обратимся къ нѣкоторымъ моментамъ исторіи русской изящной литературы; но разумѣется, коснемся ихъ вскользь, такъ какъ въ сущности говоря, вся исторія русской или какой-либо другой литературы, взятыя цѣликомъ, не должны противорѣчить упомянутымъ обобщеніямъ «поэтики».

Исторія древняя. Она представляетъ двоякій интересъ. Прежде всего она—результатъ христіанства, а потомъ результатъ византійской культуры. Русскій народъ изначала принялъ слишкомъ къ сердцу братолюбивыя воззрѣнія Христовой Вѣры. Доказательствомъ этого служитъ между прочимъ то, что онъ отказался въ самомъ началѣ своей исторіи, отъ наслѣдія своей сѣдой языческой старины—былинъ. Это наслѣдіе осталось недоношеннымъ. Оно не образовало поэмы, какъ у большинства другихъ народовъ христіанскихъ. Ужъ черезчуръ это наслѣдіе языческой старины противорѣчило той вѣрѣ, которую Русь полюбила вслѣдъ за своимъ ласковымъ княземъ Владиміромъ. И тотъ видъ былинъ, который мы знаемъ, въ свою очередь сохранилъ развѣ однѣ крупинки изъ воззрѣній языческихъ временъ русскаго человѣка. Книги Священнаго Писанія, особенно Псалтирь царя Давида, и житія святыхъ—съ своимъ конкретнымъ содержаніемъ, вполнѣ удовлетворяли наиболѣе выдающихся мыслителей и идеалистовъ древней Руси. Рядомъ съ этими книгами древне-русскій человѣкъ не хотѣлъ терпѣть никакой поэзіи и даже не хотѣлъ слушать проповѣдей въ храмахъ Божіихъ, составленныхъ духовными лицами, а требовалъ, чтобы ему читали въ церкви лишь то, что завѣдомо не можетъ никому подавать сомнѣнія въ подлинности христіанскихъ воззрѣній (обыкновенно тѣже житія святыхъ, а также проповѣди—Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и др. отцовъ церкви).

— Тѣмъ не менѣе и древняя Русь, при такомъ ревностномъ отношеніи къ Христовой вѣрѣ, произвела

замѣчательнаго свѣтскаго поэта, даже съ сильнымъ отпечаткомъ языческихъ воззрѣній русской старины: это былъ неизвѣстный авторъ «Слова о полку Игоревѣ». Человѣкъ этотъ можетъ быть причисленъ вполнѣ къ той категоріи людей, которые говорятъ отъ лица коллективной души народныхъ массъ; онъ облекъ въ ясное и изящное слово то, что смутно лежало на сердцѣ многочисленной древне-русской толпы простого народа, особенно болѣе идеальныхъ ея представителей. Владиміръ Мономахъ еще на съѣздѣ въ Любечѣ (1097 г.) увѣщевалъ русскихъ князей никогда не прибѣгать во взаимныхъ спорахъ и ссорахъ къ оружію, всѣ вопросы рѣшать сообща, по Божіей справедливости, по совѣсти; но его голосъ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Надо было явиться другому человѣку, который бы высказалъ то, что такъ сокрушало сердце благороднаго князя, въ ясномъ образѣ, чтобы этотъ образъ самъ говорилъ за себя, былъ понятенъ всѣмъ, — и въ горячемъ словѣ, которое бы разнеслось по всей Руси, по деревнямъ и селамъ и глубоко запало въ сердца русскихъ людей. Вотъ это-то «Слово» и явилось въ концѣ XII столѣтія (въ 1185 г.), почти по истеченіи вѣка послѣ Любечевскаго съѣзда. Абстрактная идея, легшая въ основу знаменитой поэмы древней Руси, тѣмъ болѣе пришлась по сердцу русскаго человѣка, что по своему свойству она была идеей чисто христіанской: это проповѣдь мира и любви среди русскихъ князей, рядомъ съ глубокою вѣрою въ силу и могущество русскаго народа и столь же глубокою печалью патріота при зрѣлищѣ «небывалаго», какъ ему казалось, униженія родной земли и ужаснаго погрома ея военныхъ силъ. Насколько идея эта была существенна, видимъ изъ всей послѣдующей исторіи древней Руси: не она ли вдохновляла московскихъ князей, собирателей и объединителей русской земли, опиравшихся впрочемъ уже не на добрую волю удѣльныхъ владыкъ, а на свою собственную силу, изворотливость и скопленіе богатствъ?

И не потому ли народная толпа такъ снисходительно отнеслась въ XVI вѣкѣ къ царю «тирану», отъ котораго вѣдь доставалось не однимъ боярамъ? Не видно ль народная память свѣжо еще помнила бѣдствія удѣльной старины; проявленія капризной воли Ивана Васильевича надъ своими подданными сравнительно съ этими бѣдствіями народу казались пустяками, которыя потому и не помѣшали даже идеализаціи личности «грознаго» царя и вполнѣ любовному къ нему отношенію со стороны «темнаго» люда.

— Но вотъ Русь собралась воедино, или почти собралась. Она стала сильнымъ и могущественнымъ царствомъ во всей «полуночной» странѣ земли. Завѣтная мечта, озабочивавшая такъ сильно душу древне-русскаго человѣка въ теченіе вѣковъ, осуществилась, и давно уже обширною стороною правитъ единый, православный царь—самодержецъ. Нужно было ожидать теперь счастія, довольства и благополучія для всѣхъ русскихъ людей: православный царь, правящій самодержавно русскою землею по-Божьему, по справедливости, не дастъ-де теперь въ обиду никого изъ своихъ подданныхъ, его обожающихъ. И православные цари, хорошо понимая эти ожиданія и мечты многочисленнаго населенія русской земли, съ своей стороны дѣйствительно начали употреблять всѣ мѣры, чтобы въ извѣстной долѣ, насколько это возможно съ ихъ стороны, оправдать надежды на счастіе и благополучіе всѣхъ своихъ подданныхъ, особенно же православныхъ. Уже великой князь Московскій Іоаннъ III въ заботахъ о благѣ народа издаетъ «Судебникъ», а царь Иванъ Васильевичъ созываетъ на Стоглавый Соборъ (1551 г.) представителей русской земли со всѣхъ концовъ ея въ Москву, чтобы искоренить суевѣрія среди простого народа и учредить школы при всѣхъ церквахъ. Царь Алексѣй Михайловичъ приказываетъ составить «Уложеніе» и очистить богослужебныя книги отъ ошибокъ невѣжественныхъ переписчиковъ... Но эти и другія мѣры православныхъ государей древней Руси далеко не

достигли предполагаемыхъ цѣлей. Православный духъ во многихъ подданныхъ совсѣмъ отсутствовалъ и, что особенно было горестно,—въ сословіяхъ высшихъ, отъ которыхъ зависѣлъ «темный» людъ,—среди бояръ и за тѣмъ помѣщиковъ. Непорядки росли, бѣдность не исчезала, умственная темнота господствовала.

Поэзія новая. Тогда является «великій» Петръ, съ новыми средствами и съ новыми надеждами на счастіе русскаго народа и съ новыми перспективами на величіе русскаго государства. Съ Петра собственно и начинается эпическій вѣкъ русскаго раціонализма, т. е. вѣры въ могучую силу науки, научнаго просвѣщенія и тѣхъ знаній, которыя составляютъ результатъ дѣятельности человѣческаго разума (ratio,—onis). Нагладный примѣръ Западной Европы, которую Петръ посѣтилъ дважды (1696 и 1717 г.г.), поставилъ, въ глазахъ русскаго царя, внѣ всякаго сомнѣнія ту истину, что свѣтская наука и искусства могутъ очень многое сдѣлать для счастія также и русскаго народа. Поскольку Петръ I является раціоналистомъ, его воспѣлъ, въ царствованіе императрицы Елизаветы, Ломоносовъ [45]), самъ почти обожавшій европейскую науку и художества; поскольку эта новая точка зрѣнія православнаго царя не противорѣчила древнему началу русской исторіи, Вѣрѣ Православной, это старался выяснять въ своихъ, нерѣдко художественныхъ проповѣдяхъ епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ [46]); а Стефанъ Яворскій, «блюститель» патріаршаго престола, выполнялъ роль стража лучшихъ преданій старины и предостерегателя, нерѣдко даже судьи нѣкоторыхъ дѣйствій царя реформатора [47]).

---

[45]) Похвальное слово Петру Великому.—Ода на восшествіе на престолъ имп. Елизаветы Петровны.—Двѣ пѣсни поэмы «Петръ Великій».

[46]) Особенно въ проповѣди о пользѣ путешествій. Эти мысли Ѳеофана потомъ повторялъ и Ломоносовъ.

[47]) Особенно въ трехъ проповѣдяхъ о Іезекіилевой колесницѣ.—Очень любопытна и проповѣдь Яворскаго на Полтавскую побѣду, именно, въ томъ отношеніи, что русскій

Геній Петра былъ полонъ величайшихъ начинаній и широкихъ перспективъ. Но этотъ геній былъ самородокъ. Древнерусскій человѣкъ его не могъ понять. Съ боязнью и страхомъ онъ смотрѣлъ на своего царя, все сокрушающаго и пересоздающаго силою только личной воли, силою могущества власти русскаго царя и своихъ глубокихъ убѣжденій. Геній Великаго (дѣйствительно) Петра, значитъ, если и былъ коллективенъ, то не съ точки зрѣнія современниковъ *). Этотъ геній жилъ болѣе въ будущихъ вѣкахъ русскаго народа. Преклоняться передъ Петромъ, а стало быть и понимать его, потомки начинаютъ уже послѣ, когда науки въ Россіи болѣе или менѣе окрѣпли и упрочились. Въ появленіи на русскомъ престолѣ Екатерины II, съ малыхъ лѣтъ предавшейся изученію образа мыслей, господствовавшаго у народовъ западной Европы, нельзя не видѣть въ свою очередь вліянія славной памяти о дѣлахъ Петра въ лучшемъ потомствѣ его отечества, которое горячо привязалось къ своей царицѣ, ревностной послѣдовательницѣ Петра.

Личность Великой Екатерины знаменательна въ двухъ отношеніяхъ: глубокою, доходившею до наивности (какъ и въ самой западной Европѣ) вѣрою въ мощь европейскаго просвѣщенія и науки, а съ другой стороны — полнымъ уваженія отношеніемъ къ лучшему наслѣдію древне-русской исторіи, Православной Вѣрѣ. Императрица знала, что эта Вѣра лежитъ въ основѣ всѣхъ болѣе или менѣе высокихъ, всѣхъ лучшихъ побужденій и дѣйствій простого люда, а потому и писала въ своемъ «Наказѣ»: «Всякій обязанъ учить дѣтей своихъ страху

архіепископъ, восхваляя царя, убѣжденнаго поклонника европейской цивилизаціи, ничуть не поступился древнею строго религіозною точкою зрѣнія на успѣхи его царствованія.

*) Это былъ практическій Сократъ Россіи, облеченный огромною властію проводить въ русскую жизнь свои, въ сущности говоря, «революціонныя» идеи (какъ и называютъ ихъ наши славянофилы).

Божію, какъ началу всякаго цѣломудрія, и вселять въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ десятословіи своемъ и православная наша восточная Греческая вѣра въ правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ» (статья 351 — [48]). Духовенство она желала видѣть просвѣщеннымъ сословіемъ, чтобы оно само прежде всего понимало гуманныя мысли Христовой Вѣры и затѣмъ уже внушало ихъ многочисленной паствѣ русскаго народа. Это съ одной стороны, — а съ другой, она крѣпко вѣрила, что при помощи людей, просвѣщенныхъ европейской наукой, ей удастся, въ теченіе лишь одного своего царствованія, водворить такое счастіе среди населенія своей обширной и все пріумножающейся имперіи, что уже ни одинъ народъ не будетъ счастливѣе русскихъ: «Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для Нашего народа, и по сей причинѣ Мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ Нашихъ было бы не исполнено: (это) несчастіе, до котораго Я дожить не желаю» [49]). Говоря иначе, русская императрица, горячая почитательница Вольтера, Беккарія и Монтескье, питала надежду — сразу, такъ сказать, за одинъ пріемъ осчастливить всѣхъ своихъ многомилліонныхъ подданныхъ по идеямъ этихъ мыслителей (особенно же Монтескье [50]). Этотъ опти-

---

[48]) Сочиненія имп. Екатерины II. Изд. Смирдина, 1849 томъ I, стрн. 59.

[49]) Ibid., стрн. 116.

[50]) Обѣщая прислать свой «Наказъ», Екатерина писала Даламберу: «Вы увидите, какъ для пользы своей имперіи я обобрала президента Монтескье, не называя его: надѣюсь, что если съ того свѣта онъ увидитъ мою работу, то проститъ этотъ литературный грабежъ для блага двадцати милліоновъ людей, какое изъ того должно послѣдовать. Онъ такъ любилъ человѣчество, что не будетъ обижаться за не-

низмъ нисколько не покинулъ государыни даже тогда, когда законодательная коммиссія депутатовъ, проработавъ годъ (1767—1768), разошлась безрезультатно, не сладивъ ничуть съ возложенною на нее задачей составить новые законы, которые бы осчастливили Россію; только теперь русская царица, въ дѣлѣ проведенія своихъ идей въ жизнь, стала возлагать больше всего надеждъ на русскую литературу, быстро развивавшуюся, на воспитаніе школьное [51]), на свое личное вліяніе и частные указы. Никогда вѣра въ мощь просвѣтительныхъ идей, выросшихъ на почвѣ западно-европейскихъ наукъ, не достигала такой силы, какъ въ XVIII вѣкѣ, эта эпоха непонятныхъ для насъ гигантскихъ замысловъ,—чисто эпическаго характера. Людей этого вѣка нисколько не опечаливали частныя неудачи, доходившія поистинѣ до смѣшного [52]); стремленіе ихъ къ намѣченному идеалу счастія народовъ земли было неудержимымъ.

Въ русской литературѣ изъ числа поэтовъ никто такъ не былъ проникнутъ духомъ оптимизма своего вѣка, какъ Державинъ. Глубоко и прискорбно ошибаются тѣ, которые называютъ его поэтомъ льстецомъ: онъ въ такой же степени и совершенно искренно обожалъ великую царицу, въ какой степени культомъ обожанія былъ проникнутъ Ломоносовъ по отношенію къ личности Петра Великаго. И если кто хочетъ уловить суще-

---

соблюденіе формы (=не будетъ «формализировать»): его книга—это мой молитвенникъ. (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ С. Соловьева. Томъ XXVI, стрн. 236. Изд. 1876 г., Москва).—«Духъ Законовъ Монтескье есть молитвенникъ государей, если только они имѣютъ здравый смыслъ» ibid.

[51]) Дѣло шло ни болѣе ни менѣе какъ о томъ, чтобы произвести «новую породу людей», сотканную изъ однихъ лишь добродѣтелей, помимо всякихъ историческихъ условій.

[52]) Мы разумѣемъ затѣи Потемкина при основаніи Екатеринослава. О нихъ см. между прочимъ у Брикнера.

ственныя черты царствованія Екатерины II въ ихъ настоящемъ свѣтѣ; если кто хочетъ проникнуть въ самую душу императрицы и ея сподвижниковъ, тотъ пусть изучитъ Державина и отнесется къ его вдохновенной музѣ безъ заднихъ мыслей, объективно, съ точки зрѣнія идей той самой эпохи, въ которую поэтъ жилъ. Это былъ первый, настоящій вдохновенный поэтъ новой Россіи, созданной Петромъ [53]). Съ другой стороны, подкладкою сатирической и комической литературы эпохи Екатерины Великой, какъ показываютъ подобныя же произведенія самой государыни, былъ тотъ же оптимизмъ, какъ и у Державина: авторамъ комедій и сатиръ думалось, что какъ только они подвергнутъ публичному осмѣянію недостатки извѣстной среды, этого будетъ уже вполнѣ достаточно, чтобы недостатки эти исчезли изъ самой жизни. Вообще, какъ мы сказали, даже у самыхъ лучшихъ, выдающихся представителей

[53]) Кстати мы можемъ указать на классическое изданіе сочиненій Державина Академіи Наукъ, въ пяти томахъ, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, Спб. 1864—69. Подобно лучшимъ представителямъ своего времени Державинъ заплатилъ дань и религіозному воодушевленію (ода «Богъ»), и широкой гуманной программѣ Екатерины II, выросшей на почвѣ просвѣтительныхъ идей («Фелица», «Изображеніе Фелицы», «На рожденіе порфиророднаго отрока», «Видѣніе мурзы») и горячему патріотизму, порождавшему героевъ въ родѣ Суворова, Румянцева, и гигантскимъ полетамъ мысли Потемкина, и наконецъ тому жизнерадостному настроенію, которое не мѣшало людямъ того вѣка веселиться и трудиться на благо Россіи.

[54]) Бываютъ эпохи пустыя, безъ всякихъ ясныхъ стремленій и ясно выраженныхъ идей. Въ такія эпохи люди мельчаютъ, проводя жизнь въ развратѣ, безсмысленныхъ проявленіяхъ страстей, во взаимномъ пожирательствѣ,—словомъ въ борьбѣ за личное существованіе и прозябаніе житейское. Великій поэтъ можетъ явиться и въ такое время, но только съ воодушевленіемъ Ювенала или глубокаго мыслителя—меланхолика, одареннаго гуманнымъ сердцемъ сокрушающагося и любвеобильнаго отца.

того времени великое и серьезное переплеталось съ фантастическимъ и смѣшнымъ, что такъ напоминаетъ юный возрастъ людей, чувствующихъ въ себѣ большія силы и стремящихся ихъ растратить на что-либо необыкновенное и великое. А вѣдь намъ извѣстно, что отъ великаго и до смѣшного—только одинъ шагъ. Все это однако нисколько не мѣшаетъ людямъ эпохи Екатерины II, въ глазахъ насъ, живущихъ въ концѣ XIX в. и уже умудренныхъ опытомъ скептиковъ,—быть крайне симпатичными, какъ вообще юность и сила симпатичнѣе дряхлаго и ворчливаго скептицизма стариковъ.

Этими ссылками на факты изящной литературы мы и ограничимся. Ссылокъ этихъ, намъ кажется, достаточно, чтобы выяснить, какія абстракціи, извлекаемыя читателемъ изъ того или другого поэта, наиболѣе цѣнны съ точки зрѣнія логики. Это—тѣ, которыя относятся къ самой сути той или другой эпохи, ее исчерпываютъ болѣе или менѣе полно и въ то же время соотвѣтствуютъ лучшимъ стремленьямъ народа и человѣка вообще. Поэты, которые чуютъ своею душою эту суть эпохи, и будутъ самые знаменитые, часто великіе (все равно—лирикъ ли, или эпикъ, драматургъ) [55]. Но сверхъ такой поэзіи во всякой литературѣ вы встрѣти-

[55]) Отсюда слѣдуетъ, съ неумолимою послѣдовательностію правильнаго силлогизма, что всякій истинный талантъ, не говоря уже о великомъ поэтѣ, всегда бываетъ глубоко націоналенъ, независимо отъ того, какихъ абстрактныхъ воззрѣній и убѣжденій онъ бы ни придерживался. Наглядный примѣръ этой независимости конкретнаго творчества поэта отъ его абстрактныхъ взглядовъ всегда будетъ представлять И. С. Тургеневъ. «Я», говоритъ Тургеневъ,—неисправимый западникъ, и нисколько этого не скрывалъ и не скрываю; однако я, несмотря на это, съ особеннымъ удовольствіемъ вывелъ въ лицѣ Паншина всѣ комическія и пошлыя стороны западничества и заставилъ славянофила Лаврецкаго разбить его на всѣхъ пунктахъ». Но этого далеко мало. Мы скажемъ, что вся поэзія этого самаго западника Тургенева зоветъ насъ не на Западъ, а домой

те цѣлый складъ разнаго хлама, неимѣющаго цѣны для познанія лучшихъ стремленій эпохи. Многія изъ этихъ произведеній отличаются мастерствомъ формы, но не оригинальностію и глубиною идей. Изъ числа поэтовъ второстепенныхъ особую пользу приносятъ тѣ, которые, чувствуя въ себѣ поэтическій огонекъ, посвящаютъ выработанное ими искусство конкретнаго изображенія на ознакомленіе съ жизнію тѣхъ сферъ и слоевъ своего народа и общества, которые не нашли еще своихъ выразителей въ области художественной литературы. Таковы напр. Печерскій («Въ лѣсахъ» и «На горахъ»), Короленко («Соборяне»), Маминъ-Сибирякъ, Потапенко, Немировичъ-Данченко, и другіе. А такіе поэты, какъ

(см. нашъ этюдъ: «Тургеневъ, какъ великій поэтъ»), къ лучшимъ воззрѣніямъ и традиціямъ родной страны. Забавно читать, когда Тургеневъ начинаетъ защищать своего Базарова въ своихъ письмахъ и статьяхъ: тутъ ничто не поможетъ, и Базаровы никогда не привлекутъ къ себѣ большихъ симпатій въ публикѣ. Недаромъ «западники» набросились на автора «Отцовъ и дѣтей» изъ-за Базарова, который успѣлъ снискать полныя симпатіи лишь въ одномъ изъ нихъ западникѣ—въ Писаревѣ. Наоборотъ, самые симпатичные типы у нашего поэта западника—это, изъ мужчинъ «Славянофилъ» Лаврецкій и Лежневъ, порвавшій связи съ людьми «образованными» на подобіе Толстовскаго Левина); между тѣмъ не только Рудинъ, но и Михалевичъ являются какими-то «ублюдками», отнюдь не вызывая сильныхъ сочувствій къ себѣ со стороны читателя. Легко теперь понять, почему у Тургенева настоящимъ ореоломъ симпатій окружены женскіе типы (Вѣра въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» и Елена въ «Наканунѣ») женскіе идеальные типы съ ногъ до головы продукты лучшихъ національныхъ воззрѣній и привязанностей русскаго народа; для Вѣры, отдавшей всю жизнь на служеніе «небесному жениху» Христу, и для Елены—всѣ эти вопросы о западничествѣ и славянофильствѣ были совсѣмъ чужды и безразличны. Ихъ сердце и умъ развивались на почвѣ исконно-русской. Вотъ какой оригинальный западникъ это Тургеневъ былъ, какъ поэтъ.

Л. Толстой, Тургеневъ и Достоевскій съумѣли заглянуть въ самыя существенныя стороны уже цѣлой эпохи XIX вѣка—существенныя не для одной только Россіи, но и для всѣхъ образованныхъ націй. Этимъ и объясняется небывалый успѣхъ произведеній упомянутыхъ трехъ писателей въ Россіи, Западной Европѣ, у южныхъ и западныхъ славянъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. При этомъ считаемъ нужнымъ повторить опять, что всѣ абстракціи поэтическаго творчества относятся къ вопросу о счастіи или несчастіи людской жизни—съ точки зрѣнія національной, государственной, сословной или, наконецъ, общечеловѣческой.

VI

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о правдѣ художественной и научной. Если судить по тому, какъ поэтъ съ одной стороны, а человѣкъ науки, съ другой,— поступаютъ съ реальными фактами жизни и предметами реальной дѣйствительности, то можно было бы прійти къ тому заключенію, что конкретные мыслители гораздо болѣе дорожатъ абстрактной (т. е. «общей») идеей, чѣмъ ученые.

Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдователь природы или жизни человѣческой, придерживаясь строго того индуктивнаго метода, который ведетъ начало свое отъ Бекона Веруламскаго, не посмѣетъ ни на шагъ отступать отъ фактовъ и явленій реальной дѣйствительности. Что это была бы за «исторія», еслибы «историкъ» народа позволялъ себѣ, въ угоду предвзятой идеѣ, видоизмѣнять по-своему историческія событія и факты? Абстрактное освѣщеніе жизни, предметовъ и явленій природы ученый долженъ дѣлать, ничуть не отступая отъ реальной почвы. Всякое отступленіе ему ставится въ укоръ научной критикой.

Наоборотъ, вся суть, все достоинство поэтическаго произведенія заключается въ правдоподобіи его об-

щей идеи и того впечатлѣнія, которое получается отъ этого произведенія. «Факты» поэтическаго сюжета отъ начала до конца могутъ быть вымышлены и это ничуть не помѣшаетъ его правдоподобію, если только общая идея, руководившая фантазіей и чувствомъ поэта, соотвѣтствуетъ вѣрованіямъ народнымъ или воззрѣніямъ извѣстной среды. Блистательное доказательство этого положенія мы находимъ въ «Божественной комедіи» Данта (этомъ величайшемъ произведеніи средневѣковаго эпоса), содержаніе которой все придумано самимъ поэтомъ отъ первыхъ и до послѣднихъ стиховъ. Точно также, развѣ были тѣ «факты», о которыхъ разсказывается такъ живо въ русскихъ пѣсняхъ про царя Ивана Грознаго? а между тѣмъ, несмотря на явный вымыслъ конкретныхъ положеній, разсказанныхъ въ этихъ пѣсняхъ, образъ Ивана Грознаго выступаетъ передъ нами въ замѣчательно правдоподобной «общей» обрисовкѣ.

Аристотель, этотъ праотецъ индуктивыхъ мыслителей въ области европейскихъ наукъ,—прямо, безъ всякихъ обиняковъ и обходовъ, ставитъ поэзію выше исторіи, именно, какъ разъ съ точки зрѣнія большей вѣрности и глубины тѣхъ абстракцій, которыя читатель выноситъ изъ чтенія поэтическихъ произведеній сравнительно съ абстракціями наукъ историческихъ.

«Дѣло поэта», говоритъ онъ,—«излагать не столько случающееся, сколько то, что могло бы случиться — могло по вѣроятію или по необходимости. Историкъ и поэтъ не тѣмъ различаются, что одинъ говоритъ мѣрною рѣчью, другой немѣрною. Вѣдь сочиненіе Геродота можно было бы переложить въ метры, и все-таки въ метрахъ, какъ и безъ всякихъ метровъ, была бы это исторія. Различаются они (историкъ и поэтъ) тѣмъ, что одинъ излагаетъ случившееся, а другой—что можетъ случиться. Потому поэзія глубже и значительнѣе исторіи. «Поэзія излагаетъ болѣе общее, исто-

рія частное» [58]). «Частное же», поясняетъ далѣе Аристотель,—«есть напр. то, что сдѣлалъ Алкивіадъ», а общее—все то, что каждому изъ насъ, при извѣстномъ характерѣ и въ извѣстномъ родѣ положеній, слѣдуетъ дѣлать или говорить.

В. Добрывскій.

---

[58]) В. А. Воскресенскій. Поэтика. Стрн. 29—30.

КАКЪ И ЧТО ЧИТАТЬ ВНѢ КЛАССА НАШИМЪ ГИМНАЗИСТАМЪ.

А.

Произведенія Лессинга, какъ матеріалъ для внѣкласснаго чтенія по словесности въ гимназіи.

I

1. Двѣнадцатилѣтній опытъ преподаванія русской словесности въ среднеучебныхъ заведеніяхъ различнаго типа привелъ меня къ тому убѣжденію, что «литература имѣетъ благотворное дѣйствіе въ педагогическомъ отношеніи, развивая умъ и облагораживая сердце и воображеніе, но—только въ подробномъ знакомствѣ съ лучшими изъ ея произведеній, чѣмъ, собственно, и должна ограничиваться вся задача въ преподаваніи этого предмета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». Это, конечно, не новость. Но я думаю, что до сихъ поръ такое убѣжденіе остается истиннымъ почти только на словахъ и слишкомъ мало вліяетъ на дѣйствительное преподаваніе словесности въ гимназіи. Если бы мы дѣйствительно прониклись убѣжденіемъ, что чтеніе является въ гимназіи «самою полною по содержанію исторіей литературы, и притомъ такою, которая, не обременяя памяти собственными именами и цифрами годовъ, должна имѣть образовательное и воспитательное значеніе»—если бы мы были въ этомъ убѣждены, то едва-ли можно было бы объяснить наше пристрастіе къ учебникамъ съ одной стороны и наше равнодушіе къ организаціи мало-мальски систематическаго и разумнаго внѣкласснаго чтенія учащихся. Всѣмъ извѣстно печальное состояніе нашихъ, такъ называемыхъ, ученическихъ библіотекъ, почти полное отсутствіе классныхъ библіотекъ, безпорядочность выдачи книгъ, случайность ихъ выбора для учениковъ и т. п. прискорбныя явленія. Менѣе всего объясняется

такая постановка дѣла небрежностью или недобросовѣстностью преподавателей въ этомъ отношеніи: весьма многіе изъ нихъ чрезвычайно ревностные въ прохожденіи, такъ называемаго, курса русской словесности, оказываются совершенно равнодушными къ вопросу о чтеніи своихъ учениковъ, считая это дѣло вовсе не важнымъ и желательнымъ только въ теоріи, на словахъ; большинству преподавателей до сихъ поръ еще кажется, что придавать серіозное значеніе чтенію учащихся, значило бы уклоняться въ сторону отъ прямой своей задачи, и притомъ рисковать еще сдѣлать свой «курсъ» менѣе серьёзнымъ и научнымъ. Что же обыкновенно понимается подъ этимъ «курсомъ», въ жертву которому приносится несомнѣнная потребность учащихся въ чтеніи.

Чтобы показать нагляднѣе, въ чемъ собственно состоитъ «курсъ русской словесности» въ гимназіи, коснемся его не во всемъ его объемѣ, а будемъ имѣть въ виду только какую-нибудь опредѣленную часть этого курса. Возьмемъ, напримѣръ, тотъ его отдѣлъ, который трактуетъ о ложноклассицизмѣ въ нашей литературѣ. Ложноклассическимъ направленіемъ, какъ извѣстно, начинается наша новая литература, съ нимъ такъ или иначе связана вся наша до-Пушкинская словесность. Ему отдали дань такіе національные писатели, какъ Державинъ, Фонвизинъ Крыловъ. По ложноклассическимъ произведеніямъ знакомились съ отечественной словесностью самъ Пушкинъ, Аксаковъ и Тургеневъ. Казалось бы, что подобное литературное явленіе первостепеннаго значенія должно было бы заслужить полное вниманіе въ курсѣ русской словесности и подвергнуться возможно обстоятельному и живому анализу. На самомъ же дѣлѣ этого вовсе нѣтъ. Ученики прочитываютъ указанныя Учебными Планами двѣ—три оды Ломоносова и Державина, двѣ—три сцены изъ «Хорева» Сумарокова, три—четыре десятка стиховъ изъ увѣсистой «Россіады» Хераскова—и вотъ на основаніи этого скуднаго литературнаго матеріала ученикамъ дается общая характе-

ристика ложноклассическаго направленія. Правда, эта характеристика дѣлается въ размѣрахъ, данныхъ учебникомъ Галахова (это требуется и Учебными Планами). Но и въ такомъ скромномъ видѣ она выходитъ далеко за предѣлы тѣхъ познаній, которыя пріобрѣтены учениками на разборѣ указанныхъ выше литературныхъ произведеній: Галаховъ указываетъ, напримѣръ, на «три единства» ложноклассической драмы (однако безъ объясненія «единства дѣйствія»), мало этого, онъ приводитъ еще изреченіе Буало, что «безъ трехъ единствъ нѣтъ спасенія», а между тѣмъ ученики прочли всего 2 сцены изъ «Хорева» Сумарокова: какъ же они поймутъ эти три единства, а главное ихъ вліяніе на построеніе и характеръ ложноклассической драмы—ихъ raison d'etre? Располагая такимъ скуднымъ литературнымъ матеріаломъ, не придетъ-ли ученикъ къ выводу, что все это ложноклассическое направленіе совершенная безсмыслица, и этотъ взглядъ явится у ученика тѣмъ естественнѣе, что Галаховъ указываетъ только однѣ отрицательныя стороны ложноклассицизма, не объясняя даже ихъ историческаго основанія и происхожденія. Въ результатѣ изученія даннаго отдѣла «курса русской словесности» ученики заучатъ по Галахову, что ложноклассицизмъ есть «насильственное сочетаніе разнокачественныхъ предметовъ, что и послужило причиной неправдоподобныхъ изображеній дѣйствительности, которая являлась не въ настоящемъ своемъ видѣ, освѣщалась ложнымъ свѣтомъ, проникалась не свойственнымъ ей духомъ». А далѣе пойдутъ ссылки на Софокла и Еврипида, на Ронсара, Буало, Корнеля, Расина, Вольтера—конечно, все со словъ того же Галахова, такъ какъ произведеній всѣхъ этихъ писателей ученики и въ глаза не видали. Вотъ какъ у насъ обыкновенно проходится «курсъ русской словесности». Правда, на словахъ мы враги «всякихъ исторій литературы съ перечнемъ писателей, произведеній которыхъ учащіеся не читали»; мы находимъ, что такія «исторіи» приносятъ только вредъ, оправдывая въ глазахъ учениковъ «не

основательность и поверхностное верхоглядство». Но все это на словахъ, въ теоріи, а на практикѣ, на дѣлѣ мы едва ли далеко ушли отъ того добраго стараго времени, когда безъ дальнихъ размышленій ученики заучивали голословныя, зачастую одностороннія и научно-невѣрныя обобщенія учебника, всегда сухого, безжизненнаго, никогда не согрѣтаго творческой силой дѣйствительно изслѣдующей мысли Ну, посмотрите, напримѣръ, какъ понимаетъ Галаховъ въ своемъ учебникѣ происхожденіе ложноклассицизма... «Онъ появился, говоритъ Галаховъ, въ эпоху Возрожденія», какъ результатъ знакомства съ наукой и литературой древнихъ народовъ, въ особенности грековъ. Ихъ поэтическія творенія, по своему художественному совершенству, поставлены были за образецъ и для поэтическаго творчества новаго, христіанскаго міра, памятники собственной національной литературы были отвергнуты и забыты, какъ грубыя произведенія среднихъ вѣковъ, недостойныя подражанія». Развѣ въ такомъ объясненіи указанъ дѣйствительный источникъ и характеръ такого крупнаго явленія въ развитіи европейской литературы, какимъ, несомнѣнно, является ложноклассицизмъ: Почему и въ какомъ отношеніи «поэтическія творенія грековъ были поставлены за образецъ»? неужели ложноклассицизмъ состоялъ только въ слѣпомъ подражаніи?—все это не разрѣшается учебникомъ и оставляетъ умъ ученика не только въ недоумѣніи, но и прямо въ заблужденіи относительно тѣхъ живыхъ, гуманныхъ началъ, которые завѣщало дальнѣйшему развитію европейской литературы движеніе эпохи «Возрожденія»—«движеніе по словамъ его новѣйшаго изслѣдователя, освободившее на западѣ Европы личность и культуру отъ порабощенія католическою церковью и положившее прочное начало новой независимой наукѣ, свѣтской философіи, литературѣ, школѣ и самостоятельному искусству». Такимъ образомъ, какъ можно видѣть, проходимый обыкновенно нашими учениками «курсъ русской словесности» даетъ имъ такія скудныя разрозненныя и поверхностныя свѣдѣнія, для

пріобрѣтенія которыхъ, конечно, не стоитъ жертвовать чтеніемъ учениковъ, и это тѣмъ болѣе, что стремленіе къ чтенію по литературѣ и исторіи, несомнѣнно, очень сильно въ ученикахъ. Какъ ни завалены уроками, какъ ни мало у нихъ свободнаго времени, ученики всегда найдутъ минутку что-нибудь почитать и надо удивляться, какъ они много читаютъ при такомъ ограниченномъ досугѣ. Съумѣть воспользоваться этой потребностью учениковъ, съумѣть предложить имъ свое руководство и свое участіе къ ихъ чтенію, не внести въ это живое дѣло ни педантизма, но и не принести ущерба небрежностью, намѣтить ихъ чтенію серьёзныя цѣли, обозначивъ при этомъ путь ихъ работы настолько, чтобы они не теряли зря силъ и не разбрасывались безо всякой нужды,—вотъ самая важная задача преподавателя словесности. При такой постановкѣ дѣла то, къ чему ученики до сихъ поръ чувствовали убійственное равнодушіе, если не отвращеніе—получитъ въ ихъ глазахъ и смыслъ и интересъ. Дайте, вмѣсто жалкихъ отрывковъ какого-нибудь произведенія, по возможности, произведеніе въ его цѣлости, а вмѣсто сухой и малопонятной страницы учебника объ этомъ произведеніи дайте хоть десятки страницъ какого-нибудь подходящаго серьёзнаго и основательнаго, талантливо и живо написаннаго спеціальнаго изслѣдованія, одушевленнаго любовью къ своему предмету и живымъ стремленіемъ къ истинѣ—дайте только, и вы убѣдитесь, что ученикъ не прочь серьёзно и основательно работать, если онъ сознаетъ разумность своего труда. И будьте увѣрены, что этимъ путемъ ученикъ никогда не дойдетъ до того «верхоглядства», котораго такъ боятся приверженцы учебника, и которое скорѣе всего и вырабатывается заучиваньемъ непонятныхъ изреченій учебника въ связи съ экскурсіями, со словъ руководства, въ невѣдомую самому ученику область всеобщей литературы.

2) Но отъ общихъ соображеній, которыя, быть можетъ, не всѣмъ покажутся достаточно убѣдительными, перейдемъ къ живымъ примѣрамъ и свидѣтельствамъ

живого опыта. Кажется, я не рискую быть нескромнымъ, если разскажу о себѣ, какъ я велъ и веду дѣло преподаванія, какихъ результатовъ, по моему мнѣнію, достигалъ, и какой методъ я, на основаніи личнаго опыта, считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ въ преподаваніи словесности. За 12 лѣтъ своего учительства я испробовалъ различные пріемы преподаванія. Началъ я съ того, что старался сдѣлать моимъ ученикамъ вполнѣ доступнымъ и понятнымъ ихъ учебникъ по словесности (Галахова). Результаты были далеко неутѣшительные. Затѣмъ я перенесъ центръ тяжести въ своемъ преподаваніи на разборъ, такъ называемыхъ, «образцовъ» — дѣло шло опять-таки довольно вяло: ученики, какъ и прежде, заучивали, но мало работали самостоятельно. Я попытался расширить «курсъ», вводя въ него такія историко-литературныя данныя, которыхъ Галаховъ не касался, но затронуть которыя я считалъ важнымъ для большей основательности изученія предмета (напримѣръ о важномъ значеніи ложно-классическихъ драмъ для развитія нашего сценическаго искусства). Мнѣ пришлось замѣтить, что, несмотря на сжатость и конспективность моихъ дополнительныхъ разъясненій, ученики достаточно оцѣнили мою попытку сдѣлать «курсъ» болѣе основательнымъ и серьёзнымъ: они не безъ интереса слушали мои далеко не краснорѣчивыя разъясненія и находили «курсъ» въ такомъ видѣ понятнѣе и легче. Тогда я рѣшился предоставить, по возможности, самимъ ученикамъ, конечно, на подходящемъ матеріалѣ, извѣстнымъ образомъ для этого подготовленномъ, доходить, разумѣется, съ надлежащими моими указаніями—до тѣхъ историко-литературныхъ выводовъ, которые я считаю необходимыми для достаточнаго литературнаго образованія учениковъ. До сихъ поръ я не имѣю основаній раскаиваться въ такомъ своемъ пріемѣ занятій: мнѣ приходится видѣть такой интересъ, такую основательность работы, выше которыхъ едва-ли можно ожидать отъ гимназистовъ, иногда просто заваленныхъ краткосрочными обязательными занятіями.

Разумѣется, что въ моей практикѣ встрѣчается и множество нежелательныхъ явленій, пробѣловъ, но, могу сказать, что почти всѣ они объясняются новизной дѣла, моею недостаточною къ нему подготовленностью, но отнюдь не лѣностью или равнодушіемъ учениковъ. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что располагай я большимъ матеріаломъ, имѣй я больше досуга, занятія, идущія этимъ путемъ, привели бы къ самымъ утѣшительнымъ результатамъ и не только въ теоретическомъ смыслѣ, обогативъ учениковъ познаніями, но и въ практическомъ отношеніи, развивъ даръ слова въ ученикахъ, пріучивъ ихъ правильно и складно выражать свои мысли. Считаю не лишнимъ подѣлиться теперь съ коллегами относительно того, какъ у меня поставлено дѣло въ частностяхъ. Откинувъ мелочи, остановлюсь только на выдающихся, по-моему, пріемахъ веденія дѣла.

Два раза въ годъ (передъ Рождествомъ) и передъ лѣтними каникулами ученики должны подавать въ классной библіотечной тетрадкѣ перечень прочтенныхъ ими книгъ съ отмѣткой (условными знаками), какая книга, откуда была взята ученикомъ—изъ классной, домашней или городской библіотеки, какая книга изъ прочитанныхъ наиболѣе понравилась, и какая книга перечитывалась. На основаніи этихъ записей, дающихъ мнѣ возможность до нѣкоторой степени слѣдить за манерой, качествомъ и характеромъ чтенія какъ отдѣльнаго ученика, такъ и всего извѣстнаго класса, я въ концѣ года, передъ лѣтними вакаціями, считаю цѣлесообразнымъ предлагать на выборъ ученикамъ цѣлый рядъ темъ, связанныхъ съ тѣмъ курсомъ по словесности, который имъ предстоитъ пройти въ томъ классѣ, въ какой они только что переходятъ. Такія темы предлагаются ученикамъ, переходящимъ въ VI, VII и VIII классы. Число темъ для учениковъ каждаго класса не менѣе 50. Разрабатывать эти темы ученики должны въ устныхъ отвѣтахъ. Для двухъ такихъ отвѣтовъ назначается одинъ изъ трехъ недѣльныхъ уроковъ словесности. Отвѣты слѣдуютъ въ извѣстномъ порядкѣ, сообразующемся

съ проходимымъ курсомъ. Въ малочисленныхъ классахъ приходится отвѣчать раза по два въ годъ каждому ученику, или. по крайней мѣрѣ, слабѣйшему Отвѣчающіе такія устныя сочиненія ученики предварительно пишутъ планъ своего отвѣта на классныхъ доскахъ, для того чтобы слушающіе могли лучше слѣдить за отвѣтомъ и впослѣдствіи были бы въ состояніи высказать объ этихъ отвѣтахъ свои замѣчанія. По окончаніи отвѣта и его обсужденія дѣлается отвѣтчикомъ, подъ преподавательскимъ контролемъ, резюмэ тѣхъ выводовъ и положеній, до которыхъ онъ дошелъ въ своемъ «рефератѣ». Такой конспективно формулированный итогъ извѣстныхъ историко-литературныхъ данныхъ, провѣренный преподавателемъ заносится въ тетрадь для конспекта по занятіямъ русской словесностью и долженъ быть усвоенъ всѣми учениками извѣстнаго класса.

Опытъ показываетъ, что ученики готовятся къ этимъ «рефератамъ» очень добросовѣстно и основательно. Отвѣтившій плоховато обыкновенно выпрашиваетъ позволеніе поработать надъ другой темой Для того чтобы поскладнѣе и покрасивѣе «реферировать» ученики въ большинствѣ случаевъ, предварительно написавъ сочиненіе, затѣмъ заучиваютъ его, украшаютъ выдержками изъ разбираемыхъ литературныхъ произведеній. Нерѣдко случается слышать очень изящные и дѣльные отвѣты, и хорошій «рефератъ» составляетъ гордость не только отвѣтчика, но и всего класса, который съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ вслушивается въ разумный отвѣтъ товарища. Темы для такихъ устныхъ сочиненій слѣдуетъ задавать именно передъ лѣтними вакаціями въ томъ разсчетѣ, что ученики надосугѣ могутъ лучше обдумать и основательнѣе поработать надъ избранною темою, а другіе ученики предложенныя темы могутъ взять программой для разумнаго и систематическаго чтенія, которое, помимо своего значенія для литературнаго образованія учениковъ вообще, сослужитъ еще ту службу, что подготовитъ ихъ къ болѣе серьезному пониманію предстоящаго имъ курса по словесности

и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ возможность сознательно относиться къ отвѣтамъ «рефератамъ» своихъ товарищей. Какія именно и въ какомъ видѣ предлагаю я темы для устныхъ сочиненій своихъ учениковъ—укажу на примѣрахъ.

II.

Предлагаю темы касательно произведеній Лессинга, который представляетъ такой важный моментъ въ развитіи европейской литературы, обойти который молчаніемъ нельзя ни въ курсѣ исторіи, ни въ курсѣ теоріи словесности, если только обращаютъ вниманіе на дѣйствительно характерныя явленія въ области этихъ наукъ. Къ тому же, надо сознаться, произведенія классическихъ европейскихъ иностранныхъ писателей остаются совершенно неизвѣстными нашимъ гимназистамъ, а между тѣмъ эти произведенія не оставались безъ вліянія на нашу словесность и сплошь да рядомъ представляютъ яркіе. талантливые образцы, которымъ русскіе писатели только подражали. Темы о Лессингѣ назначаются ученикамъ, перешедшимъ въ VII и VIII классы.

Готгольдъ Эфраимъ Лессингъ. (1729—1781)

Предварительныя разъясненія, сообщаемыя ученикамъ для лучшаго пониманія смысла задаваемыхъ темъ, должны быть сдѣланы въ такомъ приблизительно смыслѣ и характерѣ. По мнѣнію Лессинга, истинное назначеніе человѣка—не чувствовать и не умствовать, а дѣйствовать. Онъ считаетъ дѣйствія важнѣйшимъ предметомъ поэзіи, а драму (изображающую дѣйствіе) совершеннѣйшимъ родомъ поэзіи. Литературная дѣятельность Лессинга замѣчательна въ трояком отношеніи: 1) Лессингъ является творцомъ національной нѣмецкой драмы; 2) Онъ обосновалъ и далъ, вмѣстѣ съ Винкельманомъ, такое пониманіе античнаго искусства и идеала красоты, которое сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ

для классическаго періода нѣмецкой и вообще для европейской литературы; 3) Лессингъ является типичнымъ представителемъ эпохи, такъ называемаго «Нѣмецкаго просвѣщенія». Пособіями для лучшаго пониманія этихъ краткихъ разъясненій могутъ служить соотвѣтствующія мѣста исторіи литературы Корша, Геттнера и книжки Куно Фишера: «Лессингъ».

Миссъ Сара Сампсонъ (1755 г.).

Темы касательно этой трагедіи предлагаются ученикамъ, перешедшимъ въ VII кл. и знающимъ достаточно о ложно-классицизмѣ.

Предварительное разъясненіе. Съ эпохи «Возрожденія» въ теоріи и практикѣ драматическаго искусства установилась извѣстная норма дѣленія, въ силу которой разные роды драмы относятся къ отдѣльнымъ общественнымъ сословіямъ и рангамъ. Цари и герои выступаютъ только въ трагедіи, классъ простыхъ гражданъ — въ комедіи, поселяне — въ пастушеской драмѣ. Великіе міра сего должны быть серьезны и возвышенны, а простые смертные шутливы и забавны. Въ первомъ случаѣ въ драмѣ совершаются геройскіе подвиги и грандіозныя событія, во второмъ — мы видимъ только глупости и пороки. Но вѣдь бываютъ трогательные и потрясающіе моменты и въ жизни простыхъ гражданъ, которая вовсе не есть непремѣнный рядъ глупостей и пороковъ. А съ другой стороны — въ жизни великихъ міра сего не все отмѣчено печатью величія. Такимъ образомъ возникли традиціонныя преграды между міромъ дѣйствительнымъ и драматическимъ искусствомъ, его изображающимъ. Но въ новое время, когда сословіе гражданъ, гордое чувствомъ собственнаго достоинства, получило сильное развитіе — эти искусственныя преграды должны были пасть. Прежде драматическая поэзія была сословною, отнынѣ она должна быть общечеловѣческою. Возникаютъ двѣ новыя формы драмы, отвѣчающія новымъ требованіямъ времени. Къ комедіи получаетъ до-

ступъ изображеніе великихъ, потрясающихъ событій; въ трагедію вводятся событія обыденной жизни. Является, съ одной стороны, «чувствительная комедія», названная ея противниками «слезливою», а съ другой— «мѣщанская» трагедія.

Тема 1. «Миссъ Сара Сампсонъ», какъ мѣщанская трагедія.

Главная мысль сочиненія на эту тему: Эта трагедія не ставитъ преграды, отдѣляющей трагическую поэзію отъ обыкновенной жизни. Планъ для развитія темы. Вступленіе—«Миссъ Сара Сампсонъ»—трагедія. Изложеніе: эта трагедія изображаетъ обыкновенную жизнь. I. Она выводитъ обыкновенныя лица: 1) съ обыкновенными характерами, 2) стремленіями, 3) въ обыкновенныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, 4) въ обычной обстановкѣ и условіяхъ дѣйствія, 5) съ обыкновенной рѣчью. II Она обнаруживаетъ стремленіе къ идеализаціи простоты въ изображеніи этой простоты въ трогательномъ, чувствительномъ видѣ. Заключеніе: Данная трагедія является новымъ видомъ драмы, именно «мѣщанской драмы».

Тема 2. «Миссъ Сара Сампсонъ», какъ драма. Главная мысль для развитія этой темы: «Это просто -рядъ положеній и сценъ, которыя всѣ разсчитаны на то, чтобы вызвать сострадание въ зрителяхъ». Планъ: I. Достаточно-ли обоснованы дѣйствія и поступки выведенныхъ въ драмѣ лицъ. II. Въ чемъ видно стремленіе автора драмы вызвать въ зрителяхъ состраданіе: 1) онъ такъ подстраиваетъ событія, 2) онъ такъ изображаетъ эти событія, что они должны вызвать въ зрителѣ состраданіе, растрогать его. III Достигаетъ ли авторъ своей цѣли: 1) для своего времени, 2) для насъ. Значеніе «Миссъ Сары Сампсонъ» исчерпывается тѣмъ, что это новый видъ драмы, драмы «мѣщанской».

Минна фонъ-Барнгельмъ (1764).

Темы насательно «Минны».... предлагаются для учениковъ, перешедшихъ въ VII кл. Какъ въ отноше-

ніе двухъ указанныхъ темъ о «Миссъ Сарѣ»..., такъ и въ отношеніе всѣхъ послѣдующихъ темъ, надо замѣтить, что ихъ лучше задавать не всѣ на одинъ и тотъ же годъ, а чередовать между нѣсколькими годами такъ, чтобы однако каждый годъ ученики читали важнѣйшія произведенія родной и чужеземной литературы для выясненія тѣхъ или другихъ существенныхъ моментовъ въ развитіи европейской словесности. Предварительныя объясненія къ темамъ о «Миннѣ» могутъ быть даны приблизительно въ такомъ духѣ.

«Миссъ Сара». разрушала преграду, отдѣляющую трагическую поэзію отъ обыкновенной жизни, семейный бытъ отъ сцены. Теперь является задача сломить преграду, отдѣляющую нѣмецкую жизнь и дѣйствительность отъ театра. Такую задачу ставила потребность въ національной литературѣ, вызванная Семилѣтней войной. Подвиги и личность Фридриха возбудили общій энтузіазмъ къ королю, въ которомъ нѣмцы, особенно послѣ Росбахской битвы, стали видѣть представителя и защитника національныхъ интересовъ въ противодѣйствіе преобладающему вліянію на судьбу Германіи иноземцевъ, особенно французовъ. Губертсбургскій трактатъ (1763), которымъ окончилась Семилѣтняя война, морально возвысилъ Прусское государство на степень первоклассной державы въ Европѣ. Къ этому надо прибавить что критичеекое отношеніе Лессинга къ французской литературѣ, облегчало ему постановку требованія національной литературы.

Тема 1. «Минна фонъ-Барнгельмъ». Главная мысль для развитія темы: Эта пьеса истинная національная драма изъ современной ей дѣйствительности. Планъ: Черты этой дѣйствительности: 1) мѣсто, 2) время дѣйствія, 3) дѣйствующія лица и ихъ характеры, 4) отношеніе къ арміи и королю, 5) идеализація женщины, 6) отношеніе къ французамъ. Заключеніе: измѣняющійся тонъ этой пьесы придаетъ ей естественность и сближаетъ ее съ жизнью.

Тема 2. Данныя драмы о ея дѣйствующихъ лицахъ до начала самой драмы. Главная мысль развитія этой темы: Драма Лессинга даетъ намеки на такія условія и обстоятельства, предшествующей драмѣ, жизни дѣйствующихъ лицъ, которыя необходимы для пониманія дѣйствія. Планъ: Вступленіе: 1) Драматическій писатель обыкновенно ставитъ зрителя in medias res. 2) Но при этомъ авторъ заботится сдѣланными въ драмѣ намеками ознакомить зрителя съ особенностями и положеніемъ выступающихъ на сцену лицъ. Изложеніе: Въ данной драмѣ Лессинга такія намеки касаются: I личности Телльгейма, 1) его родины; 2) причинъ, побудившихъ его вступить въ прусскую службу; 3) цѣли его—посылки въ Саксонію; 4) его блестящихъ подвиговъ, 5) его раны; 6) его отставки; 7) затруднительнаго денежнаго положенія; 8) его мужества, великодушія, храбрости, доброты и чувства чести. II Личности Минны: 1) ея обрученія, 2) ея отношенія къ дядѣ и опекуну. 3) ея мѣстопребыванія. III Франциски. IV Вернера. V Юсты. VI Хозяина гостиницы. Заключеніе: Обстоятельства, непосредственно предшествующія началу драмы. (Venus Deutsche Aufsätze.

Тема 3. Характеристика Телльгейма. Главная мысль—отзывъ Юсты о Телльгеймѣ. Планъ. Вступленіе: Что и для чего узнаемъ мы о Телльгеймѣ до появленія Минны. I Характеристика Телльгейма, какъ барина. II Его поступки, какъ человѣка. III Телльгеймъ, какъ офицеръ.

Тема 4. Какъ нашлась Минна въ затруднительномъ положеніи и чѣмъ восторжествовала надъ рѣшеніемъ Телльгейма? Главная мысль: Минна придумала хитрость, приноровленную къ характеру Телльгейма. Планъ. I Въ чемъ состояло затруднительное положеніе Минны. II Благодаря чему нашлась Минна. III Какъ она восторжествовала.

Тема 5. Смыслъ заглавія: «Минна фонъ-Барнгельмъ или солдатское счастье». Главная мысль: Телльгеймъ заслужилъ свое счастье—любовь Минны, двумя

неразрывными другъ-съ-другомъ добродѣтелями воина— храбростью и сострадательностью. Планъ. Вступленіе: Минна составляетъ счастье солдата. I Она любитъ истиннаго солдата, въ каждой чертѣ характера котораго отражается человѣкъ, прошедшій школу войны: 1) Съ его сострадательностью, 2) самозабвеніемъ, 3) спокойствіемъ и стойкостью въ отреченіи, 4) безропотностью въ несчастіи, 5) желаніемъ встрѣтить опасность одному; 6) чувствомъ военной чести. II Минна составляетъ счастье солдата, ставшаго таковымъ вслѣдствіе своей храбрости и сострадательности.

Тема 6. (Представляющая нѣсколько иную формулировку 1-ой темы) Отношеніе «Минны»... къ современной ей дѣйствительности. Главная мысль: Эта пьеса по событіямъ, характерамъ и чувствамъ, въ ней изображеннымъ, есть созданіе величавой эпохи Семилѣтней войны. Планъ. Вступленіе: Величавый характеръ пьесы (прославленіе арміи, короля, нѣмецкой женщины): I Отраженіе современныхъ событій. II Отраженіе современной эпохи въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ: 1) въ свойствахъ всѣхъ людей подобной эпохи, 2) у людей добрыхъ по природѣ, 3) у людей безнравственныхъ. Заключеніе. «Минна».. національная пьеса: 1) по вѣрности нѣмецкой дѣйствительности извѣстнаго времени, 2) по чувству патріотизма.

Лаокоонъ (1766).

Темы по «Лаокоону» предлагаются ученикамъ, перешедшимъ въ VIII кл. Предварительныя разъясненія можно дать въ такомъ смыслѣ. Въ то время, какъ нѣмецкая поэзія все болѣе и болѣе водворялась на отечественной почвѣ, росла и любовь къ классической древности. Вмѣстѣ со всеобщимъ плодотворнымъ возбужденіемъ, вмѣстѣ съ повысившейся энергіей эстетическихъ и научныхъ стремленій, гуманистическій элементъ новѣйшаго развитія получилъ удвоенную силу. Не задолго до того, какъ Лессингъ окончилъ «Минну»,

онъ издалъ «Лаокоона» и, благодаря этому, вошелъ въ среду тѣхъ писателей, которые полагали тогда теоретическія основанія распространившемуся по всей Европѣ стремленію возвратиться къ чистымъ греческимъ формамъ, разъясняли это стремленье и вели его подальше. Какъ «Минна»... исходила изъ любви Лессинга къ родинѣ и современной ему дѣйствительности, такъ Лаокоонъ—изъ любви къ древности и глубокаго интереса къ вѣковѣчнымъ задачамъ духа человѣческаго. Основная задача Лессингова «Лаокоона»—разграниченіе живописи и поэзіи являлась въ свое время настоятельною потребностью, выработанною историческимъ ходомъ развитія европейской литературы. Въ древности вопросъ о границахъ живописи и поэзіи почти не затрогивался, потому что не было смѣшенія свойствъ одного искусства съ другимъ. Только во времена упадка искусства можно встрѣтить такое смѣшеніе сферъ различныхъ искусствъ, особенно часто это бываетъ въ эпоху сближенія искусства отживающей древности съ искусствомъ среднихъ вѣковъ. Чѣмъ больше римская религія, склонная къ олицетворенію отвлеченныхъ понятій, въ родѣ добродѣтели. вѣрности и т. п.—теряла свое значеніе, какъ религія, тѣмъ болѣе она допускала аллегорію и символъ, которыми могло воспользоваться и христіанство для выраженія извѣстныхъ понятій и отношеній. Христіанскіе поэты и художники стали пользоваться аллегоріями и символами. Къ этому присоединяется еще слѣдующее обстоятельство. Для народа въ средніе вѣка не существовало литературы, изъ которой онъ могъ бы поучаться. На мѣсто такой литературы является живопись, на которую церковь еще издавна смотрѣла какъ на хорошее поучительное средство. Отсюда, какъ видно, проистекало, съ одной стороны, преобладаніе въ искусствѣ аллегоріи и символики, а съ другой—чрезмѣрное въ немъ стремленіе къ выразительности, которою отличается христіанская живопись въ средніе вѣка. [Помимо предисловія къ Blümner'овскому изданію «Лаокоона», см. еще «Мои досуги» Буслаева]. Въ литературѣ ска-

зывалось то же направленіе, на ряду съ которымъ явилось стремленіе къ описанію. При переработкѣ древнихъ сказаній съ особеннымъ стараніемъ и подробностью останавливались на описаніяхъ вооруженія, утвари, жилища и т. п. Такимъ образомъ средніе вѣка оставили въ наслѣдіе эпохѣ «Возрожденія» именно ту страсть къ описанію въ поэзіи и къ аллегоріи въ образовательныхъ искусствахъ, противъ которыхъ направлены удары Лессингова «Лаокоона»—и направлены тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ, что такое теченіе въ искусствѣ и поэзіи сохранилось еще въ полной силѣ до временъ Лессинга. «Лаокоонъ» есть сочиненіе по внѣшней формѣ не оконченное (было разсчитано на три тома), писанное афористически, безъ всякой видимой системы, но съ единствомъ внутренняго воззрѣнія. Главная цѣль его выражена самымъ заглавіемъ. Главная мысль всего труда можетъ быть выражена словами самого Лессинга: «Я утверждаю, говоритъ онъ, что только то можетъ быть назначеніемъ искусства, къ чему оно одно способно, а не то, что другія искусства могутъ исполнить такъ же хорошо, если не лучше».

Тема 1. Почему художникъ, изображавшій Лаокоона долженъ былъ сохранить извѣстную мѣру въ выраженіи тѣлесной боли? [на основаніи первыхъ 3 главъ]. Главная мысль развитія этой темы: Причина этого—особое свойство греческаго искусства и его неизбѣжныя требованія. Планъ. Вступленіе: 1) Какъ объясняетъ это явленіе Винкельманъ, 2) согласенъ ли съ этимъ объясненіемъ Лессингъ. I Объясненіе даннаго явленія самымъ основнымъ закономъ греческаго ваянія. II Объясненіе средствами ваянія.

Тема 2. Группа Лаокоона и описаніе Вергилія въ Энеидѣ II, 201 и сл. [На основаніи 4—6 гл. «Лаокоона» съ выключеніемъ мѣстъ о Филоктетѣ и о мнѣніяхъ знатоковъ о группѣ Лаокоона]. Главная мысль развитія темы: воспроизводя одинъ и тотъ же сюжетъ, художники слѣдовали законамъ своего искусства. Планъ. I Разница въ изображеніяхъ: 1) относительно крика,

2) оборота змѣй, 3) одежды. II Объясненіе этой разницы: 1) требованіемъ красоты и природой средствъ ваянія, 2) выраженіемъ и требованіемъ образовательнаго искусства, 3) назначеніемъ искусства.

Тема 3. О границахъ живописи и поэзіи, по «Лаокоону» Лессинга [по 12, 16, 20, 21 и 23 главамъ «Лаокоона»]. Главная мысль: Между живописью и поэзіей рѣзкая граница. Планъ. Вступленіе: какъ Лессингъ понимаетъ живопись и поэзію. I Разница поэзіи и живописи въ изображеніи невидимаго міра. II Разница въ изображеніи видимаго: 1) разница въ средствахъ изображенія и вытекающія отсюда разницы: a) въ изображеніи тѣлъ, b) дѣйствій; 2) разница по назначенію изобразительныхъ искусствъ и поэзіи: c) разница въ изображеніи красоты, d) безобразія.

Тема 4. Чѣмъ и какія мысли вызвалъ Гомеръ въ Лессингѣ. Главная мысль: Гомеръ навелъ Лессинга на главную мысль его «Лаокоона» и далъ ему увѣренность въ правильности этой мысли. Планъ. Вступленіе: Какова идея «Лаокоона» I О самостоятельности живописи и поэзіи (описаніе невидимой битвы боговъ, ихъ пира и величія; описаніе моровой язвы; выстрѣла Пандора). II О причинахъ различія между живописью и поэзіей. III О настоящемъ предметѣ поэзіи: 1) пріемы въ обыкновенныхъ описаніяхъ Гомера (колесница Юноны, одежда Агамемнона, скипетръ Агамемнона, скипетръ Ахилла, лукъ Пандора, щитъ Ахилла, красота Елены); 2) пріемы въ исключительныхъ описаніяхъ Гомера (описаніе красоты, безобразія описаніе нѣсколькихъ одновременныхъ качествъ тѣлесныхъ предметовъ).

Гамбургская драматургія (1767—8).

Темы по «Гамбургской драматургіи» предлагаются, ученикамъ перешедшимъ въ VIII кл. Разъясненія для лучшаго пониманія этихъ темъ могутъ быть даны въ такомъ смыслѣ...

Въ 1767 году 12 богатыхъ купцовъ въ Гамбургѣ, подъ вліяніемъ поэта Левена, составили общество съ цѣлью сформировать образцовую для всей Германіи сцену. Были приглашены лучшіе авторы, былъ привлеченъ къ участію въ этомъ предпріятіи и Лессингъ. Ему было поручено издавать журналъ, который критической оцѣнкой игры актеровъ способствовалъ бы образованію этихъ послѣднихъ и развитію театральнаго вкуса публики. Съ перваго мая 1767 г. стала выходить два раза въ недѣлю Гамбургская драматургія, газета, которую писалъ одинъ Лессингъ и которая была посвящена исключительно интересамъ національнаго театра. Лессингъ въ своей «Драматургіи» не думалъ изложить полную теорію драмы. «Листы Драматургіи, говоритъ онъ, не назначены къ тому, чтобы представить полную драматическую систему. Мои мысли могутъ быть и не связаны между собой, могутъ казаться и противорѣчащими другъ-другу, лишь бы только онѣ были мыслями и возбуждали мысли въ другихъ». Высокое значеніе «Драматургіи» для классической нѣмецкой литературы и для великой реформы въ европейской литературѣ вообще основывается не столько на отдѣльныхъ ея эстетическихъ и критическихъ положеніяхъ, сколько на ея методѣ изслѣдованія. Характерная черта этого метода состоитъ въ томъ, что критикъ всегда и постоянно выдвигаетъ существенное и оставляетъ на заднемъ планѣ все внѣшнее и второстепенное; онъ вездѣ отъискиваетъ законъ, всему и всегда полагаетъ основой природу или разумъ и придаетъ мало значенія условнымъ правиламъ. Словомъ, Лессингъ въ «Драматургіи» поступаетъ совершенно обратно тому, какъ поступилъ ложноклассицизмъ для котораго основнымъ требованіемъ была условность искусственной техники. Вотъ почему Лессингъ въ «Драматургіи» выступаетъ прежде всего, какъ освободитель искусства. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя признать безусловную вѣрность за положеніями Лессинга, необходимо признать то намѣреніе, съ которымъ они были высказаны, а также и то воздѣйствіе, которое они имѣ-

ли въ виду. Красной нитью по всей «Драматургіи» проходитъ полемика съ французскимъ классицизмомъ, и для нашего времени именно эта полемическая сторона произведенія Лессинга и является самою важною. Главной мыслью «Драматургіи» можно считать такое положеніе: Лессингъ считалъ для себя самымъ важнымъ разсѣять заблужденіе относительно правильности французской драмы («Драм.» 497).

Тема 1. О «Драматургіи» Лессинга [по «Извѣщенію» и статьямъ CI и сл. Ссылка на «Драматургію», дѣлаются по переводу Разсадина. Главной мыслью этого сочиненія можетъ быть таковая же «Драматургіи». Планъ. Вступленіе: Какъ авторъ задумалъ писать: 1) внѣшнія обстоятельства, 2) талантъ автора. I Чѣмъ должна была быть «Драматургія», и почему она не могла быть таковою. II На немъ сосредоточилось вниманіе «Драматургіи», и какое убѣжденіе привело Лессинга къ его задачѣ. III Какіе «возвратные шаги дѣлаетъ Лессингъ, «чтобы опять попасть на вѣрный путь и ясно видѣть свою цѣль впереди»?

Тема 2. Отношеніе Лессинга къ французской драмѣ. Главная мысль: У французовъ нѣтъ истинной трагедіи. Планъ. Вступленіе: Какъ понимаетъ Лессингъ истинную трагедію (496 и 396 стр.). Изложеніе: французскія драмы производятъ особое впечатлѣніе: 1) по дѣйствующимъ лицамъ (XIV гл.): 2) по характеру дѣйствія, 3) въ зависимости отъ самихъ поэтовъ (LXXX гл). Заключеніе: Почему у французовъ нѣтъ истинной трагедіи (X и LXXX).

Тема 3. Какъ понимали, по толкованію Лессинга, французы греческую трагедію. Главная мысль: «Ни одинъ народъ не понималъ такъ ложно законовъ античной драмы, какъ французы». Планъ. Вступленіе: Какъ понималъ греческую трагедію Аристотель (378 стр.) I фабула трагедіи въ пониманіи Аристотеля и французовъ (192 и сл.): 1) переворотъ судьбы, 2) узнаваніе, 3) страданіе, 4) изложеніе фигуры (394 и сл.). II Характеры (234 и сл.; 403 и сл.). III Дѣйствіе—три единства

(225 и сл.).—V Впечатлѣніе (401—408 и гл. LXXIV—LXXIX). Заключеніе: Привидѣнія, какъ источникъ ужаснаго и эстетическаго (XI и начало XII статьи).

Тема 4. Каковы должны быть дѣйствующія лица въ драмѣ, по толкованію Лессинга. Главная мысль: «Мы въ правѣ требовать отъ поэта послѣдовательности и цѣлесообразности въ созиданіи или изображеніи всѣхъ характеровъ». Планъ. Вступленіе: Заглавіе драмы въ отношеніи къ дѣйствующимъ лицамъ (110 и 153 стр.). I. О дѣйствующихъ лицахъ въ драмѣ вообще: 1) о цѣлесообразности характеровъ дѣйствующихъ лицъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и разнообразіи характеровъ (132) 2) о закономѣрности нравственнаго характера (11 стр.). 3) о соотвѣтствіи образа мыслей характеру лица (15). 4) о настроеніи дѣйствующихъ лицъ. II. О дѣйствующихъ лицахъ въ исторической драмѣ: 1) мнѣніе Аристотеля (100). 2) сюжетъ исторической трагедіи (156 стр.). 3) зачѣмъ поэтъ беретъ историческія имена (XXIII и начало XXIV стат.) 3) характеры дѣйствующихъ лицъ (172—177 стр.).

Тема 5. Что сдѣлалъ Лессингъ для національной драмы (по «Драматургіи»). Главная мысль: Онъ былъ ея родоначальникомъ. Планъ. Вступленіе: Состояніе національной драмы во времена Лессинга: 1) сюжеты пьесъ, 2) форма ихъ, судя по «Драматургіи». Изложеніе. I. Лессингъ пробудилъ нѣмецкое національное чувство. II. Далъ образецъ національной драмы. III. Работалъ надъ основаніемъ національнаго театра въ Гамбургѣ. IV. Освободилъ отъ ложно классицизма: 1) указавъ его недостатки, 2) указавъ требованія истинной драмы. Заключеніе: Такая дѣятельность Лессинга имѣла значеніе: I не только въ области національной драмы, но и въ сферѣ національной поэзіи вообще: 1) въ ея формѣ, 2) содержаніи, 3) духѣ. II. Эта дѣятельность имѣла и общечеловѣческое значеніе.

Эмилія Галлоти (1772).

Темы назначаются для учениковъ VIII класса. Предварительныя разъясненія слѣдующія.

Интересъ Лессинга къ искусству, его принципамъ, его теоріи, замѣтны еще въ раннихъ произведеніяхъ писателя, но вмѣстѣ съ «Лаокоономъ» и «Гамбургской Драматургіей» — эти интересы становятся особенно сильными. А также эстетическое развитіе Лессинга должно было отразиться въ поэзіи, въ частности въ драмѣ — преобразованіемъ этой послѣдней. Оказалось желательнымъ оставить и старыя и вновь возникшія, но слабыя формы, основать новую трагедію и комедію. Образцемъ такой комедіи въ новомъ стилѣ была «Минна», а преобразованной трагедіей — «Эмилія Галлоти». «Теперь, говоря словами Шиллера, расширились узкія границы театральной сцены. На подмосткахъ театра вращается цѣлый міръ, и не слышно больше высокопарныхъ ораторскихъ рѣчей. Мы наслаждаемся лишь вѣрною картиною дѣйствительности. Изгнана и ложная чопорность нравовъ: герой и чувствуетъ и говоритъ истинно по-человѣчески. Страсть держитъ свободную рѣчь, и всю красоту мы полагаемъ въ истинѣ». Когда Лессингъ кончилъ свою первую «мѣщанскую» трагедію, онъ почувствовалъ, что она трогаетъ чувство зрителя въ ущербъ истинѣ, а потому и не достигаетъ своей главной цѣли: немотивированныя потрясенія чувствъ зрителя не трагичны, а сентиментальны. Трагедія Лессинга, Эмилія Галотти чужда такого недостатка. Сюжетъ ея, говоритъ авторъ, это исторія римской Виргиніи, но изъ нея выкинуто все то, что дѣлало ее интересною для цѣлаго римскаго міра; тутъ нѣтъ и тѣхъ послѣдствій, какія онѣ имѣла въ Римѣ. Тутъ нѣтъ тѣхъ причинъ и слѣдствій, благодаря которымъ поступокъ Виргиніи является эпизодомъ для римской исторіи. За то отъ послѣдней остается мотивъ общечеловѣческій и трагическій». Вѣрный ключъ къ пониманію трагедіи «Эмиліи Галотти» — это тѣ правила, которыя Лессингъ изложилъ

въ своей «Драматургіи», какъ естественные законы трагедіи. Ихъ-то онъ и считалъ истиннымъ ученіемъ Аристотеля, невѣрно понятымъ французами. Великіе и простые законы трагедіи, критически разъясненные Лессингомъ и нашли самое точное, образцовое примѣненіе въ «Эмиліи Галотти».

Тема 1. «Соблазнъ—вотъ насиліе». Главная мысль: «Эти слова Эмиліи проливаютъ свѣтъ на смыслъ всей трагедіи». Планъ. Вступленіе: Любовь принца къ Эмиліи есть движущая пружина цѣлаго произведенія, не будь ея—была бы идиллія, а теперь: 1) женихъ убитъ, 2) невѣста похищена, 3) ее окружаютъ такой обстановкой, что она для спасенія своей чести умираетъ. I Страсть принца представляетъ: 1) неблаговидныя отношенія а) своей формой, силой, искренностью, в) вслѣдствіе молодости и невинности Эмиліи. 2) Все это представляетъ въ душѣ Эмиліи внутреннее недовольство; а) оскорбляетъ ея невинность и набожность, вслѣдствіе ея воспитанія и характера: а) строгости ея воспитанія, b) набожности, с) скромности, d) покорности родителямъ, f) нѣжности, g) боязливости, 2) что и довело ее до отчаянія за свою душу.

Тема 2. «Эмилія Галотти» и разсказъ Ливія III, 44 и гл. Главная мысль: «Эмилія» не имѣетъ того спеціально римскаго интереса, какъ разсказъ Ливія, а представляетъ интересъ общечеловѣческій. Планъ. Вступленіе: Почему можно сравнивать «Эмилію» съ даннымъ разсказомъ Ливія: 1) по сходству темы, 2) со стороны поэтическаго и драматическаго элементовъ. I Съ какой точки зрѣнія развиваютъ тему: 1) Ливій, 2) Лессингъ. II Какъ отражается эта точка зрѣнія: 1) на идеяхъ разсказа, 2) на характерѣ и подборѣ сообщаемыхъ фактовъ, 3) на изображаемыхъ страстяхъ, 4) на изображаемыхъ личностяхъ (Виргиліи и Эмиліи), 5) на формѣ изображенія. III Чѣмъ объяснить указанныя точки зрѣнія писателей: 1) какъ тотъ, такъ и другой авторъ были дѣтьми своего народа и времени («у древнихъ былъ одинъ міръ—гражданская община.

и съ какой стороны вы ни вглядывались въ душу римлянина, вы увидѣли бы въ нёмъ только гражданина». Тэнъ: «Титъ Ливій», 231. Ливій поборникъ свободы отечества и былъ современникомъ разрушенія республики. Время Лессинга — вѣкъ «просвѣщенія» когда всѣхъ лучшихъ людей проникаетъ горячая и дѣятельная любовь къ людямъ, стремленіе пожертвовать собою за дѣло человѣчества, защитить свободу и достоинство человѣка. Геттнеръ. Народъ Лессинга—только что пережившій «Семилѣтнюю войну») 2) тотъ и другой давали то, что могъ дать ихъ характеръ и талантъ. (Ливій былъ ораторъ, а Лессингъ драматургъ). NB Для этой темы слѣдуетъ указать ученикамъ, какъ на пособіе извѣстные отдѣлы изъ книги Тэна: «Титъ Ливій», а также обратить ихъ вниманіе и на тѣ разъясненія, которыя были имъ даны по поводу указанныхъ выше произведеній Лессинга.

Тема 3. Идиллическія черты въ трагедіи «Эмиліи Галотти». Главная мысль: Лессингъ въ данной трагедіи не чуждъ тѣмъ идеямъ, которыя Руссо завѣщалъ своему вѣку. Планъ. Вступленіе: Какія главныя идеи завѣщалъ Руссо своему вѣку (по книгѣ Геттнера: «Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка» т. II, кн. 2, стр. 351 и сл., а также II т., кн. 3, стр. 395 и сл.) Изложеніе. I Идиллическія черты въ характерѣ: 1) Одоардо, 2) Аппіанъ. II Одушевленныя изображенія любви и стремленій чувствъ. III Протестъ противъ насилія.

Тема 4. Отношеніе «Эмиліи Галотти» къ «Драматургіи». Главная мысль: Эта трагедія представляетъ примѣненіе законовъ, указанныхъ въ «Драматургіи». Планъ. Вступленіе: Какъ понималъ Лессингъ сущность трагедіи: 1) какое она должна производить впечатлѣніе, 2) какова должна быть ея фабула, 3) ея дѣйствіе. Изложеніе: удовлетворяетъ-ли этимъ взглядамъ «Эмилія»: 1) производитъ-ли она истинно трагическое впечатлѣніе: a) вызывая въ достаточной степени состраданіе, b) порождая страхъ, неразрывный съ состраданіемъ; 2) представляетъ ли подходящую фабулу: a) изображая столкно-

веніе между близкими, b) изображая такіе поступки, возбуждающіе страхъ и сострадніе, которые задумываются и приводятся въ исполненіе съ сознаніемъ, 3) есть-ли въ ней дѣйствіе: а) составляютъ ли изображаемыя событія цѣпь причинъ и слѣдствій, в) происходитъ ли все такъ, что иначе и произойти не можетъ.

Натанъ мудрый (1779).

Драма «Натанъ мудрый» даетъ темы для учениковъ VIII класса. Предварительныя разъясненія для этихъ темъ могутъ быть таковы. Драма «Натанъ мудрый» представляетъ завершеніе драматическаго творчества Лессинга: начавъ съ драмы характеровъ и перейдя черезъ драму нравовъ, Лессингъ въ «Натанѣ» доходитъ до гуманной общечеловѣческой драмы мысли. «Натанъ» составляетъ важнѣйшее поэтическое произведеніе нѣмецкаго «просвѣщенія»; эта драма содержитъ сущность идей, которыя господствовали въ XVIII вѣкѣ, и которыя легли въ основаніе дальнѣйшаго развитія нѣмецкой классической литературы.

Тема 1. Семья Саладина. Главная мысль: Въ этой семьѣ соединяются люди разныхъ вѣроисповѣданій. Планъ: I. Родственная связь этой семьи. II Духовное единеніе членовъ этой семьи въ силу общности ихъ взглядовъ: 1) на религію, 2) на національность, 3) на нравственность.

Тема 2. «Натанъ», какъ характерная пьеса вѣка «Просвѣщенія». Главная мысль: Съ полемикой противъ нетерпимости Лессингъ соединилъ проповѣдь евангельской любви. Планъ. I Въ чемъ выразилась полемика съ нетерпимостью: 1) выбрано время 4-го Крестоваго похода—время, когда религіозные интересы уже не играютъ исключительной роли: а) у кого служитъ рыцарь-храмовникъ; в) христіанскій король посвящаетъ мусульманина въ рыцари; с) мусульманинъ готовъ по-

родниться съ христіаниномъ; d) христіанинъ на службѣ у еврея. 2) выбраны такія лица, какъ: a) Саладинъ; b) Натанъ; c) храмовникъ; d) патріархъ; e) Дайя. II Въ чемъ выразилась проповѣдь евангельской любви.

Тема 3. «Натанъ», какъ «драматическая поэма», по словамъ самого Лессинга. Главная мысль: «Натанъ» драма мысли. Планъ. Вступленіе: Какое отношеніе къ драматизму пьесы имѣетъ выборъ времени, мѣста и дѣйствующихъ лицъ: 1) Крестовые походы, 2) Іерусалимъ. 3) фанатики и свободные мыслители. I Характеры лицъ раскрываются не въ дѣйствіяхъ ихъ. II События и дѣйствія: находятся отчасти въ противорѣчіи; 2) связь событій слабая. III субъективность и тенденціозность пьесы.

Тема 4. «Мудрость», «умъ», «хитрость» разъяснить на примѣрахъ изъ «Натана». Планъ: Вступленіе. Опредѣленіе мудрости, какъ разумѣнія истиннаго блага, истинной цѣли жизни; ума, какъ умѣнья выбирать и примѣнять средство къ достиженію цѣли; хитрости, какъ употребленіе обмана изъ своихъ цѣлей. Изложеніе: I Въ чемъ проявляется мудрость въ данномъ произведеніи Лессинга. II Въ чемъ проявляется умъ; III Въ чемъ проявляется хитрость. Заключеніе: Имѣютъ-ли между собой связь указанныя три качества.

Ю. Верещагинъ.

2 января 1897 г.
СПБ. Одесская ул. д 12.

КЪ ВОПРОСУ О СЛОЖНОМЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ.

Изученіе сложныхъ предложеній представляетъ неодолимыя затрудненія для учащихся. Происходитъ это не оттого, что самый предметъ изученія непосиленъ, а оттого, что школьные учебники грамматики не только не даютъ яснаго и толковаго изложенія о немъ, но напротивъ, на каждомъ шагу запутываютъ учащагося своими противорѣчіями. Что въ сказанномъ нѣтъ никакого преувеличенія, легко убѣдиться, внимательно просмотрѣвъ ученіе о сложномъ предложеніи въ грамматикахъ. Для разсмотрѣнія возьмемъ грамматики или самыя распространенныя въ школахъ, или наиболѣе научныя.

„Предложеніемъ придаточнымъ, говорится въ „Синтаксисѣ русскаго языка". А. Кирпичникова, называется такое предложеніе, которое не имѣетъ самостоятельнаго значенія, не можетъ быть произнесено отдѣльно, а *служитъ только для объясненія какой нибудь части другого предложенія*", а нѣсколькими строками ниже сказано: „*предложеніе придаточное замѣняетъ второстепенныя части предложенія главнаго*". Между подчеркнутыми выраженіями большая разница, настолько большая, что надлежащее пониманіе ихъ помогаетъ правильному воззрѣнію на придаточныя предложенія. Но, къ сожалѣнію, г. Кирпичниковъ не задумывается надъ тѣмъ, что говоритъ. Сказавъ, что придаточныя предложенія замѣняютъ второстепенныя части главнаго предложенія, Кирпичниковъ къ придаточнымъ относитъ и придаточныя подлежащія, которыя противорѣчатъ данному положенію. Раздѣляя придаточныя предложенія на опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя, Кирпичниковъ считаетъ также придаточными условныя и уступительныя, хотя послѣднія не могутъ быть помѣщены ни въ одной изъ указанныхъ категорій. Особенно странной кажется слѣдующая оговорка: „предложенія условныя и уступительныя могутъ считаться и за сочиненныя со своими главными". Если предложенія

условныя и уступительныя признать за сочиненныя, то выраженіе, что они могутъ считаться за сочиненныя со своими главными, должно признать нелѣпымъ, такъ какъ сочиняются только равносильныя предложенія.

Сложнымъ предложеніемъ г. Кирпичниковъ называетъ „главное предложеніе, взятое со своими придаточными, къ нему относящимися, и съ тѣми придаточными, которыя относятся къ его придаточнымъ“. Это—опредѣленіе предложенія сложнаго по способу подчиненія, но, вѣдь, въ понятіе: „сложное предложеніе“ входятъ и предложенія сложныя по способу сочиненія. Кирпичниковъ, по-видимому, предложенія сочиненныя не хочетъ считать сложными и даетъ имъ слѣдующее невѣрное опредѣленіе: „Два главныя, рядомъ стоящія и соединенныя союзомъ называются сочиненными. Во-первыхъ, неужели, могутъ сочиняться только два главныя предложенія, во вторыхъ, неужели союзы служатъ необходимымъ условіемъ сочиненія предложеній, и въ-третьихъ, какой смыслъ въ выраженіи: „два главныя, рядомъ стоящія“. Предложеніе можетъ быть названо главнымъ, если при немъ есть придаточное. Кирпичниковъ, не обративъ на это вниманія, употребляетъ терминъ „главныя“ вмѣсто независимыя.

Однимъ словомъ, тѣ двадцать строчекъ, въ которыхъ г. Кирпичниковъ говоритъ о сложномъ предложеніи, не только не даютъ хоть сколько нибудь вѣрнаго понятія о послѣднемъ, но вызываютъ одно только удивленіе, какимъ образомъ онъ ухитрился въ столь немногихъ словахъ сказать столь много несообразностей.

Не лучше этого Кирпичниковъ разсматриваетъ и виды придаточныхъ предложеній. А между тѣмъ его синтаксисъ почти ежегодно выходитъ новымъ изданіемъ.

Гораздо внимательнѣе и серьёзнѣе разобраны сложныя предложенія, въ другой то же весьма распространенной грамматикѣ. Говоровъ ближе былъ къ пониманію сущности сложныхъ предложеній. Къ сожалѣнію, одно ему не удалось выяснить потому, что въ то время господствовало смѣшеніе грамматическихъ понятій съ логическими, лучше сказать, господствовало подчиненіе грамматики логикѣ; другое —

вслѣдствіе не вполнѣ яснаго и отчетливаго пониманія предмета. Прежде всего не слѣдовало смѣшивать грамматическаго предложенія съ логическимъ сужденіемъ. Нужно было разсматривать соединеніе предложеній главнымъ образомъ со стороны ихъ грамматическаго построенія, не упуская при этомъ логической связи предложеній тамъ, гдѣ это не мѣшаетъ, а напротивъ способствуетъ лучшему пониманію формъ нашей рѣчи. Отношенія грамматическихъ предложеній другъ къ другу не тожественны отношеніямъ логическихъ сужденій. Можно говорить о грамматическихъ придаточныхъ предложеніяхъ, но не о логическихъ (стр. 57). Вслѣдствіе такого смѣшенія понятій, Говоровъ постоянно запутывается въ своихъ опредѣленіяхъ. Такъ, напримѣръ, грамматическое придаточное, по его мнѣнію, есть „такое предложеніе, которое замѣняетъ собою какое нибудь частное понятіе въ другомъ предложеніи и которое поэтому составляетъ нераздѣльную съ нимъ часть его". Во-первыхъ, выраженіе „частное понятіе", въ логикѣ, совсѣмъ не годится въ грамматикѣ, особенно въ той, которую приходится учить десяти—одиннадцатилѣтнимъ дѣтямъ, ничего не знающимъ ни объ общихъ, ни о частныхъ понятіяхъ. Во-вторыхъ, какое частное понятіе главнаго замѣнено придаточнымъ въ примѣрахъ: „Есть много богачей, которыхъ смерть одна къ чему нибудь годна"; Въ свѣтѣ чуда нѣтъ, къ которому-бъ не приглядѣлся свѣтъ". На этотъ вопросъ врядъ ли бы далъ отвѣтъ и самъ Говоровъ.

„Если бы захотѣли, сказано дальше, отдѣлить такое предложеніе отъ его главнаго, то вышло бы, что или это главное безъ придаточнаго, или придаточное безъ главнаго не имѣло бы настоящаго смысла". Но въ грамматикѣ же Говорова приведено много примѣровъ, въ которыхъ главное совершенно понятно безъ придаточнаго: „Жизнь еще предо мною—вся въ видѣньяхъ и звукахъ, точно городъ дальній утромъ, полный звона, полный блеска"; „По нивѣ прохожу я узкою межой, поросшей кашкой и цѣпкой лебедой" и т. п., и придаточное безъ главнаго: „И говоритъ (Лисица) такъ сладко, чуть дыша: „Голубушка, какъ хороша! Ну,

что за шейка, что за глазки! Разсказывать, такъ, право, сказки!“ [1].

На страницѣ 76 синтаксиса Говорова находимъ: „по способу сочиненія соединяются между собою предложенія равносильныя въ грамматическомъ смыслѣ, т. е. такія, изъ которыхъ ни одно не составляетъ уже грамматической части другого предложенія, а напротивъ каждое, и въ отдѣльности взятое, можетъ заключать въ себѣ свой независимый, достаточный смыслъ“. Давъ такое опредѣленіе сочиненныхъ предложеній, Говоровъ относитъ къ нимъ и слѣдующія: „Мнѣ грустно, потому что весело тебѣ“; „А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе, то и пустынникъ нашъ скорѣе, чѣмъ Мишенька усталъ“ и т. п. Ясно, что приведенные примѣры находятся въ полномъ противорѣчіи съ даннымъ опредѣленіемъ сложнаго сочиненнаго предложенія.

Вслѣдствіе сбивчиваго пониманія сложныхъ предложеній, Говоровъ не всегда удачно разграничиваетъ предложенія по категоріямъ. Такъ, напримѣръ, предложеніе: „Кому, о Господи, доступны твои Сіонски высоты? Тому, чьи мысли неподкупны, чьи цѣломудренны мечты“ — отнесено къ опредѣлительнымъ, а предложеніе: „Кто у Бога проситъ, да работать любитъ, тому невидимо Господь посылаетъ“, совершенно аналогичное первому, помѣщено въ разрядъ дополнительныхъ. Предложеніе: „Мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ пріобрѣсти благородное названіе добрый, чтобы имѣть право считаться счастливымъ“ Говоровъ считаетъ обстоятельственнымъ цѣли, а предложеніе: „Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ, за дубовую дверь окованную, чтобы свѣта Божьяго ты не видѣла, мое имя честное не порочила“ онъ разсматриваетъ какъ сложное сочиненное, въ которомъ „излагается конечная причина для дѣйствія, выраженнаго въ первомъ предложеніи“. Думаю, что указанныя предложенія какъ въ грамматическомъ, такъ и въ смысловомъ отношеніи совершенно одинаковы и должны быть отнесены къ обстоятельственнымъ цѣли.

---

[1]) Чужую рѣчь Говоровъ считаетъ дополнительнымъ предложеніемъ.

Нужно, впрочемъ, оговориться, что промахи, допущенные Говоровымъ болѣе или менѣе простительны: онъ первый далъ основательное понятіе о сложномъ предложеніи. Говоровъ разработалъ этотъ вопросъ гораздо лучше и полнѣе Буслаева. У послѣдняго о сложномъ предложеніи находимъ очень немного, да и съ этимъ немногимъ въ большинствѣ случаевъ нельзя согласиться.

Составителямъ грамматикъ, писавшимъ послѣ Говорова, нужно было со вниманіемъ отнестись къ тому, что онъ сказалъ о сложномъ предложеніи, и не слѣдовать за Буслаевымъ, который, находясь подъ сильнымъ воздѣйствіемъ такъ называемой логической точки зрѣнія на грамматику, допустилъ крайнія несообразности съ грамматической точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, авторитетъ Буслаева былъ подавляющимъ, и промахи, допущенные имъ сорокъ лѣтъ тому назадъ не только съ благоговѣніемъ повторялись и повторяются до сихъ поръ, но къ нимъ присоединяются еще и новые, потому что самъ Буслаевъ о сложномъ предложеніи сказалъ мало, а его послѣдователи стали говорить много. Синтаксисъ Поливанова, одного изъ самыхъ образованныхъ и талантливыхъ педагоговъ, какъ мнѣ кажется, является наиболѣе полнымъ и послѣдовательнымъ продолженіемъ воззрѣній Буслаева въ вопросѣ о сложномъ предложеніи. На разсмотрѣніи сложнаго предложенія по синтаксису Поливанова я и остановлюсь еще.

Объ этомъ синтаксисѣ г. Житомірскій въ своей прекрасной статьѣ: „Критика школьной грамматики“ говоритъ слѣдующее: „Что касается синтаксиса, то, хотя на практикѣ дѣло обстоитъ еще менѣе завидно, чѣмъ съ этимологіей, но въ учебной литературѣ имѣются грамматики, гдѣ почти всѣ недостатки, о которыхъ намъ слѣдовало бы поговорить, уже устранены. Къ сожалѣнію, эти грамматики (вѣроятно, г. Житомірскій хочетъ сказать синтаксисы, потому что этимологій удовлетворительныхъ онъ не находитъ) наименѣе употребительны у насъ. Правда, синтаксисъ Смирновскаго въ послѣднее время началъ вытѣснять прежде употреблявшіеся учебники, но лучшій изъ школьныхъ синтаксисовъ (Поливанова), кажется, нигдѣ не употребляется. При современ-

номъ состояніи знаній едва ли можно составить лучшій учебникъ, чѣмъ синтаксисъ Поливанова. Почему его постигла такая печальная участь, для насъ совершенно непонятно. Можетъ быть, виною этому его кажущаяся обширность; но она происходитъ единственно отъ изобилія примѣровъ, которыми авторъ добросовѣстно снабдилъ свой учебникъ. Странно, что даже въ классическихъ гимназіяхъ, гдѣ онъ положительно незамѣнимъ, онъ тоже, сколько намъ извѣстно, въ употребленіе не вошелъ". (Пед. Сбор. н. 375).

Дѣйствительно, у г. Поливанова мы находимъ стремленіе строго-систематически раздѣлить предложенія на простыя и сложныя, а сложныя на сочиненныя, подчиненныя, слитныя, вводныя и вносныя (чужая рѣчь). Къ сожалѣнію, Поливановъ, при раздѣленіи предложеній на виды, не держится одной и той же точки зрѣнія. Говоря о сложныхъ сочиненныхъ, онъ обращаетъ вниманіе только на грамматическое построеніе, не дѣлая ни малѣйшей уступки логической связи между ними. Поэтому-то онъ педантически различаетъ логическое цѣлое отъ синтаксическаго. Чтобы лучше выяснить этотъ его взглядъ, разсмотримъ его разборъ одного отрывка:

„Онъ (Уралъ) орошаетъ часть Башкиріи, обнимаетъ почти всю юго-восточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволжскія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ киргизъ Кайсаковъ. Его теченіе быстро; мутныя воды наполнены рыбою всякаго рода; берега большею частію глинистые, песчаные и безлѣсные, но во многихъ мѣстахъ поемныхъ удобные для скотоводства". (Пуш.).

„Здѣсь, говоритъ Поливановъ, два логическихъ цѣлыхъ, раздѣленныя точкою: въ первомъ три синтаксическихъ цѣлыхъ, объединенныхъ одною цѣлію—указать страны, по которымъ течетъ Уралъ, и потому раздѣленныхъ лишь точками съ запятой; во второмъ—также три синтаксическихъ цѣлыхъ, объединенныхъ одною цѣлію—дать описаніе самой рѣки: они также раздѣлены лишь точками съ запятой. Главная мысль каждаго изъ обоихъ логическихъ цѣлыхъ не вы-

ражена въ отдѣльномъ предложеніи и легко сама собою понимается“. (Синт. § 90).

Къ сожалѣнію, Поливановъ не даетъ опредѣленія сложнаго сочиненнаго предложенія, но судя по примѣрамъ, можно думать, что сочиненными предложеніями онъ считаетъ такія, которыя логически равносильны, а грамматически связаны союзами или относительными мѣстоименіями. Изъ сказаннаго явствуетъ, что по отношенію къ сложнымъ сочиненнымъ предложеніямъ проведена строго грамматическая точка зрѣнія. А къ сложнымъ подчиненнымъ Поливановъ относитъ и подчиненныя грамматически, и подчиненныя логически. Такой невыдержанности относительно раздѣленія предложеній нельзя ставить въ большую вину г. Поливанову, потому что онъ сознательно допускаетъ ее по убѣжденію, какъ это можно заключить изъ его предисловія къ учебнику, и въ силу господствующаго воззрѣнія. Конечно, гораздо справедливѣе и научнѣе было бы, при изученіи грамматики, разсматривать предложенія прежде всего со стороны ихъ грамматическаго построенія, а не смысловаго значенія. Впрочемъ, со всѣмъ этимъ можно, пожалуй, еще мириться, но никакъ нельзя простить Поливанову той неясности и крайней неточности опредѣленій и правилъ, съ которой на каждомъ шагу приходится встрѣчаться въ его синтаксисѣ. Въ сказанномъ легко убѣдиться, внимательно просмотрѣвъ отдѣлъ о сложномъ предложеніи.

„Предложенія, сказано здѣсь, могутъ слѣдовать одно за другимъ, не будучи связаны между собою грамматически. Тогда они называются простыми. Поднялась буря. Море сильно взволновалось; корабль кидало волнами“. (§ 89).

Изъ приведенныхъ словъ вытекаетъ, что предложенія называются простыми тогда, когда они могутъ слѣдовать одно за другимъ. Самъ собою возникаетъ вопросъ, когда же это они могутъ слѣдовать, чтобы получить званіе простыхъ, и когда не могутъ. Выходитъ, что просто „предложеніе“ есть одно понятіе, а „простое предложеніе“—другое, и что просто „предложеніе“ не всегда можетъ быть простымъ предложеніемъ. Такъ, напримѣръ, если скажемъ: „Поднялась буря“, то это будетъ только „предложеніе“; если же ска-

женъ: „Поднялась буря. Море сильно взволновалось“, то предложеніе: „Поднялась буря“ изъ предложенія обращается въ „простое предложеніе“. На такія размышленія наводитъ вышеприведенное опредѣленіе простого предложенія. На самомъ же дѣлѣ, между понятіями „предложеніе“ и „простое предложеніе“ разницы никакой нѣтъ, да и самъ Поливановъ ея не дѣлаетъ въ дѣйствительности,—онъ только не точно выражается. Онъ хочетъ указать на различіе между простымъ и сложнымъ предложеніемъ и, вмѣсто того, чтобы коротко и ясно сказать, что предложеніе, (не сложное) по отношенію къ сложному предложенію, называется простымъ, даетъ сбивчивое понятіе о простомъ предложеніи [2]).

Сказанное Поливановымъ относительно простыхъ предложеній съ одинаковымъ правомъ можетъ быть отнесено и

---

[2]) Смирновскій въ своемъ весьма распространенномъ въ настоящее время синтаксисѣ такъ же, какъ и Поливановъ неудачно выясняетъ этотъ, повидимому, простой вопросъ. На первой страницѣ своего учебника онъ говоритъ: «сужденіе, выраженное словами, называется предложеніемъ; а на стр. 52: «Рѣчь, заключающая въ себѣ не болѣе одного предложенія, называется простымъ предложеніемъ». Говоровъ, который въ первой части своей грамматики (этимологіи) наговорилъ о простомъ предложеніи, Богъ вѣсть, чего, во второй части (синтаксисѣ), по-моему, довольно удачно объясняетъ разницу между простымъ и сложнымъ предложеніями, а именно: «какъ изъ соединенія отдѣльныхъ понятій въ одно цѣлое (нужно было сказать словъ) образуется простое предложеніе, такъ изъ соединенія отдѣльныхъ простыхъ предложеній въ одно цѣлое образуется сложно-составное предложеніе»! Синт. стр. 57). Кстати можно замѣтить, что Говоровъ въ первой части грамматики сложное предложеніе раздѣляетъ на слитное и составное; во второй части онъ упоминаетъ только о сложномъ составномъ, забывъ о существованіи сложнаго слитнаго. Еще проще выражается Буслаевъ: «Изъ совокупности двухъ или нѣсколькихъ предложеній составляется предложеніе сложное, такъ называемое въ отличіе отъ простого, не соединеннаго съ другимъ (Ист. грам. § 130). Поливанову и Смирновскому лучше было бы повторить чужое хорошее, чѣмъ придумывать свое дурное.

къ сложнымъ. Развѣ нельзя сказать, что сложныя предложенія не только могутъ, но обыкновенно слѣдуютъ другъ за другомъ, не будучи связаны между собой грамматически.

„Предложенія, говорится дальше, могутъ быть и связаны между собою грамматически, т. е. союзами, относительными мѣстоименіями и нарѣчіями или другими способами, указанными ниже. Тогда они образуютъ предложеніе сложное. (§ 89). Мы уже говорили, что сказанное Поливановымъ о простыхъ предложеніяхъ можетъ быть отнесено и къ сложнымъ; въ свою очередь и то, что говорится о сложномъ предложеніи, можетъ относиться и къ простымъ. На стр. 113 у Поливанова приведены слѣдующія предложенія, связанныя между собою союзами, относительными мѣстоименіями и нарѣчіями: „Злой боится, чтобы его не узнали; долженъ безпрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредѣ другихъ, онъ сдѣлался имъ непріятелемъ: итакъ окруженный врагами, можетъ ли быть спокоенъ? не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть счастливъ? Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только ошибкою. (К.) „Одинъ я въ мірѣ подсмотрѣлъ святыя искреннія слезы — то слезы бѣдныхъ матерей". (Некр.) „Перетерпѣвъ судебъ удары, окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ". (П.) Самъ Поливановъ утверждаетъ, что въ данныхъ примѣрахъ союзы, относительное мѣстоименіе и нарѣчіе не связываютъ предложеній въ сложное. А если не связываютъ, то къ чему было давать раньше приведенное правило, въ которомъ особенно много говорящимъ является выраженіе: „или другими способами, указанными ниже".

„Между предложеніями, соединенными въ одно сложное, сказано въ томъ же 89 параграфѣ, ставится запятая", но нѣсколькими страницами ниже оказывается, что между подобными предложеніями ставится также двоеточіе, запятая съ чертой, тире (§ 100 и 101). „Между предложеніями простыми, а равно и между предложеніями сложными, ставится точка, точка съ запятой и двоеточіе. Раздѣленныя сими знаками и не связанныя между собою предложенія простыя и сложныя называются синтаксическими цѣлыми". А страницей ниже говорится, что между синтаксическими

цѣлыми ставится и запятая. Выраженіе: „Раздѣленныя сими знаками и не связанныя между собой предложенія“ непонятно, потому что неизвѣстно, въ какомъ отношеніи и чѣмъ не связанныя предложенія. Кромѣ того нахожу антипедагогичнымъ сообщать правила въ такомъ видѣ, какъ это дѣлаетъ г. Поливановъ. Ученики еще ничего не знаютъ о сложныхъ предложеніяхъ, а имъ уже сообщаютъ о постановкѣ между ними знаковъ, да и то не сразу, а по частямъ. Въ одномъ мѣстѣ они заучиваютъ, что между предложеніями, соединенными въ сложное, ставится запятая, въ другомъ—двоеточіе, въ третьемъ—тире.

„При построеніи сложнаго предложенія, читаемъ на 59 страницѣ, возможны два случая: 1. Или предложенія, его составляющія, сохраняютъ равное значеніе. 2. Или одно предложеніе имѣетъ второстепенное значеніе. Это бываетъ тогда, когда какой либо членъ предложенія простого получаетъ форму цѣлаго предложенія, которое называется придаточнымъ“. Изъ приведеннаго мѣста учащійся узнаетъ, что при построеніи сложнаго предложенія возможны только два случая, а черезъ нѣсколько страницъ ниже онъ учитъ о сложныхъ предложеніяхъ слитныхъ, вводныхъ и вносныхъ. Потомъ, неизвѣстно, въ какомъ именно отношеніи предложенія „сохраняютъ равное значеніе“ — въ грамматическомъ или логическомъ. Если въ грамматическомъ, то зачѣмъ Поливановъ относитъ къ придаточнымъ предложеніямъ условныя и уступительныя, а если въ логическомъ, то зачѣмъ къ сочиненнымъ отнесены предложенія слѣдствія и причины? Впрочемъ, относительно предложеній причины нужно замѣтить, что Поливановъ къ причинному сочиненію относитъ только тѣ предложенія, которыя соединяются союзомъ „ибо“; соединенныя союзами „потому что“, „такъ какъ“ и др. онъ считаетъ подчиненными.

Во второмъ пунктѣ Поливановъ говоритъ, что придаточное предложеніе имѣетъ второстепенное значеніе, потому что образуется изъ какого-либо члена предложенія простого (лучше было бы сказать предложенія другого). Интересно было бы знать, изъ какого члена „простого предложенія“ образуются условныя и уступительныя, отнесенныя Полива-

новымъ къ придаточнымъ. Изъ какого также члена „простого предложенія“ получены слѣдующія придаточныя, помѣщенныя въ синтаксисѣ Поливанова: „чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ“ (§ 138). „О камень такъ хватила ихъ, что только брызги засверкали“ (§ 130); „Суворовъ, подобно Александру, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ (§ 133); „Гораздо лучше рыбу ѣсть, чѣмъ рыбѣ на обѣдъ попасться“ (§ 134)?

„Предложеніе, продолжаетъ Поливановъ, къ которому относится придаточное предложеніе, замѣняя какой-либо изъ его членовъ, называется главнымъ предложеніемъ“. Данное опредѣленіе заставляетъ думать такимъ образомъ: Главнымъ предложеніе называется только тогда, когда придаточное, „къ нему относящееся, замѣняетъ какой-либо изъ его членовъ“ не только излишня, потому что придаточное предложеніе уже опредѣлено, но мѣшаетъ точному пониманію того, что хотѣлъ сказать авторъ. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, на страницѣ 107 находимъ слѣдующее: „главное предложеніе, вставленное въ средину другого предложенія, называется вводнымъ предложеніемъ. Значитъ, Поливановъ различаетъ два вида главныхъ предложеній: 1) главное съ придаточнымъ и 2) главное, вставленное въ средину другого. Жаль, что онъ не далъ названія этому другому. Если вводное называть главнымъ, то предложеніе, въ средину котораго оно вставлено, слѣдуетъ именовать придаточнымъ или же второстепеннымъ; а это, очевидно, нелѣпость, потому что вводное, при грамматической разноправности съ тѣмъ, въ которое оно вставлено, является второстепеннымъ въ смысловомъ отношеніи, настолько второстепеннымъ, что легко можетъ быть опускаемо.

Въ числѣ придаточныхъ предложеній г. Поливановъ различаетъ: 1) „соотвѣтствующія второстепеннымъ членамъ простого предложенія: предложенія опредѣлительныя, дополнительныя и обстоятельственныя и 2) соотвѣтствующія главнымъ членамъ простого предложенія“ (§ 103) „къ предложеніямъ обстоятельственнымъ причины, сказано въ другомъ мѣстѣ, принадлежатъ предложенія условныя и уступительныя“. Непонятно, на какомъ основаніи г. Полива-

новъ тѣ и другія предложенія относитъ къ обстоятельственнымъ причины. Не желалъ ли онъ избѣжать противорѣчія, допускаемаго другими грамматиками, которыя, утверждая, что придаточныя предложенія замѣняютъ собою второстепенные или главные члены предложенія, относятъ къ придаточнымъ и условныя съ уступительными, хотя ни слова не говорятъ о второстепенныхъ членахъ условія и уступленія. Избѣжавъ этого противорѣчія, Поливановъ, какъ мнѣ кажется, поступаетъ еще хуже, потому что уступительныя предложенія есть только видъ противительныхъ сочиненныхъ, да и условныя врядъ ли удобно относить къ причиннымъ.

Интересно сопоставить данныя Поливановымъ опредѣленія придаточныхъ предложеній. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что придаточныя предложенія образуются изъ какого-либо члена „предложенія простого" (§ 94); въ другомъ, что „придаточное замѣняетъ какой-либо членъ главнаго предложенія" (§ 94); въ третьемъ, что придаточныя соотвѣтствуютъ второстепеннымъ или главнымъ членамъ „простого предложенія" (§ 103). Рядомъ съ такими опредѣленіями придаточныхъ вообще, объ опредѣлительныхъ придаточныхъ говорится, что „они относятся къ именамъ существительнымъ и отвѣчаютъ, какъ и слова опредѣлительныя на вопросы: который? какой? сколько? О придаточныхъ дополнительныхъ и обстоятельственныхъ: времени, мѣста, образа дѣйствія, причины, цѣли сказано только, на какіе вопросы они отвѣчаютъ. Болѣе посчастливилось предложеніямъ условнымъ и уступительнымъ. О первомъ изъ нихъ говорится, что въ немъ „выражается основаніе, въ главномъ слѣдствіе"; второе, по мнѣнію Поливанова, выражаетъ причину, противоположную той, какую можно было бы ожидать, судя по слѣдствію, высказанному въ главномъ предложеніи. Не говорю, насколько основательны эти опредѣленія; обращаю только вниманіе на то, въ какомъ соотвѣтствіи находятся они съ опредѣленіями придаточныхъ вообще.

Это главнѣйшіе недостатки синтаксиса Поливанова въ отдѣлѣ о сложныхъ предложеніяхъ. Многихъ другихъ я не касаюсь. Остановлюсь только еще на слѣдующемъ упрекѣ, сдѣланномъ г. Житомірскимъ въ названной раньше статьѣ

по адресу грамматикъ вообще и синтаксиса Поливанова въ частности: „Не можемъ удержаться, говоритъ Житомірскій, отъ одного замѣчанія, касающагося страннаго заблужденія, котораго придерживаются всѣ русскія грамматики, не исключая и Поливанова. Послѣдній, впрочемъ, едва ли не дѣлаетъ просто уступку укоренившемуся обычаю. Мы имѣемъ здѣсь въ виду странный взглядъ русскихъ учебниковъ синтаксиса, по которому относительныя придаточныя предложенія попадаютъ во всевозможные разряды придаточныхъ, кромѣ относительныхъ. Почему-то наши грамматики забываютъ, что мѣстоименіе само по себѣ можетъ выражать все то, что выражается именемъ. Въ предложеніи: „Кто на морѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ“ подлежащимъ главнаго предложенія слово „тотъ“ не можетъ быть почему-то признано, и настаивается, что подлежащимъ будетъ „тотъ, кто на морѣ не бывалъ“, которое-де можетъ быть замѣнено какимъ-то существительнымъ (морской небывальщины)“.

Къ сожалѣнію, упрекъ, сдѣланный г. Житомірскимъ Поливанову, не основателенъ. Говорю „къ сожалѣнію“ потому, что Поливановъ, подобно Житомірскому, счелъ нужнымъ къ многочисленнымъ видамъ придаточныхъ предложеній прибавить еще и относительныя, только онъ не выдѣляетъ ихъ въ особую группу, какъ этого желаетъ Житомірскій, а упоминаетъ о нихъ, когда говоритъ о придаточныхъ опредѣлительныхъ (§ 112), дополнительныхъ (§ 120), обстоятельственныхъ мѣста (§ 124), придаточныхъ подлежащихъ (§ 160), придаточныхъ сказуемыхъ (§ 161). Поливановъ поступилъ, по-моему, вполнѣ основательно, потому что, послушайся онъ Житомірскаго, ему, чтобы быть послѣдовательнымъ, пришлось бы выдѣлить въ особыя группы и предложенія слѣдствія (§§ 111 и 130), и предложенія косвеннаго вопроса (§ 121), а также предложенія сравнительныя (§ 132) и ограничительныя (§ 135). Мало того, ему нужно было бы совсѣмъ отказаться отъ придаточныхъ обстоятельства мѣста, потому что послѣднія имѣютъ характеръ только относительныхъ (§ 124). А такъ какъ классъ относительныхъ предложеній очень обширенъ и весьма разнообразенъ, то необходимо было бы въ свою очередь раздѣлить ихъ на

группы — на относительныя определительныя, дополнительныя, обстоятельственныя места, подлежащія, сказуемыя. На неосновательность той и другой группировки я укажу во второй части статьи, потому что заговоривъ объ этомъ, пришлось бы уклониться отъ поставленной теперь цѣли, — указать на недостатки и противорѣчія, съ какими мы встрѣчаемся въ грамматикахъ относительно сложныхъ предложеній, а также обратить вниманіе на то, по какимъ учебникамъ мы учимъ и почему наши занятія по грамматикѣ не могутъ быть успѣшны.

Если же сравнимъ ученіе о сложныхъ предложеніяхъ по нѣсколькимъ грамматикамъ, то воочію убѣдимся, что оно находится въ страшно хаотическомъ состояніи, и вполнѣ сознаемъ то крайне затруднительное положеніе, въ какое попадаетъ учащійся, когда ему приходится почему либо перейти отъ одного учебника грамматики къ другому, а тотъ учащій, которому вздумается выяснить вопросъ о сложныхъ предложеніяхъ и который за выясненіемъ его обратится къ грамматикамъ.

Прежде всего сопоставимъ опредѣленія сложнаго предложенія.

„Главное предложеніе, взятое со всеми придаточными, къ нему относящимися, и съ тѣми придаточными, которыя относятся къ его придаточнымъ, называется сложнымъ". (Синт. Кирпичникова, стр. 39).

„Изъ соединенія отдѣльныхъ простыхъ предложеній въ одно цѣлое, при посредствѣ союзовъ, образуется сложносоставное предложеніе". (Синт. Говорова, стр. 57).

„Предложенія могутъ быть и связаны между собою грамматически, т. е. союзами, относительными мѣстоименіями и нарѣчіями или другими способами, указанными ниже. Тогда они образуютъ предложеніе сложное" (Синт. Поливанова стр. 55).

Итакъ одинъ авторъ грамматики сложнымъ предложеніемъ называетъ главное со всеми придаточными; другой — простыя предложенія, соединенныя союзами; третій — простыя предложенія, соединенныя союзами, относительными мѣстоименіями и нарѣчіями или другими способами.

По мнѣнію Говорова, „грамматическое придаточное предложеніе не надобно смѣшивать съ такимъ же логическимъ предложеніемъ по смыслу" (стр. 57), а Смирновскій утверждаетъ что „между предложеніями подчиненнымъ и подчиняющимъ есть извѣстная смысловая связь. Эту связь называютъ внутренней, или логической" (§ 98).

„Необходимою связью, говоритъ Говоровъ, безъ которой не можетъ составиться никакое соединеніе сочиненныхъ предложеній въ одно цѣлое, можетъ быть названа только связь по смыслу, или логическая, а грамматическая можетъ быть и не быть между ними (стр. 77). Поэтому-то Говоровъ не только считаетъ однимъ сложнымъ предложеніемъ цѣлое стихотвореніе Пушкина „Кавказъ", въ которомъ между всѣми предложеніями, его составляющими есть логическая, а грамматическая выражена нарѣчіями мѣста, но и стихотвореніе того же поэта „Зимняя дорога", въ которомъ предложенія не связаны грамматически, потому что логическая связь предложеній видна въ немъ и безъ грамматической до наглядности сама собой. А. Поливановъ, какъ мы видѣли раньше, непремѣннымъ условіемъ сочиненныхъ предложеній ставитъ грамматическую связь, не обращая ни малѣйшаго вниманія на логическую, почему у него не только точка, но даже и точка съ запятой раздѣляютъ сложныя сочиненныя предложенія. Онъ, вопреки Говорову, находитъ нужнымъ сдѣлать оговорку, что „союзы, служащіе для сочиненія предложеній, могутъ стоять въ началѣ отдѣльнаго синтаксическаго цѣлаго, не связывая его съ предъидущимъ предложеніемъ въ одно сложное". (§ 183). Смирновскій держится средняго мнѣнія. „Между сочиненными предложеніями, говоритъ онъ, есть извѣстная логическая связь", а грамматическая выражается между ними „различными союзными реченіями, которыя однако нерѣдко опускаются, особенно, когда логическая связь между предложеніями ясно видна и безъ союзныхъ реченій" (§ 90). Въ виду этого Смирновскій иначе, чѣмъ Говоровъ и Поливановъ, смотритъ на объемъ сложнаго сочиненнаго предложенія, приводя такія соображенія: „если одна точка не служитъ гранью между предложеніями; то сколько же нужно ихъ, чтобы наконецъ

признать предложеніе законченнымъ? Или не принять ли ужъ всего „Евгенія Онѣгина“ за одно большое сложное предложеніе? Мнѣ кажется, что, въ виду опредѣленности, всякое предложеніе, законченное точкою, слѣдуетъ считать обособленнымъ. Вѣдь для этого-то обособленія и существуетъ точка“. (Синт. Пред. IV).

Далѣе, одинъ авторъ грамматики говоритъ, что сложное предложеніе есть главное съ придаточнымъ (Кирпичниковъ); другой различаетъ сложное по способу сочиненія и по способу подчиненія (Бѣлоруссовъ); третій въ составѣ сложнаго предложенія находитъ: 1) подчиняющіе и подчиненное, 2) два предложенія сочиненныя, слившіяся или не слившіяся, 3) независимое предложеніе со своимъ вставочнымъ (вводнымъ или вноснымъ) (Смирновскій); четвертый въ главѣ о сложномъ предложеніи говоритъ о сочиненіи предложеній, о подчиненіи, о предложеніи слитномъ, о вводномъ предложеніи, вводныхъ реченіяхъ, о выраженіяхъ чужой рѣчи (Поливановъ).

Не посчастливилось также и слитному предложенію. Бѣлоруссовъ, Смирновскій и Поливановъ слитными называютъ тѣ предложенія, которыя имѣютъ общее подлежащее при нѣсколькихъ сказуемыхъ или общее сказуемое при нѣсколькихъ подлежащихъ. Но Бѣлоруссовъ относитъ его къ простымъ предложеніямъ, а Смирновскій и Поливановъ къ сложнымъ. По мнѣнію Говорова, въ слитномъ предложеніи „всегда бываетъ или одно сказуемое при многихъ подлежащихъ, или одно подлежащее при многихъ сказуемыхъ, или нѣсколько опредѣленій и дополненій при одномъ подлежащемъ, или при одномъ сказуемомъ“. (Элем. грам. курсъ I и II. Стр. 16). Въ опредѣленіи слитнаго предложенія Говоровъ допускаетъ крупную ошибку, не указавъ: однородныхъ опредѣленій и однородныхъ дополненій. Петровъ въ своемъ синтаксисѣ поправляетъ этотъ промахъ и къ сказанному Говоровымъ прибавляетъ еще слѣдующія слова: „нѣсколько однородныхъ обстоятельствъ“. (Стр. 46). Кирпичниковъ слитное предложеніе опредѣляетъ такъ же, какъ и Петровъ; но первый относитъ его къ простымъ, второй къ сложнымъ.

Такое несогласіе находимъ въ грамматикахъ относительно болѣе или менѣе общихъ вопросовъ, касающихся сложнаго предложенія. О частныхъ и говорить нечего: тутъ на каждомъ шагу мы встрѣчаемся съ діаметрально противоположными мнѣніями. Такъ, напримѣръ, раздѣлительныя предложенія одними грамматиками отнесены къ соединительному сочетанію [3]) (Баталинъ), другими къ противительному (Говоровъ). Предложенія, соединенныя словами „чѣмъ—тѣмъ", одни составители грамматикъ считаютъ дополнительными (Баталинъ. Синт. стр. 78), другіе обстоятельственными причины (Поливановъ. § 158), третьи обстоятельственными образа дѣйствія (Говоровъ стр. 71), четвертые сравнительнымъ сочетаніемъ (Гусевъ. 83). Предложенія, подобныя слѣдующимъ: „хвалы приманчивы, какъ ихъ не пожелать" находимъ то въ группѣ соединительныхъ сочиненныхъ, то въ группѣ причинныхъ подчиненныхъ.

Однимъ словомъ, разсматривая синтаксисъ сложнаго предложенія съ нѣкоторымъ удивленіемъ встрѣчаешь что нибудь, относительно чего не было бы разногласій въ грамматикахъ; съ удивленіемъ также смотришь на ту грамматику, въ которой нѣтъ противорѣчій и нелѣпостей на каждой страницѣ. Послѣ этого, можетъ ли казаться страннымъ, что ни учащіе, ни тѣмъ более учащіеся не знаютъ и не понимаютъ строя и значенія сложныхъ предложеній. Я такъ долго остановился на указаніи недостатковъ въ ученіи о сложномъ предложеніи съ тѣмъ, чтобы обратить серьезное вниманіе на хаотическое состояніе этого вопроса и вызвать стремленіе заняться приведеніемъ его въ порядокъ. Я съ своей стороны въ слѣдующей статьѣ постараюсь внести скромную и посильную лепту для рѣшенія поднятаго вопроса.

М. А. Тростниковъ.

(Продолженіе будетъ).

Глуховъ 9 января, 1897 г.

---

[3]) О непригодности терминовъ, «сочетаніе», а въ особенности «раздѣлительное сочетаніе», «противительное сочетаніе будетъ сказано во второй статьѣ.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

(По случаю 50-тилѣтія со дня его смерти 1846 г. 26 декабря).

„За стаею орловъ Двѣнадцатаго года
Съ небесъ спустилася къ намъ стая лебедей,
И пѣсни чудныя невѣдомыхъ гостей,
Доселѣ памятны у русскаго народа“.

Вождемъ стаи лебедей, въ которыхъ А. Майковъ въ приведенномъ поэтическомъ отрывкѣ, изобразилъ поэтовъ первой половины настоящаго столѣтія, былъ А. С. Пушкинъ. Вокругъ него, какъ звѣзды первой величины, группировалась плеяда, второстепенныхъ поэтовъ, связанныхъ со своимъ главою узами дружбы и общностью поэтическихъ вдохновеній. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ 26-го декабря 1846 года скончался въ Москвѣ Николай Михайловичъ Языковъ, въ лицѣ котораго, по словамъ кн. П. Вяземскаго,—„угасла послѣдняя звѣзда пушкинскаго созвѣздія, съ нимъ навсегда умолкли послѣдніе отголоски пушкинской лиры“. Наравнѣ съ Баратынскимъ и Дельвигомъ Языковъ былъ выдающимся представителемъ пушкинской школы. Въ свое время его поэзія пользовалась большою популярностью. Незабыта она и теперь; ни одна хрестоматія не обходится безъ стихотвореній Языкова: „Пловецъ“ (нелюдимо наше море), Землетрясеніе, Пророкъ, Чудское озеро и др. Поэтому не лишнимъ будетъ напомнить читателямъ о жизни и главнѣйшихъ мотивахъ творчества Н. М. Языкова.

Николай Михайловичъ Языковъ, потомокъ древняго боярскаго рода, родился въ 1803 г. въ Симбирскѣ.

Двѣнадцатилѣтняго мальчика привезли въ Петербургъ и опредѣлили въ Горный корпусъ, гдѣ воспитывались его братья. У будущаго поэта, одареннаго живымъ и увлекающимся характеромъ, было менѣе всего склонности къ сухимъ

математическимъ наукамъ. Кое-какъ окончивши курсъ Языковъ попытался было продолжать образованіе въ Инженерномъ институтѣ, но безуспѣшно. Уже въ корпусѣ онъ сталъ писать стихи и сошелся съ литераторами. На начинающаго поэта обратилъ свое вниманіе извѣстный писатель и другъ Жуковскаго Воейковъ. Въ 1823 г. Языковъ съ рекомендательными письмами Воейкова отправился въ Дерптъ слушать лекціи въ университетѣ. Здѣсь развился и получилъ опредѣленный характеръ талантъ молодого поэта. Дышащія вдохновеніемъ и поражающія силою и образностью языка, студентческія пѣсни Языкова, воспѣвавшаго пиры и любовь, стали появляться въ печати и независимо отъ нея распространяться въ кругу молодежи. Ученіе было почти забыто. Поэтъ проводилъ время въ веселомъ кругу товарищей, настоящихъ нѣмецкихъ буршей. Импровизированные вакхическіе стихи Языкова распѣвались его собутыльниками. Нѣкоторые изъ нихъ, можно сказать, облетѣли всю Россію.

Талантъ Языкова высоко оцѣнили Пушкинъ и Жуковскій и многаго ждали отъ начинающаго поэта.

Будучи студентомъ Дерптскаго университета, Языковъ близко познакомился съ Пушкинымъ, проводя лѣто въ Тригорскомъ имѣніи своего товарища Вульфа часто посѣщалъ великаго поэта, жившаго тогда въ селѣ Михайловскомъ вблизи Тригорскаго. О времени, проведенномъ у Пушкина, Языковъ вспоминалъ, какъ о лучшемъ въ своей жизни.

„Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говоритъ поэтъ?
. . . .
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы,
Неслися наши вечера...

говоритъ Языковъ въ стихотвореніи „Тригорское“. Нѣсколько другихъ стихотвореній посвящены памяти няни Пушкина

„свѣтъ Родіоновны“, которая угощала юныхъ поэтовъ и любила слушать ихъ вдохновенныя бесѣды,

„Я отыщу тотъ крестъ смиренный“,

съ грустью замѣчаетъ Языковъ,

„Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моей,
И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней“.

Среди пировъ и разгула пролетѣла веселая юность нашего поэта. Онъ оставилъ до окончанія курса и безъ диплома университетъ и поселился въ Москвѣ, гдѣ поступилъ на службу въ Межевую канцелярію. Черезъ два года онъ уволился по прошенію съ чиномъ коллежскаго регистратора, не чувствуя никакой склонности къ канцелярскимъ занятіямъ и желая всецѣло предаться литературной дѣятельности. Но не суждено было Языкову спокойно работать, предаваясь „милой страсти“ къ литературѣ въ спокойномъ уединеніи. Молодость, проведенная въ разгулѣ, среди пировъ, не осталась безъ вліянія на могучее здоровье поэта. Его постигла тяжелая болѣзнь, отъ которой онъ тщетно искалъ исцѣленія дома и за границей. Во время скитаній по минеральнымъ водамъ и въ Москвѣ, въ минуты облегченія, онъ не оставлялъ поэтическаго творчества. Но теперь, сообразно съ тяжелыми физическими страданіями оно принимаетъ новый характеръ. Поэтъ ищетъ утѣшенія въ религіи, и удалые вакхическіе мотивы смѣняются религіозными. Читая Библію и русскую исторію, Языковъ вдохновляется библейскими и патріотическими сюжетами. Къ этому времени относятся переложенія псалмовъ „Землетрясеніе“, гдѣ опредѣляется высокое назначеніе поэта, какъ пророка, посредника между людьми и Божествомъ, приносящаго современному человѣчеству.

„Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердцѣ примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Этотъ поворотъ въ поэзіи Языкова къ религіозному гимну особенно высоко ставилъ Н. В. Гоголь, съ которымъ нашъ поэтъ встрѣтился и познакомился въ Римѣ.

Къ концу 1846 г. болѣзнь осложнилась, и Языковъ скончался въ Москвѣ 26-го декабря.

Душевный складъ и обстоятельства жизни несомнѣнно наложили свой отпечатокъ на поэтическое творчество Языкова. Онъ поэтъ-романтикъ по преимуществу. Романтизмъ Языкова мы понимаемъ не въ смыслѣ романтизма Жуковскаго, вводившаго въ русскую литературу фантастическія баллады и оплакивавшаго горе и утраты земного бытія, а въ смыслѣ позднѣйшаго романтизма школы Пушкина, называемой иногда новоромантической. Языковъ въ своихъ стихахъ выражаетъ стремленіе вырваться изъ сковывающихъ свободный полетъ поэта условій жизни Цѣною борьбы онъ готовъ заслужить себѣ свободу и овладѣть идеаломъ. Такое стремленіе звучитъ, какъ основной тонъ, и въ раннихъ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ и въ позднѣйшихъ религіозныхъ. Для примѣра можно указать одно изъ юношескихъ стихотвореній, прекрасно характеризующихъ основной мотивъ поэзіи Языкова.

Молитва.

Молю святое Провидѣнье:
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени:
Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ.

Какъ сродственныя романтическому направленію поэзіи, особенно удачны у Языкова стихотворенія, посвященныя

описанію моря и борьбы человѣка съ нимъ. Еще и теперь не забыто его стихотвореніе „Пловецъ“ (Нелюдимо наше море)... Картины моря во время бури и въ часы спокойствія принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ Языкова и вмѣстѣ съ тѣмъ русской литературы. Языковъ, если можно такъ выразиться, превосходный поэтъ-маринистъ, и къ нему вполнѣ могутъ быть приложены слова Пушкина, обращенныя къ Байрону:—„онъ былъ, о море, твой пѣвецъ!“

Высокій подъемъ вдохновенія обнаруживаетъ Языковъ въ стихотвореніяхъ на религіозныя темы. Но и здѣсь онъ остается романтикомъ. Не раскаянье, не молитву души, истомленной горемъ и обращающейся къ Божеству за утѣшеніемъ и помощью, а все туже борьбу съ міромъ, изображаетъ онъ въ религіозныхъ гимнахъ. Его идеалъ—поэтъ чистый духомъ и тѣломъ, беспристрастный судья человѣческихъ заблужденій, благодаря дару вдохновенія, стоящій ближе всѣхъ къ Божеству. Его завѣтъ поэту—пророку:

„Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремущихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!“

Еще одинъ мотивъ слѣдуетъ указать въ поэзіи Языкова: это стихотворенія—народно-патріотическія, стоящія въ связи съ славянофильскими воззрѣніями почти къ концу своей жизни. Но они отличаются уже меньшими достоинствами и не представляютъ самостоятельности. Въ нихъ Языковъ перекладываетъ въ стихи лѣтописныя сказанія, а иногда даже подражаетъ Пушкину. Современная Языкову критика относилась къ нему различно. Одни обращали вниманіе на положительныя стороны его таланта, и справедливо

видѣли въ немъ выдающагося поэта Пушкинской школы. Другіе порицали его за анакреонтическія стихотворенія разгульнаго характера. Наиболѣе вѣрной слѣдуетъ считать оцѣнку Бѣлинскаго. По его словамъ „имя Языкова навсегда принадлежитъ русской литературѣ и не сотрется съ ея страницъ даже тогда, когда стихотворенія его уже не будутъ читаться публикой: оно останется извѣстно людямъ, изучающимъ исторію русскаго языка и русской литературы. Языковъ принесъ большую пользу нашей литературѣ даже самыми ошибками своими: онъ былъ смѣлъ, и его смѣлость была заслугою". Языковъ, наряду съ другими поэтами пушкинской школы, способствовалъ освобожденію русской литературы отъ ложноклассицизма, долгую и упорную борьбу съ которымъ вели новоромантики во главѣ съ Пушкинымъ.

Внѣшность стиховъ Языкова, его стихъ, образы и выраженія отличаются оригинальностью и силою. „И недаромъ—говоритъ Гоголь—пришлось ему имя Языковъ. Владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно и заключитъ такъ, что остановишься пораженный".

Среди второстепенныхъ поэтовъ пушкинской плеяды Языковъ занимаетъ несомнѣнно выдающееся мѣсто. Его поэзія менѣе устарѣла, чѣмъ Дельвига и болѣе понятна намъ, чѣмъ элегіи Баратынскаго. Силою вдохновенія и образностью языка она возвышаетъ и облагораживаетъ читателя. Особенно слѣдовало бы позаботиться о распространеніи ея среди нашей учащейся молодежи *).

В. С. Рыбинскій.

---

*) Ср. В. Острогорскаго. Родные поэты, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ.

ЗНАЧЕНІЕ НАКЛОНЕНІЙ ВЪ ГЛАГОЛѢ.

Едва ли когда услышишь отъ ученика даже старшихъ классовъ гимназіи вполнѣ основательное пониманіе наклоненія. Положимъ, что всѣ ученики различаютъ одно наклоненіе глагола отъ другого, но все же дѣлаютъ это, не углубляясь въ сущность предмета, лишь съ внѣшней стороны, на основаніи признаковъ, далекихъ отъ логики, а потому и не освѣщающихъ предмета, какъ бы слѣдовало. Что выражаетъ собою наклоненіе, какую оно имѣетъ особенность или отличіе отъ прочихъ принадлежностей глагола, — вопросы эти остаются въ сознаніи учащихся очень мало выясненными и почти нисколько не утвержденными на той логической основѣ, которая даетъ разъясненіе и достаточный смыслъ всѣмъ явленіямъ въ языкѣ.

Есть три сферы, въ которыхъ, по воззрѣнію лица говорящаго, дѣйствіе или состояніе является принадлежностію того или другого предмета: это—дѣйствительность, возможность и необходимость. Если я говорю: птица летаетъ, то этимъ означаю, что летаніе, какъ признакъ—сказуемое, принадлежитъ птицѣ дѣйствительно, несомнѣнно; говоря же: братъ написалъ бы это, я выражаю, что написаніе, какъ признакъ — сказуемое, принадлежитъ брату только въ возможности, а не въ дѣйствительности; но если я скажу: принесите мнѣ книгу, то этимъ выражу, что принесеніе какъ признакъ — сказуемое, принадлежитъ вамъ (2-му лицу) по необходимости, и при томъ съ исключеніемъ всякой возможности принадлежать какому либо другому признаку-сказуемому, какъ только вамъ въ этотъ моментъ. Всѣ эти отмѣтки принадлежности дѣйствія или состоянія предмету выражаются въ языкѣ наклоненіями. Отсюда ясно, что надобно разумѣть въ грамматикѣ подъ наклоненіемъ. Наклоненіе есть образъ, или способъ выраженія принадлежности дѣйствія или состоянія какому либо предмету, согласно съ воззрѣніемъ лица говорящаго. Если лицо говорящее высказываетъ, что дѣйствіе или состояніе принадлежитъ предме-

ту въ дѣйствительности, несомнѣнно, то эта принадлежность дѣйствія и состоянія предмету обозначается наклоненіемъ изъявительнымъ. Когда же лицо говорящее имѣетъ въ виду выразить, что то или другое дѣйствіе или состояніе принадлежитъ предмету лишь въ возможности, подъ условіемъ — это обозначается наклоненіемъ сослагательнымъ. Но если лицо говорящее выражается такъ, что дѣйствіе или состояніе должно принадлежать предмету по необходимости, съ удаленіемъ изъ того всякихъ исключеній, то употребляетъ наклоненіе повелительное. Спрашивается теперь: гдѣ же мѣсто наклоненію неопредѣленному и почему эта форма глагола все же называется наклоненіемъ?

Неопредѣленное наклоненіе по существу своему относится къ числу такъ называемыхъ причастныхъ формъ глагола (patricipialia), т. е. такихъ формъ, въ которыхъ глаголъ сходствуетъ съ другими частями рѣчи, какъ то: въ причастіи съ именемъ прилагательнымъ, въ дѣепричастіи съ нарѣчіемъ; въ неопредѣленномъ же наклоненіи онъ сходствуетъ съ существительнымъ отглагольнымъ постоянно, если только неопредѣленное наклоненіе не оказывается сказуемымъ въ предложеніи. Если же оно является въ значеніи сказуемаго, то употребляется въ нашемъ языкѣ, какъ форма, замѣняющая—или наклоненіе изъявительное: напр. быть грому великому=будетъ громъ великій, или сослагательное: напр. сказать бы тебѣ рѣчь=сказалъ бы ты рѣчь, или, наконецъ, повелительное: напр. исполнить это вамъ въ теченіе недѣли=исполните это вы непремѣнно въ теченіе недѣли.

И. Р.

ЛОГИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ РАЗСУЖДЕНІЯ КАРАМЗИНА „О СЧАСТЛИВѢЙШЕМЪ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ“.

Названное разсужденіе имѣетъ слѣдующія формальныя части: приступъ, предложеніе, главную часть и заключеніе. Приступъ этого разсужденія отличается значительнымъ разнообразіемъ частныхъ мыслей, единствомъ главной идеи и полнотою логическихъ доказательствъ. По этимъ признакамъ оно можетъ считаться самостоятельнымъ разсужденіемъ. Этотъ-то вопросъ разсужденія Карамзина: «О счастливѣйшемъ времени жизни» и будетъ служить предметомъ нашего логическаго разбора.

Основная мысль самаго разсужденія есть та, что счастливѣйшій по сравненію есть возрастъ возмужалости; главная-же мысль приступа въ этомъ разсужденіи— слѣдующая: «здѣшній міръ есть училище терпѣнія». Выяснивъ въ приступѣ упомянутую мысль, Карамзинъ потомъ кратко доказываетъ,—что на землѣ есть счастіе сравнительное;—и затѣмъ уже выясняетъ въ самомъ разсужденіи, что оно, т. е. сравнительное счастіе, падаетъ на возрастъ возмужалости.

Прежде всего должно сказать, что приступъ разсужденія составленъ аналитически, т. е. въ немъ главная, или доказываемая, мысль помѣщена позади частныхъ, или доказывающихъ, мыслей. Основная мысль приступа Карамзинымъ сперва доказывается отрицательно,—опроверженіемъ мнѣній: а) Цицерона, б) оптимистовъ (Лейбница и Попа), в) Жанъ-Жака Руссо, потомъ—положительно, приведеніемъ доводовъ и причинъ, выясняющихъ истинность главной мысли.

Мнѣніе Цицерона, хвалившаго старость, Карамзинъ опровергаетъ полной дедукціей или силлогизмомъ:

Нельзя хвалить болѣзнь.
Старость—сестра болѣзни,—
Слѣдов., нельзя хвалить старость.

Выводъ (conclusio) Карамзинымъ помѣщенъ раньше посылокъ, въ началѣ самаго разсужденія; въ немъ — логическій оборотъ — превращеніе (umwandlung); именно — вмѣсто того, чтобы сказать: «нельзя хвалить старость», Карамзинъ говорить: «Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона хвалить старость», т. е. безъ человѣколюбія старость нельзя хвалить и нѣтъ основаній. Большая посылка (propositio major) выражена Карамзинымъ въ формѣ восклицанія: «Можно ли хвалить болѣзнь»! Опровергнувъ мнѣніе Цицерона, Карамзинъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы трактатъ послѣдняго могъ утѣшить старцевъ, и эту мысль онъ выражаетъ слѣдующею энтимемою:

Подразумѣваемая большая посылка. Чтобы трактатъ вообще могъ утѣшить старцевъ, онъ долженъ легко побѣдить естественное чувство, хотя бы съ трудомъ плѣнилъ разумъ.

Меньшая посылка. Остроуміе трактата Цицерона легко плѣняетъ разумъ, но не побѣждаетъ въ душѣ естественное чувство.

Слѣдовательно, трактатъ Цицерона не могъ утѣшить старцевъ.

Въ приведенной энтимемѣ самимъ Карамзинымъ заключеніе поставлено раньше меньшей посылки. Здѣсь обращаемъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: буквально во всѣхъ хрестоматіяхъ разбираемое разсужденіе имѣетъ красную строку со словъ: «Можно-ли хвалить болѣзнь»! Изъ нашего разбора явствуетъ, что этого здѣсь и не должно быть. Если-же сохранить приведенную красную строку, то непремѣнно должно начать съ красной-же строки начало опроверженія мнѣнія оптимистовъ. Лучше, конечно, первое.

Въ опроверженіе мнѣнія оптимистовъ Карамзинъ говоритъ, что нельзя доказать, что всѣ дѣйствія натуры («натура» — латинизмъ; русское — природа) и всѣ феномены ея для насъ благотворны. Посылки слѣдующія:

Общій планъ благотворности дѣйствій природы и всѣхъ ея феноменовъ извѣстенъ Богу.

Подразумѣв., меньшая посылка. Человѣкъ не Богъ.

Слѣдов., человѣку не извѣстенъ общій планъ благотворности дѣйствій природы и ея феноменовъ.

Подразум., меньшая посылка. Разсуждать можно о томъ, что человѣку болѣе или менѣе извѣстно.

Слѣдовательно, человѣку нельзя разсуждать о томъ, что благотворны всѣ дѣйствія природы и всѣ ея феномены.

Приведенныя доказательства есть не полный соритъ. Основная мысль Карамзинымъ снова выясняется слѣдующею энтимемою:

Творецъ для человѣка не снялъ завѣсы съ дѣлъ своихъ.

Подразумѣв. меньш. посылка. Человѣкъ любитъ дѣлать догадки относительно неизвѣстнаго.

Слѣдоват., догадки человѣка относительно дѣлъ Творца не могутъ имѣть силы удостовѣренія.

Опровергнувъ мнѣніе оптимистовъ, Карамзинъ говоритъ, что ученіе ихъ не выдерживаетъ критики: «оптимизмъ есть не философія, а игра ума». Эта мысль доказывается слѣдующею энтимемой:

Философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными, отвергаетъ ложь, хотя и пріятную.

Подразумѣв. меньшая посылка. Оптимизмъ этихъ цѣлей не преслѣдуетъ.

Слѣдовательно, оптимизмъ не есть философія, а «игра ума».

Здѣсь оптимизмъ названъ на томъ основаніи, что онъ держится на «догадкахъ» и что онъ склоненъ принять, вопреки философіи, «пріятную ложь».

Мнѣніе Жанъ Жака Руссо Карамзинымъ оспаривается слѣдующимъ силлогизмомъ:

Бореніе слабой жизни съ смертью во всякомъ возрастѣ должно казаться жалкимъ.

Младенчество есть по преимуществу бореніе слабой жизни съ смертью.

Слѣдовательно, младенчество должно казаться намъ жалкимъ.

Этотъ силлогизмъ представленъ Карамзинымъ въ формѣ слѣдующаго грамматическаго предложенія: «Вопреки Жанъ-Жаку Руссо, младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ смертью, должно казаться намъ жалкимъ».

Опровергнувъ мнѣнія Цицерона, оптимистовъ и Жанъ-Жака Руссо, Карамзинъ говоритъ: «вопреки Цицерону, старость печальна, вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія».—Откуда же получился такой выводъ? Вспомнимъ, что Карамзинъ доказалъ выше, что старость нельзя хвалить. Изъ этого положенія онъ слѣдующимъ образомъ заключаетъ о томъ, что старость печальна:

Печально то, чего нельзя хвалить.

Старость хвалить нельзя.

Слѣдовательно, старость печальна.

Эта дедукція не высказанная, но подразумѣваемая, скрытая. Если соединить её съ первымъ представленнымъ нами силлогизмомъ, то получится полисиллогизмъ. Въ видѣ сорита его можно представить такъ:

Нельзя хвалить болѣзнь.

Старость—сестра болѣзни.

Печально то, чего нельзя хвалить.

Слѣдовательно, старость печальна.

Этотъ соритъ можно представить въ видѣ слѣдующей эпихеремы:

Нельзя хвалить старость, какъ сестру болѣзни.

Печально то, чего нельзя хвалить.

Слѣдовательно, старость печальна.

Точно также въ отношеніи оптимистовъ Карамзинъ лишь выяснилъ, что нельзя доказать, что всѣ дѣйствія натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны. Между тѣмъ, ниже онъ утверждаетъ, что «вопреки Лейбницу и Попу, здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія».—Повидимому, здѣсь скачокъ въ мысляхъ. Но и тутъ есть подразумѣваемый, скрытый силлогизмъ:

Если нельзя доказать, что всѣ дѣйствія натуры и всѣ ея феномены для нашей жизни благотворны,

а отсутствіе благотворности дѣйствій натуры и ея феноменовъ есть училище терпѣнія,

то, слѣдовательно, жизнь, или здѣшній міръ есть училище терпѣнія.

Къ сказанному прибавимъ, что хотя Карамзинъ основную мысль («здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія») непосредственно соединилъ съ опроверженіемъ мнѣнія оптимистовъ, однако, на основаніи общаго хода разсужденія, лучше считать эту мысль—какъ выводъ изъ всѣхъ опроверженій. Съ другой стороны эта мысль выясняется слѣдующими положительными доказательствами, которыя приводитъ Карамзинъ:

«Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ: а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ».

Основная мысль, что «здѣшній міръ есть училище терпѣнія», въ этой тирадѣ выясняется прежде всего преданіемъ народовъ: «земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе». Это преданіе выражено въ логически—тожественномъ съ основною мыслью сужденіи и представляетъ собою логическій оборотъ substitutio:

Земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе.
т. е,
Здѣшній міръ есть училище терпѣнія.

Логическое подлежащее и сказуемое обоихъ предложеній—тожественно.

Далѣе основная мысль («здѣшній міръ есть училище терпѣнія») въ той же тирадѣ выясняется слѣдующими двумя доказательствами: а) болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ (т. е. при началѣ и концѣ жизни); а въ срединѣ, подъ розами здоровья (т. е. въ періодъ возмужалости) кроется змѣя сердечныхъ горестей». б) «Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы его оставимъ, или оно насъ оставитъ».

Приведенныя два доказательства—разнохарактерны: первое преимущественно указываетъ на физическіе недостатки жизни («болѣзни»), а второе—на нравственныя (непрочность удовольствій). Изъ этихъ частныхъ мыслей и вытекаетъ логически общая мысль, что «здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія». Явно, что здѣсь индуктивный ходъ доказательствъ, и демонстрація имѣетъ тѣсную связь съ тезисомъ. Это положительныя доказательства основной мысли.

Доказавъ—сперва отрицательно, а потомъ положительно истинность основной мысли, Карамзинъ затѣмъ выясняетъ, что на землѣ благо или счастіе есть, но только сравнительное или относительное, а не безусловное или полное. Если разбираемый нами логически приступъ разсужденія Карамзина: «О счастливѣйшемъ времени жизни» считать самостоятельнымъ разсужденіемъ,—что совершенно возможно въ виду а) его самостоятельной мысли, б) сильнѣйшихъ доказательствъ истинности ея,—то заключеніемъ этого разсужденія будутъ слѣдующія слова: «Однакожъ слова: благо и счастіе, справед-

ливо занимаютъ мѣсто въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другого — вотъ благо; одному лучше, нежели другому—вотъ счастіе». Это заключеніе есть энтимема:

«Благо и счастіе въ жизни есть относительное: одно лучше другого—это благо, одному лучше, нежели другому—въ этомъ счастіе.

Подразумѣв. меньшая посылка. Людей, имѣющихъ относительное счастіе или благо, много.

Слѣдоват., благо и счастіе имѣютъ многіе или, по фигуральному выраженію Карамзина: «слова — благо и счастіе, справедливо занимаютъ мѣсто въ лексиконѣ здѣшняго свѣта».

Мы старались возможно элементарно изложить нашъ логическій разборъ разсужденія Карамзина, чтобы ясно можно было видѣть практическое приложеніе простыхъ и сложныхъ логическихъ пріемовъ.

В. Андреевъ.

Киржачъ.
29 декабря.

КЪ ВОПРОСУ

Обязаны ли всѣ преподаватели обращать вниманіе на ороографію прочитываемыхъ ими письменныхъ работъ учениковъ?

Въ нѣкоторыхъ средних учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ каждый учебный предметъ преподается особымъ учителемъ, на ороографію письменныхъ работъ учащихся обращаетъ вниманіе только учитель русскаго языка; остальные же учителя, ведущіе по своему предмету письменныя работы учениковъ, не считаютъ для себя обязательнымъ обращать вниманіе на ороографію этихъ работъ и принимать ее во вниманіе при оцѣнкѣ ихъ. «А намъ какое дѣло до ороографіи»? говорятъ такіе учителя: «если ученикъ изложилъ рѣшеніе задачи или передалъ историческія событія вѣрно, я и доволенъ работой, хотя бы въ ней были десятки грамматическихъ ошибокъ».

Такое отношеніе учителей другихъ предметовъ къ ороографіи письменныхъ работъ учениковъ крайне не желательно. Результатомъ такого отношенія является, что учитель русскаго языка до изнеможенія борется съ ороографіей учениковъ и все-таки не всегда въ состояніи искоренить безграмотность ихъ.

При правильной постановкѣ учебнаго дѣла въ заведеніи, всѣ учителя, читающіе письменныя работы по предметамъ своего преподаванія, обязательно должны бы обращать вниманіе на грамотность этихъ работъ и принимать ее во вниманіе при оцѣнкѣ ихъ.

При оцѣнкѣ письменныхъ работъ учениковъ всѣ учителя одинаково должны обращать вниманіе на внѣшнюю сторону этихъ работъ (въ этомъ не должно быть разногласія). Безграмотность работы есть большею частью прямое выраженіе небрежнаго исполненія ея. При упрекѣ, высказываемомъ ученику по поводу сдѣланныхъ имъ

ошибокъ, иной обыкновенно оправдывается такъ: «Это описка, я знаю, какъ нужно писать», и исправляетъ свои ошибки, если отъ него этого потребуютъ. Онъ даже скажетъ грамматическое правило, по которому нужно писать такъ, а не иначе. Очевидно, онъ дѣлаетъ ошибки по небрежности, а не по незнанію орѳографическихъ правилъ, но такихъ не много.

Относясь къ исполненію письменной работы небрежно, безъ должнаго вниманія, ученикъ большею частью пишетъ безграмотно въ силу привычки къ такому письму; но въ силу же привычки онъ могъ бы писать грамотно. Значитъ, нужно стремиться къ образованію въ учащихся навыка къ правильному письму и предупреждать небрежность и дурную привычку къ безграмотному письму.

Для образованія же въ ученикѣ навыка къ орѳографически-правильному письму необходимо, чтобы онъ постоянно писалъ съ особеннымъ вниманіемъ.

Ученикъ не привыкнетъ писать орѳографически—правильно, если въ тетради по русскому языку онъ старается не дѣлать орѳографическихъ ошибокъ, а въ тетрадяхъ по другимъ предметамъ пишетъ, какъ придется, чаще всего безграмотно, и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ навыкъ къ безграмотному письму. Привычки имѣютъ роковое значеніе. Знаніе, какъ слѣдуетъ поступать, безсильно передъ силой привычки. Если ученикъ нѣсколько разъ написалъ, напр., «сначал*о*» (на концѣ *о*) или «св*е*деніе» (въ корнѣ и суффиксѣ—*е*), онъ уже и станетъ писать такъ, хотя бы отлично зналъ образованіе этихъ словъ и зависимость отъ него правописанія ихъ.

Навыки, выработанные въ юные годы, когда организмъ особенно впечатлителенъ, оказываютъ свое вліяніе въ зрѣломъ и даже старческомъ возрастѣ человѣка. Если въ юные годы питомецъ пріучился писать неграмотно, то хотя бы впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ,

онъ глубоко изучилъ грамматику языка, онъ все-таки будетъ писать безграмотно. Трудно и даже невозможно въ одно и то же время слѣдить за ходомъ своихъ мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ соображать, какую букву слѣдуетъ написать въ томъ или другомъ словѣ.

Учитель русскаго языка не оставляетъ безъ вниманія, если ученикъ въ своемъ сочиненіи уклонился отъ исторической, географической и тому подобной истины, и подчеркиваетъ такія уклоненія, принимая ихъ въ счетъ при оцѣнкѣ письменной работы; точно также и учителя исторіи, географіи, физики и другихъ предметовъ обязаны подчеркивать въ читаемыхъ ими письменныхъ работахъ учениковъ не только невѣрныя мысли, но также и орѳографическія ошибки и уменьшать баллы.

Всѣ служащіе въ учебномъ заведеніи работаютъ для достиженія общей цѣли, и цѣль эта состоитъ не въ томъ, чтобы вырабатывать изъ учениковъ заведенія только математиковъ, или только географовъ, или только грамматиковъ, а въ томъ, чтобы на извѣстномъ учебномъ матеріалѣ развивать ихъ душевныя силы, обогащать ихъ нужными знаніями и вырабатывать въ нихъ извѣстныя наклонности и добрые навыки. И никто изъ служащихъ въ заведеніи не долженъ безучастно относиться къ уклоненію учениковъ отъ правильнаго пути ихъ развитія и выработки въ нихъ нужныхъ привычекъ и навыковъ.

Только дружное и строгое отношеніе къ этому дѣлу всѣхъ преподавателей можетъ оказать большую помощь, заставить учащихся быть болѣе внимательными и осмотрительными.

Вообще нужно строже относиться къ подобнымъ работамъ учащихся, ставить отмѣтки и принимать оныя во вниманіе на общемъ годовомъ выводѣ по всѣмъ предметамъ. Если это только будетъ допущено, можно быть увѣреннымъ, что это требованіе будетъ имѣть большое вліяніе на успѣхи по орѳографіи.

К. Ельницкій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Значеніе русской словесности въ системѣ реальнаго образованія. К. Ѳ. Якубовичъ. Актовая рѣчь. Кіевъ. 1896 г.

Передъ нами небольшая брошюра въ 45 страницъ прекрасной четкой печати, заключающая однако въ себѣ столько дѣльныхъ мыслей, что было бы желательно возможно большее распространеніе ея между нашими педагогами. Не смотря на то что самою формою своей работы — актовая рѣчь — авторъ былъ поставленъ въ извѣстныя рамки, онъ съумѣлъ однако всесторонне разобрать свой предметъ и освѣтить его съ разныхъ точекъ зрѣнія.

До введенія новаго устава реальныхъ училищъ въ 1888 г. преподаваніе русской словесности было поставлено въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ въ какое то странное положеніе: это былъ предметъ какъ будто только терпимый въ реальныхъ училищахъ, ибо необходимо же, чтобы ученики были грамотными; но при прежнемъ положеніи дѣла вовсе упускалось изъ виду то громадное педагогическое значеніе, которое имѣетъ для воспитанія юношества изученіе своего родного языка и образцовъ родной литературы. Только новыми программами преподаваніе русскаго языка расширено въ заведеніяхъ этого типа и сравнено почти съ курсомъ классическихъ гимназій. Въ объяснительной запискѣ къ Учебнымъ Планамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія сказано, что преподаваніе словесности «должно восполнять въ реальныхъ училищахъ недостатокъ гуманическаго начала, столь необходимаго для общаго образованія». Между тѣмъ прежде гуманическое начало совершенно игнорировалось въ этихъ реальныхъ заведеніяхъ и они были похожи скорѣе на школу, преслѣдующую чисто техническія задачи, чѣмъ на такое учебное заведеніе, которое преслѣдуетъ задачу средняго образованія вообще—

всестороннее развитіе всѣхъ духовныхъ способностей человѣка въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Г. Якубовичъ является передъ нами горячимъ защитникомъ гуманитарнаго образованія и съ большимъ одушевленіемъ исполняетъ свою симпатичную задачу. Въ его воззрѣніяхъ нѣтъ ничего узкаго, исключительнаго; онъ понимаетъ и то великое значеніе, которое получило въ наше время изученіе «книги природы» естествовѣдѣніе, представители котораго со 2-ой половины XIX-го вѣка стояли во главѣ научнаго движенія Европы, понимаетъ и высокую важность совершенно отвлеченныхъ математическихъ построеній, которыя помимо своего практическаго приложенія въ техникѣ, имѣютъ такую высокую цѣнность въ чисто философскомъ отношеніи.

«Онъ принимаетъ, какъ вполнѣ законное существованіе реальной средней школы, какъ отдѣльнаго типа, но только настаиваетъ на отсутствіи исключительности въ этой школѣ, на томъ, чтобы послѣдняя именно болѣе и болѣе соотвѣтствовала задачамъ средняго образованія вообще, прежде всего заботилась объ образованіи людей въ лучшемъ смыслѣ этого слова, а не о простомъ приготовленіи техниковъ.

Изученіе русскаго языка и литературы, по мнѣнію лектора, вполнѣ достигаетъ цѣли въ этомъ отношеніи, имѣетъ высоко гуманизирующее вліяніе и, пожалуй, даже нисколько не уступаетъ въ этомъ смыслѣ изученію классическихъ языковъ. «Нѣтъ, конечно, возможности «взвѣсить» и измѣрить» живыя силы даже тѣхъ сравнительно немногихъ произведеній отечественной поэзіи, которыя составляютъ основу общеобразовательнаго курса русской словесности. Всѣми признано міровое значеніе русской литературы, глубокая гуманность міровоззрѣнія ея величайшихъ представителей, красота и правда ея художественныхъ изображеній. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что обладая такими неоцѣненными сокровищами родной поэзіи, русская школа должна видѣть въ нихъ важнѣйшій источникъ нравственно-эсте-

тическаго образованія учащейся молодежи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что глубоко-христіанское міровоззрѣніе, лежащее въ основѣ поэзіи Жуковскаго, что трезвая народная мудрость Дѣдушки Крылова и на ряду съ ней пылкіе монологи энтузіаста Чацкаго, проникнутые глубокой любовью къ родинѣ, что живая прелесть «и лелѣющая душу гуманность» правдивой и ясной поэзіи великаго Пушкина и неотразимое обаяніе алмазнаго стиха Лермонтова, что наконецъ смѣхъ и слезы гоголевскаго юмора—глубже проникаютъ въ сердца воспитанниковъ русской школы, даютъ болѣе возвышенное и опредѣленное направленіе мечтамъ и идеальнымъ порывамъ юности, чѣмъ даже вѣчно прекрасныя созданія Гомера и Софокла, не говоря уже о произведеніяхъ римскихъ поэтовъ. Опытъ вѣковъ показалъ, что непосредственное изученіе древне-классической поэзіи—громадная воспитательная сила. Нѣтъ сомнѣнія, что знакомство съ нѣкоторыми ея первостепенными произведеніями въ лучшихъ переводахъ—необходимое дополненіе литературнаго образованія и въ школѣ реальныхъ знаній, на ряду съ переводами величайшихъ произведеній геніальныхъ западно-европейскихъ поэтовъ—Шекспира, Мольера, Гете, Шиллера и Байрона. Но основаніемъ литературнаго образованія въ русской школѣ неизбѣжно являются, если не по внѣшнимъ размѣрамъ курса, то по силѣ воспитательнаго воздѣйствія—классическія произведенія отечественныхъ поэтовъ. Если родной языкъ можно назвать живой кровью школьнаго организма, то русская поэзія, какъ важнѣйшее хранилище сокровищъ отечественнаго слова, должно являться, такъ сказать, сердцемъ русской школы, живымъ средоточіемъ воспитывающаго обученія. И въ этомъ отношеніи реальное училище не должно и не можетъ, конечно, представлять исключенія «Любви и правды чистыя ученья», облеченныя нашими великими поэтами въ живыя типы, въ идеально-прекрасные образы—это яркій свѣточъ идеализма въ школѣ реальныхъ знаній. «Отечественный языкъ, по выраженію г. Якубовича—это живая кровь школь-

наго организма». И авторъ послѣдовательно указываетъ на связь его съ каждымъ отдѣльнымъ предметомъ, преподаваемымъ въ средней школѣ. Помимо чисто практической пользы, извлекаемой учениками изъ знакомства съ отдѣльными дисциплинами грамматики русской и церковно-славянской и пр., объединяемыхъ подъ общимъ именемъ русскаго языка и словесности, всѣ эти отдѣлы обученія несомнѣнно имѣютъ огромное педагогическое значеніе и способствуютъ болѣе правильной и разносторонней постановкѣ учебнаго дѣла. Но кромѣ этого русскій языкъ проникаетъ всѣ другіе предметы преподаванія. «Одна математика, говоритъ лекторъ, съ ея безусловно точными данными и строго послѣдовательными выводами не имѣетъ, повидимому, никакого отношенія къ практическимъ занятіямъ по русскому языку; но на урокахъ логики, входящей въ составъ учебнаго курса словесности, преподаваніе этого предмета соприкасается даже съ областью математическихъ истинъ, такъ какъ, для уясненія законовъ и формъ строго-логическаго мышленія, примѣры по большей части заимствуются изъ области геометріи, какъ идеальной представительницы дедуктивнаго мышленія и лучшаго образа стройной научной системы».

Непосредственное изученіе многихъ образцовыхъ произведеній нашей родной словесности не можетъ не оказать благотворнаго вліянія на развитіе и укрѣпленіе религіознаго чувства въ средѣ учениковъ. Г. Якубовичъ указываетъ на прекрасные образцы религіозно поэтическаго вдохновенія, оставленные Ломоносовымъ, Державинымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ. И затѣмъ касается вообще нравственно-образовательнаго вліянія, которое имѣетъ въ реальной школѣ изученіе родной словесности. Ближе всего, конечно, русскій языкъ стоитъ въ связи съ другимъ могучимъ проводникомъ гуманизма въ школѣ—съ исторіей. До извѣстной степени онъ даже помогаетъ ей, напр., при знакомствѣ съ образцами исторической прозы во время изученія теоріи словесности. Еще больше проникаютъ

другъ друга оба эти предмета при изученіи исторіи литературы, развитіе которой такъ тѣсно связано съ развитіемъ исторіи народа политической и культурной.

Гораздо менѣе очевидна, но не менѣе дѣйствительна та связь, которая соединяетъ преподаваніе русскаго языка съ преподаваніемъ естественныхъ наукъ. Это преподаваніе, составляющее краеугольный камень реальнаго образованія, направлено къ тому, чтобы положить прочныя основы въ сознаніи учащихся правильному взгляду на силы и явленія природы, основанному на точныхъ данныхъ опытной науки. Но поэтическія описанія природы, повидимому, совершенно не соотвѣтствуютъ достиженію этой цѣли. Поэты созерцаютъ природу сквозь призму своего воображенія, безпрестанно олицетворяютъ ея силы и явленія, приписывая имъ человѣческія мысли и чувства, радости и страданія.

Какъ всякая односторонность, развитіе исключительно разсудочнаго отношенія къ природѣ противорѣчило бы основнымъ задачамъ общаго образованія. Поэтическія описанія возстановляютъ полноту живого отношенія къ явленіямъ природы.

Но само собою разумѣется, что школа реальныхъ знаній должна строго разграничивать поэтическую идеализацію природы и научное объясненіе ея явленій. Учащіеся должны ясно сознавать, что научное познаніе и поэтическое вдохновеніе подчиняются особымъ законамъ, что неумѣстное вторженіе фантазіи обезцѣниваетъ трудъ ученаго, а холодная разсудочность—созданіе поэтическаго творчества, что царство поэзіи такъ же вѣчно, какъ и царство науки, но оно начинается обыкновенно тамъ, гдѣ оканчиваются границы научнаго изслѣдованія, что, наконецъ, на почвѣ безсознательнаго смѣшенія этихъ границъ возникали фантастическія бредни средневѣковой астрологіи и алхиміи.... Не смѣшиваясь въ школьномъ преподаваніи, но идя параллельно и какъ бы дополняя другъ друга, поэтическія и научныя описанія явленій природы въ сущности ведутъ къ одной и

той же цѣли: и точныя формулы науки, и характеристическіе образы поэтической фантазіи помогаютъ намъ разобраться въ безпрерывной смѣнѣ явленій и безконечномъ разнообразіи картинъ и образовъ природы, нерѣдко придавая большую опредѣленность смутнымъ впечатлѣніямъ дѣйствительности.

До нѣкоторой степени поэтическая идеализація и научное отношеніе къ природѣ всегда объединяются въ глубокихъ тайникахъ нашего духа, но полное ихъ сліяніе, идеальная гармонія міровоззрѣнія представляетъ достояніе лишь величайшихъ представителей поэзіи и науки. Всеміpно-геніальные поэты — духовные вожди своего вѣка и властители думъ многихъ поколѣній всегда поражаютъ не только силою своего ума, но и глубиной научныхъ познаній, а въ душѣ геніальнаго представителя науки всегда таятся искры поэзіи, которыя проявляются въ стройномъ, проникнутомъ истинно поэтическимъ воодушевленіемъ, а нерѣдко даже въ высоко-художественномъ изложеніи результатовъ научнаго изслѣдованія... Есть и такія геніальныя натуры, и къ числу ихъ прежде всего относится нашъ Ломоносовъ, въ которыхъ въ высшей степени трудно разграничить черты ученаго и поэта. На личности великаго Ломоносова съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ и доказываетъ, что Ломоносовъ былъ настоящій поэтъ. Широкій размахъ, истинно поэтическое одушевленіе чувствуется въ тѣхъ образцахъ космической поэзіи, оставшихся къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ одинокими, которые далъ Ломоносовъ. Понятно, что разнообразная дѣятельность Ломоносова болѣе чѣмъ какого нибудь иного русскаго писателя, можетъ подтвердить основную мысль разбираемой брошюры, что «взаимодѣйствіемъ естественныхъ наукъ и отечественной поэзіи, этихъ могучихъ рычаговъ реальнаго образованія, въ значительной степени обезпечивается полнота и гармонія развитія духовныхъ силъ учащихся, т. е. достиженіе основной цѣли общеобразовательной школы.

Закончимъ нашъ отчетъ прекрасными словами г. Якубовича, которыя никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду воспитателямъ юношества: «Безъ поэтическихъ символовъ, безъ вдохновенныхъ призывовъ къ идеальному міровоззрѣнію «заглохла бы нива жизни»...

«Въ торжественный день въ жизни нашей общеобразовательной школы нельзя не пожелать, чтобы, слѣдуя по указанному ей пути, она долгіе и долгіе годы выполняла съ успѣхомъ свое призваніе школы не односторонняго узко-практическаго, а высшаго—идеальнаго реализма, чтобы воспитанники ея не только твердо усваивали основы положительныхъ наукъ, но и глубоко запечатлѣли въ глубинѣ своего сердца тѣ «любви и правды чистыя ученья», которыми проникнуты созданія нашихъ великихъ поэтовъ, чтобы не только помнили завѣтъ нашего перваго натуралиста: «изъ наблюденій устанавливать теорію, чрезъ теорію исправлять наблюденія», но не забывали также и слѣдующаго завѣта не натуралиста, но величайшаго представителя натуральнаго направленія нашей литературы:

«Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ,—не подымете потомъ!» (Мертвыя души гл. VI).

Н. Шеметова.

МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ДЛЯ УЧЕНИЧЕСКИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВЕЧЕРОВЪ И БЕСѢДЪ.

Предлагаемая серія „Матеріаловъ и замѣтокъ для ученическихъ литературныхъ вечеровъ и бесѣдъ“ представляетъ извѣстный приведенный въ нѣкоторую систему и приспособленный для извѣстной цѣли матеріалъ, которымъ можно воспользоваться (какъ надѣется авторъ, и какъ самъ онъ пользовался) при организаціи ученическихъ литературныхъ вечеровъ и бесѣдъ. Чтенія и бесѣды, которыя практиковалъ и впредь разсчитываетъ практиковать авторъ, имѣли цѣлью съ одной стороны болѣе широкую постановку вопросовъ, трактовавшихся на урокахъ теоріи и исторіи словесности, обобщеніе и углубленіе сообщаемыхъ учебниками свѣдѣній, съ другой стороны—сообщеніе ученикамъ извѣстнаго литературнаго матеріала, который, вслѣдствіе трудности достать потребное для учениковъ количество экземпляровъ даннаго сочиненія, встрѣчалось затрудненіе усвоить путемъ приватнаго чтенія.

Авторъ почтетъ себя счастливымъ и вполнѣ достигнувшимъ своей цѣли, если предлагаемые наброски, компиляціи, очерки и замѣтки окажутъ кому-либо изъ педагоговъ нашихъ провинціальныхъ захолустій, преподавателей отечественнаго языка, нѣкоторую услугу для осуществленія на практикѣ въ жизни нашей средней школы идеи ученическихъ литературныхъ бесѣдъ и чтеній, если побудятъ заинтересованныхъ лицъ высказать свое слово по данному вопросу и потрудиться для разработки его и для правильной постановки литературныхъ утръ и вечеровъ, къ которымъ до сихъ поръ не привыкли еще ни преподаватели, ни учащіеся.

Авторъ.

I.

ТЕАТРЪ У ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.

(Чтеніе съ тѣневыми картинами; пріурочивается оно ко времени прохожденія учениками теоріи драматической поэзіи).

Основаніемъ греческой религіи было поклоненіе силамъ природы, проявляющимся на небѣ, на землѣ и на морѣ,—дѣятельность которыхъ обусловливаетъ физическую жизнь и возбуждаетъ въ сердцѣ человѣка то опасеніе и ужасъ, то надежду и довѣріе,—силамъ загадочнымъ для человѣка, но, очевидно, владычествующимъ надъ его судьбою,—которыя и были первыми предметами боготворенія у всѣхъ народовъ. Но божества Греціи не были только символами силъ внѣшней природы; они были съ тѣмъ вмѣстѣ создателями и хранителями всѣхъ нравственныхъ благъ, олицетвореніями всѣхъ силъ нравственной жизни. Всѣ тѣ силы человѣческаго духа, которыми создается культурная жизнь, и развитіе которыхъ у греческаго народа дало ему такое важное значеніе въ исторіи человѣчества, были вложены имъ въ представленія о богахъ. Боги Греціи—олицетворенія всѣхъ великихъ и прекрасныхъ силъ греческаго народа *): Вотъ эти боги.

Зевсъ (то же, что Юпитеръ), собиратель облаковъ, сидящій на престолѣ въ высотѣ эѳира, потрясающій своимъ молніеноснымъ щитомъ, животворящій и оплодотворяющій землю, съ тѣмъ вмѣстѣ и установитель и охранитель законнаго порядка, источникъ всего добраго и благороднаго.

Паллада Аѳина (Минерва), „голубоглазая“ „дѣвственница“, богиня яснаго неба, съ тѣмъ вмѣстѣ богиня побѣдоносной энергіи во всякой борьбѣ, — богиня проницательности ума, осмотрительности, богиня всѣхъ изображеній искусства, художественной дѣятельности, умственныхъ занятій, богиня мудрости.

Гефестъ (Вулканъ), богъ небеснаго и земнаго огня, основатель кузнечнаго искусства и мастеръ въ металлической работѣ.

Аполлонъ—богъ сіяющаго свѣта, озаряющая и жи-

*) Веберъ, Всеоб. Исторія, т. II, стр. 39, 49.

вотворящая сила неба, вѣчно-юный красавецъ, идеалъ мужественной красоты, правитель дѣятельности музъ, богъ музыки, пѣнія, поэзіи.

Посейдонъ (Нептунъ) — божественная сила всѣхъ водъ, богъ — моря и всѣхъ рѣкъ, ручьевъ, источниковъ, оплодотворяющихъ землю, богъ — покровитель мореплаванія, морской торговли.

Гадесъ (Плутонъ), владычествующій въ глубинѣ земли, скрывающей источники богатства и плодородія, владыка подземнаго царства умершихъ и податель богатства *).

Своихъ боговъ греки чествовали многочисленными празднествами, процессіями, жертвоприношеніями, гимнами, священными играми. Остановимся на культѣ Діониса, или Вакха.

Діонисъ, или Вакхъ, первоначально былъ олицетвореніемъ роскошнаго изобилія растительной силы, проявляющагося сочностью травъ и плодовъ, производящаго грозды на виноградной лозѣ, дающаго прекрасный вкусъ сочнымъ плодамъ фруктовыхъ деревьевъ, а соку виноградныхъ гроздъ способность веселить человѣка. Основатель винодѣлія и садоводства, Діонисъ сдѣлался богомъ радости и братскаго сближенія людей. Подобно Аполлону, онъ даетъ вдохновеніе, возбуждаетъ человѣка пѣть, создаетъ поэзію; но поэзія, исходящая отъ него, имѣетъ характеръ болѣе страстный, чѣмъ поэзія Аполлона, его музыка шумнѣе Аполлоновой. Онъ даетъ мыслямъ восторженность, возвышающуюся до диѳирамба, даетъ имъ живость воспроизводить въ дѣйствіи событіе прошлое.—Повсюду въ Греціи, гдѣ росли виноградъ и фруктовыя деревья, было служеніе Діонису, совершались праздники ему, имѣвшіе большое вліяніе на развитіе греческой цивилизаціи. Въ особенности важное значеніе для культурной жизни пріобрѣли праздники Діониса, совершавшіеся въ Аттикѣ. Вскорѣ по окончаніи сбора винограда совершался въ Аѳинахъ праздникъ „Малыхъ, или сельскихъ“ Діонисій. Это былъ веселый праздникъ поселянъ, забавлявшихся шутками, переодѣваніями, разными

*) Одно вслѣдъ за другимъ на экранѣ волшебнаго фонаря появляются изображенія этихъ божествъ.

деревенскими потѣхами въ простонародномъ вкусѣ. По окончаніи выжиманія сока винограда, совершался другой праздникъ,—храмъ Діониса украшали плющемъ, поселяне надѣвали на себя вѣнки изъ плюща, приносили жертву, пировали, на пирѣ пили сокъ винограда, ходили процессіями. Въ мартѣ совершался въ Аѳинахъ праздникъ „Великихъ", или „городскихъ" Діонисій. Это былъ блестящій праздникъ весны во славу Діониса, освободителя отъ зимней скудости. Къ числу обрядовъ праздника принадлежала великолѣпная процессія, шествіе которой сопровождалось пѣніемъ шумныхъ диѳирамбовъ; пѣвцы шли съ плющевыми вѣнками на головахъ; дѣвушки несли корзины съ цвѣтами и новыми плодами, граждане—мѣхи съ виномъ; ихъ сопровождали замаскированные; гремѣли оркестры; впереди процессіи несли статую Діониса *). Совершались жертвоприношенія; подъ акомпаниментъ музыки, хоръ пѣлъ и плясалъ вокругъ пылающаго жертвенника **), на которомъ Діонису закалали въ жертву козла (козелъ по гречески называется τράγος, поэтому пѣснь при жертвоприношеніи Діонису получила названіе τραγῳδία, трагедія, т. е. по буквальному переводу, „козлиная пѣснь"). Характеръ пѣнія былъ страстный, восторженный; содержаніемъ пѣсней было прославленіе дѣлъ Діониса, изображеніе жизни его; танцы хоровъ были символическимъ выраженіемъ того, о чемъ пѣли танцующіе; хоры оплакивали страданія Діониса, символически означавшія увяданіе растительности, и весело воспѣвали подвиги Діониса, означавшіе пробужденіе природы, возрожденіе растительности.

Вообще, на праздникахъ Діониса тысячами проявленій высказывается стремленіе отрѣшиться отъ дѣйствительности, перенестись въ дивную жизнь фантастическаго міра: празднующіе раскрашивали тѣло гипсомъ, сажею, сурикомъ, красными и зелеными соками растеній, накидывали на себя ков-

*) На экранѣ показывается картина, изображающая эту процессію (неудобныя подробности, разумѣется, устранены съ картины).

**) На экранѣ показывается сцена жертвоприношенія.

лиины и оленьи шкуры, надѣвали на головы вѣнки изъ виноградныхъ вѣтвей и вѣчно зеленѣющаго плюща, подвѣшивали себѣ бороды изъ большихъ листьевъ разныхъ растеній, надѣвали маски, сдѣланныя изъ дерева, изъ коры, изъ другихъ матеріаловъ, надѣвали и полные костюмы, принадлежащіе существамъ того воображаемаго міра, гдѣ происходила жизнь Діониса *).

Съ теченіемъ времени, именно въ 536 г. до Р. Х. въ обрядѣ жертвоприношенія Діонису было сдѣлано нововведеніе. Въ этомъ году, по преданію, авторъ диѳирамбовъ въ честь Діониса Ѳесписъ, надѣвъ льняную маску, передъ началомъ и въ антрактахъ хорового пѣнія, речитативомъ сталъ декламировать разсказъ изъ цикла миѳовъ о Діонисѣ; по окончаніи речитатива или отдѣльной части его хоръ выражалъ радость или скорбь, возбужденную содержаніемъ разсказаннаго: пѣлъ, дѣлалъ мимическія движенія, танцовалъ, соотвѣтственно пѣнію. Завязывался, такимъ образомъ, обмѣнъ впечатлѣній и мыслей, разговоръ, діалогъ, возникало драматическое дѣйствіе.

Это и было зародышемъ, изъ котораго и развились сценическія представленія на театрѣ у древнихъ грековъ. Сначала зрѣлище, имѣвшее прежде характеръ концерта, обратилось въ лирическую драму, дѣйствіе которой шло то монологами, то діалогами единственнаго въ то время актера и хора. Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ Фриникомъ который ввелъ и женскія роли (поручавшіяся, впрочемъ, мужчинамъ), и сталъ выбирать предметы для своихъ драмъ не только изъ миѳовъ о Діонисѣ, но и о другихъ богахъ, о героахъ и даже изъ событій современной исторіи. Но важнѣйшею частью въ этихъ драмахъ все еще оставались пѣсни хора, дѣлившагося на двѣ половины, которыя обмѣнивались строфами, танцуя подъ акомпаниментъ музыки.

Такой видъ имѣла драматическая поэзія, когда началась дѣятельность Эсхила — перваго по времени геніальнаго трагика Греціи, возведшаго на высокую степень совершенства и содержаніе и форму трагедіи. Онъ прибавилъ второ-

*) Otfr. Müller's, Geschichte der Griechischen Literatur.

го актера, (позднѣе, Софокломъ былъ прибавленъ третій актеръ), что придало больше жизни и разнообразія драматическому дѣйствію; вложивъ величіе своихъ возвышенныхъ идей въ драму, Эсхилъ сталъ создателемъ писанной трагедіи. Предметы своихъ драмъ онъ заимствовалъ главнымъ образомъ изъ миѳическаго міра. Греки вообще любили представлять лица героическихъ временъ представителями силы человѣческой воли, изображать въ ихъ исторіи радости и страданія людей, столкновенія между человѣческимъ и божественнымъ закономъ, борьбу свободной воли съ судьбой; эти лица, созданныя эпосомъ, были для грековъ типами человѣческихъ характеровъ, ихъ страданія были выраженіемъ общихъ человѣческихъ бѣдствій; изображая ихъ, трагедія научала зрителей возвышаться духомъ надъ личными печалями и заботами, расширяла умственный горизонтъ народа и такимъ образомъ, давая благороднѣйшее эстетическое наслажденіе, просвѣтляла и врачевала душу.

Въ обрядахъ служенія Діонису соединялись два элемента: серьезный и шутливый: печаль о погибели бога растительности и радость о его воскресеніи. Выраженіемъ серьезнаго чувства были диѳирамбическіе хоры, изъ которыхъ произошла трагедія, навсегда сохранившая связь съ праздниками Діониса и находившаяся, по своему высокому значенію для воспитанія народа, подъ покровительствомъ государства. Шутливый элементъ празднествъ Діониса далъ начало драматическимъ представленіямъ другого рода: по окончаніи сбора винограда, поселяне устраивали пирушки, на которыхъ распѣвали веселыя и шутливыя пѣсни; праздники сопровождались процессіями, переодѣваніями; размалевавъ себѣ лица цвѣтнымъ осадкомъ, образующимся при броженіи виноградяаго сока, празднующіе дурачились, гримасничали, хохотали, плясали веселый деревенскій танецъ: это были просто игры веселья, не имѣвшія религіознаго характера; однако ихъ связь съ культомъ Діониса обнаруживалась тѣмъ, что на нихъ употреблялись мистическія эмблемы обрядовъ его. Танцы и пѣсни веселой толпы на пирушкахъ получали драматическій характеръ: деревенскій острякъ, мастеръ говорить стихами, въ монологѣ шутливаго содержанія

представлялъ какой-нибудь смѣшной типъ или осмѣивалъ кого-нибудь; изъ этихъ монологовъ явилось много фарсовъ съ типическими характерами и масками и хорами нарумяненныхъ поселянъ съ вѣнками на головахъ; при насмѣшливомъ характерѣ и остроуміи народа, изъ этихъ дурачествъ выработались веселые спектакли, въ которыхъ очень живо изображались смѣшныя стороны быта. Это и было началомъ комедіи. Съ теченіемъ времени кругъ содержанія комедіи расширился, она получила политическій характеръ. Ферекратъ, Эвполисъ и въ особенности Аристофанъ усовершенствовали комедію и дали ей могущественное вліяніе на государственную жизнь.

Съ развитіемъ драматической поэзіи потребовались и особо устроенныя для сценическихъ представленій помѣщенія, т. е. театры.

Первоначальные театры представляли просто двое подмостковъ—одни для сцены, другіе для зрителей. Такъ было, напр., въ Аѳинахъ, на площади Ленеонъ, посвященной Діонису. Позднѣе въ Аѳинахъ былъ уже обширный деревянный театръ, въ которомъ свободно помѣщались тысячи зрителей. При Периклѣ же былъ построенъ великолѣпный каменный театръ, въ которомъ бывало до 30 тыс. зрителей.

Театръ древнихъ грековъ представлялъ большія отличія отъ зданій театровъ нашего времени *). Греки устраивали свой театръ обыкновенно на скатѣ горы, откуда открывался хорошій видъ на море и на городъ. Зданіе было совершенно открыто; кровлей ему служилъ сводъ небесный. Центръ театра составляла круглая площадка около 100 футовъ въ діаметрѣ, посреди которой возвышался четырехъугольный окруженный ступенями жертвенникъ бога Діониса. Площадка эта называлась „орхестра"; здѣсь помѣщался хоръ, исполнявшій во время представленій свои пѣсни, ритмическія движенія и танцы. Это былъ основной и древнѣйшій элементъ греческихъ театральныхъ представленій, развившихся

*) На экранѣ появляется изображеніе греческаго театра; лекторъ указываетъ и объясняетъ значеніе каждой подробности картины.

изъ религіознаго служенія Діонису. Хоръ состоялъ сначала изъ 50, а потомъ только изъ 15 лицъ, которыя изображали собою иногда старѣйшинъ народа, совѣтниковъ царя, иногда домашнихъ людей главнаго дѣйствующаго лица пьесы, иногда постороннихъ мужчинъ или женщинъ, случайно принимающихъ участіе въ дѣлѣ. Лицо управлявшее хоромъ, называлось корифеемъ. Хоръ выражалъ чувства, возбуждаемыя дѣйствіемъ драмы. Рѣчь хора была речитативъ, сопровождаемый флейтами или китарами. Произнося свой речитативъ, хоръ дѣлалъ ритмическія движенія, или танцовалъ. Хоръ не участвовалъ въ дѣйствіи драмы, онъ только выражалъ свои впечатлѣнія. Характеръ его рѣчей былъ спокойный, безпристрастный, содержаніемъ ихъ были совѣты, утѣшенія, предостереженія; онъ хвалилъ добрыхъ и разумныхъ, призывалъ къ умѣренности увлекавшихся страстью, утѣшалъ страждущаго, жалѣлъ невиннаго, напоминалъ о божественной карѣ, приводилъ примѣры изъ области миѳовъ, произносилъ золотыя изреченія мудрости и благочестія. Возвышенныя пѣсни хора вносили элементъ успокоенія въ тревожное драматическое дѣйствіе; мысли, высказываемыя хоромъ, были шире минутныхъ волненій дѣйствія; хоръ принималъ въ соображеніе и опытъ прошлаго и вѣроятности будущаго, охватывалъ своими соображеніями всѣ народы; его точка зрѣнія была общечеловѣческая, онъ былъ представителемъ ученій мудрости. Хоръ справедливо характеризуетъ названіемъ идеальнаго зрителя, олицетворяющаго собою мысли, какія должно имѣть о совершающемся на сценѣ. Онъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ антрактахъ, когда сцена оставалась пуста. Иногда онъ вступалъ въ разговоръ съ дѣйствующими лицами; въ этихъ случаяхъ его мысли высказывалъ за него корифей. Набрать хоръ и содержать его — это была одна изъ государственныхъ обязанностей, лежавшихъ, по законамъ Солона, на знатныхъ землевладѣльцахъ. Хоръ составлялся изъ свободныхъ гражданъ; его училъ поэтъ, который обыкновенно самъ и былъ корифеемъ.

За орхестрой находилась сцена; это была длинная узкая платформа, имѣвшая очертанія правильнаго параллелограмма и возвышавшаяся надъ орхестрой на нѣсколько

ступеней лѣстницы. Задняя стѣна сцены обыкновенно представляла передній фасадъ дворца съ колоннадами и разными пристройками. Этотъ дворецъ представлялъ въ драмѣ жилище главныхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя выходятъ на открытое мѣсто передъ домомъ сообщать свои мысли и чувства другимъ лицамъ (внутренность дома у грековъ оставалась закрыта для постороннихъ). Открытое мѣсто передъ домомъ изображало площадь, и, выходя изъ дому, дѣйствующія лица имѣли передъ собою гражданъ, собравшихся на площади; хоръ изображалъ собою это собраніе гражданъ. Боковыя стѣны сцены были массивныя и не могли быть измѣняемы. Главное лицо драмы, чья судьба составляетъ ея содержаніе, всегда занимало средину сцены, и актеръ, игравшій это лицо, входилъ на сцену черезъ среднюю главную дверь; второстепенныя лица обыкновенно выходили или изъ боковыхъ дверей задней стѣны, или изъ дверей боковыхъ стѣнъ.

Дѣйствіе греческой драмы было немногосложно; поэтому перемѣна мѣста рѣдко была нужна. Такія перемѣны декорацій, какъ въ нашихъ спектакляхъ, были невозможны уже и по самому устройству сцены. Небольшія измѣненія декорацій были производимы посредствомъ машинъ, называвшихся „періактами“ и установленныхъ по обѣимъ сторонамъ сцены: это были вертикальныя треугольныя призмы, которыя могли быстро повертываться то одною, то другою стороною къ зрителямъ и представлять картины, наиболѣе подходившія къ мѣстамъ, описаннымъ или только упомянутымъ въ пьесѣ. Со сцены удаляли ту или другую принадлежность или, напротивъ, прибавляли, напр., гробницу, и отворяли, когда было нужно, дверь храма или дворца. Для воображенія грековъ достаточно было тѣхъ немногосложныхъ перемѣнъ обстановки, какія производились этими способами.

Сценическія представленія происходили днемъ, начинаясь съ восходомъ солнца. Ставились разомъ одна вслѣдъ за другою три трагедіи, что составляло трилогію, а въ видѣ заключенія,—четвертая пьеса,—такъ называемая **сатирическая драма**; всѣ четыре пьесы, часто представлявшія по содержанію одно цѣлое, образовали драматическую тетралогію.

Представленіе шло безъ перерывовъ отъ начала пьесы до конца, иногда отъ начала до конца цѣлой трилогіи, даже цѣлой тетралогіи (Греческія драмы не были длинны). Греки никогда не знали нашихъ теперешнихъ актовъ и антрактовъ, и если занавѣсъ былъ у нихъ въ употребленіи, то онъ закрывалъ сцену только передъ началомъ представленія и, можетъ быть, въ промежуткахъ между двумя пьесами.

Противъ сцены естественно, находились мѣста для зрителей, отдѣленныя отъ сцены орхестрою. Такъ какъ театры большею частію устраивались на склонахъ холмовъ, то мѣстами для зрителей съ удобствомъ служили ступени, вырѣзанныя въ родѣ лѣстницы по склону горы прямо въ землѣ и выложенныя мраморомъ или другимъ камнемъ; если же холмъ составляла скала, то ихъ вырубали въ ней. Вырѣзанныя такимъ образомъ въ горѣ мѣста для зрителей шли концентрическими полукругами, возвышавшимися одинъ надъ другимъ и увеличивавшимися по мѣрѣ удаленія отъ центра. Такое расположеніе мѣстъ для зрителей концентрическими полукругами, одинъ выше другого, было необходимо для того, чтобы зрители могли хорошо видѣть и слышать все, что происходило на сценѣ и орхестрѣ. Въ большихъ театрахъ эти мѣста раздѣлялись на два или на три отдѣленія, посредствомъ широкихъ проходовъ, тянувшихся отъ одного конца полукруга до другого. Каждое отдѣленіе снова дробилось на нѣсколько меньшихъ, клинообразныхъ отдѣленій, посредствомъ лѣстницъ, которыя шли въ видѣ лучей отъ нижняго до верхняго ряда мѣстъ. Ступени были такъ широки, что сидѣвшіе на нихъ могли свободно ставить свои ноги за спинами зрителей, занимавшихъ нижнія ступени.

На мѣста зрители проходили или сверху, черезъ двери наружной стѣны, окружавшей театръ, или же черезъ орхестру, имѣвшую двое воротъ,—откуда поднимались по маленькимъ лѣстницамъ на нижнюю площадку, а съ нея потомъ взбирались выше и выше по всходамъ, которые прорѣзывали лучами весь амфитеатръ.

Театръ былъ окруженъ стѣнами и крытыми портиками, т. е. галлереями; съ трехъ сторонъ зданіе охватывала колоннада.

Драматическая поэзія не расторгала своей связи съ праздникомъ Діониса и въ то время, когда достигла своей высоты своего совершенства. Сценическія представленія считались принадлежностью религіозныхъ обрядовъ служенія Діонису. Костюмъ дѣйствующихъ лицъ былъ такъ непохожъ на обыкновенную одежду, что зритель не могъ ни на минуту забывать, что событія и люди, которыхъ онъ видитъ на сценѣ, не принадлежатъ дѣйствительному міру; онъ постоянно помнилъ, что область трагедіи—міръ идеальный, что трагедія не имѣетъ претензіи изображать реальную жизнь. Актеры были одѣты въ длинное, разстилающееся по полу платье съ пестрыми полосами; сверхъ этого платья на нихъ были накинуты мантіи пурпуроваго цвѣта съ золотыми украшеніями, какъ на тѣхъ людяхъ, которые ходили процессіями и танцовали на праздникахъ Діониса. Актеръ, играющій роль какого нибудь божества или національнаго героя являлся съ его аттрибутами; такъ напр., когда онъ игралъ Геркулеса, то у него на плечахъ была львиная шкура, въ рукѣ булава. Чтобы придать актеру ростъ выше обыкновеннаго человѣческаго, употреблялось особое средство: обувь актера, трагическій котурнъ, имѣла очень толстую подошву. На актерѣ была большая маска съ раскрытымъ ртомъ и большими прорѣзами для глазъ; черты маски имѣли строгое выраженіе. На груди и на туловищѣ, на рукахъ и на ногахъ одежда подбивалась толстою подкладкой, такъ что вся фигура актера получала размѣры, соотвѣтствующіе высокому росту. Произношеніе рѣчи было медленное, торжественное; маска имѣла резонансъ, придававшій голосу очень большую силу и звучность.

Комедія пользовалась тою же сценою, какъ и трагедія, и употребляла тѣ же сценическія средства, только давая имъ особый характеръ. Костюмы дѣйствующихъ лицъ въ комедіи были фантастическіе (напр. хоръ изображалъ птицъ, лягушекъ, осъ, облака и т. д.), маски употреблялись карикатурныя, съ рѣзкими, утрированными чертами лица, подошвы обуви были менѣе толсты, поэтому фигуры актеровъ менѣе высоки; вообще костюмы и маски были такіе, что

ужъ и самымъ видомъ своимъ актеры и хоръ возбуждали ихъ *).

Греческій театръ, созданіе афинскаго геніа, распространился далеко за скромные географическіе предѣлы греческаго міра. Мы встрѣчаемъ его потомъ и въ Македоніи, и въ Азіи, и въ Сициліи, и въ Римѣ, но родиной его была и оставалась Греція, а въ Греціи—Аѳины. Онъ былъ для греческаго міра лучшимъ и доступнѣйшимъ украшеніемъ человѣческаго существованія; тысячи тончайшихъ, едва замѣтныхъ нитей связывали его со всѣмъ строемъ умственной и эстетической жизни грека. Рѣчами трагедіи, всѣмъ понятными и близкими, говорили въ общественной и частной жизни, въ народномъ собраніи, въ судѣ, въ школѣ, въ исторіи и философіи. Она стала одною изъ существеннѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ составныхъ частей древней образованности и культуры вообще и греческой въ особенности. Перенесенная изъ Греціи въ Римъ, она перешла потомъ и къ новымъ народамъ, продолжая свою великую историческую роль воспитательницы литературнаго вкуса и хранительницы художественно обработанныхъ идеаловъ иной поры, иной общественной среды, но близкой намъ своими общечеловѣческими сторонами *).

Для ознакомленія съ древне-греческою трагедіей, мы прочитаемъ въ переводѣ знаменитѣйшую изъ трагедій Эсхила—„Скованный Прометей“, которая служитъ лучшимъ типомъ первоначальной трагедіи грековъ.

Миѳъ о Прометеѣ, получившій важное значеніе въ греческой религіи, ставшій однимъ изъ любимыхъ предметовъ поэзіи, представляетъ собою легенду о ходѣ развитія человѣческой цивилизаціи и культуры. У Эсхила Прометей—титанъ, сынъ богини Ѳетиды, знающій отъ нея всѣ тайны будущаго. Въ войнѣ Олимпійскихъ боговъ съ титанами онъ

---

*) Веберъ, Всеоб. Исторія, т. II.

*) Коршъ, Исторія греческой литературы.

сталъ на сторону Зевса и своими умными совѣтами помогъ ему побѣдить. Но, сдѣлавшись владыкою вселенной, Зевсъ хотѣлъ истребить людей и создать новый родъ человѣческій. Прометей спасъ людей и далъ имъ огонь, употребленіе котораго — начало всѣхъ улучшеній въ человѣческой жизни, основаніе владычества человѣка надъ природою. Прометей научилъ людей и строить жилища, знать время восхожденія небесныхъ свѣтилъ и пути ихъ, научилъ считать, писать, узнавать будущее, приносить жертвы; научилъ ихъ врачебному искусству, мореплаванію, другимъ знаніямъ, служащимъ на благо жизни. За эти благодѣянія людямъ, Прометей былъ, по повелѣнію Зевса, прикованъ цѣпями къ утесу въ безлюдной пустынѣ Скиѳіи ... Но какъ ни тяжки его страданія, твердость души его остается непреклонна; онъ страдаетъ за самоотверженную любовь къ людямъ; сознаніе этого подкрѣпляетъ его, и онъ мужественно выноситъ мученія. Ему извѣстенъ часъ, когда постигнетъ кара самого Зевса; это знаніе—тайна Прометея, и никакія угрозы Зевса не могутъ вырвать ее у него. Въ наказаніе за такую скрытность, Прометей, вмѣстѣ съ утесомъ, обрушивается въ бездну.

Таково содержаніе этой трагедіи.

(Слѣдуетъ чтеніе трагедіи въ переводѣ Мережковскаго, напеч. въ Вѣст. Евр. 1891 г. январь).

Вопросы и темы для бесѣды: Возникновеніе греческаго театра.—Значеніе Греческаго театра и греческой трагедіи; баллада «Ивиковы журавли»,—см. Цвѣтаевъ, Баллады Шиллера, стр. 97 и слѣд.—Идея трагедія Эсхила «Прометей»,—Характеръ Прометея.

Вл. Рѣзановъ.

II.

И. А. КРЫЛОВЪ *).

Имя Крылова принадлежитъ къ числу самыхъ популярныхъ именъ въ Россіи. Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ грамотные русскіе люди всѣхъ степеней образованія, всѣхъ направленій равно знакомы съ его произведеніями, равно чувствуютъ ихъ красоты, хотя бы и не въ равной степени и не одинаково его понимали.

Популярность эта, создавшаяся еще при жизни поэта, пережила его многими годами, и, какъ думалъ другой нашъ великій поэтъ,—переживетъ многими столѣтіями.

Пріобрѣсти такую громкую извѣстность, заживо быть объявлену безсмертнымъ и связать судьбу своихъ произведеній съ судьбою націи, которая произвела поэта,—для этого нужно человѣку обладать особенными качествами.

Въ чемъ же состояли эти особенности нашего баснописца, и вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ онѣ развились въ немъ?

Иванъ Андреевичъ Крыловъ родился 2 февраля 1768 г. Дѣтство его протекло среди такой обстановки, которая, повидимому, всего менѣе могла содѣйствовать правильному развитію способностей ребенка. Отецъ его, армейскій капитанъ, былъ человѣкъ мало образованный. Судя по тѣмъ книгамъ, которыя онъ оставилъ въ наслѣдство сыну, онъ смотрѣлъ на литературу не какъ на

---

*) Составлено по источникамъ: 1) Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова съ біогр. Плетнева 2) Сборникъ статей, чит. въ отд. русс. яз. и слов. Имп. Ак. Н. т. VI, 3) Л. Н. Майковъ, Первые шаги И. А. Крылова на литер. поприщѣ 4) Бриліантъ, И. А. Крыловъ, 5) Водовозовъ, Новая русс. литература и др.

образовательное средство, но какъ на средство убивать время. Свой жизненный путь Иванъ Андреевичъ началъ среди странствій, тревогъ и опасностей. Онъ родился въ то время, когда отецъ его стоялъ съ своимъ драгунскимъ полкомъ въ Москвѣ. Но поднялась Пугачевщина, и Андрей Прохоровичъ двинулся съ полкомъ на Уралъ.

Могло ли быть это тревожное дѣтство, среди ужасовъ пугачевскаго бунта, хорошей подготовкой къ правильному образованію и воспитанію будущаго баснописца, который на седьмомъ году отъ рожденія, за энергическую защиту его отцомъ Яицкаго городка, былъ заранѣе, въ случаѣ сдачи крѣпости, обреченъ Пугачевымъ смерти вмѣстѣ съ своими родителями.

Послѣ усмиренія мятежа Крыловъ-отецъ оставляетъ военную службу, возвращается на свою родину — въ Тверь и здѣсь поступаетъ въ Губернскій Магистратъ. Вскорѣ однако же онъ умираетъ; жена и сынъ остаются безъ всякихъ средствъ къ жизни. Нищета, посѣтившая семейство, заставляетъ мать опредѣлить сына на службу. И вотъ 14-лѣтній Крыловъ, едва умѣя держать перо въ рукѣ, вмѣсто того, чтобы итти въ школу учиться, начинаетъ въ чинѣ подканцеляриста посѣщать тверской магистратъ и переписываетъ канцелярскія бумаги, разумѣется, по молодости ровно не понимая смысла того, что онъ пишетъ.

Крайняя бѣдность и надежда на полученіе пенсіи за службу мужа побудили вдову Крылову къ переселенію изъ Твери въ Петербургъ. Здѣсь Иванъ Андреевичъ тоже долженъ былъ поступить на службу — вначалѣ съ жалованьемъ по 2 руб. ассигнаціей въ мѣсяцъ, — и слѣдовательно продолжаетъ вращаться въ средѣ самыхъ низшихъ чиновниковъ — простыхъ, необразованныхъ, едва грамотныхъ писцовъ.

Наконецъ умираетъ и мать. Это былъ, по словамъ самого Крылова, — самый тяжелый ударъ въ его жизни. Но —

Тяжелый млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Булату, т. е. стали, была подобна натура Крылова—натура этого въ полномъ смыслѣ русскаго человѣка. Геній его съумѣлъ воспользоваться тѣми немногими благопріятными условіями, какія судьба удѣлила ему въ юности, съумѣлъ извлечь выгоду и изъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ—и какъ бы наперекоръ счастью, съ теченіемъ времени Крыловъ пріобрѣлъ все, что необходимо писателю и гражданину. Онъ даже успѣлъ развить въ себѣ нѣсколько талантовъ, составляющихъ роскошь и для счастливо-рожденнаго молодого человѣка.

Отецъ Крылова, Андрей Прохоровичъ былъ, по свидѣтельству исторіи человѣкъ хотя и мало образованный, но весьма способный и толковый: во время Пугачевщины, когда всѣ растерялись и не знали, что дѣлать, онъ выказалъ замѣчательное мужество, рѣшимость и распорядительность, и тѣмъ не мало способствовалъ спасенію Яицкаго городка отъ ужасовъ, ожидавшихъ его при сдачѣ мятежникамъ. Иванъ Андреевичъ унаслѣдовалъ отъ отца эти качества его характера—какъ твердость, осторожность и благоразуміе, такъ и находчивость и рѣшительность. Тревоги и опасности закалили характеръ.

Мать Крылова, Марья Алексѣевна, была одна изъ тѣхъ прекрасныхъ русскихъ женщинъ, которыя способны на всякое самопожертвованіе ради дѣтей. Въ бытность свою въ Твери, Марья Алексѣевна, изыскивая средства дать образованіе сыну, нашла возможность посылать его къ живщему въ домѣ помѣщика Львова гувернеру-французу учиться по французски. Этотъ французскій гувернеръ былъ единственный учитель, уроками котораго воспользовался Крыловъ.

Канцелярское дѣло не занимало Крылова. Мысли его, уносились на рынки, на площади, куда кулачные бои привлекали толпы зрителей, наконецъ—къ плоту, куда со всѣхъ концовъ города собирались прачки и водовозы. Тамъ, на этихъ сборищахъ, у этого плота, юноша-Крыловъ проводилъ цѣлые часы, подслушивалъ разговоры, шутки, остроты,—а потомъ бѣжалъ къ то-

варищамъ своимъ пересказывать то, что поражало его. Тутъ-то пробудилась его наблюдательность—тутъ онъ изощрилъ ее; тутъ же усвоилъ онъ начала той чисто русской рѣчи, которая дѣлаетъ его басни доступными всѣмъ сословіямъ русскаго народа.

Отъ такихъ наблюденій онъ возвращается снова къ канцелярскимъ бумагамъ. А въ то самое время, когда его дѣтская рука выводила нетвердымъ почеркомъ буквы, въ головѣ его созидалась драма по образцу тѣхъ, какія онъ нашелъ въ сундукѣ отца. У него въ это время созрѣвалъ планъ «Кофейницы», видѣлся вдали Петербургъ, театръ, слава.... Этому знаменитому сундуку съ книгами, который остался Крылову чуть ли не единственнымъ наслѣдіемъ отъ отца, Иванъ Андреевичъ многимъ обязанъ. Быстро исчерпалъ онъ содержаніе этого сундука и, пристрастившись къ чтенію, при своихъ рѣдкихъ способностяхъ, памяти и воображеніи, онъ очень скоро почувствовалъ въ себѣ охоту къ собственному воспроизведенію того, что было вычитано имъ изъ книгъ. И вотъ мы видимъ 14-лѣтняго юношу уже авторомъ литературнаго произведенія — слабаго, но не лишеннаго интереса и таланта — авторомъ оперы «Кофейницы». Въ этомъ первомъ произведеніи Крылова при всѣхъ недостаткахъ, чувствуется уже та «свѣжесть созданія, которая всегда отличаетъ раннія, съ любовью отдѣланныя произведенія пробуждающихся сильныхъ дарованій».... (Л. Н. Майковъ).

Крыловъ въ Петербургѣ. Бѣдность, одиночество по смерти матери, безпріютная жизнь—все это могло бы убить всякую слабую натуру; Крылову же какъ будто дало новыя силы. На двадцать первомъ году, мы видимъ его уже записнымъ журналистомъ, типографщикомъ, мѣткимъ сатирическимъ писателемъ, поражающимъ порокъ, скрывающійся отъ общественнаго порицанія подъ величественною тогою заслуженнаго гражданина, подъ личиною свѣтской образованности, подъ маскою скромности, подъ покровомъ общественныхъ приличій. Читая его ѣдкія сатирическія статьи, съ трудомъ вѣришь, что

онѣ написаны почти мальчикомъ, и притомъ мальчикомъ нигдѣ не учившимся, мальчикомъ, подавленнымъ бѣдностью. Но еще удивительнѣе то, что въ то же время онъ находилъ возможность учиться. Онъ научился играть на скрипкѣ и достигъ такого совершенства въ этомъ искусствѣ, что его приглашали участвовать въ квартетахъ вмѣстѣ съ знаменитыми виртуозами. Увлекшись музыкою, онъ увидѣлъ необходимость научиться по-итальянски. Сохранилось свидѣтельство, что и въ живописи онъ достигъ замѣчательнаго совершенства. И всему этому онъ научился одинъ, безъ всякой посторонней помощи. Кажется—для этихъ способностей,—говоритъ біографъ,—ничего не было невозможнаго.

Въ Петербургѣ Крылова увлекала страсть къ театру. Вмѣсто денегъ за рукопись своей «Кофейницы», которую согласился купить книгопродавецъ Брейткопфъ, юный авторъ беретъ книги—французскихъ классическихъ драматурговъ: Корнеля, Расина. Слава Сумарокова и лавры Княжнина не даютъ юношѣ спать. Онъ рѣшается самъ сдѣлаться драматическимъ писателемъ и вскорѣ выступаетъ съ трагедіей изъ древняго міра «Клеопатра». Очевидно, только неодолимымъ вліяніемъ французскихъ трагиковъ надо объяснить эту рѣшимость Крылова, совершенно незнакомаго съ античнымъ міромъ, взяться за трагедію изъ греко-римской жизни. Пьеса эта до насъ не сохранилась; произведеніе весьма слабое, она была уничтожена самимъ авторомъ. Это было въ 1785 г. Однако охота къ сочиненію трагедій была такъ сильна у Крылова, что въ слѣдующемъ же году онъ приготовилъ новую трагедію «Филомела». Произведеніе это вышло также весьма слабое и отличается почти полнымъ отсутствіемъ дѣйствія.

Тогда, отказавшись отъ трагическаго рода, Крыловъ перешелъ къ комическому: въ томъ же 1786 г. онъ написалъ комическую оперу «Бѣшеная семья» и комедію «Сочинитель въ прихожей». Однако пьесы эти вышли не лучше трагедій. Но и эта неудача не охладила Крылова: черезъ годъ появляется новая коме-

дія его «Проказники». Въ этой пьесѣ замѣчается уже нѣкоторый успѣхъ писателя—благодаря тому, что главные характеры списаны съ живыхъ личностей: тогдашняго извѣстнаго драматическаго писателя Якова Борисовича Княжнина и жены его Екатерины Александровны, дочери трагика Сумарокова.

Названныя пьесы представляютъ первые шаги Ивана Андреевича на литературномъ поприщѣ. Къ комедіямъ онъ возвращался и позднѣе, но не произвелъ однако ничего замѣчательнаго: въ 1797 г., во время пребыванія съ Карамзинымъ у кн. Голицына, Крыловъ сочинилъ для домашняго театра шутку—трагедію «Трумфъ», въ которой самъ авторъ игралъ главную роль; тогда же написана имъ ком. «Пирогъ», позднѣе—комедія «Лѣнтяй», а въ 1807 г. изданы имѣвшія большой успѣхъ на Петербургской сценѣ комедіи «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» и опера «Илья-богатырь». Обѣ послѣднія комедіи осмѣиваютъ французское воспитаніе въ уродливыхъ его проявленіяхъ.

Изслѣдованіе литературной дѣятельности Крылова, какъ автора драматическихъ сочиненій, интересно въ томъ отношеніи, что представляетъ поучительный примѣръ, какъ могутъ даже и великіе писатели заблуждаться относительно истиннаго своего призванія и вначалѣ работаютъ совершенно не въ той области, которая присуща ихъ таланту.

Иного характера интересъ возбуждаетъ журнальная дѣятельность Крылова, которой онъ всецѣло предался, послѣ смерти матери, оставивъ совершенно канцелярскую службу.

Своими баснями, написанными уже въ позднемъ возрастѣ, Крыловъ затмилъ всѣ прежніе труды свои. Однако же на басни его нельзя смотрѣть какъ на нѣчто отдѣльно-стоящее въ его литературной дѣятельности. Басни Крылова тысячами нитей примыкаютъ къ болѣе раннимъ его трудамъ, и только въ этихъ послѣднихъ можно найти разгадку того, чѣмъ онъ сдѣлался позднѣе,—только съ помощью другихъ его сатирическихъ

сочиненій можно вполнѣ объяснить значеніе его какъ баснописца.

Въ Петербургѣ однимъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ литераторовъ того времени былъ тамбовскій дворянинъ, капитанъ Иванъ Герасимовичъ Рахманиновъ, содержавшій типографію и печатавшій въ ней свое еженедѣльное изданіе «Утренніе часы». Съ нимъ сблизился Крыловъ и, можетъ быть, участвовалъ даже въ его журналѣ. Но въ концѣ 1788 г. будущій баснописецъ, увлеченный, вѣроятно, примѣромъ Рахманинова, или, можетъ быть, еще болѣе успѣхомъ Новикова, извѣстнаго издателя сатирическихъ журналовъ,—Крыловъ рѣшился самъ издавать сатирическій журналъ; участіе въ предпріятіи приняли Рахманиновъ и Радищевъ, которому при этомъ отводится нѣкоторыми изслѣдователями весьма значительная роль. Какъ извѣстно, сатирическое направленіе у насъ съ особою силой обнаружилось при императрицѣ Екатеринѣ II, что́, конечно, было слѣдствіемъ общаго возбужденія умственной жизни, вызваннаго либеральнымъ духомъ царствованія и характеромъ авторской дѣятельности само́й геніальной императрицы. Горячая пора нашей журнальной сатиры продолжалась, правда, только пять лѣтъ (1769 по 1774 г.); въ теченіе этого времени раждались и умирали, одно за другимъ, изданія этого рода, между которыми перломъ, по справедливости, считается «Живописецъ» Новикова. Но эти явленія, какъ ни были они эфемерны, бросили на почву нашей литературы сѣмя, которое никогда не вымирало вполнѣ, и во все продолженіе XVIII столѣтія повторялись отъ времени до времени подобныя же изданія. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ «Собесѣдникъ» княгини Дашковой, въ составѣ котораго значительное мѣсто заняли сатирическія «Были и Небылицы» Царственной Сотрудницы. На театрѣ всѣхъ блистательнѣе служилъ тому же направленію Фонвизинъ. Въ послѣднее десятилѣтіе царствованія императрицы Екатерины задремавшую сатиру въ журнальной литературѣ разбудилъ Крыловъ.

Въ концѣ 1788 г. въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ прочли, что въ книжной лавкѣ Миллера, на Луговой Милліонной, раздаются безденежно подробныя печатныя объявленія о вновь предпринятомъ ежемѣсячномъ изданіи «Почта Духовъ, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными Духами». Дѣйствительно, съ слѣдующаго года, 1789 го стали ежемѣсячно выходить книжки этого журнала, гдѣ авторъ спрятался за невидимыхъ гномовъ и сильфовъ, которые его перомъ пишутъ изъ преисподней письма о Плутонѣ, Прозерпинѣ, о ихъ любимцахъ и министрахъ.

Такая форма сатиры не была новостью. При появленіи у насъ первыхъ сатирическихъ журналовъ, ровно за 20 лѣтъ до «Почты Духовъ», Ѳедоръ Эминъ издавалъ «Адскую почту, или переписку хромоногаго бѣса съ кривымъ», которые, въ свою очередь, вели свой родъ отъ Лесажева «Хромого Бѣса». Но интереснымъ является то обстоятельство, что въ «Почтѣ Духовъ» уже означился тотъ характеръ Крыловской сатиры, какимъ отличаются его басни. Дѣло идетъ, между прочимъ, о страшной суматохѣ, которую въ Царствѣ Плутона произвела Прозерпина, побывавшая въ Парижѣ и явившаяся въ преисподнюю въ модномъ «французскомъ платьѣ, въ шляпкѣ съ перьями и въ прекрасныхъ башмачкахъ, которыхъ тоненькіе каблучки придавали ей вершка три росту». Вся эта аллегорія, гдѣ духи или миѳологическія существа принимаютъ живое участіе въ дѣлахъ людей или раздѣляютъ съ ними ихъ пороки, очень напоминаетъ басню. Вмѣсто сходства, какое находимъ въ баснѣ между людьми и животными, здѣсь началомъ ироніи служитъ сближеніе между міромъ духовъ и человѣческимъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ олицетворенія, взятыя изъ миѳологіи, исторіи или изъ созданнаго воображеніемъ сверхъестественнаго міра встрѣчаются у Крылова и въ басняхъ, напр.: Лягушка и Юпитеръ, Фортуна въ гостяхъ, Парнасъ, Оракулъ и др. Повѣсть «Каибъ», помѣщенная въ другомъ Крылов-

скомъ журналѣ—«Зрителѣ», представляетъ также аллегорію, гдѣ современная истина укрыта подъ покровомъ разсказа о какомъ-то странномъ восточномъ калифѣ.

Все это нельзя не назвать первыми опытами Крылова въ баснѣ сатирико-дидактическаго содержанія.

Каковы же предметы первоначальной сатиры Крылова? Каково ея внутреннее отношеніе съ одной стороны къ прежнимъ сатирическимъ журналамъ, съ другой—къ фактамъ послѣдующей литературной дѣятельности Ивана Андреевича?

Сравнивая «Почту Духовъ» съ прежними журналами, мы находимъ, что она часто преслѣдовала тѣ же недостатки, на которые они нападали, напр, французское воспитаніе, пустоту и мотовство модныхъ франтовъ, или, какъ ихъ тогда называли, «петиметровъ», спесь и невѣжество дворянъ, взяточничество и казнокрадство, порочность судей, произволъ и т. п. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что тогда какъ прежніе журналы, выставляя главнымъ образомъ бытовую сторону общества, ограничивались описаніемъ существовавшихъ золъ, Крыловъ заглядывалъ въ ихъ причины, обнажалъ нравственныя язвы, изъ которыхъ они проистекали. У него сатира глубже, рѣзче и разнообразнѣе. Она обнимаетъ всѣ слои общества, всѣ сословія и потому принимаетъ характеръ вполнѣ общественный. Къ этому надобно прибавить и то, что зависитъ собственно отъ таланта писателя: Козицкій, Новиковъ, Эминъ и др. были только умными наблюдателями, Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ. Въ немъ уже виденъ эпическій разсказчикъ, часто облекающій мысль въ яркій, выпуклый образъ. «Почта Духовъ» представляетъ намъ пеструю картину свѣта, въ которой сцена безпрестанно мѣняется, и передъ нами проходятъ всѣ страсти, всѣ темныя и смѣшныя стороны общества.

Вотъ передъ нами знатная дама—Прозерпина, супруга повелителя преисподней—съ модной прической,

въ модномъ платьѣ, модной шляпкѣ, въ модныхъ башмачкахъ изъ французскихъ лавокъ; возвратясь изъ Парижа, она гордится тѣмъ, что научилась пѣть, танцовать и чисто дѣлать англійскіе *па* въ контрдансѣ, проситъ Цицерона написать похвальную рѣчь французскимъ торговкамъ, за что въ награду обѣщается подарить послѣдней моды фракъ и англійскія пряжки для башмаковъ; она заставляетъ супруга нарядиться во французскій кафтанъ съ щегольскою французскою шпагой, обрить бороду, причесаться á la croché, выписать парикмахера, портного и купца съ галантерейными вещами, и весь адъ отдать во власть танцмейстера.

Вотъ богатый купецъ угощаетъ на своихъ именинахъ вельможу, трехъ придворныхъ и нѣсколькихъ начальниковъ города; за роскошнымъ обѣдомъ вельможа выхваляетъ любовь къ отечеству, судья ставитъ выше всего честь, купецъ хвалитъ безкорыстіе; однако всѣ они согласны въ томъ, что законы слишкомъ строго наказываютъ за плутовство, и что необходимо смягчить ихъ жестокость. Вельможа обѣщаетъ подать голосъ объ уничтоженіи тяжкихъ наказаній, которымъ подвергаются плуты и грабители, за что многіе изъ гостей, а особенно судья Тихонрадовъ и самъ хозяинъ очень его благодарятъ.

Вотъ салонный франтъ, графъ Припрыжкинъ— 20-тилѣтній повѣса, который проводитъ всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми утѣшаетъ своихъ родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ легковѣрныхъ заимодавцевъ и т. д. Тѣмъ не менѣе во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ; часто ничего не значащее привѣтствіе, сказанное имъ, почитаютъ за острое слово, и если онъ улыбается, то всѣ начинаютъ хохотать во все горло, ожидая терпѣливо, когда онъ откроетъ причину своей улыбки. Съ такими качествами Припрыжкину легко было сдѣлаться женихомъ богатой невѣсты.

Вотъ толстый купецъ тащитъ въ судейскую залу бѣдняка, крича, что тотъ укралъ у него платокъ, и

требуя, чтобъ его судили по всей строгости законовъ. Виновный объясняетъ, что онъ, умирая съ голоду, дѣйствительно укралъ платокъ. Судьи опредѣляютъ бѣдняка повѣсить. Вдругъ отворяются двери залы и входитъ богато одѣтый господинъ; всѣ судьи передъ нимъ встаютъ, просятъ его сѣсть. Богачъ даетъ выкупъ и освобождаетъ виновнаго. Кто же этотъ уважаемый благотворитель? Преступникъ, укравшій нѣсколько милліоновъ, который судится за похищеніе и грабительство, и вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ тянется это дѣло; онъ уже оправдался передъ судьями, и это стóитъ ему одного милліона, а чтобы оправдаться въ глазахъ общества, онъ рисуется своею благотворительностью, и «черезъ то въ мысляхъ нѣкоторыхъ людей почитается честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человѣкомъ».... «Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ».

Вотъ блестящій молодой человѣкъ, который шутитъ надъ важными истинами, не понимая ихъ; «при всей мелкости своего ума онъ такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на рослаго драгунскаго капитана и хочетъ разорвать его, между тѣмъ какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ».—«Ай Моська! Знать она сильна!...»

Несмотря на талантъ, выказанный Крыловымъ въ «Почтѣ Духовъ», несмотря на возвышенность исповѣдуемой имъ морали, чистоту политическихъ воззрѣній, высокія понятія о гражданскомъ долгѣ, «Почта Духовъ» не имѣла однако успѣха; расходилось это изданіе только въ числѣ 80 экземпляровъ,—такъ мало оказалось подписчиковъ. Это и неудивительно: молодой писатель—Крыловъ—не имѣлъ еще никакой извѣстности, а охотниковъ даже и на книги, которыхъ авторы успѣли пріобрѣсти громкое имя, было не много. О равнодушіи публики къ литературѣ часто говорится въ самой «Почтѣ Духовъ»; напр., въ одномъ мѣстѣ замѣчено, что въ большомъ свѣтѣ почитается невѣжествомъ не знать по названіямъ вновь выходящихъ сочиненій или не знать именъ современыхъ писателей; но читать са-

мыя произведенія считается потерею времени, а имѣть знакомство съ авторами—униженіемъ; въ такихъ случаяхъ они сравниваются съ ремесленниками, которые, однако-жъ, несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые.

Если «Почта Духовъ» и не достигла своей нравоучительной цѣли, не оставила замѣтнаго слѣда ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ, за то она имѣла великое образовательное значеніе для самого автора: она была школой его наблюдательности и сатирическаго таланта, важною для его будущей литературной дѣятельности.

Недостатокъ подписчиковъ на «Почту Духовъ» былъ причиною того, что это изданіе не дожило даже до конца года; оно прекратилось на 8-й книжкѣ. Но свидѣтельствомъ, что «Почта Духовъ» не осталась незамѣченною въ нашей литературѣ, служитъ то, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія понадобилось вторичное изданіе этого сатирическаго сборника, которое и вышло въ 1802 году безъ всякихъ сокращеній.

Въ 1792 г. Крыловъ издаетъ новый журналъ—«Зритель»; главнымъ сотрудникомъ Ивана Андреевича въ этомъ изданіи былъ Клушинъ, офицеръ и драматическій писатель. Въ «Зрителѣ» кромѣ сатирическихъ статей помѣщались и статьи критическія.

Изъ первыхъ самое замѣчательное сочиненіе—повѣсть Крылова «Каибъ»; здѣсь сатирически изображается франтовство дамъ, подражающихъ «въ безвкусной пестротѣ своихъ одеждъ» птичьимъ чучеламъ во дворцѣ Каиба, изукрашеннымъ драгоцѣнными перьями; не менѣе зло осмѣиваетъ здѣсь Крыловъ и ужимки и кривлянье модныхъ франтовъ, которые въ этомъ соперничаютъ съ дворцовыми обезьянами, рѣзвящимися на золотыхъ цѣпочкахъ.—Обращаетъ также на себя вниманіе сатирическая статья Крылова «Похвальная рѣчь въ память дѣдушкѣ»; она направлена противъ тѣхъ праздныхъ дворянъ, которые, нисколько не заботясь о

пользѣ своихъ крестьянъ, проводили все время въ однѣхъ грубыхъ забавахъ.

«Зритель» имѣлъ большій успѣхъ, чѣмъ «Почта Духовъ»,—подписчиковъ у него было вдвое болѣе. Однако и этотъ журналъ существовалъ только 1 годъ.

Въ слѣдующемъ. 1793 г. Крыловъ и Клушинъ издаютъ журналъ «С.-Петербургскій Меркурій». Сатирическихъ статей здѣсь меньше, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ Крылова. Обращаетъ на себя вниманіе статья его «Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ»:

«Строгіе философы!—начинаетъ эту рѣчь Крыловъ:—Вы, которые жалѣете утратить минуту, какъ скупой полушку, и плачете о потерѣ дня, проведеннаго безъ пользы! Придите и позавидуйте нашей способности радоваться о томъ, что мы цѣлый годъ провели, не сдѣлавъ ни одного такого дѣла, которымъ, по вашему мнѣнію, человѣкъ отличается... Вамъ покажется баснею, что человѣкъ, который цѣлый годъ одѣвался и раздѣвался, причесывался и растрепывался,—чтобы этотъ человѣкъ не плакалъ, утративъ такимъ образомъ время; вы никогда не повѣрите, чтобы тотъ, кто пропрыгалъ и прошаркалъ 365 дней, хотя бы въ концѣ года не замѣтилъ, что онъ цѣлые 12 мѣсяцевъ таскалъ попустому свою голову... Но придите, и вы увидите, что люди большого свѣта лучше васъ знаютъ, къ чему дается время, и что наука убивать время есть одна наука, прямо достойная благороднаго человѣка, который умѣетъ чувствовать, что Небо дало ему голову только для того, что бы она пересказывала, когда желудку его нужна пища. Недовѣрчивый, глядя на насъ, на образъ нашей жизни, конечно усумнится: ему покажемся мы игрушками модъ, мучениками суетныхъ желаній, онъ сочтетъ насъ безумными, а потому и *не*счастливыми—какъ будто бы дуракъ долженъ быть непремѣнно несчастнѣе мудрецовъ, которыхъ самолюбіе заставляетъ признавать счастливыми только себя, и которыхъ дикій умъ не понимаетъ, какое счастье заклю-

чею въ томъ, чтобъ дѣлить по-братски время свое съ обезьянами, съ попугаями, посвятить себя блестящей службѣ четырехъ мастей—червей, трефъ, пикъ и бубенъ,—словомъ: они не чувствуютъ прелестей науки убивать время, науки, впрочемъ, столь неисчерпаемой, что свѣтъ нашъ нѣсколько тысячъ лѣтъ въ ней трудится и всегда открываетъ новыя поля, столь же обширныя, какія приписываютъ математикѣ»....

Проходитъ длинный промежутокъ времени. Имя Крылова исчезаетъ въ литературѣ; Иванъ Андреевичъ живетъ то въ деревнѣ у кого либо изъ вельможъ того времени, то въ столицѣ, то пропадаетъ совершенно изъ виду.

А въ то самое время его поэтическій геній крѣпнулъ, мужалъ и росъ, пока не переросъ другихъ, какъ крѣпкій дубъ переростаетъ всю рощу, вначалѣ его скрывавшую.

Въ 1809 г. выходитъ книжка подъ заглавіемъ: «Басни И. А. Крылова», заключавшая въ себѣ 23 басни на 54 страничкахъ.

Никогда еще ни одна книжка на Руси не имѣла такого успѣха. Изданіе было привѣтствовано извѣстною статьею Жуковскаго «О баснѣ и о басняхъ Крылова», и повторено въ 1811 г. Въ этомъ же году вышли «Новыя басни Ивана Крылова», и затѣмъ стали появляться все болѣе и болѣе дополняемыя изданія: въ 1815 г., 1816, 1819. 1825; съ 1830 года по 1840 извѣстный издатель Смирдинъ напечаталъ 40,000 экземпляровъ въ различныхъ форматахъ; замѣчательнѣйшее изъ нихъ вышло въ 1834 г. съ картинами Сапожникова. Въ 1844 году вышло изданіе предпринятое и оконченное самимъ Крыловымъ, который однако при жизни своей не успѣлъ уже выпустить его въ свѣтъ. Съ 1847 года начинается длинный рядъ изданій г.г. Юнгмейстера и Веймара. 70 тысячъ экземпляровъ, которые разошлись по Россіи при жизни баснописца, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ высоко цѣнили ихъ современники.

Всюду проникали эти басни, одинаково вызывая

восторгъ и въ богатыхъ чертогахъ вельможъ, и въ самомъ бѣдномъ закоулкѣ, и среди заброшенныхъ на чужбину воиновъ. Съ той же минуты стали по этой книжкѣ учиться грамотѣ дѣти, а иногда и взрослые. Вмѣстѣ съ грамотой стали учиться по ней и чести и правдѣ. Какъ вѣтеръ заноситъ летучія сѣмена въ трещину скалы, и на безплодномъ камнѣ выростаетъ прекрасный кустъ, такъ эти басни, попадая въ темное царство лжи, невѣжества и порока, давали новые свѣжіе ростки въ сердцахъ людей. Много свѣтлыхъ минутъ принесли онѣ съ собой, и съ каждой новой басней отголоски свѣжаго звучнаго смѣха стали будить темное непробудное царство.

Чарующая прелесть басенъ Крылова заключается главнымъ образомъ въ ихъ народности и высокой художественности.

«Басни Крылова—говоритъ Гоголь,—достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа. Звѣри у него мыслятъ и поступаютъ слишкомъ по русски: въ ихъ продѣлкахъ между собою слышны продѣлки и обряды производствъ внутри Россіи. Кромѣ вѣрнаго звѣринаго сходства, которое у Крылова до того сильно, что не только лисица, медвѣдь, волкъ, но даже самъ горшокъ поворачивается какъ живой, они показали въ себѣ еще и русскую природу. Даже оселъ, который у него до того опредѣлился въ характерѣ своемъ, что стоитъ ему только высунуть уши изъ какой-нибудь басни, какъ уже читатель вскрикиваетъ впередъ: «Это оселъ Крылова»!—даже оселъ, не смотря на свою принадлежность климату другихъ земель, явился у него русскимъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ производя кражу по чужимъ огородамъ, онъ возгорѣлся вдругъ честолюбіемъ, захотѣлъ ордена и заважничалъ страхъ, когда хозяинъ повѣсилъ ему на шею звонокъ, не размысля того, что теперь всякая кража, всякій проступокъ будутъ видны всѣмъ и привлекутъ отовсюду побои на его бока. Такъ же точно и другой Оселъ—цѣнитель соловьинаго пѣнія, отъ позы своей до изреченнаго имъ приго-

вора, есть чисто русскій оселъ, въ тупой самоувѣренности почитающій себя знатокомъ, судьею и меценатомъ— «Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей». Словомъ всюду у Крылова «Русь и пахнетъ Русью». Даже въ заимствованныхъ басняхъ Иванъ Андреевичъ умѣлъ сохранить свою самостоятельность, народность: чужой сюжетъ переносится имъ на родную почву, обставляется чисто-русскими условіями жизни, выводы примѣняются къ русскому строю общества. Таково было искусство его олицетворять стихію народной индивидуальности.

Басни народны и по характеру юмора и по языку. Юморъ ихъ, чуждый негодованія и сарказма, добродушенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонокъ, мѣтокъ и свидѣтельствуетъ о ясномъ и здравомъ русскомъ умѣ баснописца, отъ котораго не укроется нигдѣ ничто смѣшное. Это наша крѣпкая русская голова, тотъ самый умъ, который сродни уму нашихъ пословицъ, умъ выводовъ, такъ называемый задній умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ.

По своему художественному значенію, басни Крылова принадлежатъ къ классическимъ. Русская литература справедливо гордится ими, какъ превосходными образцами того рода поэзіи, за который, по мнимой его легкости, брались многіе, но въ которомъ до Крылова пріобрѣлъ знаменитость только Лафонтенъ. У нашего баснописца иносказательное изображеніе всегда представляетъ самостоятельное поэтическое достоинство. Басня увлекательна и своимъ собственнымъ, прямымъ смысломъ, независимо отъ смысла внутренняго, раскрываемаго въ ея заключеніи или началѣ. Дѣйствіе между животными, выведенными съ ихъ отличительными, типическими свойствами, образуетъ замысловатую драму, которая плѣняетъ читателя и прежде, чѣмъ приподнятъ аллегорическій покровъ, и послѣ того, какъ аллегорія истолкована.

При всей своей неподвижности и видимомъ равнодушіи ко всему окружающему, Иванъ Андреевичъ, какъ

оказывается на дѣлѣ, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило внутри государства, не ограничиваясь одною какою-либо сферою. Вопросы литературы, политики, администраціи, явленія жизни частной и общественной — равно были ему извѣстны, и обо всемъ умѣлъ онъ произнести свое мнѣніе, основанное не на минутномъ увлеченіи извѣстнымъ взглядомъ партіи, не на модномъ философскомъ ученіи, но на здравыхъ, непоколебимыхъ, вѣчныхъ началахъ. Проницательный взглядъ его не омраченъ никакими увлеченіями: «ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой онъ утвердился собственнымъ размышленіемъ и изученіемъ». Онъ не учился ни въ какой школѣ; самая жизнь была для него школою; изъ нея черпалъ онъ свою мудрость и освѣщалъ ею путь для заблудшихъ и для тѣхъ, которые, по неопытности, вѣтренности или излишней воспріимчивости, могли заблудиться.

Изученіе басенъ Крылова, въ связи съ тѣмъ временемъ, когда онѣ являлись въ свѣтъ, разрѣшаетъ вопросъ, почему уже современники предрекли ему безсмертіе. Онъ глубоко понималъ ихъ стремленія, живо чувствовалъ ихъ симпатіи и антипатіи, и для всего, что волновало ихъ умы и заставляло биться ихъ сердца, онъ нашелъ выраженіе, все это облекъ въ художественные образы, доступные пониманію каждаго. Онъ разрѣшалъ вопросы, приводившіе ихъ въ недоумѣніе, и въ его рѣшеніяхъ «слышалась разумная середина, примиряющій третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до полнаго своего совершенства», — какъ выразился Гоголь.

Общечеловѣческій здравый смыслъ прежде всего даетъ содержаніе баснѣ Крылова. Онъ представляетъ въ лицѣ вороны, какъ глупо вѣрить льстивымъ словамъ, объясняетъ, что приниматься за дѣло нужно просто, безъ затѣй, и ученость нерѣдко смѣшна, безъ практическаго знанія (Ларчикъ, Философъ, Механикъ). Худо также, если кто берется совсѣмъ не за свое дѣло, какъ

щука, вздумавшая ловить мышей, скворецъ, затѣявшій пѣть по соловьиному. Между тѣмъ и малый трудъ на своемъ мѣстѣ приноситъ пользу: пчела не летаетъ какъ орелъ, но довольна тѣмъ, что и отъ нея есть хоть капля меду; громкій водопадъ напрасно гордился передъ скромнымъ цѣлебнымъ ключемъ.

У всякаго, конечно, свой даръ: соколъ летаетъ на высотѣ, а червякъ держится тѣмъ, что цѣпокъ; блестящая наружность ничего не значитъ: какъ ни красивы листья, а безъ корней не могли бы существовать; пускай ярко горитъ пожаръ, да не сравнится своимъ гибельнымъ блескомъ съ алмазомъ, и т. д.

Крыловъ выставляетъ характеры человѣка трусливаго, лжеца, клеветника, неблагодарнаго и проч. Но любовь къ неподдѣльной природѣ составляетъ черту, особенно привлекающую вниманіе: поддѣльные цвѣты спесиво качались на проволочныхъ стебелькахъ, но полилъ дождь—и они выброшены какъ соръ; напротивъ, живые цвѣты раскинулись во всей красѣ, стали душистѣе, свѣжѣе и пушистѣй. Это сознаніе лучшаго источника красоты въ созданіяхъ природы принадлежитъ Крылову, какъ писателю новой школы.

Воспитаніе, какъ основа общественнаго благосостоянія, залогъ будущихъ успѣховъ націи,—всего чаще занимало нашего баснописца. Онъ началъ свою литературную дѣятельность, когда вліяніе французское, начавшееся еще въ прошломъ вѣкѣ, не только не ослабѣло, но еще болѣе усилилось съ наплывомъ французскихъ эмигрантомъ, спасавшихся у насъ отъ ужасовъ революціи. Они заняли первыя мѣста и въ салонахъ и въ учебныхъ комнатахъ. Блестящій французскій языкъ, изящныя манеры и предразсудокъ, что французъ есть идеалъ цивилизованнаго человѣка, открывали имъ входъ повсюду. Съ собою вносили они и извѣстнаго рода убѣжденія, несогласныя съ духомъ того времени, ни съ потребностями государства; и эти убѣжденія, воспринятыя юными умами, должны были направить ихъ къ та-

кой дѣятельности, отъ которой общество и государство не могли ожидать никакихъ результатовъ.

Противъ этого зла, корень котораго таился въ той «жалкой тошнотѣ по сторонѣ чужой», которая такъ возмутила Чацкаго—Грибоѣдова, что онъ готовъ былъ удариться въ противоположную крайность и проповѣдывать чуть не китаизмъ,—противъ этого зла и Крыловъ возсталъ въ своихъ басняхъ. Онъ предостерегаетъ родителей и воспитателей отъ увлеченія внѣшнею стороною цивилизаціи; напоминаетъ, что подъ просвѣщеніемъ часто разумѣлось лишь «нравовъ развращеніе», и стремясь снять съ юныхъ питомцевъ грубую внѣшность, поступали, какъ крестьянинъ поступилъ съ червонцемъ, и лишали ихъ внутреннихъ достоинствъ... Освѣщая вопросъ съ другой стороны, Крыловъ, коснувшись обычая поручать воспитаніе дѣтей гувернерамъ и гувернанткамъ, указалъ на вредныя послѣдствія забвенія священныхъ обязанностей, самою природою возлагаемыхъ на родителей.

Всесторонне развита Крыловымъ въ басняхъ тема, касающаяся застарѣлаго зла, отъ котораго долго и тяжко страдала Россія, противъ котораго и литература и правительство во всѣ времена вооружались одинаково энергически. Это зло—недостатокъ правильнаго пониманія гражданскихъ обязанностей, преслѣдованіе своекорыстныхъ цѣлей при исполненіи этихъ обязанностей, служеніе лицамъ, а не дѣлу, взяточничество, казнокрадство.

Какое возвышенное понятіе имѣлъ самъ Крыловъ объ обязанностяхъ гражданина, это видно изъ басни Орелъ и Пчела, гдѣ въ образѣ Пчелы онъ создалъ идеалъ честнаго гражданина, который, не льстясь ни славою, ни почестями, работаетъ въ неизвѣстности и счастливъ тою только мыслью, что—

«Къ пользѣ общей онъ трудится».

Спесь, чванство, домогательство незаслуженныхъ почестей и всегда соединенное съ этими пороками отсутствіе истинныхъ достоинствъ, находили въ Крыловѣ

неумолимаго гонителя. Онъ требовалъ отъ людей правды, искренности, требовалъ, чтобы они казались тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ.

Сильно укорялъ онъ и тѣхъ, которые допускали къ должностямъ людей, не только не способныхъ къ честному ихъ отправленію, но уже заслужившихъ позорную извѣстность; которые своимъ личнымъ расчетамъ, дружбѣ, родству жертвовали интересами общими: сажали волка старостою въ овчарню, лисицу—судьею въ курятникъ, поручали медвѣдю стеречь медъ, волкамъ пасти овецъ; или покровительствовали бездарностямъ, осламъ поручали стеречь свои огороды....

Гдѣ нужно, онъ навесть умѣетъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его яснѣетъ
Суровой истины чело...
Мудрецъ игривый и глубокій,
Простосердечное дитя,—
И дочкамъ онъ давалъ уроки,
И батюшекъ училъ шутя.
Искусствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и кольнетъ изъ-подъ пера:
Тамъ Петръ киваетъ на Ивана,
Иванъ киваетъ на Петра.

И по сознанію и по художественному чутью постоянно заботясь о поэтическомъ достоинствѣ разсказа, сообщая ему величайшую красоту народности, Крыловъ въ то же время весьма дорожилъ и нравоучительнымъ выводомъ. Онъ считалъ благотворителемъ людей того, кто нравоучительныя правила предлагаетъ въ разсказахъ или изреченіяхъ, чтобы они могли глубже запечатлѣться въ памяти.

И могучее слово обличенія дѣлало свое дѣло.

Сто пять лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1792 г. подписчики Крыловскаго журнала «Зритель» прочли въ немъ слѣдующія строки:

«Что есть достойное человѣка? что можетъ онъ произвести не подверженное разрушенію вѣковъ?—Его слово, его мысли—вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками,.. торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оно человѣкомъ.... Слово, подобно безсмертному духу, имѣетъ даръ, не раздѣляясь, во многихъ мѣстахъ, пребывать въ одно время. Единый мудрецъ, торжествуя надъ смертью, похищаетъ право говорить съ позднѣйшимъ своимъ потомствомъ».

Такъ говорилъ Крыловъ 24 лѣтъ отъ роду. И кто болѣе его оправдалъ собою смыслъ этихъ строкъ? Служеніе мысли и слову было заданею всей его тихой и скромной жизни.

Въ 1838 году, на праздникѣ 50 лѣтняго юбилея литературной дѣятельности Крылова, были сказаны поэтомъ о немъ слова, и эти слова въ настоящее время, спустя полвѣка послѣ кончины нашего баснописца, могутъ быть повторены о немъ съ тѣмъ же полнымъ правомъ и полнымъ основаніемъ:

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ;
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Вл. Рѣзановъ.

МЕЛОЧИ ИЗЪ СИНТАКСИЧЕСКАГО АНАЛИЗА.

Въ грамматическомъ анализѣ попадаются спорные пункты; а между тѣмъ между преподавателями языковъ и представителями учебнаго контроля всѣхъ возможныхъ степеней, по отношенію къ учебному матеріалу, должно быть полное согласіе.

I

Подлежащее, или же дополненіе?

Ученіе о безличныхъ предложеніяхъ въ учебникахъ грамматики, какъ русскаго, такъ и иностранныхъ языковъ, изложено большею частью довольно хорошо, но въ практическомъ примѣненіи этого ученія встрѣчаются недоразумѣнія, съ которыми приходится считаться, а потому учебникъ синтаксиса для среднихъ заведеній, преслѣдуя практическія цѣли, не можетъ оставить безъ вниманія таковыя недоразумѣнія. Такъ напр. былъ случай, что въ экзаменныхъ работахъ съ русскаго языка на иностранные нѣкоторыми экзаменующимися допущена была логическая и вмѣстѣ съ тѣмъ грамматическая конверсія, — въ данномъ случаѣ не правильная. Безличное предложеніе русскаго текста «Пріятно путешествовать, друзья мои, въ такой странѣ»... (Изъ «Пис. рус. путеш.» Кар.) при переводѣ обращено было въ личное «Путешествовать пріятно». При оцѣнкѣ переводовъ было выражено мнѣніе, что и въ первомъ и во второмъ предложеніи неопредѣленное накл. «путешествовать» есть подлежащее, приравнивая оба эти предложенія къ предложенію «errare humanum est.» Этотъ случай убѣдилъ меня, что не только учащіеся, но и учащіе иногда смѣшиваютъ эти два типа предложеній. Для нихъ предложенія «Пріятно путешествовать»... и «путешествовать пріятно» различаются между собою не въ значеніи,

а только порядкомъ въ расположеніи частей предложенія. Но это не такъ. Во-первыхъ, предложеніе «пріятно путешествовать»..., какъ безличное, можетъ быть представлено въ слѣдующихъ и симъ подобныхъ видахъ: «пріятно (есть) мнѣ путешествовать», «пріятно было путешествовать», «пріятно будетъ намъ путешествовать», «пріятно, когда путешествуешь», «пріятно бываетъ, пріятно бывало, когда путешествуешь». Во-вторыхъ, разсматривая оба типа предложеній съ психологической стороны, мы видимъ, что въ первомъ вниманіе фиксировано на душевномъ явленіи удовольствія, а во-второмъ оно останавливается на внѣшнемъ дѣйствіи—«путешествовать». Достойно вниманія, что такія безличныя предложенія въ народной рѣчи русской и нѣмецкой бываютъ въ полномъ соотвѣтствіи другъ-другу.

Наприм.

«Небось весело	Ist nun wohl zu Muth
Глядѣть батюшкѣ	Meinem Väterchen
На житье мое	Mein verkümmertes
Горемычное.	Leben anzusehen.
(Кольц.).	(Перев. Михельсона).

Въ учебникѣ по грамматикѣ, въ статьѣ о безличныхъ предложеніяхъ, можно бы формулировать вышесказанныя соображенія въ видѣ примѣчанія слѣдующимъ образомъ. «Если въ предложеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ сказуемое (прилагательное имя въ среднемъ родѣ), то неопредѣленное наклоненіе здѣсь будетъ дополнительнымъ словомъ, а такое предложеніе (напр. пріятно путешествовать) всегда (напр. при переводѣ его на иностранные языки) сохраняетъ характеръ безличнаго предложенія. Напротивъ, неопредѣленное наклоненіе, стоящее въ началѣ предложенія, служитъ подлежащимъ въ предложеніи, легко превращается въ существительное имя, а предложеніе тогда дѣлается личнымъ. «Путешествовать (путешествіе) пріятно.

II

О приложеніяхъ.

Этотъ терминъ большею частію понимается какъ опредѣленіе, выраженное именемъ существительнымъ, согласуемымъ въ падежѣ съ опредѣляемымъ. Между тѣмъ область аппозитивныхъ выраженій гораздо обширнѣе, какъ это указано наприм. въ «Запискахъ по русской грамматикѣ» А. Потебни. Вотъ примѣры приложеній различныхъ типовъ.

1) «Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой,
«Днесь кесарь, я брошу-ль обычай святой
Пиры услаждать пѣснопѣньемъ».

2) «Изъ этой дружины, при взятіи редута, выбыло двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, почти двадцать процентовъ».

3) «Можно сказать, инстинктивно, полусознательно онъ угадалъ, пронюхалъ то, что замышлялось въ противномъ лагерѣ».

4) «Вчера, восемнадцатаго декабря, предъявлена была въ Казначействѣ ассигновка».

5) «Тамъ, на мѣстѣ древняго побоища, основанъ Петромъ Великимъ Александро-Невскій монастырь».

6) «Юнкеромъ еще онъ познакомился съ моимъ меньшимъ братомъ, какъ однополчанинъ». («Cicero consul dissvasit legem»).

7) «Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала» («Горе отъ ума» Гриб.).

8) «Вамъ, людямъ молодымъ, другого дѣла нѣту....» (Тамъ же).

9) «Этотъ, франтъ—пріятель, прославленъ мотомъ, сорванцомъ». (Тамъ же).

10) «Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? Нѣтъ? Кажется, что нѣтъ.—Онъ—человѣкъ замѣтный, Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ. (Тамъ же).

Внимательно разобравъ эти предложенія, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Всѣ выраженія, служащія приложеніями въ предложеніяхъ (иначе — аппозитивныя выраженія) соотвѣтствуютъ своему опредѣляемому въ данный моментъ: я = рыцарь простой, я = кесарь, 250 человѣкъ = 20° всего отряда, инстинктивно = полусознательно, угадалъ = пронюхалъ, вчера = восемнадцатаго декабря, тамъ = на мѣстѣ древняго побоища, онъ = юнкеромъ (будучи), ты = дитей (т. е. дитя), вамъ = людямъ молодымъ, Скалозубъ = Сергѣй Сергѣевичъ, этотъ = франтъ — пріятель.

2) Приложенія, выраженныя именами существительными, большею частію (но не всегда) согласуются съ своими опредѣляемыми въ падежѣ и если стоятъ послѣ нихъ, то, при согласованіи, отдѣляются отъ нихъ запятою: «Вамъ, людямъ молодымъ; Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ».

3) Приложенія, обозначаемыя иногда неопредѣленнымъ терминомъ «поясненіе», состоятъ иногда изъ нѣсколькихъ словъ и причисляются иными къ обстоятельственнымъ словамъ и другимъ частямъ предложенія: «тамъ, на мѣстѣ древняго побоища»... «въ ту пору, во время господства семибоярщины»... Такимъ-то вотъ образомъ, тоесть при помощи образовавшихся энергіею этого предпринимателя акціонерныхъ обществъ, вызваны были дотолѣ спавшія богатства края».

III

О сложномъ обращеніи и именительномъ самостоятельномъ.

Этими двумя терминами я хочу обозначить два затруднительные случая, встрѣчающіеся при анализѣ предложеній. Разсмотримъ сначала сложное обращеніе.

Простое обращеніе обыкновенно состоитъ изъ звательнаго падежа имени существительнаго, иногда сопровождаемаго прилагательнымъ или мѣстоименіемъ

притяжательными въ качествѣ опредѣленій. Въ сложномъ обращеніи звательный падежъ осложняется придаточными опредѣлительными предложеніями, полными или сокращенными, которыя могутъ ввести въ заблужденіе, придавая всему выраженію обманчивый характеръ составного восклицательнаго предложенія, гдѣ, повидимому, опущено сказуемое главнаго предложенія. Но строго логическій разборъ обнаруживаетъ, что главнаго сказуемаго совершенно нѣтъ, ни въ явномъ, ни въ скрытомъ видѣ. Это — недоразвившееся предложеніе. Приведемъ примѣры.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ изъ странъ чужихъ!
(Ломон.).

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!
(Держ.).

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго-долго будетъ полнъ.
(Пушк. «Наполеонъ»).

Ты, въ чьемъ могуществѣ звать
мертвыхъ изъ могилъ,
Пусть здѣсь покажется пророкъ нашъ Самуилъ!
(«Видѣніе Саула» Байрона, перев. Алеко).

Первыя шесть словъ молитвы Господней составляютъ тоже сложное обращеніе. Оно служитъ началомъ

многихъ молитвъ, употребляемыхъ въ общественномъ богослуженіи и въ частныхъ молитвословіяхъ. Таково начало «Молитвы запрещальныя святаго Василія надъ страждущими отъ демоновъ» (Требникъ Кіево-печерск. Лавры):

«Богъ боговъ и Господь господей, огненныхъ чиновъ Творецъ и безплотныхъ Силъ Хитрецъ, и небесныхъ и наднебесныхъ Художникъ, Его же не видѣ ни-единъ отъ человѣкъ, ни видѣти можетъ, Его же убояся вся тварь,—разгордѣвшаго иногда Архистратига и съ своею его службою ослушаніемъ отвергшася свергій на землю и отступльшія съ нимъ ангелы, бѣсы злобою бывша, во тиу глубины преисподнія предавый»! (Здѣсь оканчивается обращеніе, а начинается уже главное предложеніе) «Даждь заклинаніе мое, о страшномъ имени Твоемъ совершаемо, грозно быти ему, владыцѣ лукавствія, и всѣмъ споспѣшникомъ его, спадшимъ съ нимъ съ вышнія свѣтлости, и обрати я на бѣжаніе» и т. д.

Другой видъ недоразвившагося предложенія,—но несокращеннаго, а именно—недоразвившагося (sui generis τὸ ἔμβρυον), представляетъ тотъ синтаксическій оборотъ, который въ «Запис. по рус. грамматикѣ» Потебни (стран. 91) названъ именительнымъ самостоятельнымъ. Центромъ, гдѣ сосредоточенъ смыслъ выраженія, служитъ именительный падежъ подлежащаго, но сказуемаго къ нему нѣтъ, ни явнаго, ни скрытаго. Пояснимъ примѣрами. «Слыхали? Новый налогъ! (Два сокращенныя предложенія: вопросительное и восклицательное). А вотъ сосѣдъ то мой, такъ онъ этому слуху не хочетъ вѣрить. (Здѣсь два предложенія: первое—недоразвившееся предложеніе — именительный самостоятельный, второе—вполнѣ развитое) «Его хозяинъ, такъ онъ хочетъ принять его въ свою семью зятемъ». (Его хозяинъ—именительный самостоятельный.— «Третья дорога, что будетъ направо, по ней поѣзжай».—«Конь, его-же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти есть умрѣти». (Лавр. сп. 16). «Дѣйствіе

такого построенія, говоритъ проф. Потебня, состоитъ въ томъ, что оно сосредоточиваетъ вниманіе на первомъ именительномъ, выдвигая его изъ ряда прочихъ членовъ предложенія. Совсѣмъ иначе почувствовалось бы содержаніе рѣчи, если-бы въ Давр. спис. 16 было бы сказано: отъ того ти коня, на немъ же ѣздиши, умрѣти. —«А князь Иванъ Стрига, а тотъ мнѣ здѣсе у себя надобѣ». Псков. I. 244.—«А что наши Ордынцы, и тѣмъ знати своя служба» Договорн. грам. XIV — XV вѣковъ.»—«Регана, герцогиня Корнвадійская, та пошла еще дальше» (изъ критич. статьи).

«Отчасти сходную съ этимъ роль въ области сказуемаго играетъ такъ называемое самостоятельное неопредѣленное наклоненіе. Напр. «Знать—онъ знаетъ, да не говоритъ». Такое неопредѣленное наклоненіе объясняется описаніемъ: «Что касается до того, чтобы знать, то дѣйствительно онъ знаетъ, но не говоритъ».

Пробѣлы въ русской Этимологіи.

I

Къ какому склоненію отнести малорусскія фамиліи на **ко** въ письменной рѣчи?

Очень жаль, что разрѣшеніе этого вопроса первоначально поставлено Я. К. Гротомъ, а потомъ слѣдовавшими ему составителями учебныхъ руководствъ и пособій не на основѣ научной, а на соображеніяхъ, вытекающихъ изъ нѣкоторыхъ удобствъ общежитія. Позволю себѣ выписать изъ «Филологическихъ розысканій» *) слѣдующія строки!

«Такъ какъ окончаніе *ко* въ муж. р. почти совершенно чуждо слуху великоросса, то онъ до сихъ поръ все еще хорошенько не знаетъ, какъ ему поступать съ такими именами. Въ обиходной рѣчи онъ давно обратилъ и это окончаніе въ знакомое ему *ка*, съ которымъ

*) «Филологич. разысканія» Я. Грота т. II ст. 356.

и склоняетъ такія имена какъ слова женской формы: у Пащенки, къ Марченкѣ, съ Шевченкой. Но на письмѣ онъ еще до нѣкоторой степени затрудняется такъ обращаться съ ними, и потому, сохраняя настоящее окончаніе ихъ на *ко* въ именит. падежѣ, въ прочихъ падежахъ старается, большею частію, вовсе не склонять ихъ. Пишутъ напр.: Ивану Ивановичу Коваленко, отъ г. Крамаренко. Какъ-то, вопреки употребительному во всей Великой Россіи говору, не хватаетъ духа написать отъ Никитенка, съ Пащенкомъ.

«По настоящему, въ нашемъ великорусскомъ склон. именъ на *ка* нѣтъ ничего оскорбительнаго для малороссійской національной чести; тѣмъ не менѣе однакожъ нѣкоторые настаиваютъ на охраненіи ихъ первоначальной формѣ соотвѣтственными во всѣхъ падежахъ окончаніями».

«Вся сбивчивость въ склоненіи происходитъ отъ того, что мы произносимъ *ка*, а пишемъ *ко*. И это не единственный случай подобнаго затрудненія. Тоже представляютъ и многія нарицательныя личныя имена, которыя прежде писались съ окончаніями *ко* и *ло* (батюшко, мѣняло, шумило), а нынѣ пишутся, большею частію, на *ка* и *ла*».

Намъ думается, что слѣдуетъ ввести двѣ поправки въ это ученіе о склоненіи въ русскомъ языкѣ именъ на *ко* и *ло*, — одну фактическую, другую теоретическую. Первая поправка заключается въ томъ, что окончаніе *ко*, вопреки вышеприведенному мнѣнію, сродно русскому языку во всѣхъ его говорахъ въ той же мѣрѣ, какъ и другимъ славянскимъ языкамъ. Мѣстоименныя образовательныя окончанія (къ—цъ, ка—ца, ко—це) одинаково свойственны всему славянству. Они образуютъ имена какъ обыкновеннаго, такъ и уменьшительнаго представленія всѣхъ степеней: ведро—ведерко—ведерочко, горшокъ—горшочекъ—горшочечокъ, garnek—garnuszek—garniec, okno—okienko—okieneczko, сунце—сунечко (серб.) slunse—sluněko (чеш.), сонечко (мр.),

солнышко. Далѣе: не только малорусскія фамильныя имена представляютъ возможность двоякаго у насъ склоненія—(по формѣ именъ средняго и по формѣ женскаго рода), но также и великорусскія собственныя и нарицательныя имена. Напр. «Послана повѣстка Гаврилѣ (шуточное—говорилѣ) и Гавріилу, Гаврилу». «Михайлѣ (шуточное—Махайлѣ) и Михайлу—Михаилу». «Самойлѣ (у), Данилѣ, Данилкѣ, съ Данилкой, съ Данилкомъ, Томилѣ, Томилкѣ и Томилку—отъ именит. Томилко и Томилка (по выговору). Окончаніе *ло* обозначаетъ обширную группу именъ отпричастныхъ, означающихъ иногда орудія (шило кадило мотовило, дуло), иногда—дѣлателя (строчило, по выговору строчила—писецъ, воротило, мѣняло) даже названія растеній (молодило—Sempervivum). Неудaряемое *о* произносится какъ *а* не только послѣ *к* и *л*, давая такимъ именамъ возможности измѣняться по двумъ склоненіямъ (сѣдёлко, сѣдёлкой и сѣдёлкомъ, колѣнко, подъ колѣнкой и колѣнкомъ), но и послѣ другихъ согласныхъ, напрям. послѣ *м*, *щ*. Народъ говоритъ: «Эта, братъ, водка всему насѣкому (ое) убьетъ»; «строятъ теперя у насъ эту саму училищу»; «какую ты имѣешь праву (право)»?

Намъ кажется, что на основаніи этихъ фактовъ позволительно сдѣлать слѣдующій выводъ: всякое неударяемое *о* въ концѣ имени, по свойству говора московскаго, можетъ дать существительному имени форму склоненія именъ жен. рода; такимъ образомъ имена этого разряда могутъ быть отнесены къ двумъ склоненіямъ, измѣняясь по двумъ образцамъ: 1) какъ имена сред. рода (подъ сѣдёлкомъ, подъ колѣнкомъ) и 2) какъ имена жен. рода (подъ сѣдёлкой, подъ колѣнкой). Одна форма свойственна больше рѣчи устной и народной, а другая—письменной, офиціальной. Грамматикѣ придется только формально узаконить то, что чуть неповсемѣстно господствуетъ какъ обычай. Вѣдь и въ другихъ культурныхъ языкахъ параллельно живутъ оба начала, народное и литературное. Wie die Alte sungen (вмѣсто singen), so die zwitschen Jungen.

II.

Къ вопросу о разноспрягаемыхъ глаголахъ.

Неустойчивость гласныхъ неударяемыхъ, производящая путаницу, какъ мы видѣли сейчасъ, въ разносклоняемыхъ существительныхъ, такое же дѣйствіе оказываетъ и на глаголы, образовавъ и продолжая образовывать классъ разноспрягаемыхъ глаголовъ.

Глаголъ «хочу» принято въ русскихъ грамматикахъ, начиная съ Ломоносова, спрягать въ ед. ч. наст. вр. по 1-му спряженію (какъ въ Ц.-Славянскомъ и въ живыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, въ томъ числѣ и въ южно-русскомъ), а во множественномъ числѣ того же времени—по 2-му спряженію,—отступая отъ Ц.-Слав. и другихъ слав. нарѣчій—«хотимъ, хотите, хотятъ».

Глаголъ «дышу» одни писатели спрягаютъ по первому спряженію, другіе по второму. Первые слѣдуютъ по пути всего славянства. «Духъ дышетъ, идѣ же хощетъ» «духъ дышетъ, гдѣ хочетъ» (въ синодальномъ перев. библіи). «Изъ всѣхъ существъ, которыя дышутъ, нѣтъ ни одного, которое...» («Сборникъ стат. для перев. съ рус. яз. на лат. Виноградова). «Рыба дышетъ жабрами» (Учеб. зоол.). Такое спряженіе подкрѣпляется авторитетомъ академическаго словаря и «Историч. грам.» Буслаева. Тѣ, кто считаетъ болѣе свойственнымъ русскому языку для этого глагола второе спряженіе («дышишь, дышитъ и т. д.), слѣдуютъ правиламъ выговора, фонетическому началу, подкрѣпляя его авторитетомъ «Фил. разыск. Я. Грота и нѣкоторыхъ образцовыхъ писателей («Охъ, этотъ князь! По баламъ, самъ чуть д ы ш и т ъ»)—Для учебнаго дѣла, кажется, лучше принять для этого глагола 1-е спряженіе («*дышешь*»)—а) въ виду дисциплинирующаго значенія по отношенію къ русскому языку языка Ц.-Славянскаго (по ученію Ломоносова и проф. Будиловича), б) въ виду исторіи русской письменности съ древнѣйшихъ временъ и в) единенія въ современномъ славянствѣ.

Отъ глагола «манить» при помощи предлоговъ (*вы*, *за*, *об*, *по*, *под*, *при*, *с*) происходятъ достойные вниманія по своей разноспрягаемости глаголы. Всѣ эти предлоги, кромѣ «*объ*», образуютъ глаголы на ивать (неок. видъ), ить (совер. в.), *ню*—*нишь*—нитъ (буд. вр. сов. в.); между тѣмъ гл. «манить съ предлогомъ «объ» даетъ намъ глаголъ «обманывать—обма*нуть*, буд. вр., обману (ешь, етъ) вмѣсто ожидаемаго по аналогіи «вы-ма*нивать*—*нить*. Въ южно-русскомъ говорѣ этотъ глаголъ ничѣмъ не отличается въ спряженіи отъ своего первообразнаго (маню) и отъ другихъ сложныхъ.

Южнорус. формы.

ман	ю	вы	ман	ю	объман	у		обман	ю
—	ишь	за	—	ишь	обмàн	ешь (ёшь)	народ.	—	ишь
—	итъ	по	—	итъ	обмàн	етъ (ётъ)	народ.	—	итъ
—	имъ	при	—	имъ	—	емъ (ёмъ)		—	имъ
—	итс	под	—	ите	—	ете (ёте)		—	ите
—	ятъ	с	—	ятъ	—	утъ		—	ятъ
—	ящій								
—	ившій								

Форма «обманỳ» (обмàн*ешь*, обманё*шь*, обмàн*ишь*, обмàнетъ, обманётъ, обмàнитъ, обмàнемъ, обманёмъ, обмàнимъ, обмàн*ете*, обманёте, обмàните, обмàнутъ, обманỳтъ, обмàнятъ) представляетъ, кажется, только въ 1-мъ лицѣ устойчивое окончаніе; въ остальныхъ же лицахъ глаголъ измѣняется то по 1-му, то по 2-му спряженію. По 2-му спряженію, быть можетъ, увлекаютъ его такіе глаголы, отчасти аналогичные съ «обманю», какъ: «затумàню», «сохраню», «оцѣню» и т. п. Что же касается формы на «ну», то въ разговорной рѣчи и народныхъ говорахъ она свойственна не только глаголу «заманить», но также и тѣмъ, которые образованы съ другими предлогами, такъ что говорятъ: «заманю» и «заману», «выманю» и «выману», «приманю» и «приману» и т. д. То же слѣдуетъ сказать и о прошедшемъ совершенномъ, которое тоже колеблется между двумя

формами: «заманилъ» и «заманулъ», «сманилъ» и «сманулъ» и «поманулъ» и т. д. Такая свобода въ образованіи и употребленіи параллельныхъ формъ въ этихъ глаголахъ поддерживается, можетъ быть, еще и тѣмъ, что наряду съ простымъ глаголомъ «манить» и его сложными существуетъ въ областныхъ говорахъ глаг. «маять» (напр. «маять рукавомъ»—махать рукавомъ, давать знакъ), отъ него—«маяться (томиться). Въ церковно-славянскомъ есть глаголъ «помавати—поманути». «И помануша причастникомъ, да помогутъ»—и махнули товарищамъ, (сотрудникамъ, участникамъ въ рыбной ловлѣ), чтобы помогли» (Острож. еванг.).

III.

Въ связи со всѣми этими наблюденіями невольно приходятъ въ голову нѣкоторыя соображенія относительно различныхъ сторонъ и различныхъ степеней грамотности русскаго образованнаго человѣка, а также мысли о возможно-справедливой оцѣнкѣ нѣкоторыхъ результатовъ школьнаго образованія въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи.

Грамотность, въ широкомъ значеніи этого слова, должна означать правильность и изящество рѣчи, во-первыхъ, устной и, во-вторыхъ, письменной. Многочисленные говоры русскаго языка, съ рѣзкими отличіями сѣвера и юга, должны быть приняты въ разсчетъ при оцѣнкѣ литературнаго образованія вообще и таковогo же школьнаго образованія въ частности.

Образцовая устная рѣчь у насъ—сѣверная. Разнообразно-измѣнчивая, изящная, причудливая фонетическая окраска рѣчи, смѣлость и разнообразіе удареній—часто въ одномъ и томъ же словѣ (счёты, счета), граціозная измѣнчивость одного и того же звука въ одномъ и томъ же словѣ въ устахъ одного и того лица («часы», «чесы», «чисы», «чясы»),—вся эта музыка рѣчи сѣверной можетъ быть мало свойственна южанину и бѣлорусу. Законы ассимиляціи и дисимиляціи, взаимна-

го приспособленія гласныхъ и согласныхъ, въ интересѣ наиболѣе легкаго и изящнаго выговора, шире примѣняются на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ.

Но что касается русской грамоты, получившей свое первоначало отъ юго-славянъ, возраставшей и укрѣплявшейся потомъ въ древней южной Руси, а отсюда перешедшей на сѣверъ, то она, сохраняя исторически этимологическое начало, усваивается сѣверяниномъ съ бóльшими, мнѣ кажется, затрудненіями, чѣмъ мало-россіянами и бѣлорусами. Даже славяне другихъ народностей (болгары, чехи, поляки) меньше затрудняются въ русской ороографіи, напр., въ употребленіи буквы *ѣ*, чѣмъ великороссы, среди которыхъ составляютъ исключенія воспитанники духовныхъ заведеній, потому что эти часто имѣютъ дѣло съ цер.-славянскимъ языкомъ. Стóитъ вслушаться во время богослуженія въ эту славянскую исконную рѣчь на сѣверѣ и на югѣ славянства, чтобы убѣдиться въ томъ, что эта рѣчь въ ея фонетическихъ элементахъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ, устойчивѣе держится историческихъ преданій на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ. Примѣры для подтвержденія всего этого въ изобиліи можно найти въ университетскихъ лекціяхъ по сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій. Разнообразіе и перемѣны въ произношеніи можетъ быть происходятъ отчасти отъ перемѣнъ и разнообразія самыхъ органовъ произношенія, которые измѣняются съ каждымъ поколѣніемъ, но эта измѣнчивость сдерживается и должна сдерживаться охранительною силою историческаго преданія, идущаго съ юга, «откуда есть пошлà земля русская».

П. Козловскій.

ОПЫТЪ РАЗБОРА ПРОИЗВЕДЕНІЙ Г. Р. ДЕРЖАВИНА ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ „УЧЕБНЫМЪ ПЛАНАМЪ“ 1890 г.

(для учениковъ VI класса гимназій и прогимназій).

Съ учебной реформы 1890 г. въ основу преподаванія словесности легъ языкъ произведеній отечественныхъ писателей. Настоятельная нужда въ подходящихъ пособіяхъ представляла и представляетъ теперь немало затрудненій для преподавателей.

Въ 1891 году появилась, можетъ-быть, нѣсколько скороспѣлая книга Е. Воскресенскаго: „Языкъ важнѣйшихъ произведеній русской словесности“, которая во всякомъ случаѣ можетъ служить нѣкоторымъ пособіемъ при изученіи языка литературныхъ произведеній. Неоцѣнимую услугу въ дѣлѣ выясненія пріемовъ преподаванія на новыхъ началахъ оказали журналы „Филологическій Вѣстникъ“ и „Филологическія Записки“. На страницахъ перваго журнала помѣщались изслѣдованія г. В. Истомина, во второмъ—мы встрѣчаемъ работы С. Брайловскаго, П. Адамова и А. Флёрова. Но до сихъ поръ обслѣдованъ языкъ далеко не всѣхъ писателей. О языкѣ Державина есть изслѣдованіе г. В. Истомина, отличающееся полнотой и обстоятельностью. Но, по справедливому замѣчанію г. П. Адамова, изслѣдованія г. В. Истомина могутъ быть пригодны лишь для преподавателей, ученики же скорѣе будутъ подавлены массой матеріала. Кромѣ весьма полезной работы г. В. Истомина нѣсколько указаній можно найти въ работѣ Воскресенскаго Третье пособіе по изученію языка Г. Р. Державина—IX томъ академическаго изданія покойнаго Я. Грота. Вотъ и всѣ пособія.

Въ своей настоящей работѣ мы ограничились только разсмотрѣніемъ произведеній, рекомендованныхъ „Учебными планами“, такъ какъ, по нашему крайнему разумѣнію, этого вполнѣ достаточно для того, чтобы ученики ознакомились съ писателемъ.

На смерть князя Мещерскаго. (1779 г.).

А. Вступленіе. Бой часовъ—причина размышленій поэта о смерти.

Б Главная часть. Думы поэта о смерти:

I. Жестокость смерти.
II. Необходимость смерти въ природѣ.
III. Внезапность смерти.
IV. Обращеніе къ Мещерскому. Таинственность и загадочность смерти.
V. Веселая жизнь въ домѣ Мещерскаго и, какъ рѣзкій контрастъ, глубокая печаль по его смерти.
VI. Холодное равнодушіе смерти.
VII. Непрочность человѣческой жизни.
VIII. Скоротечность молодости и „мужества".
IX. Призрачность человѣческаго счастья и философскій взглядъ поэта на жизнь.

В. Заключеніе. Утѣшеніе въ жизни.

Идея. Человѣкъ не долженъ безполезно томиться при размышленіяхъ о смерти, а долженъ осмыслить свою жизнь и покориться волѣ Провидѣнія.

На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока. (1779 г.)

А. Вступленіе. Зима.

Б. Главная часть:

I. Рожденіе порфиророднаго отрока и перемѣны въ природѣ.
II. Впечатлѣніе, произведенное новорожденнымъ на поэта.
III. Дары геніевъ новорожденному и преимущества послѣдняго дара.

IV. Полное любви отношеніе Россіи къ новорожденному.

В. Заключеніе. Добрыя пожеланія поэта новорожденному.

Идея. Высокія дарованія царственной бабушки есть надежная порука за величіе новорожденнаго.

Фелица (1782 г.).

А. Вступленіе. Обращеніе поэта къ Фелицѣ съ просьбой дать указанія относительно разумной жизни.

Б. Главная часть

I. Краткая характеристика Фелицы и намёки на недостатки современнаго общества.

II. Характеристика вельможъ.

III. Подробная характеристика Фелицы:

1) способности Фелицы, какъ правительницы;
2) снисходительность;
3) справедливость;
4) отсутствіе гордости;
5) терпимость;
6) восторгъ поэта предъ высокими качествами Фелицы и воспоминаніе о худшихъ временахъ, какъ контрастѣ съ царствованіемъ Фелицы.
7) любовь къ просвѣщенію;
8) гуманность.

IV. Перечень заслугъ Фелицы.

В. Заключеніе. I. Просьба поэта—не подозрѣвать его въ преднамѣренной лести.

II. Благоговѣніе поэта предъ Фелицей и просьба къ небесамъ о ниспосланіи ей всѣхъ благъ.

Идея. Неисчислимыя добродѣтели Императрицы Екатерины II вызываютъ въ поэтѣ чувство благоговѣйнаго восторга.

Видѣніе мурзы (1783 г.).

А. Вступленіе. Лунная ночь.
I. Тишина въ природѣ и пѣсня поэта.

Б. Главная часть:
I. Появленіе видѣнія, его одежда и окружающая обстановка.
II. Рѣчь видѣнія поэту.
1) указаніе на цѣль поэзіи;
2) совѣтъ поэту остерегаться лести.
III. Недоумѣніе поэта и вопросъ къ видѣнію.
IV. Раскрытіе личности и исчезновеніе видѣнія.
V. Тяжелое душевное состояніе поэта.
VI. Самооправданіе поэта:
1) Упреки поэта Фелицѣ;
2) Указаніе на несправедливость нападокъ на поэта и обвиненій въ преднамѣренной лести;
3) Добродѣтели Фелицы-причина восторговъ поэта.

В. Заключеніе. Опредѣленіе поэтомъ своей задачи.

Идея. Поэтъ, восхваляя Императрицу Екатерину II, не льститъ ей, а выражаетъ свой искренній восторгъ по поводу ея высокихъ качествъ.

Богъ (1784 г.).

А. Вступленіе. Обращеніе къ Богу и краткое перечисленіе Его свойствъ.

Б. Главная часть:
I. Свойства Бога:
1) непостижимость;
2) вѣчность;
3) всемогущество;
4) совершенство;
5) безпредѣльность.

II. Человѣкъ:
1) сущность человѣческаго существа;
2) мѣсто, занимаемое человѣкомъ во вселенной;
3) источникъ и цѣль человѣческой жизни.

В. Заключеніе: Обязанности человѣка къ Богу: самоусовершенствованіе и сознаніе своего ничтожества [1]).

Идея. Человѣкъ долженъ стремиться къ самоусовершенствованію, чтобы отразить въ себѣ божественное начало.

Изъ оды «Водопадъ» (1791 г.).

(Отрывокъ по хрестоматіи Смирновскаго).

А. Вступленіе.

Описаніе водопада.

I. Впечатлѣніе, производимое водопадомъ на зрѣніе и слухъ.
II. Сила водопада.
III. Водопадъ и разныя животныя.

Б. Главная часть. Водопадъ — изображеніе человѣческой жизни.

I. Сѣдой мужъ у водопада и его размышленія о сходствѣ человѣческой жизни съ водопадомъ.
II. Водопадъ. Потемкинъ:
1) неожиданная смерть Потемкина въ бѣдной обстановкѣ;
2) слава и великолѣпіе Потемкина при жизни;

---

1) Планъ заимствованъ у А. Флёрова. (Филологическія Записки 1893 г. выпускъ IV).

3) размышленія поэта о непрочности человѣческой жизни;
4) безсмертіе геройскихъ подвиговъ;
5) воспоминаніе о заслугахъ Потемкина;
6) безпомощность праха—контрастъ съ мощью Потемкина при жизни;
7) вѣчное торжество истины, воспѣвающей подвиги людей.

В. Заключеніе. I. Завѣтъ водопадамъ міра—замѣчательнымъ людямъ приносить пользу и счастье свѣту.

II. Полное дивной красоты теченіе полноводной Суны-матери водопадовъ, какъ образъ императрицы Екатерины II, отъ которой замѣчательные люди могутъ заимствовать силу и славу.

Идея. Замѣчательные люди, взирая на императрицу, должны служить на пользу и счастье людей.

Памятникъ (1796 г.).

I. Изображеніе памятника.

II. Слава поэта:
1) Надежда на безсмертіе.
2) Область извѣстности поэта.
3) Заслуги поэта, какъ основаніе и причина его славы.

III. Обращеніе къ музѣ. Приглашеніе къ спокойному сознанію своихъ заслугъ и работѣ для безсмертія [2]).

Идея. Заслуги поэта созидаютъ ему безсмертную славу, которая прочнѣе всѣхъ сооруженныхъ людьми памятниковъ.

---

2) Планъ заимствованъ у А. Флёрова и у К. Козьмина. Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи.

Языкъ указанныхъ произведеній Г. Р. Державина.

А. Этимологическія особенности.

Нерѣдко мы замѣчаемъ въ произведеніяхъ Державина неправильное удареніе, что вызывается требованіями размѣра

1) ...Глядитъ на разумъ возвышéнный...
2) ...И солнцы ею потушáтся...
3) ...Кому въ державу тѣсны міры...
4) .. Богатствъ стяжаніе минéтъ...
5) ...Я въ двéряхъ вѣчности стою...
(На смерть князя Мещерскаго).

1) ..Сóгрѣвать сатиры руки
Собирались вкругъ огней ..

(На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока).

1) ...Или́ музы́кой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или́ кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ...
2) ...То въ жмурки рѣзвимся порой...
3) ...Слухъ и́детъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда...
4) ...Ты вѣдаешь, Фелица, прáвы
И человѣковъ и царей...
(Фелица).

1) ...Я нé спалъ и, со звономъ лиры...
2) ...Твои дѣла суть красоты́...
(Видѣніе мурзы).

1) ...Какъ капля, въ море опущéнна,
Вся твердь передъ Тобой сія...
(Богъ).

1) Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четы́ремя скалами;
Жемчу́гу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми..
2) ...Громами ль камни отторжéнны,—
Стираются тобой въ пески ..

3) ...Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится...
4) ...Ланъ идетъ робко, чуть ступаетъ...
5) ...Но кто тамъ йдетъ по холмамъ...
6) ...На полѣ Марса вождемъ слылъ.
7) ...Въ созвучность громкаго Пиндáра
Мою настроить лиру мнилъ...
8) ...Какъ хóлмы, грóбы ихъ цвѣтутъ...
9) ...Касаяся странáмъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ...
10) ...И, безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поя златые въ нивахъ брéги...
(Водопадъ).
1) ...Слухъ прóйдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ
до Черныхъ...
2) ...И, прéзритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай...
(Памятникъ).

Примѣры неполногласныхъ формъ:

Брегъ, съ здравіемъ, въ златѣ и сребрѣ, чреду, премѣнны, древъ, млечною.

Имя существительное.

Встрѣчаются необычныя имена существительныя:

снѣды=сънѣдь (сън-ѣд-ь; сън=cum, con (лат.)= συν (грч.) [3]); ѣд=ead; въ современномъ языкѣ этому слову соотвѣтствуетъ слово „пища";

„налоемъ" вмѣсто „аналоемъ";

„кроткости" вмѣсто „кротости": у Державина существительное образовано отъ основы прилагательнаго „кротк-ій";

---

[3]) И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Глоттологическія замѣтки. О такъ называемой «эвфонической вставкѣ» согласнаго н въ словянскихъ языкахъ. (Фил. Зап.).

„токъ“ вмѣсто „теченіе“ (полезныхъ дней проводить „токъ“);

„льзя“ вмѣсто „возможно“[4]);

„скиптръ“ вмѣсто „скипетръ“: въ этомъ словѣ обыкновенно вставляется *е*;

„бѣдства“ вмѣсто „бѣдствія“;

„бетмета“ вмѣсто „бетмета“;

„пріятство“ вмѣсто „пріятность, прелесть, привлекательность“;

„въ досканцахъ“—досканецъ изъ дъстьканьць[5]) (ср. доска);

„вирши“—испорченное „versus“—стихи;

„нощи, полунощный“—*тт* смягчается въ *щ* въ старославянскомъ языкѣ, въ русскомъ же является *ч*.

Вмѣсто имени мужескаго рода является имя женскаго рода и наоборотъ:

...нарядъ
Съ плеча десною полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру... (Видѣніе мурзы).
...Два лепта покрываютъ очи...
...И безъ примѣса чуждыхъ водъ...(Водопадъ).

Имена существительныя, означающія названія умственныхъ предметовъ, и имена вещественныя имѣютъ множественное число:

...Подите, счастьи, прочь возможны...
(На см. кн. Мещ.).
...Твои дѣла суть красоты... (Видѣніе мурзы).
...Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей... (Богъ).
...Сыпалъ инеи пушисты...
(На рожд. въ сѣв. порф. отр.).
...Сжигая маки благовонны... (Видѣніе мурзы).
...Стираются тобой въ пески... (Водопадъ).

---

[4]) г. Истоминъ ошибочно считаетъ «льзя» за глаголъ нетрудно убѣдиться, что это имя существительное одного корня съ словами «льгота», «польза».

[5]) А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка.

Именительные падежи множественнаго числа

солнцы, годы, счастьи, человѣки.

...И солнцы ею потушатся...

...Такъ въ вѣчность льются дни и годы...

...Подите, счастьи, прочь возможны...

(На см. кн. Мещ.).

...О, коль счастливы человѣки

Тамъ должны быть судьбой своей... (Фелица).

Родительный пад. ед. ч. на *у*.

...Жемчугу бездна и сребра...

...Важна безъ пѣны, безъ порыву,

Поянa, велика безъ разливу... (Водопадъ).

...Татарски пѣсни изъ-подъ спуду,

Какъ лучъ, потомству сообщу... (Видѣніе мурзы).

„Любови" вм. „любви"

...Гробница—ужаса, любови... (Водопадъ).

„До полудни" вмѣсто „до полудня".

...А я, проспавши до полудни,

Курю табакъ и кофе пью... (Фелица).

Родительный падежъ множественнаго числа:

...И все на свѣтѣ забываю

Средь винъ, сластей и ароматъ...

(Фелица).

...Довольно безъ тебя поэту...

...отъ сатиръ [6]) щититься злыхъ...

(Видѣніе мурзы).

...Ты вѣдаешь, Фелица, правы

И человѣковъ и царей... (Фелица).

...Рога на спину преклоняетъ

И быстро мчится межъ деревъ...

(Водопадъ).

---

[6]) Насколько можно догадываться по смыслу, «сатиръ» род. пад. множ. числа отъ имен. единст. «сатиръ», а не «сатира».

...Отъ брызговъ [7]) синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ... (ibid.).
..Одно стихіевъ дуновенье
Гигантовъ въ прахъ преобразитъ... (ibid.).
...Доколь славяновъ родъ вселенна будетъ
чтить... (Памятникъ).

Винительный падежъ множественнаго числа:

...и шумъ
Оставилъ по себѣ въ потомки... (Водопадъ).
...Поя златые въ нивахъ бреги... (ibid.).
...И россъ въ крови ихъ по колѣни... (ibid.)
...Ты вѣдаешь, Фелица, правы
И человѣковъ и царей... (Фелица).
...Да ихъ простря сафирны крылы... (ibid.).

Творительный падежъ един. и множеств. числа:

...Всѣ крылами восплескали... (Видѣніе мурзы).
...храпитъ, ушми прядетъ... (Водопадъ).

Предложный падежъ единственнаго числа:

...Скользимъ мы бездны на краю...
(На. см. кн. Мещ.).
...Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ... (Видѣніе мурзы).
...На жертвенномъ она жару.
Сжигая маки благовонны... (ibid).
...Лежатъ во мху у ногъ его... (Водопадъ).
...Не слышимъ ли въ бою часовъ... (ibid.).
...Мила, быстра и не въ стремленьѣ
И въ глубинѣ твоей ясна... (ibid.).

---

[7]) По Словарю церковно-славянскаго и русскаго языковъ, составленному вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ изд. 1847 г., слово «брызги» рода мужескаго; но въ живомъ языкѣ, кажется, это слово скорѣе рода женскаго.

Которыхъ стихотворцы страстны
Едва ли вѣрятъ на земли... (Видѣніе мурзы).

Имена прилагательныя:

яствъ (ѣад-ств-ъ)=полонъ кушаній
...Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ...
(На см. кн. Мещ.).
дальныхъ=дальнихъ
...Какъ будто изъ улусовъ дальныхъ...
(Видѣніе мурзы).
оливными=оливковыми
И лавръ съ оливными вѣтвями...
(Видѣніе мурзы).

Прилагательное употребляется вмѣсто родительнаго падежа имени существительнаго:

...Не упадаетъ ли въ сей зѣвъ
Съ престола царь и другъ царевъ
(Водопадъ).
...Альцибіадовъ прахъ... (ibid).
„Могущъ" вмѣсто „могучъ"
...Могущъ, хотя и не въ порфирѣ... (Водопадъ).
„Живый", „превѣчный"
...Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный... (Богъ).
Мразный
...Какъ въ мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ... (Богъ).

Мѣстоименія.

...Никая тварь не убѣгаетъ... (На см. кн. Мещ.)
И оныхъ чтить не принужденъ...
(Видѣніе мурзы).
...Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ... (Водопадъ).

...Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда паренъемъ въ высоты... (Богъ).
...Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ... (Памятникъ).

Числительныя.

...Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого... (Фелица)
...Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами... (Водопадъ).

Глаголы:

Стерть=стереть
...Зіяетъ время славу стерть...
(На см. кн. Мещ.).

Пріемлемъ=принимаемъ
...Пріемлемъ съ жизнью смерть свою...
(ibid.).

Мятется=смущается
...И духъ мятется отъ печали... (ibid).
Содрогала=содрогалась
...Вся природа содрогала
Отъ лихого старика... (На рожд. въ сѣв. порф. отрока).

Разятъ=поражаютъ
...И чьи уста меня разятъ. (Видѣніе мурзы).
Щититься=защищаться
...И отъ сатиръ щититься злыхъ... (ibid.).
Чли=читали
...Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли... (ibid.).
Віется=вьется
...И паръ вокругъ холмовъ віется...
(Водопадъ).

Объемлетъ = обнимаетъ; зиждетъ = создаетъ
...Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ... (Богъ).
Вратятся = вращаются
...Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ... (Богъ).

Отъ глаголовъ съ примѣтой *ну* нѣкоторыя формы образуются съ отбрасываніемъ этой примѣты:

...Кого никто постичь не могъ... (Богъ).
...Раздвиглись стѣны... (Видѣніе мурзы).

Иногда образуется настоящее время необычнымъ образомъ:

...То съ ней на голубятню лажу... [8]) (Фелица).
...Да словъ твоихъ сладчайша тока
И слицезрѣнья наслаждусь [9]) (ibid.).

Отъ глагола *быть* образуется причастіе настоящаго времени *сущій*.

...Духъ всюду сущій и единый... (Богъ).
Создавый = создавшій; творяй = творящій
...Создавый все единымъ словомъ... (Богъ).
...Творяй свой долгъ, свои дѣла...
(Видѣніе мурзы).
Дѣепричастіе на *чи*.

---

[8]) Лазать-лазаю (Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка., составл. Втор. отд. Имп. акад. наукъ (1847 г.)

[9]) Мы считаемъ эту форму настоящимъ временемъ отъ глагола вида совершеннаго; формой будущаго времени она является только по значенію. Ошибочно нѣкоторые изслѣдователи считаютъ неправильной форму настоящаго дѣепричастія отъ глаголовъ вида совершеннаго (см. Адамовъ. О методѣ преподаванія русской словесности; по нашему мнѣнію и дѣепричастіе настоящаго и дѣепричастіе прошедшаго времени образуются одинаково правильно.

...Но послѣдній, добродѣтель
Зарождающи въ немъ, рекъ...
(На рожденіе въ сѣв. порф. отрока).
...Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала...
(Видѣніе мурзы).

Дѣепричастіе прошедшаго времени страдательнаго залога одинъ разъ употреблено вмѣсто дѣепричастія настоящаго времени; обѣ эти формы довольно рѣдки въ современномъ литературномъ языкѣ.

...И, подстрекаемъ бывъ, бодрится...
(Водопадъ)

Нарѣчія.

Внезапу, незапно [10]).
...Приходитъ смерть къ нему, какъ тать,
И жизнь внезапу похищаетъ...
(На см. кн. Мещ.).
...Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей? (Водопадъ).
Почто=почему, къ чему.
...Почто жъ терзаться и скорбѣть...
(На см. кн. Мещ.).
Завсегда=всегда; неложно=справедливо
...Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно
...Тебѣ и правду говорить... (Фелица).
Стократъ, стократно=во сто разъ
...И стократно
Ярчѣе молній пролилось... (Видѣніе мурзы).
...Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ... (Богъ).

---

[10]) апа встрѣчается въ сложеніи съ предлогомъ— «заапа» см. И. И. Срезневскій. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ.

...Вкупѣ, купно = вмѣстѣ.
...Утѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блистали...
(На см. кн. Мещ.).

...Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры...
(Богъ).

Далече = далеко.
...Далече ревъ въ лѣсу гремитъ...
(Водопадъ).

Сравнительная степень нарѣчія на *ѣ:*
...Но Богу провосудну болѣ... (Фелица).

Ярчѣе = ярче
...Ярчѣе молній пролилось
Сіянье вкругъ меня небесно...
(Видѣніе мурзы).

Предлоги.

У Державина наблюдается произвольное употребленіе предлоговъ *съ* и *со*, *въ* и *во* и т. д. Въ литературномъ языкѣ нынѣшнемъ предлогъ мѣняетъ *ъ* на *о* во избѣжаніе стеченія согласныхъ; у Державина мы видимъ, напримѣръ, „къ гробу“ и, наоборотъ, „во очахъ“.

Б. Синтактическія особенности.

У Державина сказуемое согласуется съ подлежащимъ не по грамматическому, а по дѣйствительному роду послѣдняго:

...Отроча порфирородно
Въ царствѣ сѣверномъ рожденъ...
(На рожд. въ сѣв. порф. отрока).

Употребляется неопредѣленное наклоненіе при такихъ глаголахъ, при которыхъ оно обыкновенно не допускается:

...Зіяетъ время славу стерть... (На см. кн. Мещ.).

Accusativus cum infinitivo:

...Не мнитъ лишь смертный умирать
И быть себя онъ вѣчнымъ чаетъ...
(На см. кн. Мещ.).
...Ты быть себя счастливымъ чаешь...
(Видѣніе мурзы).
...Тебя быть мыслилъ въ восхищеньѣ
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ... (ibid.).
...Тебя душа моя быть чаетъ... (Богъ).

Прилагательное тѣсный употребляется съ предлогомъ въ вмѣсто для

...Кому въ державу тѣсны міры [11])...
(На см. кн. Мещ.).

Глаголъ вліять употребленъ съ винит. пад., какъ гл. дѣйст. по первоначальному переходному своему значенію:

...Всѣ вліяли совершенства... (На рожд. въ сѣв. порф. отрока).

После глагола быть по требованію размѣра и риѳмы —то именительный, то творительный падежъ:

...Будь страстей твоихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ...
...Будетъ—и судьбы гласили—
Онъ монархамъ образецъ!
Лѣсъ и горы повторили—
Утѣшеніемъ сердецъ... (На рожд. въ сѣв. порф. отрока).

---

[11]) Кому цѣлыхъ міровъ мало для управленія.

Прилагательное слабъ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ употреблено:

...Но имъ послѣдовать я слабъ... (Фелица).

Существительное рабъ съ дат. падежомъ:

...А завтра прихотямъ я рабъ... (Фелица).

Возвратные глаголы употребляются съ творительнымъ падежомъ, какъ глаголы страдательные:

...И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ... (На см. кн. Мещ.)
...То ею въ головѣ ищуся... (Фелица).

Вмѣсто дательнаго пад.—предлогъ *у* съ род. пад.:

...Гдѣ намъ,—ученые невѣжды,
Какъ мгла у путниковъ, тмятъ вѣжды...
(Фелица).

Послѣ глаголовъ дѣйствительныхъ съ отрицаніемъ ставится—то винительный, то родительный падежъ:

.. Не зримъ ли всякій день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
Не слышимъ ли въ бою часовъ
Гласъ смерти, двери скрипъ подземный...
(Водопадъ).
...Лишь зла не терпишь одного... (Фелица).

Иногда ставится родительный падежъ, хотя отрицаніе относится къ другому слову:

...Не могутъ духи просвѣщенны...
Изслѣдовать судебъ Твоихъ... (Богъ.).
...Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей... (Богъ).

Послѣ глагола погружать ставится предлогъ *въ* —то съ винит. то съ предложнымъ пад.:

...Природа, въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ...
(Видѣніе мурзы):

Внять съ винит. пад. по первоначальному значенію взять (вън-ати).

...И страшны истины внемли... (Видѣніе мурзы).

Обращать къ чему, а не на что:

...Сей даръ боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей... (Видѣніе мурзы).

Касаться съ дательнымъ падежомъ:

...Касаяся странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ и взглядъ... (Водопадъ).

Называть съ именительнымъ падежомъ:

...Кого мы называемъ—Богъ... (Богъ).

Насладиться съ родительнымъ падежомъ:

...Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь... (Фелица).

Предлогъ между сочиняется—то съ творительнымъ, то съ родительнымъ падеж.:

...Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ
Нашелъ кто развѣ ненарокомъ
Путь добродѣтели прямой... (Фелица).

Предлогъ съ употребляется вмѣсто отъ

...Засыпали нимфы съ скуки... (На рожд. въ сѣв. порф. отрока).

Въ съ предложнымъ пад. вмѣсто *за* съ творит.

...Можно... въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить... (Фелица).

По съ винительнымъ вмѣсто *за* съ творительнымъ:

...Скачу къ портному по кафтанъ...
(Фелица).

Вмѣсто повторяемаго *ни* употреблено *и*:

...Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ...
(Памятникъ).

Мѣстоименіе таковъ употребляется, какъ въ народномъ языкѣ:

...Таковъ, Фелица, я развратенъ... (Фелица).
которые = что
...Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли...
(Видѣніе мурзы).
...Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры...
(На см. кн. Мещ.).

Союзъ что, какъ въ народномъ языкѣ, служитъ у Державина иногда для означенія обстоятельства причины:

...А что сія ума забава.
Калифовъ добрыхъ честь и слава,
...Снисходишь ты на лирный ладъ... (Фелица).

Мѣстоименіе кто ставится вмѣсто который:

...Глядитъ на всѣхъ: и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры..
(На см. кн. Мещ.).

Какъ = когда.

...Или, какъ то наскучитъ мнѣ...
Лечу на рѣзвомъ бѣгунѣ.. (Фелица).

Да употребляется въ значеніи чтобы (славянизмъ):

...Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья насладждусь.
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки;
Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ! (Фелица).

Чтобы съ изъявительнымъ наклоненіемъ употреблено въ значеніи повелительнаго наклоненія:

...Живи!—и тучи пробѣгали
Чтобъ рѣдко по водамъ твоимъ,
Въ умахъ тебя не затмевали
Разжженный громъ и черный дымъ;

Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ; сколь дивенъ, столь полезенъ:
(Водопадъ).

Личный оборотъ вмѣсто безличнаго:

...Отколѣ происшелъ, безвѣстенъ... (Богъ).

Оригинальное синтактическое выраженіе:

...Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюдимой быть... [12])
(Фелица).

Повтореніе предлога, свойственное народному языку, попадается также у Державина:

...Между лѣнтяемъ и брюзгой,
Между тщеславья и порокомъ... (Фелица).

Въ сравнительныхъ предложеніяхъ употребляется подобно какъ или подобно:

...Подобно въ карты не играешь,
Какъ я отъ утра до утра..." (Фелица).
...Подобно громомъ оглушенный,
Безчувственъ я, безгласенъ былъ...
(Видѣніе мурзы).

Опредѣленіе выражается часто въ краткой формѣ, которая образуется отъ всѣхъ прилагательныхъ, не только качественныхъ, а также и отъ причастій:

Быстры воды; алчна смерть; блѣдна смерть; но силы дерзновенны; гордость, съ блѣдностью совмѣстна; надежда лестна; счастьи возможны; инеи пушисты; цѣпи льдисты; время, столь холодно; отроча порфирородно; зиму люту; солнце красно; дѣтски руки; громовы звуки; тѣлесну, душевну красоту; прозорливость небесну; совершенства, составляющи царя; Россія восхищенна, токи слезны пролила; на колѣни преклоненна; дитя прекрасно; коня парнасска; сира и убога; сладчайша тока; мечты различны; тишину глубоку; природа погруженна; сердце чисто; совѣсть праву; сіянье небесно; видѣнье чудесно; поясъ златъ; изъ черно-огненна виссона; страшны истины; наполненну чашу;

[12]) Смыслъ здѣсь таковъ: Стоитъ только быть страшной и нелюдимой, и прослывешь великой: но ты стыдишься прибѣгать къ такому средству.

столь дерзновенну; мечту стоящу; божественны черты; вѣнценосна добродѣтель; татарски пѣсни; алмазна гора; сосны пораженны; камни отторженны; пыль стеклянна; воды черны; жилища горни, глубока дума; уста отверсты; воздухъ синь; пустынны виды; пространны области пустынны; молніи ярящи; нетлѣнна память; окрестны виды; перлова грудь; рѣка гремяща; духи просвѣщенны, рожденны; бытность довременну; вѣчность рожденну; лучи животворящи; огненны лампады; свѣтящи міры; капля опущенна.

У Державина нерѣдки „оступленія отъ обыкновеннаго порядка словъ въ предложеніи, затемняющія иногда даже смыслъ той или другой фразы. Вообще совершенно свободное словорасположеніе въ произведеніяхъ Державина встрѣчается довольно часто, при чемъ поэтъ допускаетъ, напримѣръ, отдѣленіе опредѣлительнаго слова отъ опредѣляемаго, помѣщаетъ подлежащее между частями сказуемаго или дополненія, употребляетъ въ томъ или другомъ случаѣ дополненіе на несоотвѣтственномъ мѣстѣ, ставилъ предлогъ послѣ имени существительнаго и т. п.“ [13]).

Я. Гротъ говоритъ, что „фразу Державина всего болѣе портитъ часто не знающая границъ свобода въ словорасположеніи [14]).

В. Стилистическія особенности.

Слогъ Державина вообще отличается чистотой. „Иностранныхъ словъ онъ вообще избѣгалъ, особенно въ послѣднемъ періодѣ своей жизни. Къ небольшему числу встрѣчающихся у него иноземныхъ словъ относятся: или вполнѣ усвоенныя языку имена, какъ напр., „ароматъ“, „клобъ“, „маскарадъ“, „эѳиръ“; или такія слова, которыя онъ узналъ изъ сношеній съ уроженцами разныхъ мѣстностей Россіи,

---

[13]) В. Истоминъ. Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Гавріила Романовича Державина. стр. 36.

[14]) Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе Императорской Академіи наукъ т. IX стр. 353.

напр., „бешметь“, „пловъ“. Имена „Бельтъ“, „Петрополь“ взяты у Ломоносова. Вмѣсто слова „бюстъ“ Державинъ постоянно употребляетъ „истуканъ“ или „кумиръ“.

Зато въ поэзіи Державина довольно сильно замѣчаются элементы церковно-славянской и народной русской рѣчи. Но выдѣлить слова каждаго элемента въ особую группу чрезвычайно трудно, потому что церковно славянское слово часто является у Державина въ народной формѣ и, наоборотъ, народное облечено въ форму церковно-славянскую“.

Примѣровъ славянизмовъ можно найти немало въ любой одѣ Державина. Укажемъ нѣкоторыя изъ народныхъ словъ и выраженій:

...Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя въ дураки съ женой;
То съ ней на голубятню лажу,
То въ жмурки рѣзвимся порой,
То въ свайку съ нею веселюся,
То ею въ головѣ ищуся,
То въ книгахъ рыться я люблю... (Фелица).
...Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ... (ibid.).
...И словомъ—тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ соленыхъ огурцовъ... (Видѣніе мурзы).

Эпитеты:

Златая луна; сонъ томною рукою; роковыхъ когтей; къ гордымъ вышинамъ; блѣдна смерть; пышныхъ богачей; разумъ возвышенный; силы дерзновенны; надежда лестна; сладкая мечта; инеи пушисты; быстры воды; зиму люту; солнце красно; удалыхъ гребцовъ и т. д.

Сравненія.

...Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ...
(На см. кн. Мещ.).

...Какъ въ море льются быстры воды,
Такъ въ вѣчность льются дни и годы... (ibid.)
...Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпыхъ счастье
Ты можешь только созидать.
Такъ кормщикъ, черезъ понтъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять... (Фелица).
...Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами... (Водопадъ).
и т. д.

Неудачное сравненіе:

...Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ... (Фелица).

Тропы.

Метафора: глаголъ временъ; злость стихій; жизни брегъ; духъ мятется; сердца возжегъ; прихотямъ рабъ; разсудокъ долженъ спотыкаться; роскошь угнетаетъ; крокодиламъ, зоиламъ склоняешься простить... и т. д.

Метонимія: изъ твоего пера блаженство смертнымъ проливаешь; къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь; блещетъ столъ сребромъ и златомъ; тѣшусь рогами... и т. д.

Синекдоха: дни мои сѣчетъ; не мнитъ лишь смертный умирать; рыбы крылись въ глубинахъ.... и т. д.

Олицетвореніе смерти въ одѣ „На смерть князя Мещерскаго“ и зимы въ одѣ „На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока“.

Гипербола: ...Онъ простеръ лишь дѣтски руки—
Ужъ порфиру въ руки бралъ. (На рожд. въ сѣв. порф, отрока).
...Знать, родился нѣкій богъ... (ibid.).
...Симъ Россія восхищенна,
Токи слезны пролила... (ibid.).

Фигуры.

Обращеніе.

...Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ...
(На см. кн. Мещ..)

...Смерть, трепетъ естества и страхъ!.. (ibid.).
...Подите, счастьи, прочь возможны... (ibid.).
и т. д.

Повторенiе.

...Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ...
(На см. кн. Мещ.).

...Глядитъ на всѣхъ—и на царей,
Кому въ державу тѣсны мiры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны
И точитъ лезвее косы!.. [15]) (ibid.),
и т. д.

Градацiя.

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихiй снѣдаетъ;
Зiяетъ время славу стерть... (На см. кн. Мещ.).
...И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мiрамъ она грозитъ... (ibid.).
и т. д.

Антитеза.

...Монархъ и узникъ—снѣдь червей...
(На см. кн. Мещ.).

...Утѣхи радость и любовь
Гдѣ купно съ здравiемъ блистали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь,
И духъ мятется отъ печали.
Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики,

---

[15]) По Истомину «единоначатiе», терминъ, по нашему мнѣнiю, не вполнѣ удачный.

Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ... (ibid.).
...Мы—гордость, съ блѣдностью совмѣстна;
Сегодня богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра—гдѣ ты человѣкъ?... (ibid.).
и т. д.

Параллелизмъ.

...И звѣзды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ...
(На см. кн. Мещ.).
...Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;
Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ. (Водопадъ).
и т. д.

Вопрошеніе.

...Куда, Мещерскій, ты сокрылся?...
(На см. кн. Мещ.).
...Гдѣ жъ онъ? Онъ тамъ. Гдѣ тамъ? Не знаемъ...
(ibid.).
...А завтра гдѣ ты, человѣкъ?... (ibid.).
...Почто жъ терзаться и скорбѣть,
Что смертный другъ твой жилъ не вѣчно?...
(ibid.).
и т. д.

Восклицаніе.

...О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!...
(На см. кн. Мещ.).
...Возрастай, дитя, прекрасно!... (На рожд. въ свв. порф. отрока).

Эллипсисъ.

...А завтра—гдѣ ты человѣкъ?... (На см. кн. Мещ.)
...Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;

Тотъ—художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ—обиліе, богатство;
Тотъ—сіяніе порфиръ;
Тотъ—утѣхи и пріятство,
Тотъ—спокойствіе и миръ. (На рожд. въ свѣ. порф. отрока).

Поправленіе [16]).

...Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое
Иль нѣтъ!—тяжелый нѣкій шаръ,
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду безпрестанно бьютъ,
И, ахъ! зефиры легки рвутъ... (Водопадъ).

Въ произведеніяхъ Державина есть немало стройныхъ періодовъ.

Періодъ изъяснительный.

...Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и Мудрой слыть. (Фелица).
...Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товаровъ
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою. (Видѣніе мурзы).

Періодъ относительный.

...О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,

---

[16]) Терминъ взятъ у г. Истомина.

Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ нисцосланъ скиптръ носить.
(Фелица).

Фелицы слава—слава Бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Покрылъ, одѣлъ и накормилъ;
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ;
Равно всѣхъ смертныхъ просвѣщаетъ,
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ,
Добро лишь для добра творитъ;
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки
И счастье дома находить;
Котораго законъ, десница
Даютъ и милости и судъ. (ibid.).
Блаженъ... кто доволенъ
Въ семъ свѣтѣ жребіемъ своимъ,
Обиденъ, здравъ, покоенъ, воленъ
И счастливъ лишь собой самимъ;
Кто сердце чисто, совѣсть праву
И твердый нравъ хранитъ въ свой вѣкъ,
И всю свою въ томъ ставитъ славу,
Что онъ лишь добрый человѣкъ... (Видѣніе мурзы).

Періодъ заключительный.

Лишь истина даетъ вѣнцы
Заслугамъ, кои не увянутъ;

Лишь истину поютъ пѣвцы,
Которыхъ вѣчно не престанутъ
Гремѣть перуны сладкихъ лиръ;
Лишь праведника святъ кумиръ!
Услышьте-жъ, водопады міра!
О славой шумныя главы!
Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы;
Когда имѣли тольку мѣту,
Чтобъ счастіе доставить свѣту. (Водопадъ).

Примѣръ неудачнаго періода (въ аподосисѣ подлежащее отъ сказуемаго отдѣлено большимъ количествомъ словъ).

То тихое твое теченье,
Гдѣ ты сама себѣ равна,
Мила, быстра и не въ стремленьѣ
И въ глубинѣ твоей ясна,
Важна безъ пѣны, безъ порыву,
Полна, велика безъ разливу,
И, безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поя златые въ нивахъ бреги,
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги—
Какое зрѣлище очамъ!—(Водопадъ).

„При всей неправильности и небрежности выраженія, часто замѣчаемыхъ въ стихахъ Державина, сочиненія его и со стороны языка заслуживаютъ изученія, представляя замѣчательный моментъ въ исторіи развитія нашей литературной рѣчи. Въ отношеніи къ языку творчество его представляетъ намъ одну весьма замѣчательную черту, доказывающую, какую великую силу имѣетъ въ искусствѣ одушевленіе. Когда онъ пишетъ прозою или остается холоденъ при сочиненіи стиховъ на обязательную тему, у него является тяжелая, неправильная, запутанная фразеологія; но какъ скоро онъ увлеченъ какою-нибудь высокою или даже просто счастливою мыслію или вращается въ наиболѣе сродной ему области изображенія картинъ природы и житейскаго быта, слово становится въ рукахъ его послушнымъ и гибкимъ орудіемъ.

Тогда онъ обнаруживаетъ глубокое пониманіе духа языка, удивительное знаніе народной рѣчи и народной жизни съ ея повѣрьями и преданьями; тогда онъ въ иныя минуты какъ будто предугадываетъ уже то совершенство русскаго стиха, которое окончательно могло выработаться только въ позднѣйшемъ поколѣніи поэтовъ. Не успѣвъ пріобрѣсти литературнаго образованія, которое отвѣчало бы силѣ его таланта, Державинъ для выраженія своей поэтической мысли обращается съ языкомъ самовластно: онъ не боится ошибокъ противъ грамматики и синтаксиса, лишь бы воплотить свою идею въ яркій и рѣзкій образъ, и дѣйствительно, такимъ способомъ онъ часто достигаетъ своей цѣли вѣрнѣе, чѣмъ если бы гонялся за безукоризненною чистотою рѣчи, охлаждая тѣмъ полетъ своей пылкой фантазіи. Его языкъ при всемъ видимомъ своемъ своенравіи есть языкъ выразительный, сильный и пластическій. Его слогъ мужественъ и полонъ энергіи: еще при первомъ появленіи стиховъ Державина Дмитріевъ, не зная, кто ихъ авторъ, былъ пораженъ его благородною смѣлостью и рѣзкостью въ выраженіяхъ“ [17]).

Таковы сочиненія Державина со стороны слога.

По содержанію „поэзія Державина есть прекрасный памятникъ славнаго царствованія Екатерины II и одно изъ главныхъ правъ поэта на поэтическое безсмертіе“ [18]).

Ѳ. Болотниковъ.

25 марта 1897 г.
г. Вятка.

---

[17]) Сочиненія Державина т. IX стр. 323—325.
[18]) Сочиненія В. Бѣлинскаго. Часть седьмая стр. 136.

НѢСКОЛЬКО МЕЛКИХЪ ЗАМѢЧАНІЙ КЪ КОМЕДІИ ГРИБОѢДОВА «ГОРЕ ОТЪ УМА».

Считается доказаннымъ, что чуть ли не всѣ лица знаменитой комедіи Грибоѣдова—портреты его знакомыхъ, болѣе или менѣе замѣтныхъ лицъ московскаго общества. И такое мнѣніе, какъ извѣстно, существовало издавна, въ то самое время, когда Грибоѣдовъ еще работалъ надъ комедіей. Строго говоря, это—преувеличеніе; даже послѣ тщательныхъ розысковъ оказалось невозможнымъ отъискать тѣ оригиналы, съ которыхъ Грибоѣдовъ будто бы срисовалъ иныя изъ копій; напр. Молчалинъ несомнѣнно образъ идеальный и въ жизни образецъ для него невозможенъ; хотя лицъ съ типическими чертами молчалинства бывало сколько угодно во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Но въ то же время нельзя отрицать, что нѣкоторыя изъ выведенныхъ Грибоѣдовымъ лицъ дѣйствительно портреты; напр., насколько сохранились свѣдѣнія объ Офросимовой, несомнѣнно, что Грибоѣдовъ имѣлъ въ виду именно ее, изображая Хлестову.

Болѣе всего затруднялъ коментаторовъ комедіи Чацкій. Чувствуется, конечно, что авторъ вложилъ въ него собственную личность, значительно ее идеализируя; но все же хотѣлось бы найти для Чацкаго образецъ и болѣе точный, т. е. такой, съ которымъ произошло что либо похожее на исторію съ Чацкимъ. Указывали, напримѣръ, на кн. П. Ан. Вяземскаго, извѣстнаго поэта и очень умнаго человѣка, показавшагося въ Москвѣ сумашедшимъ; но все, что только извѣстно объ этомъ архизападникѣ (на старости онъ, впрочемъ, нѣсколько измѣнился во мнѣніяхъ), исключаетъ какую бы то ни было возможность сопоставленія его съ Чацкимъ, рѣчи котораго слегка отзываются національнымъ романтизмомъ.

Какъ будто основательнѣе сопоставленіе Чацкаго

съ П. Я. Чаадаевымъ. Уже Пушкинъ въ 1823 г. писалъ изъ Одессы къ кн. Вяземскому: «Мнѣ сказывали, что онъ (Грибоѣдовъ) написалъ комедію на Чаадаева»; Затѣмъ на это есть и еще намеки, хотя и блѣдные, въ сочиненіяхъ Θ. Глинки и Гр. Ростопчиной (см. Русск. Мысль 1896 г. № 4, статью проф. Кирпичникова о Чаадаевѣ стр. 154—155); въ послѣднее время это мнѣніе поддерживалъ трудолюбивѣйшій коментаторъ комедіи г. Гарусовъ. Въ чемъ однако заключаются основанія для такого предположенія?

Очень умный человѣкъ, П. Я. Чаадаевъ дѣйствительно былъ объявленъ сумашедшимъ; но, во-первыхъ, это случилось уже черезъ 7 лѣтъ послѣ смерти Грибоѣдова; во-вторыхъ, сумашествіе было приписано Чаадаеву для того, чтобы не подвергнуть его болѣе серьезной правительственной карѣ за его либерализмъ не по времени; а московское общество продолжало видѣть въ Чаадаевѣ геніальнаго человѣка, мученика, московскую знаменитость и посѣщало его чуть не съ благоговѣніемъ.

Пушкинъ далѣе пишетъ, иронизируя, что «въ теперешнихъ обстоятельствахъ (Чаадаева) это чрезвычайно благородно съ его (Грибоѣдова) стороны», т. е. намекаетъ на Семеновскую исторію 1821 г., послѣ которой Чаадаевъ вышелъ въ отставку, прервавъ этимъ свою, столь блистательно начавшуюся служебную карьеру. Это, пожалуй, можно сопоставить съ словами Молчалина Чацкому:

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

Также и съ отзывомъ о Чацкомъ Фамусова:

Не служитъ... то есть въ томъ онъ пользы не
находитъ....

И съ неполнѣ ясными словами Чацкаго о себѣ:

> Я самъ къ нему (мундиру) давно ль отъ нѣжности
> отрекся...

Слова эти могутъ быть истолкованы и такъ, что Чацкій служилъ въ военной службѣ и недавно вышелъ въ отставку. Но все это такъ неопредѣленно, такъ приложимо ко многимъ лицамъ того времени, и лучше всего, кажется, къ самому Грибоѣдову, что отнести эти мѣста комедіи именно къ Чаадаеву невозможно. Грибоѣдовъ тоже стоялъ близко къ очень высокопоставленнымъ лицамъ и уклонялся отъ ихъ знакомства, служилъ противъ воли, увлекся военной службой и скоро вышелъ въ отставку. Къ нему же въ то время въ порядкѣ большей степени, чѣмъ къ Чаадаеву, можно было отнести похвалу Фамусова: онъ славно пишетъ, переводитъ и т. д.

Замѣтимъ еще, что, хотя выходъ Чаадаева въ отставку произвелъ въ свое время и большое впечатлѣніе, но это собственно было петербургское событіе, и Чаадаевъ былъ петербургскимъ львомъ, ставши москвичомъ лишь съ 1826 г. по возвращеніи изъ-за границы, куда онъ уѣхалъ послѣ отставки, да и то онъ еще значительное время по пріѣздѣ въ Россію прожилъ главнымъ образомъ въ деревнѣ. При сопоставленіи съ этимъ того факта, что предположеніе Пушкина высказано было въ 1823 г., становится очевиднымъ, что Пушкинъ, заподозривая Грибоѣдова въ желаніи осмѣять Чаадаева, ожидалъ видѣть въ комедіи совсѣмъ не то, что тамъ оказалось написаннымъ, и судилъ по слухамъ, основаннымъ, вѣроятно, на томъ, что ему сообщали о Чацкомъ, какъ о лицѣ выдающемся по своей манерѣ разговора, очень самостоятельномъ, смѣломъ, дерзкомъ, за то и нетерпимомъ окружающимъ его петербургскимъ обществомъ. У Пушкина и могло явиться сопоставленіе предполагаемаго героя комедіи Грибоѣдова и Чаадаева, исторія котораго была еще памятна, или, вѣрнѣе, у кого либо изъ его корреспондентовъ, сообщившаго Пушкину свой домыселъ.

Манера беседовать въ обществѣ у Чаадаева, насколько о томъ сохранились извѣстія, дѣйствительно напоминала Чацкаго; но это была манера всѣхъ свѣтскихъ ораторовъ того времени, выработавшихся подъ вліяніемъ популярныхъ тогда Шиллеровскихъ монологовъ; подобно Чацкому вели себя въ обществѣ почти всѣ декабристы, и наше поколѣніе еще застало и видѣло иныхъ, какъ будто скопированныхъ съ Чацкаго по манерѣ разговора. Но, въ тоже время, что общаго во взглядахъ между Чаадаевымъ, доходившимъ въ увлеченіи западной Европой до крайностей, и Чацкимъ, національнымъ романтикомъ, возстававшимъ противъ употребленія у насъ иностранныхъ языковъ, даже иностранной одежды, и желавшимъ, чтобъ русскимъ суждено было перенять у китайцевъ «премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ». Между тѣмъ изъ записной книжки Грибоѣдова видно, что онъ въ этомъ отношеніи раздѣлялъ взгляды Чацкаго, точно также, какъ и многіе въ то время, особенно декабристы въ родѣ Рылеева или Пестеля.

Словомъ, я считаю домыслъ, что Чацкій скопированъ съ Чаадаева, совершенно неудачнымъ и даже полагаю, что вообще поиски за образцомъ для Чацкаго навсегда останутся безплодными; это, если можно такъ выразиться, образъ коллективный—изображеніе передового человѣка своего времени, отразившее главнымъ образомъ личность самого автора, но съ поправками, заимствованными изъ разныхъ источниковъ: и изъ положительныхъ литературныхъ образовъ (Альцестъ Мольера, Маркизъ Поза Шиллера), и изъ наблюденій надъ образованнѣйшею молодежью того времени и, наконецъ, изъ какихъ либо индивидуальныхъ фактовъ, слишкомъ мелкихъ и потому намъ уже недоступныхъ, не смотря на всѣ розысканія.

Тѣмъ не менѣе Чаадаевъ былъ настолько крупною фигурою въ свое время, что меня нисколько не удивило бы появленіе его въ «Горе отъ ума». О томъ, что онъ изображенъ въ Репетиловѣ, какъ говорилъ будто бы

Шатиловъ, не узнавшій себя въ этомъ комическомъ лицѣ, не стоило бы и упоминать: Репетиловъ прямая противоположность Чаадаеву и по біографіи и по характеру. Но, мнѣ кажется, къ Чаадаеву сильно подходитъ одно изъ лицъ, о которомъ говоритъ Чацкому Репетиловъ, называя лучшихъ, по его мнѣнію, людей своего кружка:

Но, если генія прикажете назвать—
Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ эдакихъ людей бы сѣчь-то
Да приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отъискать
Его отрывокъ: Взглядъ.... и нѣчто....
О чемъ бишь нѣчто? Обо всемъ! *)
Все знаетъ! Мы его на черный день пасемъ!

Удушьевъ—фамилія явно указывающая на Чаадаева, онъ—геній, знаменитый своими сочиненіями, которыхъ однако не написалъ; впрочемъ, онъ напечаталъ гдѣ-то отрывокъ подъ такимъ мудренымъ названіемъ, что Репетиловъ его позабылъ: не то взглядъ на...., не то нѣчто о...; на что взглядъ, или о чомъ нѣчто, этого-то Репетиловъ и не помнитъ, но знаетъ, что въ этомъ отрывкѣ говорится рѣшительно обо всемъ. Какъ въ этой блистательной характеристикѣ не узнать сочиненій Чаадаева? А въ заключеніе еще и прибавлено, что отъ Удушьева ждутъ чего то необычайнаго въ «черные» дни. Именно такъ и смотрѣли москвичи на Чаадаева. Личности Чаадаева и Удушьева до того напрашиваются на сравненіе, что меня даже удивляетъ, какъ ихъ сходство не было до сихъ поръ замѣчено; я боюсь,

*) Я въ этихъ двухъ строчкахъ расположилъ знаки препинанія такъ, чтобы рѣчь дѣйствительно была репетиловскою.

что открываю Америку послѣ Колумба и что такое сопоставленіе уже гдѣ либо и промелькнуло, но мнѣ осталось неизвѣстнымъ.

Очень было бы интересно знать, когда созданъ былъ Грибоѣдовскій Репетиловъ съ его характеристикою людей своего кружка? Если до 1826 г., и это еще не было бы особенно сильнымъ возраженіемъ противъ отожествленія Чаадаева съ Удушьевымъ, такъ какъ, повторяю, Чаадаевъ былъ уже и тогда очень популяренъ, и притомъ близокъ къ Грибоѣдову, вообще не пощадившему въ комедіи друзей (Шатиловъ—Репетиловъ былъ его пріятель, Бѣгичевъ—Горичевъ ближайшій другъ); а. если еще до 1823 г., то оправдался бы до нѣкоторой степени и намекъ Пушкина. Но, если Удушьевъ явился послѣ 1826 г., тождество его съ Чаадаевымъ представляется мнѣ несомнѣннымъ.

Репетиловъ говоритъ, что Удушьевъ гдѣ-то въ журналѣ напечаталъ какой то отрывокъ; между тѣмъ неизвѣстно ни одной журнальной статьи Чаадаева, напечатанной до 30-хъ годовъ. Собственно говоря, вопросъ о томъ, печаталъ ли что либо Чаадаевъ въ 20-хъ годахъ, или нѣтъ? спеціально трактованъ еще не былъ, и можетъ, пожалуй, оказаться въ какомъ нибудь малоизвѣстномъ журналѣ Чаадаевскій отрывокъ «философическаго» характера, тамъ затерявшійся; но и отсутствіе его ничего не значило бы: Грибоѣдовъ не обязанъ былъ приписывать Репетилову очень точное знаніе литературныхъ явленій своего времени; точно также могъ онъ привнесть «отрывокъ» и для лучшей характеристики самого Удушьева; наконецъ, знаменитыя философическія письма Чаадаева, именно заключающія въ себѣ взгляды на все и нѣчто обо всемъ, хотя и напечатаны были послѣ 1836 г., но написаны гораздо раньше: Пушкинъ читалъ ихъ въ рукописи въ 1830 г.; зная, какъ медленно работалъ Чаадаевъ, какъ долго не выпускалъ онъ продуктовъ своего пера изъ портфейля, рѣшаясь на это очень неохотно, безошибочно можно предположить, что его письма были сочинены до 1829 г., а потому

Грибоѣдовъ, вслѣдствіе пріятельскихъ отношеній къ автору, могъ познакомиться съ ними, тоже въ рукописи, во время сочиненія комедіи.

Прежніе коментаторы «Горе отъ ума» угадывали подъ Удушьевымъ то Пестеля, то Якубовича, то кн. Вяземскаго; но все это домыслы очень неудачные, ни одно изъ этихъ лицъ на Удушьева не похоже. Ни Пестель, ни Якубовичъ въ Москвѣ никогда не жили и писателями не были; ничего общество отъ нихъ и не ожидало; ихъ работа была подпольная; кн. Вяземскій наѣзжалъ въ Москву, здѣсь его знали; но, наоборотъ, писалъ тогда онъ очень много и его бойкія и остроумныя статьи не могутъ ничего общаго имѣть съ «взглядами и нѣчто» Удушьева.

Для кн. Вяземскаго мѣста въ комедіи нѣтъ, точно также и для Пестеля, котораго идеалы, впрочемъ, были довольно сходны съ идеалами Чацкаго; но жизнь была совершенно не похожа, да, кажется, Грибоѣдовъ и не зналъ его вовсе. Что же касается Якубовича, по крайней мѣрѣ часто встрѣчавшагося съ Грибоѣдовымъ на одной дорогѣ, то, ужъ если искать его портретъ въ комедіи, то не въ Удушьевѣ и не въ Воркуловѣ Евдокимѣ (ихъ тоже пытались сопоставлять), сладкомъ пѣвцѣ, ничего общаго неимѣющемъ съ отчаяннымъ говорѣзомъ Якубовичемъ, а скорѣе всего, въ Лохмотьевѣ Алексѣѣ, который по мнѣнію Репетилова:

...Прекрасно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ (для Россіи) лѣкарства:
Желудокъ больше не варитъ.

Якубовичъ былъ въ свое время дѣйствительно крайній либералъ, что и доказалъ 14 декабря 1825 г.; только едва ли Грибоѣдовъ, хотя и врагъ Якубовича, послѣ этого бросилъ бы въ него (а тѣмъ болѣе въ Пестеля!) своей сатирой. Иные видятъ въ Лохмотьевѣ декабриста же Якушкина или Барона Алексѣя Ивановича Черкасова; ни основанія для такого предположенія, ни самыя лица мнѣ недостаточно ясны; но, кажется, и это произвольные домыслы.

Я знавалъ нѣкогда въ Одессѣ М. А. Волкова, изъ извѣстной московской барской семьи, хорошо знакомой Грибоѣдову. Этотъ Волковъ уже старикомъ славился пѣніемъ итальянскихъ арій; онъ скорѣе подходитъ къ Воркулову, но не могу сказать, былъ онъ въ Грибоѣдовское время юношей или еще ребенкомъ; онъ сильно молодился и лѣта его были проблематическія.

Не знаю, обратилъ ли кто изъ коментаторовъ комедіи вниманіе на любимую фразу въ пѣніи Воркулова: А нонъ ла шьяръ ми, но-но-но! (такъ напечатано въ изданіи Шляпкина; въ другихъ тоже въ такомъ родѣ), всегда печатавшуюся по-русски; ее слѣдовало бы печатать и безъ указанія, что она означаетъ и вообще означаетъ ли что-нибудь,—между тѣмъ легко видѣть, что это итальянская фраза: Ah! non lasciarmi! no, no, no! Ахъ! не оставляй меня! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! какъ ее, конечно, долженъ былъ произносить Репетиловъ, человѣкъ для этого достаточно образованный (а, если по-русски, то: А! нонъ лашьярми! но, но, но!); печатаются же по-французски слова графини внучки въ началѣ IX явленія III дѣйствія. Очевидно фраза Воркулова взята изъ какой-то итальянской оперы, но изъ какой? Пусть поищутъ и сообщатъ наши меломаны *).

Отъ кого-то изъ стариковъ я давно слышалъ, что семья князей Тугоуховскихъ списана не со князей Шаховскихъ (что отрицалъ, впрочемъ, и самъ авторъ), а съ князей Ухтомскихъ, но подробностей я уже не припомню; фамиліи же звучатъ довольно сходно, что у Грибоѣдова бываетъ (Горичевъ—Вѣтичевъ, Репетиловъ—Шатиловъ), хотя и невсегда.

Ал. Маркевичъ.

28 генваря 1895 г. Одесса.

---

*) Покойный проф. Яковлевъ послѣ того сообщилъ мнѣ, будто бы онъ какъ-то слышалъ отъ О. Миллера, что эта фраза извлечена изъ какой-то итальянской политической пѣсни, помѣщенной въ сборникѣ, носившемъ названіе Echo d'Italia.

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

LXXIII. Květy, Ročník XVIII. Прага 1896 г. Ред.-издатель Владиміръ Чехъ. Цѣна годоваго изданія 10 „злотыхъ“ (гульденовъ).

Этотъ научно-литературный ежемѣсячникъ, выходящій втеченіе 18 лѣтъ, много лѣтъ уже издается при участіи одного изъ лучшихъ чешскихъ поэтовъ беллетристовъ Святополка Чеха; научныя и переводныя статьи вѣдаются третьимъ участникомъ временника извѣстнымъ романистомъ Серв. Геллеромъ. Книги выходятъ обыкновенно въ объемѣ 8 печатныхъ листовъ, издаются очень опрятно, даже изящно и обыкновенно бываютъ снабжены художественно исполненными или характеристичными рисунками. Изданіе ведется очень умѣло и искусно и пользуется въ чешскомъ читающемъ обществѣ большимъ сочувствіемъ, а въ литературѣ родной немалымъ вліяніемъ. Въ немъ участвуютъ лучшіе представители чешской словесности, каковы Ярославъ Верхлицкій, I. Арбесъ, Ант. Клаштерскій, I. Тужимскій, Ю. Зейеръ, Павелъ Дурдикъ, А. Мужикъ, К. Адамекъ, Фр. Геритесъ, Я. Квапилъ и мн. др.; каждая книжка снабжена недурною иллюстраціею къ какой-либо народной пѣснѣ, что выходитъ очень мило и занимательно.

За настоящій годъ мы встрѣтили слѣдующія болѣе любопытныя статьи, повѣсти и стихотворенія: переводы съ русскаго—напримѣръ изъ Ант. Чехова, Немировича-Данченка, Влад. Тихонова; Zbořeny chram, стихотв. Святополка Чеха изъ новой книги его „Modlidby k Neznámému“, нѣсколько новыхъ стихотворныхъ переводовъ изъ Леконта де-Лиля, принадлежащихъ перу Ярослава Верхлицкаго, давшаго также и нѣсколько прекрасныхъ самостоятельныхъ произведеній; у людоѣдовъ на Суматрѣ—статья д-ра Павла Дурдика, длинная работа г. Тужимскаго о болгарской журналистикѣ и журналистахъ, „Яйце—мѣстопребываніе послѣдняго короля Босніи“ изъ путевыхъ записокъ извѣстнаго чешскаго этнографа-музыканта Люд. Кубы и мн. др.

1

LXXIV Jaro Hilbert: Vina, drama v 3 dějstvích. Прага 1896 г. (Вина, драма въ 3 дѣйств.).

Это драматическое произведеніе неизвѣстнаго доселѣ даровитаго автора имѣло въ Прагѣ большой успѣхъ, объясняющійся въ данномъ случаѣ ничѣмъ инымъ, какъ именно значительною талантливостью его. Сколько намъ извѣстно, авторъ пьесы, инженеръ по образованію, уже давно пытаетъ свои силы въ писательствѣ, и только извѣстная скромность и понятная нерѣшительность удерживала его отъ печатанія написаннаго. Данное произведеніе—первое изъ написанныхъ имъ вещей, явившееся въ печати.

Первое, что бросается въ глаза въ данной пьесѣ, это—крайняя ея несложность, простота построенія. Все содержаніе укладывается въ трехъ дѣйствіяхъ, происходящихъ въ одномъ мѣстѣ и на протяженіи одного дня; дѣйствующихъ лицъ всего пять: мать—госпожа Марякова, ея дочь Мина, сынъ Юрій, ваятель, затѣмъ ихъ знакомый Станиславъ Гошекъ, молодой писатель, и нѣкто г. Углирь. Все это дѣлаетъ пьесу весьма удобоисполнимою и для самыхъ малыхъ и бѣдныхъ сценъ, а также и для домашнихъ представленій. Вотъ вкратцѣ сущность этого произведенія.

Двадцатитрехлѣтняя дѣвица Мина Марякова и молодой идеалистъ писатель Гошекъ, пріятель ея брата, любятъ другъ друга, чѣмъ очень недовольна сама госпожа Марякова, много терпѣвшая отъ матеріальныхъ и разныхъ другихъ невзгодъ еще при жизни мужа-писателя и потому не видящая добра отъ этого брака. Нужно еще замѣтить, что сама госпожа Марякова была въ молодости влюблена въ одного опернаго пѣвца и даже, обладая хорошимъ голосомъ, думала сдѣлаться пѣвицею. Обстоятельства сложились такъ, что ей пришлось выйти замужъ за нелюбимаго человѣка, съ которымъ она мало ладила; отсюда ея нелюбовь и къ дочери, во впечатлительномъ и вспыльчивомъ характерѣ которой она находитъ много сходства съ своимъ покойнымъ мужемъ. Юрій напротивъ очень любитъ сестру и готовъ ей всячески содѣйствовать. Въ этомъ состоитъ завязка пьесы. Коллизія ея заключается въ слѣдующемъ. Бѣдная Мина, или Вильма

(Вильгельмина), будучи еще шестнадцатилѣтней дѣвушкою была обольщена Углиремъ, который скоро послѣ того изчезъ изъ Праги, получивъ мѣсто на сахарномъ заводѣ. Обстоятельство это, неизвѣстное никому въ семьѣ, лежитъ тяжелымъ бременемъ на бѣдной дѣвушкѣ, которая чувствуетъ, что честь обязываетъ ее открыть свою вину влюбленному въ нее Гошку, и, будучи не въ силахъ сдѣлать это, все откладываетъ и откладываетъ объясненіе. Какъ разъ въ это время является въ домъ Маряковой Углирь. въ качествѣ покупателя одного изваянія, сдѣланнаго Юріемъ подъ названіемъ „Горе". Углирь знакомится, къ ужасу Мины, со всѣмъ семействомъ, такъ какъ оказывается сыномъ того пѣвца, въ котораго была когда-то влюблена госпожа Марякова... Покупка изваянія была для Углиря лишь предлогомъ для появленія въ домѣ Маряковой: на самомъ дѣлѣ онъ явился просить руки Мины. Послѣдняя, чувствуя, что Углиремъ, какъ человѣкомъ самымъ обыкновеннымъ, руководитъ въ данномъ случаѣ не страстная любовь, а просто разсчетъ имѣть женою приличную, умную и развитую дѣвушку, къ тому же не питая къ нему никакого другого чувства, кромѣ ненависти, отказываетъ ему. Углирь стращаетъ ее, грозя все открыть, разсказать обо всемъ Гошку. Въ концѣ концовъ этотъ идеалистъ, узнавши обо всемъ отъ самой Мины изъ ея письма, обрушивается на нее съ ужаснымъ гнѣвомъ и бранью и уходитъ изъ дому. Домашнія отношенія такъ складываются для бѣдной дѣвушки, что ей ничего не остается болѣе, какъ, осыпавъ мать цѣлымъ градомъ упрековъ, согласиться на предложеніе Углиря. Является Гошекъ, проситъ у нея извиненія, соглашается взять ее, какою она есть, она отказывается отъ этой, по ея мнѣнію, жертвы, прощается съ нимъ и, улучивъ время, кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Этотъ бѣглый пересказъ содержанія пьесы, конечно, не можетъ дать понятія о томъ глубокомысліи, какимъ характеризуются многія мѣста ея, разговоры, положенія, о той свѣжести, съ какою трактуется въ ней вопросъ о взаимномъ отношеніи двухъ половъ, о той, наконецъ, неподдѣльной чувствительности и силѣ, съ которыми написаны многія сцены. Таково, напримѣръ, хотя бы то мѣсто во второмъ дѣйствіи, гдѣ бѣдная,

изстрадавшаяся, ищущая ласки, полноты материнскаго сочувствія Мина, услышавъ тоскливое пѣніе матери у фортепьяно, бросается къ ней съ воплемъ отчаянія и надежды и, затѣмъ, будучи ею отвергнута, впадаетъ въ мрачную безнадежность!

Переводъ разсмотрѣнной пьесы на русскій языкъ очень желателенъ: она могла бы послужить къ нѣкоторому освѣженію нашей сцены.

LXX Стефанъ С. Бобчевъ: Кратъкъ учебникъ за Българска та история отъ найстаро врѣме до днесь. Пловдивъ. 1895 г. 134 стр. Ц. 1 левъ (1 франкъ).

Эта небольшая книжка, выдержавшая уже четыре изданія, можетъ быть очень пригодна для лицъ, которыя пожелали бы въ краткомъ, немногословномъ обзорѣ ознакомиться съ болгарской исторіей до самаго послѣдняго времени. Согласно общему воззрѣнію автора на значеніе учебной книги (разсматриваемая книжка его—учебное руководство), новѣйшая исторія Болгаріи изложена пространнѣе сравнительно съ древнею. Книжка, по признанію самого автора, составлена по трудамъ извѣстнаго К. Иречка; ее во всякомъ случаѣ нужно признать составленною вполнѣ цѣлесообразно и добросовѣстно. Она состоитъ изъ 19 главъ, въ послѣдней изложена „Русско турска война и свободна България“; въ 16 главѣ находимъ недурной очеркъ церковно общественнаго и политическаго возрожденія болгаръ (110—127 стр.), написанный довольно живо и понятно при всей его краткости. Изъ мелкихъ промаховъ въ книгѣ укажемъ утвержденіе на Ш стр., что Александръ Благословенный царствовалъ уже въ 1793 г. (?!)...

LXXVI Г. Воскресенскій: Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по 112 рукописямъ XI—XVI в.в. Москва 1896 г. Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ У—тѣ, книга 176, М. 1896 г.).

Г. Воскресенскій уже давно извѣстенъ въ нашей ученой литературѣ по Славяновѣдѣнію такими обстоятельными

и важными трудами, какъ „Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в. М. 1879 г., „Древне-славянскій Апостолъ. I посланіе къ Римлянамъ. Сергіевъ Посадъ 1892 г.“ и др. Такія и имъ подобныя работы важны тѣмъ, что приближаютъ насъ къ рѣшенію вопроса о томъ славянскомъ первоязыкѣ, на который былъ сдѣланъ первый переводъ важнѣйшихъ богослужебныхъ книгъ, каковы: евангеліе, апостолъ, псалтырь, избранныя службы церковныя, и о тѣхъ судьбахъ и превратностяхъ, какимъ подвергся онъ втеченіе вѣковъ, вслѣдствіе вольныхъ (исправители) и невольныхъ (переписчики) измѣненій текста.

Трудъ Воскресенскаго отличается замѣчательною филологическою тщательностію и отчетливостью исполненія и можетъ служить образчикомъ того, какъ слѣдуетъ исполнять подобныя работы.... Вотъ послѣднія, заключительныя строки книги: „Такимъ образомъ нынѣшній нашъ евангельскій текстъ находится въ прямомъ родствѣ съ древнимъ переводомъ, который оставили намъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, свв. Кириллъ и Меѳодій. И нынѣ на ихъ апостольскомъ трудѣ воспитываются православныя чада русской церкви“.

LXXVII Фр. Миклошичъ. Изобразительныя средства славянскаго эпоса (чит. въ засѣд. Вѣнской академіи наукъ 3 іюля 1889 г.). Перев. А. Е. Грузинскаго. Москва 1895 г. 34 стр. in 4°.

Трудно, не видѣвъ самой этой работы, повѣрить, до какой степени богатый матеріалъ заключенъ въ ней! Рѣчь идетъ не только объ огромномъ, иногда даже исчерпывающемъ предметъ, количествѣ примѣровъ и фактическихъ данныхъ: нѣтъ, само теоретическое изложеніе блещетъ иной разъ замѣчательно отчетливыми или глубокими опредѣленіями, яркими положеніями. Количество примѣровъ сравнительно невелико лишь въ отношеніи къ болгарскому эпосу, что зависѣло отъ недостатка болгарскаго матеріала, находившагося въ распоряженіи покойнаго Миклошича; но, какъ видно изъ заключительныхъ строкъ разсматриваемой нами работы, этотъ недостатокъ восполненъ статьею Н. Бойчева „Изобра-

женіе-то въ българска-та народна епика", составленною по плану Миклошичеваго чтенія и напечатанною въ X выпускѣ извѣстнаго изданія болгарскаго М. Народ. Просвѣщенія „Сборникъ за народни умотворенія".... (См. объ этомъ изданіи наши отзывы въ „Филологическ. Запискахъ" за 1893 г. вып. I, 41 стр. и вып. IV, 84 стр.).

Нельзя не привѣтствовать отъ всей души появленія въ русскомъ переводѣ Миклошичева чтенія: оно будетъ полезно для нашихъ филологовъ вообще и въ частности теоретиковъ словесности не только по богатству своего содержанія, обильнаго фактическимъ матеріаломъ, но и по самому методу изложенія. Не одинъ изъ читателей этой брошюры будетъ благодаренъ автору также и за приложеніе списка источниковъ, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ авторовъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что весь матеріалъ книжки распредѣленъ по слѣдующимъ 4 отдѣламъ: I. Медлительность, II. Повтореніе (состоитъ изъ 8 подотдѣловъ), III. Постоянные эпитеты и IV Сравненіе.

Указанная нами книжка представляетъ собственно оттискъ изъ I выпуска трудовъ новообразовавшейся Славянской коммиссіи при Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ „Древности" (Москва 1895 г.) являющейся какъ бы зерномъ, изъ котораго со временемъ выростетъ, вѣроятно, самостоятельное Славянское ученое общество, котораго еще доселѣ недоставало Россіи и ея наукѣ. Необходимо же наконецъ объединиться русскимъ славяновѣдамъ. (см. ниже).

LXXVIII Zkažená krev, соч. Lad. Stroupežnický. Эта психологическая картинка въ одномъ дѣйствіи написана съ свойственнымъ автору искусствомъ на тему о вліяніи наслѣдственности на образованіе духовнаго склада людей. Таковою въ пьесѣ является дѣвушка Барушка, пораженная страшнымъ нравственнымъ недугомъ—воровствомъ, непобѣдимая страсть къ которому унаслѣдована ею отъ одержимыхъ тѣмъ же недугомъ родителей. Будучи во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ порядочной дѣвицей, любимая хорошимъ молодымъ человѣкомъ и любящая его, она въ концѣ концевъ,

вслѣдствіе вышеуказаннаго порока, лишена счастія выйти замужъ и отвергается даже собственнымъ отцомъ. Пьеса съ точки зрѣнія драматическаго построенія выполнена мастерски, но страдаетъ со стороны содержанія именно нѣкоторыми психологическими натяжками и можетъ быть слишкомъ ужъ прямолинейнымъ трактованіемъ вопроса о наслѣдственности (Co se z kočky narodí, bude vždy jen myši chytat" говоритъ въ пьесѣ Карасекъ, дѣдъ молодаго человѣка, желающаго жениться на Барушкѣ).

LXXIX Staré povĕsti české. Vypravuje Alois Jirásek. 1894 г. Изд. Вилимкова. А. Ирасекъ—въ области исторической повѣсти и романа, конечно, лучшій изъ чешскихъ писателей. Названное произведеніе его отличается обычными, свойственными этому писателю достоинствами и представляетъ собою прекрасный вкладъ въ чешскую историкобеллетристическую библіотеку, еще не очень богатую, къ сожалѣнію. Юношество съ особенной пользою и удовольствіемъ можетъ черпать изъ трудовъ Ираска и свѣдѣнія о дорогой народной старинѣ и любовь къ ней. Да и вообще этотъ писатель, котораго одинъ изъ чешскихъ критиковъ назвалъ „načelník našich romănopiscův" (Svĕtozor, 1894 г. № 51) въ статьѣ „[Literatura"]—превосходный разсказчикъ, и, какъ образчикъ его замѣчательнаго искусства и дара изложенія, можно указать, напримѣръ, на книгу „Z Cĕch až na konec svĕta".

Повѣсти въ разсматриваемой книжкѣ выбраны авторомъ произвольно и не поставлены между собою въ тѣсную связь; нѣкоторыя взяты изъ языческаго времени жизни чешскаго народа, другія уже изъ христіанскаго времени, а иныя опять касаются жизни и событій древней Праги. Есть образцы древнечешскихъ сказаній и пророчествъ, сказокъ изъ разныхъ мѣстностей чешской земли и т. д. Кое-что касается также Моравіи и земли Словаковъ. Вообще книга очень богата содержаніемъ, а, по изложенію, повторяю, превосходна.

LXXX J. S. Machar: Zde by měly růže... Lyricka dramata. (1891—4 г.) 77 вып. „Kabinetní knihovna“. Изд. Ф. Шимачка. Magdalena его же.

Обѣ эти книжки тѣсно связаны между собою содержаніемъ, въ которомъ поэтъ, повидимому, желалъ представить разные типы современной женщины: супругу, мать, старую дѣву, художницу, даже женщину легкаго поведенія и т. д. Дарованіе автора въ этихъ книжкахъ еще замѣтнѣе и сильнѣе, чѣмъ въ прежде изданныхъ имъ (наприм. Třetí kniha lyriky, Pêle—Mêle и др.) и кромѣ того отличается болѣе спокойнымъ тономъ и чисто художественнымъ взглядомъ на жизнь. Упрековъ, гнѣва, горькихъ размышленій, чѣмъ такъ богаты были прежнія поэтическія произведенія этого даровитаго автора, здѣсь почти нѣтъ. Въ г. Махарѣ новая чешская поэзія пріобрѣла далеко незауряднаго дѣятеля, и мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ названныя книжки. Особенно хороши въ первой изъ нихъ: Prolog, Dva listy u Epilog. Для уясненія читателямъ беллетристическихъ пріемовъ Махара приводимъ краткое содержаніе соціальной поэмы „Магдалена“, послужившей, между прочимъ къ обвиненію поэта въ безнравственномъ направленіи. Молодой богатый чехъ Юрій, получившій высшее образованіе, но не сумѣвшій себя ни къ чему пристроить, ведетъ разсѣянную жизнь пустаго свѣтскаго щеголя гранильщика мостовой пражскаго Прикопа (лучшая улица въ Прагѣ). Въ одномъ изъ домовъ терпимости онъ наталкивается на несчастную Люси „Маргариту среди Венеръ“ и, проникнувшись къ ней жалостію, принимаетъ живое участіе въ ея несчастной долѣ. Оказывается, что мать ея давно умерла, сама же она содержитъ не только себя, но и пьяницу отца (вліяніе Достоевскаго!), прогнаннаго со службы учителя. Юрій увозитъ дѣвушку къ своей теткѣ, благотворительной старухѣ, чрезвычайно любящей племянника. Совершивши сгоряча такое дѣяніе, молодой человѣкъ скоро пожалѣлъ о немъ. При такой неустойчивости его характера дѣвушка легко угадываетъ нравственную его сущность и разочаровывается въ немъ особенно послѣ того, какъ имѣла случай убѣдиться, что это вовсе не человѣкъ высо-

кихъ нравственныхъ требованій, какимъ она его считала, а такой же жалкій развратникъ, какъ и остальная свѣтская молодежь. Появленіе отца Люси, успокоившагося только послѣ полученія выкупа отъ Юрія, и другія обстоятельства вынуждаютъ этого послѣдняго уѣхать съ теткою и Люси изъ Праги въ ближній небольшой городокъ. Въ городкѣ двѣ партіи, враждующія между собою вовсе не изъ за общественныхъ выгодовъ и интересовъ, чѣмъ прикрывается эта вражда, а по пустымъ частію личнымъ и мелкимъ счетамъ самаго пошлаго свойства. Личности пріѣзжихъ привлекаютъ общее вниманіе скучающихъ горожанъ, падкихъ до всего новаго. Во время одного гулянья Люси натыкается въ лѣсу на чахоточнаго студента, признаннаго въ городкѣ за Якобинца вслѣдствіе проповѣдываемаго имъ соціально-этическаго ученія. Люси чувствуетъ невольную симпатію къ бѣдному юношѣ. Безпокойный пропойца—отецъ появляется и въ этомъ городкѣ, раскрываетъ тайну Юрія и возбуждаетъ въ городскихъ кумушкахъ своими разсказами лицемѣрное презрѣніе къ бѣдной, отверженной Люси. Она сначала не знаетъ причины перемѣны обращенія съ нею, но больной студентъ, при встрѣчѣ съ нею, объясняетъ ей все, обрушивается своими рѣчами противъ лицемѣрія общества и грустно замѣчаетъ, въ отвѣтъ на ея желаніе начать новую, честную жизнь, что „буржуа не позволятъ этого. Между тѣмъ Юрій принимаетъ участіе въ избирательной борьбѣ партій, по случаю выборовъ, является кандидатомъ радикальной партіи, произноситъ жгучія рѣчи, а враги стараются очернить его, пользуясь для этого его отношеніями къ Люси. Органъ партіи Юрія „свободный гражданинъ“ опровергаетъ всѣ эти нападки, и Юрій продолжаетъ пользоваться успѣхомъ среди избирателей. Въ чаду успѣха онъ врывается какъ-то въ комнату Люси и начинаетъ цѣловать, но она съ негодованіемъ вырывается отъ него и убѣгаетъ изъ дому, чѣмъ развязываетъ Юрію окончательно руки, къ его тайному удовольствію. Дѣло въ томъ что чахоточный студентъ, съ похоронъ котораго Люси только что возвратилась предъ появленіемъ Юрія въ ея комнатѣ, сталъ особенно ей близокъ и милъ по своимъ воззрѣніямъ... Люси хочетъ уто-

питься, но, раздумавшись, возвращается съ отчаяніемъ опять въ тотъ ужасный домъ, откуда она когда-то бѣжала, полная надеждъ, вслѣдъ за Юріемъ.

Я. Махаръ выступилъ въ литературѣ очень недавно, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и добился извѣстности очень скоро, такъ какъ въ его произведеніяхъ молодежь находила отраженіе того, что волновало и ее самоё, тѣхъ проклятыхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ философскихъ и соціальныхъ задачъ, надъ которыми она охотно останавливалась, чѣмъ главнѣйше и характеризовалось ея основное настроеніе. „Старые" не любили Махара за проявлявшееся имъ неоднократно критическое отношеніе къ національной чешской идеѣ и другимъ явленіямъ чешской общественной и политической жизни. Правда, не былъ націоналистомъ и Верхлицкій; но этотъ послѣдній, сдѣлавшись безпочвеннымъ поэтомъ—космополитомъ, по крайней мѣрѣ, не дѣйствовалъ разрушительно по отношенію къ чешскому національизму, а Махаръ именно сталъ его подрывать во имя той литературной эволюціи, какая совершается во Франціи и вообще на западѣ. Махаръ не только поэтъ, онъ и критикъ, а именно, его статья въ Маскрыковомъ временникѣ «Naše doba», совершенно развѣнчавшая извѣстнаго Витѣзелова Галька, особенно возмутила „старыхъ" и вызвала въ чешской литературѣ необычайное полемическое возбужденіе, въ самомъ разгарѣ котораго именно въ 1894 году вышло и разсмотрѣнное эпическое произведеніе этого поэта „Magdalena", обвиненное въ безнравственности. Чрезвычайный успѣхъ этой поэмы объясняется не только той глубокою соціальной мыслью, какая могла увлечь „молодыхъ", но и крупными художественными достоинствами, въ которыхъ она не уступаетъ лучшимъ произведеніямъ Верхлицкаго, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже и превышаетъ ихъ...

LXXXI Ant. Klašterský: Srdce i duše. 74 вып. „Kabinetni knihovna".

Стихотворенія г. Клаштерскаго отличаются замѣчательною задушевностію и искренностію тона и вмѣстѣ простотою,

почти граничащею съ безъискусственностію. Особенно хорошо въ названной книжкѣ стихотвореніе „Nad hrobem Jana Nerudy“, въ которомъ пріятно поражаютъ читателя значительная сила выраженія и убѣжденность. Міровоззрѣніе даровитаго поэта, въ основѣ своей пессимистическое, не обнаруживаетъ однако же полной безнадежности и отчаянія. Жизнь, при всѣхъ ея тягостяхъ, есть все-таки долгъ, опредѣленіе человѣка, которое онъ долженъ сносить терпѣливо, стараясь находить въ этомъ своемъ назначеніи какія либо высокія удовлетворенія, напримѣръ, въ красотахъ поэзіи и вообще искусства, въ сочувствіи къ ближнему и т. п. Вотъ основной взглядъ поэта.

LXXXII A. V. Šmilovského spisy výpravné. Вып. IX. Na Čerstvém vzduchu. Изд. Фр. Шимачка въ Прагѣ. 1894 г.

Кругъ читателей Шмиловскаго, писателя, столь своеобразнаго со стороны слога, состоялъ, какъ извѣстно, еще и при жизни его, изъ наиболѣе образованныхъ любителей родной литературы. Любители такъ называемаго „легкаго чтенія“ не долюбливали его: онъ былъ не для нихъ по серьезному складу своихъ повѣстей, по высокимъ мыслямъ о писателѣ, какъ учителѣ своего народа, по общему возвышенному взгляду на значеніе литературы. Выходящее въ свѣтъ полное собраніе сочиненій этого симпатичнаго писателя, конечно, доставитъ большое удовольствіе тѣмъ изъ читателей его, которые въ свое время съ интересомъ слѣдили за появленіемъ отдѣльныхъ его произведеній.

Заглавія двухъ половинъ настоящей книги (Sladké ne Smysly, Vážné pravdy) прямо указываютъ на двѣ душевныя области, въ которыхъ приходится вращаться, конечно, каждому, а не только дѣйствующимъ лицамъ, которыя выведены авторомъ: доктору Яворнику, дѣвушкѣ Мелѣ, заводчику Гайну съ женою, убогому актеру Елинку и пр.

LXXXIII Jaroslav Vlček: Prvi novočeská škola basnická. Прага 1896 г.

Г. Волчекъ пріуготовляетъ себѣ путь къ изложенію исторіи новаго времени чешской литературы своей книгой „Dějiny české literatury“ отдѣльными монографіями. Такова и вышедшая.

Изложеніе начинается указаніемъ стихотвореній—

В. Тама вышедшихъ въ 1785 г. и не имѣющихъ, по признанію автора, особеннаго значенія тѣмъ болѣе, что они слишкомъ рабски слѣдовали своимъ нѣмецкимъ образцамъ. Гораздо болѣе важнымъ явленіемъ признаетъ онъ появившееся въ 1795 г, „Sebrání básní“ Пухмайера, который де своею стихотворческою дѣятельностью, не смотря на всю свою подражательность нѣмцамъ, приготовилъ все-таки новыхъ дѣятелей на полѣ чешской словесности, при томъ соединившихся въ довольно тѣсный, патріотически настроенный, поэтическій кружокъ по образцу нѣмецкихъ кружковъ и давъ ходъ просодіи Добровскаго, разработалъ на чешской почвѣ много новыхъ поэтическихъ родовъ и видовъ; серьезнаго содержанія и задачъ эта литература, впрочемъ, не имѣла: тогдашніе поэты сочиняли преимущественно въ анакреонтическомъ (любовномъ и простодушно игривомъ) тонѣ, иногда брались за баллады съ сухимъ нравственно-поучительнымъ направленіемъ, за колкія эпиграммы и т. п. Замѣтимъ кстати, что недавно о Пухмайерѣ вышла дѣльная книжечка I Махала „Ant. I. Puchmayer“ Прага 1896 г.

Поэзію эту авторъ называетъ чешскимъ рококо. Во II главѣ предлагается историческій очеркъ развитія этого литературнаго рококо на средневѣковой почвѣ Франціи и Германіи.

Книжка Волчка вообще очень любопытна и необходима въ исторіи чешской литературы. Можно желать побольше такихъ монографій и этюдовъ, благодаря которымъ разъяснится немало темныхъ сторонъ и неясныхъ вопросовъ въ исторіи начальныхъ годовъ чешскаго литературнаго возрожденія. Тогда, можетъ быть, во-очію увидятъ читатели то

плачевное состояніе, въ какомъ находилось чешское стихотворство того времени, лишенное истинной поэзіи, и поймутъ что, напримѣръ, поддѣлка Краледворской рукописи въ это время была просто невозможна, немыслима, не могла быть произведена никѣмъ. Волчекъ, признающій поддѣльщикомъ Ганку, въ концѣ концовъ, ежели будетъ добросовѣстно въ своемъ изложеніи держаться строго фактической стороны дѣла, долженъ будетъ, конечно, отказаться отъ своего страннаго предположенія.

LXXXIV Iosef Holeček „Zájezd na Rus“. 1896 г. Прага. вып. I.

Голечекъ—извѣстный чешскій путешественникъ и путеписатель, чьи прекрасные очерки Черногоріи и Россіи составляютъ украшеніе родной его словесности. Думаемъ, что не меньшими достоинствами будетъ отличаться и вышеписанное сочиненіе. Пока въ немъ излагается только остроумная бесѣда автора въ вагонѣ съ одною русскою супружескою четою, не признающею чеховъ, вслѣдствіе ихъ двоязычія, цѣльнымъ народомъ и называющею ихъ „Ianjohann'ами“.

LXXXV П. В. Владиміровъ. Введеніе въ Исторію Русской Словесности. Изъ лекцій и изслѣдованій. Кіевъ. 1896 г. VI+276 стр.

Отмѣчаемъ эту книгу, какъ обстоятельное и необходимое дополненіе къ извѣстнымъ историко-литературнымъ пособіямъ Галахова и Порфирьева. Преподаватели Русской Словесности, конечно, оцѣнятъ ее по достоинству, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она является пока единственной книгой, позволяющею разобраться въ огромномъ, накопившемся особенно въ послѣднее время, историко-литературномъ матеріалѣ; они будутъ, несомнѣнно, признательны сочинителю, взявшемуся за такой неблагодарный, хотя и въ высшей степени необходимый трудъ.

Книга состоитъ изъ слѣдующихъ 10 отдѣловъ: 1) Общее понятіе о предметѣ и исторія его разработки

2) Дохристіанскій періодъ въ жизни русскаго народа, 3) Русская народная поэзія и ея древнѣйшія основы, 4) Русскіе народные обряды и обрядовыя пѣсни (Колядки, дожинки и проч.; о щедровкахъ, къ сожалѣнію, почти ничего не сказано); 5) Русскіе народные заговоры 6) Русскія народныя загадки 7) Русскія народныя пословицы, 8) Сказки 9) Богатырскій эпосъ, 10) Дополненія къ первымъ пяти отдѣламъ.

При изложеніи исторіи и разработки вопроса указаны только важнѣйшіе труды и пособія; характеристики этихъ трудовъ сдѣланы иногда довольно обстоятельно, иногда же черезчуръ ужъ кратко; труды Пыпина только названы, хотя, по нашему мнѣнію, они настолько важны, что заслуживали бы болѣе внимательнаго къ нимъ отношенія. Еще разъ повторяемъ, что своей книгою авторъ сдѣлалъ довольно удачную попытку удовлетворить давно уже назрѣвшей необходимости. Желательно, чтобы онъ сдѣлалъ изъ своей книги удобное для средней школы сокращеніе, въ видѣ учебнаго введенія въ исторію русской словесности.

LXXXVI І. А. Коменскаго Лабиринтъ міра и рай сердца (1623 г.). Съ чешскаго перевелъ Ѳ. В. Ржига. Н.-Новгородъ 1896 г.

Наконецъ-то русская литература дождалась перевода этой прекрасной философскосатирической аллегоріи незабвеннаго славянскаго педагога, которой доселѣ недоставало намъ, хотя многія другія произведенія Коменскаго уже появились въ русскомъ переводѣ, а иногда даже и въ нѣсколькихъ (Такова, напр., его знаменитая „Великая Дидактика"). Особенное движеніе въ этомъ отношеніи обнаружилось у насъ, какъ извѣстно, съ 1892 года, когда праздновалось во всемъ образованномъ мірѣ, особенно же въ славянскихъ странахъ и у насъ на Руси, трехсотлѣтіе рожденія великаго славянина. И у насъ, какъ и на западѣ, образовались даже особые кружки и общества для изученія произведеній и идей основателя новѣйшей педагогіи и одного изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей своего времени. Конечно, лучшимъ и необходимѣйшимъ путемъ для этого должно служить воз-

можно болѣе широкое распространеніе если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ сочиненій его среди образованнаго общества...

Переводъ „Лабиринта Свѣта“, сдѣланный г. Ржигою, къ сожалѣнію, неполонъ; вѣроятно, по цензурнымъ требованіямъ и соображеніямъ (переводъ изданъ въ провинціальномъ городѣ, именно въ Нижнемъ-Новгородѣ), въ немъ опущено нѣсколько полныхъ главъ (18—21) и немало отдѣльныхъ болѣе мелкихъ мѣстъ, напр., § 4 въ 35 главѣ (Соломоново общество разогнано, перехвачено, позорною смертію истреблено), § 13 въ 32 главѣ (а § 13 наполовину сокращенъ) и др. Цѣликомъ опущенныя главы касаются своимъ содержаніемъ средневѣковаго христіанства (18), властей (19), военнаго состоянія (20) и дворянства (21). Неужели въ настоящее время, въ самомъ концѣ 19 столѣтія, чѣмъ либо могутъ быть оправданы подобные пропуски, на которые, конечно, столичная цензура не обратила бы никакого вниманія? Вѣдь очень странно же, что можетъ казаться опаснымъ для нашего времени писатель, дѣйствовавшій почти 300 лѣтъ тому назадъ и отнюдь не признаваемый зловреднымъ никѣмъ, кромѣ развѣ католической церкви, пороки и недостатки представителей которой онъ обличилъ и осмѣялъ съ такой необычайною силою, смѣлостью и страстью!

Что касается собственно достоинства перевода, то въ этомъ отношеніи онъ оставляетъ желать очень многаго, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не отличается ни гладкостью, ни изяществомъ, ни даже иногда просто правильностью. Конечно, главной причиною означенныхъ недостатковъ труда г. Ржиги является крайняя трудность переводить такую своеобразную вещь, какъ „Лабиринтъ Свѣта“, и нижеслѣдующія наши замѣчанія клонятся собственно къ тому, чтобы при слѣдующемъ изданіи своего труда переводчикъ могъ ими воспользоваться. Слѣдуетъ, напримѣръ, избѣгать такихъ неправильныхъ, съ точки зрѣнія русскаго словосочиненія, выраженій, какъ употребленное переводчикомъ на стр. 26: „Всюдубудъ и Обманъ стали меня уговаривать испытать бы самому это сословіе“. Мѣстоименіе: тотъ, та, то не всегда удобно употреблять вмѣсто: этотъ, эта, это или:

такой, такая, такое; примѣры такого употребленія находимъ на стр. 20, 22 и др., напримѣръ: такіе же, которымъ не хотѣлось тратить времени на то подробное испытаніе (вм. это или такое) (стр. 20). Иногда встрѣчаемъ неправильное употребленіе временъ; такъ, на стр. 20 находимъ: Когда же одному удалось оттолкнуть другого, то онъ самъ подвергался той же участи. (Стр. 20; нужно было употребить: удавалось); на стр. 24 находимъ: если одинъ спотыкался, падалъ и поранилъ себя (вм. ранилъ тебя). На стр. 20 вм. „обоего полу“ слѣдовало бы сказать: „обоего пола“; на 21 стр. въ предложеніи: (ворота), „которыя онъ назвалъ Обрученіе“ слѣдовало бы послѣднее слово поставить въ творительномъ падежѣ. На этомъ мы прекращаемъ наши замѣчанія, которыя можно было бы еще увеличить, заявляя все-таки, что своимъ трудомъ г. Ржига оказалъ русской литературѣ значительную услугу, за что нельзя не быть ему глубоко благодарнымъ.

LXXXVII Іоанна Амоса Коменскаго „Уставъ Материнской школы“ съ чешскаго подлинника «Informatorium školy mateřské» (1628 г.) перевелъ Ѳ. В. Ржига (съ портретомъ автора). Нижній Новгородъ 1893 г. Ц. 50 к.

Понемногу русская педагогическая литература начинаетъ обогащаться переводами замѣчательныхъ твореній великаго славянскаго мыслителя, отца новой педагогики, Амоса Коменскаго. Не можемъ не порадоваться появленію и настоящей книги въ русскомъ хотя и неважномъ переводѣ, книги, изъ которой видно, какъ еще задолго до Фребеля обстоятельно и глубоко была изслѣдована идея всесторонняго и посильнаго начальнаго образованія и развитія дѣтей...

Переводы педагогическихъ сочиненій Коменскаго должны живительно и благотворно повліять на развитіе и русской педагогики, долгое время находившейся подъ тяжелымъ и не всегда безвреднымъ вліяніемъ нѣмецкой педагогической мысли...

Переводъ разсматриваемой книги въ общемъ сносенъ; невидно, чтобы переводчикъ легко и свободно владѣлъ рус-

скимъ языкомъ; особенно часты промахи противъ правилъ русскаго словосочиненія (Вотъ, напримѣръ, хотя бы заглавіе III главы: Какъ молодежь просто безъ воспитанія и обученія отнюдь быть не можетъ? (?! Выражено не только неправильно, съ точки зрѣнія русскаго языка, но и неудобопонятно!). Вступительная статья начинается слѣдующимъ неправильнымъ предложеніемъ: Воспитательно-учебной науки I. А. Коменскаго четыре разряда: (Гдѣ же сказуемое?)

Переводчикъ, впрочемъ, сдѣлалъ все, что могъ, что было въ его силахъ, и мы, повторяю, должны быть ему благодарны за его трудъ, который, можетъ быть, явится побужденіемъ къ появленію въ свѣтъ другаго, болѣе, совершеннаго перевода, чего нельзя не пожелать отъ всей души.

LXXXVIII Dr. Jan Máchal: Ant. I. Puchmajer, příspěvek k dějinám české literatury. Прага 1895 г. 23 стр.

Въ послѣднее время замѣчается среди историковъ чешской литературы стремленіе основательнѣе изучить то время, когда именно, такъ сказать, родилась новая чешская словесность, и полнѣе, всестороннѣе раскрыть условія этого возрожденія и развитія. Дѣйствительно, тутъ многое еще недостаточно изучено, иное взято на вѣру; все вообще требуетъ пересмотра до такой степени, что извѣстный историкъ литературы Ярославъ Влчекъ, предпринявшій изданіе полной исторіи чешской литературы, счелъ необходимымъ, прежде чѣмъ продолжить изложеніе своей книги, предпринять частичное разслѣдованіе вопроса, слѣдствіемъ чего и было его недавнее изслѣдованіе о начинателяхъ новой чешской поэзіи конца 18 вѣка. (См. выше).

Изъ другихъ работъ этого рода можно отмѣтить также дѣльное изслѣдованіе I. Краля „O prosodii české (См. „Listy Filologické“ 1896 г.) очень нелишнее для всякаго, кто пожелалъ бы самостоятельно и вполнѣ критически отнестись къ извѣстному просодическому спору, ознаменовавшему собою новѣйшій разцвѣтъ чешскаго стихотворства. Къ разряду этого же рода работъ принадлежитъ и

книжечка г. Махала, пытающаяся вполнѣ самостоятельно, а не съ чужого голоса, опредѣлить значеніе извѣстнаго основателя новой чешской поэзіи Пухмайера. Почтенный чешскій ученый, на нашъ взглядъ, высказываетъ вполнѣ справедливый взглядъ, когда говоритъ, что Пухмайеръ не обладалъ никакимъ „особеннымъ поэтическимъ дарованіемъ“ (21 стр.) и что его самостоятельныя стихотворенія нисколько не лучше таковыхъ же г.г. Гнѣвковскаго, братьевъ Нейдлыхъ и т. п. Одно, что даетъ ему извѣстное преимущество предъ названными и другими его современниками, это то, что, быть можетъ, подъ вліяніемъ своего учителя, знаменитаго славяновѣда Добровскаго, онъ рѣшилъ заняться оплодотвореніемъ чешской поэзіи образцами и переводами изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, особенно польскаго и отчасти русскаго, что и дѣйствительно оказалось очень полезнымъ для роста чешской литературы.

Такъ онъ особенно цѣнилъ польскихъ стихотворцевъ Карпинскаго Франт., Княжнина Франт., Зиморовича Сим., переводилъ кое-что и съ русскаго, напр., ода его „O velebnosti božské“ взята изъ Хераскова. Г. Махалъ своей работою предлагаетъ очень обстоятельную поправку къ тѣмъ преувеличеннымъ мнѣніямъ о значительности Пухмайерова поэтическаго дарованія, которыя были высказываемы нѣкоторыми чешскими историками литературы, каковы Франт. Лепаръ и Ч. Ибль. Вопреки взглядамъ этихъ лицъ, Пухмайеръ, напр., при сочиненіи своихъ басенъ вовсе не подражалъ непосредственно Лафонтену, а просто довольно близко переводилъ ихъ изъ вышеупомянутаго Княжнина; мысль эта доказана у г. Махала цѣлымъ рядомъ сопоставленій, послѣ которыхъ у читателя не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости его взглядовъ; полонизмы въ языкѣ басенъ Пухмайера особенно наглядно свидѣтельствуютъ объ этомъ и подтверждаютъ правоту мнѣнія г. Махала. Самъ Пухмайеръ не отрицалъ (въ предисловіи къ „Фіалкамъ“), что очень многія изъ его произведеній заимствованы изъ французскихъ поэтовъ Жана Баптиста Руссо, Флоріана и Грессета, нѣмецкихъ Бюргера и Шиллера, польскихъ Княжнина и Карпинскаго; но сказано это въ слишкомъ общихъ

выраженіяхъ, и при отдѣльныхъ произведеніяхъ авторомъ не указаны ихъ источники. Отсюда возможность путаницы и неправильности въ сужденіяхъ о Пухмайерѣ со стороны позднѣйшихъ чешскихъ историковъ литературы; отсюда же выясняется и важность работы г. Махала, хотя и небольшой, но добросовѣстно опредѣлившей источники большей части произведеній Пухмайера. Вполнѣ самостоятельныхъ стихотвореній у Пухмайера оказывается, по соображеніямъ Махала, всего какихъ нибудь 10—12; все прочее заимствовано изъ чужестранныхъ поэтовъ.

LXXXIX Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени.' Составлена подъ руководствомъ Эрн. Лависса и Альфр. Рамбо. Перев. съ франц. В. Невѣдомскаго. Т. I. (395—1095 г.). М. 1897 г. 820 стр. Цѣна 3 руб.

Въ этой замѣчательной книгѣ, долженствующей представить собою синтезъ изъ всего сдѣланнаго доселѣ разными частными изслѣдователями (Тьерри, Фюстель де Куланжъ и др), удѣлено извѣстное, правда, все еще недостаточное, мѣсто и славянамъ (впрочемъ вмѣстѣ съ мадьярами и финнами): имъ посвящена XIV-я глава (718—769 стр.), ради которой мы собственно и упоминаемъ въ своихъ обзорахъ, посвященныхъ трудовъ по славяновѣдѣнію, о названной книгѣ. Составители и въ этой главѣ, какъ и въ другихъ, указываютъ литературу предмета, оказывающуюся однакоже далеко не полной; достаточно сказать, что не упомянуты, напримѣръ, весьма важные еще и доселѣ труды Воцеля по бытовой исторіи древнихъ славянъ... Русская наука, сдѣлавшая уже довольно много для древней исторіи славянъ, почти совсѣмъ не приводится, и счастливѣе другихъ нашихъ ученыхъ оказался только Пыпинъ (Исторія славянской литературы).

Переводъ сдѣланъ недурно, хотя собственныя имена исковерканы переводчикомъ, которому слѣдовало бы, кажется, знать хотя бы по имени, такихъ ученыхъ, какъ Константинъ Иречекъ, названный Жиречкомъ (?!) 769 стр.)

Напрасно также польскій историкъ, Бобржинскій названъ Бабрзинскимъ (768 стр.), чешскій князь Вячеславъ названъ Вѣнцеславомъ (756 стр.) и т. д. Но, кажется только этотъ упрекъ и можно сдѣлать переводчику, который раздѣляетъ его вообще съ русскими образованными людьми и даже учеными, мало свѣдущими въ славяновѣдѣніи.

LXXXX Anthologie z básní Jaroslava Vrchlického. (1875—1892 г.). Прага 1894 г. 639 стр. (Съ портретомъ поэта и автографомъ).

Это превосходное изданіе I. Отты, заключающее въ себѣ выборъ наилучшихъ и характернѣйшихъ стихотвореній лучшаго чешскаго поэта, всѣмъ доступно по цѣнѣ и всякому даетъ возможность изученія и самостоятельнаго сужденія о степени и свойствахъ поэтическаго дарованія Ярослава Верхлицкаго. Все изданіе состоитъ изъ слѣдующихъ 7 книгъ, между которыми стихотворенія распредѣлены по содержанію: I. Vlast (отечество) стихотворенія заключены въ 4 „циклахъ“). II. Lidstvo (человѣчество) 4 цикла) III. Priroda Природа, 5 цикловъ) IV. Umĕni (Искусство, 4 цикла) V. Laska (Любовь, 5 цикловъ) VI. Zivot—smrt (Жизнь—смерть, 5 цикловъ). VII. Genry, Pastely, Romance. Ballady, Legendy (3 цикла). Всего выбрано болѣе 320 большихъ и малыхъ стихотвореній, и противъ такого выбора едвали можно что возразить: повторяю, вошло, дѣйствительно, все лучшее и наиболѣе яркое!

Къ книгѣ приложена оцѣнка поэзіи Верхлицкаго, принадлежащая перу извѣстнаго польскаго переводчика стихотвореній этого поэта—Зенона Пржесмыцкаго (поэта Миріама).

Для русскаго читателя интересны стихотвореніе „Puškin u morĕ (Пушкинъ у моря, (637 стр.) и „Белладонна“ 390 стр. съ эпиграфомъ изъ Лермонтова.

LXXXXI Древности (Труды славянской коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ I. Изд. подъ ред. М. Н. Сперанскаго. Москва 1895 г.

Большой томъ in 4° (свыше 300 стр.) заключаетъ въ себѣ 4 изслѣдованія, библіографію и протоколы засѣданій Славянской коммиссіи съ разными приложеніями. Къ книгѣ прибавлены: а) фототипическій снимокъ съ любопытной рукописи второй половины XV в. „Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ", принадлежащей Московской духовной академіи (изъ Волоколамской обители) б) таблица нотъ трехъ былинъ (Вольга и Микула, Добрыня и Змѣй, Илья Муромецъ) и 7 рисунковъ въ текстѣ. Изданіе это настолько важно и любопытно, что продолженіе его, конечно, будетъ желательно для всѣхъ, кому дороги интересы славяно-русской науки. Можно даже желать, чтобы оно со временемъ обратилось въ повременное и стало объединителемъ для всѣхъ, кому такъ, или иначе приходится работать на нивѣ Славяновѣдѣнія: такое объединяющее русскихъ работниковъ изданіе, конечно, принесло бы огромную пользу русской наукѣ.

LXXXXII Svatopluk Cech. Pisně otroka. 5 изданіе. Прага 1895 г. (Святополкъ Чехъ: Пѣсни раба).

Эта прекрасная книжка состоитъ изъ 23 стихотвореній, посвященныхъ одному и тому же мотиву—положенію разныхъ видовъ рабства, столь ненавистнаго человѣчеству и столь однако же въ немъ распространеннаго. Пылкое чувство поэта и его живое воображеніе нашли здѣсь для себя благодарную почву, и многія страницы его сборника способны удовлетворить художественное чутье самаго взыскательнаго читателя. Особенно хороша наиболѣе крупная вещь въ сборникѣ XV-я (стр. 37—56)—трогательный и вмѣстѣ исполненный чрезвычайно мужественнаго чувства разсказъ раба о томъ, что случилось съ нимъ послѣ бѣгства въ пустыню; тамъ онъ нашелъ счастье въ любви тоже бѣжавшей въ пустыню дѣвушки—рабыни, счастье, омрачаемое лишь мыслію о тяжкой долѣ прочихъ рабовъ, томящихся въ неволѣ; счастье это было разрушено, когда онъ, по собственному побужденію, бросился защищать забѣжавшую въ пустыню старуху—рабыню, съ которою прежде раздѣлялъ муки невольничества, отъ гнавшихся за нею стражей: онъ былъ схваченъ ими, жестоко

избитъ и отведенъ опять къ суровому господину, а его милая была убита копьемъ одного изъ стражей. Несчастному осталась тогда въ жизни одна лишь отрада: воспоминанія о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ съ бѣдной Займой.

Содержаніе этой поэмы безъ названія, входящей лишь какъ одно изъ 23 звеньевъ въ общую цѣпь невольничьихъ пѣсенъ, какъ видитъ читатель, очень несложно; но оно, повторяю, отличается какой-то необычайно крѣпительною, бодрящей силою, основаніе которой заключается въ той вѣрѣ въ идеалъ, въ крѣпость лучшихъ альтруистическихъ началъ въ человѣкѣ, какою запечатлѣна вся поэма, какою живетъ, очевидно, самъ пылкій, гуманный авторъ.

Подъ стать скорбному и вмѣстѣ мужественному содержанію стихъ поэта отличается мѣстами какой то сосредоточенной, можно сказать даже, желѣзною силою. Есть мѣста, могущія доставить читателю въ этомъ отношеніи большое наслажденіе.

Вотъ, напримѣръ, дышащее замѣчательной искренностью и вмѣстѣ трогательностью молитвенное обращеніе рабовъ къ Богу: (XVIII стихотвореніе)

....О Боже нашъ! нашъ правый Боже, слышь.
Ты, Боже худыхъ рабў,
Енжъ (который) до злата свой олтарь не строишь,
све кнѣжи (своихъ священниковъ) до гедвабу (=бархатъ),
Енжъ тронишь въ красѣ природы
А въ простыхъ сьрдьци тлуку (біеніе сердецъ):
Ты велькій Боже свободы
Сву здвигни моцну руку
Зъ путъ одвѣкихъ (вѣковѣчныхъ) насъ выпрости.
Взтычь зъ праху наше главы
А свѣту въ храмехъ вольности
Свой звѣстуй законъ правый!

А. Степовичъ.

Необходимыя дополненія.

Къ стр. 142.

Съ выходомъ въ свѣтъ превосходнаго „Чешско-русскаго Словаря“ І. В. Ранка [появляется въ Чешской Прагѣ отдѣльными трехлистными выпусками, коихъ предположено 20; въ 1895 г. вышли 1 и 2 выпуски, въ 1896 г. 3 и 4; послѣднее слово въ 4 выпускѣ—klenot] словарь г. Вани, конечно потеряетъ всякое значеніе, такъ какъ онъ очень кратокъ и неполонъ. Къ сожалѣнію словарь г. Ранка выходитъ въ свѣтъ очень медленно, такъ что можетъ пройти еще года 2—3, прежде чѣмъ появится послѣдній, заключительный выпускъ. А это очень жаль, такъ какъ выходящій словарь Ранка по полнотѣ не только не будетъ уступать извѣстному чешско-нѣмецкому словарю Фр. Шумавскаго, обработанному тѣмъ же г. Ранкомъ, но, повидимому, даже превзойдетъ его. Такъ, сравнивъ оба словаря, мы нашли въ новомъ немало такихъ словъ, которыя отсутствовали въ старомъ; таковы, наприм., altan (бесѣдка), advent (Рождественскій постъ), brejle или brýle (очки), kartoun (ситецъ) и т. п. Конечно, достоинства или недостатки Ранкова чешскорусскаго словаря будутъ виднѣе по выходѣ въ свѣтъ его въ полномъ видѣ, но уже и теперь можно видѣть, сколь цѣнное пособіе найдутъ въ немъ для себя наши университетскіе студенты-филологи.

Къ стр. 145.

Въ выходѣ въ свѣтъ дальнѣйшихъ выпусковъ книги г. Волчка замѣчается перерывъ, объясняющійся, кажется, тѣмъ, что составитель взялся за отдѣльныя монографіи, цѣлью которыхъ, является, такъ сказать, разчистка дальнѣйшаго пути, особенно необходимая при вступленіи автора въ область новой чешской словесности. Таково и вышедшее недавно изслѣдованіе его о первой поэтической школѣ новаго періода чешской литературы „První novočeská Škola basnická“ Прага 1896 г. о которомъ было сказано выше. Необходимость появленія подобныхъ изслѣдованій достаточно объясняется существованіемъ въ исторіи новой чешской литературы нѣкоторыхъ недостаточно еще выясненныхъ явленій....

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. В. Горяевъ. Сравнительный этимологическій словарь русскаго языка.

(Тифлисъ 1896. Стр. 451+XL+LXII.)

Словарь Н. В. Горяева представляетъ весьма удачное продолженіе труда, доброе начало которому положено авторомъ еще въ 1872 году изданнымъ имъ: «Опытомъ сравнительнаго этимологическаго словаря литературнаго русскаго языка». Богатый матеріалъ, представляемый новымъ изданіемъ на цѣлыхъ 35 печатныхъ листахъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что въ протекшіе со времени появленія перваго «Опыта» три года на него было положено еще много усидчиваго труда. По собственному исчисленію автора, имъ приведено свыше 6400 этимологій. Какія бы возраженія ни были направлены критикой противъ отдѣльныхъ изъ этого огромнаго числа этимологій, они не въ силахъ будутъ уронить достоинства почтеннаго труда. Словаремъ, несомнѣнно, заинтересуются не одни истые филологи, но и неспеціалисты; особенную надобность въ немъ почувствуютъ преподаватели и не только русскаго языка, но и всѣ преподаватели древнихъ и новыхъ языковъ, заботящіеся о концентраціи въ преподаваніи. Самъ авторъ однакожъ не считаетъ и этого второго изданія своего словаря свободнымъ отъ ошибокъ, «почти неизбѣжныхъ по чрезвычайной трудности всякаго перваго труда» и уже помышляетъ о слѣдующемъ изданіи, въ которомъ «пополнятся пробѣлы, выбросится все лишнее и устранятся колебанія и противорѣчія между нѣсколькими приведенными на выборъ этимологіями». Въ виду этого считаю умѣстнымъ теперь же указать на нѣкоторые замѣченные мною недостатки словаря.

Начну съ ошибокъ и неточностей, придерживаясь алфавитнаго порядка разбираемыхъ словъ. При словѣ

алатырь авторъ, къ сожалѣнію, повторяетъ ошибочное объясненіе А. Н. Веселовскаго и Словаря русскаго языка, составленнаго Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, связывающихъ его со словомъ алтарь. Если бы авторъ и въ данномъ случаѣ держался своего сравнительнаго метода, онъ пришелъ бы къ иной этимологіи этого слова. Нѣмецкое Bernstein, означающее янтарь, есть искаженіе слова Brennstein [1]), чтó въ буквальномъ переводѣ значитъ «горючъ камень». Слово алатырь употребляется именно въ связи съ выраженіемъ «бѣлъ горючъ камень». Слѣдовательно, алатырь = Brennstein = Bernstein = янтарь = ἤλεκτρον. Такимъ образомъ устанавливается прочная связь словъ алатырь и ἤλεκτρον: алатырь вмѣсто ала(к)тырь.

Слово кабакъ Н. В Горяевъ, присоединяясь къ мнѣнію Миклошича, считаетъ тюркскимъ (стр. 125 и XXXIX). Можетъ быть авторъ склонится къ приведенному имъ мнѣнію Маценауера, если узнáетъ, что нѣмецкое Kabache означаетъ не только ветхую избу, какъ показано въ разбираемомъ словарѣ, но и шинокъ [2]).

Слово паперть Н. В. Горяевъ, связываетъ съ porticus (porta). Этимологія Н. В. Горяева, какъ и множество другихъ существовавшихъ до сихъ поръ этимологій этого слова, рѣшительно невѣрна. Слово паперть, заимствовано изъ греческаго языка: чтó и вполнѣ естественно, оно представляетъ искаженіе греческаго τὸ παράπτερον—крыльцо, ala ecclesiae [3]) крыло церковное (Остромирово Евангеліе, Матѳ. IV, 6. Тогда поятъ и диıаволъ въ с҃ты градъ и постави и на крилѣ цр҃къвьнѣемь. Τότε παραλαμβάνει αὐτὸν ὁ διάβολος εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν, καὶ ἵστησιν αὐτὸν ἐπὶ τὸ πτερύγιον τοῦ ἱεροῦ),

---

[1]) Dr. Joh. Christ. Aug. Heyses Deutsche Grammatik, стр. 83. Hermann Paul. Deutsches Wörterbuch. Halle, 1897, стр. 65. Bernstein aus dem Nd. aufgenommen; bernen ist nd. Form = brennen.

[2]) Hermann Paul. Deutsches Wörterbuch 1897, стр. 240. Kabache nordd. «schlechtes Häuschen», «Schenke».

[3]) Thesaurus graecae linguae ab Henrico Stephano constructus. Volumen sextum, pag. 368.

При словѣ патронъ греческое πάτρων предшествуетъ латинскому patronus. Такое расположеніе этихъ словъ надо признать крайне неудачнымъ, такъ какъ оно подаетъ поводъ къ представленію, во первыхъ, будто πάτρων—чисто-греческое слово и, во-вторыхъ, будто латинское patronus возникло изъ греческаго πάτρων, тогда какъ πάτρων есть только написанное греческими буквами латинское patronus. Πάτρων мало помогаетъ выясненію этимологіи слова патронъ. Латинское patronus находится въ такомъ же отношеніи къ pater, въ какомъ matrona къ mater [4]). На это Н. В. Горяевъ не указалъ.

Слово профосъ, вопреки заявленію Н. В. Горяева, возникло въ русскомъ языкѣ не съ Петра Великаго, а со времени царя Михаила Θедоровича. По свидѣтельству А. Н. Пыпина [5]), во времена царя Михаила въ русскій языкъ входятъ слова: капитанъ, майоръ, квартирмейстеръ, секретарь, региментъ-шульценъ, солдатъ, рейтеръ, фурирь, корпоралъ, сержантъ, ротмейстеръ, профосъ.

Французское cerceau (стр. 451), давшее русское серсо, произошло не отъ circulus, какъ указываетъ авторъ, а отъ circellus (ср. monceau отъ monticellus, réseau отъ reticellum).

Слово скипидаръ (стр. 414) авторъ производитъ отъ «кипѣть» и «даръ», которое приводитъ въ связь со словомъ «дерево». Эта этимологія сомнительна. Первая часть слова темна, но вторая, по всей вѣроятности, англійское «tar» (нѣм. Theer) деготь.

Слово скоморохъ (стр. 443) авторъ, слѣдуя Миклошичу, сопоставляетъ съ др. в. н. scamara=воръ, разбойникъ. Это ошибочно. Скоморохъ (уст. скомрахъ)

---

[4]) Theodor Mommsen. Römisches Staatsrecht. Dritter Band. I Abtheilung, 62 стр.

Theodor Mommsen. Römische Forschungen стр. 358.

[5]) Вѣстникъ Европы, 1894, октябрь, 751 стр.

въ связи съ классическимъ τὸ σκῶμμα, шутка, острота, (византійскимъ σκωμμάρχης?)

Солея происходитъ не непосредственно изъ латинскаго solium, а изъ византійскаго ἡ σωλέα.

То же самое должно быть замѣчено Н. В. Горяеву и относительно старо-славянскаго и древне-русскаго сударь: оно взято не непосредственно изъ латинскаго sudarium, а изъ византійскаго σουδάριον, которое въ Остромировомъ Евангеліи переводится словомъ оуброусъ (...καὶ ἡ ὄψις αὐτοῦ σουδαρίῳ περιεδέδετο Евангеліе отъ Іоанна 11, 44).

Слово сурожанинъ (Seidenwaarenhändler = продавецъ шелковыхъ товаровъ) Н. В. Горяевъ, кажется, ошибочно приводитъ въ связь со словомъ шелкъ: сурожане—торговцы, которые вели дѣла съ г. Сурожемъ, съ какимъ, неизвѣстно, по предположенію профессора В. О Ключевскаго, съ крымскимъ.

Слово треволненіе авторъ словаря напрасно считаетъ загадочнымъ въ первой его части; треволненіе—буквальный переводъ греческаго ἡ τρικυμία (Συνέχομαι κλύδωνι καὶ τρικυμίᾳ, μῆτερ, πταισμάτων.... Содержимь есмь бурею и треволненіемъ, мати, согрѣшеній...) Ср. треблаженный = τρισμακάριστος.

Слово топоръ (XL стр.) Н. В. Горяевъ считаетъ персидскимъ. Не лучше ли согласиться съ мнѣніемъ покойнаго профессора А. Л. Дювернуа, производившимъ топоръ отъ глагола тети (тепж), тяпнуть?

Глаголъ тузить образовался отъ существительнаго «тузъ»; на это указываетъ выраженіе «дать туза» (Д. В. Григоровичъ. Рыбаки. Изд. 1872 г. 176 стр. «Тотъ далъ легкаго туза. Никандрычъ завертѣлся турманомъ и т. д.).

Рѣшительно не можетъ справиться авторъ съ этимологіей слова турухтанъ: въ одномъ мѣстѣ (380 стр.) онъ выражаетъ сомнѣніе въ происхожденіи его изъ тюркскихъ языковъ; здѣсь (на 380 стр.) оно напоминаетъ ему нѣмецкое Truthahn; въ другомъ мѣстѣ (XVI стр.) онъ предлагаетъ сравнить его съ греческимъ

τρόχιλος, что́, возражу мимиходомъ, значитъ не турухтанъ, а трясогузка. Въ англійскомъ языкѣ эквивалентомъ слова турухтанъ служитъ the turkey-cock (=турецкій пѣтухъ); англійское названіе проливаетъ свѣтъ не только на русское турухтанъ, но и на загадочную первую часть нѣмецкаго Truthahn.

Нельзя согласиться съ авторомъ, что ст. сл. тьма всегда равнялось греческому μυριάς (стр. 382): иногда этимъ словомъ переводилось греческое τὸ σκότος, напр. тьма кромѣшная (Остромирово Евангеліе)—τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον. Кстати, словарь Н. В. Горяева не даетъ формы кромѣшный, а только церковно-славянскую кромѣшній.

Нельзя согласиться съ авторомъ, будто слова библія, катехизисъ заимствованы непосредственно изъ греческаго языка. Эти слова заимствованы черезъ посредство западно-русскаго или литовскаго языка; въ противномъ случаѣ они звучали бы: вивлія, катихисисъ (Катихисъ). Какъ извѣстно, докторъ Францискъ Скорина перевелъ Библію на западно русскій языкъ; первый опытъ Катихизиса принадлежитъ Лаврентію Зизанію, языкъ котораго также литовскій.

Можно было бы посовѣтовать автору сдѣлать дальнѣйшія разъясненія въ слѣдующихъ словахъ—

Слово бекеша авторъ считаетъ мадьярскимъ. Слѣдовало бы добавить, что названіе бекеши происходитъ отъ имени венгра Бекешъ, воеводы Стефана Баторія. Этимологію слова кирасиръ не мѣшаетъ довести до конца, прибавивъ французское cuir (кожа) и латинское corium.

Этимологія слова клевретъ (κολλίβερτος, collibertus) получила бы бо́льшую убѣдительность, если бы авторъ добавилъ, что въ Остромировомъ Евангеліи словомъ этимъ передавалось греческое σύνδουλος.

Объясняя лоцманъ (стр. 192) надлежало добавить, что англійское loadsman значитъ «провожатый».

Слово Честерскій (сыръ), по словамъ автора, произошло отъ англійскаго chester. Слѣдовало бы повести объясненіе дальше и указать, что англійское

chester возникло изъ латинскаго castra, какъ и вторая часть слова манчестеръ, котораго, замѣтимъ кстати, нѣтъ въ разбираемомъ словарѣ.

Объясняя слово тарантулъ, авторъ указываетъ на происхожденіе tarantola отъ г. Тарента. Оставалось добавить, что латинское Tarentum возникло изъ греческаго Τάρας [6]).

Можно было бы предложить Н. В. Горяеву сдѣлать дальнѣйшія сопоставленія въ слѣдующихъ словахъ: катафалкъ и эшафотъ сопоставить еще съ англійскимъ scaffold, каурый съ киргизскимъ кёр, матрацъ, съ англійскимъ mattress, налой съ нѣмецкимъ Lettner (изъ лат. lectorium) перстень съ греческимъ δακτύλιος, поэтъ (ποιητής) съ англійскимъ, a maker отъ to make—дѣлать, ругать съ нѣмецкимъ rügen, скринъ съ французскимъ écrin, слуга съ др. нѣм. der Hörige, [7]) стибрить съ нѣмецкимъ stibitzen (подтибривать) и англійскими thief (воръ), to thieve (воровать) и thievery (воровство), прусъ съ французскимъ sauterelle и нѣмецкимъ Heuschrecke = Heuspringer, слово турусы (тарасы) съ польскимъ taras (тюрьма, темница), слово шляхта съ италіанскимъ schiatta, [8]) нѣмецкимъ Adal или Adel, первоначально значившимъ родъ [9]) и англійскимъ gentry (отъ gens), а шляхтичъ съ латинскимъ gentilis, французскимъ gentilhomme, англійскимъ gentleman, область (об(в)ласть, объ и волость) съ греч. ἡ περίχωρος, недугъ, недужный съ греч. ἡ ἀσθένεια, ἄῤῥωστος.

Автору должна быть поставлена на видъ нѣкоторая неравномѣрность, несимметричность его словаря, напр. у него есть еврей, жидъ, нѣмецъ, полякъ,

---

6) Dr. Fr. Oscar Weise. Die griechischen Wörter im Latein. Leipzig 1882, стр. 45.

7) Theodor Mommsen. Römisches Staatsrecht. Dritter Band. I Abtheilung, 63 стр.

8) B. G. Niebuhr. Römische Geschichte, 355 стр.

9) Сочиненія Т. И. Грановскаго. Часть I, 151 стр.

русинъ, русскій, татаринъ, но отсутствуютъ испанецъ, италіанецъ, грекъ, калмыкъ, китаецъ, монголъ, самоѣдъ, турокъ, французъ, чукча, и другія названія народовъ; въ его словарѣ есть патронъ, нѣтъ матроны; тамъ есть сеттеръ, но нѣтъ слова пойнтеръ [10]); авторъ разбираетъ слово хамовники (ткачи столоваго бѣлья на дворецъ), но не касается слѣдующихъ ремесленниковъ, работавшихъ на дворецъ: бараши (мастера государевыхъ шатровъ, или палатокъ), бронники (поставлявшіе оружіе), кадаши (ткачи полотенъ на дворецъ, изъ которыхъ дѣлается бѣлье).

Этимологіи слова герцогъ удѣлено вниманія больше, чѣмъ этимологіи рядомъ стоящаго герольдъ: нѣмецкое Herzog разложено на составныя части her и zoge (Teer и ziehen). Также слѣдовало поступить и со словомъ Herold, heriwold (Heer и walten).

Въ словарь не занесены еще слѣдующія русскія и иностранныя слова: а) аляповатый, втихомолку, ермолка, заурядный, кондрашка, леденецъ, махорка, мухортый, навага, окольничій, отщепенецъ, орлянка, подзатыльникъ, попона, пресуществленіе, проволока, сумасбродъ, сусолы, (сусалы), тормашки, требесить, увалень, фуфыриться, хлаповень, чуфара, юдоль, б) багетъ, богема, готическій, дисконтъ, жеманство, инкрустація, интернатъ, исламъ, іордань, компетенція, культура, крахъ, крокетъ, лордъ, лэди, морганатическій, мушкетъ, мушкетеръ, негусъ, петунія, посполитый, престижъ, процедура, плебей, ребусъ, реверансъ, режимъ, сакелларій, субтильный, тромбонъ, турбина, фермеръ, ферула, фланеръ, шокировать, штамбъ и штампъ, штамповка, штукатурка, экспансивный, экспедиція, эмигрантъ, эмиграція, эспланада.

---

[10]) Этимологію обоихъ словъ даетъ И. С. Тургеневъ (Полное собраніе сочиненій. Т. X, 383 стр.): пойнтеръ (pointer отъ to point—показывать), сеттеръ (setter отъ to set —ставить, сажать).

Въ своей статьѣ «Греческія слова въ русскомъ языкѣ» [1]) я не имѣлъ въ виду исчерпывать обширнаго вопроса о переводныхъ грецизмахъ. Изъ приведенныхъ мною Н. В. Горяевъ ограничился лишь нѣкоторыми (XX—XXII стр.). Составителю сравнительнаго этимологическаго словаря русскаго языка слѣдуетъ оказать бо́льшее вниманіе такимъ грецизмамъ. Сверхъ показанныхъ въ моей брошюрѣ (76—79 стр.) укажу еще на слѣдующіе:

а) простые	
ближній	πλήσιος, ὁ
бѣсноватый	δαιμονιζόμενος
величать	μεγαλύνειν
искуситель	ὁ πειράζον
святцы	οἱ ἅγιοι
(отъ ед. свѧтьць)	
славить	δοξάζειν
язычникъ	ἐθνικός, ὁ
(языкъ = ἔθνος) [2])	
б) сложные	
благоволеніе	εὐδοκία, ἡ
благоговѣніе	εὐλάβεια, ἡ
благоговѣю	εὐλαβοῦμαι
благочиніе	εὐταξία, ἡ
благоутробіе	εὐσπλαγχνία, ἡ
богомерзкій	θεόστυγος
всеблаженный	παμμακάριστος
достодолжно	ἀξιοχρέως
духоборецъ	πνευματομάχος
душеполезный	ψυχωφελής
законоучитель	νομοδιδάσκαλος

---

[1]) Приложеніе къ Циркулярамъ по Московскому учебному округу за 1895 г. №№ 10 и 11.

[2]) Встанетъ бо языкъ на языкъ. (Матѳ. XXIV, 7).
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ.
Пушк. Пам.

исчадіе	ἀπόγονος
лжепророкъ	ψευδοπροφήτης, ὁ
лжесвидѣтельствую	ψευδομαρτυρέω
любостяжательный	φιλοκτήμων
миротворецъ	εἰρηνοποιός
многоглаголаніе	πολυλογία, ἡ
многогрѣшный	πολυαμάρτητος
нерукотворенный } нерукотворный }	ἀχειροποίητος
празднолюбецъ	φιλέορτος
празднословіе	ἀργολογία
предвѣчный	προαιώνιος
предопредѣляю	προορίζω
преставленіе	μετάστασις, ἡ
преобразую	προεικονίζω
пѣснопѣніе	ὑμνωδία, ἡ
рукотворенный	χειροποίητος
самовидецъ	αὐτόπτης
снисхожденіе	συγκατάβασις, ἡ
сладострастіе	ἡδυπάθεια, ἡ
стихотворецъ	στιχοποιός
во-свояси (своя, мн. ср.—си, себѣ)	εἰς τὰ ἴδια
по дѣлóмъ	κατὰ τὰ ἔργα

Къ занесеннымъ въ словарь казнодѣй, казначей, немощь, половой, шересперъ, шлафрокъ, шпулька слѣдуетъ присоединить познодѣй (Фонъ-Визинъ), казначея (монахиня экономка), немочь (черная), половой, шерешперъ, шлафоръ, шпуля.

Не мѣшало бы также привести старинныя формы словъ: архивъ, лепта, устрица, физіономія, а именно: архива (Капнистъ. Ябеда. 1798 г. Карамзинъ 1802 г. Вяземскій 1821 г.), лептъ (Державинъ 1798 г. Пушкинъ 1825 г. Жуковскій 1851—32), устерса (Петръ Великій 1712 г. Державинъ 1798. Гоголь 1841) физіогномія (Карамзинъ 1789, Гоголь 1842). Приводимому авторомъ слову «почечуй», вѣроятно,

предшествовало «чечуй», потому что въ указѣ Петра Великаго (1719 г.) встрѣчается прилагательное «чечуйный» [3]).

Нельзя не посѣтовать на нѣкоторую трудность, представляемую словаремъ, особенно для учащихся и неспеціалистовъ, при отыскиваніи словъ, такъ напр., держась алфавитнаго порядка, нельзя отыскать словъ коновалъ, кургузый, орясина, отлынивать, просакъ, пыжъ, рехнуться (рязнуться), скипидаръ, склепъ, сонмъ, хилѣть, хирѣть, шхеры, фря; ихъ надо искать при словахъ кобыла, гузка, ряса, лытка, сакъ, пухъ, рухъ, терпентинъ, клепать, сеймъ, хворать, скала, франтъ, что́ уже предполагаетъ знакомство съ этимологіями искомыхъ словъ.

Въ большинствѣ случаевъ авторъ приводитъ имя того ученаго, которому принадлежитъ этимологія того или другого слова; можно пожелать только, чтобы это дѣлалось имъ рѣшительно во всѣхъ такихъ случаяхъ; при словѣ тіунъ напр. слѣдовало бы назвать Розенкампфа и протоіерея Сабинина, а при словѣ *зги* (стр. 115) не мѣшало бы помянуть Микуцкаго, которому авторъ обязанъ этимологіею этого слова.

Въ заключеніе обращу вниманіе автора на опечатки, отъ которыхъ ему придется освободить слѣдующее изданіе своего полезнаго и интереснаго словаря:

Предисловіе 1	стр.	2	строка	сверху	четырмя	вм.	четырьмя
„ 2	„	4	„	„	нородовъ	вм.	народовъ
1	стр.	8	строка	сверху	αχάτης	вм.	ἀχάτης
10	„	3	„	„	противупо-ложность	вм.	противо-положность
69	„	5	„	„	Καλχας	вм.	Κάλχας
93	„	4	„	снизу	εὐδελεχέω	вм.	ἐνδελεχέω
104	„	1 и 2	„	„	μεθήμῶν	вм.	μεθ' ἡμῶν
167	„	2	„	„	χλίνη	вм.	κλίνη

[3]) Въ «Ревизорѣ» Н. В. Гоголя встрѣчаемъ фамилію Почечуевъ.

200	„	11	„	сверху	σμήγμα	вм.	σμῆγμα
203	„	2	„	сверху	almadraque	вм.	almadrague
209	„	7	„	снизу	αμυγδάλη	вм.	ἀμυγδάλη
231	„	14	„	сверху	άνήρ	вм.	ἀνήρ
246	„	8	„	снизу	παλαιά	вм.	παλαιὰ
277	„	13	„	„	бухвы	вм.	буквы
301	„	15	„	„	ὀρεσχάς	вм.	ὀρεσχάς
316	„	16	„	сверху	σέλενον	вм.	σέλινον
320	„	1	„	„	si(y)pop	вм.	si(y)rop
342	„	17	„	снизу	εἰσ	вм.	εἰς
354	„	17	„	„	эти	вм.	это
377	„	21	„	„	принужоать	вм.	принуждать
380	„	4	„	„	Thruthahn	вм.	Truthahn
382	„	1	„	сверху	τύλη	вм.	τύλη
385	„	14	„	„	zuzückblei-ben	вм.	zurückblei-ben
389	„	8	„	„	ефонич.	вм.	эвфонич.
391	„	17	„	снизу	φαλάγγίον	вм.	φαλάγγιον
442	„	5	„	„	пеликанч	вм.	пеликанъ
446	„	11	„	сверху	χάλος	вм.	χαλός
„	„	15	„	снизу	χατακυμβη	вм.	χατακύμβη
„	„	2	„	„	ὕδορ	вм.	ὕδωρ
448	„	2	„	сверху	λαβύριντος	вм.	λαβύρινθος
449	„	2	„	снизу	ὀκτωήχος	вм.	ὀκτώηχος
450	„	10	„	„	чиотый	вм.	чистый

Списки словъ I стр. 9 строка снизу по вытчикъ вм. повытчикъ
XXI стр. 4 строка снизу ἀγγουριον вм. ἀγγούριον
XXI стр. 7 строка „ митроролитъ вм. митрополитъ
XXI стр. 20 „ „ κένтανρος вм. κένταυρος
Указатель словъ IX, 8 стр. снизу μεθ-ἡμῶν вм. μεθ'ἡμῶν
„ „ XV, 12 „ сверху ὑάκινδος вм. ὑάκινθος

I. Линдеманъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Труды В. М. Добровскаго:

I. По языку.

1. **Къ ученію о славянскомъ глаголѣ.** Опытъ научной систематизаціи ученія въ связи съ рѣшеніемъ многихъ вопросовъ изъ области морфологіи и симазіологіи глагола (Филологическія Записки 1880—1888 г.г. Всего страницъ 721+VII. Изъ нихъ издано отдѣльною книгой въ 1882 году 218+VII стрв. кромѣ таблицъ дѣленія глаголовъ на классы Ц. 2 руб.).

2. **Начатки прикладного языкознанія, какъ науки о націонализмѣ.** Проэктъ. Отдѣльный оттискъ изъ «Фил. Зап.» 1889 г. Ц. 40 к.

3. **Къ начаткамъ прикладного языкознанія, какъ науки о націонализмѣ.** Двѣ статьи, критическія, по поводу «Общеславянскаго языка» проф. А. Будиловича. Въ «Фил. Зап.» 1894 г.

4. **Общеславянское назначеніе русскаго литературнаго языка.** Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Новороссійскомъ Университетѣ 11 мая 1892 г.— напеч. въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» 17 и 18 мая 92 г., а также въ отчетѣ Общества за тотъ же годъ.

5. **О постановкѣ языковъ въ гимназіяхъ.** Филол. Зап. 1881 г., вып. I.

II. По литературѣ.

6. **Тургеневъ, какъ великій поэтъ.** Актовая рѣчь въ Одесской Второй Гимназіи. Отд. оттиски: изъ «Новороссійскаго Телеграфа» и изъ «Филол. Зап.» 1883 г. Ц. 40 к.

7. **А. С. Пушкинъ, какъ оптимистъ, и его школа.** Рѣчь въ Одесской 2-ой Гимназіи, 1887 г. Отдѣльный оттискъ изъ сборника А. А. Матвѣева «Изъ міра наукъ и искусствъ». Ц. 50 к. (весь распроданъ).

8. **Поэзія Некрасова и ея значеніе въ русской литературѣ.** Актовая рѣчь въ Саратовской Гимназіи. Напеч. въ «Саратов. губерн. вѣдомостяхъ» за 1879 г.

9. Печатается въ «Фил. Зап.» и выйдетъ отдѣльнымъ оттискомъ: «**Просвѣтительная дѣятельность императрицы Екатерины Великой**». Рѣчь, произнесенная въ Одесской 2-ой Гимназіи по поводу столѣтія со дня (1796 г., ноября 6) кончины государыни.

III. По преподаванію литературы.

10. **О причинахъ малоуспѣшности въ дѣлѣ преподаванія русскаго языка и словесности**, въ связи съ вопросами о концентраціи учебно-воспитательной части нашей средней школы, о школьныхъ бесѣдахъ и переутомленіи учителей русскаго языка. Рефератъ (дополненный) въ Историко-Филологическомъ Обществѣ при Новороссійскомъ Университетѣ. Отд. оттискъ изъ «Фил. Зап.» 1894 г. Ц. 40 к.

11. **Очерки изъ современной поэтики** съ предисловіемъ. Очеркъ первый. Наука и поэзія на почвѣ логики. Отдѣльный оттискъ изъ «Фил. Зап.» 1897 года Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

„КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ".

Историческій романъ графа А. Толстого. (Критико-литературный очеркъ).

I.

Двадцать четвертаго августа текущаго 1897 года исполнится восемьдесятъ лѣтъ со дня рожденія извѣстнаго нашего поэта Алексѣя Константиновича Толстого, скончавшагося около двадцати двухъ лѣтъ тому назадъ (28-го сентября 1875 г.) въ своемъ Черниговскомъ имѣніи Красный-Рогъ. Свѣтлая, привлекательная личность покойнаго и безукоризненная нравственная высота его твореній даютъ намъ вполнѣ основательное побужденіе въ виду истекающей восмидесятой годовщины высказать нѣсколько посильныхъ замѣчаній объ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ, особенно въ дѣтскомъ міру, его сочиненій — «Князь Серебряный».

По своему литературному типу «Князь Серебряный» принадлежитъ къ романамъ такъ называемымъ историческимъ и вполнѣ заслуженно занимаетъ между ними довольно видное мѣсто. Возникнувъ первоначально въ Англіи въ первой четверти настоящаго девятнадцатаго столѣтія подъ перомъ знаменитаго поэта и писателя Вальтеръ-Скотта (1771—1832), историческіе романы скоро перешли и въ наше отечество и здѣсь съ легкой руки Загоскина и Лажечникова время отъ времени появляются все въ большемъ и большемъ количествѣ. Глубоко коренясь въ потребностяхъ нашего общества, въ его чисто житейскихъ, расчетливыхъ соображеніяхъ, историческіе романы обращаютъ на себя преимущественное вниманіе современной читающей среды, пользуясь съ ея стороны неподдѣльнымъ, искреннимъ сочувствіемъ и глубокимъ уваженіемъ. Отличительная черта этого рода художественныхъ созданій за-

ключается въ изображеніи исторической дѣйствительности. Выбирая своимъ содержаніемъ всегда и непремѣнно ту или другую минувшую эпоху, то или иное историческое событіе, историческій романъ имѣетъ своею задачею воспроизведеніе, возсозданіе, своего предмета въ возможной полнотѣ и точности. Отсюда историческій романъ не столько выдумываетъ и сочиняетъ, сколько высказываетъ факты истекшей дѣйствительности; онъ выставляетъ предъ нами не пороки и добродѣтели, но людей, какъ членовъ общества извѣстнаго времени, а изображая людей, рисуетъ и самое общество. Поэтому-то въ историческомъ романѣ «не самъ авторъ, не его образъ мыслей, не его тайное или явное пристрастіе должно говорить, но вызванные имъ люди минувшихъ дней, ихъ умы, ихъ предразсудки. Не его дѣло оправдывать, обвинять, подсказывать рѣчи и пр., его дѣло воскресить извѣстную эпоху во всей ея исторической истинѣ» (Бѣлинскій). Послѣднее обстоятельство не требуетъ однако отъ автора историческаго романа изображенія избраннаго имъ историческаго происшествія во всѣхъ его мельчайшихъ историческихъ подробностяхъ: это обязана сдѣлать исторія; романистъ же не историкъ, а поэтъ-художникъ. Какъ такой, онъ долженъ не излагать только всѣ факты извѣстнаго времени въ ихъ постепенной послѣдовательности, но выбрать изъ нихъ лишь тѣ, которые были бы болѣе пригодны для составленія полной, оживленной и единой картины характеризуемаго прошлаго, которые, какъ выпуклое стекло, подъ одною точкою зрѣнія отражали бы въ себѣ прошедшее. Въ этомъ-то смыслѣ мы и говоримъ, что историческій романъ долженъ быть вѣренъ исторической истинѣ, потому что историческая истина въ высшемъ значеніи этого слова состоитъ не въ точномъ только изложеніи происшествій, но—и это самое существенное—въ правдивомъ изображеніи развитія человѣческаго духа въ ту или другую эпоху. Отсюда художникъ романистъ долженъ «уловить самый духъ воспроизводимаго имъ историческаго факта, подслушать біеніе

пульса изображаемаго имъ времени, проникнуть въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его, сродниться и слиться съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ» и такъ отобразить избранную имъ историческую эпоху, чтобы въ его художественной картинѣ ясно была видна та живая идея, которую выразилъ извѣстный народъ въ воспроизведенный моментъ своего историческаго существованія. Вотъ почему дѣйствующія лица историческаго романа—особенно герои его необходимо должны быть не только обыкновенными историческими единичными личностями, но и личностями по возможности идеальными, т. е. отрѣшенными отъ случайнаго и частнаго, представителями того или другаго частнаго проявленія всеобщей народной идеи, типами носителей этихъ частныхъ проявленій, въ силу чего они и становятся вѣрными исторической дѣйствительности даже болѣе, чѣмъ сколько самая дѣйствительность вѣрна самой себѣ. Съ другой стороны, этимъ же объясняется возможность и даже необходимость во всякомъ истинно-историческомъ романѣ и поэтическаго вымысла, невыходящаго однако изъ предѣловъ естественности и правдоподобія. Все же это, взятое въ своей совокупности, необходимо должно вести къ народности, которая всегда и неизбѣжно служитъ существеннымъ признакомъ истинной художественности историческаго романа. Понятно, что народность въ историческомъ романѣ должна состоять не въ выборѣ только предмета изъ исторіи того или другаго народа, но главнымъ образомъ въ воспроизведеніи мыслей и чувствованій, обычаевъ, повѣрій и привычекъ, короче—въ изображеніи нравовъ, понятій и вѣрованій, сообщающихъ извѣстному народу въ данное время только ему одному свойственную особенность. Понятно также, что истинно художественный историческій романъ долженъ отличаться выдержанностію характеровъ, естественностію ихъ положеній, правдоподобностью событій и происшествій, или другими словами—вѣрностію, истинностью, живостію и вдохновеніемъ. Всѣмъ даннымъ требованіямъ и удовлетворяетъ въ весьма значи-

тельной степени упомянутый историческій романъ графа А. Толстого «Князь Серебряный».

II.

Предметомъ своего историческаго романа «Князь Серебряный» Толстой избралъ царствованіе Іоанна Четвертаго, частнѣе 1565-й годъ. Уже одно это достаточно свидѣтельствуетъ о крупномъ талантѣ автора. Царенiе Іоанна Васильевича Грознаго является въ нашей отечественной исторіи эпизодомъ, полнымъ романическаго, драматическаго и историческаго интересовъ, и представляетъ собою богатую жатву для поэта. Съ одной стороны, то было время внутренняго образованія и объединенія нашего государства подъ единодержавною властію царя. Самъ Іоаннъ Васильевичъ Грозный, виновникъ и носитель этого единодержавія, стоя во главѣ этой эпохи, возбуждаетъ къ себѣ глубокое вниманіе и не только какъ государственный дѣятель, но и какъ частный человѣкъ. Какъ государь, онъ важенъ для насъ тѣмъ, что довершилъ уничтоженіе удѣловъ и окончательно рѣшилъ мѣстный вопросъ. Удѣльная система и мѣстничество всегда служили двумя главными источниками внутренняго разъединенія и внутренней неурядицы въ нашемъ отечествѣ и неизмѣрима заслуга Іоанна въ подавленіи и уничтоженіи этихъ разъединяющихъ началъ нашего внутренняго государственнаго устройства. Но Іоаннъ занимателенъ и какъ частная, единичная историческая личность, занимателенъ по своей душевной настроенности, по своему суровому характеру, по своей свирѣпой и ужасающей дѣятельности. Это былъ замѣчательно сильный человѣкъ, требовавшій себѣ большаго развитія для своего великаго подвига и вслѣдствіе отсутствія онаго поневолѣ исказившійся и нашедшій свой исходъ, свою отраду въ безпощадной мести ненавистной и враждебной ему дѣйствительности. Недаромъ же память о Грозномъ такъ страшна и кровава, недаромъ величавый обликъ его живъ еще въ преданіи и

воображеніи народа. недаромъ наконецъ живетъ и самое названіе Грознаго. Съ другой стороны, время Грознаго было критическимъ моментомъ въ нашей исторіи. Достигнувъ первоначальной задачи государственнаго объединенія, государство наше трепетало надъ этимъ последнимъ, боясь снова потерять его и въ тоже время смутно отъискивая въ темнотѣ новые, еще только что обозначавшіеся пути своего дальнѣйшаго развитія; оно не знало еще хорошо, къ чему пристать и за что ухватиться. Этотъ-то критическій моментъ нашей народной жизни, моментъ, въ который у насъ только что создавалось внутреннее единеніе и неопредѣленно намѣчались дальнѣйшія задачи нашего государственнаго развитія, и представилъ Толстой въ своемъ вышеозначенномъ романѣ, выразивъ это вполнѣ наглядно въ цѣломъ рядѣ истинно-художественныхъ картинъ изъ быта и жизни того времени. Онъ вѣрно подмѣтилъ основу народной жизни временъ Грознаго, вѣрно уловилъ духъ ея и по однимъ болѣе или менѣе извѣстнымъ историческимъ происшествіямъ возстановилъ предъ нами цѣлое племя существъ, нѣкогда юныхъ, сильныхъ, полныхъ жизни и стремленій; изъ мрака забвенія поднялъ чудную исторію, полную страстей, движенія, занимательности; чудеснымъ замысломъ своей фантазіи вызвалъ тѣни изъ гробовъ и заставилъ ихъ снова переживать предъ нами всю жизнь свою. Вотъ отчего всѣ дѣйствующія лица его романа настоящія живыя лица, настоящіе живые люди, а не тѣни и призраки: ихъ чувства и побужденія добрыя и злыя вполнѣ истинны, отношенія другъ къ другу естественны Оттого-то и самый романъ Толстого читается съ увлеченіемъ: какъ дѣйствіемъ волшебной силы воскрешаетъ онъ предъ вами чудное прошлое, и вы, не на минуту не сводя съ него взоровъ своихъ, забываете для него свое настоящее. Вы легко и въ тоже время совершенно основательно по его роману можете изучить исторію затронутой имъ поры: событія ея переданы авторомъ настолько прекрасно, наглядно, и живописно и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько исторически

вѣрно, что тутъ есть и романъ, но тутъ же, можно сказать, есть и исторія, развивающаяся сама по себѣ, независимо отъ романа, но рядомъ съ нимъ и неизбѣжнымъ образомъ отражающаяся на судьбѣ его дѣйствующихъ лицъ. Историческіе дѣятели не выступаютъ здѣсь исключительно въ своемъ частномъ быту,—они остаются на своей общественной дѣятельности, хотя и не являются постоянно пребывающими на высотѣ, совершенно свободными отъ обыкновенной повседневвой обстановки.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ всего романа, героемъ его является молодой литовскій посланникъ князь Никита Романовичъ Серебряный. Въ этомъ нравственно гражданскомъ образѣ поэтъ выразилъ свои общественные идеалы, воспитанные на глубокомъ проникновеніи самыми жизненными началами народнаго духа. Князь Серебряный это—исторически вѣрный и вполнѣ художественный типъ старорусскаго земскаго человѣка, страстно преданнаго своему государю и благу отечества, всѣмъ сердцемъ и всею душою чувствовавшаго все добро и зло родной страны своей. За царя и отечество онъ готовъ идти, какъ говорится, въ огонь и въ воду и нельзя налюбоваться, глядя на этого чисто-русскаго человѣка. Съ самаго перваго своего появленія онъ привязываетъ васъ къ себѣ своимъ простосердечіемъ и искренностію, своею честностію и дѣтскимъ добродушіемъ, своею рѣшительностію и непоколебимою твердостію. Эти привлекательныя черты прекраснаго характера проглядываютъ даже и въ наружности Серебрянаго, и вы по всему чувствуете, что въ лицѣ этого человѣка говоритъ что-то родственное вамъ, что-то благородное и возвышенное; вы чувствуете. что хорошо за-одно съ нимъ жить и дѣйствовать. Недаромъ же Максимъ при первомъ взглядѣ на Серебрянаго почувствовалъ къ нему глубокое уваженіе и любовь. недаромъ онъ для его спасенія готовъ былъ пожертвовать самою своею жизнію, когда молодой опричникъ Өеодоръ Алексѣевичъ Басмановъ спустилъ на Серебрянаго мед-

вѣдя когда царь за его нападеніе на опричниковъ въ деревни Медвѣдевкѣ приговорилъ его къ смертной казни. Даже самъ Грозный, этотъ неумолимый каратель всѣхъ и каждаго по одному мелочному подозрѣнію или просто по прихоти, и тотъ испытывалъ какое-то непонятное для него чувство, какое-то неясное расположеніе къ Серебряному, когда наканунѣ казни, назначенной послѣднему за его справедливое нападеніе на опричниковъ въ домѣ Морозова, почти готовъ былъ его помиловать и приблизить къ себѣ и когда впослѣдствіи, дѣйствительно, назначилъ было его на видное мѣсто Ѳеодора Басманова. Вотъ почему вы шагъ за шагомъ слѣдите за дѣятельностію этого героя; вамъ желательно, чтобы онъ до конца остался вѣренъ своему благородному характеру, хотя бы ему и пришлось пасть жертвою своего благородства. И Серебряный, дѣйствительно всюду вѣренъ самому себѣ. Чистосердечная его преданность своему государю не умаляется въ немъ даже и тогда, когда онъ положительно узнаетъ о происшедшей въ его отсутствіе перемѣнѣ отношеній Іоанна къ своимъ подданнымъ; онъ не хочетъ даже и вѣрить тому, чтобы добрый государь, отецъ россійскаго народа, былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ ужасныхъ пытокъ и казней; онъ твердо былъ убѣжденъ, что «обошли» государя его приближенные и потому уговариваетъ Годунова внушить эту мысль царю. Прямота его характера, чисто-нравственная его дѣятельность доводятъ его самого до казни, по приказанію Грознаго, и въ то самое время, когда совѣсть его совершенно оправдываетъ въ возводимой на него винѣ и когда ему представляется полная возможность избѣжать незаслуженной кары, онъ все-таки не рѣшается уйти изъ темницы и тѣмъ нарушить волю государя и только насиліе Перстня да Митьки уноситъ его изъ рукъ палача. Оттого-то онъ, не смотря на всѣ убѣжденія Морозова не ѣздить въ слободу, потому что тамъ угрожаетъ ему неминуемая погибель, все-таки ѣдетъ къ царю и даже просьбы Елены, которую онъ любилъ всѣмъ существомъ своимъ, не могутъ

удержать его въ Москвѣ. Онъ негодуетъ на царскихъ измѣнниковъ, на людей, укрывающихся отъ царя, въ родѣ Курбскаго. Вполнѣ вѣрный своему крестному цѣлованію, онъ не только самъ возвращается къ царю послѣ своей битвы съ Татарами, но убѣждаетъ и приводитъ въ повиновеніе государю и станичниковъ. Самая просьба его въ сторожевой полкъ къ Жиздрѣ и та свидѣтельствуетъ о глубокой его преданности царю. Серебряный не могъ присутствовать при Грозномъ, не возмущаясь поступками его приближенныхъ, не терзаясь сердечною скорбію о неразуміи царя, и ему лучше было удалиться отъ послѣдняго. Любовь Серебрянаго къ своему государю переходитъ и на царское семейство. Съ какимъ жаромъ бросается онъ на выручку царевича, когда узнаетъ отъ своего стремяннаго Михеича, что опричники везутъ его привязаннымъ къ сѣдлу на Поганую Лужу! Мигомъ садится онъ на водовознаго коня, забываетъ даже, что у него нѣтъ оружія, и во всю конскую прыть несется въ погоню за кромѣшниками. Налету онъ ударяетъ Малюту по щекѣ, опрокидываетъ его на землю, выхватываетъ у него саблю и уже готовъ ею нанести ударъ ему, какъ самъ, окруженный со всѣхъ сторонъ опричниками, принужденъ защищаться отъ нихъ и только валежникъ да подоспѣвшіе станичники спасли его отъ неминуемой смерти. Съ нападеніемъ разбойниковъ, онъ отводитъ царевича въ сторону, освобождаетъ его отъ узъ и во все время борьбы охраняетъ его, а потомъ съ радостію препровождаетъ его во дворецъ. Не измѣнилъ Никита Романовичъ и своей преданности отечеству. Любовь къ послѣднему была у него настолько же, если не болѣе, сильна, какъ и привязанность къ царю и его семейству. Съ самаго начала романа онъ является дѣятелемъ на государственномъ поприщѣ и безукоризненно исполняетъ возложенныя на него обязанности. Какъ въ дѣлахъ дипломатическихъ, такъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ является истиннымъ патріотомъ и всюду преслѣдуетъ законно, вполнѣ согласно съ своимъ нравственнымъ характеромъ,

и какъ-то поневолѣ чувствуешь, что этотъ человѣкъ— истинно—русскій герой, истинно русскій сынъ отечества. Съ какимъ усердіемъ старается онъ о заключеніи выгоднаго мира съ Литовцами и, когда этотъ миръ не состоялся, съ какимъ жаромъ бросается онъ снова въ борьбу съ нашими врагами. Не меньшимъ негодованіемъ исполняется онъ и тогда, когда получаетъ вѣсть о набѣгѣ Татаръ на Рязанскія земли; онъ убѣждаетъ станичниковъ идти съ нимъ на враговъ отечества и, когда это убѣжденіе подѣйствовало, съ радостію бросается на Татаръ. Такъ и виденъ здѣсь старорусскій земскій человѣкъ съ своею хотя нѣсколько грубою, тѣмъ не менѣе истинно-геройскою природою, готовый пожертвовать всѣмъ, чѣмъ можетъ, только бы сослужить должную службу своей родинѣ. А какъ благороденъ порывъ гнѣва Серебрянаго, когда онъ узнаетъ, что опричники грабятъ и разоряютъ цѣлыя села и деревни!—

«Царь указалъ обижать народъ!» — восклицаетъ онъ. «Ахъ они окаянные! Да кто они такіе! Какъ вы ихъ разбойниковъ не перевяжете!»

И дѣйствительно, при первомъ же появленіи опричниковъ въ деревнѣ Медвѣдевкѣ съ своими спутниками— во время грабежа и насилія, онъ бросается на нихъ съ своими ратниками, разбиваетъ ихъ на-голову и спасаетъ поселянъ отъ неминуемаго кровопролитія и разоренія; такимъ же является онъ и при нападеніи опричниковъ на домъ Морозова, гдѣ собственноручно ранилъ изъ нихъ семь человѣкъ, хотя въ томъ и другомъ случаяхъ едва не поплатился за свои дѣйствія собственною жизнію. Не удалось однако Никитѣ Романовичу избѣжать смерти въ борьбѣ за отечество: онъ палъ въ войнѣ съ Литовцами, защищая послѣднее. Столь же вѣрнымъ своему благородному характеру является Серебряный и какъ частный человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ Еленѣ, Морозову и другимъ подобнымъ личностямъ, съ которыми приходилось ему сталкиваться. Елена была для него любимымъ существомъ; онъ видѣлъ въ ней истинную подругу своей жизни и оба они раз-

стались другъ съ другомъ въ надеждѣ на будущее счастіе. Когда же, по возвращеніи на родину, Серебряный неожиданно встрѣтилъ Елену женою Морозова, онъ простилъ ей необдуманный ея поступокъ, и любовь его къ ней не умалилась. Теперь онъ уже не надѣялся видѣть Елену спутницею своей жизни и любилъ ее какъ женщину вполнѣ благородную, всецѣло достойную любви. Любовь эта только тогда приняла свой первоначальный характеръ, когда Серебряный узналъ что Морозова нѣтъ уже въ живыхъ, хотя вскорѣ же онъ долженъ былъ снова и уже навсегда отказаться отъ всякой надежды имѣть какія-бы-то-ни-было мірскія отношенія къ Еленѣ и снова любить ее только какъ достойную женщину. Тоже благородство характера обнаружилъ Серебряный и по отношеніи къ Морозову. Въ послѣднемъ онъ постоянно видѣлъ человѣка вполнѣ ему преданнаго, любилъ его какъ друга своего отца и когда ему представлялась полная возможность отмстить старику за супружество съ Еленою, онъ рѣшительно отказался отъ этого и даже усердно защищалъ его отъ хищныхъ опричниковъ. Словомъ, Серебряный остался съ начала и до конца вполнѣ вѣрнымъ своему прекрасному характеру

Подлѣ Серебрянаго выступаетъ предъ нами Іоаннъ Васильевичъ Грозный съ своею величавою наружностію — съ блѣднымъ лицомъ и впалыми сверкающими очами, съ головы до ногъ облитый страшнымъ блескомъ поражающаго ужаса. Это, можно сказать, второй герой романа, возбуждающій къ себѣ не меньшее вниманіе, чѣмъ самъ Никита Романовичъ,—только вниманіе въ отношеніи къ Грозному совершенно иного качества. Тогда какъ Серебряный увлекаетъ васъ благородствомъ своего характера, и вы сразу же чувствуете, какъ хорошо быть вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ; Грозный, напротивъ, поражаетъ васъ своею жестокостію и вамъ становится страшно въ его присутствіи. Въ романѣ Грозный представляется человѣкомъ съ сильною и могучею природою, съ настойчивымъ, рѣшительнымъ и

въ то же время крайне раздражительнымъ характеромъ, полновластнымъ властелиномъ, не допускающимъ никакихъ даже малѣйшихъ противорѣчій и возраженій. Онъ поставилъ своею цѣлію утвержденіе въ Россіи единодержавной власти, задался мыслію русскаго монархизма и всюду одно это преслѣдуетъ, считая осуществленіе задуманнаго своимъ священнымъ долгомъ, своею главною и существенною обязанностію. Понятно, что при такомъ стремленіи, Грозный по необходимости долженъ былъ вступить во враждебныя отношенія съ отживтею стариною, твердо державшеюся своихъ устарѣлыхъ воззрѣній. Послѣдняя собрала всѣ свои оставшіяся силы и въ лицѣ стараго боярства съ ожесточеніемъ напала на проводника новыхъ началъ. Подобное нападеніе при положительномъ убѣжденіи Грознаго въ правотѣ своихъ намѣреній могло показаться ему ничѣмъ инымъ, какъ простою измѣною истиннымъ потребностямъ государства, и вотъ онъ, «не стерпя болѣе измѣны бояръ», оставляетъ Москву и переселяется въ Александровскую слободу, гдѣ окружаетъ себя опричниками—людьми, во всемъ преклонявшимися предъ его властію. Эта удаленная отъ средоточія боярства—Москвы, жизнь Грознаго, а также постоянное наушничество его приближенныхъ развиваютъ въ немъ до поразительныхъ размѣровъ подозрительность, а сознаніе своего долга укореняетъ въ немъ мысль о необходимости выводить измѣну всѣми возможными средствами. Отсюда опала за опалою падаютъ на русскихъ вельможъ и преимущественно на самыхъ сильныхъ и знатныхъ, какъ на болѣе опасныхъ противниковъ на этотъ разъ уже переступившей границы власти Іоанна. За опалами слѣдуютъ пытки и казни въ самыхъ потрясающихъ и ужасающихъ размѣрахъ, гдѣ рядомъ съ незначительнымъ меньшинствомъ виновныхъ гибнетъ громадное большинство невинныхъ. Царь наконецъ выходитъ изъ предѣловъ справедливости и безъ разбору казнитъ всѣхъ и каждаго, кто только чѣмъ бы-то ни-было заронилъ въ его душу какое-нибудь подозрѣніе; онъ до того пристращается къ мучитель-

нымъ истязаніямъ, до того сродняется со всѣми ужасами смерти, что находитъ въ этомъ для себя какъ-бы удовольствіе. Подозрѣніе его начинаетъ падать и на людей самыхъ приближенныхъ къ нему—на опричниковъ, на родственниковъ и даже на родного сына. Царь вездѣ видитъ желаніе «извести» его и отнять у него Богомъ данную ему царскую власть. За это онъ осуждаетъ на казнь своихъ первыхъ любимцевъ—князя Аѳанасія Вяземскаго и обоихъ Басмановыхъ, за это же дозволяетъ онъ Скуратову схватить и убить самого царевича. Иногда, впрочемъ, въ Грозномъ пробуждается внутренній голосъ—голосъ совѣсти и укоряетъ его за казни невинныхъ. Іоаннъ начинаетъ раскаиваться въ своихъ необдуманныхъ поступкахъ, записываетъ убіенныхъ въ синодики, разсылаетъ послѣдніе по монастырямъ съ богатыми вкладами для поминовенія, награждаетъ родственниковъ казненныхъ. Подобное раскаяніе случалось съ нимъ, напр. послѣ мимолетныхъ вспышекъ гнѣва, въ порывѣ котораго онъ присуждаетъ по первому впечатлѣнію. Такъ осудилъ онъ на казнь Серебрянаго за его нападеніе на опричниковъ въ деревнѣ Медвѣдевкѣ и вскорѣ же, когда минутный гнѣвъ его простылъ, онъ сознальъ свою несправедливость и поспѣшность и пожалѣлъ о Серебряномъ, который къ счастью по дальновидности Годунова не былъ еще казненъ.

«Того быть не можетъ, сказалъ онъ, чтобы Серебряный вольною—волей что-либо учинилъ на меня. Помню я Никиту еще до Литовской войны. Я всегда любилъ его. Онъ былъ мнѣ добрый слуга. Это вы, окаянные,—продолжалъ царь, обращаясь къ Грязному и къ Басмановымъ,—это вы всегда подбиваете меня кровь проливать! Мало еще было вамъ смертнаго убійства? Нужно было извести моего добраго боярина? Что стоите, звѣри! Бѣжите остановите казнь. Только нѣтъ, и не ходите! Поздно! Я знаю, ужъ слетѣла съ него голова! Вы всѣ заплатите мнѣ за кровь его!»

Но такія положенія дѣлъ продолжались недолго, и Грозный опять возвращался къ своему постоянному

настроенію. Когда оправданіе Серебрянаго по тому же дѣлу вызвало одобрительный шепотъ среди земскихъ бояръ, Грозный, обратившись къ нимъ, сказалъ:

«Вы!.. не думайте, глядя на судъ мой, что я вамъ началъ мирволить!—И въ то же время въ безпокойной душѣ его зародилась мысль, что, пожалуй, и Серебряный припишетъ его милосердіе послабленію. Въ эту минуту онъ пожалѣлъ, что простилъ его».

Большею же частію Грозный объяснялъ свое раскаяніе и послабленіе казней навожденіемъ діавола, который всѣми силами своего коварства и лукавства старается отклонить его отъ благаго намѣренія вывести измѣну изъ земли русской, и въ такомъ случаѣ наперекоръ діаволу онъ предавался самымъ ужасающимъ неистовствамъ. Онъ пробѣгалъ тогда своею мыслію всѣхъ извѣстныхъ ему людей, отъискивая самый малѣйшій поводъ къ обвиненію, и горе было тому, на комъ онъ сосредоточивалъ свое вниманіе: не избѣжать ему смерти, и царь только тогда успокаивался, когда находилъ достаточное число виновныхъ, которые немедленно присуждались къ смерти. Такимъ является Грозный послѣ страшнаго ночнаго видѣнія. Наконецъ, замѣчательною чертою въ характерѣ Грознаго является глубокая религіозность. Онъ обращаетъ свой Александровскій дворецъ въ настоящій монастырь: избираетъ изъ числа опричниковъ 300 человѣкъ—самыхъ преданныхъ къ себѣ людей—называетъ ихъ братіею, себя поставляетъ надъ ними игуменомъ и совершаетъ съ ними почти ежедневно по уставу положенное богослуженіе. Самъ онъ усерднѣе всѣхъ кладетъ земные поклоны, такъ что на лбу его образовались даже особые знаки; часто молится онъ въ своей опочивальнѣ и молится до поздней ночи. Таковъ Іоаннъ Васильевичъ Грозный Толстого, но точно такимъ же является онъ и въ историческихъ памятникахъ. Царствованіе его полно самаго трагическаго, потрясающаго душу ужаса. Никогда пытки и казни не достигали у насъ въ Россіи до такихъ поражающихъ размѣровъ, какъ при этомъ государѣ. Іоаннъ казнилъ

иногда сразу по нѣскольку сотъ человѣкъ и даже самъ не зналъ именъ послѣднихъ. Въ поминальныхъ синодикахъ, разосланныхъ по монастырямъ и уцѣлѣвшихъ до нашего времени, нерѣдкость встрѣтить такого рода запись: «Помяни Господи, столько-то человѣкъ мною убіенныхъ, ихъ же имена Ты Господи, самъ вѣси». Мало того, онъ собственноручно убилъ даже своего любимаго сына Іоанна. Точно также казнилъ онъ въ 1570-мъ году и трехъ самыхъ близкихъ къ себѣ опричниковъ— Аѳанасія Вяземскаго и обоихъ Басмановыхъ. Его жизнь въ Александровской слободѣ въ кругу новыхъ любимцевъ—опричниковъ полна самыхъ ужасныхъ кровавыхъ зрѣлищъ. Недаромъ же за свою деспотическую дѣятельность Іоаннъ получилъ у насъ эпитетъ Грознаго, а между иностранными историками даже названіе тирана. Толстой еще нѣсколько сгладилъ картину ужасовъ временъ Грознаго хотя и представилъ Іоанна совершенно согласно съ исторіей, безъ всякаго преувеличенія.

Вокругъ Никиты Романовича Серебрянаго и Іоанна Васильевича Грознаго сосредоточиваются всѣ остальныя дѣйствующія лица романа. Между ними на первое мѣсто выступаетъ старый бояринъ Дружина Андреевичъ Морозовъ. Въ образѣ Морозова авторъ олицетворилъ отжившее свое время древнерусское мѣстничество. Первоначальное появленіе Морозова въ романѣ располагаетъ васъ въ его пользу; вы чувствуете, что это одинъ изъ тѣхъ тяжелыхъ и стойкихъ характеровъ, которые тихи и кротки до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не затронутъ ихъ, одинъ изъ тѣхъ желѣзныхъ людей, которые и обиды не стерпятъ и готовые дать сдачи. Морозовъ высоко ставитъ права царя, твердо убѣжденъ въ необходимости безусловнаго повиновенія его волѣ, вполнѣ сознаетъ гибельное положеніе государства безъ единаго монарха, но выше всего для него собственная боярская честь; надъ нею никто не властенъ, кромѣ его—Морозова, и даже самъ царь, при всей своей почти неограниченной власти, не можетъ у него отнять ее. Всякому, кто попытался бы обезчестить его, Моро-

зовъ готовъ мстить всевозможными способами и мстить до тѣхъ поръ, пока не получитъ полнаго удовлетворенія, въ противномъ случаѣ, для него лучше покончить съ своею жизнію. Такъ-то дорожили своею честію всѣ древнерусскіе бояре! Но понятія Морозова о чести ограничиваются главнымъ образомъ одною внѣшностію и отличаются большою мелочностію. Честь для него состоитъ не во внутреннемъ сознаніи своего человѣческаго достоинства и въ проявленіи его должнымъ образомъ во внѣшней дѣятельности, не въ нравственномъ расширеніи своего самочувствія на другихъ людей, но, такъ сказать, въ честолюбіи, въ горделивомъ сознаніи своего чисто внѣшняго положенія, въ стремленіи всѣми силами удержать за собою оное и вслѣдствіе этого внушить къ себѣ со стороны всѣхъ почетъ и уваженіе. Понятно, что честь въ смыслѣ Морозова чисто случайная и зависитъ отъ верховной власти, которая даетъ человѣку эту честь, но которая вправѣ и отнять ее у него, не будучи въ состояніи лишить его чести въ истинномъ смыслѣ этого слова. И такого-то понятія о чести, какъ о чемъ-то совершенно внѣшнемъ и случайномъ, держались почти всѣ древнерусскіе бояре. Они больше всего дорожили своимъ внѣшнимъ положеніемъ въ государствѣ и занять важное мѣсто было для нихъ верхомъ счастія. Отсюда мѣстническіе споры и счеты, которыми такъ богата наша исторія. Толстой вполнѣ удачно представилъ это въ столкновеніи Морозова съ Годуновымъ. По приказанію Грознаго, Морозовъ долженъ былъ занять мѣсто ниже Годунова. Это возмутило стараго боярина и онъ гордо противосталъ рѣшенію Іоанна Васильевича. Тогда Грозный выдалъ Морозова головою Борису Ѳеодоровичу, но Морозовъ до того разгнѣвался, что жестоко обругалъ Годунова и назвалъ его щенкомъ.

«Узнавъ о томъ, царь вошелъ въ ярость великую, приказалъ Морозову отойти отъ очей своихъ и отпустить сѣдые волосы, доколѣ не снимется съ него опала. И удалился отъ двора бояринъ, и ходитъ онъ

теперь въ смирной одеждѣ, съ бородою нечесаною, падаютъ сѣдые волосы на круглое чело его. Грустно боярину не видать очей государевыхъ, но не опозорилъ онъ своего роду, не сѣлъ ниже Годунова».

Такъ точно объясняетъ Морозовъ свою опалу и Серебряному.

«За то, говоритъ онъ, царь на меня опалился, что держусь стараго обычая, берегу честь боярскую, да не кланяюсь новымъ людямъ». И Морозовъ палъ жертвою своего честолюбія, а въ этомъ его паденіи авторъ вѣрно выразилъ паденіе при Грозномъ стараго обычая—мѣстничества, такъ много вредившаго внутреннему благоустройству нашего отечества. Когда Морозовъ, уже освобожденный отъ первой опалы и оправданный судомъ Божіемъ въ своей тяжбѣ съ Вяземскимъ, снова былъ приглашенъ къ царскому столу, Грозный, преслѣдуя уничтоженіе мѣстничества, снова предложилъ ему мѣсто ниже Годунова.

«Государь, сказалъ тогда разгнѣванный бояринъ,—какъ Морозовъ во всю жизнь чинилъ, такъ и до смерти чинить будетъ. Старъ я, государь, перенимать новые обычаи. Наложи опять опалу на меня, прогони отъ очей твоихъ,—а ниже Годунова не сяду»!

За такое явное противорѣчіе Грозный, не терпѣвшій никакихъ возраженій, желая окончательно поразить Морозова, приказалъ нарядить его въ шутовскую одежду, какъ-бы показывая этимъ, какъ смѣшны и нелѣпы пустые споры о мѣстахъ. Грязной, исполняя царскую волю, подошелъ къ Морозову и, держа въ рукахъ шутовской кафтанъ, произнесъ:

«Надѣвай, бояринъ! — великій государь жалуетъ тебя этимъ кафтаномъ съ плеча выбылаго шута своего Ногтева!

— Прочь! — воскликнулъ Морозовъ, отталкивая Грязного, — не смѣй, кромѣшникъ, касаться боярина Морозова, предкамъ котораго твои предки въ псаряхъ и холопахъ служили!

И обращаясь къ Іоанну, онъ произнесъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ:

— Государь, возьми назадъ свое слово! Вели меня смерти предать! Въ головѣ моей ты воленъ, но въ чести моей не воленъ никто!

— Государь,—продолжалъ онъ,—именемъ Господа Бога молю тебя, возьми свое слово назадъ!—Еще не родился ты, когда уже покойный батюшка твой жаловалъ меня! Когда я, вмѣстѣ съ Хабаромъ Симскимъ, разбилъ чувашъ и черемисъ на Свіягѣ, когда съ князьями, Одоевскимъ и Мстиславскимъ, прогналъ отъ Оки крымскаго царевича и татарскій набѣгъ отъ Москвы отвратилъ! Много ранъ получилъ я, много крови пролилъ на службѣ батюшки твоего и на твоей, государь! Не берёгъ я головы ни въ ратномъ дѣлѣ, ни въ думѣ боярской, спорилъ, въ малолѣтство твое, за тебя и за матушку твою съ Шуйскими и съ Бѣльскими! Одною только честью дорожилъ я, и никому, въ цѣлую жизнь мою, не далъ запятнать ее! Ты ли теперь опозоришь мои сѣдые волосы? Ты ли наругаешься надъ слугою родителя твоего? Вели казнить меня, государь, вели мнѣ голову на плаху понести, и я съ радостью пойду на мученья, какъ прежде на войну хаживалъ!»

Но Іоаннъ былъ слишкомъ настойчивъ и, по его приказанію, опричники силою одѣли Морозова въ шутовской кафтанъ. Теперь Морозовъ, окончательно униженный и опозоренный, не могъ далѣе сносить обиду и вотъ онъ не находя другого средства отмстить за своё безчестіе, обращается къ Іоанну съ грозною обличительною рѣчью, въ которой самымъ дерзкимъ образомъ обвиняетъ царя во многихъ крупныхъ преступленіяхъ и величайшихъ злодѣяніяхъ. Онъ уже сознаетъ теперь, что ему осталось только покончить съ своею жизнію, и потому прямо и открыто высказываетъ царю всё, что доселѣ накипѣло у него на сердцѣ все, что въ пылу гнѣва приходило ему въ голову, вполнѣ зная, что за это постигнетъ его неминуемая смерть. Такъ пусть же, думаетъ онъ, умру я, отмстивши своему без-

частнику! И какъ-то страшно становится при чтеніи этой рѣчи, а въ тоже время какое-то невольное сочувствіе является къ Морозову; только сочувствіе это вытекаетъ изъ сожалѣнія, что человѣкъ этотъ гибнетъ за свою гордость, за свое честолюбіе. Рѣчь Морозова служитъ послѣднимъ отблескомъ потухающаго пламени, предсмертнымъ страданіемъ умирающаго мѣстничества, послѣ чего слѣдуетъ окончательное его разложеніе. Царь, разгоряченный дерзостью Морозова, приказываетъ посадить его въ темницу и назначаетъ ему смертную казнь. Такъ-то пало русское мѣстничество!

Послѣ Морозова намъ слѣдуетъ остановиться на характеристикѣ съ одной стороны станичниковъ, имѣющихъ важное значеніе по отношенію къ Серебряному, съ другой—опричниковъ, постоянно окружающихъ Грознаго. Станичники—это все люди по большей части самые отчаянные, люди буйнаго нрава. Оторванные отъ семействъ своихъ, отъ мирныхъ сельскихъ занятій тѣми или другими неблагопріятными обстоятельствами, или просто увлеченные необузданною свободою, они поставляютъ цѣлію своего существованія жить на счетъ другихъ и по возможности въ свое полное удовольствіе. И вотъ для этого они предаются грабежу и хищничеству, бьютъ и обираютъ всѣхъ и каждаго и такимъ то образомъ имъ, дѣйствительно, живется привольно и весело. Въ свободное отъ своихъ обыкновенныхъ занятій время разбойники собираются въ какое-либо отдаленное отъ жилищъ мѣсто, и здѣсь-то вступаетъ въ свои полныя права—все ихъ широкое раздолье. Они или распоряжаются захваченною добычею, или раздѣляются на мелкіе кружки, располагаются, кому гдѣ пришлось, и каждый предается тому, что его занимаетъ, что для него болѣе любопытно. Одни слушаютъ сказки, другіе поютъ пѣсни, а иные любуются зрѣлищемъ, какъ для испытанія своихъ силъ бьются между собою какіе-либо удальцы-станичники. Болѣе же всего интересуютъ разбойниковъ разсказы про удаль и молодечество подобныхъ имъ станичниковъ и вотъ, только атаманъ за-

говоритъ—бывало про Ермака Тимоѳеича и про свою жизнь на матушкѣ на Волгѣ, мигомъ всѣ они сбѣгутся къ нему и съ жадностію начинаютъ ловить каждое его слово. Да, сильно любятъ разбойники молодецкое ухарство! Впрочемъ, они всѣ любятъ и свое отечество и любятъ до того, что готовы защищать его въ случаѣ опасности. Встрѣчаются между ними и такіе, которые были бы не прочь и исправиться, т. е. оставить разбои и посвятить свою жизнь на другую болѣе полезную дѣятельность въ общемъ же, повторяемъ, это такіе люди, съ которыми трудно ужиться мирному гражданину. Первое мѣсто между ними занимаетъ атаманъ Перстень. Перстень или Иванъ Кольцо, съ каковымъ именемъ мы встрѣчаемъ его въ концѣ романа, представляетъ собою типъ предводителя разбойническихъ шаекъ, обитавшихъ въ тогдашнее время по всѣмъ концамъ Россіи. Это человѣкъ, какъ говорится, «сорви-голова», готовый для достиженія своихъ цѣлей броситься въ огонь и воду. За свою отвагу онъ и получилъ мѣсто атамана въ своей шайкѣ и Перстень умѣетъ поддерживать свою власть надъ разбойниками, доколѣ это ему нужно. Въ разбойническихъ нападеніяхъ и предпріятіяхъ онъ всегда дѣйствуетъ по напередъ обдуманнымъ соображеніямъ и всюду старается отличиться своими выходками; онъ заранѣе пронюхиваетъ, гдѣ бы можно получше поживиться, и только потомъ отправляется на добычу; поэтому всѣ разбойники во время нападеній находятся у него въ полномъ повиновеніи и готовы сдѣлать все, что бы только ни приказалъ атаманъ. Въ праздное время Перстень занимаетъ свою шайку дивными разсказами про Ермака, про его удаль и молодечество, про свою жизнь на матушкѣ на Волгѣ, и разбойники со вниманіемъ слушаютъ его и только еще болѣе убѣждаются въ превосходствѣ надъ ними атамана.

«Воля твоя, говорятъ они ему, ты про него говоришь, коль чудо какое, а намъ что-то не вѣрится. Ужъ молодцоватѣе тебя мы не видывали!»

При случаѣ Перстень не прочь доказать станични-

камъ, что атаманство для него вовсе нетакъ желательно, какъ имъ думается, что онъ готовъ и отказаться отъ него. Какъ ни много времени провелъ Перстень среди разбоевъ и разбойниковъ, онъ однако не заглушилъ въ себѣ чисто-нравственнаго чувства. Онъ горячо любитъ свое отечество и готовъ за него пожертвовать даже самою жизнію. Съ большимъ усердіемъ бросается онъ на Татаръ вмѣстѣ съ Серебрянымъ и храбро съ ними сражается, а потомъ уходитъ къ Ермаку и дѣйствуетъ съ нимъ въ Сибири. Вполнѣ преданъ онъ и царскому семейству. Отлично хорошо помнитъ Перстень и благодѣянія, полученныя отъ другихъ: онъ всѣми силами старается при случаѣ услужить своему благодѣтелю. Такимъ является онъ въ отношеніяхъ къ герою романа Серебряному. Никита Романовичъ случайно спасъ Перстня въ деревнѣ Медвѣдевкѣ отъ опричниковъ и Перстень постарался при первой же возможности отблагодарить за то своего избавителя. Онъ убѣждаетъ Серебрянаго не вѣшать опричниковъ, но отпустить ихъ на волю, потому что за подобную расправу съ этими злодѣями князю неминовать бы смерти. Потомъ, когда Серебряный рѣшился только вдвоемъ съ своимъ старымъ стремяннымъ Михеичемъ продолжать путь въ Москву, Перстень, зная, что въ предстоящемъ лѣсу на нихъ нападутъ разбойники, напрашивается въ проводники и, дѣйствительно, избавляетъ ихъ отъ станичниковъ и укрываетъ на ночь у знакомаго ему колдуна мельника. Другой разъ Перстень спасъ Никиту Романовича отъ неминуемой смерти даже съ большою опасностію поплатиться своею жизнію. Послѣ происшествія у Морозова, Серебряный былъ схваченъ слугами Скуратова, отвезенъ въ Александровскую слободу и заключенъ въ темницу, гдѣ сидѣли важные государственные преступники. Уже царь присудилъ на казнь злополучнаго князя, уже Малюта приходилъ въ темницу пытать его; ничто, по видимому, не могло спасти Серебрянаго. Но нѣтъ! прежній защитникъ и теперь является къ нему на выручку. Притворившись слѣпцами, Перстень вмѣстѣ съ Коршу-

номъ проникаютъ въ опочивальню государя подъ видомъ сказачниковъ съ цѣлію унести изъ-подъ изголовья царя ключи отъ тюрьмы, въ которой находился Серебряный. Грозный, предупрежденный своей мамкой—Онуфревной, подловилъ мнимыхъ слѣпцовъ, схватилъ Коршуна и даже тяжело ранилъ его, но Перстень, пользуясь общею суматохою, произведенною самимъ царемъ, успѣлъ убѣжать. Въ это же время въ слободѣ вспыхнулъ страшный пожаръ, сдѣланный, по приказанію атамана, другими станичниками. Когда такимъ образомъ произошло всеобщее смятеніе, Перстень, при помощи Митьки, проникаетъ въ царскую темницу, насильно уноситъ оттуда Серебрянаго и тѣмъ снова спасаетъ его отъ неизбѣжной смерти. Наконецъ Перстень еще разъ избавляетъ Серебрянаго отъ ярости своихъ пьяныхъ сотоварищей, едва не растерзавшихъ и князя и самого атамана. Въ концѣ романа Перстень является уже посломъ отъ Ермака и за свою дѣятельность при покореніи Сибири получаетъ отъ царя полное прощеніе и даже награду.

Другой изъ выдающихся станичниковъ Коршунъ представляетъ собою настоящаго тогдашняго разбойника. Въ характерѣ этого человѣка замѣчается странная смѣсь самого дикаго звѣрства съ нѣкоторыми проблесками истинно человѣческаго чувства. Коршунъ чуть ли не съ малолѣтства оставилъ мирную жизнь поселянина и навсегда записался въ станичники. Нѣсколько десятковъ лѣтъ провелъ онъ въ разбоѣ и много зла причинилъ мирнымъ гражданамъ. Закаленный въ кровопролитіи, онъ, подобно разъяренному дикому звѣрю, готовъ броситься съ ножемъ въ рукахъ на всякаго и безъ жалости рѣжетъ и убиваетъ, кого только ему вздумается.—

«Довольно я людей перегубилъ на своемъ вѣку, говоритъ онъ атаману на пути въ слободу. Смолоду полюбилась красная рубашка! Бывало, купецъ ли заартачится, баба-ли запищитъ, хвачу ножемъ въ бокъ — и конецъ. Даже и теперь, если-бъ случилось кого отправить—рука не дрогнетъ»!

Но одно обстоятельство изъ разбойническихъ похожденій Коршуна сильно подѣйствовало на этого злодѣя и пробудило въ немъ давно задремавшій голосъ совѣсти—это убійство женщины за малолѣтняго ребенка.—

«Какъ подумаю бывало объ этомъ, говоритъ онъ, такъ сердце и защемитъ».

Это неясное чувство раскаянія проявилось въ Коршунѣ особенно сильно въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ атаманомъ шелъ въ Александровскую слободу выручать изъ темницы Серебрянаго. Предчувствіе близкой смерти вызвало въ его воспоминаніи многочисленныя, давно уже забытыя похожденія изъ его разбойнической дѣятельности, и какъ-то тяжело сдѣлалось Коршуну; ясно предстала предъ нимъ картина загробнаго суда и мздовоздаянія, и сильно заговорило чувство самосохраненія.—

«Ты бы атаманъ, говоритъ онъ въ своей исповѣди послѣднему, какъ не будетъ меня, велѣлъ по мнѣ панихиду отслужить. Оно все вѣрнѣе. Да не жалѣй денегъ на панихиду. Заплати хорошенько попу; пусть отслужитъ, какъ слѣдуетъ, ничего не пропуститъ, какъ слѣдуетъ.

Только тогда, когда Коршунъ сидѣлъ уже въ темницѣ, онъ почувствовалъ полное успокоеніе совѣсти при мысли, что ожидающая его казнь послужитъ искупленіемъ всѣхъ совершенныхъ имъ нѣкогда злодѣйствъ.

Наконецъ, въ лицѣ третьяго представителя разбойниковъ Митьки авторъ олицетворилъ всюду господствовавшую у насъ въ эпоху Грознаго грубую, чисто физическую силу. Митька отличается тупостію, простоватостію, набожностію и чрезвычайнымъ злопамятствомъ, которое, при его огромной силѣ, не на шутку опасно для его противника. Обиженный опричниками, которые увезли его невѣсту, онъ, вѣроятно, по стороннему убѣжденію, оставилъ деревенскую жизнь и присталъ къ шайкѣ разбойниковъ. Своимъ непомѣрнымъ мужествомъ онъ скоро обратилъ на себя вниманіе товарищей и сдѣлался важнымъ помощникомъ самого атамана во всѣхъ его

предпріятіяхъ. Отсюда Митька является вездѣ, гдѣ только дѣйствуетъ Перстень. Вмѣстѣ съ Перстнемъ онъ участвуетъ въ спасеніи царевича отъ рукъ Скуратова и уже здѣсь высказываетъ свое грубое геройство и злопамятство. Увидавъ Хомяка—стремяннаго Скуратова, онъ узнаетъ въ немъ похитителя своей невѣсты и тотчасъ же бросается къ нему; однимъ ударомъ дубины онъ опрокидываетъ коня своего противника, быстро накидывается на него и начинаетъ душить, не разбирая кого. И что же? кого же онъ душитъ? да Хлопко, своего товарища, который какъ-то нечаянно попался ему подъ руку вмѣсто успѣвшаго увернуться Хомяка. Въ другой разъ Митька Встрѣтилъ Хомяка на Красной площади, когда тотъ вышелъ на поединокъ съ Морозовымъ вмѣсто Вяземскаго, и снова выступилъ противъ него. Махая во всѣ стороны тяжелою оглоблею, онъ съ медвѣждью ловкостью наступалъ на Хомяка.—

«Я те проучу говорилъ онъ, входя постепенно въ ярость и стараясь задѣть Хомяка по головѣ, по ногамъ и по чемъ ни попало».

Наконецъ, онъ ударилъ его такъ сильно, что тотъ отлетѣлъ на нѣсколько саженъ и на этотъ разъ поплатился своею жизнію. Еще болѣе обнаружилъ Митька свою громадую силу при спасеніи изъ темницы Серебрянаго. Когда Перстень, не добывши ключа отъ тюрьмы, гдѣ сидѣлъ Никита Романовичъ, счелъ все свое дѣло проиграннымъ и хотѣлъ уже бросить всякую дальнѣйшую попытку относительно освобожденія Серебрянаго, Митька сообщилъ атаману, что тюрьма отперта.—

«Кто отперъ»? спросилъ удивленный Перстень.— «Да я!—отвѣчалъ Митька. Перстень окончательно пришелъ въ недоумѣніе.—

«Что ты, болванъ!» — вскричалъ онъ. — «Говори толкомъ!» Что жъ говорить?»—замѣтилъ спокойно Митька, «прихожу, никого нѣтъ, часовой лежитъ, раскинувши ноги. Я говорю: дай, молъ, попробую, крѣпка-ль дверь? Пока перъ на нее плечикомъ, а она, какъ была, такъ съ заклепами и соскочи съ петель».

Точно также Митька выломалъ и двѣ другія двери темницы, а потомъ, по приказанію Перстня, «загребъ Никиту Романовича (не хотѣвшаго бѣжать отъ воли государя и тѣмъ нарушить данное ему крестное цѣлованіе) въ охабку и, какъ малаго ребенка, вынесъ его изъ тюрьмы» за слободу. Такимъ же чудо-богатыремъ мы встрѣчаемъ Митьку и въ его нападеніи на татарина. Онъ одинъ только изъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ станичниковъ могъ поправиться съ послѣднимъ: «вырвалъ у татарина копье», взялъ его за шиворотъ, да и пригнулъ къ землѣ». Недаромъ же говорили про Митьку товарищи:

«Да, этотъ хоть быка за рога свалитъ»!

Другая черта въ характерѣ Митьки—это, какъ замѣчено выше, наивная простоватость и какое-то тупоуміе. Толстой очень удачно подобралъ эти послѣднія свойства для характеристики физической силы. Наивная простоватость и тупоуміе Митьки при его чисто богатырской природѣ лучше всего опредѣляютъ грубую физическую силу—какъ неразумное и совершенно слѣпое начало. Митька всюду дѣйствуетъ по указанію Перстня, а потому въ отсутствіе послѣдняго приходитъ въ такое замѣшательство, что не знаетъ, за что и взяться. Какъ, напр., забавенъ онъ, когда на Красной площади выходитъ драться съ Хомякомъ за Морозова Очутившись одинъ среди площади, онъ не знаетъ за что ухватиться, и смотритъ по сторонамъ, отъискивая уже скрывшагося Перстня, чтобы спросить у него, что дѣлать. Недаромъ же всѣ присутствующіе смѣются надъ нимъ. Или, напр., въ какое недоумѣніе приходитъ Митька, когда царь приказалъ ему показать свой кулакъ. А наивность Митьки доходитъ до того, что онъ готовъ признать всѣхъ рындъ, окружавшихъ царскій престолъ, зъ царевичей.

Гораздо хуже станичниковъ въ нравственномъ отношеніи являются въ романѣ да и въ исторіи опричники, новые приближенные государя, новые его царедворцы. Это люди, за исключеніемъ очень немногихъ, мож-

но сказать, рѣшительно потерявшіе все, что только есть въ человѣкѣ возвышеннаго и благороднаго. Добившись совершенно случайно высокаго положенія въ обществѣ, сдѣлавшись вдругъ изъ незначительныхъ—худородныхъ людей царскими любимцами, они всевозможными средствами старались удержать за собою мѣста свои. Безстыдно ласкательствуютъ они предъ государемъ, ласкательствуютъ до униженія человѣческаю достоинства. Что бы ни сдѣлалъ, что бы ни сказалъ царь, все они хвалятъ, во всемъ безпрекословно согласны съ нимъ. Когда Грозный, вопреки всякой справедливости приговоривъ къ смертной казни Серебрянаго, спросилъ у опричниковъ: «Братія—правъ-ли судъ мой?» «Правъ!» отвѣчали тѣ почти единогласно. Пользуясь раздражительнымъ характеромъ Іоанна, они съ величайшимъ усердіемъ клевещутъ ему на своихъ враговъ и недруговъ, преимущественно на знатныхъ бояръ, какъ на болѣе опасныхъ для нихъ людей по своему общественному положенію, обвиняютъ ихъ въ разныхъ неслыханныхъ винахъ и преступленіяхъ, въ желаніи, напр., извести его--государя, въ измѣнѣ отечеству и проч., чѣмъ еще болѣе раздражаютъ царя и увеличиваютъ и безъ того громадное число пытокъ и казней. Вполнѣ справедливо замѣчаніе, сдѣланное Максимомъ Скуратову. «Кабы не ты, говоритъ онъ послѣднему, и царь былъ бы милостивѣе. Но вы (т. е. опричники) ищете измѣны, вы пытками вымучиваете навѣты, вы, вы всей крови заводчики»! Не ограничиваясь одною клеветой на своихъ враговъ, ихъ пытками и мученіями, опричники подъ благовиднымъ предлогомъ—искорененія измѣны разъѣзжаютъ по городамъ, селамъ, деревнямъ и всюду грызутъ враговъ государевыхъ, выметаютъ измѣну съ земли Русской, т. е., говоря проще, бьютъ и рѣжутъ, грабятъ и раззоряютъ земщину, особенно же опальную. Безъ всякой причины напали они на деревню Медвѣдевку, и только геройство Серебрянаго спасло ея обитателей отъ конечнаго раззоренія. Подобнымъ же образомъ отплатили они за хлѣбъ-соль Мо-

розову: сожгли домъ его, разграбили все его имущество и вдобавокъ увезли жену его—Елену. Клевеща государю на враговъ своихъ, они клеветали народу на государя, ссылаясь при своихъ чисто разбойническихъ похожденіяхъ, на мнимое распоряженіе царя.

«Мы-де люди царскіе опричники! А вы-де земщина! Намъ-де васъ грабить да обдирать, а вамъ-де терпѣть да кланяться. Такъ-де царь указалъ!» И народъ внималъ клеветѣ опричниковъ, терпѣливо перенося свои страданія въ убѣжденіи, что все это посылается самимъ Господомъ Богомъ за грѣхи наши. Такими-то людьми окружилъ себя въ Александровской слободѣ Іоаннъ Васильевичъ. Изъ нихъ въ романѣ, какъ и въ исторіи, выступаетъ на первое мѣсто Григорій Лукьяновичъ Скуратовъ-Бѣльскій, по прозванію Малюта. Человѣкъ этотъ представляетъ собою настоящее воплощеніе опричника во всѣхъ дурныхъ и темныхъ сторонахъ его. Въ характерѣ Скуратова положительно нельзя найти ни одной мало-мальски порядочной черты, ни одного истинно человѣческаго качества: это скорѣе дикій звѣрь, чѣмъ человѣкъ. Поставивъ своею задачею собственное возвышеніе въ глазахъ государя, желая во что-бы-то ни стало доставить своему любимому сыну видное мѣсто въ государствѣ, Скуратовъ только и стремится къ этому. Для него, что ножъ въ сердце, то всякій человѣкъ стоящій сколько-нибудь выше его во мнѣніи государя или просто только по сану. Всѣми неправдами будетъ стараться онъ избавиться отъ подобнаго противника и не уймется до тѣхъ поръ пока или совсѣмъ не погубитъ, или по крайней мѣрѣ не обезоружитъ его. Дѣйствительно, трудно бороться съ этимъ безчеловѣчнымъ человѣкомъ и горе тому, кто отважился бы на это: не избѣжать ему своей гибели. Своими кознями и хитростями Малюта успѣлъ погубить трехъ опасныхъ для себя любимцевъ государя—князя Аѳанасія Вяземскаго и обоихъ Басмановыхъ. Наглость его въ этомъ отношеніи дошла до того, что онъ поднялъ свою святотатственную руку даже на самого царевича. Іоаннъ

Іоанновичъ, усвоившій себѣ всѣ качества своего отца, любилъ пошутить и посмѣяться надъ Скуратовымъ. Но Малюта былъ не изъ такихъ людей, чтобы любить шутки. Онъ рѣшился во чтобы-то ни стало отмстить царевичу и успѣлъ оклеветать его предъ мнительнымъ Іоанномъ въ намѣреніи отнять у послѣдняго престолъ. Съ такою ненасытною жаждою къ славѣ и почестямъ Малюта соединялъ поразительную кровожадность дикого, хищнаго звѣря: кровопролитіе и убійство составляли для него величайшее удовольствіе, были его насущною потребностью. Съ какою радостію шелъ онъ въ темницу пытать и мучить мнимыхъ царскихъ измѣнниковъ! А съ какимъ отвратительнымъ наслажденіемъ вымещаетъ онъ въ тюрьмѣ свою злобу надъ Серебрянымъ!—

«Батюшка, князь Никита Романовичъ!—говоритъ Малюта, издѣваясь надъ Серебрянымъ, не откажи мнѣ въ милости великой!

Онъ сталъ на колѣни и поклонился въ землю Серебряному.

— «Мы, батюшка—князь,—продолжалъ онъ съ насмѣшливою покорностью,—мы передъ твоею милостью малые люди: такихъ большихъ бояръ, какъ ты, никогда еще своими руками не казнили, не пытывали!—И къ допросу-то приступить робость беретъ! Кровь-то, вишь, говорятъ, не одна у насъ въ жилахъ течетъ».

И Малюта остановился, и улыбка его сдѣлалась ядовитѣе, и глаза расширились болѣе, и зрачки запрыгали чаще.

— «Дозволь, батюшка—князь,—продолжалъ онъ, придавая своему голосу умоляющее выраженіе, дозволь передъ допросомъ, для смѣлости-то, на твою боярскую кровь посмотрѣть».

И онъ вынулъ изъ-за пояса ножъ, и подползъ на колѣняхъ къ Серебряному.

— А потомъ,—продолжалъ,—возвышая голосъ, Малюта,—«потомъ дозволь мнѣ, худородному, изъ княжеской спины твоей ремень выкроить!—Дозволь мнѣ, холопу, боярскую кожу твою на конскій чепракъ снять!—

Дозволь мнѣ, смрадному рабу (и подлинно смрадный рабъ!), вельможнымъ мясомъ твоимъ собакъ моихъ накормить»!

Голосъ Малюты, обыкновенно грубый, теперь походилъ на визгъ шакала, почти между плачемъ и хохотомъ.

— «Батюшка князь»,—сказалъ онъ вдругъ послѣ непродолжительнаго молчанія, «бросая ножъ свой и поднимаясь на ноги,—дозволь мнѣ прежде всего тебѣ честно долгъ заплатить»!

И, стиснувъ зубы, онъ поднялъ ладонь и замахнулся на Никиту Романовича». Но Годуновъ не дозволилъ Малютѣ исполнить это его намѣреніе. Съ какимъ опять злобнымъ удовольствіемъ встрѣчаетъ Малюта согласіе Грознаго на казнь царевича! При помощи Хомяка своего стремяннаго, такого же завзятаго кровопійцы, онъ схватываетъ на охотѣ Іоанна Іоанновича, во всю конскую прыть скачетъ къ Поганой Лужѣ, указанной царемъ для убіенія царевича, и неизбѣжать бы послѣднему неминуемой смерти, если бы не подоспѣли къ нему на выручку Серебряный да станичники. Только предъ однимъ государемъ смирялся Малюта, но и то лишь потому, что отъ царя вполнѣ зависѣло осуществленіе всѣхъ его плановъ и стремленій. Смиреніе это было не иное что, какъ постыдное раболѣпство, доходившее иногда до потери всякаго человѣческаго достоинства. Когда Максимъ, сынъ Скуратова, не одобрилъ смертный приговоръ Грознаго надъ Серебрянымъ, Малюта, зная какъ опасно противорѣчить царю, бросился въ ноги Ивану Васильевичу и отчаяннымъ, умоляющимъ голосомъ просилъ его пощадить сына.—

«Батюшка, государь Иванъ Васильевичъ! — говорилъ онъ, хватаясь за полы царской одежды,—сего утра я, дуракъ глупый, деревенщина необтесанный, просилъ тебя пожаловать мнѣ боярство. Гдѣ былъ разумъ мой? Куда дѣвался смыслъ человѣческій? Мнѣ-ли, смрадному рабу, носить шапку боярскую? Забудь, государь, дурацкія слова мои, вели снять съ меня кафтанъ золоченый,

одѣть въ рогожу, только отпусти Максиму вину его! Молодъ онъ государь, глупъ, не смыслитъ, что говоритъ. А ужъ если казнить кого, такъ вели меня казнить, не давай, я, дуракъ, напиваться сыну до-пьяна! Дозволь, государь, я снесу на плаху глупую голову! Прикажи, тотчасъ самъ на себя руки наложу!»

Благодаря такого рода дѣятельности, Малюта, дѣйствительно, успѣлъ обратить на себя вниманіе Грознаго, успѣлъ сдѣлаться однимъ изъ первыхъ его любимцевъ. Царь не любилъ людей самостоятельныхъ по отношенію къ нему, и Малюта во всемъ соглашался съ нимъ; царь всюду видѣлъ измѣну, и Малюта, какъ вѣрный песъ, съ усердіемъ, клеветою, пытками и мученіями открывалъ все новыхъ и новыхъ измѣнниковъ; царь пристрастился къ кровавымъ зрѣлищамъ, и Малюта жилъ кровопролитіемъ,—словомъ, Малюта и Грозный, какъ нельзя лучше, сошлись въ характерахъ. Вслѣдствіе всего этого имя Скуратова сдѣлалось страшнымъ въ народѣ и до того, что матери унимали имъ своихъ неугомонныхъ младенцевъ. Потому же память о злодѣяніяхъ Малюты увѣковѣчена народными пѣснями, и Толстой своею художественною кистью поразительно вѣрно исторически и мѣтко психологически нарисовалъ образъ этого злодѣя, который, по свидѣтельству историческихъ документовъ, до того былъ преданъ звѣрскимъ злодѣяніямъ, что даже съ злобнымъ наслажденіемъ разсѣкалъ на части трупы казненныхъ.

Болѣе другихъ опричниковъ по своему характеру подходитъ къ Скуратову молодой Басмановъ—Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Отличительнымъ свойствомъ этого человѣка, насколько это видно изъ романа и насколько извѣстно изъ исторіи, является честолюбіе. Ѳеодоръ Басмановъ, подобно Малютѣ, поставилъ цѣлію своего существованія стремленіе къ возвышенію при государѣ и, какъ Скуратовъ, не пренебрегалъ въ достиженіи своей задачи никакими средствами. Если Малюта ласкательствовалъ предъ государемъ и безсовѣстно клеветалъ ему на своихъ друзей и недруговъ, то Ѳеодоръ Басма-

новъ еще болѣе унижался предъ царемъ и непрочь былъ оболгать предъ нимъ своего противника. Изъ угожденія Грозному онъ игралъ изъ себя роль какой то придворной женщины-шутихи: носилъ длинные волосы, брилъ усы и бороду, что въ тогдашнее время считалось неприличнымъ для мужчинъ, и подчасъ, нарядившись въ женскій лѣтникъ, потѣшалъ царя пляскою. И царь любилъ Өеодора Алексѣевича за его раболѣпство и любилъ его до тѣхъ поръ, пока Малюта не успѣлъ заронить въ сердце Іоанна подозрѣніе въ измѣнѣ Басманова. Послѣ этого Басманову уже трудно было достигнуть своей цѣли и онъ рѣшился прибѣгнуть къ клеветѣ. Когда Грозный согласился отпустить его совсѣмъ изъ слободы, Басмановъ сказалъ:

«Спасибо тебѣ, государь,—спасибо за твою хлѣбъ-соль! Спасибо, что ты выгоняешь слугу своего, какъ негоднаго пса! Буду хвалиться на Руси твоею лаской! Пусть же другіе послужатъ тебѣ, какъ служила Өедора. Много грѣховъ взялъ я на душу на службѣ твоей, одного грѣха не взялъ, колдовства не взялъ на душу!»

Когда же удивленный Иванъ Васильевичъ спросилъ: «да ктожъ здѣсь колдуетъ?»

— «А хоть бы твой Вяземскій! отвѣчалъ Басмановъ. Да, продолжалъ онъ,—тебѣ видно одному невѣдомо, что когда онъ бываетъ на Москвѣ, то по ночамъ ѣдитъ въ лѣсъ, на мельницу, колдовать; а зачѣмъ ему колдовать, коли не для того, чтобъ извести твою царскую милость?» Такого-то рода наушничество употреблялъ Басмановъ для осуществленія своихъ честолюбивыхъ плановъ. Немного уступалъ Басмановъ Скуратову и въ жестокости. Съ какимъ отвратительнымъ удовольствіемъ смотритъ онъ на Серебрянаго, когда тотъ освободился отъ нарочно спущеннаго имъ же Басмановымъ медвѣдя! Недаромъ же онъ впослѣдствіи, послѣ побѣды надъ татарами, хвалился Серебряному:

«Поведи лишь царь очами, брата родного отравилъ бы, и неспросилъ бы за что?». Подлинно второй Малюта! Впрочемъ, Басмановъ въ этомъ отношеніи является

истиннымъ сыномъ своего отца Алексѣя Басманова, третьяго замѣчательнаго царскаго опричника. Еще пожалуй онъ уступаетъ послѣднему: вѣдь Ѳеодоръ Алексѣевичъ тронулся бы смертію своего только родного брата, отецъ же его Алексѣй совершенно равнодушенъ къ погибели даже своего сына—его Ѳеодора.

Нѣсколько выше въ нравственномъ отношеніи трехъ поименованныхъ опричниковъ стоитъ князь Аѳанасій Вяземскій; по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ поступкахъ этого человѣка проглядываетъ какая-то самостоятельность, какое-то горделивое, чисто боярское сознаніе своего достоинства. Вяземскій не унижается такъ рабски предъ государемъ, какъ Скуратовъ и оба Басмановы, онъ, напротивъ, твердо отстаиваетъ свои боярскія права и дерзко обличаетъ царевича, назвавшаго его гусляромъ.—

«Царевичъ!—вскричалъ Вяземскій, еслибы тебѣ было годковъ пять поболѣ, да не былъ бы ты сынокъ государевъ, я бы за безчестіе позвалъ тебя къ Москвѣ на Троицкую площадь, мы помѣрились бы съ тобой, и самъ Богъ разсудилъ бы, кому владѣть саблей, кому на гусляхъ играть».

На замѣчаніе же Грознаго:

«Аѳонька!... Не забывай, предъ кѣмъ рѣчь ведешь!»

Вяземскій смѣло отвѣчалъ:

«Что-жъ, батюшка, государь Иванъ Васильевичъ,—коли виновенъ я передъ тобой, вели мнѣ голову рубить, а царевичу не дамъ порочить себя». Да и не по склонности поступилъ Вяземскій въ опричники: къ этому побудила его нелицемѣрная привязанность къ Еленѣ. Вяземскій сильно любилъ Елену и во что бы то ни стало хотѣлъ жениться на ней, но Елена ему не сочувствовала. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ осуществить свое желаніе, Вяземскій обратился наконецъ къ рѣшительному средству: поступилъ въ опричники. Уже свахи отъ самого царя готовы были отправиться къ Еленѣ, но та предупредила ихъ: чтобы

избавиться отъ Вяземскаго, она вышла, хотя тоже не по любви, замужъ за стараго боярина Морозова. Теперь Вяземскій начинаетъ мстить Дружинѣ Андреевичу: онъ похищаетъ его жену, а потомъ, когда Морозовъ явился съ жалобою на это къ царю, безсовѣстно клевещетъ на него предъ государемъ, и Грозный опредѣляетъ имъ рѣшить свое дѣло Божьимъ судомъ. Такъ-то погубила Вяземскаго его несчастная любовь къ Еленѣ.

Въ ряду поименованныхъ въ романѣ опричниковъ мы встрѣчаемъ еще Максима, сына Малюты, но это уже личность совершенно свѣтлая. Міровоззрѣніе Максима существенно расходится съ таковымъ же всѣхъ прочихъ опричниковъ, и если онъ является въ числѣ членовъ опричнины, то совершенно случайно—только потому, что отецъ его служитъ царю въ опричникахъ. Да, Максимъ не опричникъ, а истинный гражданинъ, настоящій сынъ отечества. Въ лицѣ его олицетворены тѣ высшія и благородныя стремленія нашего народа къ дальнѣйшему государственному развитію, то усиленное стараніе его уяснить только что обозначавшіеся пути этого развитія, каковые встрѣчаемъ мы въ эпоху Грознаго. Максимъ вполнѣ сроденъ по духу Серебряному. Увидавъ въ первый разъ Никиту Романовича, онъ испытываетъ невольное къ нему влеченіе, а вскорѣ и навсегда къ нему привязывается. Защита Серебрянаго предъ государемъ въ своемъ поступкѣ съ Хомякомъ и его товарищами въ деревнѣ Медвѣдевкѣ окончательно убѣждаетъ Максима въ томъ, что опричники-враги дорогаго для него отечества, и тотчасъ же у него зараждается и созрѣваетъ мысль бѣжать скорѣе отъ этихъ злодѣевъ—губителей, бѣжать туда, гдѣ можно съ пользою служить своей родинѣ, и ни за что не оставаться тамъ, гдѣ грабятъ и разоряютъ ее. Но гдѣ же это вожделѣнное неизвѣстное? гдѣ это желанное поприще полезной дѣятельности отечеству? Максимъ и самъ не знаетъ хорошо этого; онъ только чувствуетъ себя обязаннымъ служить на пользу отчизны, а гдѣ?—для него это совершенно все равно, вездѣ, гдѣ только можно,

вотъ хоть-бы примѣрно въ Литвѣ или Ливоніи, а не то въ борьбѣ съ Татарами, и Максимъ пользуется этою мелькнувшею въ его головѣ мыслію и проситъ царя отпустить его куда-либо: въ Литву или съ Ливонію, или на татаръ.

«Государь, говоритъ онъ, не заслужилъ я твоей великой милости, недостоинъ одёжи богатой, есть постарше меня. Объ одномъ прошу, государь, пошли меня воевать съ Литвой, пошли въ Ливонскую землю. Или, государь, на Рязань пошли татаръ колотить».

Проситъ Максимъ и отца своего отпустить его изъ дому, дать ему родительское благословеніе для счастливой дѣятельности во благо отечеству, но только на этотъ разъ онъ просится уже не въ Литву, Ливонію или на Татаръ, а куда глаза глядятъ. Однако, ни царь, ни отецъ не сочувствуютъ его благородному, искреннему стремленію, и только одно средство остается для Максима удовлетворить своему неподдѣльному патріотизму—бѣжать изъ дому—тайно отъ родителей, бѣжать отъ ненавистной опричины тайно отъ царя, и онъ рѣшается на это. Ничто уже болѣе не привязываетъ Максима къ слободской жизни, все ему здѣсь опротивило; жаль только ему одну мать свою, но любовь къ отечеству превозмогаетъ и это чувство, и вотъ, поручивъ свою мать промыслу всеблагаго Господа, онъ навсегда оставляетъ родительскій кровъ, навсегда покидаетъ Александровскую слободу. Но куда же ѣдетъ Максимъ? да пока онъ и самъ не знаетъ этого. Онъ ѣдетъ теперь туда, гдѣ бы можно было укрыться на нѣсколько времени, укрыться хотя бы до тѣхъ поръ, пока отецъ перестанетъ искать его, а тамъ видно будетъ, что нужно дѣлать. И Маскимъ останавливается въ одномъ монастырѣ. Чрезъ недѣлю онъ покидаетъ мирную обитель и ѣдетъ далѣе, только теперь уже составился у него опредѣленный планъ: онъ ѣдетъ теперь не наобумъ, не куда попало, нѣтъ, онъ ѣдетъ въ Рязанскія земли сражаться съ Татарами, защищать отъ нихъ свое отечество. Дѣйствительно, спустя немного времени, мы видимъ

Максима вмѣстѣ съ Серебрянымъ храбро подвизающимся въ битвѣ съ Татарами. Какими истинно благородными чувствами, чувствами чисто-русскаго человѣка наполняется теперь душа его.

«Повѣришь-ли Никита Романовичъ, говоритъ онъ Серебряному, уклонившись на мгновеніе съ поля битвы, я самъ себя не узнаю. Когда ушелъ я изъ слободы, все казалось, что не долго уже доведится жить на свѣтѣ. Тянуло помѣриться съ нехристями, только не съ тѣмъ, чтобы побить ихъ; на то́, думалъ, найдутся лучше меня; а съ тѣмъ, чтобы сложить голову на татарскую саблю. А теперь не то: теперь мнѣ хочется жить! Слышишь, Никита Романычъ, какъ вѣтеръ относитъ бранный гулъ, какъ въ небѣ жаворонки звенятъ? Вотъ такъ-же весело звенитъ и у меня на сердцѣ! Такая чуется сила и охота, что цѣлый вѣкъ показался бы коротокъ. И чего не передумалъ я съ тѣхъ поръ, какъ заря занялась! Такъ стало мнѣ ясно, такъ понятно, сколько добра еще можно сдѣлать на родинѣ! Тебя царь помилуетъ: быть того не можетъ, чтобы не помиловалъ. Пожалуй, еще полюбитъ тебя. А ты возьми меня къ себѣ: давай вмѣстѣ думать и дѣлать, какъ Адашевъ съ Сильвестромъ. Все, все раскажу тебѣ, что у меня на мысляхъ, а теперь прости, Никита Романычъ, пора туда: кажись, Басманова окружили. Хошь онъ и худой человѣкъ, а надо выручить!»

Не удалось однако Максиму передать всѣ свои думы Никитѣ Романовичу: еще не успѣлъ онъ отъѣхать отъ него, какъ стрѣла, скрывшагося въ тростникѣ татарина поразила его, и онъ умеръ на рукахъ Серебрянаго, поручивъ ему одному исполнить то, что задумалъ было онъ самъ исполнить вдвоемъ съ Серебрянымъ. Не удалось это осуществить и Никитѣ Романовичу: онъ самъ отказался отъ мѣста кравчаго, предложеннаго ему царемъ въ награду за пораженіе татаръ, и уѣхалъ въ сторожевой полкъ къ Жиздрѣ. Постояннымъ же царскимъ совѣтникомъ попрежнему остался бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ.

Личность Годунова замѣчательна въ нашей исторіи. Это былъ человѣкъ съ блестящими способностями, необыкновенно даровитый. Вмѣстѣ съ проницательнымъ, дальновиднымъ умомъ, твердою, непреклонною волею онъ соединялъ еще возвышенность и благородство характера. Благодаря всему этому, онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе государя и вскорѣ же сдѣлался первымъ любимцемъ, другомъ и совѣтникомъ Грознаго, который вступилъ съ нимъ даже въ родственныя отношенія. Мало того, своею разумною дѣятельностію Годуновъ съумѣлъ сыскать любовь и уваженіе къ себѣ со стороны всего русскаго народа, и вотъ одна изъ существенныхъ причинъ, по которой онъ избранъ былъ впослѣдствіи на Русскій престолъ. Однимъ только честолюбіемъ запятналъ себя Борисъ Ѳеодоровичъ: для удовлетворенія этому качеству онъ иногда жертвовалъ даже самою справедливостью и наконецъ въ порывѣ неразумнаго увлеченія славою соверщилъ величайшее злодѣяніе. Таковъ былъ Годуновъ по исторіи, но таковымъ же мы встрѣчаемъ его и въ разбираемомъ романѣ. Здѣсь Толстой надѣлилъ его такими качествами, которыя обнаруживаютъ въ немъ, можно сказать, безусловно вѣрно историческаго Годунова, какъ отдѣльную историческую личность. Вездѣ, гдѣ только является Борисъ Ѳеодоровичъ, онъ дѣйствуетъ осмотрительно, разсчитанно, какъ бы по заранѣе обдуманному, взвѣшенному и оцѣненному плану. Когда царь въ порывѣ гнѣва приказалъ казнить Серебрянаго за его извѣстное нападеніе на опричниковъ, Годуновъ какъ бы зналъ, что Іоаннъ проститъ его, и велѣлъ палачу помедлить немного исполненіемъ царской воли. Предположенія его оправдываются: Грозный сознаетъ свою несправедливость по отношенію къ Серебряному, жалѣетъ что поторопился осудить его, и съ угрозою винитъ въ этомъ своихъ приближенныхъ— опричниковъ. Тутъ-то и выступаетъ Годуновъ.—

«Не поздно, государь,—сказалъ онъ, возвращаясь въ палату (откуда выходилъ на мгновеніе,—дать извѣстное распоряженіе палачу).—Я велѣлъ подождать

казнить Серебрянаго. На милость образца нѣтъ, государь, а мнѣ вѣдомо, что ты милостивъ, что иной разъ и присудишь, и простишь виноватаго. Только уже Серебряный положилъ голову на плаху, палачъ, снемши кафтанъ, засуча рукава, ждетъ твоего царскаго велѣнія!»

«Царь былъ сильно тронутъ этимъ и сердечно отблагодарилъ Годунова.—

«Борисъ, сказалъ онъ,—подойди сюда, добрый слуга мой. Ты одинъ знаешь мое сердце. Ты одинъ видишь, что я кровь проливаю не ради потѣхи, а чтобы измѣну вывести. Ты меня не считаешь за сыроядца. Подойди сюда, Өедорычъ, я обниму тебя. Годуновъ наклонился. Царь поцѣловалъ его въ голову».

Также ловко дѣйствуетъ Борисъ Өеодоровичъ и при допросѣ Серебрянаго въ темницѣ. Онъ хорошо понималъ, что Малюта заклятый врагъ Никиты Романовича, что поэтому въ его присутствіи высказывать свое сочувствіе Серебряному не на шутку опасно и потому совершенно хладнокровно отвѣчалъ на жалобу Серебрянаго по поводу перемѣны прежнихъ отношеній.—

«Я пришелъ,—быть у допроса твоего вмѣстѣ съ Григорьемъ Лукьяновичемъ. Остерегаться мнѣ не отъ чего: и только, вѣдая государево милосердіе, остановилъ въ ту пору заслуженную тобою казнь!

— Время милосердія прошло!.. ты помнишь клятву, какую далъ государю? Покорись же теперь его святой волѣ, и если признаешься намъ во всемъ безъ утайки, то минуешь пытку и будешь казненъ скорою смертью».

И только по уходѣ Малюты Годуновъ шепнулъ на ухо Серебряному:

«Не отчаявайся, князь!—главное, выиграть время!»

Или опять, съ какимъ опасеніемъ встрѣчаетъ онъ въ своемъ домѣ Серебрянаго послѣ его возвращенія въ Александровскую слободу вмѣстѣ съ станичниками! Съ какою осторожностію провожаетъ его отъ себя, стараясь избѣжать даже малѣйшаго подозрѣнія со стороны кого-бы-то ни-было въ сочувствіи царскому преступнику! Какъ хитро вымаливаетъ онъ у царя прощеніе послѣд-

нему со всѣми его товарищами! Еще болѣе дорожитъ Борисъ Өеодоровичъ любовію народною. Онъ вызывается провожать изъ Москвы литовскихъ пословъ, чтобы тѣмъ избѣжать присутствія при огромной казни, предназначенной Грознымъ въ Москвѣ на большой торговой площади, внутри Китай города. Потому же самому проситъ Годуновъ и Серебрянаго всюду говорить о немъ одно только хорошее:

«Объ одномъ прошу тебя, говоритъ онъ на прощаніе Никитѣ Романовичу, когда услышишь, что про меня говорятъ худо, не вѣрь тѣмъ слухамъ и скажи клеветникамъ моимъ все, что про меня знаешь».

Словомъ, хитрая политика служитъ убѣжденіемъ Бориса Өеодоровича, какъ онъ неоднократно высказываетъ это въ откровенныхъ бесѣдахъ Серебряному. И вотъ вслѣдствіе этого-то Годуновъ сдѣлался первымъ любимцемъ и даже родственникомъ царя. Впрочемъ, по замѣчанію автора, Годуновъ достигъ своего высокаго положенія при дворѣ «не безъ ущерба своему нравственному достоинству».

«Такъ, онъ, видя въ Малютѣ слишкомъ сильнаго соперника и потерявъ надежду уронить его въ глазахъ Іоанна, вошелъ съ нимъ въ тѣсную дружбу, и, чтобы связать сильнѣе ихъ обоюдныя выгоды, женился на его дочери. Двадцать лѣтъ, проведенныхъ у престола такого царя, какъ Іоаннъ Грозный, не могли пройти даромъ Борису Өеодоровичу, и въ немъ уже совершился тотъ горестный переворотъ, который, по мнѣнію современниковъ, обратилъ въ преступника человѣка, одареннаго самыми высокими качествами».

Кромѣ указанныхъ типовъ—станичниковъ, случайно вошедшихъ въ тѣсныя отношенія съ героемъ романа Серебрянымъ, и опричниковъ—новыхъ царедворцевъ Іоанна Грознаго вмѣстѣ съ Борисомъ Өеодоровичемъ Годуновымъ, Толстой представляетъ намъ въ разбираемомъ романѣ довольно наглядно между прочимъ и типъ колдуна-мельника, типъ такого человѣка, которыхъ нерѣдкость было встрѣтить въ тогдашнее темное время, полное са-

мыхъ нелѣпыхъ суевѣрій и предразсудковъ, и отъ которыхъ жалкіе остатки уцѣлѣли и до послѣднихъ дней среди нашихъ необразованныхъ простолюдиновъ.—Въ самомъ дѣлѣ, вѣра въ возможность вступать въ непосредственныя, самыя близкія сношенія съ духами тьмы, духами ада и при помощи ихъ производить всевозможныя чудеса, всевозможныя диковинки была всеобщимъ достояніемъ русскихъ въ эпоху Грознаго, насколько это извѣстно изъ исторіи. Всѣ, начиная съ самаго царя и, кончая простымъ сельскимъ поселяниномъ, твердо были убѣждены, что есть и много на свѣтѣ такихъ людей, которыхъ нужно по возможности опасаться, а при случаѣ и уважать, потому что они многое кое-что знаютъ такое, что неизвѣстно другимъ, благодаря чему и могутъ причинить каждому или добро или зло, смотря по своему желанію. Подобныя личности назывались обыкновенно колдунами или знахарями. Пользуясь такимъ о себѣ мнѣніемъ со стороны всѣхъ и каждаго, они всѣми силами старались поддержать свое вліяніе и для этого пускались на всевозможныя выдумки и хитрости; собирали различныя травы, составляли разныхъ сортовъ напитки, заучивали какія-то непонятныя слова и т. п., чѣмъ и морочили православный народъ, по временамъ обращавшійся къ нимъ съ разнообразными просьбами. Чтобы придать своей дѣятельности большее значеніе, колдуны и колдуньи старались обставить свою жизнь какою-то страшною таинственностію; поэтому они большею частію удалялись отъ общества и поселялись въ глухихъ мѣстностяхъ. Опасаться имъ было нечего, потому что съ звѣрями можно управиться, а люди не осмѣлятся сильно обижать ихъ изъ боязни получить возмездіе. И жили знахари и знахарки припѣваючи, обвораживали православный людъ, да собирали казну богатую. Такого-то колдуна и встрѣчаемъ мы въ романѣ Толстого въ лицѣ мельника. Мельникъ-старикъ, живётъ одинъ—одинёшенекъ вдали отъ общества въ лѣсу, въ глухой мѣстности, къ нему трудно пробраться незнающему. Колдовство служитъ его главнымъ занятіемъ.

Онъ собираетъ разныхъ сортовъ травы, составляетъ различнаго рода одуряющіе напитки, знаетъ много таинственныхъ словъ, вступаетъ въ мнимыя сношенія съ нечистыми духами, словомъ, отлично хорошо знакомъ съ искусствомъ знахаря. Благодаря этому, онъ пользуется всеобщею извѣстностью въ своей окружности: съ нимъ знаются и разбойники, и холопы боярскіе, и даже люди царскіе—князья и бояре. Всякій обращается къ мельнику за помощію, когда обыкновенныя средства оказываются недостаточными, и Давыдычъ умѣетъ показать себя. При помощи хитрости и непомѣрнаго лукавства, онъ всегда обставитъ дѣло такъ, что проситель непремѣнно останется имъ доволенъ и щедро отблагодарить его. Да и съ чего же иначе и хлопотать ему? Вѣдь и морочить-то онъ людей изъ-за золота, изъ-за денегъ! Только не сдобровалъ Давыдычъ: донесли на него государю, что будто бы онъ помогалъ боярамъ извести царя чарами, и мельникъ поплатился за свое чародѣйство жизнію.

Что касается теперь до Михеича, стремяннаго Серебрянаго, и Хомяка, стремяннаго Скуратова, эти два человѣка, существенно противоположные другъ другу по своимъ характерамъ, представляютъ собою одинъ и тотъ-же типъ вѣрнаго древне-русскаго холопа, всѣмъ существомъ своимъ преданнаго своему господину, преданнаго до перенесенія на себя хорошихъ и дурныхъ свойствъ послѣдняго. Въ характерѣ Михеича сквозятъ—таже любовь, таже твердость и рѣшимость, тоже благородство и возвышенность, какъ и въ характерѣ его господина—Серебрянаго; онъ всецѣло подчиняется Никитѣ Романовичу, вполнѣ раздѣляетъ его убѣжденія. Подобно Серебряному, Михеичъ горячо любитъ родину и точно также возмущается беззаконными поступками опричниковъ; глубоко преданъ онъ и царскому семейству. Съ какимъ жаромъ спѣшитъ онъ извѣстить своего господина о томъ, что опричники схватили царевича и связаннаго везутъ его по направленію къ Поганой-Лужѣ! А какую любовь и твердость, какую силу воли, ка-

кую рѣшимость показываетъ онъ при избавленіи Серебрянаго, когда ѣдетъ къ мельнику, а потомъ въ неизвѣстную избушку, гдѣ встрѣчаетъ разбойниковъ и упрашиваетъ ихъ атамана спасти его господина. Словомъ, Михеичъ—это типъ слуги добраго въ полномъ смыслѣ этого слова. Совершенно другими качествами запечатлѣнъ характеръ Хомяка. Человѣкъ этотъ, не менѣе Михеича преданный своему господину—Скуратову, обладаетъ всѣми безчеловѣчными свойствами Григорія Лукьяновича. Онъ не задумается ни надъ какимъ дурнымъ поступкомъ и готовъ совершить какое — угодно злодѣяніе. Хомякъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ нападаетъ на деревню Медвѣдевку и едва не раззоряетъ ее. Хомякъ клевещетъ на Серебрянаго предъ царемъ и едва не подвергаетъ его смерти. Хомякъ въ числѣ первыхъ грабитъ имущество Морозова и поджигаетъ домъ его, Хомякъ пронзаетъ ножемъ стремянныхъ царевича во время охоты и вмѣстѣ съ Малютою увозитъ его отъ прочихъ охотниковъ; Хомякъ же выступаетъ вмѣсто Вяземскаго для борьбы съ Морозовымъ, но на этотъ разъ падаетъ мертвымъ отъ руки Митьки.

Наконецъ, изъ числа очень немногихъ женскихъ типовъ, выведенныхъ въ романѣ, останавливаетъ на себѣ вниманіе прекрасный образъ Елены. Въ возвышенныхъ и благородныхъ чертахъ ея характера поэтъ ясно высказалъ и художественно развилъ свой идеальный взглядъ на женщину, какъ на существо, имѣющее своею главною, если только не единственною, задачею любовь въ истинномъ, идеальномъ смыслѣ этого слова. Елена всею душею привязана къ Никитѣ Романовичу, всѣмъ существомъ своимъ любитъ его и, когда Серебряный, отправляясь въ качествѣ царскаго посланника въ Литву, въ силу необходимости долженъ былъ разстаться съ нею, она клянется ему въ своей вѣрности. Въ отсутствіе Никиты Романовича въ Елену влюбляется князь Аѳанасій Вяземскій и всевозможными способами старается привлечь ее на свою сторону, но Дмитріевна любитъ и любитъ по-прежнему одного только

Серебрянаго и потому рѣшительно отказываетъ своему новому поклоннику въ расположеніи. Когда же Вяземскій рѣшился взять ее за себя замужъ силою и для сего поступилъ въ опричники, Елена принуждена была выйти за Морозова. Но и теперь, будучи уже женою Дружины Андреевича, она осталась при своемъ расположеніи къ Серебряному. Когда Никита Романовичъ, посѣтивши Морозова, отправлялся въ Александровскую слободу, Елена останавливаетъ князя и умоляющимъ голосомъ проситъ его отложить свое намѣреніе не ѣздить къ царю на вѣрную смерть, пожалѣть хоть ее, которая все еще любитъ его, какъ и прежде. Да, Елена любитъ одного Серебрянаго, имъ однимъ занято ея сердце, къ нему одному чувствуетъ она невольное влеченіе, и только злосчастная судьба заставила ее безъ любви выйти за Морозова! А какъ возвышена и благородна любовь ея! Елена любитъ Серебрянаго не за красоту только: вѣдь и Аѳанасій Вяземскій былъ не безобразнѣе Никиты Романовича, да и много другихъ красавцевъ предлагали ей свои руки; нѣтъ, она любитъ Серебрянаго за его добрыя и прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ душевныя качества. Это любовь истинная, идеальная, любовь, къ которой чувствуешь невольное уваженіе. Вотъ почему художественный образъ Елены вызываетъ въ васъ искреннее сочувствіе и надолго запечатлѣвается въ вашей памяти. И Елена осталась до конца вѣрною своей любви. Даже будучи уже монахинею, она утѣшаетъ Серебрянаго и по любви къ нему обѣщаетъ всегда молиться о немъ.

III

Мы разсмотрѣли характеры всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа «Князь Серебряный» и нашли, что всѣ они служатъ художественно - прекрасными и исторически-вѣрными типами истинно русскихъ людей XVI-го столѣтія. Предки наши временъ Іоанна Васильевича такъ именно говорили и мыслили, жили и дѣй-

ствовали, какъ это представлено въ означенномъ романѣ. Тостой вполнѣ усвоилъ складъ ихъ старинной рѣчи, простодушную суровость ихъ нравовъ, богатырскую силу и широкій размахъ ихъ чувства и какъ будто современникъ воспроизведенной имъ эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности со всѣми ихъ оттѣнками и все это представилъ истинно художнически въ группѣ прекрасныхъ картинъ и образовъ. Отсюда, русская жизнь второй половины названнаго столѣтія предстаетъ предъ нами въ его романѣ во всей полнотѣ своей. Въ цѣломъ рядѣ художественныхъ картинъ, въ послѣдовательной смѣнѣ живописно—очерченныхъ дѣйствій героевъ мы, какъ нельзя лучше, знакомимся съ понятіями, вѣрованіями, нравами и даже степенью образованности нашего общества въ указанное время. Такъ, прежде всего мы узнаемъ что предки наши царствованія Грознаго были людьми въ высшей степени религіозными и набожными. Они строго хранили церковные уставы и старались по возможности исполнять всѣ божественныя заповѣди. Вмѣстѣ съ этимъ они отличались простоватыми, хотя и нѣсколько грубыми нравами. Горячо любили они своего государя и твердо вѣрили въ его божественное назначеніе. Поэтому всеобщимъ ихъ убѣжденіемъ было то, что царь, какъ помазанникъ Божій, непремѣнно творитъ волю Божію, вслѣдствіе чего они безусловно и во всемъ повиновались ему. Еще болѣе любили они свое отечество, такъ что для блага его не прочь были пожертвовать и самою жизнію. Въ общественной дѣятельности руководились они сознаніемъ долга, въ жизни частной и семейной благочестіемъ и обычаями отцовъ своихъ, что и старались исполнять до буквальной точности. Грубость нравовъ ихъ выражалась тогда, когда забывали они требованія нравственнаго долга и предавались различнаго рода порокамъ и преступленіямъ. Этимъ объясняются всѣ ихъ кровавые ужасы, чему много содѣйствовало и отсутствіе истинной образованности. Послѣднее обстоятельство кромѣ того породило безчисленное множество суе-

вѣрій и самыхъ нелѣпыхъ предразсудковъ. Предки наши описываемаго времени твердо вѣрили, напр., въ возможность вступать въ живыя сношенія съ нечистыми силами, и оттого-то колдовство и чародѣйство были для нихъ обычнымъ явленіемъ. Словомъ, въ разобранномъ романѣ Толстого совершенно ясно проглядываютъ всѣ самыя жизненныя начала народнаго русскаго духа временъ Грознаго, такъ что къ этому произведенію вполнѣ примѣнимы слѣдующія слова другаго нашего великаго поэта:

«Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ»!

Вотъ отчего «Князь Серебряный» имѣлъ громадный успѣхъ въ обществѣ.—Всѣ почувствовали отъ него какое-то бодрое, свѣжее и серьезное вѣяніе, и онъ, будучи въ первый разъ помѣщенъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, вскорѣ же былъ переведенъ почти на всѣ европейскіе языки, а у насъ выдержалъ нѣсколько и отдѣльныхъ изданій. Вотъ почему и до сихъ поръ онъ пользуется широкимъ распространеніемъ, а за нравственную чистоту своего содержанія вполнѣ доступенъ и всецѣло полезенъ и для каждаго истинно-просвѣщеннаго юноши.

Миръ праху твоему великій творецъ истинно-художественнаго и чисто-нравственнаго литературнаго произведенія!

М. Соколовъ.

Тула. 15-го февраля 1897 г.

ЖИВОЕ СЛОВО ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РОДНОГО ЯЗЫКА. МЕТОДИКА РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И ОБЪЯСНЕНІЯХЪ ПО ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ОБРАЗЦАМЪ.

(Продолженіе).

По программѣ въ IV классѣ требуется ознакомить учащихся съ ученіемъ о періодахъ.

Предлагаемыя ниже басни даютъ содержаніе для составленія періодовъ; а потомъ, при помощи учителя, басни эти группируются по содержанію. Группировка матеріала—одинъ изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ процессовъ при писаніи сочиненій; но здѣсь дѣло упрощается и дѣлается посильнымъ для учениковъ IV класса потому, что устраняется изобрѣтеніе матеріала: онъ дается баснописцемъ. Басни могутъ быть прочитаны и вразбивку, а потомъ сгруппированы, лучше—если сами ученики догадаются, какъ сгруппировать ихъ. Группировка басенъ—подспорье для курса VII класса, который невозможенъ безъ предварительной подготовки. Въ виду намѣченной цѣли разборы даются очень короткіе, да иначе и быть не можетъ: 1) предполагается, что ученики предъидущими курсами достаточно подготовлены къ пониманію басенъ; 2) въ IV классѣ некогда разбирать подробно: необходимо заниматься славянскимъ текстомъ и славянской грамматикой. Если-же ученики не поймутъ чего-нибудь въ предложенной баснѣ, то должны сами поставить вопросъ учителю—нужно ихъ къ этому пріучить. Конечно, такія слова, какъ „бортъ", „Борей", должны быть объяснены, но очень кратко.

IV. „Пушки и Паруса“ Крылова. 1829 года.

I. Планъ.

А. Фабула.

- I. Отношеніе между пушками и парусами.
  - 1. Вражда пушекъ съ парусами.
  - 2. Мнѣніе пушекъ:
    - а) ничтожество и чванство парусовъ,
    - б) важное значеніе пушекъ,
    - в) просьба пушекъ.
- II. Судьба корабля съ пушками.
  - 1. Буря.
  - 2. Неподвижность корабля.
  - 3. Гибель корабля съ пушками.

Б. „Нравоученіе“—выясненіе смысла басни.

II. Изъ плана видно, что въ баснѣ два важнѣйшихъ элемента: А) фабула—аллегорическій разсказъ, Б) нравоученіе.

А. У Крылова фабула сама по себѣ представляетъ поэтическій разсказъ: презрительная рѣчь пушекъ удачно вымышлена, прекрасно представлена картина бури и гибели корабля съ пушками. Поэтическое достоинство фабулы—выгодное отличіе басенъ Крылова.

Б. „Нравоученіе“ отличается краткостію и мѣткостію: слова—„Оружіемъ врагамъ она (страна) грозна, а паруса—гражданскія въ ней власти“—по своей мѣткости и бойкости могутъ быть употреблены вмѣсто пословицы; ихъ слѣдуетъ запомнить, замѣнивъ мѣстоименіе „она“ существительнымъ „страна“.

III. Отчего пушки съ кораблемъ погибли?—Они враждовали съ парусами, презирали ихъ, просили Борея уничтожить паруса (см. планъ).—При какихъ трехъ условіяхъ не погибли бы пушки, не погибъ-бы и корабль?—Полный отвѣтъ на данный вопросъ такой: Еслибы пушки не враждовали съ парусами; еслибы не относились къ нимъ съ презрѣніемъ; еслибы не попросили Борея разорвать паруса: корабль, при встрѣчѣ съ непріятельскимъ кораблемъ, могъ бы

принять болѣе удобное положеніе; могъ-бы вполнѣ успѣшно бороться съ противникомъ; не погибъ-бы онъ, цѣлы-бы остались и пушки.

Такая полная рѣчь, въ которой высказано связно все, что только можно сказать о данномъ предметѣ, называется періодомъ. Въ данномъ періодѣ двѣ главныя части: въ одной—три условія, въ другой—то, что могло-бы случиться при этихъ условіяхъ, сдѣланы три предположенія. Главная вторая часть: по предложенному вопросу, нужно отвѣтить, сказать о возможности спасенія корабля и пушекъ—вторая часть пониженіе. Пониженіе отъ повышенія принято отдѣлять двоеточіемъ; члены повышенія и пониженія отдѣляемъ точкою съ запятою.

Такой періодъ, въ которомъ въ повышеніи высказаны условія, называется условнымъ. Части условнаго періода соединяются союзами: если, еслибы, коли, ежели.

Первую часть періода можно еще выразить такъ: не будь у пушекъ вражды съ парусами; не гордись пушки; не проси онѣ Борея изорвать паруса: корабль и т. д. Итакъ—пропустивъ союзы въ условномъ періодѣ, отношеніе между повышеніемъ и пониженіемъ можно выразить формою повелительнаго наклоненія.

IV. Разсказывая о пушкахъ и парусахъ, Крыловъ имѣетъ въ виду представить значеніе въ государствѣ войска и гражданскихъ властей: въ разсказѣ аллегорія, которая основывается на сходствѣ. Выразивъ сходство со всею полнотою, получимъ періодъ сравнительный: Какъ пушки, изъ вражды и презрѣнія, погубили корабль, упросивъ Борея изорвать паруса; такъ и враждебность военныхъ и гражданскихъ властей, ихъ взаимное противодѣйствіе губитъ государство.

Въ данномъ періодѣ части—повышеніе отъ пониженія—отдѣлены точкою съ запятою, потому что каждая часть состоитъ только изъ одного члена.

Такъ какъ всѣ басни заключаютъ аллегорію, то изъ каждой басни можно составить сравнительный періодъ.

V. „Листы и Корни“ Крылова. 1811 года.

I. План ъ.

А. Самохвальство листьевъ въ прекрасный лѣтній день:	1. Красота. 2. Тѣнь въ жаркій день. 3. Пляски пастушекъ, пѣніе соловья, вѣяніе зефировъ.
Б. Смиренное возраженіе корней, роющихся въ темнотѣ:	1. Добываніе пищи. 2. Постоянство корней и временность листьевъ. 3. Зависимость жизни дерева и листьевъ отъ корней.

II. Изъ плана видна противоположность между первою и второю частію: листья—при яркомъ свѣтѣ лѣтняго дня, корни подъ землею, въ темнотѣ; листья праздно шепчутся, корни роются въ землѣ; листья гордо хвалятся,—корни смиренно возражаютъ; листья хвалятся красотою и пріятностію, корни—пользою. Изъ такого матеріала можно составить противительный періодъ: Листья гордятся тѣмъ, что служатъ украшеніемъ дерева и всей долины; что въ жаркій день они укрываютъ своею тѣнью пастуха и странника, а вечеромъ привлекаютъ пастушекъ и соловьевъ; что зефиры съ ними не разстаются; въ своей гордости листья надменно удивляются смѣлости корней: но красоту и привлекательность листьямъ даютъ смиренные корни; они же, доставляя пищу, поддерживаютъ и жизнь листьевъ, и каждую весну производятъ новые листья.

Такъ какъ, несмотря на достоинства корней, и листья все-таки не безъ достоинствъ, то можно еще составить уступительный періодъ, въ которомъ достоинства листьевъ могутъ быть перечислены въ повышеніи, начинающемся союзомъ „хотя“; а о зависимости листьевъ отъ корней можно сказать въ пониженіи, начинающемся союзомъ «*но*»: Хотя листья украшаютъ дерево и долину; (хотя) въ зной укрываютъ пастуха и странника; (хотя) красотою своею привлекаютъ пастушекъ и соловьевъ—и все это ставятъ въ заслу-

гу только себѣ: но красота и привлекательность листьевъ непродолжительны и находятся въ зависимости отъ корней, такъ что, если корень изсушится, не будетъ не только листьевъ, но и дерева.

IV. Выясненіе смысла басни. Басня „Листы и Корни" безъ „нравоученія", но смыслъ ея легко выяснить. „Листы" — множественное число, значитъ — подразумѣвается не одинъ человѣкъ, а много, группа людей. Листья— вверху, они роскошны, укрываютъ отъ зноя; у нихъ веселье—пляски и пѣніе: ясно, что здѣсь разумѣется высшее общество, живущее въ довольствѣ, проводящее время въ удовольствіяхъ—такое общество въ то время представляли собою помѣщики. Понятно также, что корни—крѣпостные крестьяне, которые, обработывая землю, доставляли все необходимое для помѣщиковъ и для государства („дерево"). Не написалъ Крыловъ „нравоученія", „чтобъ гусей не раздразнить": въ то время былъ поднятъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; противниковъ освобожденія было очень много, такъ что освобожденіе могло состояться только черезъ 50 лѣтъ.

V. Имѣя въ виду смыслъ басни, легко составить сравнительный періодъ. Это можно задать ученикамъ на домъ.

VI. Значеніе и взаимное отношеніе сословій (группировка содержанія двухъ басенъ). Низшее сословіе — крестьяне, обработывая землю, производятъ какъ пищу, такъ и предметы роскоши—доставляютъ необходимое для существованія высшаго сословія и всего государства. Помѣщики, пользуясь трудами крестьянъ, освобождены отъ заботъ добывать хлѣбъ обработкою земли — это имъ дало возможность проводить жизнь болѣе пріятно; но и помѣщики имѣли свои обязанности: одни служили въ военной службѣ, другіе—въ гражданской, служили тоже на пользу государства; служба эта не всегда оцѣнивалась по достоинству. „Когда нѣкоторые, черезъ-чуръ военные, люди, говоритъ Гоголь, стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на военной силѣ, и въ ней одной спасеніе, и чиновники штатскіе начали въ свою очередь притрунивать надо всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за

того только, что нѣкоторые военные не понимали истинной важности своего званія, Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

„Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ врагамъ она грозна,
А паруся—гражданскія въ ней власти".

VI. „Гуси" (разборъ въ I к. XXXII ст.).

Какъ цѣлыя сословія (листья, пушки) ошибаются въ своемъ значеніи и достоинствахъ, такъ могутъ въ томъ же ошибаться и отдѣльныя лица; въ такую ошибку впадаютъ люди, требующіе себѣ почета не за заслуги, а за свое знатное происхожденіе. Это выставлено въ баснѣ „Гуси".

Періодъ: Гусямъ знатнаго происхожденія, жаловавшимся на невѣжливое обращеніе съ ними мужика—неуча, прохожій объяснилъ: (что) предкамъ, спасшимъ Римъ, „подѣломъ была и честь"; а (что) они—потомки знатныхъ гусей, ничего не сдѣлавшіе, годны только на жаркое.

Въ первой части періода указано непонятное явленіе— „невѣжливое обращеніе мужика—неуча"; это непонятное явленіе объясняется во второй части. Во второй части заключается главное—смыслъ басни: это пониженіе, которое можно соединить съ повышеніемъ союзомъ „что". Періодъ, заключающій въ пониженіи выясненіе какого-нибудь факта, указаннаго въ повышеніи, называется изъяснительнымъ.

Еще изъяснительный періодъ: Моська, увидѣвши Слона, начала на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться; чтобы безъ драки попасть въ большія забіяки, чтобы говорили собаки: „Ай, Моська! знать, она сильна, что лаетъ на Слона"! Басня эта разобрана во II к. XXXII ст. „Гуси" считали за достоинство знатное происхожденіе, а Моська хочетъ гордиться мнѣніемъ собакъ, титуломъ „забіяки".

Части изъяснительнаго періода могутъ соединяться еще союзомъ „чтобы".

VII. «Лягушка и Волъ» Крылова. 1808 года.

Періодъ условный: Если мѣщанинъ захочетъ жить, „какъ именитый гражданинъ, а сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ"; то они кончатъ такъ же печально, какъ завистливая лягушка, захотѣвшая быть съ вола.

VIII. «Тришкинъ кафтанъ» Крылова. 1815 года.

Періодъ послѣдовательный: Когда надъ Тришкою смѣялись, что онъ, обрѣзавъ рукава, починилъ продравшіеся локти; тогда Тришка — „малый не простой", обрѣзавъ фалды и полы, наставилъ рукава — „и веселъ Тришка мой, хоть носитъ онъ кафтанъ, котораго длиннѣе и камзолы".

Поставивъ въ концѣ этого періода вмѣсто точки двоеточіе, продолжимъ, дадимъ объясненіе басни: точно такъ нѣкоторые помѣщики, запутавъ свои дѣла („на локтяхъ кафтанъ продрался"), закладывали часть своего имѣнія; проживали безъ толку деньги, для уплаты процентовъ дѣлали новые займы.

Соединивъ объясненіе басни съ фабулой, получимъ новый сравнительный періодъ, повышеніе котораго представляетъ также періодъ (послѣдовательный). Такіе періоды называются смѣшанными.

IX. «Мельникъ» Крылова. 1825 года.

Господа, щеголяющіе въ „Тришкиномъ кафтанѣ", запутываютъ свои дѣла и потомъ поступаютъ, какъ „Мельникъ".

У мельника вода сначала немного прососала плотину — „бѣда не велика"; течь день ото дня становилась сильнѣе; вотъ уже вода „бьетъ какъ изъ ведра" — „далеко до бѣды"; наконецъ — вода „бѣжитъ, какъ изъ ушата — жерновъ сталъ, мельница не служитъ": тогда-то мельникъ, желая уберечь

остатокъ воды, подъ нимъ убиваетъ куръ, пришедшихъ воду „вдосталь допивать".

Смыслъ, тема періода: Расточительные люди въ концѣ дѣлаются глупо бережливыми. Подлежащее „расточительные люди" развито въ повышеніи, сказуемое — въ пониженіи. Всѣ упомянутыя дѣйствія происходятъ постепенно одно за другимъ: періодъ постепенный. Для связи употреблены слова: „сначала", „потомъ", „далѣе", „наконецъ", „тогда то".

Сводъ содержанія басенъ VI—IX. Во всѣхъ этихъ басняхъ аллегорически выставляется смѣшное желаніе людей, во что-бы то ни стало, казаться выше, значительнѣе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ; нѣкоторые изъ нихъ только смѣшны, а другіе даже ради удовлетворенія такому желанію причиняютъ себѣ вредъ, а потомъ, неразумно поправляя бѣду, еще больше вредятъ себѣ. Смѣшны люди, требующіе себѣ почета за то, что у нихъ знатные предки; другіе, не имѣя даже и такого отличія, не обладая никакими дарованіями, подобно Моськѣ, хотятъ безъ драки попасть въ большія забіяки; они, будучи сами ничтожны, всѣхъ злословятъ, порицаютъ тѣхъ, кто выше, значительнѣе, лучше ихъ. О такихъ людяхъ можно сказать: „Ай, Моська! знать, она сильна, что лаетъ на Слона"! эти слова Крылова обратились въ пословицу, какъ и другія (съ нѣкоторою передѣлкою): „Твоего я лаю совсѣмъ не примѣчаю". Нѣкоторые (подобно „Лягушкѣ") думаютъ, что они и на самомъ дѣлѣ могутъ во всемъ равняться со всѣми; такъ: человѣкъ небогатый хочетъ казаться богатымъ, и тѣмъ разстраиваетъ свои дѣла; поправляя ихъ, щеголяетъ въ „Тришкиномъ кафтанѣ". Нѣкоторые богатые люди (см. „Мельникъ") безпечно расточаютъ свое имущество; а потомъ, принявшись за бережливость неразумно, въ то время, когда уже нечего беречь, еще больше портятъ свои дѣла.

Во всѣхъ этихъ басняхъ выставляется вредъ самохвальства (напр. „бахвальство"), тщеславія.

Періодъ раздѣлительный: Человѣкъ долженъ понимать свое значеніе, свои силы, а не преувеличивать ихъ; долженъ дѣлать свое дѣло по мѣрѣ силъ своихъ, безъ же-

ланія высказаться: иначе—онъ или сдѣлается смѣшнымъ въ глазахъ другихъ людей, или—что еще хуже—причинитъ себѣ вредъ, иногда непоправимый.

Здѣсь, въ раздѣлительномъ періодѣ, въ повышеніи два члена съ союзомъ раздѣлительнымъ „или".

X. «Поэтъ» Пушкина. 1827 года.

I. Аполлонъ, по вѣрованію грековъ, богъ пѣснопѣнія, поэзіи, вдохновитель поэтовъ: поэтическое произведеніе—„священная жертва" Аполлону.

II. Все стихотвореніе представляетъ противительный періодъ, въ которомъ изображаются два противоположныя состоянія поэта: состояніе до вдохновенія и состояніе во время вдохновенія. До вдохновенія поэтъ—самый обыкновенный человѣкъ, даже, можетъ быть, онъ ничтожнѣе всѣхъ; во время вдохновенія онъ совершенно измѣняется до того, что чуждается людей.

Данный періодъ отличается художественною симметричностію (соразмѣрностію); эту симметричность, соразмѣрность можно видѣть изъ сопоставленія картинъ повышенія съ картинами пониженія: къ каждой картинѣ первой части, непремѣнно, есть соотвѣтствующая во второй части:

Въ первой части:	Во второй части:
1. Аполлонъ не требуетъ поэта къ жертвѣ.	1. Божественный глаголъ (Аполлона) коснулся чуткаго уха поэта.
2. Поэтъ малодушно погруженъ въ заботы свѣта.	2. Душа встрепенулась—и поэтъ тоскуетъ въ забавахъ свѣта.
3. Поэтъ ничтожнѣе всѣхъ.	3. Передъ народнымъ кумиромъ не клонитъ гордой головы.
4. Душа вкушаетъ хладный сонъ.	4. Бѣжитъ онъ дикій и суровый. Смятенья полнъ.
5. Поэтъ вращается „межъ	5. Бѣжитъ „на берега пустын.

дѣтей ничтожныхъ міра".	ныхъ волнъ, въ широкошумныя дубравы".
6. „Молчитъ его святая лира".	6. Поэтъ „и звуковъ и смятенья полнъ".

Такая соразмѣрность есть высшее достоинство періода и достижима для лучшихъ писателей.

Повышеніе отъ пониженія отдѣлено точкою, а не по общему правилу; въ настоящее время различныя подобныя отступленія дѣлаются часто.

Замѣтка. Въ послѣдней книжкѣ Журнала Мин. Нар. Просв. (Мартъ 1897 г.) напечатана статья г. Андреева о періодахъ. Ученіе о періодѣ въ его школьной постановкѣ само по себѣ, на мой взглядъ, не имѣетъ большой важности: риторическіе періоды Ломоносова, Карамзина, даже отчасти періоды Гоголя примыкаютъ къ архаическимъ явленіямъ слова; но, если явленіе существуетъ, съ нимъ необходимо считаться, нужно анализировать его. Во взглядахъ на періодъ существуетъ разногласіе, въ которомъ очень трудно разобраться: это послѣднее обстоятельство и придаетъ важное значеніе статьѣ г. Андреева, который значительно разбиваетъ рутину въ ученіи о періодахъ, освѣжаетъ школьную атмосферу; послѣ прочтенія статьи взглядъ на періодъ расширяется; но, по моему мнѣнію, есть кое-что неудобопріемлемое. Періодъ, по взгляду г. Андреева, риторическая единица", совершенно совпадающая съ грамматическою единицею—предложеніемъ (простымъ и сложнымъ), совпадающая и съ логическою единицею—сужденіемъ и умозаключеніемъ; съ этимъ трудно согласиться. Правда—періодъ выражается не иначе, какъ предложеніями, заключающими и сужденія, и умозаключенія; но „періодъ"—не просто риторическій терминъ для названія предложеній, а привносящій что-нибудь въ понятіе. Не имѣя возможности въ методическомъ руководствѣ заниматься теоретическою разработкою вопроса и не считая себя въ этомъ компетентнымъ, считаю необходимымъ оговориться: по моему мнѣнію, риторическая единица (согласно и съ г. Андреевымъ) есть 1) рѣчь,

получившая, подъ вліяніемъ настроенія автора, особую окраску въ лексическомъ и синтаксическомъ отношеніи; 2) риторическую единицу можетъ также представлять рѣчь, своеобразіе которой зависитъ отъ логическаго свойства содержанія. Въ періодѣ—второй случай: группа мыслей (сужденій), имѣющихъ между собою ту или иную связь, складывается въ стройную риторическую форму—получается сложный періодъ; одна мысль, вылитая въ форму, въ которой соблюдена „художественная мѣра", т. е. сказано ни больше, ни меньше, сколько нужно для выраженія „идеи", представляетъ простой періодъ. Лучшіе образцы простыхъ періодовъ — пословицы, содержательныя (идейныя) изреченія авторовъ (пословица: „Тише ѣдешь — дальше будешь" — представляетъ простой періодъ: тихая ѣзда даетъ возможность дальше уѣхать). Давая въ „Живомъ словѣ" примѣры сложныхъ періодовъ въ формѣ, теперь мало употребительной, я имѣю въ виду, по требованію программы, объяснить явленіе языка; но у меня и раньше встрѣчаются и впредь будутъ встрѣчаться своды (суммированіе) существеннаго содержанія въ видѣ „риторической единицы" (терминъ г. Андреева, очень удобный); носящіе названіе періодовъ. Такіе періоды, не будучи построены по „архаической" мѣркѣ, представляютъ прекрасное средство извлекать сущность читаемыхъ статей; въ нихъ „non multum, sed multum"; каждый такой періодъ есть кратчайшая форма словеснаго произведенія, есть „сочиненіе", въ которомъ заключается идея, выраженная въ общихъ чертахъ: на мой взглядъ, каждый періодъ, хотя бы былъ выраженъ однимъ—двумя словами, заключаетъ въ себѣ идею, зерно большого сочиненія; этого свойства не имѣютъ, напр., предложенія (изъ „Полтавы"): „Идетъ. Ему коня подводятъ" и т. д.—нельзя считать ихъ и за періоды. Мною даны періоды, составленные изъ басенъ,— они легко превращаются въ басни. Стихотвореніе Пушкина „Поэтъ" есть литературное произведеніе—и въ то же время періодъ: періодъ—не предложеніе и не простой сводъ предложеній, а цѣлое литературное произведеніе, написанное на тему (въ „Стилистическихъ задачахъ" Гаврилова предлагаются темы для составленія періодовъ).

XI. «Скупой рыцарь» Пушкина. 1827 года.

Произведеніе это, подобно „Капитанской дочкѣ“, назначается для домашняго чтенія. Такъ какъ оно довольно коротко, то можетъ быть прочитано недѣли въ двѣ. Свѣдѣнія, помѣщенныя подъ цифрою I, а пожалуй и подъ II, могутъ быть сообщены прежде прочтенія произведенія, при задаваніи.

При чтеніи всякаго драматическаго произведенія должны быть рѣшены вопросы, которые ставятся ученикамъ предварительно, при задаваніи. Послѣ объясненія, что въ драмѣ изображается дѣйствіе, а слѣдовательно—и борьба, слѣдуетъ предложить ученикамъ при чтеніи найти отвѣты на слѣдующіе вопросы: Кто съ кѣмъ борется? каковы борцы? Изъ-за чего борьба? какія цѣли? Нравственны-ли цѣли? Какія средства, нравственны-ли они? Какой результатъ всего? какая идея? Какъ бы ученики ни рѣшили эти вопросы (отъ нихъ и требуются очень короткіе отвѣты, посильные), лишь-бы подумали и какъ-нибудь рѣшили: это дастъ возможность при контролѣ повести производительную бесѣду съ учениками; только при такомъ условіи они замѣтятъ кое-что изъ существеннаго содержанія, а не внѣшнюю фабулу только: получается возможность сдѣлать нравственную оцѣнку всего—и словъ и дѣйствій. Здѣсь излагается и приблизительный объемъ свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ прочитаннаго.

I. Внѣшняя сторона (при простомъ просмотрѣ, перелистованіи). 1) Произведеніе раздѣлено на сцены, сцены можно назвать дѣйствіями. 2) Указываются мѣста сценъ: „въ башнѣ“, „въ подвалѣ“, „во дворцѣ“. 3) Заголовками указано, кто говоритъ: „Альберъ“, „Иванъ“.... 4) въ скобкахъ указываются дѣйствія людей; „стучатъ въ дверь“, „входитъ жидъ“.... Произведеніе это можно читать, но лучше смотрѣть и слушать въ театрѣ: на сценѣ устраиваются декораціи, изображающія указанныя мѣста; выходятъ поименованныя лица въ соотвѣтсвующей одеждѣ; они говорятъ и дѣлаютъ то, что̀ указано въ произведеніи. Такія произведенія называются драматическими, или просто—драмами. Драма—слово греческое,

въ переводѣ значитъ „дѣйствіе“: въ драмѣ все изображается не въ пересказѣ, а въ дѣйствіи; а гдѣ — дѣйствіе, тамъ—и борьба.

II. Объясненіе названій мѣстъ и лицъ. Первая сцена происходитъ въ башнѣ, вторая—въ подвалѣ: это—части замка, т. е. жилища рыцаря.

Рыцари жили въ „средніе вѣка“ (средніе вѣка VI—XVI по Р. Хр.) въ западной Европѣ. Рыцарями назывались воины, хорошо вооруженные, занимавшіеся только военнымъ искусствомъ. Надѣвали они на себя латы—металлическую одежду, шлемъ—металлическую шапку; сражались обыкновенно холоднымъ оружіемъ (огнестрѣльнаго еще не было). Для упражненія въ военномъ искусствѣ устраивались „турниры“. Турниръ представлялъ зрѣлище для публики: рыцари, сражаясь въ поединкахъ и партіями, проявляли храбрость и искусство; наградою побѣдителю служило одобреніе избранной дамы. Альберъ—рыцарь въ первой сценѣ упоминаетъ о турнирѣ.

Рыцари, находясь на службѣ у королей, не получали жалованья; вмѣсто этого король давалъ имъ землю съ крестьянами; крестьяне пользовались землей и платили за это рыцарю; кромѣ того они обязаны были со своимъ господиномъ итти на войну по требованію короля. Земля, данная рыцарю, называлась леномъ; рыцари, получившіе лены, назывались графами, баронами, герцогами; иногда они дѣлались независимыми и сами пользовались королевскою властію. Въ этой драмѣ мы видимъ герцога (вѣроятно, независимаго), подчиненнаго ему барона и сына этого барона—рыцаря, еще не имѣющаго лена. Дѣти рыцарей—мальчики состояли при рыцаряхъ для исполненія разныхъ порученій и назывались пажами, когда пажъ приходилъ въ возрастъ и хорошо понималъ военное дѣло, его посвящали въ рыцари. Названіе „пажъ“ упоминается Альберомъ въ первой сценѣ.

Для защиты отъ непріятелей рыцари строили „замки“: на труднодоступномъ, огороженномъ стѣною съ башнями мѣстѣ, строился домъ—обыкновенно въ три этажа. Верхній этажъ представлялъ башню, съ которой можно было наблюдать за грозящею опасностію, за врагомъ; иногда башня

строилась отдѣльно отъ дома; во второмъ этажѣ помѣщались жилыя комнаты; первый этажъ представлялъ подвалъ, въ которомъ хранилось оружіе и все имущество. Первая сцена происходитъ, какъ указано, въ башнѣ, вторая—въ подвалѣ барона, третья—въ жилыхъ комнатахъ герцога, во „дворцѣ“.

III. Моменты борьбы. 1) Альберъ въ крайней нуждѣ неудачно пытается занять денегъ у жида; а потомъ рѣшается прибѣгнуть къ содѣйствію герцога—предвидится борьба.

2) Противникъ Альбера—баронъ—готовъ даже послѣ смерти „сторожевою тѣнью сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ сокровища хранить“: баронъ не уступитъ—самую малую часть денегъ онъ отдастъ только вмѣстѣ съ жизнію. Здѣсь завязка борьбы.

3) Герцогъ принимаетъ сторону Альбера; баронъ, чтобы не дать денегъ, лжетъ, клевещетъ на сына. Это уже борьба.

4) Альберъ все слышалъ—дѣло чуть-чуть не дошло до дуэли. Борьба дошла до той степени, когда примиреніе противниковъ уже невозможно.

5) Взволнованный баронъ скоропостижно умираетъ. Это развязка, окончаніе борьбы.

IV. Краткій пересказъ. У молодого рыцаря Альбера захромалъ конь и шлемъ испорченъ—совсѣмъ нельзя явиться на турниръ: для покупки коня нужно достать денегъ. Деньги нужны и на другое: самъ баронъ отказываетъ себѣ даже въ необходимомъ, понятно и сына содержитъ „какъ мышь, рожденную въ подпольѣ“; послѣдняя бутылка вина, подаренная Ремономъ, отнесена больному кузнецу. Альберъ хочетъ занять денегъ у жида; но тотъ, вмѣсто денегъ, предлагаетъ яду—отравить отца. Возмущенный рыцарь прогоняетъ жида и рѣшается прибѣгнуть къ послѣднему средству—просить герцога о содѣйствіи, потому что баронъ добровольно не дастъ сыну средствъ для жизни. Почему?

Деньги для барона—„тяжеловѣсный представитель заботъ, обмановъ, слезъ, моленій, проклятій“; онѣ барону достались цѣною „горькихъ воздержаній, обузданныхъ стра-

стей, тяжелыхъ думъ, дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ"; его „грызла" совѣсть. Для денегъ баронъ все перенесъ, потому что въ нихъ видитъ силу, могущую покорить ему все,— съ деньгами онъ „царствуетъ". Да, баронъ не только не дастъ денегъ добровольно, но его трудно и принудить.

Не имѣя права отказать сыну въ средствахъ къ жизни, баронъ, призванный къ герцогу, прибѣгаетъ къ безнравственному средству—лжетъ, клевещетъ на сына. Альберъ, спрятанный въ сосѣдней комнатѣ, слышитъ клевету и называетъ отца лжецомъ; отецъ вызываетъ сына на дуэль. Вся эта сцена такъ потрясла скупого старика, что онъ скоропостижно умираетъ.

V. Характеристика лицъ. А. Баронъ любитъ только деньги и ими только живетъ.

Б. I. 1) Думать баронъ можетъ только о деньгахъ— онѣ, по его мнѣнію, доставляютъ человѣку возможность сдѣлать все, что онъ захочетъ: „какъ нѣкій демонъ отселѣ править міромъ я могу", говоритъ баронъ. Деньги только цѣнный предметъ: къ нимъ устремлены всѣ мысли барона.

2) Баронъ отказался отъ всѣхъ желаній, а хочетъ только пріобрѣтать деньги, беречь ихъ; желалъ бы и послѣ смерти „сторожевою тѣнью сидѣть на сундукѣ".

3) Деньги доставляютъ барону радость, ихъ блескъ приводитъ его въ восторгъ, доставляетъ счастіе: „Я весь день минуты ждалъ, говоритъ баронъ: когда сойду въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.—Счастливый день!" За деньги баронъ боится—онѣ приносятъ ему и горе: „Едва умру я, онъ, онъ! сойдетъ сюда подъ эти мрачные нѣмые своды съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ. Укравъ ключи у трупа моего, онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ, и потекутъ сокровища мои въ атласные дырявые карманы".

II. 1) Скупой баронъ, кромѣ денегъ, ничего и никого не любитъ: изъ-за нихъ онъ причиняетъ несчастія людямъ (припомнимъ вдову съ тремя дѣтьми), наталкиваетъ ихъ на преступленія (припомнимъ Тибо): „Да, еслибы всѣ слезы, пролитыя за все, что здѣсь хранится, изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ, то былъ бы вновь потопъ".

2) Деньги заглушили въ баронѣ любовь къ сыну: онъ клеветою губитъ честь сына, готовъ убить его на дуэли.

3) а) Ради денегъ баронъ не жалѣетъ и себя: мучитъ себя голодомъ, холодомъ, безсонницею. „Ни слугъ, ни друзей въ нихъ видитъ, а господъ, и самъ имъ служитъ — и какъ служитъ! какъ алжирскій рабъ, какъ песъ цѣпной. Въ нетопленой канурѣ живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки, всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ, да лаетъ“.

б) Изъ-за денегъ баронъ переноситъ и нравственныя мученія, которыя еще тяжелѣе физическихъ: его грызетъ „совѣсть — когтистый звѣрь, скребущій сердце — совѣсть, незваный гость, докучный собесѣдникъ, заимодавецъ грубый — эта вѣдьма, отъ коей меркнетъ мѣсяцъ, и могилы смущаются и мертвыхъ высылаютъ!“... Въ страшный моментъ смерти баронъ думаетъ не о душѣ, а о деньгахъ, о ключахъ: „Гдѣ ключи? ключи, ключи мои!“ кричитъ баронъ.

Такая совершенная преданность чему-нибудь одному называется страстію; страсть барона — скупость.

План характеристики барона:

А. Положеніе.

Б. Развитіе положенія.
- I. Вліяніе любви къ деньгамъ на
  - 1) умъ,
  - 2) волю,
  - 3) чувство.
- II. Отношенія скупца
  - 1) вообще къ людямъ,
  - 2) къ сыну,
  - 3) къ себѣ
    - а) къ своему тѣлу,
    - б) къ душѣ.

Скупость овладѣла барономъ, овладѣла его умомъ, волею, сердцемъ: отъ зачерствѣлости сердца онъ сталъ равнодушенъ къ несчастіямъ людей, къ ихъ нуждамъ: у барона нѣтъ христіанской любви; онъ не хорошій злой человѣкъ. Если вѣрить барону, то сердце его очерствѣло оттого, что онъ „выстрадалъ себѣ богатство“, но и это мало его оправдываетъ: онъ всѣмъ приноситъ несчастіе. Баронъ, подъ

вліяніемъ скупости, совершенно извратилъ себя: дикія животныя любятъ своихъ дѣтей, а баронъ не любитъ своего сына. Если правда то, что баронъ говоритъ герцогу, то сынъ не достоинъ любви отца; является вопросъ: достоинъ-ли Альберъ любви отца? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ послужитъ маленькая характеристика.

1) Альберъ сильный, храбрый рыцарь. Онъ не способенъ на преступленіе: предложеніе жида отравить отца приводитъ его въ ярость; послѣ этого онъ отказывается даже отъ предложенныхъ жидомъ денегъ, которыя ему такъ нужны: „его червонцы будутъ пахнуть ядомъ, какъ сребреники пращура его". Альберъ не только не способенъ на преступленіе, а самъ отдаетъ послѣднюю бутылку больному кузнецу, отдаетъ, хорошо зная, что и взять ему не откуда.

2) Альберъ занимаетъ деньги у жида, жалуется на отца—за это нельзя похвалить его; но это дѣло законное въ той крайности, въ какой онъ находился: ему оставалось или поступить именно такъ, или умереть съ голоду—рыцарь никакимъ другимъ способомъ не могъ достать денегъ. Совсѣмъ не хорошо принять отъ отца вызовъ на дуэль; но, по понятіямъ рыцарей, отказаться отъ дуэли нельзя. Въ пользу Альбера только то обстоятельство: когда герцогъ отнимаетъ перчатку, онъ не противится, молча покоряется.

Идея. Страсть совершенно овладѣваетъ человѣкомъ, извращаетъ его, подавляетъ въ немъ все доброе: подавляетъ любовь къ людямъ, даже къ самымъ близкимъ; заставляетъ забывать и о самомъ себѣ; заглушаетъ въ немъ голосъ Божій—совѣсть.

Ту же идею общѣе можно выразить иначе: для человѣка, одержимаго страстію, ни на землѣ, ни на небѣ нѣтъ ничего цѣннаго, кромѣ предмета его страсти.

А. Барсовъ.

Эривань.
1897 г. 29 января.

ОТВѢТЪ РЕЦЕНЗЕНТУ.

I.

Со времени введенія новыхъ учебныхъ плановъ, утвержденныхъ 20 іюля 1890 г., въ нашей учебной литературѣ появилось множество руководствъ и пособій по теоріи и исторіи русской словесности.

Останавливая вниманіе на учебникахъ по теоріи словесности, приходится отмѣтить тѣ два стремленія, которыя обнаружили авторы ихъ, а еще больше рецензенты въ отзывахъ на эти учебники. Съ одной стороны, какъ будто сильно обрадовались перенесенію теоріи словесности изъ V-го въ VIII-й классъ гимназіи и желали, можетъ быть, подъ вліяніемъ возникшаго въ послѣдніе годы интереса къ эстетическимъ вопросамъ, внести въ учебники по теоріи словесности побольше научности и новизны. Съ другой—обнаружилось стремленіе точно и строго выяснить вопросъ чисто-дидактическаго свойства—вопросъ о постановкѣ курса теоріи словесности въ VIII классѣ.

Изъ указанныхъ двухъ стремленій для преподаванія важнѣе, конечно, второе, потому что едва ли кто не согласится съ академикомъ Александромъ Веселовскимъ, что единственно научный путь изученія теоріи словесности—историческій, у насъ едва зараждающійся, слѣдовательно, всякая новизна, вносимая въ опредѣленія положеній теоріи словесности, будетъ сомнительна, неустойчива. Для большинства педагоговъ представлялся наиболѣе труднымъ для рѣшенія вопросъ, каковъ долженъ быть учебникъ, вполнѣ отвѣчающій требованіямъ учебныхъ плановъ 1890 г.

Заинтересованный тѣмъ же вопросомъ, я слѣдилъ съ живѣйшимъ интересомъ за вновь выходящими учебниками по теоріи словесности, желая найти въ нихъ разрѣшеніе мучившей меня загадки. Говорю загадки, потому что, какъ это ни странно, среди педагоговъ замѣчалось сильное разногласіе при пониманіи указаній и объясненій сдѣлан-

ныхъ учебными планами 1890 г. Въ силу чего явилось это разногласіе, можно отвѣчать различно. Мнѣ кажутся наиболѣе справедливыми два предположенія.

Какъ уже было заявлено не разъ педагогами въ печати, учебные планы 1890 г. застигли учителей—словесниковъ врасплохъ, поставили ихъ въ затрудненіе, потребовали отъ нихъ того, чего въ наличности не было или было немного. Этотъ „конфузъ“ съ одной стороны, привычка—съ другой сдѣлали весьма естественнымъ стремленіе повернуть назадъ, на старый, избитый путь. Отсюда споры тамъ, гдѣ дѣло ясно. Но возникали споры и тамъ, гдѣ учебные планы 1890 г. дѣйствительно выражались загадочно, съ вредною для правильной и успѣшной постановки дѣла преподаванія словесности лаконичностью.

Мнѣ, какъ провинціальному педагогу, приходилось знакомиться съ вновь выходящими учебниками по теоріи словесности послѣ прочтенія рецензій въ обще—и спеціально-педагогическихъ журналахъ. Не могу не сознаться, что чѣмъ больше читалъ я рецензій и знакомился съ учебниками, о которыхъ онѣ трактовали, тѣмъ въ большее приходилъ изумленіе: и рецензіи и учебники давали и говорили не о томъ, что, на мой взглядъ, предлагалось учебными планами 1890 г.

II

Ознакомившись весьма внимательно со всѣми требованіями новыхъ учебныхъ плановъ и съ временемъ, назначеннымъ для прохожденія курса, я пришелъ къ тому заключенію, что курсъ теоріи словесности 1890 г. немногимъ разнится отъ курса теоріи словесности 1877 г.

Въ самомъ дѣлѣ, въ какія условія поставлено преподаваніе словесности планомъ 1890 г.?

Изъ трехъ недѣльныхъ уроковъ теоріи словесности въ VIII кл. одинъ удѣляется преимущественно переводамъ съ древнихъ языковъ, одинъ—на практическія и преимущественно письменныя упражненія и только одинъ урокъ остается для прохожденія курса теоріи словесности. (См.

41 стр. Учеб. пл. 1890 г.). Какое же можетъ быть расширеніе курса при одномъ урокѣ въ недѣлю?

Да учебные планы 1890 г. и не имѣли въ виду никакого расширенія курса теоріи словесности внесеніемъ въ него сомнительныхъ эстетическихъ положеній, назвавъ этотъ курсъ „Краткимъ" (см. стр. 35 плановъ). Единственно чѣмъ превосходитъ по объему курсъ теоріи словесности по планамъ 1890 г. прежній курсъ, такъ это—ученіемъ о сочиненіи и составѣ его (35 стр.). Что жъ новаго вносили планы 1890 г. въ курсъ теоріи словесности съ перенесеніемъ его изъ V-го въ VIII классъ? По моему мнѣнію, новые учебные планы, перенося теорію словесности изъ V-го въ VIII кл., только исправляли ту ошибку, которая была допущена прежними планами. Какъ извѣстно, въ V классѣ по прежнимъ учебнымъ планамъ въ три недѣльныхъ урока учителю слѣдовало прочитать съ учениками множество произведеній, подчасъ слишкомъ трудныхъ для нихъ, проанализировать эти сочиненія для выдѣленія изъ нихъ признаковъ, служащихъ опорою при опредѣленіи рода и вида сочиненія, и наконецъ, привести добытыя свѣдѣнія въ систему. Для послѣдняго почти никогда не хватало времени, а о драмѣ часто приходилось говорить въ VI кл. Мало того: въ V классѣ, вслѣдствіе полнаго незнакомства учениковъ съ курсомъ исторіи литературы, свѣдѣнія изъ теоріи словесности не имѣли надъ собою никакой прочной почвы, не были прикрѣплены къ достаточному количеству произведеній русской словесности, и потому скоро исчезали изъ памяти учащихся.

Теорія словесности для наиболѣе благотворнаго и успѣшнаго усвоенія требуетъ многочисленныхъ со стороны учащихся наблюденій надъ произведеніями словесности. Эти наблюденія надъ большимъ и разнообразнымъ кругомъ произведеній русской словесности и производятъ, согласно положенію плановъ 1890 г., ученики, начиная съ V-го класса и кончая VII-мъ. Въ VIII же классѣ добытыя путемъ наблюденія отрывочныя свѣдѣнія должны быть приведены въ систему, что ясно изъ слѣдующаго указанія учебныхъ плановъ 1890 г.: „Въ классѣ VIII-мъ проходится систе-

матически краткій курсъ теоріи слога (стилистика), прозы и поэзіи. Цѣль этого курса состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны свести въ извѣстную систему тѣ, отдѣльныя свѣдѣнія по теоріи слога, прозы и поэзіи, которыя пріобрѣтены уже учениками въ предъидущихъ классахъ при разборѣ произведеній русской словесности; съ другой стороны, освѣжить въ памяти учащихся и самыя произведенія, изъ которыхъ извлекались при разборѣ вышеуказанныя теоретическія свѣдѣнія. Курсъ словесности VIII-го кл. весьма важенъ для повторенія и для провѣрки всего пройденнаго, и потому примѣры для теоретическихъ положеній должны быть, по требованію учителя, приводимы самими учениками изъ всѣхъ извѣстныхъ имъ произведеній русской словесности, какъ древней, такъ и новой"... (стр. 41).

Мною выписано указаніе новыхъ плановъ сполна и подчеркнуты тѣ выраженія, на которыя, къ сожалѣнію, не обратили вниманія не только многіе составители учебниковъ по теоріи словесности, но и оффиціальный рецензентъ Мин. Нар. Просвѣщенія, что покажу въ слѣдующей главѣ.

Что новые учебные планы не предполагали никакого особеннаго расширенія курса теоріи словесности въ VIII-мъ классѣ, это доказывается и указаніемъ ихъ на пособія: по теоріи словесности указано одно изъ руководствъ, одобренныхъ Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просвѣщенія (стр. 32 плановъ).

Матеріалъ по русской словесности, надъ которымъ ученики V, VI и VII классовъ производили наблюденія и извлекали теоретическія свѣдѣнія, въ VIII кл. пополняется слѣдующимъ указаніемъ плановъ 1890 г.: „Всѣ теоретическія положенія преподаваемаго въ этомъ классѣ курса должны быть подкрѣпляемы и объясняемы примѣрами изъ произведеній выученныхъ, прочитанныхъ и разнообразныхъ въ предъидущихъ классахъ, а также и тѣхъ, которыя могутъ быть прочитаны и разобраны въ этомъ классѣ подъ руководствомъ учителя, какъ напр., одна изъ трагедій Шекспира (Король Лиръ), Софокла въ русскомъ переводѣ, комедія Аристофана „Облака" въ переводѣ Муравьева—Апосто-

ла и т. п. Сверхъ того дѣлаются и другія дополненія (напр., читаются образцы сказокъ народныхъ, для разъясненія преподаваемаго въ этомъ классѣ курса теоріи словесности" (стр. 35—36, прим. 2).

Мало того. Перенесеніе учебными планами 1890 г. курса теоріи словесности изъ V-го класса въ VIII-й измѣнило путь изученія ея. До 1890 г., при изученіи теоріи словесности, слѣдовали аналитическому пути, т. е. сперва читалось какое-либо произведеніе словесности, дѣлался разборъ его, а изъ фактовъ, полученныхъ такимъ разборомъ, дѣлались выводы, обобщенія. Ясно само собою, что при незначительности времени такой анализъ производился бѣгло, разборъ дѣлался не вполнѣ основательно, и выводы получались скороспѣлые, что не могло не влiять вредно на учащихся. При нынѣшней постановкѣ курса теоріи словесности указанный анализъ производится неспѣшно, основательно, а въ VIII классѣ синтетируется весь матерьялъ, т. е. ученики въ строгой постепенности знакомятся съ развитіемъ словесныхъ произведеній, начиная съ самыхъ зародышей до самыхъ развитыхъ формъ ихъ. Въ этомъ синтетическомъ пути и заключается та научность курса теоріи словесности VIII-го класса, къ которой такъ ложно стремятся нѣкоторые авторы учебниковъ и рецензенты.

Если приходилось теперь, при учебныхъ планахъ 1890 г., прибѣгать къ аналитическому пути для изученія теоріи словесности, то въ тѣхъ только случаяхъ, о которыхъ говорится на стр. 35—36 учебныхъ плановъ въ примѣчаніи 2 (см. это прим. выше).

Сводя все сказанное въ этой главѣ къ основнымъ положеніямъ, заключаемъ: 1) Учебными планами 1890 г. курсъ теоріи словесности расширяется весьма мало; 2) этому курсу сообщается болѣе основательности, благодаря какъ продолжительности (три класса—V, VI и VII) наблюденій со стороны учениковъ надъ произведеніями словесности, такъ и громадному количеству наблюдаемыхъ произведеній; 3) ученику давалась возможность провѣрить теоретическія положенія множествомъ фактовъ и—что особенно важно—прослѣдить ихъ исторически на произве-

деніяхъ древней и новой словесности; 4) подобнаго рода провѣркѣ наилучшимъ образомъ способствовалъ синтетическій путь изученія теоріи словесности.

III

Какъ выше сказано, учебными планами 1890 г., въ руководство даны учебники, одобренные Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. до изданія самыхъ плановъ. Такими учебниками въ большинствѣ гимназій были, если не ошибаюсь, теоріи словесности г.г. Бѣлявскаго и Бѣлоруссова. Обѣ эти учебника вскорѣ послѣ изданія новыхъ учебныхъ плановъ и появились передѣланными примѣнительно къ нимъ.

Но учебники г.г. Бѣлявскаго и Бѣлоруссова не давали отвѣта на всѣ вопросы теоріи слога, прозы и поэзіи, какъ они предлагались программою 1890 г. (см. 35 стр.). Кромѣ того, и въ указанныхъ учебникахъ и во многихъ другихъ замѣчались ошибки и неправильности въ опредѣленіяхъ, а равно отсутствіе опоры на тѣ произведенія, какія проходятся въ V, VI и VII классахъ. Вообще чувствовалась потребность въ новомъ руководствѣ, которое устранило бы указанные недочеты въ существовавшихъ уже учебникахъ. Отсюда—появленіе учебниковъ Преображенскаго, Гвоздикова и моего, печатавшагося на страницахъ „Филологическихъ Записокъ".

Не задаваясь широкими планами и держась дѣйствительности, какъ она даетъ чувствовать себя въ гимназіи, а не какъ она кажется въ узенькое и фальшивое оконце я пытался въ своемъ учебникѣ дать отвѣтъ на требованія новыхъ плановъ и удовлетворить той потребности, какая чувствовалась всѣми преподавателями словесности.

Не преслѣдуя никакихъ коммерческихъ цѣлей (вѣдь печатаніе мнѣ не стоило ни копейки!), я желалъ выслушать отъ людей компетентныхъ взглядъ, правильно ли я понялъ требованія новыхъ учебныхъ плановъ. Съ этою цѣлью я послалъ свой учебникъ въ редакціи спеціаль-

ныхъ журналовъ, а равно и въ Ученый Комитетъ Министерства Нар. Просвѣщенія, чтобъ вызвать разъясненіе со стороны высшей компетенціи. По правдѣ сказать, я настолько извѣрился въ рецензентахъ, которые пишутъ для нашихъ общепедагогическихъ журналовъ, что не надѣялся на внимательное отношеніе къ себѣ и своему учебнику: надо имѣть знакомыхъ и друзей среди петербургскихъ рецензентовъ, чтобъ они соблаговолили обратить милостивое вниманіе на то, о чемъ думалъ я долго, что вырабатывалъ годами. Я сожалѣю теперь, что не написалъ „пространнаго“ предисловія къ своему учебнику и не выяснилъ цѣли, которую преслѣдовалъ: тогда, можетъ быть, рецензенты высказались бы по интересовавшему меня вопросу, а главное знали, съ какой стороны оцѣнивать мой учебникъ. Сожалѣю, говорю, потому, что интересующійся вопросами теоріи словесности и пишущій въ „Русской Школѣ“ г. Келтуяла посмотрѣлъ въ своей рецензіи на мой учебникъ не съ той точки зрѣнія, съ какой слѣдовало, и потребовалъ отъ него того, чего я и не имѣлъ въ виду дать.

Но вотъ наконецъ, въ ноябрьской книжкѣ „Журнала Мин. Нар. Пр. появилась давно жданная мною рецензія оффиціальнаго рецензента, но прежде всего считаемъ не лишнимъ напомнить и слѣдующее обстоятельство.—Въ одной изъ книжекъ „Филол. Записокъ“ за прошлый (1896 г.) читатели могли прочитать статейку г. Флёрова и узнать изъ нея, какъ не въ мѣру ретивый и плохо понимающій дѣло рецензентъ „провалилъ“ его учебникъ церковно-славянскаго языка и какъ потомъ составитель возстановилъ свое попранное достоинство. Не курьезное ли это происшествіе? Ужели такъ бѣдна наша оффиціальная педагогія силами, что поручаетъ какому-то съ больною печенью рецензенту произносить грозный судъ надъ учебниками? Говорю „больною печенью“, потому что отъ оффиціальнаго рецензента мы ждемъ „дѣльныхъ“ замѣчаній и спокойной оцѣнки, а не тѣхъ „лирическихъ“ сѣтованій, какими отличаются иногда замѣчанія рецензентовъ—въ нѣкоторыхъ изъ общепедагогическихъ журналовъ.

Насколько справедливы замѣчанія неизвѣстнаго мнѣ

автора оффиціальной рецензіи, покажу нѣсколькими примѣрами.

Вотъ что онъ говоритъ о томъ, каковъ долженъ быть учебникъ теоріи словесности по учебнымъ планамъ 1890 г.: „Пособіе, которое предполагается планами 1890 г. (къ сожалѣнію, въ планахъ о немъ ничего не сказано и не дано никакихъ указаній составителямъ), должно сосредоточить въ себѣ все то, что въ теченіе четырехъ лѣтъ преподавалось ученикамъ при чтеніи словесныхъ произведеній по стилистикѣ и теоріи словесности. Въ учебникѣ этомъ не должны повторяться въ сжатомъ видѣ разборы словесныхъ произведеній. Теорія должна быть подкрѣплена лишь примѣрами, а иногда и выдержками. Вопросы и задачи или скорѣе приказанія ученику—указать въ извѣстномъ ему произведеніи извѣстныя черты — не дѣло учебника, а живого преподаванія“.

Въ словахъ рецензента мною подчеркнуто замѣчаніе, которое ясно свидѣтельствуетъ, что оффиціальный рѣшитель судьбы учебника плохо знаетъ учебные планы 1890 г. Стоитъ сравнить съ его словами то, что приведено мною изъ учебныхъ плановъ во II главѣ настоящей статейки, чтобъ видѣть всю нелѣпость подобнаго заявленія. Далѣе: рецензентъ говоритъ о повтореніи въ сжатомъ видѣ разборовъ произведеній... Снова вижу незнаніе учебныхъ плановъ 1890, гдѣ цѣлью курса теоріи словесности поставлено, между прочимъ, „освѣженіе въ памяти учащихся и самыхъ произведеній“ (стр. 41). Кромѣ того, мой учебникъ и не грѣшитъ этимъ недостаткомъ: я повторялъ взятое для образца произведеніе настолько, насколько требовало того опредѣленіе вида или рода даннаго словеснаго произведенія.

Еще возмутительнѣе его замѣчаніе о примѣрахъ. Онъ ставитъ мнѣ въ вину: „Скудость примѣровъ, бѣглый подборъ ихъ, бѣглость въ объясненіяхъ“... Зачѣмъ же теперь, при той постановкѣ курса теоріи словесности, о какой говорятъ планы 1890 г., загромождать учебникъ примѣрами? Зачѣмъ же планы эти требуютъ: „примѣры для теоретическихъ положеній должны

быть, по требованію учителя, приводимы самими учениками изъ всѣхъ извѣстныхъ имъ произведеній русской словесности, какъ древней, такъ и новой"?... Зачѣмъ же ученики въ V, VI и VII классахъ въ своихъ тетрадяхъ, согласно требованію плановъ 1890 г. *), будутъ записывать тропы, фигуры и др. стилистическія тонкости? Не смѣшно ли послѣ сказаннаго читать такіе упреки мнѣ со стороны оффиціальнаго рецензента: скудость въ примѣрахъ и урѣзанное, какъ бы вынужденное изложеніе красотъ народной рѣчи... Страницы учебника въ статьѣ о переносныхъ выраженіяхъ должны быть обильны примѣрами изъ живой народной рѣчи и изъ рѣчи образцовыхъ писателей. Авторъ не остановился даже на отрицательномъ сравненіи и не провелъ его живучесть въ примѣрахъ отъ „Слова о полку Игоревѣ" до Пушкина. Да, г. рецензентъ, если бы я не старался добросовѣстно слѣдовать требованіямъ новыхъ плановъ, то, вѣроятно, сдѣлалъ бы въ своемъ учебникѣ то, о чемъ вы сожалѣете; но я не могъ такъ писать свой учебникъ, ибо учащіеся въ моихъ классахъ увидѣли бы напрасное повтореніе того, что уже они часто слышали на урокахъ словесности въ V, VI и VII классахъ.

Коснусь еще одного вопроса, который, по моему мнѣнію, не такъ, какъ слѣдуетъ, понимается г. рецензентомъ. Онъ не разъ говоритъ объ **интересности и живости** учебниковъ. Подобнаго рода рѣчи мнѣ приходилось читать не однажды. Въ подобномъ требованіи, пожалуй, нѣтъ ничего особеннаго; но вотъ о чемъ я напомню всѣмъ, кто желаетъ интересности: во-1-хъ, интересность учебника зависитъ отъ сущности предмета обученія и обусловливается возрастомъ учащихся, а равно разрядомъ учебнаго заведенія. Во-2-хъ, интересность учебника должна имѣть извѣстныя

---

*) Вотъ это требованіе: «Полезно было бы ученикамъ имѣть при себѣ тетради для записыванья троповъ и фигуръ съ обозначеніемъ произведеній, изъ которыхъ они взяты. Эти замѣтки оказали бы немалую услугу въ VII кл. при систематическомъ изученіи теоріи слога» (стр. 40).

рамки; въ средней школѣ, какъ и во всякой школѣ, между ученикомъ и учебникомъ стоитъ живая личность учителя. Эта-то личность съ своими индивидуальными особенностями и оживляетъ тѣ блѣдныя и сжато выраженныя страницы, которыя по необходимости найдете вы во всякомъ учебникѣ. Вотъ почему, имѣя въ виду одинъ недѣльный урокъ, остающійся какъ показано во II главѣ, для прохожденія теоріи словесности, я и стремился къ той чуть не математической сжатости, о которой говоритъ г. рецензентъ: „Стоитъ взглянуть на стр. 101-ю, гдѣ говорится сжато и неясно о томъ, что религіозная драма вышла изъ церкви на площадь. На одной страничкѣ можно было бы дать живое стройное понятіе о томъ, что выражено авторомъ въ какой-то чуть не математической формулѣ". Въ этихъ словахъ оффиціальнаго рецензента усматриваю только похвалу себѣ: помоему, такъ и слѣдуетъ писать учебникъ, чтобъ было сказано все существенное и оставалось мѣсто для поясненій учителя. Я никогда не соглашусь, что учебникъ можетъ замѣнить учителя: тогда онъ будетъ не учебникъ, а самоучитель. Прошу читателя прочитать указанную г. рецензентомъ страницу моего учебника, и тогда можно узнать, есть ли тамъ какая-либо неясность.

Подводя итогъ сказанному, я заключаю: 1) (Оффиціальный) рецензентъ приступилъ къ разбору моего учебника, плохо ознакомившись съ требованіями учебныхъ плановъ 1890 г.; 2) Онъ не понялъ цѣли моего учебника и примѣнилъ къ нему не тотъ аршинъ, которымъ слѣдовало его мѣрить; 3) Онъ имѣетъ преувеличенное и не совсѣмъ вѣрное понятіе о занимательности, интересности учебника.

Въ заключеніе укажу нѣсколько частныхъ его замѣчаній, въ которыхъ онъ, по моему мнѣнію, подлежитъ упреку не только въ отсталости отъ науки...

„Духовные стихи появились на Руси (на Руси ли только?) послѣ распространенія христіанства". Откуда это взялъ авторъ? Надо было сказать, что съ христіанствомъ такія произведенія стали христіанскими, и что они понемногу утрачивали свое религіозное языческое начало".

Опредѣленіе „духовнаго стиха" отсутствуетъ почти въ большей части учебниковъ по теоріи словесности: у Бѣлорусова (13 изд., приспособленное къ учебн. план. 1890 г.) ничего не говорится о немъ, у Бѣлявскаго—мало и плохо. Замѣчаніе г. рецензента, вышеприведенное мною, показываетъ, что онъ самъ мало знаетъ о духовномъ стихѣ. Такъ, онъ спрашиваетъ меня, откуда я взялъ, что „духовные стихи появились на Руси послѣ распространенія христіанства"? Отвѣчу ему: это истина азбучная и общеизвѣстная. Стоитъ ему раскрыть хотя бы „Исторію русской словесности" покойнаго Незеленова на стр. 38 и онъ увидитъ, что удостоенный преміи Петра Великаго и одобренный Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. учебникъ говоритъ то же, что сказано и мною. Не ясно ли, что г. рецензентъ иначе смотритъ на духовный стихъ, чѣмъ смотрѣлъ тотъ рецензентъ, который одобрилъ книгу г. Незеленова. А его замѣчаніе, какъ я долженъ былъ бы сказать, противорѣчитъ тому, что знаетъ наука о духовныхъ стихахъ и есть явная нелѣпость. Тѣ пѣсни, которыя пѣлъ народъ до христіанства и въ которыхъ присутствовало религіозное языческое начало, никто еще не называлъ духовными стихами. Мало того, по мнѣнію проф. Кирпичникова, „сличая различныя редакціи стиха, легко убѣдиться, что начальный стихъ ближе стоялъ къ книгѣ, а позднѣйшіе пѣвцы все болѣе и болѣе придавали ему форму и характеръ народной пѣсни". (См. Исторія рус. слов. Галахова, т. I, стр. 198).

Второе частное замѣчаніе: г. рецензенту не нравятся поставленные мною вопросы, которые яко-бы отталкиваютъ читателя. Признаюсь, для меня рѣшительно дикимъ кажется подобное заявленіе: гдѣ же и быть вопросамъ, какъ не въ учебникѣ, если вопросы идутъ къ дѣлу. А своими вопросами я возобновляю въ памяти учащихся, согласно требованію новыхъ учебныхъ плановъ, пройденное въ V, VI и VII кл. Ставя вопросы, я имѣлъ въ виду учениковъ и учителя, а не читателя, для котораго требованія плановъ—terra incognita.

Еще одно замѣчаніе. Я изложилъ отдѣлъ о драмѣ такъ, какъ ни въ одномъ изъ учебниковъ не изложено.

Мнѣ хотѣлось слышать авторитетное мнѣніе объ этой части моего учебника, но я его не услышалъ.

Другія замѣчанія оффиціальнаго рецензента, при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, не отличаются своею основательностью. Я нахожу излишнимъ слѣдить за ними тота въ тоту, потому что не стану унижаться до того, чтобы подавать вторичную просьбу о пересмотрѣ учебника и во что бы то ни стало добиваться одобренія. Повторяю, я не для корысти писалъ учебникъ, денегъ для его печатанія не тратилъ, зачѣмъ же мнѣ своимъ добромъ навязываться. Съ меня довольно того, если гг. преподаватели познакомятся съ моимъ учебникомъ и настоящимъ заявленіемъ, если выскажутъ свое мнѣніе о курсѣ теоріи словесности и убѣдятся, что правда на моей сторонѣ. Для меня лучшею наградою будетъ, если г.г. преподаватели выскажутъ свое мнѣніе на поднятый въ настоящей статейкѣ вопросъ *).

Мнѣ и потому еще хотѣлось бы слышать мнѣніе авторитетныхъ людей, чтобъ убѣдиться окончательно, насколько фаворитизмъ и знакомство испортили сферу нашей педагогіи. Ужъ если трудно стало человѣку со свѣдѣніями получить мѣсто учителя безъ протекціи, то такъ, вѣроятно, Богъ судилъ, и всякія разсужденія по этому поводу безполезны! Но чтобъ для одобренія учебника пришлось заводить знакомства и добиваться покровительства „сильныхъ міра сего", постыднѣе этого ничего не можетъ быть.

Подобнаго рода мысли приходятъ въ голову, потому что тотъ же г. рецензентъ находитъ и достоинства въ моемъ учебникѣ и безусловно хорошее, а учебникъ провалилъ на основаніи того, что онъ не знаетъ, чего требуютъ планы 1890 г. Зачѣмъ же и законы писать, коли ихъ не исполнять?

С. Брайловскій.

Владивостокъ
1897 г. февраль.

---

*) Редакція съ своей стороны можетъ сообщить одно: — на «Краткій курсъ теоріи слога, прозы и поэзіи» г. Брайловскаго требованіе было преподавателями постоянно большое, такъ что изданіе это разошлось въ короткое время, а спросъ не прекращается. *Ред.*

ПАМЯТИ ЧЕСТНАГО РАБОТНИКА.

22-го мая сего 1897 года была годовщина смерти скромнаго труженика, преподавателя русскаго языка въ Екатеринославской гимназіи Павла Лукича Рекало. Онъ умеръ отъ скоротечной болѣзни—воспаленія мозга—вслѣдствіе непосильнаго труда преимущественно по оцѣнкѣ письменныхъ экзаменныхъ работъ по русскому языку, какъ это видно изъ краткаго некролога, помѣщеннаго въ Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (№ 112 мая 28 1896 года).

Считаю своевременнымъ и умѣстнымъ усерднѣйше просить уважаемую Редакцію Филологическихъ Записокъ не отказать въ помѣщеніи этой замѣтки, служащей фактическимъ подтвержденіемъ тѣхъ соображеній, которыя нерѣдко были высказываемы на страницахъ этого журнала (наприм. уважаемыми сотрудниками—В. М. Добровскимъ, Ю. Н. Верещагинымъ) о чрезмѣрности труда, который выпадаетъ на долю преподавателя русскаго языка. Особенно въ маѣ увеличивается этотъ непосильный, неисполнимый трудъ—письменныя работы экзаменующихся, жертвою котораго былъ Рекало. Какія мысли и чувства должны были такъ сильно волновать покойнаго, чтобы довести его до воспаленія мозга? Послѣдніе три дня своей жизни онъ все говорилъ, въ болѣзненномъ бреду, объ экзаменныхъ работахъ, говорилъ, что онъ—преступникъ, что онъ оцѣнилъ эти работы неправильно, что онъ не могъ оцѣнить ихъ правильно.—Эти немногія слова въ Бозѣ почившаго труженика много говорятъ намъ, еще трудящимся на той же нивѣ. Да. Всѣ мы часто неправильно оцѣниваемъ эти работы и въ то же время сознаемъ, что и не можемъ правильно, по совѣсти оцѣнить ихъ; мѣшаетъ этому особеннаго рода чувство нравственнаго угнетенія,—очень сложное по происхожденію своему чувство. Вы заразъ многое чувствуете. Вы чувствуете, прежде всего, что ваша рецензія—оцѣнка далеко невсегда соотвѣтствуетъ вашимъ убѣжденіямъ вообще и нѣкоторымъ частнымъ мнѣніямъ въ отдѣльности. Потомъ вы подумаете, что отъ вашей оцѣнки зависитъ полученіе или неполученіе экзаменую-

щимся аттестата, хотя вашъ баллъ есть только одно изъ слагаемыхъ чиселъ въ общей оцѣнкѣ коммиссіи Далѣе вы вспомните, что ваша рецензія есть своего рода экзаменъ для васъ самихъ, такъ какъ она подлежитъ оцѣнкѣ и вашихъ товарищей и учебнаго контроля. Сколько разъ честный рецензентъ—учитель подумаетъ перечитывая иную рецензируемую рабору: „Вѣдь вотъ задача! Я бы хуже его написалъ, а полной отмѣтки за эту работу все таки не поставлю: есть промахи въ языкѣ; эти промахи—не значительны въ настоящій моментъ для меня, подкупленнаго достоинствами содержанія, но въ глазахъ другихъ они перевѣсятъ всѣ возможныя достоинства Скажутъ, что хорошія мысли въ этой работѣ принадлежатъ не самому автору работы; но вѣдь онъ ихъ прекрасно, жизненно усвоилъ молодою душою, задушевно и оригинально, хотя, можетъ быть, и небрежно выразилъ ихъ,—и усвоилъ, и выразилъ лучше, вѣроятно, чѣмъ это могли сдѣлать многіе изъ его цѣнителей! и много-ли своего-то и у заправскихъ авторовъ! Большею частію и у нихъ только то и своего, что усвоено ими жизненно. Для меня это чистая истина, но при формальномъ судѣ это—соблазнъ, скандалъ. И вотъ такъ-то, для избѣжанія такъ называемаго скандала, теряется правда въ оцѣнкѣ работъ!“

Такимъ то образомъ формѣ работы приносится въ жертву ея содержаніе Но и эта жадно искомая форма не дается намъ. Мы, школьные рецензенты не довольны языкомъ не только подвергающихся испытанію изъ курса среднихъ учебныхъ заведеній, но даже языкомъ лучшихъ писателей: и у нихъ находимъ промахи, грамматическіе и стилистическіе. Отъ юношества, подвергающагося испытанію, недавно ознакомившагося лишь съ элементами научнаго образованія (по физикѣ, иногда—естествовѣдѣнію литературѣ, исторіи, географіи), отъ юношества, не привыкшаго еще къ логическимъ операціямъ, требуются такія обобщенія въ данной области знанія, (напр. въ естествовѣдѣніи, исторіи, литературѣ), какія доступны, можетъ быть, немногимъ изъ школьныхъ цѣнителей-рецензентовъ —При оцѣнкѣ работъ коммиссіею создается иногда какая-то игра. похожая на нашъ всероссійскій винтъ, съ тою особенностью, что рецензенты—

винтёры подвинчиваютъ не только другъ-друга, но также экзаменующихся, а вмѣстѣ съ ними и преподавателя—рецензента И такимъ-то образомъ получаются неразумно строгія трѣбованія при оцѣнкѣ упомянутыхъ работъ по отношенію къ языку. Требуется языкъ дотого точный, чтобы въ выраженіи мыслей ни оставалось ничего недосказаннымъ; надо, чтобы мысль безъ остатка переходила въ языкъ, да еще съ изяществомъ въ выраженіи! Возможное-ли дѣло? И что же выиграли? А вотъ что: разрабатывается, совершенствуется только официіальный языкъ, сухой, изысканный, неизящный языкъ протоколовъ, рефератовъ, всякихъ докладныхъ записокъ, языкъ, противный національному духу, преданію, вкусу, практическому смыслу, языкъ понятный только для даннаго момента и тѣснаго круга людей, но мало понятный для большинства А это большинство, вездѣ жадное до всего новаго, подхватываетъ новыя для него слова изъ дѣлового, протокольнаго языка и орудуетъ имъ по своему. И потому-то часто замѣчается, что и въ разговорѣ, и въ печати многія такія выраженія употребляются некстати. вопреки лучшимъ преданіямъ и вообще исторіи языка. Что такая порча нашего языка замѣчается лучшими русскими людьми, видно изъ того, что недавно, по почину Т. И. Филипова, образовалось небольшое пока общество съ цѣлью освѣжить, облагородить современный обиходный языкъ народнымъ добромъ.

Таково положеніе литературнаго дѣла внѣ школы.

Все это, конечно, хорошо извѣстно преподавателю русскаго языка и не можетъ не волновать его при оцѣнкѣ экзаменныхъ письменныхъ работъ; а работы эти очень разнообразны, такъ какъ преподаватель русскаго языка участвуетъ также въ оцѣнкѣ экзаменныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій. Оцѣнка и рецензія съ поправками должны быть исполнены въ очень короткіе сроки и въ тоже время должны удовлетворять разнообразнѣйшимъ требованіямъ.

Какой языкъ—слогъ положить въ основаніе рецензій—поправокъ?

Первое требованіе, ревнующее по своему о пользѣ родной мысли и родного слова, тянетъ въ сторону официіальнаго

языка, правда наиболѣе установившагося, но тяжолаго, неловкаго въ своихъ оборотахъ, полунѣмецкихъ, полусеминарскихъ. (Недаромъ же критикъ Бѣлинскій какъ-то сказалъ: „нѣмцы—это семинаристы человѣчества“ *).

Съ другой стороны увлекаетъ родная рѣчь — родная мысль, разнообразная, живая, богатая, но для многихъ грамотеевъ непріятная.

Принимая въ соображеніе оба требованія и видя необходимость сколько-нибудь согласить ихъ другъ съ другомъ, преподаватель не разъ вспомнитъ стихъ поэта: „Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова!“ и не разъ подумаетъ: „Когда же наконецъ прекратится это идолослуженіе языку? Когда же вспомнятъ опять, что языкъ—только орудіе духа, и перестанутъ поклоняться его формамъ,—въ поэзіи—декаденты, въ языкознаніи — фонологи, расширяющіе до крайнихъ предѣловъ ученіе о звукѣ и буквѣ въ ущербъ содержанію!“ Между тѣмъ преподаватель средняго учебнаго заведенія не можетъ оставить безъ вниманія это ученіе уже по тому одному, что оно такъ широко примѣняется въ ороографіи. Въ тоже время онъ не можетъ не сожалѣть объ излишествахъ этого ученія — по двумъ причинамъ: во-первыхъ, это ученіе доводитъ до крайностей школьныя требованія грамотности, и, во-вторыхъ, этотъ атомизмъ звуковъ въ дисциплинѣ мысли, въ воспитаніи юной души, можетъ быть, дѣйствуетъ отчасти сходно съ матріалистическимъ ученіемъ нѣкоторыхъ естествовѣдовъ.

Потомъ—эта ужасная разноголосица при оцѣнкѣ значенія писателей и ихъ отдѣльныхъ произведеній въ дѣлѣ воспитанія и образованія русскихъ дѣтей! Образы Ундины, Корделіи, героинь и героевъ произведеній русскихъ поэтовъ,—все это—матеріалъ для предполагаемаго логическаго построенія чего-то въ будущемъ; все это гипотетическія средства для воспитанія какого-то неизвѣстнаго будущаго русскаго человѣка и какой-то будущей русской женщины! Нѣтъ еще на свѣтѣ педагогической критики этихъ произведеній, педагогической оцѣнки біографій ихъ авторовъ,

*) Соч. Гончарова т. 8 стр. 197.

критики, которая указала-бы, какое воспитательное дѣйствіе производитъ то или другое поэтическое произведеніе, та или другая біографія на умъ, чувство и волю воспитанниковъ и воспитанницъ извѣстной подготовки, извѣстнаго возраста, извѣстнаго антропологическаго типа; а между тѣмъ, руководствуясь соображеніями апріорнаго свойства, личными симпатіями и антипатіями, даютъ совѣты, что читать мальчикамъ, что—дѣвочкамъ, говорятъ о старыхъ и новыхъ идеалахъ, какъ будто истинные идеалы допускаютъ такое, (нерѣдко тенденціозное) различеніе! Послѣ этого можно-ли достовѣрно знать, куда ведемъ дѣтей? И можно ли послѣ этого имѣть общія для всѣхъ рецензентовъ основы при оцѣнкѣ экзаменныхъ работъ?

Да, наконецъ и то сказать: не слишкомъ ли много у насъ теперь,—и въ жизни, и въ школѣ—дается мѣста письменнымъ работамъ, вообще—словамъ, рѣчамъ, хотя бы и правильнымъ не только въ грамматическомъ отношеніи? Вездѣ письмоводство: доклады, рефераты, протоколы, газеты; а гдѣ-же настоящее-то дѣло жизни, о которомъ пишутъ и говорятъ? Неужели все оно, безъ остатка, укладывается въ письмо, въ рѣчь? Какъ? Оригиналъ, лицо цѣликомъ переходитъ жить въ свой портретъ!

Скажутъ: эти мысли—бредъ. Но онѣ неизбѣжно посѣщаютъ каждаго въ подобномъ положеніи, въ подобной обстановкѣ. Да, полно, такъ-ли? Конечно, такихъ мыслей въ экзаменной рецензіи не помѣстишь; тамъ напишешь общепринятыя, привычныя для слуха и глаза фразы, и поставишь баллъ.

Пока такія и имъ подобныя мысли волнуютъ рецензента, время-то срочное уходитъ. Рецензіи далеко еще не готовы, а между тѣмъ истекаетъ срокъ для передачи работъ слѣдующему члену коммиссіи. Да и какъ тутъ изготовить и эти рецензіи и выразить рѣшительно свое мнѣніе балломъ, когда мысль твоя никакъ не выбьется изъ заколдованнаго круга противорѣчій, въ которомъ кружитъ уже очень давно, и въ головѣ чувствуется боль. При сильномъ нервномъ возбужденіи мысль еще нѣсколько разъ совершитъ тотъ же cercle vicieuse, пока наконецъ отъ этого круженія около

одного пункта не получится мозговое воспаленіе et felicissima exodus — mors!

Какіе же уроки изъ этой поучительной смерти извлекаемъ мы, живые? А вотъ послушаемъ.

Одинъ говоритъ: „Знаете, покойникъ таки самъ виноватъ: зачѣмъ выбралъ себѣ эту странную карьеру—преподавать русскій языкъ. Дѣло самое шаткое и самое неопредѣленное изъ всѣхъ школьныхъ дѣлъ. Будемъ говорить откровенно: славянорусскій филологъ это какая то факультетская парія. Кто выслушаетъ про его нужды? И кто на немъ не ѣздитъ?

—„Ну это еще не бѣда!“ поучаетъ другой голосъ. „Не надо быть черезъ мѣру ретивымъ и не надо гоняться за призрачными идеалами. Мы понимаемъ другъ-друга. А то—уходи отъ дѣла, коли оно тебѣ не подъ силу“.

Но дѣло, такъ поставленное, будетъ не подъ силу всякому честному человѣку.

Въ этомъ и заключается смыслъ и причина страданій и смерти свято почившаго Павла Лукича Рекало.

Unus pro multis.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Проф. Вильг. ВАККЕРНАГЕЛЯ.

I

По весьма распространенному мнѣнію древнѣйшимъ родомъ поэзіи признается лирика. Человѣку ближе всего его собственное я—личныя его ощущенія; всего скорѣе и легче могутъ побудить его къ поэтическому творчеству; слѣдовательно, лирическая поэзія, какъ поэзія личности и чувства, и есть древнѣйшая.

Это мнѣніе, при всей кажущейся привлекательности, представляетъ ни на чемъ не основанную теорему, возникшую внѣ всякаго знанія исторіи литературы и безъ проникновенія въ сущность поэзіи. При первомъ обращеніи къ исторической основѣ и при первомъ, хотя поверхностномъ, обсужденіи призванія и стремленій поэзіи, должно получить силу и удержаться одно то ученіе, по которому эпическая поэзія есть древнѣйшая и всякая поэзія въ началѣ была только эпическою.

Утвердимъ сначала это положеніе путемъ историческимъ.

Какъ съ одной стороны древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ нѣмецкой литературы суть произведенія поэтическія, такъ съ другой—древнѣйшее изъ того, что мы знаемъ изъ нѣмецкой поэзіи—есть поэзія эпическая. Всѣ ея первоначальные памятники, которые только сохранились, суть эпическіе—такъ изъ VIII ст. пѣснь о Гильдебрандѣ и Гадебрандѣ, изъ IX-го ст. пѣснь о страшномъ судѣ, хотя послѣдняя повѣствуетъ и не о прошедшемъ, но о будущемъ, не въ историческомъ, а въ пророческомъ тонѣ. Однимъ этимъ однако, мы бы доказали еще немного, такъ какъ нѣмецкая нація старѣе VIII и IX ст. Но отсюда тянутся свидѣтельства въ глубь древнѣйшихъ временъ, касаясь даже и того состоя-

нія, которое мы можемъ и должны разсматривать какъ первобытное для европейскаго существованія нѣмцевъ — свидѣтельства эти гласятъ объ эпическихъ пѣсняхъ у лонгобардовъ, готовъ и у германцевъ.

Тоже и у другихъ народовъ. Литература евреевъ имѣетъ эпическое начало. Пѣсни, пѣвшіяся Галльскими бардами подъ аккомпаниментъ струнной игры были героическими. Первоначальные слѣды римской поэзіи представляютъ опять героическія пѣсни. Въ до-гомерическій періодъ греческой литературы, знакомой намъ только изъ полубаснословныхъ извѣстій,—греки имѣли свои эпическія пѣсни и только эпическія,—по крайней мѣрѣ Гомеръ не нашелъ иныхъ никакихъ: встрѣчающіеся у него пѣвцы (αοιδοι) Фемій на Итакѣ и Демодокъ у Феаковъ воспѣваютъ только эпическіе предметы. Потому и греческое названіе для повѣствовательнаго стихотворенія есть ἔπος, ἔπη, ἐποποιΐα т. е. слово, рѣчь, словотвореніе, первоначально существовалъ только этотъ художественный видъ слова. Другіе, болѣе поздніе, роды поэзіи носятъ болѣе опредѣленныя названія.

Что поэзія въ своихъ зачаткахъ была эпическою—на это намекаетъ и греческая миѳологія вездѣ, гдѣ она только касается искусства и его зачатковъ. Гомерическій гимнъ, представляющій Гермеса первымъ пѣвцомъ и поэтомъ, рисуетъ его въ тоже время какъ эпика: онъ воспѣвалъ любовь своихъ родителей и свое собственное рожденіе, происхожденіе земли и боговъ, преимущественно же воспѣвалъ Мнемозину наградившую его даромъ пѣснопѣнія.

Имя Мнемозины наводитъ насъ на другое, еще болѣе основательное доказательство. Отъ нея, ранѣе Гермеса, беретъ начало искусство пѣснопѣнія, что оно по значенію находится въ зависимости или отъ памяти, отъ воспоминанія, но принимать такое происхожденіе поэзіи можно только въ томъ случаѣ, если разумѣть ее только какъ эпическую. Такое пониманіе лежитъ въ основаніи всего миѳа о музахъ. Самое имя ихъ, разсматриваемое этимологически, значитъ не что иное, какъ воспоминанія, и область, стоящая подъ началомъ музъ, вмѣщаетъ первоначально не изящныя искусства вообще, и вовсе не науки, — но исключительно по-

эзію и то, что къ ней относится—музыку и танцы. Таки-ми являются они у Гомера и Гезіода. Сами они воспѣваютъ происхожденіе и подвиги боговъ; Эпическая пѣснь, слѣдовательно, составляетъ предметъ ихъ заботъ. Число ихъ у Гомера еще довольно неопредѣленно, онъ говоритъ о нихъ столь же часто въ единственномъ какъ и во множественномъ числѣ и только въ одномъ мѣстѣ упоминаетъ о девяти. Только Гезіодъ уже придаетъ всѣмъ девяти опредѣленныя имена; главнѣйшею изо всѣхъ называетъ онъ Калліопу, отцомъ—Зевса, матерью—Мнемозину, ту же самую Мнемозину которая одаряетъ Гермеса искусствомъ пѣснопѣнія: и въ первомъ и во второмъ случаѣ одинаково знаменательно для нашей цѣли, хотя и инымъ образомъ представлено отношеніе воспоминанія къ поэзіи. --Нашимъ дѣломъ было указать на то, какимъ образомъ и въ народныхъ вѣрованіяхъ Грековъ высказалось историческое сознаніе о первородствѣ эпоса и объ эпическомъ началѣ всякой поэзіи, а для подобнаго предмета миѳическое преданіе служитъ столь же основательнымъ свидѣтельствомъ и столь же полновѣсно, какъ и всякое другое.

Существеннѣйшая и дѣятельнѣйшая изъ трехъ силъ души, участвующихъ въ образованіи поэтическаго созерцанія есть воображеніе: оно является въ то же время и органомъ стремленія человѣка къ искусству, оно же является и силою творящею. — Но воображеніе созерцаетъ прекрасное подъ формами дѣйствительности или только воспроизводитъ, или же самостоятельно творитъ,—то какъ память, то какъ фантазія. Если же таково дѣйствительно его дѣйствіе, то человѣкъ при первомъ побужденіи къ поэтическому творчеству долженъ былъ необходимо, съ перваго же раза, напасть на поэзію эпическую, ибо здѣсь преимущественно, и здѣсь же всего легче и непосредственнѣе созерцается прекрасное въ формахъ дѣйствительности; здѣсь память и фантазія имѣютъ полный, широкій и свободный просторъ для того, чтобы развернуть свои силы; здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо у мѣста возобновлять воспоминаніе о случившемся и измышлять что либо какъ бы случившееся. Въ остальныхъ родахъ поэзіи фантазія не въ такой мѣрѣ выступаетъ на первый планъ

и память является тамъ часто преобладающею — уже достаточно основанія для того, чтобы разсматривать ихъ какъ вторичныя образованія поэзіи, какъ такія, которыя стали возможны только при подвинувшемся художественномъ образованіи, послѣ болѣе продолжительнаго употребленія.

Затѣмъ подвижная природа мыслей и языка требуетъ соотвѣтствующей подвижности, какъ созерцанія такъ и представленія; при содѣйствіи того же условія самое представленіе и образное созерцаніе должны двигаться въ исторической послѣдовательности и причинной связи. Но если это такъ, то опять таки первые поэты могли быть только эпиками: ибо не многаго содѣйствія требовалось со стороны поэта для того, чтобы исторически минувшее уловить въ его историческомъ ходѣ и движущійся рядъ происшествій дѣйствительности изобразить движущимся въ словахъ—все уже само собою вырисовывалось передъ нимъ въ правильномъ развитіи. У лирика, драматурга—отъ доброй воли зависитъ уже гораздо менѣе; здѣсь мы стоимъ уже не на той ступени, которая предстояла поэзіи при ея первомъ шагѣ,— уже въ эпосѣ должна она была усвоить привычку—уловлять, извнѣ представляющуюся подвижность, прежде чѣмъ стать въ возможность удовлетворять подвижности лирической, обусловленной болѣе внутренними причинами.

Далѣе мы знаемъ, и всегда можемъ замѣтить, что у народовъ еще не перешедшихъ поры дѣтства и патріархальнаго состоянія—отдѣльная личность едва ли сознаетъ себя самостоятельною особью, но спокойно, безнамѣренно, помимо точнаго знанія и желанія, дѣйствуетъ какъ членъ большаго цѣлаго и только черезъ посредство послѣднято, только въ немъ и съ нимъ живетъ. Уже съ теченіемъ времени, помѣрѣ усиленія культуры, стоящей во взаимномъ отношеніи съ болѣе искусственнымъ государственнымъ строемъ, пробуждается и выдѣляющееся самосознаніе единицъ и онѣ начинаютъ давать значеніе своей личности. Въ подобныя времена не могъ возникнуть никакой эпосъ, ибо эпосъ требуетъ, какъ это подробнѣе будетъ показано далѣе,—чтобы индивидуальность поэта терялась въ народной массѣ. Также точно это болѣе раннее состояніе не могло дать основъ лирикѣ,

ибо лирика имѣетъ дѣло со внутреннимъ міромъ индивидуума, а въ тѣ времена еще никто не сознавалъ себя особью. Притомъ первобытный человѣкъ имѣлъ обыкновеніе оставаться нечувствительнымъ къ болѣе утонченнымъ впечатлѣніямъ, при болѣе же сильныхъ онъ высказывалъ свой порывъ скорѣе крикомъ, чѣмъ пѣніемъ. Однимъ словомъ—то, что единственно соотвѣтствуетъ болѣе патріархальной жизни народа, ея непосредственный и необходимый продуктъ—есть поэзія эпическая; то-же, что возможно только при болѣе искусственной жизни государства и является ея выраженіемъ —есть поэзія лирическая.

II

Всякая поэзія созерцаетъ прекрасное подъ формами дѣйствительности—такъ и эпическая. Послѣдняя стремится къ высшей красотѣ, къ единству господствующему надо всѣмъ и во всемъ мірѣ.

Это общее опредѣленіе, объемлющее эпическія произведенія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, высказываетъ равнымъ образомъ и тѣ требованія, которыя должны быть дѣлаемы новѣйшей балладѣ, по скольку она характеризуетъ древнѣйшія героическія пѣсни Грековъ. Но въ этихъ столь далеко раздвинутыхъ предѣлахъ необходимо все-таки отмѣтить отличительныя особенности героическихъ пѣсенъ и балладъ и указать такимъ образомъ на то, чѣмъ отличается и должна отличаться эпическая поэзія тѣхъ вѣковъ, когда еще небыло никакой другой поэзіи кромѣ эпической отъ эпической поэзіи временъ позднѣйшихъ, рядомъ съ которой уже идетъ образованная лирика и драма и прозаическое бытописаніе.

Мы послѣдуемъ за ходомъ историческаго развитія и изобразимъ сначала эпосъ въ его исконномъ видѣ—эпосъ древній и первобытный, носящій въ себѣ зародыши всякой поэзіи.

Господствующимъ дѣятелемъ можетъ явиться или память, или фантазія. Если преобладаетъ память, то созерцаніе получаетъ форму сказанія, если же перевѣсъ на сто-

ронѣ фантазіи, если наконецъ она только дѣйствуетъ исключительно, то является миѳъ, сказка и животный эпосъ.

Значитъ, въ сказаніи память является дѣйствующею предпочтительно передъ всѣми остальными силами души; но и фантазія оказываетъ здѣсь свое содѣйствіе, и даже чувство и разсудокъ привносятъ соразмѣрное содѣйствіе. Исторія, отъ которой сказаніе заимствуетъ свои формы, есть во всякомъ случаѣ исторія того народа, у котораго оно образуется; оно обращается къ дѣяніемъ и жизни народа, его героямъ и мудрецамъ. Но изъ массы этого историческаго матеріала сказаніе заимствуетъ и удерживаетъ на столько, на сколько ему нужно и достаточно для принятія въ себя созерцаемой идеи: все что менѣе важно, что можетъ разрушить или затемнить созерцаніе—сказаніемъ, смѣло опускается,—и не только допускается умолчаніе, но даже и искаженіе историческихъ фактовъ; наконецъ еще болѣе—не историческія черты примѣшиваются фантазіею къ историческимъ—и все это ради того, чтобы лучше уловить идею, приличнѣе ее облечь. Итакъ сказаніе есть также исторія, но—возвышенная до идеи; исторія, исправленная съ точки зрѣнія религіозно-нравственной, исторія болѣе нежели истинная въ обычномъ смыслѣ этого слова. Однако надо принять во вниманіе, что сознаніе и намѣренность не принимаютъ во всемъ этомъ ни малѣйшаго участія: совершенно не преднамѣренно объ одномъ умалчивается, другое присочиняется. Каждое сказаніе признается собственно исторіею, исторически вѣрнымъ,—но такъ какъ данные факты разсматриваются какъ исходящіе изъ глубины высшей идеи и въ ней сосредоточивающіеся, то при человѣческой ошибочности не могло обойтись безъ многократныхъ погрѣшностей въ частяхъ безъ смѣшиванія, перестановокъ, признанія существованія за небывалымъ. Въ этой формѣ сказанія всѣ народы понимаютъ свою исторію, пока еще ведутъ естественную, невозмущенную цивилизаціей и ученостью жизнь.

Но затѣмъ такъ какъ сказаніе древнѣе исторіи, то и въ эпосѣ, который древнѣе бытописанія и древнѣе всякой другой поэзіи—исторія отражается только, какъ сказаніе. И это всегда и безъ исключенія. Даже тамъ, гдѣ древне-

эпическое стихотвореніе имѣетъ предметомъ современныя только что пережитыя событія,—и тутъ не можетъ оно не придать имъ сказочнаго колорита: понятіе обычной правды и вѣрности должно было казаться тягостнымъ творящему духу—оно обременяло его неудобными мелочами, которымъ трудно было придать поэтическое значеніе; чисто творческая дѣятельность обошла бы совершенно это понятіе, какъ исключающее всякое творчество фантазіи и имѣющее дѣло только съ воспроизводящею памятью.

Истинно поразительный примѣръ такой сказочной обработки относительно только что пережитой исторической дѣйствительности представляетъ пѣснь о Людовикѣ, 881 г. Она составлена немедленно вслѣдъ за событіемъ о которомъ повѣствуетъ, ибо говоритъ о Людовикѣ III еще какъ о живомъ, а Людовикъ умеръ уже въ 882 году.

Отъ сказанія мы отличаемъ миѳъ. Мы знаемъ хорошо, что послѣднее слово у Гомера, какъ и многія другія, обозначало, сообразно съ характеромъ того времени, смотрѣвшимъ на исторію глазами поэзіи, а не критики,—разсказъ вообще, съ историка Геродота и лирика Пиндара—поэтическій и вымышленный разсказъ въ противуположность историческому и исторически вѣрному.

Въ сказаніи человѣкъ стремится познать присутствіе высшей силы въ исторіи своего народа, при этомъ онъ, хотя и руководится высшей точкою зрѣнія, однако остается среди окружающей его дѣйствительности; въ миѳѣ онъ выходитъ изъ предѣловъ этой дѣйствительности и воображеніе его стремится проникнуть въ исторію великаго существа. Въ сказаніи онъ возвышаетъ конечное содержаніе къ безконечной идеѣ; въ миѳѣ къ безконечному онъ прилагаетъ мѣрку конечнаго и низводитъ такимъ образомъ безконечную идею къ конечному содержанію. Христіанская миѳологія Среднихъ вѣковъ стояла также довольно уже близко къ многобожію и нужна была реформація, уничтожившая всѣ легенды, чтобы своевременно отвратить гибель. Евреи были на столько бѣдны миѳами, насколько богаты сказаніями—даже почти совершенно не было у нихъ миѳовъ, что̀ и послужило къ охраненію ихъ монотеизма и соблюденію его въ чистотѣ.

Впрочемъ миѳъ и сага близко граничатъ другъ съ другомъ, взаимно соприкасаются и перекрещиваются многоразличнѣйшимъ образомъ. Ибо подобно тому, какъ фантазія творитъ свои образы по образамъ памяти, такъ и сказанія формируются по аналогіи съ національнымъ сказаніемъ, естественнымъ слѣдствіемъ чего бываетъ то, что и образъ и копія взаимно проникаютъ другъ друга. Кто выдѣлилъ бы у Гомера въ полнотѣ и точности сказанія о богахъ отъ сказаній о герояхъ? Нельзя упустить изъ вида и того, что въ равной степени способствуетъ уничтоженію границъ между миѳомъ и сказаніемъ, именно что съ теченіемъ времени при постоянномъ возрастаніи антропоморфозы—боги низводятся до героевъ, герои же возвышаются на степень боговъ, такъ что то, что доселѣ составляло форму миѳическаго созерцанія, теперь дѣлается чистымъ сказаніемъ и наоборотъ—образы сказанія переходятъ въ миѳы. Такимъ образомъ напр. Зигфридъ нѣмецкаго героическаго сказанія, отъ соединенія его съ другими былинными и первоначально историческими личностями, самъ принялъ совершенно былинный видъ, въ сущности же онъ принадлежитъ, по убѣдительному доказательству Лахмана, къ миѳу и то, что разсказывается о немъ въ національномъ сказаніи, есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе очеловѣченія исконнаго сказанія о божествѣ. Особенно же тогда сталкиваются и перемѣшиваются эти обѣ формы эпическаго созерцанія, когда дѣло идетъ о восполненіи событіями такой эпохи, которая выходитъ за предѣлы всякой памяти и даже за предѣлы памяти былинной, какъ напр. эпохи, предшествовавшей существованію народа, или всего человѣчества. Тогда возникаютъ космогоніи, теогоніи и антропогоніи—все это въ чисто миѳическомъ родѣ—и къ нимъ примыкаетъ національное сказаніе. Это мы находимъ напр. у Іудеевъ; тоже въ весьма ясной послѣдовательности и у Германцевъ. Они прославляютъ въ древнихъ стихотвореніяхъ—единственномъ у нихъ родѣ воспоминанія и лѣтописей—Туискона, бога рожденнаго землею и сына его Манна, происхожденіе народа и его основателей, Туисконъ—богъ рожденный отъ земли, Маннъ—первый человѣкъ, его три сына—прародители народа.

Осадокъ и наслѣдство исчезающей и исчезнувшей миѳологіи есть сказка; сказки не существуетъ пока значеніе миѳа еще вполнѣ живо. Но такъ какъ однако и тотъ и другая находятся между собою въ подобной тѣсной связи и какъ съ другой стороны противоположеніе сказки миѳу бросаетъ новый свѣтъ на сущность миѳа и сказанія, то можно здѣсь упомянуть объ этой формѣ эпическаго созерцанія,—къ тому же происхожденіе ея, по крайней мѣрѣ у нѣмецкихъ народовъ, совпадаетъ съ древне-эпическою эпохою, выше охарактеризованною.

Миѳы отдѣльныхъ народовъ, хотя и стремятся быть исторіею высшихъ силъ а не народовъ, тѣмъ не менѣе однако путемъ только что упомянутыхъ нами соприкосновеній съ народными сказаніями, сами пріобрѣтаютъ національный отпечатокъ. Но когда система этихъ миѳовъ начинаетъ колебаться и разрушаться, когда вѣрованіе на ней зиждившееся, пережило себя и на мѣсто его откуда либо является новое, а миѳы, если вообще и продолжаютъ свое существованіе, то не иначе какъ въ измѣненномъ видѣ, новымъ образомъ и способомъ. Они или примыкаютъ къ народному сказанію и переходятъ совершенно и вполнѣ въ послѣднее и сказаніе дѣлается сказаніемъ о герояхъ, или же—и послѣдній путь самый обыкновенный—они стираютъ съ себя все національное, все что дѣлало ихъ миѳами того или другаго народа и удерживаютъ только то, что составляетъ общечеловѣческое созерцаніе и общечеловѣческую его форму, т. е. они дѣлаются сказками. Такимъ превращеніемъ древняя миѳологія наилучшимъ способомъ обезпечиваетъ себѣ дальнѣйшее существованіе: находясь въ связи съ національнымъ вѣрованіемъ, она должна была пасть вмѣстѣ съ послѣднимъ передъ вѣрованіемъ новымъ, вторгающимся извчужа, теперь же, сдѣлавшись не національною и общечеловѣческою она уже имѣетъ менѣе причинъ опасаться, ибо новое вѣрованіе—также человѣческое, и есть довольно способовъ и путей для того, чтобы если не сблизиться съ нимъ, то по крайней мѣрѣ стать въ соглашеніе.—Таково происхожденіе всѣхъ сказокъ: пока Греки и Римляне имѣли еще свои греческіе и римскіе миѳы и вѣровали въ нихъ—врядъ-ли была уже у нихъ сказ-

ка, но за то, какъ скоро къ нимъ явилось всякого рода иноземное язычество, а потомъ и христіанское ученіе,—эти миѳы преобразились въ сказки. И германскіе народы точно также имѣютъ сказки только съ того времени, какъ стали христіанами (на сѣверѣ этотъ поворотный пунктъ въ вѣрованіяхъ и поэзіи обозначается новою Эддою): исчезли правда древнія божескія имена и вообще все то, что въ миѳологіи было чисто германскаго, но все, что носило общечеловѣческій характеръ, что выражало вѣрованія и суевѣрія всего міра—осталось и продолжаетъ свое существованіе въ видѣ сказки еще посегодня, на ряду съ христіанствомъ.

Такимъ образомъ сказка находится въ совершенной противуположности со сказаніемъ. Сказаніе—національно и основывается на дѣйствительной исторіи, и даже въ томъ случаѣ, когда называемыя имъ имена должны быть собственно не историческими, когда высказываемое имъ пріуроченіе ко времени и пространству, должно быть прямо невѣрнымъ—оно все-таки опредѣляетъ время и пространство; даже тѣмъ остаткамъ миѳологіи, которые оно въ себя принимаетъ, придаетъ оно этими самыми пріурочиваніями историческій обликъ. Такъ—какъ мы уже упомянули выше—древнее божество помѣщается сказаніемъ уже съ именемъ Зигфрида въ исторически опредѣленную эпоху и обозначенныя мѣстности и совершенно также къ дѣйствительнымъ личностямъ, дѣйствительнымъ событіямъ, дѣйствительно существующимъ горамъ, пропастямъ и рѣкамъ пріурочивается сказаніе съ историческимъ колоритомъ о великанахъ, карлахъ и русалкахъ, дававшее прежде содержаніе миѳу о богахъ горъ, лѣсовъ и водъ. Иное сказка. Сказка лишена не только всякаго народно историческаго содержанія, но въ ней нѣтъ даже и какого бы то ни было отдаленнѣйшаго отношенія къ народной исторіи,—она пренебрегаетъ историческою внѣшностью. То, что разсказываетъ сказка, никогда не бываетъ примкнуто произвольно къ опредѣленному времени или мѣсту,—обыкновенно дѣйствующія лица ихъ, мѣста, въ которыхъ они вращаются, не носятъ никакихъ именъ, или же гдѣ и случается противное, то тѣмъ не высказывается ни малѣйшей претензіи на историческую досто-

вѣрность: въ такомъ случаѣ—это все такія имена, которыя принадлежатъ многимъ тысячамъ повсюду, какъ напр. Гансъ, или же такія, которыя уже сами на себѣ носятъ признакъ неприложности и чистой фантастичности какъ напр. гора Семси. То, что сказка разсказываетъ объ исполинахъ и карликахъ, не имѣетъ точки опоры ни въ пространствѣ, ни во времени. Есть также нѣмецкія сказки, возникшія изъ миѳовъ о томъ же божествѣ, которое позднѣйшее сказаніе называетъ Зигфридомъ, но, если сравнить ихъ съ этимъ сказаніемъ, то ясно будетъ видно, какъ съ одной стороны миѳъ осложнился въ сказаніи и упростился съ другой стороны въ сказкѣ.

Если сказанія различныхъ народовъ сходны между собою, то сходство это существуетъ вопреки ихъ національно му отпечатку, если же сходятся между собою сказки, то это скорѣе результатъ необходимости, ибо онѣ, представляя собою тотъ общечеловѣческій остатокъ миѳа, который получается по изъятіи изъ него національной особенности, и не имѣютъ уже какой-нибудь опредѣленной родины. Сказаніе, даже и въ томъ случаѣ когда преобладающимъ элементомъ его бываетъ фантазія,—всегда остается твореніемъ памяти, ибо оно должно замѣнять истинную исторію; сказка никогда не отрывается отъ своего чисто фантастическаго происхожденія: ей вѣрятъ иначе чѣмъ сказанію—въ ней обольщаетъ не обликъ внѣшней правдивости, но увлекаетъ та внутренняя правда, тотъ высшій блескъ силы идеи, который привнесенъ въ нее еще изъ миѳа. Потому то и поступаетъ здѣсь фантазія необузданнѣе, смѣлѣе, легкомысленнѣе; потому тоже при сказочныхъ созерцаніяхъ ей чаще приходится впадать въ разногласіе съ разсудкомъ и чувствомъ, чѣмъ при былинныхъ, а слѣдовательно и насмѣшка, и шутка, и юморъ въ сказкѣ собственно совершенно у мѣста, такъ какъ они не чужды и миѳу, который также образуется при преобладающемъ содѣйствіи фантазіи.

Приступая наконецъ къ звѣриному эпосу мы понимаемъ подъ этимъ словомъ не дидактическое стихотвореніе (въ этой формѣ онъ представится нашему разсмотрѣнію при дальнѣйшемъ ходѣ) на четвертую форму чисто эпическаго созерцанія послѣ сказанія, миѳа и сказки.

Древность въ своей природной простотѣ взирала на міръ животныхъ болѣе религіознымъ и поэтическимъ взглядомъ, чѣмъ мы. Дѣло не въ томъ, чтобы нецивилизованный человѣкъ стоялъ ближе къ животному и чувствовалъ себя ему сродни по собственной своей животной природѣ: но миѳы и сказанія слишкомъ ужъ много разсказывали ему о произвольныхъ и непроизвольныхъ превращеніяхъ, какъ боговъ такъ и людей, въ звѣриную форму и то суровое пониманіе ученія о безсмертіи, по которому души умершихъ могли быть осуждены на перехожденія по тѣламъ въ животныхъ,—ученіе о переселеніи душъ,—слишкомъ сильно было распространено въ древности, чтобы не почувствовать людямъ какого-то религіознаго страха передъ міромъ животныхъ. Передъ ручными домашними животными страхъ этотъ долженъ былъ конечно скоро исчезнуть—скоро должны были замѣтить что они только всего и есть что животныя. Но были еще сильныя и хитрыя лѣсныя животныя, кочующія, всюду туземныя птицы. Непріятныя, основанныя на страхѣ, силѣ и хитрости, отношенія, въ которыхъ находились къ послѣднимъ, въ соединеніи съ тѣмъ ужасомъ, который возникъ изъ религіозныхъ мнѣній—все это побудило искать въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ просто дикое звѣрство и колебалось человѣчество—считать ли животный міръ за міръ подобный же человѣческому, или же принять, что и животныя обладаютъ разумомъ въ той же мѣрѣ какъ и человѣкъ, и недостаетъ только возможности взаимнаго пониманія—потому ли что языкъ звѣрей чуждъ человѣку или же потому, что животныя намѣренно затаиваютъ свою способность говорить, что-бы не придти въ необходимость вступить въ сношенія съ страшнымъ и ненавистнымъ для нихъ человѣкомъ. Такъ греки, равно какъ и нѣмцы, вѣрили въ языкъ птичій, пониманію котораго выучивается иногда счастливецъ среди людей; тоже полагали и средневѣковые поэты называя пѣніе птицъ латинскимъ, т. е. непонятнымъ, языкомъ птицъ. И Эзоповы басни, этотъ дидактическій отпрыскъ древнѣйшаго звѣринаго эпоса, начинаются довольно часто словами: „въ то время, когда еще звѣри говорили". Короче—очеловѣчили животный міръ, почтили его такимъ взглядомъ, который его возвысилъ и облагородилъ.

Это же сдѣлало животныхъ и способными къ эпосу: при упомянутой точкѣ зрѣнія на нихъ не могло быть дальнѣйшаго колебанія въ томъ, чтобы и животныхъ сдѣлать носителями эпическихъ созерцаній. Такимъ образомъ какъ въ сказаніи обращали рефлексы въ высь, чтобы придумать исторію по образцу человѣческой природы, такъ точно обращали его и внизъ къ животнымъ, такъ что теперь весь міръ подземный и земной, человѣческій, сверхъ человѣческій и стоящій подъ человѣкомъ—былъ эпически оживленъ и населенъ. Разсказывали о военныхъ и любовныхъ похожденіяхъ и боговъ и животныхъ подобно тому какъ посредствующая былина разсказывала о людскихъ, и подобно тому какъ богамъ придали имена изъ народнаго языка, такъ и животныя получили вмѣсто своихъ видовыхъ названій особенныя народныя собственныя имена: нашъ древній эпосъ незнаетъ собственно никакого волка, никакой лисы, а только Изенгрима и Рейнхардта. Естественно, что въ звѣриномъ эпосѣ данъ почти еще большій просторъ изобрѣтательной фантазіи, чѣмъ въ миѳѣ, ибо въ миѳѣ повторялись постоянно то шаткія, то прочныя прикрѣпленія національному сказанію,—созданію памяти—въ звѣриномъ же эпосѣ подобныя прикрѣпленія были не такъ-то возможны; въ себѣ же самомъ онъ также не заключалъ никакой исторической основы: наблюденіе природы предлагало конечно опредѣленную характеристику, но не сообщало событій, изъ которыхъ можно бы было построить басню. Потому звѣриный эпосъ всею сущностью своею наиболѣе примыкаетъ къ сказкѣ: подобно послѣдней онъ содержитъ въ себѣ мало національнаго, если не считать упомянутыхъ національныхъ именъ, такъ что напр Эсты, хотя и неродственные Нѣмцамъ могутъ разсказать все тоже о тѣхъ же самыхъ животныхъ, что и нѣмцы; подобно сказкѣ же обнаруживаетъ онъ, вслѣдствіе произвола фантазіи,—противорѣчія разсудку и чувству, насмѣшку, шутку, юморъ. Это позже вызвало, и сдѣлало легкимъ, превращеніе звѣринаго эпоса въ дидактическій,—первоначально же жизненное направленіе было ему совершенно чуждо. Ибо, повторяя уже сказанное раньше, ни одинъ изъ этихъ видовъ эпическаго созерцанія—ни звѣ-

риный эпосъ, ни миѳъ, ни сказка, ни сказаніе—нигдѣ и никогда не бывали сознательно намѣренными явленіями: какъ ни произвольно поступала фантазія въ томъ или другомъ случаѣ—произволъ этотъ никогда не былъ сознательнымъ.

Такъ какъ тотъ возрастъ націи, съ которымъ совпадаетъ развитіе эпоса, есть эпоха именно націи, а не индивидуумовъ, такъ какъ въ это время индивидуумы еще не обособились сами для себя, но живутъ и дѣйствуютъ въ народѣ и черезъ народъ, какъ неотдѣлимые его члены, то и древне-эпическія созерцанія не могутъ также быть твореніемъ поэтическаго духа, дѣйствующаго особно: онѣ суть созерцанія всего народа,—не одинъ, но вся нація была поэтомъ. Естественно, что каждое созданіе возникло первоначально на одномъ пунктѣ; каждое сказаніе, каждая сказка должна была имѣть одного первоначальнаго творца, но этотъ одинъ творилъ изъ народнаго духа, не какъ одинъ, но какъ органъ—и органъ случайный—массы; этимъ однако твореніе еще вовсе не заканчивалось, ибо вслѣдъ за тѣмъ опять многія отдѣльныя личности—и опять какъ органы цѣлаго—присочиняли къ нему, развивали и видоизмѣняли созерцаніе до того, пока наконецъ не исчезалъ съ него и малѣйшій слѣдъ личной особности, пока оно не принимало общечеловѣческаго или общенароднаго характера. Отсюда полная объективность всякой древнѣйшей эпической поэзіи. Ибо естественно, что тамъ, гдѣ идея созерцается подъ формами исторической дѣйствительности—созерцаніе должно приближаться все болѣе и болѣе къ полной объективности въ той же мѣрѣ, въ какой со стороны творящаго субъекта прекращаются разрушительныя вторженія индивидуальности.

Но простое созерцаніе не дастъ еще никакого творенія: объективированіе должно быть выполнено, созерцаніе—изображено. И здѣсь-то при переходѣ отъ духовнаго содержанія къ чувственной оболочкѣ, изъ внутренности творящаго духа къ внѣшности представляемой словесною формою—здѣсь-то должно полагать границу между націею и индивидумомъ: тутъ очевидно можетъ дѣйствовать только одинъ; пусть само сказаніе будетъ достояніемъ всего народа, но стройная, прекрасно организованная рѣчь, которою оно излагается, можетъ

быть произведеніемъ только одного. Это несомнѣнно—и все-таки, однако, это не его рѣчь, по крайней мѣрѣ не исключительно его. Ибо при изображеніи повторяются тѣже отношенія и условія, которымъ подчиняется и созерцаніе: этотъ одинъ творитъ стихи во имя всѣхъ и всѣ пользуются при этомъ неограниченнымъ правомъ сотрудничества, правомъ измѣнять, выпускать и прибавлять дотолѣ, пока и это внѣшнее объективированье не всѣмъ по нраву, пока оно уже вовсе не индивидуально, но подобно созерцанію сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ. Потому-то исторія поэзіи начинается всюду твореніями безъименными; у нѣмцевъ за многія столѣтія можно назвать только Отфрида, но его евангельская гармонія вовсе не народный эпосъ.

Только что изображенное нами свойство объусловлено и коренится не только въ національной, сплошной жизни всѣхъ: неизбѣжный поводъ къ нему заключается въ древнемъ способѣ дальнѣйшаго сообщенія и передачи поэтическихъ произведеній. Дѣло въ томъ, что подобная эпоха не только что не знаетъ никакого письма, но даже и не чувствуетъ ни малѣйшей потребности ни въ бѣгломъ его употребленіи, ни въ наученіи письму и чтенію для ежедневнаго обихода. Такимъ образомъ остается для стихотворенія устная передача: но при господствѣ послѣдней устраняется само собою все то, что не находитъ сочувственнаго отголоска въ душѣ и устахъ всѣхъ племенъ, родственныхъ по происхожденію и по языку.

Остается нѣсколькими болѣе опредѣлительными чертами обрисовать эту устную передачу и посмотрѣть при этомъ какого рода вліяніе могла имѣть она на созерцаніе и изображеніе.

Передача происходила путемъ пѣнія и пѣніе сопровождалось игрою на инструментѣ въ столь тѣсномъ сочетаніи съ музыкою, ею поддерживаемый и хранимый, переходилъ эпосъ изъ-устъ въ уста, изъ рода въ родъ; присоединилось сюда же еще и третье—третье посредствующее и ритмическое искусство—искусство танцевъ. Такъ древніе Дитмарсы употребляли свои эпическія пѣсни въ качествѣ плясовыхъ: одинъ пѣлъ, другіе подпѣвали и притомъ танцовали.

Однако не каждый умѣетъ пѣть и играть; рѣдко кому присущи страсть и даръ пѣнія; и вотъ такимъ-то способомъ образуется среди массы творящаго и поющаго народа особенное сословіе пѣвцовъ—классъ людей, которые изъ искусства передачи эпическихъ пѣсенъ дѣлаютъ чистый промыселъ, которые расхаживаютъ по народу, заходятъ и въ королевскіе дома и поютъ тамъ то, что знаетъ чуть не каждый, какъ преданіе старины, но что выслушивается отъ нихъ съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ отъ другихъ, ибо они умѣютъ пѣть это изящнѣе, которые наконецъ и сами складываютъ новыя пѣсни и измѣняютъ сказанія своего народа въ ихъ созерцаніяхъ и изображеніяхъ, но опять таки совершаютъ это какъ органы народа, какъ его уста и истолкователи. Такихъ пѣвцовъ по ремеслу и призванію имѣютъ еще и посегодня Сербы, стоящіе въ поэтическомъ творчествѣ выше всѣхъ Славянскихъ народовъ; но они поютъ только то, что народъ зналъ уже прежде. Совершенно такіе же встрѣчаются намъ и у Грековъ: Гомеръ называетъ ихъ *αοιδοι* (пѣвцы), Гезіодъ—по игрѣ на инструментѣ—*κιθαρισται* (киѳаристы); такіе же были и у Средневѣковыхъ Германцевъ: обыкновенно это были слѣпцы какъ напр. теперь у Сербовъ или какъ упомянутый Феакскій Демодокъ—тоже слѣпой.

Но то, что передается такимъ способомъ, должно быть настолько же и удобно къ передачѣ: эпическое произведеніе ни въ какомъ отношеніи не должно превосходить ни физическихъ силъ пѣвца, ни духовныхъ силъ слушателей. Пѣвецъ долженъ такъ его изложить, а слушателямъ нужно такъ его усвоить какъ въ отношеніи къ содержанію, такъ и къ формѣ, чтобы во всякомъ случаѣ получить возможность пѣть его и самимъ

Слѣдовательно, во-первыхъ эпическое созерцаніе, не говоря уже о требованіи всеобщаго принципа красоты—непремѣнномъ единствѣ,—должно также быть сколь возможно просто: пѣвецъ не долженъ ни въ какомъ случаѣ развертывать передъ своими слушателями длинную, во глубь и ширь раскидывающуюся сѣть сказаній или миѳовъ, но только о д и н ъ миѳъ, только о д н у былину. Внѣшніе фак-

ты, какъ служащіе формою для созерцанія единой идеи, должны составлять только одинъ, послѣдовательный рядъ, тѣсно сомкнутый и законченный, должны направляться къ одному главному событію. Если бы повѣствованіе пѣвца имѣло предметомъ болѣе чѣмъ одно главное дѣйствіе, если бы онъ цѣплялъ циклы фактовъ одинъ на другой—то, можетъ быть, пока бы разсказъ его длился, вниманіе слушателей и поддерживалось бы, но лишь только пѣвца не стало, они удалились бы оттуда съ ничѣмъ и въ смущеніи. Такія-то созерцанія, отличающіяся строгимъ единствомъ и простотою вложены въ уста гомерическихъ аоидовъ: Фемію—сказаніе о возвращеніи Ахейцевъ, Демодоку—о Троянскомъ конѣ и миѳъ объ Аресѣ и Афродитѣ. Итакъ всякій разъ—**рядъ** событій, но и всякій же разъ **одно** событіе главное, представляющее зерно и центръ этого ряда,—событіе, исходя изъ котораго въ причинной послѣдовательности, легко намѣтить начало и конецъ и достичь ихъ. Хотя началу и предшествуютъ постоянно мотивы болѣе отдаленные—такъ сказанію о Троянскомъ конѣ—долгіе годы тщетной осады, сказанію о бѣдственномъ возвращеніи—цѣлая Троянская война и все, что ей непосредственно предшествовало—но всѣ эти болѣе ранніе мотивы пѣвецъ предполагаетъ общеизвѣстными; весь огромный эпическій матеріалъ живо современемъ для всѣхъ слушателей и пѣвцу остается заимствовать изъ него то тамъ, то тамъ, привлекая вниманіе слушателей то на то, то на другое событіе: но что случилось раньше и что воспослѣдовало позже—это ему нужно затронуть развѣ что слабымъ намекомъ. Еще весьма поразительный примѣръ такой тѣсно ограниченной фактичности представляетъ древняя верхне-нѣмецкая поэма о Гильдебрандѣ и Гадебрандѣ. Для насъ, отчуждившихся отъ былиннаго склада, произведеніе кажется оторваннымъ фрагментомъ, если оно начинается прямо тѣми словами, которыми начинаетъ его поэтъ: „Гильдебрандъ и Гадебрандъ вызывали „другъ-друга на единоборство среди двухъ войскъ“—мы спрашиваемъ: кто они оба? и что вызвало ихъ на единоборство? Современникамъ поэта напротивъ очень хорошо были извѣстны оба же лица, они знали и событія предше-

ствовавшія и обстоятельства сопровождающія: поэтъ могъ ихъ прямо поставить in medias res, чтобы изобразить передъ ними только одно это сказаніе о борьбѣ отца съ собственнымъ сыномъ.

Другія требованія, основанныя также на удобствѣ устной передачи, относятся къ изображенію.

Цѣль изображенія та, чтобы возбудить и содѣйствовать къ воспроизведенію созерцанія; оно должно сдѣлать созерцаніе поэта нагляднымъ для другихъ. Тѣмъ самымъ уже заявляется отъ эпическаго изображенія требованія изобразительности историческаго хода. Но обстоятельностію выполненія изобразительность эта не можетъ быть достигнута тамъ, гдѣ пѣніе поэта только выслушивается и выслушивается только въ первый разъ, или гдѣ хотя онъ и давно извѣстенъ, но любовь къ эпической поэзіи возбуждаетъ къ нему столь живой и пылкій интересъ, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ его слушали впервые: здѣсь нужно быстрое развитіе,—развитіе, которое энергическимъ выставленіемъ и сопоставленіемъ собственно причинныхъ моментовъ прямо вліяетъ на воспроизводящій духъ слушателя Но причинность всего менѣе лежитъ во внѣшнихъ фактахъ, ибо внѣшніе факты не всегда исключительно, да и не всегда сами по себѣ, оказываютъ вліяніе; оно заключается не столько въ дѣйствіяхъ, сколько въ дѣятеляхъ: оно лежитъ въ характерахъ. Итакъ эпикъ долженъ изобразить характеры дѣйствующихъ лицъ наглядно т. е. именно какъ характеры дѣйствователей; характеристика не должна быть ни описаніемъ, ни разсужденіемъ, она не должна находиться внѣ историческаго хода и вмѣстѣ съ внѣшними фактами, въ ней коренящимися, должна развиваться быстро и живо. Какъ же удовлетворяютъ этому требованію древніе эпики? Весьма просто тѣмъ, что развитіе дѣйствія сопровождается у нихъ развитіемъ рѣчей дѣйствующихъ лицъ, тѣмъ, что наряду съ фактами они допускаютъ діалогъ. Такъ было въ древнихъ эпическихъ пѣсняхъ Грековъ, какъ можно видѣть еще и у Гомера: только этимъ способомъ, напр , сообщена жизнь и наглядность ходу фактовъ въ описаніи битвъ Иліады—безъ вставленныхъ рѣчей всѣ эти удары копій и метанья камней

едва ли бы составили картину въ душѣ слушателя; сотни убитыхъ не рисуютъ столько Аякса, какъ одно сильное слово изъ устъ его. Точно также и въ древне эпической поэзіи другихъ народовъ, равно и у нѣмцевъ. Стоитъ сравнить Нибелунги и опять пѣснь о Гильдебрандѣ и Гадебрандѣ. Но именно на Сѣверѣ, эта разговорная форма эпическихъ пѣсенъ выработалась въ основной обычай и въ тоже время въ фальшивую односторонность: старая Эдда содержитъ много такихъ пѣсенъ, которыя суть нечто иное какъ разговоръ и въ которыхъ внѣшніе факты, даже въ разговорѣ только слегка намѣчены.

Дальнѣйшее требованіе относительно изображенія, заявляемое и въ тоже время выполняемое эпическимъ вѣкомъ, есть требованіе незначительнаго объема Оно заявляется во имя внѣшней цѣли—удобства передачи,—внутренно же вытекаетъ оно изъ того, что уже прежде было замѣчено о простотѣ созерцанія и непрестанномъ развитіи въ изображеніи. Эпическая пѣснь не должна вовсе имѣть слишкомъ большого объема: въ противномъ случаѣ пѣвецъ утомится, не допѣвъ до конца, а слушатель, не дослушавъ до конца; или же ее вовсе нельзя будетъ заразъ довести до конца. Но это внѣшнее ограниченіе дастся само собою, если содержаніе не обширно, если простое созерцаніе изображено съ полною энергіею и въ стройномъ развитіи. Эпическія пѣсни литовцевъ, сербовъ, новогрековъ и другихъ новѣйшихъ народовъ, поэзія которыхъ или совершенно эпична или по крайней мѣрѣ не вполнѣ еще сошла съ эпической ступени, всѣ, по своему небольшому объему, совершенно удобны для того чтобы заразъ пропѣть ихъ, заразъ выслушать и усвоить. Такъ было всегда: одиночныя пѣсни, изъ которыхъ сложились Нибелунги, не имѣли слишкомъ большаго размѣра. пѣсня Одиссеи, вложенная въ уста Демодока, объ Аресѣ и Афродитѣ обнимаетъ не болѣе сотни стиховъ.

Другое свойство древне-эпической поэзіи имѣетъ предназначеніемъ своимъ облегчать устную передачу и дѣлать ее болѣе удобною какъ для пѣвца, такъ и для слушателей. Это—повторенія и постоянныя обороты рѣчи. Если напр. въ историческомъ ходѣ повторяется уже разъ изображенное положеніе, то изображается оно во всемъ объемѣ снова въ

тѣхъ же самыхъ словахъ, въ какихъ изображено въ первый разъ; если выполняетъ кто нибудь посольство, то повторяетъ при этомъ именно всѣ тѣ слова, въ которыхъ онъ высказывалъ его прежде, и если имя героя попадается двадцать разъ, то двадцать же разъ попадается и его прозвище. Это принадлежало во всѣ времена и у всѣхъ народовъ къ свойствамъ эпическаго изображенія, но нигдѣ оно не выражается столь прочно и неизмѣнно, какъ въ Гомерическихъ пѣсняхъ и еще болѣе въ пѣсняхъ сербовъ. Поводъ же къ нему только, или все-таки, главнымъ образомъ внѣшній: такъ какъ собственно это свойство идетъ въразрѣзъ съ сущностью всякой эпической поэзіи, требующей быстраго развитія — подобныя же повторенія напротивъ только замедляютъ теченіе разсказа и даже обращаютъ его вспять. Между тѣмъ, такъ какъ слушатель ограничивается только слушаніемъ, то имѣется въ виду предотвратить забывчивость и потому лучше вторично пересказывается то, что уже разъ было говорено— кто знаетъ, можетъ быть, краткое указаніе, что было прежде, и будетъ для этого достаточно. Да и пѣвцу весьма кстати по временамъ, пользуясь повтореніемъ стараго, улучать пропущенное для обращенія мысли своей на то, что еще предстоитъ ему впереди.

Наконецъ и метрическая форма эпической пѣсни обусловлена вездѣ устною передачей. Во всякомъ родѣ поэзіи размѣръ къ поэтическому содержанію находится въ отношеніи единства къ разнообразію—онъ является всегда внѣшнимъ отраженіемъ внутренняго духовнаго единства: подобно тому какъ промежду многообразныхъ формъ созерцанія созерцаемая идея является единственно свѣтлою точкою, изъ которой первыя расходятся въ видѣ лучей, такъ и метрическая форма должна облечь всю подвижную измѣнчивость изображенія, какъ неизмѣнно пребывающее единство. Но къ этому всеобщему требованію, имѣющему силу для всякой поэзіи, въ отношеніи поэзіи собственно эпической, присоединяется еще особенное, основанное на способѣ ея передачи. Здѣсь требуется метръ, который въ отношеніи искусственности занималъ бы середину: съ одной стороны онъ не долженъ быть слишкомъ безъискусственнымъ и незамѣтнымъ, ибо въ

противномъ случаѣ онъ плохо бы отразилъ идеальное содержаніе созерцанія, и если бы поэтъ работалъ болѣе памятью, чѣмъ фантазіею, приближалъ бы это созданіе слишкомъ близко къ обыденной, непоэтической дѣйствительности; съ съ другой стороны онъ не долженъ быть слишкомъ искусственнымъ и изысканнымъ, ибо при этомъ физическія и духовныя силы какъ пѣвца, такъ и слушателей слишкомъ привлекались бы къ этой наружной внѣшности и отвлекались бы въ тоже время отъ истинной сущности и содержанія творенія. Обоимъ требованіямъ—первому общему и послѣднему частному—соотвѣтствуютъ вездѣ въ большей или меньшей степени различныя метрическія формы, развившіяся у отдѣльныхъ народовъ для эпической пѣсни, у индѣйцевъ—вактра, у грековъ—гекзаметръ; какъ первый, такъ и второй стихъ довольно великъ для того что бы вмѣстить въ себѣ полноту мыслей и словъ, достаточно простъ для того, чтобы легко излагаться и столь же легко пониматься, довольно подвиженъ, что бы выразить неудержимо развивающуюся сущность эпоса и довольно измѣнчивъ, чтобы при постоянныхъ повтореніяхъ на сколько гдѣ это возможно принимать разнообразные оттѣнки. Лучше удовлетворяютъ выставленнымъ нами требованіямъ эпическіе размѣры германскихъ и романскихъ народовъ. Аллитерующія пары стиховъ у германцевъ, послѣдовавшія затѣмъ четырехстрочныя римфующія строфы и наконецъ строфа пѣсни о Нибелунгахъ—всѣ эти три формы соединяютъ въ себѣ преимущества, состоящія въ соотвѣтствіи объема, въ простой равномѣрности основнаго ритма и характеристической измѣняемости. Александрійскій стихъ—древне-эпическій стихъ французовъ и испанцевъ имѣетъ всѣ преимущества Сатурнинскаго и стиха Нибелунговъ, соотвѣтственно съ тѣмъ, что онъ могъ произойти отъ перваго и породить второй. Наконецъ національный размѣръ славянъ, принимая въ соображеніе опять ту именно законную его норму, въ какой находимъ его у сербовъ, есть пять трохеевъ съ сильною цезурою за вторымъ: похвалить его особенно нельзя, ибо онъ лишенъ украшеній до безъискусственности и такъ простъ, что въ постоянныхъ неизмѣняющихся повтореніяхъ становится монотоннымъ.

Этимъ заканчивается изображеніе древне-эпической поэзіи. Было бы необходимо и заманчиво остановиться на немъ подолѣе, такъ какъ это первая ступень не только для дальнѣйшаго развитія поэзіи эпической но и вообще всякой и каждой о поэзіи; такъ какъ эта почва дала основаніе и очертанія всѣмъ послѣдующимъ видамъ поэзіи, то и исторія послѣдней должна на ней же воздвигнуть свое зданіе.

III

Съ какой стороны мы ни стали бы разсматривать человѣчество въ его историческомъ развитіи—съ политической, лингвистической или съ художественной—вездѣ мы видимъ, что оно переходитъ отъ единичности, простоты все къ большей развѣтвленности, то все болѣе и болѣе дробной раздѣльности, къ постоянно все болѣе запутывающемуся хаосу отдѣлившихся особенностей. Родъ человѣческій распадается на народности, народности на племена, племена опять на подчиненныя отрасли. Какъ велико теперь число нѣмецкихъ народностей!—во времена Тацита національное сознаніе знало еще только различіе трехъ главныхъ племенъ. Что происходитъ съ народами—тоже и съ ихъ языками: теперь мы едва уже можемъ перечислить все разнообразіе нѣмецкихъ нарѣчій—за полторы тысячи лѣтъ существуютъ только легкіе намеки діалектическихъ различій. Еще поучительнѣе высказывается это отношеніе позднѣйшихъ временъ къ древнѣйшимъ на исторіи греческой, всѣ многочисленныя нарѣчія, выдѣлявшіяся все рѣзче, все глубже—сохранены для насъ въ гомерическихъ поэмахъ—этомъ ближайшемъ видоизмѣненіи древнеэпической поэзіи—нельзя сказать чтобы соединенными, но еще не отдѣленными одно подлѣ другаго и одно въ другомъ Тоже явленіе замѣчаемъ мы и въ искусствѣ. Первоначально поэзія и музыка были соединены въ тѣснѣйшемъ единствѣ—не было ни одной пѣсни безъ пѣнія, равно и не было игры на инструментѣ, которая бы не сопровождалась пѣніемъ.—Мало по малу, однако, пѣніе отрѣшается отъ поэзіи и музыка отъ пѣнія, такъ что въ концѣ концовъ то, что нѣкогда было нераздѣльно единымъ, существуетъ теперь

въ трехъ особенныхъ видахъ. Затѣмъ образовательныя искусства, исторически извѣстно, что начались онѣ съ зодчества, идеальнѣйшаго изъ всѣхъ—идеальнѣйшаго, въ силу того, что и здѣсь какъ въ музыкѣ созерцаніе и изображеніе заимствуютъ свои формы не изъ дѣйствительности, слѣдовательно въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда подражанія, но архитектоническія формы подобно формамъ музыкальнымъ въ себѣ самихъ носятъ свои образцы и условія. Зодчествомъ, которое даетъ, такъ сказать, отвлеченнѣйшій отпечатокъ прекраснаго, начинается образовательное искусство; скульптура въ теченіе долгаго времени играетъ при немъ роль служебную. Но отсюда же мало по малу начинается и раздвоеніе: скульптура заявляетъ требованіе на самостоятельность—статуи отрѣшаются отъ стѣнъ и являются обособленными въ своей чувственной вещественности. И наконецъ сюда присоединяется и третье—живопись, какъ продуктъ обратнаго соединенія скульптуры съ матерью ея—архитектурою: такъ какъ живопись являетъ чувственные образы скульптуры въ симметрически и перспективно расположенной, болѣе идеальной красотѣ архитектуры. Въ самой живописи дробленіе все продолжается. Сначала существуютъ только историческія картины; фигуры могутъ быть различнымъ образомъ обставлены, а задній планъ образуетъ пейзажъ. Но вскорѣ и эта обстановка и задній планъ заявляютъ стремленіе къ самостоятельному значенію, и такимъ образомъ возникаютъ пейзажъ и жанръ, какъ новые самостоятельные виды искусства. Короче сказать, на что ни взглянешь—вездѣ человѣчество всѣмъ своимъ бытіемъ со всею своею дѣятельностью и стремленіями, все глубже и глубже впадаетъ въ обособленіе и, изъ страсти къ всевозможному разнообразію стремленій, къ множеству меньшихъ и меньшихъ ограничиваній, оно и не замѣчаетъ, какъ тѣмъ самымъ совершенно стираются значительныя и существенныя разграниченія, какъ эта пестрая многосторонность становится путемъ къ всепоглощающему однообразному выравненію. Національность Германіи впротивоположность прочимъ государствамъ почти совсѣмъ уничтожилась черезъ свое многочленное распаденіе; смѣшеніе безчисленныхъ нарѣчій проложило у насъ путь къ господству одного изъ нихъ, какъ было, у

грековъ, итальянцевъ и въ другихъ мѣстахъ,—вскорѣ же передъ разнообразнымъ литературнымъ богатствомъ, скопленнымъ всѣми народами, не устоять уже нигдѣ болѣе національной литературѣ—ихъ мѣсто заступитъ литература всемірная. И это конечно единство—но тоже ли самое, изъ котораго вышло человѣчество?

Это постоянное дробленіе всѣхъ народностей есть не что иное, какъ слѣдствіе возрастающей самостоятельности и самодѣятельности отдѣльныхъ индивидуумовъ, результатъ появленія все большаго числа самозначащихъ личностей изъ народной массы. Отъ подобныхъ же причинъ происходитъ и раздѣленіе поэзіи—въ началѣ исключительно эпической. Ибо эпическая поэзія съ ея объективнымъ созерцаніемъ и представленіемъ внѣшней дѣйствительности могла одиночно существовать только до той поры, пока самосознаніе индивидуума совпадало съ стремленіями и воспоминаніями цѣлой націи—коль скоро однако индивидуумъ приходитъ къ большему сознанію себя, коль скоро онъ начинаетъ отъискивать Божественную власть не только около себя, но и въ самомъ себѣ и взоръ его станетъ направляться уже не только на внѣшніе факты, но и на состояніе своего внутренняго міра—тогда и поэзія терпитъ измѣненія; хотя эпосъ и продолжается, но въ существенно измѣнившемся видѣ и рядомъ съ нимъ является, какъ отличительный признакъ новаго времени, и новый видъ—лирика, поэзія міра внутренняго. Это дѣленіе поэзіи не только допускаетъ сравненіе съ выше упомянутыми иными дѣленіями, но даже стоитъ съ ними въ исторической связи. Въ древнемъ эпосѣ грековъ, у Гомера мы еще видимъ единый нераздѣлившійся языкъ: съ лирикою обозначаются сейчасъ же и противуположности нарѣчій, такъ является лирика іоническая, дорическая и эолическая. Рядомъ съ древне-эпическою поэзіею среднихъ вѣковъ стоитъ единственное съ успѣхомъ выработанное изъ всѣхъ образовательныхъ искусствъ—зодчество, въ его такъ называемомъ византійскомъ или до-готическомъ стилѣ, — рядомъ съ чувственнѣйшимъ родомъ поэзіи, какъ діаметрально противуположное, оно является, какъ идеальнѣйшее изъ образовательныхъ искусствъ.

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ВЗГЛЯДА УЛЬРИЦИ НА ХАРАКТЕРЪ ГАМЛЕТА.

Знаменитое имя Шекспира смѣло можетъ быть поставлено рядомъ съ именами тѣхъ немногихъ поэтическихъ геніевъ, которые составляютъ славу своего времени, гордость всего человѣчества. Какъ драматургъ, Шекспиръ не имѣетъ себѣ соперника. Но ни одна изъ драмъ Шекспира не представляетъ намъ такой изумительной силы и глубины поэтическаго анализа, какую мы находимъ въ его „Гамлетѣ".

По общему приговору лучшихъ критиковъ Шекспира, „Гамлетъ" признается однимъ изъ самыхъ лучшихъ произведеній геніальнаго поэта. Но въ то же время въ „Гамлетѣ" труднѣе, чѣмъ во всякой другой драмѣ Шекспира, указать послѣднее основаніе, на которомъ авторъ возводитъ свое величественное зданіе, отъискать настоящія психологическія основанія образа дѣйствія героя. Вотъ почему эта пьеса долгое время оставалась загадкою для критиковъ Шекспира, да можно сказать, что и нынѣ остается таковой.

Многочисленные критики, занимавшіеся вопросомъ: „что такое Гамлетъ?" давали самыя разнорѣчивыя толкованія. Вольтеръ, обязанный Шекспиру лучшими мѣстами своихъ трагедій, видѣлъ въ „Гамлетѣ" кучу безсвязныхъ, запутанныхъ сценъ. Въ предисловіи къ своей трагедіи „Семирамида" онъ высказалъ такое мнѣніе, что драма „Гамлетъ" представляетъ дикую, варварскую пьесу, какой не вынесла бы во Франціи и Италіи самая низкая чернь; онъ готовъ былъ считать ее плодомъ воображенія пьянаго дикаря.

Англійскіе критики также далеко не вполнѣ понимали значеніе и главную задачу „Гамлета". Одни (какъ напримѣръ, Мэлонъ) находили, что притворное сумашествіе Гамлета не ведетъ ни къ какой цѣли; другіе утверждали, что поэтъ намѣренъ былъ изобразить Гамлета дѣйствительно сумасшедшимъ. Гораздо болѣе сдѣлали для психологической и эстетической оцѣнки этой драмы нѣмецкіе писатели. Гёте первый оцѣнилъ „Гамлета" подостоинству въ своемъ „Виль-

гельмѣ Мейстерѣ", гдѣ онъ далъ ключъ къ пониманію пьесы, указавъ связь, которая соединяетъ, по видимому, разрозненныя сцены и характеры и выяснивъ основную мысль, проходящую черезъ всю пьесу. Гёте показалъ, что въ цѣлой драмѣ нѣтъ ни одной мелочи, которая бы не имѣла своего смысла и значенія, что вся пьеса представляетъ стройное гармоническое цѣлое, исполненное изумительнаго порядка. Слабость воли при сознаніи долга—вотъ, по мнѣнію Гёте, идея этого замѣчательнаго созданія Шекспира. По его мнѣнію, Шекспиръ желалъ изобразить въ Гамлетѣ состояніе души, которая не въ силахъ привести въ исполненіе возложенное на нее великое дѣло. Онъ сравниваетъ Гамлета съ прекраснымъ небольшимъ сосудомъ, который годится только для небольшихъ цвѣтковъ; но въ этотъ сосудъ посадили дубъ: молодое дерево растетъ, вытягивается и сосудъ лопается [1]).

Этотъ взглядъ Гёте вполнѣ усвоилъ, а подробнѣе развилъ знаменитый нѣмецкій писатель Гервинусъ, написавшій обширное, классическое изслѣдованіе о Шекспирѣ, давно уже переведенное и на русскій языкъ [2]). Этого же взгляда придерживаются весьма многіе критики и толкователи Шекспира и большинство образованной публики. Но въ нѣмецкой литературѣ существуетъ цѣлая группа писателей, которые рѣшительно не согласны съ тѣмъ объясненіемъ Гамлетова характера, въ основаніи котораго лежитъ признаніе слабости воли въ Гамлетѣ. Къ этой группѣ между прочимъ принадлежитъ чрезвычайно даровитый и высокообразованный писатель Ульрици, который, подобно Гервинусу, съ любовію изучалъ Шекспира и написалъ о немъ большое изслѣдованіе.

Въ противоположность Гёте и Гервинусу, Ульрици прямо утверждаетъ, что въ Гамлетѣ есть и сила воли, и ловкость, и рѣшимость, но свойство самой задачи удерживаетъ его отъ немедленнаго исполненія ея.

---

[1]) «Вильгельмъ Мейстеръ», кн. 4.

[2]) «Шекспиръ» Гервинуса. Переводъ Тимофеева. Изд. 2. 1877 г. 4 т.

Такъ какъ съ одной стороны характеръ Гамлета, воплощая въ себѣ многія отличительныя свойства современнаго человѣка, самъ по себѣ представляетъ глубокій интересъ, а съ другой стороны вышеупомянутый взглядъ весьма авторитетнаго ученаго отличается сравнительною новизною и оригинальностію, то я позволю себѣ предложить благосклонному вниманію читателей критическій разборъ этого взгляда — изложить и взвѣсить всѣ доводы, приводимые Ульрици въ защиту своего взгляда.

Что въ Гамлетѣ было достаточно силъ для совершенія возложеннаго на него дѣла это Ульрици доказываетъ прежде всего словами Офеліи, въ которыхъ она изливаетъ свою скорбь о мнимомъ сумашествіи Гамлета:

„Какой высокій омрачился духъ:
Языкъ ученаго, глазъ царедворца,
Героя мечъ, цвѣтъ и надежда царства,
Ума и нравовъ образецъ“... [3]).

Такую похвалу нельзя объяснять исключительно любовью Офеліи къ Гамлету I.

Затѣмъ въ 4-й сценѣ 4-го акта самъ Гамлетъ безъ всякаго самообольщенія выражаетъ полную увѣренность въ своихъ силахъ и средствахъ для совершенія возложеннаго на него дѣла:

„...Во мнѣ для дѣла
И сила есть и средства и желанье“...

Наконецъ и храбрый Фортинбросъ отдаетъ справедливость Гамлету, когда въ заключеніе всего говоритъ:

„Пусть Гамлета какъ воина взнесутъ
На катафалкъ четыре капитана;
Онъ все величіе царя явилъ бы,
Когда-бъ остался живъ“...

Итакъ въ Гамлетѣ нѣтъ недостатка силы воли. Мало того, въ противоположность Шлегелю, который уличаетъ Гамлета въ трусости, Ульрици утверждаетъ, что ему скорѣе можно поставить въ упрекъ излишнюю смѣлость и безумную отвагу: безъ замедленія и трусости вырывается онъ изъ рукъ

[3]) Дѣйствіе III, сцена 1.

своего друга и отважно идетъ по зову духа въ уединенное мѣсто, тогда какъ не только хладнокровный и благоразумный Гораціо, но и такой закаленный воинъ, какъ Марцелло, стараются удержать его, очевидно, они сами не имѣютъ настолько мужества, чтобы противостоять опасности. И можно ли сомнѣваться въ геройскомъ духѣ человѣка, который впереди всѣхъ сражается въ бою съ пиратами и отваживается одинъ прыгнуть на непріятельскій корабль!

Правда, это мужество, эта слѣпая отвага и рѣшимость обнаруживается въ Гамлетѣ только въ минуту внутренняго возбужденія, порывистой страсти; но вѣдь мужеству, которое смѣло смотритъ въ глаза самой смерти, бываетъ свойственна извѣстная степень возбужденія; въ сраженіи же съ морскими разбойниками возбужденное состояніе Гамлета вполнѣ объясняется также опасностію и тѣмъ воинственнымъ жаромъ, который воспламенялъ принца.

Если такъ, если въ Гамлетѣ дѣйствительно нѣтъ недостатка силы воли, то чѣмъ же объясняется его медлительность и бездѣйствіе?

Въ Гамлетѣ есть врожденная наклонность и сознательное стремленіе постоянно оставаться разсудительнымъ, быть господиномъ самого себя и силою мысли направлять свою жизнь къ предположеннымъ цѣлямъ и намѣреніямъ; но онъ часто оказывается не въ силахъ повсюду утверждать это господство своей мысли. Какъ глубоко огорчается онъ, что забылся въ сценѣ, а съ Лаэртомъ на могилѣ, удержать Офелію и въ разговорѣ съ матерью!

Какъ часто старается онъ овладѣть самимъ собою, воздержаться отъ волненія, которое противъ его воли овладѣваетъ имъ! Вообще Гамлетъ считаетъ крупнымъ недостаткомъ въ человѣкѣ страстность и высоко цѣнитъ самообладаніе; это видно, между прочимъ, изъ словъ его, обращенныхъ къ Гораціо:

„Ты благословенъ: разсудокъ съ кровью
Въ тебѣ такъ смѣшаны, что ты не служишь
Для счастья дудкою, не издаешь,
По прихоти его, различныхъ звуковъ.
Дай мужа мнѣ, котораго бы страсть

Не сдѣлала рабомъ, и я укрою
Его въ души моей святѣйшихъ нѣдрахъ...

При такомъ стремленіи Гамлета къ дѣятельности обдуманной, вполнѣ самостоятельной, соотвѣтствующей его высокому идеалу человѣка, могучая сила обстоятельствъ принуждаетъ его взяться за дѣло, чуждое его нравственной природѣ.

Такимъ образомъ возникаетъ противорѣчіе между внутреннимъ влеченіемъ его духа и настоятельными требованіями внѣшнихъ обстоятельствъ. Отсюда проистекаютъ всѣ эти безпокойныя колебанія, медлительность и непостоянство Гамлета; этимъ же объясняются и тѣ самообвиненія, которыми такъ щедро осыпаетъ себя Гамлетъ, чтобы побудить себя къ поспѣшности.

Узнавъ о страшномъ преступленіи своего дяди, онъ не вдругъ рѣшается на мщеніе: пораженный и озадаченный тѣмъ, что совершилось дѣло, которое онъ считалъ невозможнымъ, Гамлетъ хочетъ записать, что

С улыбкой вѣчною злодѣемъ „можно быть“.

Это записываніе нѣкоторымъ критикамъ представляется страннымъ; но, по мнѣнію Ульрици, оно служитъ для Гамлета средствомъ умѣрить свое возбужденіе. Послѣ этого въ Гамлетѣ обнаруживается спокойная рѣшимость не идти далѣе безъ околичностей, но сначала фактически убѣдиться въ преступности своего дяди и обдумать планъ своего образа дѣйствія. Поэтому онъ проситъ своихъ товарищей молчать даже и въ томъ случаѣ. если его поведеніе покажется имъ страннымъ: онъ уже рѣшился притвориться сумашедшимъ; это обстоятельство доказываетъ, что Гамлетъ вовсе не имѣетъ въ виду дѣйствовать рѣшительно и быстро, потому что въ противномъ случаѣ притворное сумасшествіе было бы совершенно безцѣльно. Гамлетъ притворяется сумашедшимъ съ тою цѣлью, чтобы возбудить въ королѣ подозрѣніе въ томъ, что онъ кое-что чувствуетъ и замѣчаетъ, и чтобы затѣмъ, наблюдая за его поведеніемъ, дѣлать выводы относительно его виновности или невинности. Это послѣднее обстоятельство, по мнѣнію Ульрици, доказываетъ его недовѣріе къ словамъ духа; это недовѣріе могло бы

служить доказательствомъ наклонности Гамлета къ скептицизму [1]), если бы изъ цѣлаго не было очевидно, что Гамлетъ держится въ данномъ случаѣ чисто христіанскаго воззрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, по понятіямъ истинно чистой морали, духъ, пришедшій на землю, чтобы требовать отъ сына мщенія, не можетъ быть совершенно чистымъ, небеснымъ духомъ; да и самъ духъ объявляетъ о себѣ, что онъ осужденъ на мученія до тѣхъ поръ, пока не будутъ заглажены всѣ грѣхи, совершенные имъ во время земной жизни. И такъ недовѣрчивость Гамлета къ духу вполнѣ основательна.

Гамлетъ видитъ себя вынужденнымъ совершить дѣло, противное его чувству, и естественно остерегается, какъ бы ему самому не совершить преступленія; эта осторожность вполнѣ понятна въ человѣкѣ съ нѣжнымъ нравственнымъ чувствомъ.

Но вотъ, послѣ представленія трагедіи, Гамлетъ окончательно убѣждается въ виновности короля. Спрашивается, почему же онъ не воспользовался случаемъ, чтобы сорвать маску съ преступника, смущеннаго и терзаемаго угрызеніями совѣсти? Почему онъ не обличилъ злодѣя и не привлекъ его къ суду?

Во первыхъ, потому, отвѣчаетъ Ульрици, что виновность короля несомнѣнна только для самого Гамлета и для Гораціо, но не для другихъ; во 2-хъ, потому, что король своимъ быстрымъ и внѣзапнымъ удаленіемъ лишаетъ Гамлета возможности даже и слова сказать; въ 3-хъ, потому, что страшное открытіе приводитъ самого Гамлета въ столь сильное волненіе, что въ первое мгновеніе онъ и не думаетъ о дѣйствіи; притомъ же у него еще не было опредѣленнаго плана дѣйствія. Это послѣднее обстоятельство даетъ нѣкоторымъ критикамъ поводъ упрекать Гамлета въ слабости воли, нерѣшительности и въ совершенной неспособности къ дѣйствію. Однако, прежде чѣмъ составить планъ дѣйствія, нужно рѣшиться на него, а Гамлетъ еще далекъ отъ рѣшимости дѣйствовать. Даже окончательно убѣдившись въ виновности короля, онъ все еще медлитъ и не можетъ прид-

[1]) Въ этомъ обвиняетъ Гамлета Шлегель.

ти къ рѣшенію: имъ овладѣваетъ сомнѣніе и раздумье нравственнаго характера. Пусть король былъ бы даже три раза братоубійцей; все таки собственноручное убіеніе его безъ суда и слѣдствія является передъ судомъ строгой нравственности преступленіемъ. Передъ такимъ дѣломъ, какъ убіеніе своего дяди и 2-го отца, содрогнется даже человѣкъ съ самымъ сильнымъ духомъ, если при этомъ онъ обладаетъ чуткою совѣстью. Высоко нравственный образъ мыслей борется въ Гамлетѣ съ естественнымъ желаніемъ мести, которая оправдывается стариннымъ обычаемъ германской націи.

Человѣческая природа побуждаетъ его къ дѣлу и обвиняетъ его въ безсиліи и трусости; его чуткая совѣсть, напротивъ, удерживаетъ его. Гамлетъ колеблется, медлитъ и дѣлаетъ усилія согласить борющіеся элементы. Забота о своемъ вѣчномъ блаженствѣ удерживаетъ его въ бездѣйствіи; воспоминаніе о долѣ мщенія влечетъ его впередъ.

Въ 3-мъ актѣ, І-й сценѣ, Гамлетъ говоритъ:

„Умереть—уснуть;
Уснуть?—
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?...

Затѣмъ немного спустя онъ продолжаетъ:

„Такъ всѣхъ насъ совѣсть обращаетъ въ трусовъ,
Такъ блеснетъ въ насъ румянецъ сильной воли,
Когда начнемъ мы размышлять“...

Въ этихъ словахъ Гамлета Ульрици видитъ доказательство того, что не праздное скептическое умствованіе, а чуткая совѣсть и стремленіе къ свободной обдуманной дѣятельности сдерживаетъ энергію Гамлета.—

Гамлета терзаетъ не одинъ моральный вопросъ, долженъ ли онъ совершить дѣло, но также вопросъ, какъ его совершить?

Если кровавая месть должна совершиться, то нужно придумать для нея соотвѣтствующую форму. Но здѣсь снова возникаетъ цѣлый рядъ затрудненій для Гамлета. При данныхъ обстоятельствахъ Гамлету остается только 2 пути:

1) коварное тайное убійство, или 2) открытое возстаніе и возмущеніе народа противъ королевской власти, съ виду совершенно законной. Но такой образъ дѣйствія не въ характерѣ Гамлета. 3-й путь, прямой и законный, невозможенъ для Гамлета. Предположимъ, что Гамлетъ выступилъ бы противъ короля въ качествѣ обвинителя и судіи.

Въ такомъ случаѣ положеніе его было бы довольно шатко: прежде всего сомнительно, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ въ своемъ обвиненіи, которое, по правдѣ сказать, не имѣло бы за себя никакихъ ясныхъ юридическихъ доказательствъ; затѣмъ является еще вопросъ, удалось ли бы ему пріобрѣсти необходимое расположеніе двора, войска, дворянства и народа? Между тѣмъ хитрому королю легко было бы опровергнуть обвиненіе и выставить его, какъ мечту болѣзненнаго умопомраченія и меланхолическаго унынія, которое Гамлетъ обнаруживалъ и прежде. Что Гамлетъ воздержался отъ столь рискованнаго образа дѣйствія, это во всякомъ случаѣ не доказываетъ ни его неловкости въ практическихъ дѣлахъ, ни слабости его воли. Не видя выхода изъ этого затрудненія, Гамлетъ и раздумываетъ. Между тѣмъ подозрительный дядя приказываетъ ему отправляться въ Англію; Гамлетъ охотно соглашается на это: очевидно, онъ надѣется найти здѣсь средства и случай выполнить дѣло достойнымъ образомъ; онъ, можетъ быть, надѣется получить въ Англіи войско и деньги, необходимыя для честной, открытой борьбы съ своимъ дядей. Этотъ именно смыслъ, по мнѣнію Ульрицы, имѣютъ слѣдующія слова Гамлета:

„Забавно будетъ видѣть,
Какъ инженеръ взлетитъ съ своимъ снарядомъ.
Подъ ихъ подкопъ когда я не ошибся,
Я подведу другой, аршиномъ глубже,
И онъ взорветъ ихъ до луны“.

Случай разстраиваетъ планы Гамлета; пираты высаживаютъ его на берегъ Даніи.

Хотя онъ теперь уже окончательно пришелъ къ рѣшенію, однако всѣ обстоятельства слагаются несогласно съ его желаніемъ и планами. Уже за нѣсколько минутъ до своей смерти, сдѣлавшись жертвою новыхъ козней короля,

Гамлетъ, скорѣе принужденный обстоятельствами, нежели по свободной волѣ, умерщвляетъ короля и самъ умираетъ со вздохомъ о человѣческой слабости.

И такъ мы видимъ, что Ульрици рѣшительно отрицаетъ недостатокъ силы воли въ Гамлетѣ и объясняетъ его нерѣшительность свойствомъ самой задачи, которая навязана ему извнѣ и совершенно противорѣчитъ его нравственной природѣ, его стремленію къ обдуманной, самостоятельной дѣятельности.

Теперь посмотримъ, насколько вѣски и убѣдительны доводы, приводимые Ульрици въ защиту своего мнѣнія.

Въ доказательство того, что Гамлетъ обладаетъ сильной волей и мужествомъ, Ульрици приводитъ прежде всего 2 факта:

1) Гамлетъ неустрашимо слѣдуетъ за тѣнью отца, въ то время какъ храбрые друзья его не рѣшаются сдѣлать того же.

2) Онъ отважно сражается съ татарами.

Это факты, дѣйствительно, доказываютъ, что въ извѣстныя минуты Гамлетъ способенъ проявить геройское мужество; но это вовсе не опровергаетъ мнѣнія о слабохарактерности Гамлета. Въ обоихъ случаяхъ Гамлетъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія, и Гервинусъ признаетъ, что въ минуту сильнаго возбужденія и крайней опасности Гамлетъ, какъ и вообще слабые люди, способенъ на отважное дѣло; но это не мѣшаетъ Гамлету быть вялымъ и нерѣшительнымъ въ обыкновенномъ спокойномъ состояніи. Ульрици на это возражаетъ, что каждый геройскій поступокъ непремѣнно сопровождается нѣкоторымъ возбужденіемъ. Совершенно справедливо. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что каждый геройскій поступокъ и вызывается этимъ возбужденнымъ состояніемъ. Напротивъ, истинный герой вполнѣ хладнокровно и сознательно рѣшается на подвигъ. Между тѣмъ Гамлетъ совершаетъ означенные подвиги именно подъ вліяніемъ возбужденнаго состоянія. При видѣ тѣни, Гамлетъ тотчасъ-же приходитъ въ возбужденное состояніе затѣмъ, когда духъ манитъ его къ себѣ, онъ, въ этомъ состояніи напряженія, уже не боится идти за духомъ.

Здѣсь возбужденіе не только сопровождало подвигъ, но предшествовало ему и служило причиною его совершенія. Во второмъ случаѣ онъ дѣйствуетъ опять подъ вліяніемъ возбужденія и крайней опасности, которая ему угрожала; а въ такихъ случаяхъ нерѣдко даже трусливые люди дѣлаются готовыми на все.

Затѣмъ Ульрици указываетъ на вышеприведенный отзывъ Офеліи. Хотя справедливо, что эту похвалу нельзя объяснять исключительно любовью Офеліи, но во всемъ этомъ по нашему не видно доказательства силы воли: можно быть и ученымъ, и высоконравственнымъ человѣкомъ, и царедворцемъ, можно даже при извѣстныхъ условіяхъ совершать подвиги отчаянной храбрости (какъ то доказалъ напримѣръ слабохарактерный Рудинъ своею смертью на баррикадахъ) и въ то же время не имѣть силы воли, той нравственной выдержки, которая необходима для практическаго дѣятеля. Это Гамлетъ доказалъ на дѣлѣ: владѣя мечомъ героя, онъ не обнажаетъ его во время, какъ того требуютъ обстоятельства и долгъ.

Что касается надеждъ, возлагаемыхъ на Гамлета, какъ на будущаго короля, то они едвали основательны.

Правда, онъ обладаетъ геніальнымъ умомъ и высокимъ нравственнымъ развитіемъ; но этого далеко недостаточно для того, чтобы быть государственнымъ человѣкомъ, для этого нужна сильная воля, которой нѣтъ у Гамлета.

Гёте также говоритъ, что Гамлетъ былъ бы способенъ управлять государствомъ именно такъ, чтобы всякій добрый гражданинъ могъ безпрепятственно оставаться добрымъ.

Это, можетъ быть, и справедливо; но съ тою же основательностію можно предположить, что подъ его управленіемъ также и злой могъ бы спокойно оставаться злымъ. Мы видимъ изъ самой пьесы, что онъ не въ силахъ наказать даже и такого злодѣя, какъ его дядя, убившій его отца, удалившій его отъ законнаго престолонаслѣдія, оскорбившій его нравственное чувство женитьбой на его матери и наконецъ постоянно замышляющій козни самому Гамлету. Дѣло въ томъ опять, что у Гамлета нѣтъ силы воли; а мы знаемъ изъ исторіи, что образъ дѣйствій безхарактерныхъ правителей обыкно-

венно обусловливается вліяніемъ ближайшихъ къ нимъ людей, которые могутъ иногда и злоупотреблять своимъ вліяніемъ. Да и самая драма доказываетъ намъ, каковы бываютъ плоды дѣятельности такого человѣка, какъ Гамлетъ, гибель всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы составляетъ прямое слѣдствіе его медлительнаго, неискуснаго образа дѣйствія, это признаетъ и Гёте, который замѣчаетъ, что, въ силу Гамлетова характера, эта пьеса можетъ заканчиваться только смертью всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

2) Далѣе Ульрици ссылается на слова самого Гамлета, которыя нельзя принять за хвастовство:

„во мнѣ для дѣла
И сила есть, и средства, и желанье"...

На это мы замѣтимъ, что самъ же Гамлетъ и въ томъ же самомъ монологѣ упрекаетъ себя въ трусости и недоумѣваетъ, зачѣмъ онъ постоянно говоритъ себѣ: „свершай, свершай!" а самъ ничего не дѣлаетъ. Вообще весь этотъ монологъ переполненъ упреками, которыми осыпаетъ себя Гамлетъ, называя себя лѣнивымъ мстителемъ, трусомъ и т. п. Слѣдовательно, вышеприведенными словами Гамлетъ не хотѣлъ сказать что онъ обладаетъ сильною волею; напротивъ, на основаніи цѣлаго монолога можно сказать о Гамлетѣ, что въ немъ

„И сила есть—да воли нѣтъ".

3) Наконецъ Ульрици указываетъ на отзывъ Фортинбраса.

Во 1-хъ, Фортинбрасъ самъ плохо знаетъ Гамлета: до этого времени онъ даже не видалъ его; Гораціо не успѣлъ еще разсказать о случившемся.

Во 2-хъ, Фортинбрасъ произноситъ эти слова надъ трупомъ только что умершаго Гамлета; а въ такомъ случаѣ только похвальный отзывъ можетъ быть приличнымъ: de mortuis aut bene aut nihil.

Въ 3-хъ, Фортинбрасъ произноситъ эти слова тотчасъ же послѣ того, какъ узнаетъ отъ Гораціо, что Гамлетъ подалъ за него свой предсмертный голосъ: въ своихъ словахъ Фортинбрасъ просто выражаетъ Гамлету свою благодарность.

Наконецъ, похвала Фортинбраса слишкомъ неопредѣ-

ленна, такъ что изъ нея трудно дѣлать какія нибудь заключенія о силѣ Гамлетова характера; вотъ его слова:

„Пусть Гамлета, какъ воина, взнесутъ
На катафалкъ четыре капитана.
Онъ все величіе царя явилъ бы,
Когда бъ остался живъ. Будь онъ почтенъ
Военной почестью при погребеньи".

Мы уже имѣли случай говорить о томъ, насколько Гамлетъ способенъ быть хорошимъ государемъ.

Итакъ всѣ доводы, приводимые Ульрици для доказательства присутствія въ Гамлетѣ силы воли, представляются намъ неубѣдительными.

Такъ какъ критики, признающіе въ Гамлетѣ слабость воли, подтверждаютъ свой взглядъ самымъ образомъ дѣйствія принца — медлительнымъ и нерѣшительнымъ, то Ульрици, опровергая взглядъ своихъ противниковъ, старается оправдать образъ дѣйствія Гамлета обстоятельствами. Прежде всего онъ выставляетъ на видъ стремленіе Гамлета дѣйствовать обдуманно, самостоятельно; въ силу этого стремленія, Гамлетъ вовсе не имѣетъ въ виду быстраго дѣйствія; напротивъ, онъ сначала хочетъ твердо убѣдиться въ виновности короля и для этой цѣли прикидывается сумашедшимъ.

Позволимъ себѣ сдѣлать на это слѣдующія замѣчанія.

Ульрици полагаетъ, что Гамлетъ притворяется сумашедшимъ съ цѣлью убѣдиться въ виновности короля; но изъ самой пьесы мы узнаемъ, что Гамлетъ, еще до явленія тѣни, смутно подозрѣвалъ дядю въ убійствѣ своего отца [5]); тѣнь только подтверждаетъ его собственное предчувствіе и въ первое время Гамлетъ искренно вѣритъ духу. Доказательства на лицо. Когда тѣнь требуетъ мести, Гамлетъ отвѣчаетъ ей:

„На крыльяхъ, какъ вдохновенье быстрыхъ, я къ мести полечу!"

Затѣмъ, по уходѣ тѣни, онъ записываетъ себѣ въ книжку, что можно „съ улыбкой вѣчною злодѣемъ быть".

[5]) «О ты, пророчество моей души», восклицаетъ онъ по поводу словъ тѣни (а. 1, сд. 3).

Слѣдовательно, въ данную минуту онъ убѣжденъ, что его дядя — злодѣй. Потомъ Гамлетъ еще яснѣе высказываетъ свое довѣріе къ духу: „онъ честный духъ, повѣрьте мнѣ друзья“, говоритъ Гамлетъ своимъ друзьямъ. И такъ вопреки мнѣнію Ульрици, мы видимъ, что Гамлетъ почти безусловно вѣрилъ духу. Притворное же сумашествіе гораздо удовлетворительнѣе объясняется его слабостію и нерѣшительностію. Гамлетъ чувствуетъ, что онъ неизбѣжно долженъ совершить кровавую месть и, тяготясь этою обязанностію, выбираетъ такой образъ дѣйстыя, который, по крайней мѣрѣ, отдаляетъ на неопредѣленное время исполненіе самаго дѣла. Что уже въ эту минуту Гамлетъ тяготится возложеннымъ на него дѣломъ, это видно изъ словъ:

„Увы, распалась связь временъ!
Зачѣмъ же я связать её рожденъ“!

Затѣмъ въ слѣдующей сценѣ становится яснымъ, что Гамлетъ тяготится жизнью, которая доставляетъ ему столько хлопотъ; онъ говоритъ Полонію: „Я ничего не далъ вамъ охотнѣе моей жизни, моей жизни, моей жизни“... Изъ монолога „быть или не быть“ мы узнаемъ, что въ голову Гамлета западаетъ мысль о самоубійствѣ, и только благодаря своей нерѣшительности, онъ не приводитъ этой мысли въ исполненіе. Мы видимъ изъ пьесы, что притворное сумашествіе ставитъ самого Гамлета въ неловкое положеніе: онъ попадаетъ подъ бдительный надзоръ шпіоновъ. И Богъ знаетъ, до какихъ поръ продолжалось бы это бездѣйствіе Гамлета, если бы счастливая случайность не свела его съ актерами и не навела на мысль испытать короля посредствомъ представленія. Послѣ представленія Гамлетъ окончательно убѣждается въ преступности короля, но все-таки не дѣйствуетъ: теперь онъ уже раздумываетъ о самомъ способѣ мщенія. Такимъ образомъ Гамлетъ постоянно придумываетъ все новые предлоги къ тому, чтобы, по возможности, отдалить исполненіе задачи, пока, наконецъ, случай почти насильно заставилъ его обнажить мечъ для отмщенія, но уже не за отца только, а и за себя и за свою мать.

Ульрици старается доказать, что Гамлетъ не могъ дѣйствовать быстро и рѣшительно по слѣдующимъ причинамъ:

1) Онъ не могъ привлечь короля къ суду, потому—что виновность короля была очевидна только для самого Гамлета и для Горацію, но никакихъ ясныхъ юридическихъ уликъ не было.

2) Своимъ быстрымъ уходомъ король не даетъ ему возможности и слова сказать.—

3) Страшное открытіе привело самого Гамлета въ волненіе, такъ что ему было не до дѣла.

Намъ кажется не лишнимъ поставить здѣсь такой вопросъ: имѣлъ ли Гамлетъ намѣреніе дѣйствовать тотчасъ же послѣ представленія или нѣтъ?

Если онъ не имѣлъ такого намѣренія, а только хотѣлъ убѣдиться въ тайнѣ, то слѣдуетъ признать, что Гамлетъ дѣлаетъ чрезвычайно неосторожный шагъ, давая королю замѣтить, что въ Гамлетѣ онъ имѣетъ себѣ непримиримаго врага, отъ котораго нужно поскорѣе избавиться тѣмъ или другимъ путемъ. Слѣдовательно, дѣйствуя такимъ образомъ, Гамлетъ могъ сильно повредить своему дѣлу и это доказывало бы его непригодность къ практической дѣятельности.

Если же, напротивъ, онъ намѣренъ былъ дѣйствовать, то спрашивается, почему же онъ не составилъ себѣ опредѣленнаго плана дѣйствія; почему онъ не взвѣсилъ всѣхъ возможныхъ послѣдствій представленія, всѣхъ вѣроятностей успѣха.

Въ томъ и другомъ случаѣ Гамлетъ оказывается человѣкомъ, непригоднымъ къ дѣлу. Ульрици указываетъ на то, что открытіе тайны повергаетъ Гамлета въ сильное волненіе, которое мѣшаетъ ему дѣйствовать.

Во 1-хъ, Гамлета волнуетъ не столько самое открытіе, сколько удача представленія: онъ радъ, что ему удалась его „штука“. Это видно изъ первыхъ же словъ его, сказанныхъ тотчасъ по окончаніи пьесы: „не правда ли, эта штука доставила бы мнѣ мѣсто въ труппѣ актеровъ и полное жалованье?“

Во 2-хъ, это волненіе также доказываетъ недостатокъ выдержки въ характерѣ Гамлета, необходимой для практическаго дѣятеля. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ его открытіи въ сущности не было ничего неожиданнаго: такой именно исходъ

представленія былъ вѣроятнѣе всего. Между тѣмъ суровая необходимость дѣйствовать и здѣсь захватываетъ Гамлета врасплохъ и онъ теряется.

Остается 3 ье основаніе именно, что король быстро удаляется.

Изъ пьесы видно, что Гамлетъ, не думая вовсе о формальномъ судѣ, рѣшилъ собственноручно заколоть короля и только ждалъ удобнаго случая; а для этого у него было достаточно времени и тотчасъ послѣ представленія: онъ могъ занять такое мѣсто, откуда можно было не дать королю уйти. Слѣдовательно, Гамлетъ бездѣйствуетъ не потому, что ему нельзя дѣйствовать, а по другимъ причинамъ: онъ просто не способенъ къ дѣлу. Допустимъ на минуту, что обстоятельства, на которыя указываетъ Ульрици, составляли неодолимыя преграды для мщенія; это все таки не оправдываетъ Гамлета, потому-что мы знаемъ, что онъ и не намѣренъ былъ дѣйствовать тотчасъ послѣ представленія: у него не было никакого опредѣленнаго плана, никакого рѣшенія.

Слѣдовательно, въ сущности все равно—существовали ли эти условія или нѣтъ: Гамлетъ и при отсутствіи ихъ не дѣйствовалъ бы. Если бы Гамлетъ способенъ былъ дѣйствовать твердо и рѣшительно, то онъ заранѣе рѣшилъ бы, какъ ему вести себя въ томъ случаѣ, если король окажется виновнымъ, тѣмъ болѣе, что такой результатъ представленія былъ всего вѣроятнѣе.

Для оправданія бездѣйствія Гамлета послѣ суда, Ульрици приводитъ слѣдующія соображенія: по его мнѣнію Гамлетъ сомнѣвается относительно самаго способа мщенія. Дѣйствовать путемъ суда ему невозможно по недостатку уликъ противъ короля. Гамлетъ не желаетъ возбуждать народное возстаніе потому, что онъ считаетъ недостойнымъ себя такой образъ дѣйствія, да и едвали бы онъ увѣнчался успѣхомъ. Ульрици сомнѣвается, удалось ли бы Гамлету пріобрѣсти расположеніе двора, народа и войска?

Однако самъ Ульрици предполагаетъ что отправляясь въ Англію, Гамлетъ имѣлъ въ виду собрать тамъ войско и затѣмъ идти войной противъ дяди. Ужели возмущеніе сдѣлалось бы болѣе достойнымъ и законнымъ поступкомъ отъ

того, что онъ привелъ бы иностранныя войска! Далѣе намъ кажется неосновательнымъ сомнѣніе Ульрици въ сочувствіи народа и войска къ Гамлету. Изъ пьесы видно, что сочувствіе всего народа на сторонѣ Гамлета, какъ сына покойнаго короля, котораго всѣ любили и уважали; эта популярность Гамлета заставляетъ короля быть съ нимъ осторожнѣе, чтобы не раздражить народа.

Въ 3-ей сц. 3-го акта король говоритъ Лаэрту, что скрыть убійство Полонія его заставила

„Народа сильная къ нему (т. е. Гамлету) любовь.
Она съ него смываетъ всѣ пороки
И изъ цѣпей творитъ благодѣянья.
Моя стрѣла легка въ такую бурю,
Ее вонзилъ бы ураганъ въ меня,
А не въ него“.

Ясно, что самъ король побаивается Гамлета. Гамлету стоило только подняться противъ дяди, весь народъ сталъ бы за него грудью.

Къ тому же народъ не долюбливаетъ короля Клавдія: вспомнимъ, какъ легко удалось возбудить возстаніе Лаэрту, вовсе не имѣвшему преимуществъ Гамлета. Далѣе Ульрици полагаетъ, что убить короля собственноручно Гамлетъ не рѣшается потому, что убійство родственника, будь онъ даже въ три раза преступнѣе короля Клавдія, представляется такимъ дѣломъ, передъ которымъ невольно содрогнется всякій; отъ этого удерживаетъ Гамлета его нравственное чувство.

Намъ кажется, что Ульрици совершенно напрасно старается навязать Гамлету свои современныя понятія о нравственности.

Хотя Гамлетъ во многихъ отношеніяхъ стоитъ выше своихъ современниковъ, но все-таки на него нужно смотрѣть, какъ на человѣка средневѣковаго: онъ дитя своего времени. По средневѣковымъ же понятіямъ германцевъ, месть почиталась священнымъ долгомъ и самъ Гамлетъ раздѣляетъ со своими современниками это убѣжденіе. Нигдѣ Гамлетъ не сомнѣвается относительно того, слѣдуетъ ли убить преступника, или нѣтъ? Онъ только хочетъ убѣдиться въ дѣйствительной виновности короля, а потомъ придумываетъ,

какъ бы посильнѣе отомстить: онъ не хочетъ убить короля на молитвѣ, въ часы покаянія, а хочетъ обнажить свой мечъ ужаснѣе, когда король будетъ предаваться пьянству и другимъ преступнымъ наслажденіямъ. (См. актъ 3, сц. 3).

Затѣмъ, убивъ Полонія вмѣсто короля, онъ опять сожалѣетъ не о самомъ убійствѣ, а о томъ, что онъ убилъ невиннаго и ничтожнаго плута, вмѣсто настоящаго злодѣя.

Да и въ убійствѣ Полонія онъ считаетъ себя правымъ; онъ говоритъ:

„За эту смерть отвѣтъ я дать съумѣю“
(актъ III, сц. 4).

Въ 4-й сц. 4-го акта Гамлетъ, послѣ самообвиненій въ бездѣйствіи, оканчиваетъ свой длинный монологъ словами:

„Отнынѣ мысль проникнута будь кровью,
Иль будь ничто“!

Ясно, что здѣсь онъ приходитъ къ мысли о кровавой мести; однако ни раньше, ни здѣсь онъ не задаетъ себѣ вопроса, согласенъ ли такой образъ дѣйствія съ истинно христіанскою моралью.

Наконецъ, Гамлетъ вовсе не чувствуетъ угрызеній совѣсти послѣ того, какъ погубилъ двухъ невинныхъ людей: Розенкранца и Гильденштерна; онъ говоритъ:

Ихъ смерть мою не потревожитъ совѣсть“.

Все это доказываетъ, что Гамлетъ вовсе не питаетъ такого нравственнаго отвращенія къ кровавой мести, какое приписываетъ ему Ульрици. Гамлетъ считаетъ самымъ лучшимъ способомъ мщенія убійство короля и всячески побуждаетъ себя совершить это дѣло. Если онъ все-таки долго не дѣйствуетъ, то это объясняется его слабохарактерностью. И такъ, по нашему мнѣнію, главную, хотя и не единственную причину бездѣйствія Гамлета составляетъ слабость воли, хотя нельзя не признать, что на нерѣшимость Гамлета вліяетъ также его нравственное чувство и добросовѣстность. Ульрици видитъ противорѣчіе въ томъ, что Гервинусъ, признавая добросовѣстность Гамлета одною изъ важныхъ причинъ его медлительности, обвиняетъ его за эту медлительность въ слабости воли.

По нашему мнѣнію, здѣсь нѣтъ противорѣчія: Гамлетъ могъ бы, оставаясь добросовѣстнымъ, дѣйствовать энергично въ томъ или другомъ направленіи. Гамлетъ же доводитъ свою добросовѣстность до крайности; онъ взвѣшиваетъ до мельчайшихъ подробностей каждый свой шагъ и потому бездѣйствуетъ.

„Такъ всѣхъ насъ совѣсть обращаетъ въ трусовъ,
Такъ блекнетъ въ насъ румянецъ сильной воли,
Когда начнемъ мы размышлять"...

И такъ намъ кажется, что Гамлетъ представляетъ собою человѣка одареннаго геніальнымъ умомъ и всѣми дарами нѣжнаго сердца, но не имѣющаго твердой воли.

Отчего зависитъ этотъ послѣдній его недостатокъ, который не хотятъ признать въ немъ сторонники мнѣнія Ульрици,—этотъ вопросъ стоитъ въ связи съ спеціальнымъ психологическимъ вопросомъ о томъ, въ чемъ состоитъ сущность волевыхъ явленій въ человѣкѣ, въ какой связи находятся они съ остальными сторонами человѣческаго духа и наконецъ, существуетъ ли свободная воля въ общепринятомъ смыслѣ слова?

Н. Тихомировъ.

НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНІЕ

Къ ст. „Отвѣтъ рецензенту“

12—13 строк. снизу на 7-й стр.

Г. Брайловскій въ своей статьѣ замѣтилъ, что г. официіальный рецензентъ, разбирая учебникъ „цер.-славянскаго языка“ г. Флёрова, „провалилъ“ этотъ учебникъ, какъ не заслуживающій вниманія и проч. и проч. Г. Флёровъ далъ этому рецензенту съ своей стороны чувствительный отпоръ и представилъ свой учебникъ въ Академію Наукъ. Академія признала этотъ учебникъ заслуживающимъ особеннаго вниманія и удостоила автора полной преміи въ двѣ тысячи рублей, какъ извѣстно стало теперь изъ Журнала Мин. Нар. Пр. за іюнь сего года. Какъ же намъ теперь полагаться на такого рецензента и ему подобныхъ? Конечно, volens-nolens приходится считаться съ нимъ въ непониманіи научнаго дѣла, въ незнакомствѣ съ практикой учебной части и проч. и проч., а сказать необходимо, какъ выражается г. Брайловскій,—развѣ мало у насъ болѣе свѣдущихъ, болѣе образованныхъ, спеціалистовъ и достойныхъ людей взяться за критическіе разборы научныхъ произведеній, а такіе рецензенты, которые не могутъ различать бѣлаго отъ чернаго, это фактъ слишкомъ печальный!

Ред.

черпаго, что брать синимъ немыслимо!

Ред.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Труды В. М. Добровскаго:

I. По языку.

1. **Къ ученію о славянскомъ глаголѣ.** Опытъ научной систематизаціи ученія въ связи съ рѣшеніемъ многихъ вопросовъ изъ области морфологіи и симазіологіи глагола (Филологическія Записки 1880—1888 г.г. Всего страницъ 721+VII. Изъ нихъ издано отдѣльною книгой въ 1882 году 218+VII стрн. кромѣ таблицъ дѣленія глаголовъ на классы Ц. 2 руб.).

2. **Начатки прикладного языкознанія, какъ науки о національизмѣ.** Проэктъ. Отдѣльный оттискъ изъ «Фил. Зап.» 1889 г. Ц. 40 к.

3. **Къ начаткамъ прикладного языкознанія, какъ науки о національизмѣ.** Двѣ статьи, критическія, по поводу «Общеславянскаго языка» проф. А. Будиловича. Въ «Фил. Зап.» 1894 г.

4. **Общеславянское назначеніе русскаго литературнаго языка.** Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Новороссійскомъ Университетѣ 11 мая 1892 г.—напеч. въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» 17 и 18 мая 92 г., а также въ отчетѣ Общества за тотъ же годъ.

5. **О постановкѣ языковъ въ гимназіяхъ.** Филол. Зап. 1881 г., вып. I.

II. По литературѣ.

6. **Тургеневъ, какъ великій поэтъ.** Актовая рѣчь въ Одесской Второй Гимназіи. Отд. оттиски: изъ «Новороссійскаго Телеграфа» и изъ «Филол. Зап.» 1883 г. Ц. 40 к.

7. **А. С. Пушкинъ, какъ оптимистъ, и его школа.** Рѣчь въ Одесской 2-ой Гимназіи, 1887 г. Отдѣльный оттискъ изъ сборника А. А. Матвѣева «Изъ міра наукъ и искусствъ». Ц. 50 к. (весь распроданъ).

8. **Поэзія Некрасова и ея значеніе въ русской литературѣ.** Актовая рѣчь въ Саратовской Гимназіи. Напеч. въ «Саратов. губерн. вѣдомостяхъ» за 1879 г.

9. Печатается въ «Фил. Зап.» и выйдетъ отдѣльнымъ оттискомъ: «**Просвѣтительная дѣятельность императрицы Екатерины Великой**». Рѣчь, произнесенная въ Одесской 2-ой Гимназіи по поводу столѣтія со дня (1796 г., ноября 6) кончины государыни.

III. По преподаванію литературы.

10. **О причинахъ малоуспѣшности въ дѣлѣ преподаванія русскаго языка и словесности,** въ связи съ вопросами о концентраціи учебно-воспитательной части нашей средней школы, о школьныхъ бесѣдахъ и переутомленіи учителей русскаго языка. Рефератъ (дополненный) въ Историко-Филологическомъ Обществѣ при Новороссійскомъ Университетѣ. Отд. оттискъ изъ «Фил. Зап.» 1894 г. Ц. 40 к.

11. **Очерки изъ современной поэтики, съ предисловіемъ.** Очеркъ первый. Наука и поэзія на почвѣ логики. Отдѣльный оттискъ изъ «Фил. Зап.» 1897 года Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ" ВЪ 1898 ГОДУ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. За представленное изданіе Филолог. Зап. на Всероссійскую Выставку печатнаго дѣла въ 1895 г. Коммиссіей присужденъ похвальный отзывъ.

Въ прошломъ 1896 году исполнилось 35 лѣтъ существованія нашего изданія, предпринятаго нами въ научныхъ интересахъ по языку и литературѣ. Область языкознанія широка и задачи далеко еще не исчерпаны; работы впереди предстоитъ еще много. Учеными и компетентными лицами и педагогическимъ персоналомъ труды наши оцѣнены по достоинству. Съ своей стороны Редакція принимаетъ всевозможныя усилія доставлять больше нужныхъ матеріаловъ, какъ пособіе для развитія и разъясненія научныхъ вопросовъ. Постоянные наши подписчики достаточно знакомы съ цѣлью, задачами и стремленіями и съ тѣми матеріалами и пособіями, какіе доставлялись и доставляются въ журналѣ, но для лицъ тѣхъ учебныхъ заведеній, которымъ это изданіе или мало еще извѣстно или вовсе неизвѣстно, особенно вновь открытыхъ, мы считаемъ нужнымъ представить подробныя свѣдѣнія о своемъ изданіи по оффиціальнымъ отзывамъ.

Насколько изданіе наше оправдываетъ и оправдало стремленія Редакціи, въ настоящее время мы считаемъ нужнымъ и умѣстнымъ привести здѣсь слѣдующіе отзывы Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв., напечатанные въ Журналѣ Министер. Нар. Просв. (въ 1869 г. Май, стр. 27).

„Филологическія Записки—единственное изъ провинціальныхъ изданій, посвященныхъ спеціально языку и литературѣ. При крайней бѣдности средствъ, въ чемъ и сомнѣваться нельзя, оно существовало уже и существуетъ, не только не падая въ своемъ значеніи—случай, рѣдко представлявшійся и въ столичной журналистикѣ,—но даже, по возможности, улучшаясь благодаря единственно труду и стойкости издателя“....

„Во вниманіе къ несомнѣнному научному достоинству „Филологическихъ Записокъ“ и къ постоянно нимало невознаграждаемымъ трудамъ издателя ихъ, г. Хованскаго, а также въ видахъ весьма желательнаго для пользы науки поддержанія этого изданія. Учен. Комитетъ призналъ справедливымъ ходатайствовать предъ г. Министромъ Нар. Пр., во первыхъ, о предложеніи начальствамъ гимназій выписывать „Филологическія Записки“ для библіотекъ гимназій, и, во-вторыхъ, такъ какъ было бы весьма полезно, чтобы въ гимназическихъ библіотекахъ находились „Филологическія Записки“ за все время ихъ изданія, то по мнѣнію Ученаго Комитета, было бы всего лучше снестись съ издателемъ о томъ, имѣется ли у него въ запасѣ нужное, по числу гимназій, количество экз. его журнала за прежніе годы и за какую сумму онъ можетъ уступить эти экз. Этимъ способомъ могла бы быть оказана существенная матеріальная поддержка полезному изданію, и вмѣстѣ съ тѣмъ „экземплярами онаго были бы снабжены библіотеки гимназій“...

„Во вниманіе къ тому, что издаваемыя въ Воронежѣ г. Хованскимъ „Филологическія Записки“ заключаютъ въ себѣ много полезнаго матеріала для занимающихся преподаваніемъ русскаго языка и потому могутъ служить для нихъ полезнымъ пособіемъ,—предложить начальствамъ гимназій, чтобы они *озаботились* пріобрѣтеніемъ этого журнала для „фундаментальныхъ библіотекъ гимназій“.

Въ вышедшей въ 1889 году книгѣ, подъ заглавіемъ „**1888 г. Юбилейная Выставка** состоящаго подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Общества поощренія трудолюбія въ Москвѣ“, куда на выставку пред-

ставлено было изданіе „Филологическихъ Записокъ" о которомъ экспертами данъ былъ слѣдующій, отзывъ:

„Филологическія Записки", издаваемыя въ Воронежѣ съ 1860 года А. А. Хованскимъ. Этотъ, хорошо извѣстный каждому учащему, журналъ, на страницахъ которого появляется много капитальныхъ статей русскихъ ученыхъ, представляющихъ солидные вклады въ русскую науку, въ 1886 году отпраздновалъ свой 25-лѣтній юбилей. Юбилей этотъ открылъ глаза обществу на скромное, полезное и безкорыстное дѣло человѣка, двадцать пять лѣтъ не покидавшаго того дѣла, которому посвятилъ лучшую пору своей жизни. Множество трудовъ по языковѣдѣнію, преимущественно по изученію русскаго и древнеславянскаго языка и словесности, предлагаютъ серьёзное чтеніе, пробуждающее въ учителяхъ любознательность. Нѣкоторые же труды здѣсь помѣщенные, какъ напр. труды профессоромъ—Буслаева, Потебни и др., обратили вниманіе и университетовъ, и Императорской Акедеміи Наукъ на это изданіе. Въ день юбилея эти учрежденія и мн. др. въ пространныхъ телеграммахъ передъ лицомъ всего общества засвидѣтельствовали заслугу журнала".

На основаніи такого отзыва экспертовъ и постановлено было: удостоить Редактора—экспонента слѣдующей преміи— присудить почетный дипломъ первой степени.

Приэтомъ укажемъ на изданіе, какъ на практическое пособіе, выработанное г. Барсовымъ, на „Методику" подъ заглавіемъ „Живое слово" для преподаванія рус. языка, изданное въ 3-хъ курсахъ, печатается и 4 й курсъ. Въ настоящемъ году авторомъ „Живого Слова" выпущена къ методикѣ и давно ожидаемая „Хрестоматія" въ 1-му курсу.—Готовится теперь Хрестоматія для 2-го и для другихъ курсовъ.

Наконецъ не можемъ не упомянуть о почтенномъ трудѣ „Къ ученію о русскомъ глаголѣ" г. Добровскаго,—это громадный трудъ состоящій изъ 719 стр. съ 20 разными приложеніями и таблицами. Въ журналѣ помѣщались и помѣщаются даже цѣлые курсы напр.—„Грамматика" Говорова,—„Краткій курсъ теоріи слога, прозы и поэзіи" г. Брайловскаго,—Курсъ—„Теорія Словесности", составлен-

ный Стефановскимъ, отличающійся научно-яснымъ изложеніемъ. Готовится также курсъ, какъ новый трудъ въ учебной литературѣ г. Добровскаго: „Очерки изъ современной поэтики“ въ связи съ логикой и психологіей, какъ разъясненіе взаимныхъ отношеній между произведеніями поэтическими и научными на почвѣ психологіи, чего у насъ недостаетъ какъ болѣе важнаго въ дѣлѣ преподаванія словесности.

Здѣсь считаемъ нужнымъ напомнить тѣмъ лицамъ учебнаго персонала, которыя или забыли, или совсѣмъ не знали о слѣдующемъ Циркулярномъ предложеніи Господина Министра Нар. Просв., отъ 24 января 1876 г. за № 1044, „коимъ предложено было Начальствамъ Учебныхъ Округовъ, „въ видахъ учебныхъ интересовъ, оказать содѣйствіе къ пріобрѣтенію „Филологическихъ Записокъ“ въ библіотеки по „всѣмъ вообще среднимъ учебнымъ заведеніямъ, не исключая „и уѣздныхъ училищъ“.

„Филологическія Записки“ издаются въ Воронежѣ; выходятъ безсрочными выпусками, — по шести выпусковъ въ годъ.

ЦѢНА годовому изданію 6 руб. 50 к. съ пересыл.; за границу 7 руб.

ПОДПИСКА преимущественно принимается въ Редакціи „Филологическихъ Записокъ“, въ Воронежѣ; желающіе могутъ подписываться также въ извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ. Изданіе „Фил. Зап“. можно выписывать и за прежніе годы.

Редакторъ-Издатель А. Хованскій.

Дозволено цензурой. Москва, 27 Октября 1897.

Воронежъ. Типографія В. И. Исаева.

РУССКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ XVII-го ВѢКА.

Въ противуположность былинѣ, воспѣвающей богатырскіе, т. е. сказочные подвиги, историческая пѣсня представляетъ собою такое эпическое произведеніе, которое имѣетъ своимъ предметомъ дѣйствительно бывшее, т. е. историческое, событіе.

Отсюда однако не слѣдуетъ, что историческая пѣсня, составленная народомъ, относится къ былинѣ, авторомъ которой тотъ же народъ, какъ истина къ выдумкѣ, какъ дѣйствительный фактъ къ небылицѣ. Нѣтъ, былина воспѣваетъ не сказочныя, созданныя досужею фантазіей происшествія, а такіе настоящіе, дѣйствительно бывшіе факты. Только факты эти сложились въ народномъ сознаніи столь прихотливо, столь своеобразно, и притомъ самъ пѣвецъ—народъ созерцалъ ихъ въ такой далекой перспективѣ, что неудивительно, если та или другая подробность даннаго факта, а иногда и самая суть его, получила характеръ сказочный, небывалый. Отличіе былины отъ исторической пѣсни сводится къ различію въ событіяхъ и образахъ, представляемыхъ тѣмъ и другимъ видомъ народнаго эпоса. Въ былинѣ воспѣваются событія, хотя и имѣвшія когда-то мѣсто, но до того помрачившіяся въ народномъ сознаніи, что послѣднее стало сообщать имъ характеръ сверхъестественный, чудесный, небывалый. Зависѣло это, какъ сказано выше, отъ непомѣрно далекой перспективы, въ которую народъ смотрѣлъ на эти событія: воспѣвались они не очевидцами, а по преданію; а извѣстно, что это послѣднее отнюдь не считаетъ себя связаннымъ фактами и даетъ полнѣйшій просторъ фантазіи при изображеніи подробностей. Но по мѣрѣ того, какъ народъ—авторъ былъ самъ ближе къ воспѣваемымъ событіямъ, они передавались имъ все съ бо́льшею историческою вѣрностью, такъ что, наконецъ, тѣ изъ нихъ, которыя совершались на глазахъ его, онъ воспроизводитъ чуть-ли не вполнѣ согласно съ лѣтописью (Примѣромъ можетъ служить пѣсня на въѣздъ Филарета въ Москву).

Точно также и образы, представляемые народнымъ эпосомъ, тѣмъ менѣе заключаютъ въ себѣ чудеснаго, сказочнаго, чѣмъ ближе къ нимъ пѣвецъ. Но такъ какъ пѣвцомъ этимъ является народъ, а послѣдній, въ силу своихъ интеллектуальныхъ особенностей, всегда склоненъ къ вѣрѣ въ сверхъестественное (ибо оно безъ труда разрѣшаетъ самые замысловатые вопросы), то и въ историческихъ пѣсняхъ мы очень часто наталкиваемся на такіе образы, которые умѣстны лишь въ былинахъ. Такъ, историческія лица, въ родѣ Грознаго и др., кричатъ зычнымъ голосомъ, выпиваютъ чары зелена-вина въ полъ-пята ведра; кони ихъ скачутъ выше лѣсу стоячаго, чуть пониже облака ходячаго и пр. Въ большинствѣ случаевъ однако образы въ исторической пѣснѣ не переступаютъ предѣловъ человѣческой возможности. Какъ бы то ни было, но указать на рѣзкое различіе въ образахъ и событіяхъ былины и пѣсни невозможно, а это ведетъ къ заключенію о постепенности возникновенія послѣдней изъ первой. Очевиднымъ доказательствомъ такой постепенности могутъ служить былины „Калинъ—царь", „Суровецъ", „Михаилъ Казариновъ", которыя хотя и сохраняютъ всѣ характерныя черты былевого творчества, однако предметомъ своимъ имѣютъ уже историческое событіе—нашествіе Татаръ на русскую землю—и потому составляютъ переходъ къ исторической пѣснѣ; съ другой стороны, многія историческія пѣсни, особенно изъ эпохи Грознаго, представляютъ, какъ уже замѣчено выше, не мало былевыхъ чертъ, что ясно говоритъ о постепенности возникновенія пѣсни изъ былины.

Въ виду этого нельзя съ точностью опредѣлить, когда былевой эпосъ перешелъ въ историческій; можно только сказать, что случилось это въ то время, когда народъ пересталъ вѣрить въ возможность существованія богатырей, когда онъ пришелъ къ убѣжденію, что витязи уже „перевелись на святой Руси". Есть основаніе думать, что къ такому убѣжденію народъ пришелъ только послѣ Татарскаго разгрома: страшное бѣдствіе, постигшее Русь въ XIII-мъ вѣкѣ, заставило его сознательно отнестись къ своимъ силамъ, а надлежащая оцѣнка послѣднихъ ясно показала, что богатырей

уже нѣтъ, и богатырскіе подвиги уже болѣе не возможны. Отсюда однако не слѣдуетъ, что нашествіе Татаръ подѣйствовало на массу вполнѣ отрезвляющимъ образомъ; нѣтъ, вѣра въ сверхъестественное пустила столь глубокіе корни въ народное сознаніе, что сразу разстаться съ нею народъ не могъ, и долго еще отзывается она въ его произведеніяхъ: такъ, въ XVI-мъ вѣкѣ казака Ермака, въ XVII-мъ—Скопина, Шуйскаго, кн. Пожарскаго (см. „битву подъ Конотопомъ"), Стеньку Разина, роднитъ народная поэзія съ богатырями Владимірова цикла и нерѣдко дѣлаетъ ихъ сподвижниками Ильи Муромца и Добрыни Никитича. Впрочемъ это уже отдѣльные, исключительные случаи; въ общемъ же народное творчество со времени Монгольскаго ига имѣетъ своимъ предметомъ дѣйствительность и воспроизводитъ только событія и лица дѣйствительныя, историческія.

Литература русскихъ историческихъ пѣсенъ далеко не можетъ похвалиться своимъ богатствомъ. Кромѣ общаго обзора пѣсенъ Татарской эпохи, какую можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ учебникахъ отечественной литературы, въ книжкѣ г. Вейнберга, разсматривающей пѣсни, относящіяся ко времени Грознаго, и нѣсколькихъ статей Буслаева, трактующихъ о весьма немногихъ пѣсняхъ и то, такъ сказать, мимоходомъ, ничего или почти ничего болѣе въ нашей литературѣ не находимъ. Особенно бѣдны критическою разработкою пѣсни XVII-го вѣка. А между тѣмъ для всякаго очевидно, что вѣкъ этотъ, столь богатый важными историческими событіями, подъ вліяніемъ которыхъ образовался народный характеръ и установился самый государственный строй русской земли, не могъ пройти безслѣдно и для народной эпической поэзіи и не отразиться въ ней тѣми мотивами, которые въ историческомъ отношеніи представляютъ собою знаменіе времени, принципъ его. Почтемъ себя счастливыми, если предлагаемый благосклонному вниманію любителей отечественной словесности очеркъ этотъ восполнитъ существующій въ наукѣ пробѣлъ хотя отчасти.

Глава 1.

Смутное Время. (1600—1643).

Начало XVII-го вѣка ознаменовано въ исторіи Московскаго Государства эпохою смутъ, обнимающею собою время отъ воцаренія Бориса съ избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Этотъ тринадцатилѣтній промежутокъ времени столь богатый событіями, взволновавшими русскую землю, доставилъ не мало пищи и народной фантазіи, которой теперь представился случай обнаружить всю силу своего творчества, показать, какъ поняты ею эти событія, какая сторона послѣднихъ поразила ее, что именно изъ всего этого періода (выражаясь словами одного критика), „дошло до народнаго сознанія“. Относительно этого послѣдняго обстоятельства мы должны здѣсь же замѣтить, что каждый, болѣе или менѣе важный въ историческомъ отношеніи фактъ этого времени, отразился и въ народной пѣснѣ; почти каждое лицо, попавшее на страницы исторіи, нашло себѣ мѣсто и въ произведеніи народной фантазіи. Лже-Димитрій I-ый, II-ой, царь Шуйскій, племянникъ его Скопинъ—со всѣми этими личностями и ихъ дѣяніями знакомятъ насъ и пѣсня и исторія. Вопросъ только въ томъ, какъ первая относится ко второй. Но прежде всего считаемъ необходимымъ познакомить читателя съ содержаніемъ тѣхъ народныхъ историческихъ пѣсенъ, которыя описываютъ событія и лица того времени.

Смуты въ Московскомъ Государствѣ начинаются съ Бориса, пѣсни, относящіяся къ Смутному времени, открываются пѣснею о немъ же. Содержаніе этой пѣсни слѣдующее. (Кирѣев. VII, 1—3).

Послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича Московскимъ Государствомъ стали управлять бояре-господа. Одинъ изъ нихъ—Борисъ Годуновъ всѣхъ ихъ обманулъ и захватилъ правленіе исключительно въ свои руки. Но ему мѣшалъ еще царевичъ Димитрій. Борисъ позвалъ проклятыхъ людей—злыхъ разбойниковъ—и велѣлъ имъ убить царевича, обѣщавъ наградить ихъ за это златомъ-серебромъ. Злодѣи исполнили по-

ученіе. Борисъ процарствовалъ послѣ этого 5 лѣтъ, по другому варіанту 7, и съ горя самъ умертвилъ себя „ядомъ змѣинымъ, кинжаломъ вострымъ“. По другому варіанту мстителемъ за Димитрія является грозный Божій гнѣвъ (также: православный царь) и наказываетъ Бориса смертью.

Такимъ образомъ несообразность пѣсни съ исторіею выступаетъ на первыхъ же порахъ: бояре послѣ смерти послѣдняго изъ Рюриковичей не управляли государствомъ, а по повелѣнію патріарха Іова тотчасъ же былъ созванъ земскій соборъ, который и избралъ на царство Бориса; затѣмъ, смерть царевича Димитрія случилась не въ царствованіе Годунова, а еще при жизни его предшественника, именно въ 1591 году, и слѣдовательно, Борисъ жилъ послѣ этого не 5 и не 7 лѣтъ, какъ опредѣляетъ пѣсня, а цѣлыхъ 14; наконецъ, самая причина преждевременной смерти угличскаго царевича далеко не раскрыта исторіею, по крайней мѣрѣ, послѣдняя не считаетъ себя въ правѣ винить въ ней Бориса. Конечно, всѣ эти отступленія отъ исторіи, за исключеніемъ послѣдняго, сами по себѣ не представляютъ большой важности; но они во всякомъ случаѣ показываютъ, что полагаться на свидѣтельство исторической пѣсни—дѣло, по меньшей мѣрѣ, рискованное.

Несогласіе пѣсни съ исторіею въ данномъ случаѣ объясняется не трудно. Прежде всего, хотя доподлинно и не былъ извѣстенъ убійца царевича Димитрія, но общественное мнѣніе приписывало это злодѣяніе Борису, основываясь, вѣроятно, на томъ соображеніи, что для него смерть эта была весьма выгодна; пѣсня поэтому была въ правѣ называть цареубійцею того, на кого ей указывала народная молва. Остальныя же подробности, какъ напр. способъ вступленія Бориса на престолъ и время смерти его—не важны и притомъ обусловлены самой тенденціею пѣсни. Въ пѣснѣ разсказывается объ убіеніи Борисомъ царевича Димитрія. Покуситься на такое страшное преступленіе можетъ, по народному представленію, только тотъ, кто лишенъ всякихъ сколько нибудь нравственныхъ качествъ: цареубійцею можетъ быть только воръ, обманщикъ, разбойникъ. Борисъ, убійца Димитрія, тотчасъ же послѣ смерти Θеодора Іоанновича дол-

женъ былъ обнаружить свои дурныя качества; вотъ, почему пѣсня и приписываетъ ему способъ вступленія на тронъ, совершенно неизвѣстный исторіи; вотъ, почему Борисъ называется въ пѣснѣ злодѣемъ, коршуномъ и т. п.

Но такое представленіе нимало не подтверждается исторіей. Послѣдняя ставитъ Годунову въ вину лишь то, что онъ, сдѣлавшись царемъ, не съумѣлъ возвыситься до своего новаго положенія и высказывалъ то же малодушіе, которымъ отличался, будучи еще простымъ бояриномъ. Какъ на одно изъ проявленій этого малодушія, исторія указываетъ на излишнюю подозрительность Годунова и склонность его вѣрить доносамъ. Вотъ и все, въ чемъ обвиняетъ его исторія. (Соловьевъ. 7. VIII, гл. 1-ая, стр. 17—19). Но таже самая исторія, слѣдуя принципу «suum cuique», не забываетъ поставить потомству на видъ и всѣ хорошія качества царя Бориса, а послѣднихъ было не мало: не говоря уже о его заботахъ, касающихся благоустройства Московскаго Государства, и распространенія въ немъ просвѣщенія, Борисъ, какъ извѣстно, во все время своего царствованія старался въ точности исполнять данное имъ при своемъ вступленіи на престолъ обѣщаніе—радѣть о томъ, что бы не было въ его государствѣ бѣдныхъ и сирыхъ. Но, видно, такъ уже на роду было ему написано, чтобы все, что ни предпринималъ онъ хорошаго, толковалось въ дурную сторону, и вотъ пѣсня, представляющая собою отраженіе этихъ толковъ, забываетъ о хорошихъ сторонахъ Борисова царствованія и говоритъ лишь про однѣ дурныя.

Приписывая Борису убіеніе царевича Димитрія, пѣсня не могла, конечно, оставить перваго спокойно наслаждаться своимъ злодѣяніемъ. Народная совѣсть требуетъ, чтобы зло понесло достойное наказаніе. Но кто же можетъ наказать царя? Разумѣется, одинъ только Богъ, который властенъ во всемъ! Его-то сила и дѣйствуетъ на совѣсть Бориса, и дѣйствуетъ такъ сильно, что онъ „умертвилъ себя съ горя ядомъ змѣинымъ“.

Въ другомъ варіантѣ еще яснѣе указывается на непосредственное воздѣйствіе Бога на царя Бориса:

Что не вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится:
То идетъ грозный Божій гнѣвъ
За православную Русь.
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ рѣкѣ
(ib. стр. 1—3)

Еще одинъ варіантъ подымаетъ на Бориса вмѣсто „Божьяго гнѣва"—грознаго православнаго царя, намекая такимъ образомъ на появленіе самозванца, которымъ мы займемся ниже, а теперь укажемъ на пѣсню, стоящую въ связи съ пѣснями о Годуновѣ и Лжедимитріи: это—„Плачъ Ксеніи Борисовны Годуновой". (Кирѣевск. VII, стр. 58—9).

Вотъ ея содержаніе. Плачетъ въ Москвѣ царевна о томъ, что скоро измѣнникъ Гришка Отрепьевъ Разстрига заточитъ ее въ монастырь, а ей вовсе не хочется быть монахинею: она напередъ знаетъ, что ей „чернеческаго чину не сдержати", что она не вытерпитъ, чтобы не отворить темну келью и не посмотрѣть на добрыхъ молодцевъ. Она недоумѣваетъ, за что такая напасть на нее и на всю Русь: „за батюшкино-ли согрѣшеніе, за матушкино-ли немоленіе". Ей страшно не хочется покидать всего того, чѣмъ она окружена была съ дѣтства: богатства и комфорта; она мысленно прощается съ милыми ей „теремами и переходами" и спрашиваетъ себя, кто воспользуется всѣмъ этимъ послѣ нея да послѣ Бориса Годунова?

Какъ видно изъ содержанія и изъ уподобленія царевны „малой птичкѣ—бѣлой перепелкѣ", пѣсна про нее—чисто лирическаго характера и, если отнесена къ числу историческихъ, то развѣ лишь въ силу того, что въ ней говорится о личности исторической, дочери Бориса Годунова, да развѣ еще по недосказанному смыслу трехъ послѣднихъ стиховъ одного варіанта ея:

Ино ахте мнѣ горевати:
Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
У игумени благословитца? (Кир. VII. стр. 61)

въ стихахъ этихъ, быть можетъ, слѣдуетъ усматривать затаенный намекъ на эвентуальныя послѣдствія прежнихъ отношеній царевны къ самозванцу. (Соловьевъ. VIII. 128).

Пѣсня объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ носитъ заглавіе: „Гришка Отрепьевъ“. (Кирша Даниловъ, 102; Памятники, и образцы народн. яз. и слов. 122, Рыбниковъ I—406 и III—264; Кирѣевскій VII, стр.: 3; 5, 62 и 75).

Прогнѣвался Богъ на землю русскую и послалъ на нее вора Гришку Разстригу Отрепьева. Сѣвъ на царство, вздумалъ онъ жениться; но невѣсту взялъ себѣ не изъ каменной Москвы, а въ Литвѣ, у Юрія пана Страдомирскаго, именно его меньшую дочь Маринку. Свадьбу играетъ Разстрига въ Филипповъ постъ, наканунѣ Николина дня Бояре стоятъ у заутрени, а Гришка съ женой въ банѣ моется. Возвратясь въ свои палаты, велитъ онъ варить разныя кушанія, постныя и скоромныя, для своего тестя, пана Юрья, и для его людей; а самъ „мѣстныя иконы подъ себя стелетъ, а чюдны кресты подъ пяты кладетъ“. Тогда бояре и дьяки пошли въ Дѣвичій монастырь къ инокинѣ Марѳѣ Ивановнѣ и спрашиваютъ, точно-ли Гришка—сынъ ея; она отвѣчаетъ имъ, что сынъ ея Дмитрій царевичъ давнымъ-давно убитъ и мощи его лежатъ у Св. Михаила Архангела, а Гришка—простой воръ, обманщикъ. Бояре и дьяки пошли къ нему, а онъ, догадавшись, въ чемъ дѣло, заперся въ теремѣ: жена его вылетѣла изъ терема сорокою, а онъ самъ бросился изъ окна на дворъ и попалъ на стрѣлецкія копья. Тутъ ему и смерть приключилася *).

---

*) Одинъ варіантъ этой пѣсни (Кир. VII, 3—4, № 1) разсказываетъ всю біографію перваго самозванца, начиная съ пребыванія послѣдняго въ монастырѣ; но разсказъ этотъ до такой степени сухъ и столь сильно смахиваетъ на «ученую» рѣчь русскаго простолюдина, что мы не рѣшаемся признать его народною пѣснею. Чтобы убѣдиться въ осно-

Главною, слѣдовательно, причиною паденія самозванца считается въ пѣснѣ явное пренебреженіе имъ старины: женитьба наканунѣ Николина дня, неуваженіе къ „мѣстнымъ иконамъ“, даже полное поруганіе надъ ними не могло не вызвать протеста со стороны православнаго люда, привыкшаго придавать большое значеніе внѣшнимъ признакамъ благочестія; протестъ этотъ перешелъ вскорѣ въ открытую смуту, которая кончилась смертью Лже-Димитрія. Но и здѣсь свидѣтельство исторіи не совсѣмъ согласно съ пѣснею.

Изъ исторіи мы узнаёмъ, что первый самозванецъ не только не презиралъ старины, но напротивъ строго соблюдалъ послѣднюю и старательно избѣгалъ всего, что могло считаться ея нарушеніемъ. Такъ напр., несмотря на всю свою склонность къ полякамъ, онъ требовалъ, чтобы Марина содержала католицизмъ втайнѣ, наружно же исполняла обряды закона греческаго, ходила въ русскую церковь, постилась въ дни, предписанные православіемъ (Соловьевъ, 7, VIII, 138).

Единственный промахъ, сдѣланный имъ, состоялъ въ томъ, что онъ почему-то не захотѣлъ сообразоваться съ церковнымъ уставомъ, и вѣнчался 8-го мая, на пятницу и на Николинъ день (ib. 146). Но одинъ этотъ фактъ еще не могъ, понятно, вооружить противъ него всего населенія Москвы, которое, по завѣренію исторіи, душою было предано самозванцу. Заговоръ противъ послѣдняго вышелъ не изъ

вательности нашего мнѣнія, достаточно прочесть такіе стихи этой пѣсни, какъ напр. нижеслѣдующіе:

«Ты поди, поди отъ насъ, недостоинъ жить у насъ!
«Поди вонъ изъ монастыря и поди, хочешь куда!

или:

«Ужъ немного-то Трепушкинъ царствовалъ въ Москвѣ:
«Образумился народъ Московскій,
«Сталъ искать себѣ настоящаго царя;
«Сыскали настоящаго царя—Василія Ивановича и пр. и пр., которые, (стихи), несмотря на всѣ уловки составителя, немилосердно рѣжутъ ухо, привыкшее къ ровному и плавному стиху народной поэзіи.

среды этого населенія, а отъ тѣхъ, которые стояли близко къ царю, т. е. отъ бояръ; душою же этого заговора былъ бояринъ, наиболѣе испытавшій на себѣ благодѣяній Лже-Димитрія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Какъ извѣстно, заговорщики условились по первому набату броситься ночью въ Кремль съ крикомъ: „поляки бьютъ Государя", окружить Лже-Димитрія, какъ будто для защиты, и убить его. (ib. 149). Планъ этотъ былъ исполненъ въ ночь съ 16-го на 17-ое мая 1606 года. Но если исторія прямо противурѣчитъ пѣснѣ по отношенію къ изображенію личности перваго самозванца, то самъ собою возникаетъ вопросъ, откуда пѣсня позаимствовала свое содержаніе.

Источниками послѣдняго были, по всей вѣроятности, слухи, распускаемые убійцами Лже-Димитрія, которымъ, естественно, нужно же было оправдать чѣмъ-нибудь свое злодѣяніе. О томъ, каковы могли быть эти слухи, можно заключать изъ грамотъ самого главы заговорщиковъ, Василія Ивановича Шуйскаго, который, ставъ царемъ, разсылалъ по всѣмъ концамъ Московскаго Государства посланія, полныя всевозможныхъ напраслинъ, возводимыхъ на убитаго имъ самозванца. (Соловьевъ, т. VIII, гл. IV-ая).

Пѣсня о второмъ самозванцѣ—ворѣ Тушинскомъ—не имѣетъ ровно ничего общаго съ исторіею. Выѣхалъ изъ шведской и литовской земли воръ-собака и расположился становъ въ славномъ Рубежѣ, подъ столицею. Увѣренный въ безнаказанности, онъ отправляется въ Москву, входитъ въ царскій дворецъ; никому тамъ не кланяется; ни боярамъ, ни самой государынѣ, а прямо садится за дубовый столъ, вынимаетъ свои ярлыки и пишетъ на нихъ, что бояръ-то онъ во полонъ возьметъ, а съ царицею-то обвѣнчается. (Лѣтописи рус. лит—ры Тихонравова, томъ IV, стр. 22).

Пѣснею этою народъ хотѣлъ, какъ можно заключить изъ ея содержанія, выказать смѣлость тогдашнихъ самозванцевъ, доходившую у нихъ до нахальства. Впрочемъ, изображаемый ею воръ пускается въ столицу только послѣ того,

какъ посредствомъ гаданія увидѣлъ, что ему бояться тамъ нечего:

Онъ разставляетъ бѣлъ—тонкій шатеръ,
Разстилаетъ во шатрикѣ шелковой коверъ,
Разсыпаетъ на коврикѣ золоты бобы,
По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
Не казнятъ-то насъ и не вѣшаютъ,
Ужъ и много насъ жалованіемъ жалуютъ (ib. 20).

Въ этой вѣщей колдуньей силѣ и надо искать причинъ его самоувѣренности.—Какъ уже замѣчено выше, съ исторіею ничего общаго пѣсня эта не представляетъ; есть только намеки на дѣйствительно бывшіе факты: такова напр. угроза самозванца обвѣнчаться съ царицею.

Ко времени самозванцевъ же, въ которыхъ на Руси недостатка тогда не было, (Соловьевъ т. VIII стр. 193), слѣдуетъ относить и пѣсню о попѣ Емелѣ (Кирѣевскій VII, стр. 19, 20 и 119).

Въ чистомъ полѣ собирались воры, воры не чужіе, близкіе сосѣди. Размѣстились они на 7 саняхъ: на первыхъ саняхъ—атаманы, на седьмыхъ—попъ Емеля. Послѣдній благословляетъ ихъ крестомъ и напутствуетъ такими словами:

„Поѣзжайте, дѣти,
„Во чужія клѣти!
„А что ни добудите—
„Попа не забудьте!“ (120).

Попадья Алёна не совѣтуетъ ворамъ ѣхать на чужую сторону: изъ гаданья, къ которому она прибѣгаетъ, выходитъ, что имъ тамъ плохо придется. Но воры не послушались ея и поскакали.

Слова: „воры не чужіе, близкіе сосѣди“ указываютъ на происхожденіе этихъ воровъ. Нельзя, кажется, думать, что подъ этими сосѣдями разумѣются лисовщики или другіе какіе нибудь польскіе наѣздники во 1-хъ потому, что поля-

ки не очень-то и близко сосѣдили съ Москвою или Тверью, въ которой составлена эта пѣсня, а во 2-хъ они все же были для русскихъ „чужими“, а пѣсня склоняется именно на слоно „не чужой“. Не вѣрнѣе-ли поэтому полагать, что тутъ имѣются въ виду казаки Терскіе и Донскіе, или какіе нибудь инородцы, жившіе по Волгѣ: извѣстно, что какъ тѣ такъ и другіе доставили не малый контингентъ самозванцевъ и „воровъ“. Полуторасаженный крестъ на ремени у попа Емели даетъ поводъ утверждать, что это—католическій попъ; но если народъ знаетъ, что только у католическаго духовенства крестъ на ремени, то тѣмъ болѣе должно бы знать что духовенство это—холостое; а между тѣмъ въ пѣснѣ говорится и о попадьѣ.

Переходимъ къ пѣснѣ о Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ (Кирѣевскій, VII, 17). На Красной Площади въ Москвѣ собирается народъ по набатному звону, возвѣщающему, что случилось что-то недоброе. Народъ боится за своего царя Василія Ивановича и въ недоумѣніи спрашиваетъ, ужъ не погубили-ли его бояре—злыя собаки. Догадка эта оправдалась: одинъ изъ присутствующихъ оповѣстилъ, что бояре сослали царя въ Сибирь, а на царство посадили какого-то басурмана, самозванца Петрушку. Услышавъ это, всѣ въ испугѣ разбѣжались въ разныя стороны. По другому варіанту (VII, 24), народъ сильно опечалился, узнавъ о смерти своего добраго царя Василія:

„Что же вы, ребятушки, призадумалися,
„Призадумалися, прикручинилися?
„Или вы, ребятушки, каку слышали печаль?“
Какъ возговоритъ дѣтина, добрый молодецъ—
—„Иль не знаешь ты, дѣтина, горя нашего:
„Преставился въ полуночи Василій царъ!“

Въ пѣснѣ объ „избраніи Михаила Θеодоровича“, которую мы считаемъ простымъ варіантомъ вышеприведенной,

читаемъ слова, свидѣтельствующія о глубокой любви московскаго населенія къ царю Василью:

Не возвратить намъ царя бѣлаго,
Не оплакать его душу добрую.

Такіе эпитеты народъ даетъ только тѣмъ, кто заслужилъ его любовь; между тѣмъ исторически извѣстно, что царь Шуйскій далеко не пользовался народнымъ расположеніемъ, а по смерти своего племянника сталъ даже предметомъ общей ненависти. Извѣстно, какъ и чѣмъ разыгралась послѣдняя: 17-го іюля 1610-го года московская чернь, побуждаемая Захаромъ Ляпуновымъ, заставила Шуйскаго отказаться отъ престола, а на 3 й день послѣ этого отреченія царь насильно былъ постриженъ въ монахи (Соловьевъ, т. VIII, гл. II-ая).

Очень можетъ быть, что это послѣднее обстоятельство возбудило неудовольствіе въ извѣстной части московскаго населенія, тѣмъ болѣе, что патріархъ объявилъ постриженіе Василія недѣйствительнымъ; къ неудовольствію могло присоединиться чувство страха предъ неизвѣстностью, что́ будетъ дальше: въ Москвѣ пошли разные слухи, что бояре зазываютъ на царство вора Тушинскаго, который, узнавъ о происшедшемъ, дѣйствительно, шелъ изъ своего временнаго убѣжища, Калуги въ столицу. Слухи эти отразились въ пѣснѣ:

Какъ и взговоритъ въ народѣ удалой молодецъ:
„Охъ вы, братцы, вы не знаете бѣды-горести,
„Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
„Злы собаки погубили, во Сибирь его послали;
„А ужъ сдѣлали царемъ какова-то басурмана,
„Что Петрушку-самозванца, злого бояриена!“
(в. VII, стр, 17).

Такимъ образомъ пѣсню о Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ должно, кажется, считать произведеніемъ лишь нѣсколькихъ лицъ, отнюдь не народа; подобное заключеніе имѣетъ за собою тѣмъ болѣе вѣроятности, что пѣсня эта

встрѣчается только въ одномъ сборникѣ Кирѣевскаго, и всего только въ двухъ варіантахъ.

Совершенно противуположна ей въ этомъ отношеніи пѣсня о племянникѣ царя Василія.

[Кирша Даниловъ 275, Сахаровъ 335; Тихонравовъ—23; Памятники народн. яз. и слов.—7; Рыбниковъ I—108; Гильфердингъ—540 и Кирѣевскій—выпускъ VII].

Содержаніе пѣсни слѣдующее.

Облегла Москву Литва́, а съ нею много разнаго народу некрещенаго: Сорочина долгополая, Черкесы Пятигорскіе, Калмыки, Татаре, Башкиры, Чукша и Люторе. Князь Скопинъ, видя, что одной своею силою ничего тутъ не подѣлаешь, послалъ за помощью къ Свицкому королю Карлусу. Получивъ требуемую помощь, онъ побѣдилъ всѣхъ враговъ земли Русской и прогналъ ихъ. Спустя нѣкоторое время у князя Воротынскаго былъ большой пиръ по случаю крестинъ его сына; отцомъ крестнымъ былъ Скопинъ, а матерью—дочь Малюты Скуратова. Охмелѣвъ, гости, по обычаю, стали промежъ себя хвастаться: одинъ—богатою казною, другой — молодою женою. Скопинъ сталъ хвастать тѣмъ, что онъ спасъ все царство Московское и укрѣпилъ въ немъ вѣру крещеную. Боярамъ его рѣчь не понравилась, и они подговорили Скуратову поднести Скопину меду съ ядомъ. Та послушалась ихъ. Скопинъ, ни мало не подозрѣвая злодѣйскаго умысла Скуратовой, осушилъ чашу до дна; но тутъ же почувствовалъ, что это — ядъ, упрекнулъ куму свою въ душегубствѣ и побѣжалъ скорѣе къ своей матери: едва успѣлъ онъ попрощаться съ нею, какъ тотчасъ же и упалъ за-мертво.

Одинъ варіантъ этой пѣсни говоритъ, что Скопинъ велѣлъ Скуратовой самой испить предложенную ему чашу; та испугалась, уронила ее на полъ: вино вылилось, отчего полъ и вся горница загорѣлась, Скопинъ, догадавшись, что въ чашѣ былъ ядъ отрубилъ кумѣ своей голову (Кирѣевскій, в. VII, стр. 9).

Содержаніе пѣсни о князѣ Скопинѣ если не во всемъ, то въ очень многомъ сходно съ несомнѣнными историческими свѣдѣніями о немъ.

Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, Скопину удалось возобновить подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Москвѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ непріятелями—поляками и туземцами и этимъ снискать себѣ расположеніе народа, который съ этихъ поръ сталъ смотрѣть на своего любимца, какъ на преемника царя Василія.

Но подобный взглядъ на Скопина не могъ не создать ему враговъ въ средѣ бояръ, изъ коихъ нѣкоторые имѣли на московскую корону гораздо болѣе правъ: таковы были князья Голицыны, потомки Рюрика; таковъ былъ и Димитрій Ивановичъ Шуйскій, родной братъ государя. Этотъ Димитрій Ивановичъ не разъ пытался оклеветать Скопина передъ своимъ царственнымъ братомъ; но никакихъ важныхъ послѣдствій навѣты его не имѣли, хотя въ народѣ почему-то и ходили слухи, что оба брата задумали извести своего племянника. И дѣйствительно, вскорѣ народъ узналъ о смерти своего любимца. „23-го Апрѣля 1610 г. князь Скопинъ на крестинахъ у князя Ивана Мих. Воротынскаго занемогъ кровотеченіемъ изъ носу... и послѣ двухнедѣльной болѣзни умеръ. Пошелъ общій слухъ объ отравѣ. Но русскіе современники далеки отъ рѣшительнаго обвиненія. Лѣтописецъ говоритъ: „Многіе на Москвѣ говорили, что испортила его тетка, княгина Екатерина, жена князя Димитрія Шуйскаго (дочь Малюты Скуратова, сестра царицы Марьи Григорьевны Годуновой), а подлинно-то единому Богу извѣстно!“ (Соловьевъ. т. VIII, стр. 313). Такимъ образомъ сама лѣтопись знаетъ о случившемся только по слухамъ; неудивительно поэтому, что и пѣсня воспользовалась ими же.

Названія дѣйствующихъ лицъ одни и тѣже какъ въ лѣтописи, такъ и въ пѣснѣ: преступницею и здѣсь и тамъ является дочь памятнаго для московскихъ людей Малюты Скуратова. Очень можетъ быть, что одно уже присутствіе ея на пиру, гдѣ заболѣлъ Скопинъ, подало народу поводъ считать ее виновницею этой неожиданной смерти; быть можетъ, отравительницею сдѣлала ее пѣсня, такъ сказать, въ

силу аналогіи: если, молъ, отецъ былъ живодеръ и убійца, то, должно полагать, и дочь не лучше его; да при томъ же она была женою человѣка, о ненависти котораго къ молодому князю отлично знала вся Москва. Не даромъ пѣсня замѣчаетъ:

А съѣзжалися князи-бояре супротиво къ нимъ, —
Мстиславской князь, Воротынской,
И межу собой они слово говорили,
А говорили слово, усмѣхнулися:
„Высоко соколъ поднялся
„И о сыру—матеру землю ушибся!"

Эти слова и особенно слово „усмѣхнулися" показываютъ, что народъ отлично зналъ объ отношеніяхъ бояръ къ князю Скопину и о тѣхъ казняхъ, которыя они ему готовили.

Но если бояре говорили о смерти молодого воеводы, усмѣхаяся, то народъ безутѣшно плакалъ о немъ; плакали даже Нѣмцы, говоря:

„Что не стало у насъ воеводы
„Васильевича князя Михаила".

Заставляя нѣмцевъ оплакивать смерть Скопина, пѣсня тѣмъ самымъ ясно показываетъ, какъ горячо народъ любилъ послѣдняго. И какъ было не любить молодого, 24-хъ лѣтняго воеводу, который, по завѣренію пѣсни, побилъ поляковъ, Литву и съ ними много разнаго народу некрещенаго! Какъ не любить того, кто самъ отличался горячею любовью ко всему русскому и православному: Скопинъ радъ былъ положить голову за святую Русь, но прежде чѣмъ пойти на врага, онъ проситъ помощи у Бога:

А по утру рано ранешенько
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ, самъ въ походъ пошелъ,
Подымавши знаменье царское;
А на знамени было написано:
„Чуденъ Спасъ со Пречистою";
На другой сторонѣ было написано—
Михайло и Гаврила Архангелы
Еще „вся туто сила небесная". (Кирѣев. VIII, 14).

По другому варіанту:

Онъ заутреню служилъ Пречистой Богородицѣ
На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей
На обѣдню нолагалъ онъ цѣлу тысящу.
(Гильферд., 541).

Естественно, что подобныя проявленія благочестія не могли быть неизвѣстны народу и должны были расположить послѣдній въ пользу Скопина.

Но если пѣсня смотритъ на молодого воеводу, какъ на человѣка, положившаго громадныя заслуги, и видитъ въ немъ спасителя Московскаго Государства, то историческая наука далеко не раздѣляетъ этого взгляда. Исторія, эта безпристрастная повѣствовательница событій, поучаетъ, что сила князя Скопина опиралась на искусныхъ ратникахъ иноземныхъ, что безъ нихъ онъ ничего не могъ сдѣлать: останавливался, когда они уходили; затѣмъ, таже исторія свидѣтельствуетъ, что значительною долею своихъ успѣховъ Скопинъ обязанъ былъ вступленію Сигизмунда въ московскіе предѣлы, такъ какъ король прогналъ Лже-Димитрія и Рожинскаго изъ Тушина и заставилъ Сапѣгу снять осаду Троицкаго монастыря. Но Сигизмундъ былъ далеко, подъ Смоленскомъ, а москвичи, видя, что Тушино опустѣло и Сапѣга ушелъ отъ Сергіевской Лавры, какъ только князь Скопинъ приблизился къ Москвѣ, одному ему и приписали весь успѣхъ дѣла. (Соловьевъ, т. VIII, гл. VI). Вотъ какимъ образомъ объясняетъ исторія ту странность, что Скопинъ, не ознаменовавъ себя ни однимъ блистательнымъ подвигомъ, ни одною изъ тѣхъ побѣдъ, которыя такъ поражаютъ воображеніе народа, такъ долго живутъ въ его памяти, успѣлъ однако сдѣлаться его любимцемъ

Гораздо ближе къ исторической истинѣ содержаніе пѣсни о Прокофіи Ляпуновѣ, заслуга котораго, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что въ то время, какъ въ Москвѣ хозяйничали приполцы онъ успѣлъ возбудить противъ нихъ города Московскаго Государства, и, соединившись съ казаками Трубецкаго и Заруцкаго, пойти во главѣ земскаго

ополченія на непрошенныхъ гостей, которые вскорѣ увидѣли себя запертыми въ столицѣ. Предпріятіе Ляпунова, начатое такимъ блестящимъ образомъ, навѣрно, увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ,—положило бы конецъ смутамъ въ Московскомъ государствѣ—еслибы дѣлу не помѣшалъ надменный и властолюбивый характеръ самого Ляпунова. Ему нужно было отдѣлаться отъ Трубецкаго и Заруцкаго, съ которыми онъ не хотѣлъ дѣлить первенствующей роли въ государствѣ; и и вотъ онъ, понадѣявшись на земство, которое было на его сторонѣ, сталъ непомѣрно строгъ къ казакамъ, и жестоко наказывалъ послѣднихъ за ихъ безчинства, чѣмъ, конечно, возбудилъ въ себѣ ихъ ненависть. Этимъ воспользовался запертый въ Москвѣ Гонсѣвскій, успѣвшій убѣдить казаковъ въ томъ, что Ляпуновъ задумалъ всѣхъ ихъ извести. Казаки собрались въ кругъ, потребовали къ себѣ Ляпунова и, не довольствуясь объясненіями этого послѣдняго, убили его. (Слов. 7. 8; стр. 423—425). Содержаніе пѣсни о Ляпуновѣ слѣдующее (Кирѣев. VII, 17).

Настало для Московскаго царства время лихое: наѣхала на Москву Литва со своимъ королемъ. Многіе русскіе бояре измѣнили своей родинѣ, покинули вѣру христіанскую и предались королю. Одинъ только бояринъ Прокофій Ляпуновъ не захотѣлъ поддаться ему и задумалъ освободить всю Москву отъ наѣздниковъ. Съ этою цѣлью разосдалъ онъ во всѣ концы русской земли гонцовъ съ требованіемъ оказать помощь столицѣ. и подоспѣвшіе на выручку столицы военные люди изъ большихъ русскихъ городовъ—Казани, Нижняго и проч. и всѣхъ наѣздниковъ изъ Москвы повыгнали.

Такимъ образомъ, Прокофій Ляпуновъ—единственная, по мнѣнію народа, личность, не измѣнившая отечеству въ смутное для послѣдняго время. Противъ этого исторія не имѣетъ никакихъ возраженій. Согласно съ исторіею пѣсня считаетъ Ляпунова первымъ, поднявшимся на защиту Москвы; за это, какъ передаетъ пѣсня, онъ и поплатился головою, но совершилъ подвигъ, достойный истаго гражданина—освободилъ отечество отъ ненавистнаго врага. Какъ видно изъ приведеннаго содержанія, пѣсня о Ляпуновѣ

старается дать своимъ слушателямъ общее, связное представленіе не только о дѣятельности воспѣваемаго ею лица, но и обо всей Смутной эпохѣ, кратко, но вмѣстѣ довольно мѣтко, опредѣляетъ она положеніе Руси въ это время.

Переходимъ къ пѣснѣ, воспѣвающей подвигъ Козьмы Минина и князя Пожарскаго, которые, какъ извѣстно, положили конецъ смутамъ въ Россіи. Содержаніе ея (Кирѣевскій VII, 21) слѣдующее:

Нижегородскій мѣщанинъ Кузьма Сухорукій собралъ себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ „изъ удалыхъ молодцовъ — нижегородскихъ купцовъ"; вождемъ войска сталъ князь Дмитрій Пожарскій. Этотъ храбрый воевода пошелъ на выручку Москвы, взялъ ее приступомъ, истребилъ всѣхъ сидѣвшихъ въ ней непріятелей. Въ освобожденной столицѣ собираются на думу всѣ князья-бояре московскіе и провозглашаютъ Пожарскаго царемъ. Но онъ отказался отъ этой чести, считая себя недостойнымъ ея и предложилъ въ цари Михаила Өеодоровича сына Романова. Послѣдній и былъ избранъ.

Читая эту пѣсню, можно думать, что описываемыя ею событія произошли въ очень короткій промежутокъ времени, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ отъ движенія въ Нижнемъ до избранія Михаила Өеодоровича прошло почти два съ половиною года (съ Октября 1611-го по Февраль 1613-го, по сентябрьскому счету). На своемъ мѣстѣ мы постараемся объяснить это разнорѣчіе пѣсни съ исторіею; здѣсь же ограничиваемая только простымъ обозначеніемъ факта, позволяющимъ догадываться, что въ пѣснѣ нашей найдется много и другихъ неточностей, какъ напримѣръ избраніе въ цари Пожарскаго, нежеланіе послѣдняго быть царемъ—все это пѣсня выдумала, подчиняясь въ этомъ случаѣ требованіямъ народно-эпическаго творчества.

Мы видѣли, что пѣсни Смутнаго времени затрагиваютъ всѣ сколько нибудь важныя событія этой эпохи, касаются всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ исторіи лицъ; но все это отразилось въ пѣснѣ неудовлетворительно, неполно и даже иногда искаженно. Конечно, отъ пѣсни нельзя требовать того, чего мы привыкли искать въ исторіи: точ-

ности, обстоятельности и полной объективности; нельзя уже потому, что она, можно сказать, сама принимала участіе въ событіяхъ: пѣсня сложена народомъ, а безъ народа не было-бы и исторіи. Но участвуя въ событіяхъ, она, естественно, не можетъ передать разсказъ объ нихъ съ полною объективностью: иногда совершенно незамѣтно для самой себя она высказываетъ въ своемъ повѣствованіи симпатію къ какому нибудь событію или лицу, и на оборотъ (примѣромъ могутъ служить пѣсни о Шуйскомъ съ одной стороны и о Борисѣ Годуновѣ или Лже-Димитріи I-мъ — съ другой). Точно также, будучи близкимъ зрителемъ событія, пѣсня, или лучше, народъ, сложившій ее, не можетъ взглянуть на это событіе шире, и отличить существенное отъ несущественнаго: причина этого кроется въ томъ оптическомъ законѣ, по которому чѣмъ у́же поле зрѣнія, тѣмъ крупнѣе кажутся предметы, на немъ находящіеся (въ примѣръ можно привести взглядъ пѣсни на заслуги Скопина—Шуйскаго).

Отсутствіе въ пѣснѣ обстоятельности и объективности при изображеніи событій и характеристикѣ лицъ лишаетъ ее всякаго историческаго значенія. Столь же мало значенія представляютъ разобранныя пѣсни и въ эстетическомъ отношеніи: содержаніе ихъ крайне скудно и однообразно; форма лишена художественной изобразительности. Исключеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляютъ пѣсни, записанныя для баккалавра Ричарда Джемса, которыя Буслаевъ считаетъ лучшими историческими пѣснями XVII го вѣка. Взглядъ этого почтеннаго знатока народной поэзіи раздѣляемъ и мы, но достоинство ихъ, вопреки рѣшительному заявленію Буслаева, видимъ не въ историческомъ, а въ лирическомъ значеніи ихъ. Такъ, пѣсня о смерти Скопина поэтически прекрасна, по нашему мнѣнію, только тѣмъ, что необыкновенно картинно изображаетъ злорадство бояръ по случаю смерти этого молодого воеводы и печаль о немъ народа; точно также пѣсня о Ксеніи Борисовнѣ Годуновой прекрасна именно тѣмъ, что отъ начала до конца проникнута глубокимъ лиризмомъ, какъ это читатель могъ замѣтить изъ приведенныхъ нами выше отрывковъ ея.

Но если пѣсни о Смутномъ Времени не удовлетворяютъ

ни пытливаго историка ни притязательнаго эстетика, за то онѣ получаютъ высокую цѣну въ глазахъ изслѣдователя, ищущаго въ нихъ выраженія народнаго сознанія. Это послѣднее проявляется въ мотивахъ народной пѣсни, въ идеѣ, положенной въ ея основаніе; мотивами же разобранныхъ нами пѣсенъ служатъ не фразы, не пустые звуки, но такіе идеалы, которые, вошедши въ кровь и въ плоть русскаго народа, создали ихъ могущественный политическій организмъ и которымъ этотъ народъ за все время своей исторической жизни не измѣнялъ еще ни разу. Идеалами этими являются: царь и православіе! Если пѣсня сочувствуетъ какому нибудь лицу, то только за то, что оно обнаружило стремленіе защищать царя и православіе (Скопинъ—князь, Ляпуновъ, Пожарскій); если она изображаетъ какое нибудь событіе, то, навѣрно, дѣло идетъ опять-таки объ этихъ двухъ великихъ принципахъ русской исторической жизни.

Глава 2.

Эпоха первыхъ двухъ государей изъ династіи Романовыхъ (1613—76 г.).

Къ царствованію Михаила Θеодоровича относятся всего двѣ пѣсни: 1) Пріѣздъ Филарета Никитича въ Москву (Кир. VII, 124) и 2) Смерть Карамышева (ib. 129).

Первая изъ нихъ описываетъ возвращеніе митрополита Филарета изъ польскаго плѣна въ іюнѣ 1619 г. Возвращеніе это имѣло характеръ тріумфальнаго шествія, какъ можно видѣть изъ историческаго описанія его: „....Въ Можайскѣ встрѣтили Филарета Рязанскій архіепископъ Іосифъ, бояринъ князь Дмитрій Мих. Пожарскій, да окольничій князь Волконскій; подъ Звенигородомъ, въ Савинѣ монастырѣ встрѣтили: архіепископъ вологодскій, бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ и окольничій Пушкинъ. Въ селѣ Никольскомъ, что на Пескахъ, отъ Звенигорода въ 10 верстахъ: митрополитъ Крутицкій, бояринъ князь Дмитрій Тимофѣевичъ

Трубецкой и окольничій Бутурлинъ. По переѣздѣ черезъ рѣку Ходынку встрѣтили московскія власти, всѣ бояре, дворяне и приказные люди; послѣ бояръ встрѣтили гости, торговые и всякіе жилецкіе люди. 14-го іюня, не доѣзжая рѣчки Прѣсни, встрѣтилъ митрополита самъ царь и поклонился отцу въ ноги; Филаретъ сдѣлалъ тоже самое передъ сыномъ и царемъ, и долго оба оставались въ этомъ положеніи, не могши ни тронуться ни говорить отъ радостныхъ словъ. Поздоровавшись съ сыномъ, Филаретъ сѣлъ въ сани, а государь со всѣмъ народомъ шелъ пѣшкомъ впереди; за Филаретомъ шелъ Шереметьевъ съ товарищами" (Соловьевъ. 7. IX., 163).

Такая торжественная встрѣча, устроенная Филарету, не могла, конечно, не произвести глубокаго впечатлѣнія на народъ, который всегда больше всего поражается внѣшностью, и, вотъ, результатомъ этого впечатлѣнія была пѣсня, сложенная народомъ вслѣдъ за самымъ событіемъ. Содержаніе ея слѣдующее.

Возрадовалось все Царство Московское и вся земля свято-русская: изъ невѣрной Литвы возвращается государь Филаретъ Никитичъ, а съ нимъ много знатныхъ князей—бояръ. На встрѣчу ему вышелъ изъ Москвы самъ царь Михаилъ Θеодоровичъ и, привѣтствовавъ его, отправится съ нимъ къ Пречистой соборной; тамъ Фираретъ благословилъ своего милаго сына.—

Конечно, для того, чтобы понять, какъ отразилось въ пѣснѣ это событіе, необходимо прочесть ее. Замѣтимъ только, что уже самый предметъ—выходъ царя, его привѣтствіе съ отцомъ, уваженіе, оказанное послѣднему—заключаетъ въ себѣ очень много поэтическаго, способнаго затронуть чувство воспріимчиваго и чуткаго къ поэзіи народа, какъ русскій. Всѣ поэтическія сцены этой встрѣчи онъ тотчасъ-же воспроизвелъ по-своему и выразилъ въ простой, но необыкновенно прекрасной рѣчи царя:

„Дай, Господи, здоровъ былъ государь мой батюшко.
„А батюшко государь Филаретъ Никитичъ!"

и въ такой же рѣчи Филарета:

„И дай, Господи, здоровъ былъ православный царь
„Князь великій Михаилъ Ѳеодоровичъ;
„А ему вдержати царство Московское
„И вся земля свято русская!“

Царь Михаилъ изображенъ въ пѣснѣ добрымъ сыномъ, нѣжно-любящимъ своего родителя, и примѣрнымъ христіаниномъ: увидѣвъ отца въ вожделѣнномъ здравіи.

Не пошли они въ хоромы въ царскіе
А пошли они къ Пречистой соборной
А пѣти честныхъ молебеновъ.

Вторая изъ вышеозначенныхъ пѣсенъ описываетъ убіеніе воеводы Карамышева донскими казаками, случившееся въ 1630 г. (Слов. 7. IX стр. 284—5). Вотъ, какъ повѣствуетъ объ этомъ пѣсня:

Карамышевъ пріѣхалъ на Донъ съ царскою грамотою; ему предшествовала молва, что онъ собирается перевѣшать всѣхъ казаковъ. Казаки собрались въ кругъ слушать царевъ указъ:

Посередь круга становился царевъ бояринъ.
Онъ началъ читать государевы для нихъ указы.
Дочитался онъ до царскаго только титула
Казаки тотчасъ всѣ шапки тутъ поснимали,
А большой-то царевъ бояринъ шляпы не снялъ.

За такое явное непочитаніе царской власти казаки, недолго думая, отрубили ему голову, говоря:

„Почитай ты, большой бояринъ, государя,
„Не гордися ты предъ нимъ, бояринъ, и не славься“!

Въ своемъ самоуправствѣ они принесли царю повинную. Такимъ образомъ пѣсня воспользовалась историческимъ фактомъ убіенія Карамышева для того, чтобы выразить чувство

благоговѣнія, которымъ проникнутъ народъ къ царской власти и къ царскому имени!

Къ царствованію Алексѣя Михайловича относятся слѣдующія пѣсни: 1) Московскій пожаръ (Кирѣевскій VII); 2) Земскій соборъ (Рыбниковъ II—236, III—267; Гильфердингъ—789 и 827); 3) подъ Ригою (Сахаровъ IV—353; Кирша Даниловъ—299; Кирѣев. VII, 44); 4) Битва подъ Конотопомъ (Кирша Даниловъ—288; Сахаровъ—IV—355; Кирѣевскій VII—25, 26); 5) Осада Соловецкаго монастыря (Калѣки перехожіе" 675 и 679); 6) Смерть царя Алексѣя Михайловича (Кирѣевскій VII, 45, 48) и пѣсни о Стенькѣ Разинѣ. Содержаніе пѣсни о Московскомъ пожарѣ слѣдующее:

Ключница боярина Шереметьева заронила ночью искорку въ пороховой казнѣ его: вспыхнулъ пожаръ, отъ котораго загорѣлась вся Москва. Вотъ какимъ образомъ, по мнѣнію пѣсни, произошелъ пожаръ 1648 года, опустошившій столицу.

Едва ли нужно заботиться о сличеніи этого мнѣнія съ историческимъ объясненіемъ Майскаго бѣдствія въ Москвѣ. Пѣсня въ данномъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ исторіею. Она даже не сопоставляетъ пожара Москвы съ народнымъ мятежемъ, происшедшимъ въ столицѣ одновременно; ей, повидимому, мятежъ этотъ неизвѣстенъ: ни однимъ словомъ не намекаетъ она на него. А между тѣмъ нельзя, казалось бы, ей не знать объ немъ: вѣдь произведенъ мятежъ тѣмъ же самымъ народомъ, который сложилъ пѣсню про пожаръ! Но описать мятежъ и попытаться объяснить его хотя бы, такъ сказать, мимоходомъ, могъ бы только народъ, въ извѣстной степени уже созрѣвшій, а таковой едва-ли станетъ слагать пѣсни, ибо народная пѣсня требуетъ не ума, не глубокомыслія, а чувства и ничѣмъ нестѣсняемой фантазіи. Одаренный такими качествами народъ, какъ и отдѣльная личность, любитъ, правда, искать отвѣтовъ на зараждающіеся въ его головѣ вопросы; но послѣдніе никогда не касаются сущности явленія, не обнаруживаютъ попытокъ раскрыть самую глубь его, а направлены къ объясненію одной,

такъ сказать, внѣшней его стороны. Оно и понятно: внѣшность болѣе интересуетъ дѣтскій умъ, чѣмъ сокровенная причина ея. Согласно съ этимъ, и наша пѣсня не раскрываетъ внутреннихъ причинъ народнаго бѣдствія, не заглядываетъ въ глубь его, а объясняетъ лишь внѣшній поводъ, т. е. останавливается не на существенномъ, а на случайномъ. Дѣтскій умъ народа не могъ остаться непораженнымъ тѣмъ, что отъ одной какой нибудь искорки могла сгорѣть вся обширная Москва, и вотъ—онъ выдумываетъ исторію про искру, зароненную въ пороховую казну боярина Шереметьева, а чтобы съ большею силою выразить ничтожность причины страшнаго бѣдствія, онъ заставляетъ заронить эту искру женщину. Мысль о томъ, что какая нибудь глупая баба сгубила Москву, безъ сомнѣнія, еще болѣе поражала народное воображеніе.

Въ начальныхъ стихахъ пѣсни можно бы, пожалуй, усматривать желаніе народа взглянуть на причину пожара глубже: на вопросъ

„Отчего, братцы, наша каменна Москва загоралася?“

Пѣсня отвѣчаетъ:

„Загоралася отъ большихъ господъ!“

но тутъ же прибавляетъ:

„Отъ большихъ господъ, отъ большихъ домовъ!“

и вслѣдъ за тѣмъ разсказываетъ про неосторожность ключницы. Слѣдовательно, большіе господа если и виновны въ пожарѣ Москвы, но лишь тѣмъ, что у нихъ есть большіе домà, а въ этихъ домахъ бываютъ пороховые погреба, отъ которыхъ не трудно приключиться пожару. Ясно, стало быть, что „большіе господа“ тутъ не причемъ...

Земскій соборъ происходилъ по пѣснѣ такимъ образомъ. Созывалъ Алексѣй Михайловичъ всѣхъ бояръ на Лобное мѣсто въ Москвѣ и велѣлъ имъ подать ему совѣтъ относительно того, согласиться-ли на предложеніе Свицкаго короля, который проситъ у царя Смоленска, а самъ даетъ за него Ханеву землю. Князья: Астраханскій (изъ большихъ

бояръ) и Бухарскій (изъ среднихъ) совѣтуютъ принять это предложеніе, ибо по ихъ мнѣнію:

Смоленскъ есть строенье не Московско,
Смоленскъ есть строенье Литовско;
Въ Смоленскѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,
Въ Смоленскѣ казны нѣтъ ни копѣйки.
Государю тѣ и рѣчи не слюбилися.

Тогда князь Данило Милославскій сталъ доказывать, что Смоленска отдавать никому не слѣдуетъ, потому что въ немъ и казны много, и стрѣльцовъ сорокъ тысячъ, и строенье-то онъ—московское, не литовское. Царю эта рѣчь понравилась: Милославскаго онъ послалъ въ Смоленскъ воеводою, а тѣхъ двоихъ бояръ велѣлъ повѣсить.

Никакихъ признаковъ Земскаго собора не находимъ мы въ этой пѣснѣ, ибо, хотя въ одномъ варіантѣ ея (Рыбниковъ II—236) царь и обращается сначала къ князьямъ-боярамъ, потомъ къ купцамъ богатымъ и, наконецъ, къ дѣдушкамъ-солдатамъ, однако всюду держатъ рѣчь передъ нимъ только князья: Астраханскій, Бухарскій и Милославскій, или же бояре: Тим. Ив. Казанскій, Илья Ив. Хованскій и тотъ же Милославскій. (Гельфердингъ, 828). Въ виду этого непонятно, почему пѣсня названа „Земскимъ соборомъ“.

Въ высшей степени характеристично въ пѣснѣ то обстоятельство, что царь охотно вѣритъ словамъ Милославскаго, старающагося представить Смоленскъ въ выгодномъ свѣтѣ, и это послѣ того, какъ два знаменитыхъ боярина, князь Астраханскій и князь Бухарскій, выказали всю ничтожность этого города. Пѣсня наивно объясняетъ эту странность царя Алексѣя Михайловича тѣмъ, что рѣчи Милославскаго ему понравились, а тѣхъ двухъ бояръ пришлись не по сердцу. Но такое предпочитаніе царемъ того, что́ нравится тому, что не нравится, приводитъ къ мысли о прихотливости царскаго нрава, которому ни почемъ оставить безъ вниманія слова ученыхъ людей и послѣдовать совѣту одного какого нибудь льстеца. Понятно, однако, что пѣсня не рѣшится бросить ни малѣйшей тѣни на личность обожаемаго народомъ царя, и вотъ, чтобы выйти изъ затрудненія, она называетъ первыхъ двухъ совѣтниковъ то Астраханскимъ и Бухар-

скимъ, то Казанскимъ и Хованскимъ, намекая этимъ на ихъ иноземное, не русское происхожденіе, а слѣдовательно и на возможную съ ихъ стороны измѣну. Ясно, что отъ мудраго царя не скрылся злой ихъ умыселъ и что коварныхъ совѣтниковъ неминуемо постигнетъ заслуженная кара; этимъ только и можно объяснить приказъ царя—казнить первыхъ двухъ бояръ.

Въ пѣснѣ „Подъ Ригою“ разсказывается слѣдующее:

Царь Алексѣй Михайловичъ три года стоялъ подъ Ригою, наконецъ сталъ собираться въ Москву; узнавъ объ этомъ, солдаты стали просить царя взять и ихъ съ собою, говоря:

„Ужъ и такъ намъ-де Рига наскучила,
„Онаскучила намъ Рига, напроскучила:
„Много холоду, голоду приняли,
„Наготы, босоты вдвое того!“

Царь на это имъ отвѣчаетъ:

„А и дѣтушки, вы, солдаты новобранные!
„Не однимъ вамъ Рига-то наскучила,
Самому мнѣ государю напроскучила“!

и заключаетъ свои слова обѣщаніемъ отворить для нихъ въ Москвѣ всѣ свои погреба, „что съ пивомъ, съ виномъ—меды сладкіе“ (Кирѣевскій VII, 44).

Излишне, кажется, упоминать о томъ, что содержаніе пѣсни ни мало не подтверждается исторіей. Даже такой крупный фактъ, какъ время стоянки подъ Ригою, обозначенъ въ пѣснѣ не вѣрно, ибо исторически извѣстно, что Алексѣй Михайловичъ осаждалъ этотъ городъ не три года, а всего лишь одинъ мѣсяцъ. Но не въ этомъ сила: пѣсня не гоняется за историческою истиною, иногда послѣдняя съ умысломъ въ ней переиначена. Такъ напр. въ данномъ случаѣ про трехъ-лѣтнюю осаду говорится единственно съ тою цѣлью, чтобъ показать выносливость русскихъ солдатъ, они

Много голоду, холоду приняли,
Наготы, босоты вдвое того

Но и выносливость эта имѣла свои предѣлы: далѣе переносить лишенія стало не втерпежъ. И вотъ они порѣшили снять надоѣвшую имъ осаду. Но, принявъ такое рѣшеніе, они не подымаютъ знамя бунта, не обнаруживаютъ самоволія, а обращаются къ царю съ покорною просьбою, имѣющею за собою тѣмъ большее основаніе, что и самъ царь рѣшился покинуть Ригу:

„А свѣтъ государь, благовѣрный царь!
„Ты изволишь снаряжаться въ каменну Москву:
„Не оставь ты насъ бѣдныхъ подъ Ригою!“

И царь милостиво выслушиваетъ ихъ просьбу, исполняетъ ихъ желаніе, мало того: обѣщаетъ, за прибытіемъ въ Москву, вознаградить ихъ за долгое терпѣніе.

Такимъ образомъ и въ этой пѣснѣ народъ остается вѣренъ своему исконному взгляду на царя, какъ на воплощеніе справедливости и снисходительности къ нуждамъ своихъ подданныхъ.

„Осада Соловецкаго монастыря“.

Исторія повѣствуетъ объ этомъ событіи слѣдующее (Соловьевъ. 7. XI, гл. 5).

Братья этого знаменитаго русскаго монастыря отказались принять новоисправленныя книги и не захотѣли признавать игуменовъ, поставляемыхъ московскимъ правительствомъ. Такого рода дѣйствія не могли остаться безнаказанными. Алексѣй Михайловичъ послалъ туда въ 1668 г. стряпчаго Игнатія Волохова съ отрядамъ стрѣльцовъ. Въ 1672 г. Волоховъ былъ замѣненъ стрѣлецкимъ головой Клементьемъ Іевлевымъ; но и онъ былъ отозванъ въ Москву, а на его мѣсто присланъ въ слѣдующемъ году воевода Иванъ Мещеряковъ, который повелъ правильную осаду. Братья упорно защищались, и осада продлилась бы, неизвѣстно, сколько времени, если-бы перебѣжчикъ, монахъ Ѳеоктистъ, не указалъ Мещерякову отверстія въ стѣнѣ, сквозь которое госу-

царевы стрѣльцы безъ труда могли пробраться въ самый монастырь. Вторженіе произведено было ночью; монахи были схвачены; одни изъ нихъ казнены, другіе переселены на жительство въ иныя обители. (въ 1676 г.).

По пѣснѣ, дѣло это происходило нѣсколько иначе. Собрались въ Москвѣ на большой площади всѣ бояре и воеводы и выбрали изъ своей среды воеводою самаго замѣчательнаго боярина Ивана Петровича Салтыкова. Приходитъ Салтыковъ къ царю Алексѣю Михайловичу. Царь велитъ ему идти въ Соловецкій монастырь, уничтожить въ немъ старую, правую вѣру и насадить тамъ новую. Салтыковъ осмѣлился было замѣтить, что не годится подымать руку на такое святое мѣсто, какимъ была Соловецкая обитель. Но царь пригрозилъ ему казнью, вслѣдствіе чего воевода, испросивъ у государя значительную военную силу, отправился въ походъ. Монастырская братья, завидѣвъ московское войско, рѣшились дѣйствовать такъ, чтобы и царя не разгнѣвать и монастырь спасти:

Выходили же старцы,
Они пушки заряжали,
Пыжами забивали.
Пускали же пушки
Поверхъ той силы:
Чтобы силы не побити,
Царя не прогнѣвати. (Калѣки перехож. 7. I, 678).

По другому варіанту, старцы не оказываютъ ни малѣйшаго сопротивленія царскимъ войскамъ, и умираютъ, будучи увѣрены, что имъ довелось принять вѣнецъ мученическій.—Пѣсня влагаетъ имъ въ уста слѣдующія слова:

„Уже мы головы полагаемъ,
„Мы постарому отслужимъ,
„И мы вѣчные слуги Богу будемъ,
„И во царствіи съ нимъ прибудемъ!“ (ib. 680).

Выражающееся въ этой пѣснѣ сочувствіе къ старцамъ Соловецкой обители даетъ право думать, что сложена она

людьми одинаковыхъ съ ними убѣжденій, т. е. раскольниками: вѣра ихъ называется въ пѣснѣ „старою, правою" въ противуположность „неправой", которую предлагаетъ имъ правительство. Любопытнѣе всего то обстоятельство, что Алексѣй Михайловичъ, посылая Салтыкова на Соловки, приказываетъ ему:

„Ты порушь ихъ вѣру старую, правую,
„Постановь вѣру новую, неправую!"

Такимъ образомъ царь какъ бы самъ совнается въ томъ, что онъ предпринимаетъ дѣло несправедливое. Мы потому сочли нужнымъ указать на это, что чувство благоговѣнія передъ верховною властью составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ существеннѣйшихъ особенностей въ характерѣ русскаго народа: влагая же въ уста царя приведенныя выше слова, народъ впадалъ бы въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, но на самомъ дѣлѣ тутъ нѣтъ никакого противорѣчія: царь послалъ войско на соловецкихъ старцевъ, видимо, въ минуту гнѣва, который они, вѣроятно, чѣмъ нибудь заслужили; но минута эта прошла, государь умилостивился и тотчасъ же рѣшилъ исправить свою поспѣшность: онъ

Посылаетъ гонцы скоры,
Чтобы догоняли поскорѣя,
Чтобы монастырь той не разоряли,
Стару вѣру не рушили. (ib.).

Не государева вина, если сталось иначе, если стрѣльцы Салтыкова

Монастырь той разорили,
Старую вѣру порушили,
Всѣхъ монаховъ истребили,
А иныхъ же порубили. (ib.).

Содержаніе пѣсни объ осадѣ Соловецкаго монастыря, какъ видимъ, не соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ; даже главныя дѣйствующія лица не одни и тѣже. Исторія

повѣствуетъ намъ о стряпчемъ Игнатіи Волоховѣ, стрѣлецкомъ головѣ Іевлевѣ и воеводѣ Мещеряковѣ, между тѣмъ пѣсня говоритъ объ одномъ лишь Салтыковѣ.

Послѣдній, правда, личность историческая; но исторія отводитъ ему далеко не ту роль, о которой поется въ пѣснѣ. Воеводѣ Петру Михайловичу (въ пѣснѣ: Ивану Петровичу) Салтыкову поручено было въ 1662 г. заняться вмѣстѣ съ рязанскимъ архіепископомъ Иларіономъ подготовительными работами для собора восточныхъ патріарховъ, по дѣлу Никона (Солов. 7 XI, стр. 287).

Не подлежитъ сомнѣнію, что воевода этотъ слылъ умнымъ человѣкомъ, если ему поручили такое важное дѣло. Очень можетъ быть, что съ этой именно стороны извѣстенъ онъ сталъ и народу; по крайней мѣрѣ пѣсня называетъ его „изъ большихъ большимъ бояриномъ". Но возможно также и то, что фамилія эта является въ пѣснѣ какъ анахронизмъ; послѣднее предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что одинъ изъ варіантовъ называетъ Салтыкова „генераломъ" (ib. 679). Какъ бы то ни было, но только усмиритель соловецкихъ старцевъ не одинъ и тотъ же въ пѣснѣ и въ исторіи. Причина царскаго гнѣва на послѣднихъ также не одинакова; въ пѣснѣ ея даже вовсе нѣтъ, а все дѣло выставлено въ такомъ свѣтѣ, какъ будто „преподобные отцы" (ib.). потерпѣли совершенную напраслину. Монастырь называетъ пѣсня святымъ, братью — преподобными отцами, святыми старцами, игумена ихъ — честнымъ; гнѣвъ царскій монахами не заслуженъ, тѣмъ не менѣе они не оказываютъ ни малѣйшаго сопротивленія подступившему войску и даже не ропщутъ на государя; умираютъ съ твердостью духа и съ полною вѣрою, что Богъ даруетъ имъ за такую мученическую смерть жизнь вѣчную. Это идеальное изображеніе соловецкихъ старцевъ нимало не оправдывается несомнѣнными показаніями исторіи; послѣдняя, напротивъ, свидѣтельствуетъ, что въ соловецкой обители творилось весьма многое, достойное полнаго порицанія (Солов. стр. 403).

Гораздо болѣе исторической правды въ изображеніи характера Алексѣя Михайловича. Какъ извѣстно, царь Алексѣй Михайловичъ былъ мягкаго нрава, но вспыльчивъ

и не рѣшителенъ. Пѣсня передаетъ тѣже черты: царь не допускаетъ ни какихъ возраженій. Такъ, Салтыкову, вздумавшему было отказаться отъ возложеннаго на него порученія, царь грозитъ казнью.

Какъ возговоритъ воевода
„О великій государь-царь!
„Не могу я сего сдѣлать,
„Не могу сего подумать
Чтобъ монастырь той разорити,
Старую вѣру порушити!“
Какъ возговоритъ государь-царь:
„О добромъ ты, воевода!
„Повелю тебя казнити,
„Руки, ноги отрубити!“

Нерѣшительность царя выражается въ пѣснѣ тѣмъ, что пославъ на Соловецкую обитель войско, онъ вслѣдъ за тѣмъ посылаетъ гонца съ приказаніемъ оставить въ покоѣ благочестивыхъ старцевъ.

Такъ какъ пѣсня задалась цѣлью выказать невинность „преподобныхъ отцевъ“, то послѣдніе въ ней, вопреки всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, ничего не предпринимаютъ для своей защиты отъ царскаго войска. Какъ на дальнѣйшее послѣдствіе этого, надо смотрѣть на ту особенность, что пѣсня совершенно умалчиваетъ о такомъ важномъ фактѣ, какимъ была для Соловецкаго монастыря измѣна одного изъ монаховъ его. Умолчанію объ этомъ фактѣ не мало, думаемъ, могъ содѣйствовать и монашескій санъ предателя, никогда не теряющій въ глазахъ народа своей святости.

„Битва подъ Конотопомъ“.

Содержаніе этой пѣсни слѣдующее:

Подъ Конотопомъ, за рѣкою Переправою, за деревнею Соснѣкою, сражались царскіе полки съ крымскими погаными Татарами; вождемъ первыхъ былъ князь Семенъ Романовичъ Пожарскій. Не смотря на всю свою храбрость, онъ попался въ плѣнъ. Крымскій ханъ предлагаетъ ему большія

почести и богатства, если онъ согласиться служить у него. Но Пожарскій иронически замѣчаетъ, что будь у него руки, ноги развязаны, имѣй онъ въ рукахъ саблю вострую, то онъ сослужилъ бы хану службу по его толстой шеѣ. Ханъ, разсердившись, велѣлъ казнить его. Приговоръ былъ исполненъ, при чемъ Пожарскій былъ изрубленъ въ куски.

Исторически извѣстно, что воевода московскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ гетмана Выговскаго и его союзника, крымскаго хана, бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой подступилъ 19-го апрѣля 1659 года къ Конотопу и безуспѣшно осаждалъ этотъ городъ до 27-го іюня, когда явился туда Выговскій вмѣстѣ съ ханомъ крымскимъ. „Оставивши всѣхъ Татаръ и половину казаковъ своихъ въ закрытомъ мѣстѣ, за рѣчкою Сосновкою, съ другою половиною казаковъ Выговскій подкрался подъ Конотопъ, на разсвѣтѣ ударилъ на осаждающихъ, перебилъ у нихъ много людей отогналъ лошадей и началъ отступать. Воеводы, думая, что непріятельскаго войска только и есть, отрядили для его преслѣдованія князя Семена Петровича Пожарскаго и князя Семена Петровича Львова съ конницею. 28-го іюня Пожарскій нагналъ Черкасъ, поразилъ и погнался за отступавшими, все болѣе и болѣе удаляясь отъ Конотопа. Тщетно языки показывали, что впереди много непріятельскаго войска, — и остальная половина казаковъ и цѣлая орда съ ханомъ и Калгою: передовой воевода ничего не слушалъ и шелъ впередъ. „Давайте мнѣ ханишку“, кричалъ онъ: давайте Калгу! Всѣхъ ихъ съ войскомъ вырубимъ и выплѣнимъ!“ Но только что успѣлъ онъ перегнать Выговскаго за болотную рѣчку Сосновку и самъ перебрался за нее со всѣмъ отрядомъ, какъ выступили многочисленныя толпы Татаръ и казаковъ, и разгромили совершенно Москву. Пожарскій и Львовъ попались въ плѣнъ; Пожарскаго привели къ хану, который началъ выговаривать ему за его дерзость и презрѣніе силъ татарскихъ. Но Пожарскій былъ одинаковъ и на полѣ битвы и въ плѣну: выбранивъ хана „по московскому обычаю“, онъ плюнулъ ему въ глаза, и тотъ велѣлъ тотчасъ же отрубить ему голову“ Мы нарочно позволили себѣ сдѣлать такую большую выписку изъ исторіи

Соловьева (т. XI, стр. 59), который заимствовалъ всѣ эти свѣдѣнія у малороссійскаго лѣтописца Велички, чтобы доставить читателю возможность судить, въ какой степени пѣсня въ этомъ случаѣ сходна съ исторіею: не только самое событіе и главный герой его и здѣсь и тамъ одни и тѣже, но и всѣ подробности этого событія, даже топографическія обозначенія отличаются въ пѣснѣ историческою точностью и опредѣленностью. Такое согласіе пѣсни съ исторіею обусловлено въ данномъ случаѣ характеромъ самаго события. Народъ не могъ быть не пораженъ воинственною храбростью князя Пожарскаго, его молодецкою удалью и смѣлостью, обнаруженною имъ предъ лицемъ самого хана, отъ котораго ужъ, конечно, нельзя было ожидать добра, да еще послѣ такихъ дерзкихъ рѣчей! Такая безпримѣрная смѣлость роднила московскаго воеводу въ представленіи народа съ былинными богатырями, и народъ сложилъ про него пѣсню. Самое событіе, послужившее ея содержаніемъ, было до такой степени замѣчательно, такъ близко подходило къ подобнымъ же произведеніямъ народной фантазіи, что не за чѣмъ было прибѣгать къ обычнымъ былиннымъ пріемамъ—преувеличиванію и переиначиванію—и вотъ народъ вноситъ въ свою пѣсню всѣ фактическія данныя, остается вѣренъ исторіи въ малѣйшихъ подробностяхъ. Одна только смерть князя Пожарскаго—обезглавленіе его,—могла показаться народу недостаточнымъ съ татарской точки зрѣнія возмездіемъ за оскорбленіе хана, и народъ заставляетъ послѣдняго произнести слѣдующій приговоръ:

„Поведите Пожарскаго далече во чисто поле,
„Изрубите Пожарскаго въ кусочки пирожные,
„Раскидайте Пожарскаго по тому полю чистому,
„По тому полю чистому, по раздольямъ широкіимъ“! (Кирѣевскій VII, 27).

Этотъ произволъ въ изображеніи смерти кн. Пожарскаго повлекъ за собою, какъ неизбѣжное логическое последствіе, дополненіе историческаго разсказа: пѣсня не могла оставить покойнаго воеводу на поруганіе поганымъ тата-

рамъ. Воевода былъ христіанинъ и уже одного этого было бы достаточно для того, чтобы предать тѣло его честному погребенію; къ тому же и безпримѣрная смѣлость покойнаго князя осталась бы безъ награды, еслибы народъ ограничился однимъ только изображеніемъ его смерти. И вотъ, какъ бы въ силу этихъ соображеній, пѣсня посылаетъ на мѣсто казни двухъ казаковъ подобрать разсѣянныя по полю куски тѣла покойника; они

Собирали бѣло тѣло во комочку хрущатую (ib. 27)

и приносили его въ Конотопъ, гдѣ на ту пору „пригодился епископъ быть“ (ib. 30). Отслужена была панихида вовремя которой

...люди дивовалися,
Что его тѣло вмѣстѣ срасталося (ib).

Этимъ пѣсня какъ бы хотѣла наградить подвигъ покойнаго воеводы.

„Смерть царя Алексѣя Михайловича“.

Загудѣли въ Москвѣ колокола, тихо стало во всей столицѣ: государь царь кончается. Съѣзжались во дворецъ всѣ князья, всѣ бояре присутствовать при кончинѣ государя. Подошла къ царскому ложу царица съ царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ и спросила государя, кому онъ оставляетъ свое величество, кому поручаетъ царство московское. Государь отвѣтилъ:

„Оставляю свое величество
„Я царевичу Петру Алексѣевичу,
„Вручаю я царство Московское
„Я бояриву князю Голицыну!“

Съ этими словами царь преставился.

Само собою разумѣется, что царь Алексѣй Михайловичъ не говорилъ такихъ рѣчей при своей кончинѣ, да и не было никому нужды спрашивать, какія будутъ на этотъ счетъ его распоряженія, ибо для всякаго было очевидно, что престолъ законно перейдетъ къ старшему сыну царя Алексѣя, Өеодору.

Приведенные выше стихи пѣсни свидѣтельствуютъ съ одной стороны только о томъ, что она сложена не раньше правленія царевны Софіи, а съ другой—что въ Голицынѣ, который управлялъ Московіею вмѣстѣ съ Софіей Алексѣевной, народъ видѣлъ власть, освященную волею покойнаго государя. Имя же царевича Петра доказываетъ, что народъ отлично зналъ, къ кому современемъ должно перейти Московское царство.

Пѣсня во всѣхъ своихъ варіантахъ (число 4) изображаетъ исключительно внѣшнюю сторону событія: она подробно описываетъ гробъ, облаченіе клира и т. под., но изображенія характера покойнаго государя не касается. Ясно, стало быть, что дѣтская впечатлительность народа поражена была не тѣмъ, что царь умеръ, а тѣмъ, что его хоронили при такой, а не иной обстановкѣ. Этимъ наивнымъ, чисто ребяческимъ отношеніемъ къ событію, характеризующимъ всю народную поэзію, объясняется между прочимъ и то, почему пѣсня столь подробно останавливается на описаніи царскихъ похоронъ:

Съѣзжаются къ государю царю князья-бояре,
Купцы, братцы, богатые, всѣ вельможи.
Строютъ ему гробницу золотую,
Унизанную крышечку жемчужну;
По уголошкамъ кладутъ камни драгоцѣнны.
Въ унывный большой колоколъ зазвонили
Понесли государя царя хоронити.
Впередъ несутъ гробницу золотую,
За гробницей идутъ попы, дьяки,
За попами идутъ архіереи,
За ними ведутъ милосерду государыню:
Подъ праву руку ведетъ большой сынъ,
А подъ лѣву ведетъ меньшой сынъ,
Утираетъ ей горючи слезы мила доченька.

Своеобразно изобразила пѣсня плачъ государыни, лишившейся своего мужа: знать, сильно тужила царица, если нужно было вести ее подъ руки и утирать проливаемыя ею слёзы!

Мы видѣли, какъ отразились въ пѣснѣ событія, относящіяся ко времени царствованія первыхъ двухъ государей изъ дома Романовыхъ. Мы высказали свои соображенія по этому поводу. Намъ остается указать теперь на тотъ кругъ идей, который вызывалъ въ тѣ времена проявленія народнаго творчества. Кругъ этотъ весьма ограниченъ, хотя, сравнительно съ предшествующимъ временемъ, нѣсколько шире: кромѣ идей монархической власти и вѣры крещеной, нашедшихъ себѣ выраженіе въ пѣсняхъ объ убіеніи Карамышева, о земскомъ Соборѣ, о стоянкѣ подъ Ригою, о Соловецкомъ монастырѣ, мотивами народной эпической поэзіи того времени являются еще: прославленіе личной храбрости („Битва подъ Конотопомъ") и нѣжности семейныхъ чувствъ („Въѣздъ Филарета въ Москву"). Однакожъ и здѣсь на первомъ планѣ — царь и православіе. Герой Конотопской битвы воспѣтъ народною пѣснею не столько за свою личную храбрость, сколько за преданность своему государю: припомнимъ, что ханъ велитъ казнить Пожарскаго только послѣ того, какъ послѣдній отказывается служить ему столь же ревностно, какъ и „царю бѣлому" (Кирѣевскій, VII, 26). Въ пѣснѣ о Филаретѣ отецъ и сынъ, прежде чѣмъ, радоваться своей встрѣчѣ, идутъ въ церковь „пѣти чесныхъ молебеновъ"!

Глава 3.

Стенька Разинъ.

Обратимся теперь къ пѣснямъ, которыя, хотя и относятся ко времени царствованія того же Алексѣя Михайловича, но сюжетомъ своимъ имѣютъ подвиги одного только лица и потому должны быть разсматриваемы особо. Это — пѣсни о Стенькѣ Разинѣ.

Всѣхъ ихъ 11: 1) появленіе Стеньки, 2) избраніе его въ атаманы, 3) переходъ его на Волгу, 4) стоянка Разина на одномъ изъ острововъ Каспійскаго моря, 5) попытка его

возмутить астраханцевъ, 6) взятіе Астрахани казаками, 7) буйство въ ней послѣднихъ, 8) опасность, которой Разинъ подвергался въ этомъ городѣ, 9) завѣщаніе Стеньки, 10) плачъ казаковъ по немъ и 11) взятіе Астрахани московскими воеводами *).

Далеко нельзя сказать, чтобы пѣсни эти давали цѣльное представленіе о мятежнической дѣятельности Стеньки. Напротивъ, историческая сторона дѣла отразилась въ нихъ весьма слабо: фактовъ въ нихъ очень мало, да и то большая часть ихъ носитъ на себѣ характеръ легендарный. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить фабулу всѣхъ пѣсенъ о Разинѣ съ историческимъ повѣствованіемъ о немъ.

Такъ, исторически извѣстно, что Разинъ въ 1661 г., стало быть, за шесть лѣтъ до своего появленія на Волгѣ, посылаемъ былъ донскими казаками къ калмыкамъ — уговаривать ихъ быть за-одно съ донцами — служить государю, — выступить на крымскаго хана; возвратясь отъ калмыковъ, Степанъ Тимофеевичъ осенью того же года ходилъ на бого-

---

*) У Костомарова, въ его монографіи: «Бунтъ Стеньки Разина», кромѣ извѣстныхъ намъ пѣсенъ, находимъ еще на 238-ой стр. пѣсню о пребываніи Разина въ Азовской тюрьмѣ, на 260-й — о схваткѣ его съ татарами и персіянами на Соколѣ-кораблѣ — и на 311-ой — о необыкновенной быстротѣ, съ которою Разинъ совершалъ свои переходы изъ одного города въ другой. Но Безсоновъ въ своихъ «Замѣткахъ» къ пѣснямъ Кирѣевскаго (вып. 7-й) совершенно справедливо считаетъ три вышеупомянутыя пѣсни анахронизмомъ и притомъ весьма обыкновеннымъ въ народномъ творчествѣ. Относительно первой онъ полагаетъ, что почтеннаго историка ввелъ въ заблужденіе сборникъ Сахарова, который совершенно произвольно поставилъ въ этой пѣснѣ имя Степана на мѣсто Ермака; тоже и относительно второй; что же касается третьей, то въ ней нѣкоторые анахронизмы отмѣчены самимъ Костомаровымъ.

Такимъ образомъ несомнѣнно относящимися къ Стенькѣ Разину пѣснямъ должно считать только тѣ одиннадцать пѣсенъ которыя поименованы нами выше.

молье въ Соловецкій монастырь. (Соловьевъ, т. XI, гл. 5). Пѣсня ни объ его посольствѣ ни о подвигахъ благочестія ничего не знаетъ; она прямо говоритъ:

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу:
Породился удалой добрый молодецъ,
По имени Степанъ Разинъ Тимофеевичъ.
Во казачей кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами казаками думу не думывалъ;
Ходилъ—гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голыдьбою:
„Судари мои, братцы, голь кабацкая!
„Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять;
„Разобьемъ, братцы, басурмански корабли;
„Возьмемъ мы, братцы, казны, сколько надобно;
„Поѣдемте, братцы, въ каменну Москву,
„Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное;
„Покупивши цвѣтно платье, да на низъ поплывемъ“!
(Кирѣев в. VII. стр. 33, № 2).

О причинахъ, побудившихъ Разина предпринять такое опасное дѣло, пѣсня, какъ видимъ, умалчиваетъ; впрочемъ, ходить „гулять на сине море“ было для голутвенныхъ казаковъ дѣломъ обычнымъ и мотивировалось оно необходимостью „добыть зипуна“; мотивъ этотъ проглядываетъ и въ пѣснѣ—въ словахъ: покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное“; но однимъ этимъ желаніе Разина не ограничивается: вслѣдъ за этими словами онъ прибавляетъ: „да на низъ поплывемъ“! Вотъ это-то желаніе поплыть „на низъ“ *) и остается въ пѣснѣ необъясненнымъ.—Между тѣмъ исторія, какъ на существеннѣйшую причину этого стремленія „на низъ“, указываетъ на большой голодъ, постигшій донскихъ козаковъ вслѣдствіе того, что „во многіе донскіе городки пришли

*) Слово на низъ по Волгѣ извѣстно давно; плыть на низъ значитъ плыть по теченію внизъ до Астрахани и далѣе по морю. *Ред.*

съ Украйны бѣглые боярскіе люди и крестьяне съ женами и дѣтьми". (Слова царской грамоты 1667 года къ астраханскимъ воеводамъ. Солов. т. XI. стр. 352—3).

Самыя похожденія Стеньки иначе изображаются исторіею, иначе пѣснею. (См. Соловь. т. XI, гл. 5, и Костомарова: „Бунтъ Стеньки Разина").

Исторія повѣствуетъ, что послѣ неудачной попытки выплыть Дономъ въ Азовское море, Разинъ поплылъ вверхъ по этой рѣкѣ, добылъ въ Воронежѣ свинцу и пороху и, улучивъ удобное время, перебрался на Волгу. Здѣсь онъ прежде всего ограбилъ большой караванъ, плывшій въ Астрахань, и высѣкъ кнутомъ воеводу Беклемишева, попавшагося ему у Чернаго Яру. Затѣмъ, когда ему пришлось плыть мимо Царицына, то воевода этого города велѣлъ стрѣлять по воровскимъ судамъ. Случилось такъ, что весь порохъ выходилъ изъ пушекъ запаломъ, вслѣдствіе чего не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь вредѣ для воровъ отъ этой стрѣльбы; а воевода, увидѣвъ это, обомлѣлъ отъ ужаса и поспѣшилъ исполнить всѣ требованія Разина. Послѣдній, запасшись въ Царицынѣ всѣмъ необходимымъ, подступилъ къ Яицкому городку и завладѣлъ имъ безъ всякаго сопротивленія. Обезопасивъ себя такимъ образомъ съ тылу, Стенька сталъ „гулять" по Каспію: разорилъ восточный берегъ его, разбилъ персидскій флотъ, напавшій на казаковъ съ 4000 человѣкъ, и взялъ въ плѣнъ сына и дочь предводителя этого флота. Все это происходило весною 1669 года. Въ августѣ того же года Разинъ принесъ царю Алексѣю Михайловичу повинную и выпросилъ себѣ свободный пропускъ на Донъ. Отправившись на Донъ, Стенька выбралъ себѣ мѣсто между Качальницкою и Ведерниковскою станицами, на островѣ, который былъ протяженіемъ въ 3 версты, и тамъ устроилъ городокъ Качальникъ, ставшій вскорѣ центромъ всей казацкой голытьбы.

Весною слѣдующаго года Разинъ во главѣ 7000-ой казацкой шайки опять появился на Волгѣ, взялъ приступомъ Царицынъ, гдѣ имъ убитъ былъ воевода Тургеневъ, затѣмъ поплылъ внизъ по Волгѣ и въ іюнѣ овладѣлъ Астраханью.

Оставивъ здѣсь своихъ эсауловъ Ваську Уса и Өедьку Шелудака, самъ въ концѣ іюля поплылъ вверхъ, взялъ Саратовъ, Самару и осадилъ Симбирскъ, но въ этомъ последнемъ городѣ воеводы Иванъ Милославскій и Юрій Борятинскій нанесли ему столь сильное пораженіе, что онъ долженъ былъ бѣжать въ свою омировизированную резиденцію, городокъ Качальникъ.

Между тѣмъ атаманъ домовитыхъ казаковъ, остававшихся вѣрными Москвѣ, Корнило Яковлевъ, побуждаемый московскимъ правительствомъ, собралъ сильное войско, осадилъ Качальникъ, сжегъ его, голытьбу разсѣялъ, а Стеньку вмѣстѣ съ братомъ его Фролкою схватилъ и отослалъ въ Москву, гдѣ оба они послѣ обычнаго допроса были четвертованы (6-го іюля 1671 г.).

Напрасно было бы искать изображенія всѣхъ этихъ фактовъ въ народной пѣснѣ. Послѣдняя прежде всего путаетъ первое появленіе Разина на Волгѣ со вторымъ; даже за исходную точку дѣйствій Разина она принимаетъ не Волгу, а какой то персидскій островъ на Хвалынскомъ морѣ:

Какъ далеченько-далеченько—во чистомъ полѣ,
Да еще какъ подалѣй—на синемъ морѣ,
Какъ на синемъ морѣ было на Хвалынскомъ,
Что на славномъ было островѣ на персидскомъ,
Собирались музуры, добры молодцы.
Они думушку гадали всѣ великую,
Думу крѣпкую гадали за единую:
„Вотъ кому изъ насъ, ребятушки, атаманомъ быть
„Да кому изъ насъ, ребятушки, есауломъ слыть?
„Атаманомъ быть Степану Тимоѳеевичу,
„Есауломъ слыть Василію Никитичу!“
Атаманъ рѣчь возговоритъ, какъ въ трубу трубитъ,
Есаулъ-то рѣчь возговоритъ, какъ въ свирѣль игратъ:
„Не пора-ли намъ, ребята, со синя моря
„Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку!“

Такимъ образомъ самое избраніе Стеньки въ атаманы происходило, по пѣснѣ, не на Дону, а на Хвалынскомъ морѣ. Очутившись на Волгѣ, Разинъ задумываетъ взять Астрахань. (Кирѣев. VII. 33). Астраханскій воевода, увидѣвъ Стеньку, велѣлъ стрѣлять въ него изъ пушки; но городъ былъ взятъ, а воевода и дѣти его умерщвлены (ib.—148). Затѣмъ, о дальнѣйшихъ подвигахъ Стеньки, о взятіи Саратова, Самары, объ осадѣ Симбирска и пр. пѣсня ничего уже не знаетъ. Такимъ образомъ послѣ взятія Астрахани она сразу переходитъ къ его смерти.

Самая смерть Стеньки изображается ею различно. Такъ по одному варіанту (Кирѣев. VII—40), Стенька, видя, что всѣ пристанища его разрушены, всѣ его товарищи перехвачены, взываетъ къ послѣднимъ съ мольбою натянуть тугой лукъ и пустить стрѣлу въ его грудь бѣлую. По другому варіанту (Рыбниковъ, II—239), онъ переходитъ черезъ Донъ и умираетъ на бѣломъ камнѣ; передъ смертью обращается къ отсутствующимъ товарищамъ, прося ихъ схоронить его между трехъ дорогъ (московской, астраханской, славной кіевской); въ правую руку дать ему саблю вострую, въ лѣвую—калену стрѣлу; въ головахъ его поставить чуденъ крестъ, а въ ногахъ—ворона коня: онъ увѣренъ, что всякъ, кто ни набредетъ на его могилу, скажетъ: „лежитъ здѣсь добрый молодецъ"!

Наконецъ, въ пѣснѣ, изображающей плачъ казаковъ по Разинѣ, говорится, что Степанъ Тимоѳеевичъ убитъ въ Москвѣ, на Красной площади, гдѣ ему была отрублена голова. (Кирѣев. VII—41).

Итакъ, народная пѣсня про Разина описываетъ далеко не всѣ подвиги своего героя; да и тѣ, которые нашли въ ней извѣстное отраженіе, изображены безъ всякой внутренней связи между собою: является на Дону казакъ Стенька, собирающій вокругъ себя голытьбу; голытьба эта дѣлаетъ его на Хвалынскомъ морѣ атаманомъ; ставъ атаманомъ, Стенька является на Волгѣ, беретъ Астрахань и... умираетъ. Вотъ, собственно, къ чему сводятся всѣ пѣсни о Разинѣ. Никакой послѣдовательности въ событіяхъ, никакой

логической связи между ними, никакихъ указаній на причины этихъ событій мы въ пѣсняхъ о Разинѣ не находимъ.

Конечно, народная пѣсня—не исторія; отъ нея, какъ отъ произведенія народной фантазіи. нельзя и требовать исторической точности и опредѣленности; но мы вправѣ ожидать отъ нея цѣльнаго и стройнаго представленія даннаго факта, событія. Никто напр. не станетъ утверждать, что все, описываемое Одиссеей, было и происходило именно такъ, какъ объ этомъ пѣли древніе Греки; тѣмъ не менѣе нынѣшній читатель вполнѣ удовлетворяется этою народною греческою поэмою, потому что получаетъ полное и гармонически-законченное представленіе о похожденіяхъ Улисса.

Подобнымъ образомъ и по отношенію къ историческимъ пѣснямъ о Стенькѣ Разинѣ—важно не то, что содержаніе этихъ пѣсенъ во многомъ не только не согласно съ исторіею, но и прямо ей противорѣчитъ, а то́, что по нимъ нельзя составить себѣ ни малѣйшаго понятія о ходѣ и смыслѣ разиновскаго дѣла.

Но если пѣсни о Разинѣ столь бѣдны фактическими указаніями, что исторія какъ бы вправѣ игнорировать ихъ, то, быть можетъ, онѣ богаты данными, по которымъ изслѣдователь могъ бы составить себѣ ясное представленіе о нравственной физіономіи Разина, о личности этого голытбеннаго атамана? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить утвердительно. И въ самомъ дѣлѣ, пѣсни о Разинѣ заключаютъ въ себѣ столько данныхъ для характеристики этой личности, и при томъ данныя эти столь важны, что въ этомъ-то обстоятельствѣ и слѣдуетъ усматривать историческое значеніе этихъ пѣсенъ. Отлагая поясненіе послѣдняго нашего замѣчанія къ концу этого очерка, попытаемся собрать здѣсь тѣ черты, которыми, по нашему мнѣнію, народная пѣсня характеризуетъ Разина. Прежде всего Стенька, по народному представленію,—умная и самостоятельная голова: онъ не нуждается ни въ чьихъ совѣтахъ, ни у кого не проситъ указанія, какъ ему быть или что ему дѣлать. У него есть своя голова, которою онъ самъ все обдумываетъ и соображаетъ и на которую онъ вполнѣ полагается.

Пѣсня такъ изображаетъ эту самостоятельность и самоувѣренность Разина (Кирѣев. VII. 32, № 1):

Съ старшинами онъ думушку не думаетъ,
Къ казакамъ онъ Степанъ Разинъ въ кругъ не хаживаетъ:
Онъ думаетъ крѣпку думушку съ своей буйной головушкой.

Какъ всякій недюжинный человѣкъ, Стенька увѣренъ въ успѣхѣ предпринимаемаго имъ: онъ не допускаетъ никакихъ неудачъ и заранѣе оповѣщаетъ, какъ намѣренъ поступить съ кѣмъ. Собираясь на Астрахань, онъ говоритъ товарищамъ:

„Ужъ мы стѣну разобьемъ, ай тюрьму по каменю разнесемъ,
„И Вастраханьскаго губернатора въ полонъ къ собѣ возьмемъ,
„И Вастраханьскую губернаторшу—въ наложницы.
(Гильфердингъ: 963. № 203).

Самоувѣренность его простирается до того, что, по его убѣжденію, ему и пуля вражеская ни почемъ:

„И вы пороху не теряйте и снарядовъ не ломайте:
„Меня пулечка не тронетъ, меня ядрышко не возьметъ", (Кирѣев. VII.—148).

говоритъ Стенька астраханскому воеводѣ.

Дѣйствуетъ онъ не какъ воръ, а какъ богатырь: онъ не нападаетъ на городъ врасплохъ, а даетъ знать жителямъ, когда будетъ: черта—поистинѣ геройская, напоминающая Святославлево: „иду на тя!" (Кирѣев. VII—34, № 24; Рыбник. III—273 и Гильферд.: 962 и 1226).

Какъ человѣкъ необыкновенный, Стенька обладаетъ необыкновенною, сверхъестественною силою—вѣдовствомъ, способностью узнавать посредствомъ колдовства о случившемся и выходить невредимымъ изъ бѣды.

Такъ, въ пѣснѣ п. з. „Сынъ Стеньки" Разинъ, чтобы узнать, что случилось съ его сыномъ, котораго онъ послалъ въ Астрахань, велитъ подать себѣ воды, зачерпнутой съ правой стороны:

И надъ водой-то Стенька волхвовалъ и воду взадъ выливалъ:
„Видно, мой тутъ вѣдь сынокъ а сидитъ въ бѣлокаменной тюрьмѣ!“ (Гильферд. 963).

Въ Астрахани кознями дѣвки Маши Стенька былъ пойманъ и посаженъ въ желѣзную клѣтку, въ которой его обвозили по городу цѣлыхъ три дня, причемъ не давали ему ни пить ни ѣсть.

Попросилъ же у нихъ Стенька
Хоть стаканъ воды напиться
И во клѣткѣ окатиться:
Онъ во клѣткѣ окатился
И на Волгѣ очутился. (Кирѣев. VII. 142—3).

Слабая сторона Разина, его такъ сказать, ахиллесова пятка, это—страсть къ женщинамъ. Отъ красной дѣвки Маши (ib. 141—2) онъ чуть было не погибъ: она зазвала его къ себѣ, напоила, накормила, уложила въ постель, а сама донесла начальству. Но и эта черта роднитъ Разина съ святыми героями: большинство изъ нихъ отличалось именно этою слабостью.

О жестокости и неистовствахъ Разина народу ничего не извѣстно; по крайней мѣрѣ, пѣсня не говоритъ объ этомъ. Если разсказывая о буйствѣ въ Астрахани (ib.—148), она говоритъ о Стенькѣ:

Что метался Стенька Разинъ на угольную на башню,
Об великаво раскату воеводу долой сбросилъ,
Ево маленькиихъ дѣтокъ онъ всѣхъ за ноги повѣсилъ,

то, какъ видно изъ предыдущаго, все это Стенька сдѣлалъ въ отместку воеводѣ за его пальбу изъ пушекъ и, стало быть, если и достойно, по народной этикѣ, осужденія, то лишь, какъ месть...

Подобнымъ образомъ и казаки его, послѣ взятія Астрахани, убиваютъ воеводу вовсе не вслѣдствіе своего жестокосердія, а изъ желанія отомстить ему за смерть многихъ

своихъ товарищей, за смерть своихъ женъ и дѣтей, въ которой они обвиняли его (ib.—150):

Буйну голову срубили съ Губернатора,
Они бросили головку въ Волгу-матушку;
Сами молодцы ему тутъ насмѣхалися:
„Ты добрѣ, вѣдь, губернаторъ, къ намъ строгонекъ былъ,
„Ты, вѣдь, билъ насъ, ты губилъ насъ, въ ссылку ссылывалъ,
„На воротахъ женъ, дѣтей нашихъ разстрѣливалъ!"

Другой варіантъ, воспѣвающій тотъ-же фактъ—взятіе Астрахани—еще рѣзче указываетъ на поступокъ казаковъ, какъ на личную ихъ месть: ненавистнаго воеводу они убили, но жену и дѣтей его отпустили (ib.—151).

Жизнью Разинъ не дорожитъ: онъ самъ тяготится ею, и напрашивается на смерть, когда видитъ себя одинокимъ, вдалекѣ отъ своихъ удалыхъ молодцевъ (ib.—40).

Онъ дорожитъ только доброю славою: умирая, онъ велитъ похоронить себя по-христіански, чтобы всякъ, кому ни случится проходить или проѣзжать мимо его могилы, подумалъ:

Что не воръ-ли лежитъ тутъ, не разбойничекъ,
Тутъ лежитъ то Стенька, Разинъ сынъ.
(Рыбник. II—239).

И, должно быть, народъ, дѣйствительно, видѣлъ въ немъ не простого разбойника, если такъ глубоко прочувствовалъ его смерть, какъ это явствуетъ изъ слѣдующей пѣсни, въ которой эсаулъ говоритъ своимъ казакамъ:

Вы вставайте, добры молодцы,
Пробуждайтесь, казаки Донски!
Не здорово на Дону у насъ:
Помутился славный тихій Донъ
Со вершины до Черна-моря,
До Черна-моря Азовскова;
Помѣшался весь казачей кругъ;

Атамана больше нѣтъ у насъ—
Нѣтъ Степана Тимоѳеевича,
По прозванію Стеньки Разина.
(Кирѣев. VII—41, № 6).

Эти грубые люди, эти „воровскіе казаки“ находятъ однако для выраженія своихъ чувствъ къ покойному атаману такія нѣжныя, хотя и простыя слова, которыя могутъ выйти только изъ горячо—любящаго сердца:

Ты взойди, взойди, красно-солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубравушкой, надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добра-молодца,
Что Степана, свѣтъ Тимоѳеича,
По прозванью Стеньки Разина. (Кир. VII—154).

Въ одномъ изъ приведенныхъ нами выше варіантовъ (Рыбн. II—239), описывающихъ смерть Разина, товарищи этого послѣдняго, найдя его мертвымъ, просятъ у него прощенія въ томъ, что не выручили его отъ смерти, а затѣмъ:

Погрузили во Дунай-рѣку
Сотоварищи Стеньку Разина,
Со Дунай-рѣки сотоварищи
На Амуръ пошли думу думати,
У Амуръ-рѣки крута гора,
Крута гора высокая.
На той горѣ распрощалися,
Другъ другу покланялися:
„Ужъ мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь-ка по дикимъ мѣстамъ!“

Изъ приведенныхъ нами отрывковъ пѣсни о Разинѣ видно, что народная поэзія надѣлила его лучшими свойствами своихъ излюбленныхъ героевъ: умомъ, богатырскою удалью, силою; смерть его оплакивается всѣми его товарищами.

И вотъ, въ этомъ-то сочувствіи народной поэзіи къ „воровскому“ атаману и заключается все историческое значеніе пѣсенъ объ немъ. Историкъ, знакомый съ нуждами той эпохи, со злобою дня, не станетъ игнорировать ихъ: онѣ, эти пѣсни, столь своеобразныя и причудливыя по отношенію къ исторической сторонѣ дѣла, скажутъ изслѣдователю очень много объ отношеніи народа къ этому дѣлу: народъ сочувствовалъ Стенькѣ, слѣпо вѣрилъ ему и шелъ за нимъ, потому что онъ первый провозгласилъ себя заступникомъ его, первый обѣщалъ освободить его изъ-подъ гнета общественной жизни, первый пытался заставить сильныхъ уважать въ холопѣ человѣка!

Смертью Разина еще не кончилось начатое имъ дѣло. Уходя изъ Астрахани вверхъ, онъ, какъ мы уже выше видѣли, оставилъ въ этомъ городѣ своихъ эсауловъ Ваську Уса и Ѳедьку Шелудяка съ товарищами.

Желая водворить спокойствіе въ государствѣ, правительство должно было сломить и этотъ послѣдній оплотъ голытвеннаго казачества. Съ этою цѣлью въ Астрахань посланъ былъ съ сильнымъ войскомъ воевода Милославскій, которому она послѣ трехъ-мѣсячной осады принуждена была сдаться. Усъ умеръ вовремя осады, Шелудякъ съ товарищами—повѣшены. Такъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ исторія. Но народной пѣснѣ нѣтъ дѣла до исторіи: взятіе Астрахани московскими войсками она объясняетъ по своему.

Собирался князь Никита, сынъ Ѳедоровичъ
Онъ во-путь, во-дороженьку, въ Астрахань городъ.
Вотъ онъ дѣлалъ телѣжки астраханскія,
А не мало и не много—сорокъ восемь тысячъ.
Обивалъ онъ телѣжки дорогимъ сукномъ,
Дорогимъ такимъ сукномъ—чернымъ бархатомъ.
Онъ сажалъ на тѣ телѣжки по семи человѣкъ,
По восьмому онъ сажалъ по кучеру,
По девятому онъ сажалъ—кашевару,
По десятому онъ сажалъ—провожатому.

Напередъ онъ послалъ своего гонца:
„Ты гони, гони, гонецъ, въ Астрахань-городъ!
„Ты воскликни, ты возгаркни громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы гой еси, купцы астраханскіе!
„Отворяйте-ка ворота вы широкія
„Мы пріѣхали къ вамъ—купцы черноморскіе,
„Привезли мы вамъ товары все заморскіе:
„Черныхъ соболей со куницами,
„Съ чернобурыми со лисицами!“
(Кирѣев. VII—161).

Хитрость удалась какъ нельзя лучше: астраханцы пустили къ себѣ мнимыхъ черноморскихъ купцовъ, которые тою-же ночью показали себя, какъ слѣдуетъ:

Какъ съ перваго часу со полуночи
Выходилъ нашъ гонецъ на высокъ балконъ.
Онъ воскликнулъ-возгаркнулъ громкимъ голосомъ:
„Ты вставай, вставай, живой товаръ!
„Ты съ перваго конца пли пали,
„А съ другаго конца сѣки-руби,
„А съ третьяго конца во полонъ бери.
„На каждаго молодца цѣпь тяжелую клади!“

И такимъ образомъ городъ былъ взятъ (ib. стр. 163).

Мы уже раньше имѣли случай указать на несоотвѣтствіе содержанія пѣсенъ о Разинѣ съ исторіею о немъ; здѣсь мы снова наталкиваемся на это явленіе и потому считаемъ умѣстнымъ остановиться на немъ. Въ чемъ кроется причина этого несоотвѣтствія? Какъ объяснить то обстоятельство, что историческая пѣсня о Разинѣ не только не согласна съ настоящею исторіею о немъ, но и во многомъ расходится съ послѣднею? Почему Стенька и его дѣла въ иномъ свѣтѣ представлены пѣснею, и въ иномъ—исторіею?

Причина всему этому—тайны народнаго творчества, яснѣе говоря, мотивы, которыми послѣднее вызывается. Исторія, желая сохранить за собою значеніе науки, при изобра-

женіи какого-нибудь событія, факта, старается лишь объяснить его, осмыслить въ глазахъ читателя, которому затѣмъ предоставляется самому уже произнести окончательный приговоръ надъ этимъ фактомъ: похвалить его или же предать порицанію. Исторія не можетъ брать на себя этой задачи, ибо въ первомъ случаѣ она станетъ панегирикомъ, во второмъ—памфлетомъ, и слѣдовательно, въ обоихъ лишится своего научнаго характера. Иное дѣло—пѣсня, хотя бы даже и историческая. Она дѣйствуетъ не на умъ, а на чувство; слѣдовательно, ей нечего соображать, вѣрно-ли представлены въ ней извѣстное событіе, извѣстная личность; напротивъ, ей даже прилично заботиться о томъ, чтобы слушатель проникался тѣми же чувствами, которыя волновали душу составителя; а для этого она часто бываетъ вынуждена представить событіе именно въ такомъ, а не въ иномъ видѣ, нерѣдко даже вопреки исторической правдѣ. Обыкновенно, говорятъ объ объективности народной эпической поэзіи; дѣйствительно, поэзія эта объективна, но только до извѣстной степени. Когда народъ распѣваетъ про Илью Муромца и его богатырскіе подвиги, ничто не побуждаетъ его выйти изъ своего объективизма, хотя, собственно говоря, даже и этого рода пѣсни (былины) не вполнѣ объективны (ибо, что напр. значитъ эта постоянная удача русскихъ богатырей въ борьбѣ ихъ съ чужеземцами, или это предпочтеніе Ильи всякому другому русскому витязю). Но коль скоро этотъ же народъ начинаетъ пѣть про себя, pro domo sua, или про такую личность, которая дѣйствовала въ его пользу, то тутъ-же и конецъ всему его объективизму. Да иначе и быть не можетъ. Какъ же требовать напр., чтобы народъ говорилъ въ своей пѣснѣ о жестокостяхъ и неистовствахъ Разина, если онъ отлично понимаетъ, что жестокости эти Разинъ пускалъ въ ходъ въ его же самаго народа, въ его видахъ? Подобнымъ образомъ, къ чему говорить про неудачу Разина въ Симбирскѣ и другихъ мѣстахъ, когда это значило бы говорить про свои собственныя неудачи!

Еслибы народъ распѣвалъ про взятіе правительственными войсками Астрахани такъ, какъ объ этомъ говоритъ исторія, то есть, что астраханцы должны были сдаться,

то этимъ онъ сознавался бы въ своемъ безсиліи, а слѣдовательно, и въ томъ, что дѣло его—неправое (ибо, по народнымъ воззрѣніямъ, право и сила—неразлучны). Но прійти къ такому заключенію народъ, естественно, не можетъ; и вотъ онъ сочиняетъ исторію про хитрость, благодаря которой князь Одоевскій овладѣлъ Астраханью: дать осилить себя—постыдно, но перехитрить, или лучше, обмануть себя—нисколько. Хитрость эта—доказательство большей проницательности ума—даже нравится народу; но онъ самъ не можетъ выразить ей своего сочувствія, ибо тогда высказалъ бы себя крайне непослѣдовательнымъ; и вотъ онъ обходитъ это неудобство и влагаетъ похвалу этой хитрости въ уста купцовъ:

Закричали купцы, купцы астраханскіе:
„Какъ ни честь, ни хвала Царю Бѣлому,
„Какъ не взяли Астрахань-городъ въ 30 лѣтъ,
„А теперь взяли его ровно въ три часа!“
(Кирѣев. VII—163).

По другому варіанту (Кирѣевскій VII—24) къ Астрахани подступилъ съ сильнымъ войскомъ самъ царь, котораго пѣсня ошибочно называетъ Михаиломъ. На встрѣчу ему вышло сильное «буруцкое» войско; увидѣвъ это,

Какъ и двинулось войско православное!
Ужъ какъ билися-рубилися трое суточекъ,
На четвертые они въ городъ взошли,
Свободили славный градъ отъ злыхъ буйныхъ враговъ,
Отъ злыхъ буйныхъ враговъ—все «буруцкихъ» бунтовщиковъ.

Въ заключеніе приводимъ изъ сочиненія Андрея Печерскаго въ «Лѣсахъ» слѣдующую пѣсню про вѣщую дѣву Соломониду:

Выплывала легка лодочка,
Легка лодочка атаманская,
Атамана Стеньки Разина.

Еще всѣмъ лодка изукрашена,
Въ ней парусы шелковые,
А веселки позолочены.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу сидитъ ессаулъ съ багромъ,
Посредь лодки парчевой шатеръ.
Какъ въ томъ парчевомъ шатрѣ
Лежатъ бочки золотой казны,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица—
Атаманова полюбовница,
Ессаулова сестра рóдная,
Казакамъ гребцамъ—тетушка.
Сидитъ дѣва—призадумавшись
Посидѣвши стала сказывати:
«Вы послушайте, добры молодцы,
«Вы послушайте, милыи племяннички!
«Ужъ какъ мнѣ младой мало спáлося,
«Мало спáлося, много видѣлось,
«Не корыстенъ же мнѣ сонъ привидѣлся:
«Атаману-то быть разстрѣлену,
«Ессаулу-то быть повѣшену,
«Казакамъ-гребцамъ по тюрмамъ сидѣть
«А мнѣ вашей рóдной тетушкѣ
«Потонуть въ Волгѣ-матушкѣ».

(Съ нею самой тутъ-же атаманъ рѣшилъ пожертвовать Волгѣ-матушкѣ).

«30 лѣтъ, говоритъ, съ годикомъ гулялъ я
«По матушкѣ-Волгѣ, и ничѣмъ еще ее
«Кормилицу не пожаловалъ. Но пожалую,
«Говоритъ, Волгу-матушку ни казной золотой,
«Ни дорогимъ перекатнымъ жемчугомъ,
«Пожалую тѣмъ, чего на свѣтѣ кромѣ нѣтъ,
«Что намъ, есаулы—молодцы, дороже «всего»!

Да съ этимъ словомъ хвать Соломониду поперекъ да со всего розмаху махнулъ въ Волгу-матушку.

Ем. Кале.

ЗНАЧЕНІЕ ПРОИЗВЕДЕНІЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ БИБЛЕЙСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ.

Словесности въ нашей средней школѣ отведена очень узкая роль: программа требуетъ изученія преимущественно языка. Въ „Объяснительной запискѣ“ о преподаваніи словесности въ старшихъ классахъ сказано: „Главная цѣль этихъ занятій должна быть та-же, что и въ предъидущихъ классахъ (I—IV)—изученіе русскаго, отечественнаго языка. Различіе между изученіемъ его въ низшихъ и высшихъ классахъ состоитъ въ томъ, что въ первыхъ теоретическая часть преподаванія имѣетъ исключительно грамматическій характеръ, а въ послѣднихъ грамматическія свѣдѣнія должны дополняться стилистическими и историко-литературными“.

Какъ изучать языкъ безъ содержанія? Въ дальнѣйшемъ говорится: „Отъ учителя требуется, чтобы онъ при чтеніи и разборѣ указанныхъ въ программѣ каждаго класса произведеній какъ древней, такъ и новой русской словесности не вдавался на урокахъ ни въ критику, ни въ излишнія историко-литературныя подробности, а имѣлъ въ виду главнымъ образомъ ознакомить учениковъ съ содержаніемъ, планомъ, литературною формою, основною идеею и языкомъ читаемаго и разбираемаго произведенія“. Но въ этомъ расширеніи задачи мало пользы: требуется „планъ, литературная форма, идея“... разныя „отрывки“, потому что по программѣ полагается: „Отрывки изъ Лѣтописи“, „Отрывки изъ „Слова въ новую недѣлю по Пасцѣ“; „Отрывки изъ „Хожденія“, „Главнѣйшіе отрывки изъ „Слова о полку Игоревѣ“ и т. д.; даже прагматизмъ „Исторіи князя великаго Московскаго о дѣлахъ“ нужно прослѣдить по „отрывкамъ“.

На прохожденіе курса словесности XI—XIX столѣтій отведено въ 5, 6 и 7 классахъ по три урока въ недѣлю, изъ которыхъ одинъ еще нужно посвящать на письменную работу; а „между письменными работами, говорится въ „Объяснит. запискѣ“: особенное вниманіе слѣдуетъ обратить

на классные переводы съ древнихъ языковъ на русскій". На древніе языки дается въ тѣхъ же классахъ по одиннадцати уроковъ и при всемъ томъ на подспорье имъ отрывается урокъ отъ русской словесности! развѣ преподаватели древнихъ языковъ не должны быть компетентными заниматься переводами съ древнихъ языковъ на русскій? У учителя словесности, даже при узкой постановкѣ дѣла, масса работы въ классѣ: провѣрка и составленіе плановъ, выводъ идеи и выслушиваніе содержанія литературныхъ произведеній, объясненіе темъ, выдача тетрадей съ замѣчаніями, выслушиваніе урока и проч; кто занимался этимъ дѣломъ не формально только, а съ душою, тотъ знаетъ количество времени, потребнаго на веденіе дѣла преподаванія словесности: у самыхъ лучшихъ преподавателей опускаются руки; а посредственные учителя, не мудрствуя лукаво, задаютъ по учебнику, а потомъ, выслушивая, „дремлютъ подъ жужжанье" отвѣчающаго урокъ. Не мудрено послѣ этого, что постоянно слышатся жалобы на безграмотность, безколоритность и пустоту ученическихъ сочиненій, жалуются на оскудѣніе литературныхъ талантовъ, на отсутствіе идеаловъ. Не создадутъ идеаловъ сами юноши, не выработаются литературные таланты на жалкихъ литературныхъ отрывкахъ... Мы чужды тенденціознаго намѣренія вдаваться въ порицаніе существующей постановки дѣла; но въ спеціальномъ педагогическомъ журналѣ позволительно выразить скромное желаніе, чтобы русской словесности было отведено подобающее мѣсто, чтобы она была не „учебною" только, а имѣла просвѣтительное и воспитательное значеніе.

Неужели въ произведеніяхъ русской словесности самое важное—языкъ? На нашъ взглядъ, языкъ многихъ литературныхъ произведеній очень мало заслуживаетъ подражанія (по своей устарѣлости, напр.); изучать же его съ строго научною цѣлью—рано и непосильно: появлявшіяся въ педагог. журналахъ статьи объ этой сторонѣ дѣла показываютъ, что и преподаватели не вполнѣ знаютъ, какъ взяться за это дѣло. Не только въ высшихъ, но и въ низшихъ классахъ должна изучаться внутренняя сторона произведеній, ихъ содержаніе; тогда

въ лирической поэзіи мы почувствуемъ біеніе русскаго сердца; въ эпической и драматической поэзіи узнаемъ весь строй души окружающихъ людей, подслушаемъ добрыя и злыя намѣренія ихъ и узнаемъ по результатамъ цѣну добра и зла; изучимъ обычаи, нравы, традиціи, суевѣрія, идеалы; получимъ возможность разобраться въ кажущемся хаосѣ ежедневныхъ явленій человѣческой жизни. Литература—единственный предметъ, который учитъ жить сознательно, идейно, направлять свои дѣйствія къ опредѣленному, болѣе или менѣе возвышенному, идеалу. Въ этомъ заключается просвѣтительное значеніе среди общеобразовательныхъ предметовъ: пониманіе явленій окружающей человѣческой жизни, умѣнье жить сознательно—необходимо не спеціалистамъ только, не преподавателямъ словесности, а всѣмъ безъ исключенія; невѣжество, непониманіе людей порождаетъ Маниловыхъ, у которыхъ всѣ—„прекрасные люди", а также Собакевичей, по мнѣнію которыхъ, всѣ—„мошенники и разбойники": только рус. литература, преподаваемая цѣлесообразно, можетъ просвѣтить взглядъ на окружающихъ людей.

Другое великое значеніе литературы—воспитывать, просвѣщать людей нравственно, вести къ совершенству: а достигнуть этого можно не отвлеченными только нравоученіями, выхваченными изъ нравственнаго богословія или изъ хорошихъ книжекъ, но преимущественно приведеніемъ образцовыхъ примѣровъ вполнѣ нравственно изображенныхъ въ литературѣ лицъ съ ихъ дѣйствіями, чувствованіями, желаніями, мыслями. Но чтобы человѣкъ, при осмысленности жизни, велъ доброкачественную въ нравственномъ отношеніи жизнь, нужно избѣгать индифферентности во взглядахъ на поступки людей. Если наша школа должна быть христіанскою (а въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться), то все должно изображаться съ точки зрѣнія христіанской нравственности. Художественная сторона въ воспитаніи, конечно, есть дѣло школы; но она представляетъ болѣе спеціальный интересъ, преимущественно—содѣйствуетъ развитію таланта, указываетъ на его значеніе въ литературѣ; а все, что есть въ художественности воспитательнаго, производитъ свое дѣйствіе на душу непосредственно, помимо анализа.

Главное назначеніе литературы должно состоять въ томъ, чтобы она, просвѣщая, воспитывала. При осуществленіи этой цѣли литература, какъ учебный предметъ, отрѣшившись отъ чрезмѣрной погони за стилистикой, синтаксисомъ и этимологіей съ казуистическою орѳографіей, возбуждаетъ высокій интересъ: при разборѣ произведеній рѣшаются существенные „вопросы жизни".

Разбору въ моихъ статьяхъ подвергнутся поэтическіе образцы Пушкинскаго періода, указанные „Учебными планами". Матеріала дается больше, чѣмъ можно провести на урокахъ, но это—попытка установить мотивированный взглядъ на литературные факты, во избѣжаніе блужданій при оцѣнкѣ доброкачественности лицъ. Порядокъ разбора произведеній опредѣляется только субъективными причинами вызывающими на размышленіе о томъ или другомъ вопросѣ жизни.

Какъ часто человѣкъ, приходитъ къ безотрадному взгляду на результаты добра и зла! а если не самъ онъ дойдетъ до этого, то близкіе могутъ указать ему. И ропщетъ человѣкъ на судьбу свою, на неправду людскую, и въ отмщеніе самъ творитъ неправду. Такъ неправда растетъ и растетъ, нагромождаются цѣлыя горы—и было бы горе міру, еслибы жизнь не приводила и къ противоположному взгляду, еслибы люди, при болѣе внимательномъ вниканіи въ явленія жизни, не приходили къ идеѣ, согласной со взглядомъ христіанства: „Богъ воздаетъ каждому по его дѣламъ".

„Законы исторіи суть правосудіе Божіе, говоритъ Ренанъ: въ книгѣ Іова Богъ, чтобы показать, что онъ могущъ, сокрушаетъ торжествующаго; исторія философіи согласна съ древнею поэмою". Это—взглядъ пессимиста, котораго никакъ нельзя заподозрить въ тенденціозномъ отстаиваніи христіанскаго взгляда о возмездіи; придавая важное значеніе религіи, Ренанъ никакъ не былъ христіаниномъ: онъ уважалъ всякую вѣру, а самъ не имѣлъ никакой. Очевидно, высказывая мысль о правосудіи Божіемъ, совершающемся въ исторіи, Ренанъ, въ качествѣ историка, дѣлаетъ выводъ изъ исторіи, а на идею книги Іова указываетъ въ виду совпаденія ея съ философскимъ выводомъ изъ историческихъ фактовъ. Въ этомъ случаѣ Ренанъ служитъ мостомъ отъ невѣ-

ріи къ вѣрѣ въ правду Божію: выводъ разума совпадаетъ съ библейскою истиною.

Правда Божія совершается въ исторіи и въ жизни отдѣльнаго лица: „Не уйдешь ты отъ суда мірского, какъ не уйдешь отъ Божьяго суда", говоритъ народъ. Но неизбѣжно-ли это? Судъ мірской совершается по законамъ людскимъ, при посредствѣ лицъ, поставленныхъ для производства мірского суда, именно—судей. Что касается суда Божія, то онъ предполагается, обыкновенно, въ загробной жизни; а здѣсь „всѣ хотящіе благочестиво жить, по слову Апостола, будутъ гонимы; злые же люди и обманщики будутъ преуспѣвать во злѣ". Такъ, есть-ли какой-нибудь смыслъ въ добрѣ? Если люди достигаютъ счастія обманомъ, интригою, зломъ, если на чужой бѣдѣ можно построить свое личное счастіе, а воздаяніе только въ загробной жизни, въ какой-то невѣдомой странѣ, то есть-ли смыслъ здѣшнимъ осязательнымъ счастіемъ жертвовать для какого-то сомнительнаго блаженства? Безсмысленно бояться зла и жертвовать счастіемъ для добра, оправдываемаго какими-то отвлеченными соображеніями: добро, говорятъ, вытекаетъ изъ нѣкоторыхъ свойствъ человѣческой природы: изъ способностей стыда, сожалѣнія, благоговѣнія („Оправданіе добра" Соловьева); но, если добро вытекаетъ изъ свойствъ человѣческой природы, то, несомнѣнно, въ человѣкѣ есть задатки (вѣроятно, еще большіе) зла: „есть иной законъ, по писанію, воюющій противъ закона добра", этотъ противовоюющій законъ настолько силенъ, что даже благонамѣренный слѣдуя ему, дѣлаетъ не то, что хочетъ. Значитъ—для добра нужно искать другого мотива. Самый сильный мотивъ въ жизни—это желаніе личнаго счастія: дѣлающій зло побуждается желаніемъ счастія; но и тотъ, кто дѣлаетъ добро, никогда не скажетъ: я дѣлаю добро, чтобы быть несчастнымъ; напротивъ—онъ дѣлаетъ добро для своего счастія. Только странно: лучшіе люди, которыхъ, по слову Апостола, „весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли"—это-ли счастіе, достижимое для добрыхъ? Кто совершилъ преступленіе—и „достигъ высшей власти"; а тѣ, которыхъ

весь міръ не достоинъ, скитаются по пещерамъ: кто изъ нихъ счастливъ (блаженъ)? вѣдь добро совершается для счастія—счастіе есть награда. Является новый вопросъ, въ рѣшеніи котораго—„оправданіе добра“ и осужденіе зла: въ чемъ же не призрачное, а истинное счастіе? Заключается-ли оно въ славѣ, въ богатствѣ, въ успѣхахъ по службѣ, въ почестяхъ, въ семействѣ, въ усиленномъ трудѣ, въ постоянномъ отдыхѣ, въ ограниченіи потребностей или въ удовлетвореніи всѣхъ желаній, въ свѣтскихъ удовольствіяхъ—вообще въ матеріальныхъ благахъ? Какъ одного и того-же матеріальнаго „блага“, одной и той-же цѣли можно достигнуть и хорошими средствами и дурными, такъ достиженіе цѣли, пріобрѣтеніе „блага“ въ одномъ случаѣ принесетъ истинное счастіе, въ другомъ—призрачное, или вѣрнѣе—несчастіе. Достигъ человѣкъ, напр.—высокаго положенія своими хорошими дѣлами—это можетъ доставить ему долю счастія: человѣкъ нравственно удовлетворенъ; достигшій того же обманами, интригами, преступленіемъ будетъ вѣчно бояться утраты своего положенія, чувствовать себя не на мѣстѣ—положеніе вмѣсто счастія доставитъ огорченія, униженія, оскорбленія, можетъ послѣдовать и кара закона. Одинъ получилъ наслѣдство—и это послужило началомъ его нравственнаго паденія; другой—наоборотъ—пріобрѣтенное сдѣлалъ источникомъ счастія личнаго и счастія всѣхъ окружающихъ своихъ близкихъ. Первый потомъ, послѣ безпутной жизни, разорился—и именно это послужило къ его нравственному подъему; онъ вдумался въ свое положеніе, серьезно занялся дѣломъ, пріобрѣлъ скромность, энергію, сталъ понимать горе ближнихъ и приходить къ нимъ на помощь—и онъ доволенъ своею судьбою. По аналогіи, то-же можно сказать и о другихъ, такъ называемыхъ, благахъ: счастіе не въ нихъ—этихъ „благахъ“, а въ томъ, какъ человѣкъ относится къ нимъ.

Зло не было бы такъ преступно, еслибы оно отражалось только личными несчастіями: каждый—распорядитель своего счастія. Но какою бы узкою жизнью ни жилъ человѣкъ, онъ не можетъ совершенно изолироваться отъ другихъ людей: существуетъ связь съ семействомъ, съ ближайшею средою, съ

обществомъ, съ государствомъ; преступленіе же болѣзненно рветъ эти связи. Преступленіе отца семейства и слѣдующее за нимъ наказаніе (смертная казнь, ссылка, денежный штрафъ) необходимо отразится на внѣшнемъ благосостояніи семьи, отразится и на ея нравственности; если даже отецъ и не понесъ наказанія, то его душевное настроеніе, непремѣнно, отразится на семьѣ, если не иоболии, то непривѣтливостію, злоб ю. Старецъ Зосимъ говоритъ (Достоевскій „Братья Карам.“): „На всякъ день и часъ, на всяку минуту ходи около себя и смотри за собой, чтобы образъ твой былъ благолѣпенъ. Вотъ ты прошелъ мимо малаго ребенка, прошелъ злобный, со скверным словомъ, съ гнѣвливой душой; ты и не примѣтилъ, можетъ, ребенка-то, а онъ видѣлъ тебя, и образъ твой непригдядный и нечестивый, можетъ, въ его беззащитномъ сердечкѣ остался. Ты и не зналъ сего, а можетъ быть, ты уже тѣмъ въ него сѣмя бросилъ дурное, и возрастетъ оно, пожалуй“. Такъ, дѣйствительно, возрастаетъ сѣмя и дѣти преступниковъ очень часто дѣлаются преступниками; если не доходитъ до этого, жизнь портится отъ ненормальнаго воспитанія. Негодный чиновникъ вноситъ диссонансъ въ жизнь сослуживцевъ, можетъ дурно вліять и примѣромъ; если онъ—начальникъ, то портитъ все учрежденіе: помимо прямыхъ злоупотребленій по службѣ, онъ худшую часть подчиненныхъ привлекаетъ (иногда невольно) къ служенію его начальническимъ страстямъ—создаетъ среду, какая ему нравится: конечно, это не внесетъ счастія въ среду, напротивъ,—причинитъ много несчастій. Чѣмъ шире сфера дѣятельности человѣка, тѣмъ шире кругъ отраженія его злыхъ дѣлъ со всѣми послѣдствіями.

Установить естественную связь между преступленіемъ—съ одной стороны и голодомъ съ пожарами—съ другой мы не можемъ; по библейскому же взгляду, это непосредственное дѣйствіе гнѣва Божія; такъ: когда Давидъ согрѣшилъ, появилась страшная смертность въ народѣ—Ангелъ истреблялъ людей; за упорство Фараона на Египетъ наслано десять казней. Такое вѣрованіе даже свойственно и язычникамъ: преступленія Эдипа навлекли бѣдствія на Ѳивы. Откуда у грековъ язычниковъ такое вѣрованіе? Даже на низкой степени развитія

человѣку свойственно осмысливать явленія. Ближайшая причина, напр. голода (безснѣжная зима, бездождіе и проч.), не осмысливаетъ явленіе—оно все таки остается безцѣльнымъ и потому не понятнымъ. Объ этомъ прекрасно разсуждаетъ Страховъ („Борьба съ Западомъ II ч. 318 стр.): Убитъ человѣкъ громомъ; „во время суевѣрій“—люди сказали бы: за этимъ человѣкомъ было тайное преступленіе. По этому объясненію фактъ представляется цѣлесообразнымъ, въ немъ есть смыслъ. По новому возарѣнію—убила человѣка слѣпая сила—электричество, убила такъ себѣ, ни за что, ни про что; эта сила не могла руководиться какою-нибудь цѣлью: она сдѣлала это ни для добра, ни для зла. Что-то странное! этотъ человѣкъ имѣлъ, говоря нынѣшнимъ языкомъ, всѣ права на жизнь, не былъ ни въ чемъ виноватъ, могъ быть полезенъ для общества, нуженъ для семейства,—спрашивается, зачѣмъ же совершилась такая безсмыслица? Если мы подумаемъ, что жизнь величайшаго генія точно такъ-же виситъ на волоскѣ, какъ и жизнь всякаго человѣка, что игра случайностей дѣйствуетъ ежедневно, ежеминутно, что противъ нея нѣтъ никакихъ силъ и средствъ, то мы, вмѣсто радости объ открытіи электричества, можемъ впасть въ самый мрачный пессимизмъ: всего не откроешь и отъ всего не оградишься“. Безотраднымъ взглядомъ, допускающимъ отсутствіе высшаго порядка, уничтожается всякій мотивъ жить высшими интересами: не смотри на небо, живи животною жизнію—вѣдь слѣпая сила смететъ тебя со всѣми твоими дѣлами. Человѣкъ, не испорченный различными теоріями, не помирится съ этимъ взглядомъ, а остановится на взглядѣ религіи: кромѣ естественнаго, такъ сказать—осязательнаго порядка, есть еще высшій, нравственный порядокъ, которымъ проникнуты всѣ явленія даже физическаго міра.

А. Барсовъ.

1897 г., 5 Августа.
Эривань.

ЗАМѢТКА О ВНѢКЛАССНОМЪ ЧТЕНІИ УЧАЩИХСЯ.

На обязанности школы лежитъ правильная организація внѣкласснаго чтенія.

Всѣ знаютъ, что недостаточно прочесть книгу,— надо изъ нея что-нибудь вычитать, воспитать же привычку читать вычитывая—и есть дѣло школы. Она должна научить учащихся читать плодотворно, сдѣлать чтеніе своей насущной потребностью, находить въ немъ наслажденіе, а въ книгахъ лучшихъ своихъ друзей. При помощи умѣлой постановки чтенія каждый воспитанникъ пополняетъ пробѣлы въ своихъ знаніяхъ, пріобрѣтаетъ множество новыхъ свѣдѣній и убѣжденій; подъ вліяніемъ чтенія складываются взгляды учащихся на жизнь, природу и людей; отъ него же зависитъ извѣстное направленіе мыслей и чувствъ.

Вопросъ о внѣклассномъ чтеніи не разъ затрагивался въ педагогической литературѣ и продолжаетъ интересовать многихъ педагоговъ, но по причинѣ своей трудности онъ, къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ не получилъ удовлетворительнаго разрѣшенія;—тѣ же общія положенія, которыя выработала педагогическая литература, при практическомъ осуществленіи, какъ показываетъ опытъ многихъ лицъ, сталкиваются съ массою непредвидѣнныхъ случайностей и обстоятельствъ, а потому не всегда являются исполнимыми.

Въ такомъ сложномъ вопросѣ, какъ внѣклассное чтеніе, каждое даже незначительное наблюденіе должно, конечно, имѣть свое значеніе; это обстоятельство побуждаетъ и насъ предложить вниманію читателей свои наблюденія, накопившіяся въ теченіе пятилѣтней моей педагогической дѣятельности.

Взявъ на себя въ 189²/₃ году нелегкую обязанность руководить внѣкласснымъ чтеніемъ учениц старшихъ классовъ одной изъ женскихъ гимназій, я не ду-

малъ питать себя иллюзіями и былъ чуждъ самообольщенія; я лишь желалъ оказать ученицамъ посильную помощь въ предѣлахъ моихъ знаній и свободнаго времени.

Получивъ разрѣшеніе начальства выдѣлить мнѣ изъ ученической библіотеки часть книгъ, преимущественно историко-литературнаго характера, я сталъ выдавать ихъ ученицамъ въ опредѣленный день разъ въ недѣлю; если же ученицамъ экстренно нужна была та или иная книга, то просьбы ихъ удовлетворялись, конечно, и въ неочередный день. Несмотря на самыя скромныя желанія—увеличить число читательницъ, потребность въ чтеніи была весьма незначительна, и дѣло подвигалось очень медленно, такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ ($189^2/_3$, $189^3/_4$) мною было выдано всего 140 книгъ на 49 ученицъ, т. е. 1, 4 кн. на одну ученицу въ 1 годъ. Причину такого невниманія къ книгѣ я объясняю мало интеллигентнымъ составомъ мѣстнаго общества, большинство членовъ котораго мѣщане и купцы—люди, мало интересующіеся литературными и научными вопросами. Въ $189^4/_5$ году число выданныхъ книгъ возросло до 465 на 59 ученицъ (7, 9 на 1 ученицу), въ $189^5/_6$ до 909 на 66 уч. (13, 7 на 1 уч.) и въ $189^6/_7$ до 1003 на 67 уч. (почти 15 кн. на 1 уч.). Такимъ образомъ, сопоставивъ количество прочитаннаго на 1 уч. за 5 лѣтъ, можно убѣдиться, что интересъ къ чтенію постепенно возрасталъ и въ $189^6/_7$ году, сравнительно съ $189^2/_3$, въ массѣ увеличился въ 10 разъ. Руководя чтеніемъ, я всегда и въ особенности въ первое время думалъ, что принудительное чтеніе, чтеніе «изъ-подъ палки» не только не можетъ быть продуктивнымъ, но скорѣе поселитъ въ ученицахъ отвращеніе къ книгѣ, заставитъ ихъ хитрить и обманывать преподавателя, т. е. разовьетъ явленія, весьма нежелательныя въ педагогическомъ отношеніи. Вотъ почему я старался придать внѣклассному чтенію характеръ занятія совершенно свободнаго. Но въ то же время я говорилъ ученицамъ о значеніи чтенія, разъяснялъ, ка-

кую роль играетъ книга въ жизни, и какъ важно именно въ молодые годы, когда душа рвется ко всему высокому и прекрасному, впитать въ себя понятія, мысли и идеи, высказанныя въ книгахъ лучшими и благороднѣйшими людьми, чтобы знать, чѣмъ быть въ жизни, и вступить въ нее съ полною вѣрою въ «разумное, доброе и вѣчное». Отсутствіе какихъ-бы то ни было насильственныхъ мѣръ, какъ мнѣ кажется, и было одной изъ главныхъ причинъ расширенія круга читательницъ и возбужденія среди нихъ интереса къ интеллектуальнымъ вопросамъ. Этому въ значительной степени способствовало образованіе своего рода «читательныхъ» традицій среди ученицъ. Появился цѣлый рядъ книгъ, наиболѣе популярныхъ между ними, такъ что прочесть ихъ ученицы старались преимущественно передъ другими. Мнѣ неоднократно приходилось слышать, какъ онѣ съ восторгомъ хвалили ту или иную книгу и совѣтовали взять ее еще неопытной читательницѣ. Вотъ перечень такихъ книгъ и отдѣльныхъ произведеній.

«Рустемъ и Зорабъ», «Ундина», «Нань и Дамаянти», «Бѣдная Лиза»; соч. Вальтеръ-Скотта (изд. Вольфа), »Недоросль», «Горе отъ ума», «Евгеній Онѣгинъ», поэмы, повѣсти и драмы Пушкина, первые три тома соч. Гоголя, «Демонъ», «Герой нашего времени», соч. Григоровича; особенно же популярными являются соч. Лажечникова, Гончарова, Льва Толстого, Тургенева и Князь Серебряный Ал. Толстого. Изъ сочиненій Островскаго читаютъ почти исключительно «Лѣсъ», «Грозу» и «Бѣдность не порокъ».

При выдачѣ книгъ я слѣдилъ за историческою и хронологическою послѣдовательностью въ чтеніи, насколько позволяли средства библіотеки, а также за тѣмъ, соотвѣтствуетъ-ли выдаваемая книга возрасту и развитію ученицы. При этомъ я говорилъ, на какую сторону книги, на какихъ дѣйствующихъ лицъ должно быть обращено вниманіе при чтеніи; совѣтовалъ не пробѣгать торопливо страницъ, а читать медленно, вдумы-

ваясь въ прочитанное и сознательно отдавая себѣ отчетъ въ вѣрности его пониманія: только такое чтеніе можетъ приносить пользу.

Любовь къ чтенію, развившаяся среди ученицъ въ два послѣдніе года, значительно облегчила прохожденіе курса теоріи словесности и исторіи русской литературы, а также усвоеніе ученицами обязательныхъ произведеній. Мнѣ достаточно было назвать какое-либо произведеніе, чтобъ ученицы охотно ознакомились съ нимъ.

Очень важной стороной въ организаціи домашняго чтенія является контроль надъ нимъ. Контроль надъ чтеніемъ служитъ, во-первыхъ, средствомъ узнать, какъ понимаютъ вообще учащіеся прочитанное, а во-вторыхъ, помогаетъ глубже проникнуть въ сферу индивидуальныхъ особенностей учащихся и даетъ точку опоры для направленія и регулированія ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Все это, безспорно, требуетъ отъ преподавателя продолжительной и тщательной подготовки и можетъ быть выполнено при достаточномъ количествѣ свободнаго времени, а между тѣмъ преподавателя, и въ особенности того, у котораго на рукахъ масса письменныхъ работъ, въ роли руководителя внѣкласснымъ чтеніемъ, именно стѣсняетъ недостатокъ свободнаго времени. Эту сложную диллему нельзя обойти молчаніемъ, и съ ней приходится считаться каждому добросовѣстному преподавателю. Но отсюда, однако, не слѣдуетъ, чтобы выборъ книгъ и самое чтеніе предоставить доброй волѣ учащихся. При отсутствіи контроля и соединеннаго съ нимъ разумнаго руководства, чтеніе книгъ рискуетъ превратиться въ простое удовольствіе и потерять значительную долю своего воспитательнаго вліянія. Вотъ почему преподаватель долженъ употребить всѣ усилія для того, чтобы поставить въ возможно лучшія условія контроль надъ домашнимъ чтеніемъ.

Мнѣ до нѣкоторой степени помогало слѣдующее:

1) Во время выдачи книгъ я предлагалъ вопросы цѣлой группѣ ученицъ, ознакомившихся съ извѣстнымъ

произведеніемъ, и велъ съ ними кратковременную бесѣду о прочитанномъ.

2) Пріурочивалъ домашнія письменныя работы къ внѣклассному чтенію. Для классныхъ работъ, которыя исполнялись въ продолженіе урока, лучшій матеріалъ представляли, конечно, прочитанные и разобранные въ классѣ литературные образцы. Но для домашнихъ работъ назначался сравнительно большій промежутокъ времени (отъ 3 до 4 недѣль), въ теченіе котораго ученицамъ предоставлялось основательно и неспѣшна подготовляться къ работамъ. Вотъ для такихъ то работъ домашнее чтеніе сослужило хорошую службу, при чемъ и самыя работы, въ свою очередь, преслѣдуя и общія цѣли, служили достаточнымъ орудіемъ контроля надъ этимъ чтеніемъ. Въ разное время ученицамъ давались такія работы.

1) Изложить содержаніе девятой пѣсни «Одиссеи».

2) Изложить содержаніе «Капитанской дочки» (двѣ работы).

3) Изложить содержаніе «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ (двѣ работы).

4) Характеристика провинціальной помѣщичьей жизни по «Евгенію Онѣгину».

5) Характеристика Московскаго общества по комедіи «Горе отъ ума».

6) Характеристика Татьяна по «Евг. Он.»

7) Характеристика Бориса Годунова по трагедіи «Борисъ Годуновъ».

8) Характеристика скупого рыцаря Пушкина.

9) Характеристика Петра Великаго по произведеніямъ Пушкина.

19) Волкъ по баснямъ Крылова.

11) Дѣйствующія лица и обстановка въ балладахъ Жуковскаго.

12) Кавказъ по произведеніямъ Лермонтова.

13) Выяснить, по лирическимъ отступленіямъ 1 и 6 главъ «Евгенія Онѣгина», отношеніе Пушкина къ типу, изображаемому въ лицѣ Евгенія Онѣгина.

14) Выяснить отношенія Гоголя, по лирическимъ отступленіямъ первой части «Мертвыхъ душъ», къ Россіи, къ своему призванію, къ юмористическому смѣху и къ читателямъ.

15) Картины природы въ произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

16) Что можно сказать о личности автора на основаніи «Мертвыхъ душъ».

3) Контроль надъ домашнимъ чтеніемъ производился и на урокахъ русскаго языка особенно способствовали этому курсы теоріи словесности и исторіи руской литературы (V, VI и VII класса). Такъ напримѣръ «Фрегатъ Паллада» «Корабль Ретвизанъ» послужили матеріаломъ для бесѣдъ о путешествіи. Послѣ устной передачи 1—2 біографій (изд. Павленкова) были сдѣланы выводы о біографіи. Понятіе о поэмѣ составлялось послѣ ознакомленія ученицъ съ содержаніемъ «Рустема и Зораба» и нѣсколькихъ пѣсенъ «Иліады» и «Одиссеи». Понятіе о романѣ составлялось на основаніи разбора «Евгенія Онѣгина» и «Князя Серебрянаго». Для теоретическихъ выводовъ о повѣсти, разсказѣ, трагедіи, комедіи и драмы (въ тѣсномъ смыслѣ) ученицы дома прочли и усвоили слѣдующія произведенія: «Капитанскую дочку», «Записки охотника», «Макбета», «Гамлета», «Короля Лира», «Отелло», «Бориса Годунова», «Ревизора», «Лѣсъ», «Грозу» «Бѣдность не порокъ». Подобнымъ образомъ дѣло шло и при изученіи исторіи руской литературы.

4) По моему совѣту, ученицы завели записныя тетради, куда заносили замѣтки о прочитанномъ. Для руководства имъ былъ предложенъ рядъ вопросовъ, на которые онѣ могли бы отвѣчать письменно.

Вотъ эти вопросы.

1) Заглавіе прочитанной книги.

2) Какого числа начато и окончено чтеніе?

3) Краткое содержаніе прочитаннаго произведенія или наиболѣе интересной его части.

4) Выписать наиболѣе поразившія мысли и понравившіяся мѣста произведенія.

5) Характеристика наиболѣе симпатичнаго дѣйствующаго лица и одного изъ главныхъ (кто можетъ).

6) Какими вопросами заинтересовалась ученица при чтеніи? Для руководства въ данномъ случаѣ ученицамъ предложено было пріобрѣсти «Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ» И. П. Болталона (изд. 2-е).

7) Высказать свое впечатлѣніе о произведеніи.

8) Указать, что не понятно въ прочитанномъ (мысли, слова...).

9) Постепенно составлять указатель разборовъ и и критическихъ статей о произведеніяхъ литературы (для ученицъ 7 и отчасти 6 класса). Ученицамъ четвертаго класса предложено было ограничиться 4-мя первыми вопросами. Записныя тетради, по мѣрѣ накопленія матеріала, ученицы представляли мнѣ для просмотра. Разъясненія на всѣ возникавшія у молодыхъ читальницъ сомнѣнія давались устно или письменно на записныхъ тетрадяхъ. Въ настоящее время въ моихъ рукахъ накопилось большое количество матеріала, довольно отчетливо характеризующаго извѣстный періодъ въ жизни молодаго поколѣнія. Подробно же поговорить объ этомъ я намѣренъ въ слѣдующей статьѣ.

М. Харламовъ.

ПАМЯТИ ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА БУСЛАЕВА.

Въ только что вышедшемъ въ свѣтъ пятомъ томѣ „Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ" С. А. Венгерова, на страницахъ 291—327 помѣщено жизнеописаніе недавно скончавшагося знаменитаго филолога Ѳедора Ивановича Буслаева, составленное проф. А. И. Кирпичниковымъ съ дополненіями, за подписью двухъ буквъ С. В., (очевидно самого г. Венгерова.) Интересъ этого жизнеописанія громадный, такъ какъ проф А. И. Кирпичниковъ былъ его слушателемъ, вотъ почему онъ считаетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о Буслаевѣ, какъ профессорѣ на основаніи личныхъ воспоминаній. Буслаевъ потерялъ надъ Апокалипсисомъ зрѣніе (уже во время корректуры онъ сталъ чувствовать сильное утомленіе въ глазахъ, до тѣхъ поръ безусловно здоровыхъ); позднѣе сталъ плохо видѣть однимъ глазомъ, а потомъ зрѣніе ослабѣло и въ другомъ; всѣ медицинскія пособія оказались безсильными. Еще бы пять лѣтъ упорнаго труда дали 900 стр. текста, въ которомъ каждая фраза есть результатъ или тщательныхъ кропотливыхъ наблюденій и сличеній или упорной работы мысли, текста, въ которомъ нѣтъ ни одной праздной и непровѣренной фразы. Кромѣ того Атласъ въ 308 таблицъ, въ которомъ каждая черточка дѣлалась подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ автора—это можетъ надорвать силы и молодаго, свѣжаго работника, а Буслаеву шелъ уже седьмой десятокъ и за плечами у него были десятки ученыхъ трудовъ.

Проф. Кирпичниковъ сравниваетъ Буслаева съ Карамзинымъ, который былъ въ Россіи первымъ литераторомъ и только литераторомъ, безъ претензій на служебную или другую общественную роль. Такъ и Буслаевъ всю жизнь былъ ученымъ и профессоромъ и не желалъ быть ничѣмъ инымъ. Наука и преподаваніе ея были для него выше всего остальнаго, были единственно достойнымъ его дѣломъ. Все то, что мѣшало ея успѣхамъ, было въ его глазахъ зломъ,

разстраивало его и глубоко огорчало. Буслаевъ—только ученый, не разбрасывавшійся никогда въ публицистику и беллетристику, какъ его предшественники по каѳедрѣ; научная истина, критически очищенная, для него важнѣе всего; но историческая связь между нимъ и его учителями, какъ русскими, такъ и западными, видна въ томъ, что эта истина не остается для него безплодной, въ ожиданіи подбора другихъ подобныхъ, а требуетъ вывода обобщенія, а иногда и практическаго примѣненія. Выводъ можетъ быть иногда преждевременен, слишкомъ широкъ; но онъ всегда интересенъ и благотворно возбудителенъ для послѣдующихъ работниковъ.

Всѣ статьи и мелкія разсужденія Буслаева непремѣнно должны быть впослѣдствіи собраны и изданы особой книгой, или вѣрнѣе, книгами; но еще раньше ихъ нуждаются въ изданіи читанные имъ курсы, частію рукописные, частью литографированные, и въ особенности превосходный общій курсъ исторіи допетровской литературы, прочитанный въ Бозѣ почивающему Наслѣднику Николаю Александровичу. Было бы далеко не лишнимъ издать отдѣльною книгою и превосходно написанные и чрезвычайно важныя для уясненія недавняго прошлаго русской литературы и науки „Воспоминанія“ Ѳедора Ивановича Буслаева.

Вообще этотъ очеркъ полонъ интереса. Написанъ онъ еще при жизни Буслаева.

Н. Н. Вакуловскій.

---

† Ѳ. И. БУСЛАЕВЪ.

Получивъ грустное извѣстіе о кончинѣ Ѳ. И. Буслаева, Редакція «Фил. Зап.» спѣшитъ выразить съ своей стороны сердечное сожалѣніе о незамѣнимой утратѣ для науки русскаго слова такого дѣятеля и неутомимаго борца на такомъ широкомъ поприщѣ нашего родного языка по изслѣдованію и развитію его законовъ, какъ живого организма въ устахъ народа и въ литературѣ. И вотъ не стало этого борца, смолкли и краснорѣчивыя его уста! Въ его аудиторію, гдѣ онъ читалъ свои лекціи, собирались слушать студенты и другихъ факультетовъ. Кромѣ того у него назначены были особые вечерніе часы, на которые собиралось всегда нѣсколько студентовъ, сколько позволяли вмѣстить свободныя комнаты его квартиры. Здѣсь Ѳ. И. руководилъ ихъ въ разныхъ направленіяхъ, выдавая для прочтенія и ознакомленія разныя статьи или отдѣлы въ указанныхъ изданіяхъ. Потомъ выслушивалъ объясненія, поправлялъ и дополнялъ и указывалъ, какъ и что нужно понимать. Словомъ, бесѣды эти продолжались два три часа, а въ это время не сходилъ со стола самоваръ. Такія бесѣды были драгоцѣнны и въ высшей степени поучительны.

Жаль, что нестало у насъ такого великаго учителя и просвѣтителя. На память намъ, его ученикамъ, онъ оставилъ множество своихъ обширныхъ и драгоцѣнныхъ трудовъ, изъ произведеній живого слова, и прежде всего большой томъ своей «Грамматики русскаго языка», переработанной заново незадолго до своей смерти. Изъ всего, что оставлено имъ, есть чѣмъ позаимствоваться и чему научиться. Съ другой стороны много осталось у его слушателей живыхъ воспоминаній, записанныхъ во время чтеній лекцій Ѳ. И., многіе успѣвали все слышанное записывать дословно. Желательно, чтобы всѣ эти записи были собраны и изданы, какъ драгоцѣнныя пособія для любителей литера-

туры и особенно нужныя и необходимыя для преподавателей. Въ высшей степени интересно было бы видѣть въ печати эти разнородные и болѣе подробные сборники этихъ чтеній, изъ которыхъ мы увидѣли бы, какіе вопросы Θ. И. затрагивалъ и развивалъ, и какъ рѣшалъ тотъ или другой научный вопросъ, и къ какимъ рѣшеніямъ приходилъ и вообще, какое вліяніе производили его лекціи на слушателей. Подобнаго рода изданія были бы для всѣхъ насъ драгоцѣнны и необходимы, какъ историческіе памятники и научные образцы. Можетъ быть, найдутся разъясненія какихъ либо вновь открытыхъ особенностей въ строѣ языка,—отъ такого знатока и изслѣдователя законовъ языка можно было ожидать много новыхъ взглядовъ и открытій,—языка, которому Θ. И. былъ преданъ всею душою, на изслѣдованіе котораго посвятилъ всю свою жизнь.

Говорить подробно о великихъ и дорогихъ заслугахъ этого труженика намъ теперь нѣтъ надобности; мы въ свое время достаточно охарактеризовали его замѣчательную дѣятельность, какъ заслуженнаго профессора и академика по поводу «Чествованія пятидесятилѣтней его ученой профессорской дѣятельности».

На поздравленіе наше съ исполнившемся почетнымъ юбилеемъ почтенный юбиляръ отвѣтилъ намъ слѣдующими дорогими словами:

«Сердечно благодарю Васъ за радушное привѣт«ствіе въ день исполнившагося 50-лѣтія моей дѣятель«ности. Премного радуюсь, что для этого полустолѣт«няго итога я успѣлъ сдѣлать нѣкоторый вкладъ и въ ваши заслужившія всеобщій почетъ «Фил. Записки».

При этомъ Θ. И. прислалъ намъ на память дорогой подарокъ,—только что вышедшее 7-е изданіе своей «Грамматики» при начертаніи слѣдующихъ замѣчательныхъ строкъ:

«Чтобы не было крупнаго недочета въ юбилейной «ревизіи, мнѣ удалось какъ разъ передъ ея начатіемъ «принести всенародное покаяніе въ своемъ грѣхѣ, ко«торое состояло въ капитальной переработкѣ моего учеб-

«ника рус. Грамматики съ первой его половины до по«слѣдней (и какая откровенность Ѳ. И!), онъ далѣе го«воритъ: старое изданіе до того устарѣло, прогнило и «заплѣсневѣло, что грозило рухнуть до основанія, какъ «сооружаемые теперь въ Москвѣ каменные дома.

«Мнѣ ничего другого не оставалось—или навсегда «прекратить изданіе такой книги, или въ своей масти«той, какъ говорится,—старости, тряхнуть юною рьяно«стію и дать совсѣмъ новый учебникъ».

Вклады Ѳ. И. въ наше изданіе были слѣдующіе:

«Слѣды Русскаго богатырскаго эпоса въ миѳическихъ преданіяхъ индо-европейскихъ народовъ» I—II в в. 1863 г.

«Объ элементарныхъ правилахъ филологической критики по поводу книги Арх. Амфилохія: «Описаніе Юрьевскаго Евангелія 1118—28 г.г.» III в. 1879 г.

Считаемъ здѣсь нелишнимъ привести и слѣдующій отзывъ Ѳ. И. о личности редактора Ф. З., данный имъ на запросъ Департамента М. Н. Пр. въ 1879 г.

«Г. Хованскаго я хорошо знаю и давно привыкъ «уважать въ немъ одного изъ усердныхъ дѣятелей, по«святившимъ себя на пользу отечественнаго просвѣще«нія. Онъ своими «Фил. Зап.» постоянно возбуждалъ «и поддерживалъ интересъ и любовь преподавателей и «другихъ спеціалистовъ къ родному языку и словесно«сти и своею неусыпною ревностію вызывалъ ихъ на «сотрудничество въ разработкѣ вопросовъ, по этимъ во«просамъ и этимъ путемъ воспитывалъ цѣлое поколѣ«ніе дѣльныхъ преподавателей: онъ былъ для нихъ какъ «бы наставникомъ и наблюдателемъ. Г. Хованскій былъ «непросто издатель чужихъ работъ, но настоящій «ре«дакторъ», т. е. такой спеціалистъ, который дѣйстви«тельно редактировалъ то, что въ своемъ журналѣ печа«талъ, направляя своихъ сотрудниковъ, исправляя и «дополняя издаваемое имъ».

Ред.

КЪ ВОПРОСУ О РУССКОМЪ ПРАВОПИСАНІИ.

(Статья 3-я).

16. Продолжая замѣтки о русскомъ правописаніи, мы въ настоящей статьѣ остановимся на вопросѣ, который мало назвать труднымъ: онъ неразрѣшимъ не только для учениковъ, но и для учителей. Этотъ вопросъ касается удвоенія буквы «*н*» въ прилагательныхъ и производныхъ отъ нихъ словахъ. Въ теченіе довольно продолжительной преподавательской дѣятельности намъ удавалось доводить учащихся до полной грамотности; но предупредить ошибки въ указанномъ случаѣ, какъ показалъ опытъ, невозможно, и это происходитъ отъ того, что и въ «Русскомъ правописаніи» Я. К. Грота нельзя отъискать полнаго и опредѣленнаго указанія, когда слѣдяетъ удваивать «*н*» и когда надо писать одно «*н*».

Такъ, на страницѣ 73 «Русскаго правописанія» 11 изд. мы читаемъ слѣдующее правило (3): «Въ немногихъ вещественныхъ прилагательныхъ окончаніе «яный», при удареніи на предпослѣднемъ слогѣ, превращается согласно съ произношеніемъ, въ «янный»: деревянный, оловянный, стеклянный.

Прежде писали также: серебрянный, кожанный; теперь же пишутъ правильнѣе; серебряный, кожаный, конопляный, глиняный, нитяный, жестяной и пр.».

Посмотримъ теперь, слѣдуетъ ли «Русское правописаніе только что приведенному правилу. Открывъ «Справочный указатель», мы находимъ слово «стеклянный» съ «*ны*»; съ «*нн*» находимъ также и слѣдующія слова: деревянный, жестянныи, окаянный, оловянный; но на ряду съ этими встрѣчаемъ слова совершенно оди-

*) См. Филолог. Зап. 1892 г.

наковаго образованія и съ такимъ же удареніемъ, но имѣющія, почему-то одно «*н*»: медвяный, песчаный, конопляный. Такая непослѣдовательность просто удивительна. Если «Русское правописаніе» Я. К. Грота имѣло своей цѣлью упорядоченіе русскаго правописанія и облегченіе усвоенія его учащимися, то оно, очевидно, должно было стремиться къ возможной простотѣ и послѣдовательности, не теряя въ то же время научности. Такъ какъ, кромѣ указанныхъ и помѣщенныхъ въ «Рус. правописаніи» словъ, могутъ встрѣтиться и другія слова съ сомнительнымъ «*н*», то подобная нерѣшительность можетъ только подрывать авторитетъ «Русскаго правописанія» и приведетъ учащихся къ убѣжденію, что русскаго правописанія изучить хорошо нельзя.

Между тѣмъ уничтожить эту двойственность, нерѣшительность весьма легко: слѣдуетъ писать эти и подобныя имъ слова съ однимъ «*н*», потому что и образуются и произносятся они совершенно одинаково: песчаный, стекляный, конопляный, жестяный, оловяный и проч. Этимологическій составъ этихъ словъ указываетъ на одно «*н*» (стекл-ян-ый, песч(к)ан-ый), а въ живой рѣчи не вездѣ звучитъ «*нн*» въ такихъ словахъ, какъ стекляный, оловяный. Слѣдовательно всѣ данныя говорятъ за то, чтобы во всѣхъ разбираемыхъ словахъ писалось одно «*н*». Введеніе въ указанныхъ и подобныхъ имъ словахъ однообразнаго начертанія съ однимъ «*н*» помогло бы и дѣлу обученія правописанія въ школахъ, которое въ настоящее время даже нѣкоторымъ преподавателямъ кажется сомнительнымъ и для усвоенія дѣтьми непосильнымъ.

Итакъ надо писать: глиняный, деревяный, жестяной или жестяный, кожаный; конопляный, медвяный, нитяный, оловяный, песчаный, серебряный, стекляный и др. Слова «окаянный», «мысленный», «численный», помѣщенныя въ «Справочномъ указателѣ» съ «*нн*», по своему образованію причастія, но въ современномъ язы-

кѣ являются вполнѣ прилагательными и, хотя не могутъ имѣть двухъ формъ, должны писаться съ однимъ «*н*», какъ прилагательныя въ цѣляхъ однообразія: окаяный, численый, мысленый.

Такое же начертаніе должны имѣть слова съ суффиксамъ «*н*», которому предшествуетъ «*е*» или «*и*». И въ этихъ словахъ въ «Русскомъ правописаніи» мы не находимъ послѣдовательности: съ одной стороны мы видимъ начертанія «вѣтреный, вѣтреность, вѣтряной, гостиный», а съ другой—«соломенный». И въ этомъ случаѣ слѣдуетъ упростить правописаніе, оставивъ одно «*н*».

Въ экзаменномъ сочиненіи по-русской словесности отличная ученица написала «вѣтренность», вмѣсто рекомендуемаго «Рус. прав.» начертанія «вѣтреность». Рецензенты могутъ признать первое начертаніе признакомъ недостаточной грамотности и не оцѣнить сочиненія высшей отмѣткой, какъ оно того заслуживаетъ; а между тѣмъ подобныхъ ошибокъ предупредить нельзя.

Вообще двойное «*нн*» слѣдовало бы удержать, 1) въ причастіяхъ прош. вр. страд. залога въ цѣляхъ практическихъ, для различенія отъ прилагательныхъ: напр. печенный и печеный, писанный и писаный: писаная красавица; картина, писанная рукою искуснаго художника, производитъ сильное впечатлѣніе; 2) съ большимъ основаніемъ и непремѣнно надо писать «*нн*» въ тѣхъ словахъ, корень или основа которыхъ оканчивается на *н*, а прилагательное образуется при помощи суффикса «*н*»: вин-о—вин-н-ый, стран-ный, весен-н-ій, ран-н-ій, без-смѣн-н-ый и др. Если бы встрѣтилось затрудненіе въ томъ, что съ этимъ нововведеніемъ въ правописаніи пришлось бы переучивать учащихся снова,—можно было бы въ послѣдующихъ изданіяхъ «Русскаго правописанія» допустить двоякое начертаніе, признавая возможнымъ пока то и другое.

17. При составленіи сочиненій, описаній, разсказовъ, ученикамъ довольно часто приходится употреблять

слово «омшеникъ», обозначающее постройку, амбаръ, хорошо омшенный, т. е. обложенный мхомъ, куда помѣщаютъ пчелъ на зимовку. Это слово не помѣщено въ «Русскомъ правописаніи» Я. К. Грота, а между тѣмъ въ начертаніи его встрѣчается большое разнообразіе, пишутъ: «амшенникъ», «амшеникъ», амшанникъ», «амшаникъ», омшанникъ и омшаникъ, омшенникъ и омшеникъ и проч.

Слово это происходитъ отъ гл. омшить—обложить, ухитить мхомъ; прич. прош. вр. отъ этого глагола омшенный, а прилагат. омшеный и прич. кр. ф. омшенъ; существит. будетъ о мш-ен-икъ, какъ вареникъ, толченикъ при прилагат. вареный, толченый.

Итакъ слѣдуетъ писать: омшеникъ.

Авторъ этой статьи очень бы желалъ знать мнѣніе другихъ преподавателей по этимъ вопросамъ правописанія, имѣя въ виду пословицу: умъ-хорошо, а два лучше.

П. Адамовъ.

ЗАМѢТКА О ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ С. ПОЛОЦКАГО.

Въ болѣе извѣстныхъ пособіяхъ по исторіи русской словесности С. Полоцкому приписывается только двѣ комедіи — О блудномъ сынѣ и Навуходоносорѣ и трехъ отрокахъ въ пещи Вавилонской (См. Порфирьевъ. Исторія русской слов. ч. I, изд. III, стр. 670; Галаховъ. Исторія русской слов. древней и новой, т. I, отд. 1, стр. 386). Тоже самое утверждаютъ и нѣкоторые авторы спеціальныхъ трудовъ о С. Полоцкомъ (напр. Л. Н. Майковъ. Симеонъ Полоцкій, Древняя и Новая Россія, 1875 г. 3 т.), подробно, разматривавшіе его сочиненія. Приэтомъ не обращено было должнаго вниманія на заявленіе г. Пѣвницкаго, который въ статьѣ о Полоцкомъ (Православное Обозрѣніе, 1860 г., 3 т.) приписалъ Симеону, сверхъ упомянутыхъ двухъ, еще одно драматическое произведеніе — прозой написанную комедію «о Навуходоносорѣ и Олофернѣ». Въ недавнее время то же самое повторилъ г. Поповъ (8 стр. его изслѣд. — Сим. Полоцкій, какъ проповѣдникъ). Въ нашей рецензіи на трудъ г. Попова (см. Филолог. Зап. 1887 г. вып. III—IV) было замѣчено, что заглавіе, данное комедіи еще г. Пѣвницкимъ, нельзя считать удачнымъ [1]), и приведено полное заглавіе комедіи, какъ оно значится въ VIII ч. Древ. Россійск. Вивл., гдѣ она напечатана. Тамъ же высказано было нами сомнѣніе, дѣйствительно ли авторомъ этой комедіи надо считать Полоцкаго. Рѣшеніемъ этого вопроса мы займемся ниже, теперь же остановимся на заявленіи нѣкоторыхъ изслѣдователей, что Симеонъ Полоцкій написалъ не двѣ комедіи, а три.

---

[1]) Наше замѣчаніе оправдывается тѣмъ заглавіемъ, какое носитъ эта комедія въ «Хроникѣ русскаго театра» Носова. Здѣсь комедія означена: «Навуходоносоръ, или какъ царица Юдифь, царю Алаферу голову отсѣкла». (Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1882 г., кн. 2, стр. 10).

Зная любовь Полоцкаго къ литературнымъ занятіямъ, имѣя отъ него два большихъ сборника стихотвореній — «Риѳмологіонъ» и «Вертоградъ многоизвѣтный», стихотворный переводъ Псалтири, съ трудомъ вѣрится, чтобы онъ ограничился въ области драматической поэзіи только двумя стихотворными комедіями, тѣмъ болѣе, что въ его время драматическія произведенія пользовались при царскомъ дворѣ особеннымъ благоволеніемъ. Не знаемъ, такими ли соображеніями руководствовался г. Пѣвницкій, когда приписалъ Полоцкому еще одну комедію, или же у него къ тому были другія побужденія; все-таки едва ли подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что Полоцкій написалъ не двѣ или три комедіи, а нѣсколько. Подтверждаемъ это фактическими данными. Со второй книги Чтеній въ Импер. обществѣ исторіи и древне-россійскихъ 1882 года г. Барсовъ началъ печатать «Хронику русскаго театра Носова, который, по его собственнымъ словамъ, пользовался подлинною рукописью «Исторіи о Россійскомъ театрѣ» знаменитаго актера И. А. Дмитревскаго. Въ хроникѣ Носова находятся слѣдующія данныя касательно дѣятельности Полоцкаго, какъ драматурга. Начиная съ 1672 года, когда, по мнѣнію Дмитревскаго, начались театральныя представленія на Руси, на сценѣ придворнаго театра въ Преображенскомъ и на домовомъ театрѣ боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева играются различныя комедіи Симеона. Такъ первою пьесой, поставленной на придворномъ театрѣ въ Преображенскомъ селѣ была его комедія—мистерія—Навуходоносоръ, или какъ царица Юдифь царю Алаферну голову отсѣкла (Чтенія, 10 стр.). Изъ другихъ пьесъ Полоцкаго, игранныхъ въ Москвѣ въ промежутокъ времени отъ 1672 года по 1678-й, названы слѣдующія: 1) Артаксерскъ, или Повѣшенный Аманъ. Трагедія въ 5 д., въ риѳмахъ, соч. о. Іеромонаха Симеона — Петровскаго —Ситіановича Полоцкаго 2) Рождество Христово. Большая мистерія, соч. Іеромонаха Симеона Петровскаго—Ситіановича Полоц-

каго. 3) Воскресеніе Христово. Мистерія на музыкѣ, соч. Іеромонаха Сим.—Петр.—Сит.—Полоцкаго. 4) Великомученикъ Димитрій. Мистерія на музыкѣ, соч. Іеромонаха Сим.—Петр.—Сит. Полоцкаго. 5) Блудный сынъ. Комедія, притча въ 6 частяхъ, съ пѣніемъ и танцами, соч. Іером. Сим.—Петр.—Сит. Полоцкаго. 6) Воскресеніе мертвыхъ. Мистерія въ 2 частяхъ, соч. Іером. Сим.—Сит.—Петр.—Полоцкаго. 7) Навуходоносоръ, или Сожженіе трехъ отроковъ въ пещи. Комедія въ 1 д. въ виршахъ, соч. его же.

Отсюда видно, что упоминаемыя въ нашихъ курсахъ русской литературы двѣ комедіи Полоцкаго составляютъ незначительную часть написанныхъ имъ драматическихъ произведеній. Что показаніямъ «Хроники» въ данномъ случаѣ можно вполнѣ довѣрять, лучше всего доказывается сравненіемъ указаній ея касательно двухъ комедій Полоцкаго—о блудномъ сынѣ и Навуходоносорѣ и о трехъ отрокахъ въ пещи—съ тѣмъ текстомъ этихъ комедій, который дошелъ до насъ и напечатанъ въ VIII Чт. Древней Россійск. Вивл., стр. 34—60 и 158—160. Въ «Хроникѣ» «Блудный сынъ» названъ комедіей—притчей въ 6 частяхъ, съ пѣніемъ и танцами; по напечатанному въ Вивл. и тексту той же комедіи,—она имѣетъ также 6 дѣйствій, пѣніе и танецъ. Количество дѣйствующихъ лицъ и ихъ наименованіе одни и тѣ же и въ Хроникѣ и въ Россійск. Вивл. Наконецъ приведенный въ «Хроникѣ» Прологъ комедіи совершенно тожественъ прологу, какъ онъ напечатанъ въ Вивл—кѣ. Тоже самое должно сказать и о комедіи Навуходоносоръ и три отроки въ пещи (незначительную разницу представляетъ одно имя; Казнодиръ Хроники = Казначею Вивл—ки). Если показанія Хроники о двухъ комедіяхъ Полоцкаго вполнѣ совпадаютъ съ дошедшимъ до насъ текстомъ этихъ комедій, то какое имѣемъ мы право сомнѣваться въ томъ, что и текстъ остальныхъ комедій, приписываемыхъ Хроникой Полоцкому, также вѣренъ дѣйствительному тексту, до насъ недошедшему. Еще

болѣе неосновательнымъ было бы мнѣніе, что называемыя въ Хроникѣ комедіи ошибочно приписаны Полоцкому. Быть можетъ, когда-либо и отыщется текстъ извѣстныхъ теперь только по названіямъ комедій Симеона; во всякомъ случаѣ изъ того, что мы не имѣемъ ихъ, отнюдь не слѣдуетъ, что ихъ и не писалъ Полоцкій. Итакъ считаемъ возможнымъ признать что Полоцкому принадлежатъ не двѣ или три комедіи, а цѣлыхъ восемь.

Теперь перейдемъ къ высказанному нами сомнѣнію, былъ ли Полоцкій авторомъ напечатанной въ УШ Чт. Древней Россійск. Вивл—ки пьесы подъ названіемъ: «Комедія Навуходоносоръ, Мемуханъ, Моавъ, Аммонъ, Нееманъ, Корей, Лапидоѳъ, четыре протазанщика, четыре спальника»?. (стр. 187—328).

Наше сомнѣніе переходитъ теперь въ убѣжденіе, что напечатанная подъ выше приведеннымъ длиннымъ заглавіемъ въ Др. Рос. Вивл—кѣ комедія не подлинное произведеніе Полоцкаго, а его видоизмѣненіе. Къ этому насъ приводятъ слѣдующія соображенія. 1) Въ «Хроникѣ» о комедіи «Навуходоносоръ, или какъ царица Юдифь царю Алаферну голову отсѣкла» сказано, что она написана стихами (Чтенія въ общ. ист. и Др. Рос. 82 г. кн. 2, стр. 10, 11). Стихи любилъ Полоцкій и, какъ можно заключать на основаніи дошедшихъ до насъ его комедій и показаній Хроники о недошедшихъ, всѣ свои комедіи писалъ стихами. Такъ что показаніе Хроники касательно комедіи о царицѣ Юдифи и Алафернѣ внѣ всякаго сомнѣнія. Между тѣмъ напечатанная въ Вивл—кѣ комедія написана прозой. 2) При равномъ числѣ дѣйствій (7 д.) показанія Хроники и Вивл—ки разнятся въ отношеніи количества дѣйствующихъ лицъ. Въ Хроникѣ ихъ показано, не считая четырехъ протазанщиковъ и четырехъ спальниковъ, тридцать девять. Въ Вивл—кѣ однимъ дѣйствующимъ лицомъ больше, именно лишнимъ, сравнительно съ Хроникой, оказывается Ваней, полководецъ еврейскій,

если считать имена Лапидоѳа и Сисера равными Лафидону и Сіерро Хроники. 3) Роль нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ въ Хроникѣ и Вивл—кѣ представляется различною. Такъ по Вивл—кѣ Селумъ, Суоакимъ и Салмонъ—воины изъ войска Навуходоносора, а по Хроникѣ они—«слуги нѣкоей евреянки». Отсюда можно заключить, что и по содержанію комедія Вивл—ки нѣсколько отличается отъ содержанія подлинной стихотворной комедіи Полоцкаго, на которую указываетъ Хроника. На основаніи вышесказаннаго мы и убѣждаемся, что напечатанная въ VIII ч. Др. Рос. Вивл—ки комедія, приписанная г. Пѣвницкимъ, а за нимъ и г. Поповымъ С. Полоцкому, не есть подлинная комедія послѣдняго, а ея видоизмѣненіе и, быть можетъ, довольно значительное. На напрашивающійся невольно вопросъ, кто же видоизмѣнилъ, или какъ могло произойти видоизмѣненіе стихотворной комедіи Полоцкаго, помогаетъ отвѣтить та же самая Хроника Носова. Въ одномъ изъ примѣчаній ея мы читаемъ слѣдующее: «У насъ, въ Россіи, мистеріи появились въ 1672 году, въ благополучное тогда царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, творцомъ коихъ былъ іеромонахъ Симеонъ Ситіановичъ Полоцкій. Соч. его слѣдующія: 1) Навуходоносоръ, 2) Блудный сынъ, 3) Сожженіе трехъ отроковъ въ пещи, 4) Царь Ассуръ, 5) Артаксерскъ и Аманъ, 6) Рождество Христово. Онъ заимствовалъ ихъ изъ Ветхаго Завѣта или изъ притчей Евангельскихъ. Онъ сочинялъ ихъ для православныхъ христіанъ - россіянъ, дабы они послѣ трудовъ и заботъ въ воскресные и праздничные дни, вмѣсто разгуловъ, кулачныхъ боевъ и винопійства, занимались чтеніемъ сихъ духовныхъ комедій—мистерій и научились бы изъ оныхъ добродѣтели, великодушію, благонравію и кротости. Онъ и не воображалъ, что(бъ?) его комедіи—мистеріи когда-либо были разъиграны: рукописи оныхъ, которыя онъ дарилъ, кто только желалъ имѣть ихъ у себя, переходили изъ рукъ въ руки, переписывались, переводились съ славянскаго язы-

ка на французскій, нѣмецкій языки и разъигрывались на оныхъ по иноземнымъ городамъ»... (Чтенія, стр. 9).

Приведенный нами отрывокъ изъ примѣчанія Хроники весьма замѣчателенъ по своему содержанію. Въ немъ мы находимъ не только подтвержденіе того, что Полоцкій написалъ не одну, двѣ или три комедіи, а нѣсколько, но и отвѣтъ на поставленный выше вопросъ. Если Полоцкій раздавалъ охотно рукописи своихъ комедій, если онѣ переписывались, то весьма естественно предположеніе, что какой либо переписчикъ измѣнилъ, по какимъ-нибудь особымъ, соображеніямъ, стихотворную форму комедіи Симеона на прозаическую и переиначилъ нѣсколько ея содержаніе. Могла такая перемѣна стихотворной формы на прозаическую произойти и не сразу, а постепенно, вслѣдствіе частыхъ переписываній.

Одну изъ такихъ редакцій комедіи Полоцкаго мы и видимъ въ той пьесѣ, которая напечатана въ VIII ч. Древней Рос. Вивл—ки. Слѣдовательно, если послѣдняя пьеса не можетъ считаться въ своемъ настоящемъ видѣ подлинной комедіей Полоцкаго, все же она даетъ намъ понятіе о содержаніи его стихотворной пьесы.

Итакъ, мы желали настоящей замѣткой выставить какъ несомнѣнныя два положенія: 1) С. Полоцкій написалъ не двѣ или три комедіи, а гораздо больше (6 или 8); 2) Напечатанная въ VIII Чт. Древн. Россійск. Вивл—ки комедія о томъ, какъ царица Юдифь царю Адаферну голову отсѣкла, приписываемая нѣкоторыми изслѣдователями С. Полоцкому, хотя и напоминаетъ заглавіемъ и содержаніемъ одну изъ комедій послѣдняго, не есть подлинная его комедія, а одна изъ измѣненныхъ переписчиками редакцій ея.

С. Брайловскій.

О ПРЕПОДАВАНІИ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ И УЧИЛИЩАХЪ *).

Въ училищномъ курсѣ главную задачу составляетъ изученіе грамматики.

Но на этотъ предметъ существуютъ различные взгляды: одни придаютъ огромное значеніе изученію грамматики, другіе напротивъ совершенно отрицаютъ важность и необходимость изученія ея. Въ виду такого разногласія считаемъ необходимымъ привести здѣсь мнѣнія объ этомъ предметѣ нѣкоторыхъ авторитетныхъ ученыхъ и педагоговъ.

Извѣстный германскій ученый, знатокъ классической древности, Шлиманъ (нынѣ уже умершій) рѣшительно отвергаетъ пользу изученія грамматики. Главнѣйшую причину малоуспѣшнаго изученія древнихъ языковъ онъ усматриваетъ въ томъ, что учениковъ въ теченіе всего учебнаго курса держатъ на заучиваніи грамматическихъ правилъ и сами древніе авторы изучаются только съ тою цѣлью, чтобы выводить изъ нихъ новыя грамматическія правила или находить въ нихъ подтвержденіе старыхъ правилъ. Самъ онъ изучилъ одинъ изъ древнихъ языковъ (греческій) совершенно другимъ способомъ. Въ январѣ 1856 г., разсказываетъ онъ самъ въ своей біографіи, когда мнѣ было уже 34 года, я принялся за изученіе греческаго языка. Первымъ моимъ учителемъ былъ Николай Паппадакосъ, вторымъ Ѳеоклитъ Вимпочъ, оба изъ Аѳинъ. И въ этомъ случаѣ я въ точности придерживался моей прежней методы; чтобы въ короткое время усвоить необходимый запасъ словъ я пріобрѣлъ новогреческій переводъ «Поля и Виргиніи» и сталъ читать его внимательно сравнивая каждое слово съ соотвѣтствующимъ словомъ французскаго оригинала; послѣ перваго прочтенія я уже зналъ на память по край-

*) См. Фил. Зап. 1895 г. вып. III—IV.

ней мѣрѣ половину встрѣтившихся въ книгѣ словъ, прочитавъ книгу еще разъ такимъ же способомъ, я усвоивъ почти всѣ слова, не потративъ при этомъ ни одной минуты на отъискиваніе ихъ въ словарѣ. Такимъ образомъ мнѣ удалось въ теченіе шести недѣль одолѣть трудности новогреческаго языка. Тогда я принялся за изученіе древне-греческаго языка и въ три мѣсяца пріобрѣлъ въ немъ познанія достаточныя для пониманія нѣкоторыхъ древнихъ авторовъ и въ особенности Гомера, котораго я съ величайшимъ воодушевленіемъ перечитывалъ нѣсколько разъ. Затѣмъ я въ теченіе двухъ лѣтъ занимался исключительно древне-греческой литературой, причемъ въ продолженіе этого времени прочиталъ всѣхъ древнихъ классиковъ курсорно, а Иліаду и Одиссею по нѣскольку разъ. Изъ греческой грамматики я заучилъ только склоненія и правильныя и неправильныя глаголы: на изученіе же грамматическихъ правилъ я не сталъ тратить ни одной минуты моего драгоцѣннаго времени. Такъ какъ я видѣлъ, что всѣ эти мальчики, которыхъ въ гимназіяхъ по восьми и болѣе лѣтъ терзаютъ и мучаютъ скучными грамматическими правилами, по окончаніи курса не въ состояніи даже написать греческое письмо безъ сотни грубѣйшихъ ошибокъ; то я долженъ былъ придти къ убѣжденію, что въ школахъ господствуетъ совершенно ложная метода. По моему мнѣнію вполнѣ основательное знаніе греческой грамматики можетъ быть пріобрѣтено только практикой т. е. внимательнымъ чтеніемъ прозы и заучиваніемъ на память образцовыхъ отрывковъ изъ нея. Слѣдуя этому въ высшей степени простому методу, я изучилъ древне-греческій языкъ, какъ живой языкъ и поэтому пишу на немъ совершенно гладко и безъ всякаго затрудненія бесѣдую на немъ о какомъ угодно предметѣ, никогда не забывая языка. Со всѣми правилами грамматики я знакомъ въ совершенствѣ, хотя и незнаю, прописаны-ли они въ грамматикахъ, или нѣтъ. Но если бы кто нибудь сталъ отъискивать ошибки въ моихъ греческихъ сочиненіяхъ, то такому

критику я всегда могу доказать вѣрность употребленнаго мною выраженiя тѣмъ, что приведу ему на память мѣста изъ классиковъ, гдѣ эти выраженiя встрѣчаются. Такимъ методомъ изучилъ греческiй языкъ Шлиманъ и изучилъ въ совершенствѣ. Авторъ той статьи [59]), изъ которой мы заимствуемъ этотъ отзывъ Шлимана, съ своей стороны говоритъ: вопросъ о перемѣнѣ системы первоначальнаго обученiя греческому, а также и латинскому т. е. вообще древнимъ языкамъ въ послѣднее время сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ обсужденiя среди педагоговъ спецiалистовъ не только за границей, но и у насъ въ Россiи [60]). Находятъ и притомъ совершенно справедливо, что результаты достигаемые при теперешнемъ методѣ, далеко не соотвѣтствуютъ продолжительности обученiя.

Подобныя, хотя далеко не такiя крайнiя, мнѣнiя объ изученiи грамматики высказывались даже еще старыми латинистами. Наприм. Геснеръ (сначала школьный учитель, потомъ профессоръ университета въ Геттингенѣ въ началѣ 18 го стол.) говорилъ въ своемъ сочиненiи «Объ исправленiи школьнаго дѣла» —что во сто разъ легче изучить языкъ чрезъ практику и упражненiе безъ грамматики, чѣмъ изъ грамматики безъ практики и упражненiя. Сильнѣе того выражается Бруно (1651 г.): «что латинская грамматика, говоритъ онъ, въ ея обычномъ видѣ и по способу преподаванiя требуетъ много труда и работы и безвозвратно отнимаетъ время, такъ что иной 15, 18 и 20 лѣтъ занимается ею и то не можетъ знать основательно, это по моему мнѣнiю не требуетъ доказательствъ». Однако онъ далекъ отъ того, чтобы соглашаться съ тѣми, кто хочетъ изучить латинскiй языкъ безъ грамматики, какъ какой нибудь новый языкъ,

---

59) См. Журн. «Гимназiя» 1893 г. Январь—Февраль ст. Фехнера: Необходимость реформы въ первоначальномъ обученiи греческому языку.

60) Срав. Опытъ методики первоначальнаго обученiя лат. языку. I. Дрбоглавъ. Тифлисъ 1884 г. стр. I—II.

а только желаетъ устранить съ дороги препятствія затрудняющія дѣло.

Совсѣмъ противоположнаго т. е. необыкновенно высокаго мнѣнія о школьномъ изученіи грамматики—держался знаменитый Меланхтонъ. Онъ увѣщеваетъ учениковъ:

«Discite grammaticam pueri, qui caetera vultis
discere, namque viam prima elementa dabunt.

Онъ требуетъ твердаго запоминанія правилъ. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ все ученіе напрасно и потеряно. Ибо не можетъ быть бо́льшаго вреда для знаній, какъ то, когда юношество не твердо научится грамматикѣ» [61]).

Это крайности, но есть и среднія мнѣнія. Таково напр. мнѣніе французск. профессора Мишель Бреаля. «Я не стану вамъ проповѣдовать рутины, говоритъ онъ, обращаясь на лекціяхъ къ своимъ слушателямъ; но во всякомъ ученіи есть вещи, которыхъ нельзя обойти. Пока будутъ учиться полатыни, надо будетъ склонять имена, спрягать глаголы и заучивать правила образованія; главное въ томъ, чтобы дѣлать это толково» [62]).

Современные педагоги-практики также расходятся во взглядахъ на грамматику т. е. на школьное теоретическое изученіе ея. Одни полагаютъ въ ней всю главную суть изученія языка, другіе напротивъ думаютъ, что зубреніе грамматики есть безполезная трата времени, что грамматика должна быть изучаема практически при чтеніи или лучше сказать чрезъ чтеніе авторовъ. То и другое конечно крайность. Истина по нашему мнѣнію находится въ срединѣ. Дѣло не въ преобладающемъ значеніи грамматики и не въ томъ, чтобы при изученіи языка нужно было ее совершенно отбросить. Все дѣло въ

[61]) Экштейнъ. Преподаваніе латин. и греч. языковъ. Стр. 115 и 143—144.

[62]) Мишель Бреаль. Древніе языки. Перев. Н. Сперанскаго. Москва 1892 г. Стр. 74.

правильномъ взглядѣ на грамматику, въ правильномъ отношеніи къ ней и вообще въ правильномъ методѣ преподаванія. Такія напр. мнѣнія, какъ мнѣніе Шлимана въ вопросѣ о школьномъ изученіи языка конечно не могутъ имѣть значенія, по пословицѣ: Quod licet Jovi, non licet bovi. Взрослый человѣкъ и притомъ съ выдающимися, чрезвычайными способностями человѣкъ, какъ справедливо говоритъ Фехнеръ, не можетъ служить примѣромъ для малолѣтнихъ школьниковъ. Путь которымъ шелъ въ изученіи греческаго языка Шлиманъ есть конечно самый правильный путь для взрослаго человѣка. Многіе изучали и теперь изучаютъ нѣмецкій и французскій языки чрезъ штудированіе евангелія на этихъ языкахъ или другой какой нибудь вполнѣ знакомой книги. Это всѣмъ извѣстно. Такую мысль высказывалъ еще Ролленъ, нашъ Чернышевскій и мног. друг.

Наконецъ тутъ играетъ огромную роль энергія. Мы знаемъ другой поразительный примѣръ, гдѣ человѣкъ шелъ къ изученію языка противоположнымъ путемъ. Мы разумѣемъ здѣсь Игнатія Лойолу, который 33 лѣтъ засѣлъ за латинскую грамматику и пришелъ къ тому же результату какъ и Шлиманъ въ греч. языкѣ, хотя они шли къ своей цѣли совершенно различными путями.

Но такіе примѣры какъ Лойолы и Шлимана могутъ имѣть только историческое значеніе. Такая мѣрка не приложима конечно къ юнымъ школьникамъ.

Что касается собственно нашей задачи въ тѣсномъ смыслѣ т. е. вопроса о грамматикѣ въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, то мы полагаемъ, что въ училищѣ изученіе грамматики безусловно необходимо, въ семинаріи же наоборотъ теоретическое изученіе грамматики совершенно безполезно. Съ школьниками дѣтскаго возраста при первоначальномъ изученіи языка нельзя обойтись безъ изученія элементовъ языка т. е. безъ изученія склоненій и спряженій, степеней сравненія, родовъ именъ, правилъ словопроизводства и т. под., словомъ, нельзя обойтись безъ изученія этимологіи, а равно и основныхъ правилъ синтаксиса. Безъ этого запаса, безъ это-

го легкаго вооруженія съ дѣтьми нельзя приступать къ переводу, хотя бы легкихъ авторовъ. Во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ занятіи есть извѣстнаго рода техническіе пріемы. Такіе пріемы, такого рода техническій аппаратъ даютъ изучающему языкъ, этимологія и синтаксисъ. Безъ этого аппарата на первой ступени въ изученіи языка обойтись нельзя. Требовать отъ юныхъ школьниковъ при первыхъ же шагахъ практическаго изученія этимологическихъ формъ и таковаго же отвлеченія синтаксическихъ правилъ значитъ возлагать на ихъ плечи непосильную тяжесть. Такой путь не обезпечитъ успѣха въ изученіи языка. Въ этомъ случаѣ огромное количество времени пришлось бы тратить безполезно. Неизбѣжны были бы частыя перерывы и остановки и трата времени на объясненія того, что дано, какъ готовый матеріалъ, въ грамматикѣ; а неопытнаго учителя это могло бы отвлекать въ безполезныя или прямо вредныя длинныя разглагольствованія. Лучше показать предметъ и дать его въ руки, чѣмъ ухитряться описывать его тому, кто никогда его невидѣлъ. Такъ и въ первоначальномъ обученіи лучше дать ученику грамматику въ руки и пусть онъ воочію видитъ склоненія и спряженія и прочіе элементы и въ порядкѣ, въ системѣ заучитъ ихъ. Тщетно и неправильно возлагать слишкомъ много надеждъ на объясненія учителя при младшемъ возрастѣ учениковъ. Тѣмъ болѣе, что и учительская рѣчь рѣдко имѣетъ такую отчеканенную, строгую и точную форму, при которой она могла бы съ успѣхомъ замѣнить учебникъ. Выучить параграфъ учебника и усвоить объясненія учителя двѣ вещи разныя и тѣ, по нашему мнѣнію, сильно ошибаются, которые думаютъ, что объясненіе усвоить несравненно легче. Усвоеніе объясненія работа гораздо болѣе сложная; правда, что она и гораздо болѣе плодотворна, но къ ней нужно переходить постепенно и начинать эту работу не съ самаго ранняго возраста. Все объяснять, все учить на разсказъ было такое стремленіе, было въ нашихъ школахъ лѣтъ 25—30 назадъ; но тогда же, вскорѣ же обнаружились крайности его.

Увидѣли, что учитель работаетъ больше, чѣмъ ученики, что ученики вовсе не работаютъ памятью, что они и библейскіе тексты заучиваютъ чуть не на разсказъ. Нынѣ поняли эту ошибку и стараются избѣгать этой крайности въ отношеніи ко всѣмъ предметамъ, въ томъ числѣ и въ отношеніи къ языкамъ. Итакъ на первой ступени изученіе грамматики необходимо. Мы не одобряемъ даже изученія грамматики отрывочнаго, безсвязнаго, какое господствовало одно время въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, да держится отчасти и теперь.

Извѣстно, что существуетъ цѣлая серія учебниковъ, написанныхъ по этой системѣ. Методъ этотъ разрабатывался и научно [63]). Но мы не считаемъ его правильнымъ.

Свой взглядъ на этотъ счетъ мы хотя отрывочно и случайно уже высказывали печатно [64]). Расположеніе грамматическаго матеріала по клочкамъ, по частямъ напр. сначала est, потомъ eram, потомъ fuisti или его и т. д. основано по нашему мнѣнію на глубокомъ недоразумѣніи. Думаютъ, что изучать иностранный языкъ (притомъ книжный, мертвый, а не живой, разговорный) тоже самое, что учиться говорить на родномъ языкѣ. Составителямъ такихъ учебниковъ и вообще сторонникамъ этого метода кажется, будто ученикъ начинающій изучать лат. языкъ находится въ одинаковомъ положеніи съ ребенкомъ, только что начинающимъ лепетать на своемъ родномъ языкѣ. Это большое недоразумѣніе. Въ особенности странно и неправильно это въ отношеніи къ ученикамъ II кл. духовныхъ училищъ, съ этого же класса начинается въ училищахъ изученіе лат. языка. Ученики II кл. училища не только владѣютъ механизмомъ языка вообще, но и начинаютъ уже кое-что читать, а главное они изучаютъ уже

---

63) См. Основы умственнаго воспитанія и обученія. К. Гюнцбургъ, стр. 260—278. Москва 1880.

64) См. Фил. Зап. 1895, V. Ст. Orbis Romanus pictus. Г. М.

цѣлый годъ русскую грамматику и грамматику церковно-славянскаго языка; умѣютъ дѣлать грамматическій разборъ и пр. Такимъ ученикамъ нельзя же давать такіе отрывки какъ est, erie, fui и т. под. Имъ знакомы уже логическія группы, (имени существительнаго, прилагательнаго, глагола и проч.;—подлежащаго, сказуемаго, опредѣленія, дополненія и т. д.) извѣстны уже и грамматическія названія или термины. Слѣдовательно, при изученіи лат. языка имъ нужно только сказать, что и въ этомъ языкѣ есть тѣ же части рѣчи и также есть склоненія и спряженія и показать въ связномъ изложеніи, въ системѣ эти элементы; это т. е. ознакомленіе съ элементами вновь изучаемаго языка и послужитъ самой правильной и самой прочной почвой, на которой должно основываться изученіе лат. языка. Съ этого и должно начинать изученіе лат. языка, дѣлая въ возможныхъ случаяхъ ближайшее и непосредственное сопоставленіе съ русскимъ языкомъ. Изъ разрозненныхъ и единичныхъ фактовъ, которые представляютъ изъ себя пестрые клочки, ученикъ не узнаетъ и не изучитъ грамматики. Для этого ему нужно дать грамматику въ видѣ цѣльнаго, связнаго организма. Это своего рода рамка, раздѣленная на нѣсколько отдѣльныхъ клѣточекъ, отдѣльныя части которой тѣмъ легче изучаются и запоминаются, чѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе представленіе о цѣломъ. Система—душа всякаго обученія и ее нельзя исключить и изъ элементарнаго обученія. Такое систематическое изученіе грамматики въ училищѣ неизбѣжно, оно должно составлять главную основу училищнаго курса и занимать въ немъ центральное мѣсто; но конечно на немъ не должно останавливаться слишкомъ долго: надобно скорѣе переходить къ практическому изученію ея послѣ того, какъ ученики запасутся знаніемъ необходимыхъ элементовъ.

Тѣ, которые вовсе отрицаютъ необходимость изученія грамматики, примѣняютъ къ дѣтскому возрасту мѣрку взрослыхъ и впадаютъ въ большую ошибку.

Другое дѣло въ семинаріи. Здѣсь изученіе грамма-

тики съ взрослыми учениками было бы занятіемъ непрактичнымъ. Знаніе грамматики ученики должны выносить изъ училища. Кто переходитъ изъ училища въ семинарію безъ твердаго знанія грамматики, тому безполезно изучать ее въ семинаріи по учебникамъ, такое изученіе никогда не дастъ желательныхъ результатовъ; восполнить и укрѣпить свои недостаточныя и слабыя грамматическія знанія, ученикъ въ семинаріи можетъ только практически чрезъ постоянное занятіе чтеніемъ авторовъ. Въ томъ возрастѣ, въ какомъ ученики бываютъ въ семинаріи, сидѣть за учебникомъ грамматики не полезно и непрактично. Когда ученикъ уже владѣетъ фразой и не только отдѣльными фразами, не только простыми и сложными предложеніями, но и цѣлыми періодами, т. е. умѣетъ сдѣлать разборъ предложеній и періодовъ, когда онъ изучаетъ прозу Цезаря и Цицерона, (если имѣть въ виду учениковъ первыхъ трехъ классовъ семинаріи); то онъ долженъ усвоять, какъ этимологію, такъ и синтаксисъ въ конкретныхъ формахъ, въ готовыхъ образцахъ, какіе ему предлагаются въ сочиненіяхъ Цезаря и Цицерона. Лучшаго пособія, лучшаго средства для изученія грамматики, какъ текстъ самихъ латинскихъ авторовъ, у ученика семинаріи не можетъ быть. По нимъ, по сочиненіямъ этихъ авторовъ онъ долженъ всесторонне изучать ее. Мы думаемъ даже такъ, что нельзя не изучить грамматику, если нѣсколько лѣтъ хотя бы даже и въ школѣ читать авторовъ. Но весьма важно конечно то, какъ читать авторовъ! Въ этомъ случаѣ упомянутый нами Шлиманъ можетъ служить поучительнымъ примѣромъ. Онъ говоритъ, что онъ могъ каждый греческій оборотъ т. е. правильность извѣстнаго оборота могъ подтвердить ссылкою и указаніемъ на то или другое мѣсто въ Иліадѣ, Одиссеѣ и другихъ сочиненіяхъ. Это идеалъ, къ которому по нашему мнѣнію должны стремиться всѣ, кто изучаетъ древніе языки. Только такимъ путемъ и такимъ способомъ должны изучать грамматику ученики семинаріи и только такое изученіе ея можетъ имѣть

цѣну и можетъ быть прочно. Теоретическое изученіе грамматики, которое мы признаемъ умѣстнымъ и даже считаемъ необходимымъ въ училищномъ курсѣ, имѣетъ значеніе только введенія собственно въ изученіе языка. Это своего рода корридоръ или сѣни, которыя должны вести въ домъ или въ зданіе и сами по себѣ безъ этого зданія неимѣютъ никакого значенія. Но какъ домъ можетъ быть безъ сѣней или корридора и мы прямо можемъ вступать въ самое зданіе, такъ и изученіе языка можетъ совершаться прямо чрезъ чтеніе авторовъ безъ предварительнаго теоретическаго изученія грамматики. Это возможно конечно при извѣстномъ умственномъ развитіи и въ болѣе или менѣе зрѣломъ возрастѣ. Такимъ путемъ шелъ Шлиманъ и могутъ идти многіе юноши, даже большинство юношей. Разумѣется не всѣ обладаютъ счастливою памятью, но долгое упражненіе, многолѣтняя практика могутъ ввести ученика съ самыми средними способностями въ духъ и строй латинскаго автора, послѣ чего уже и этотъ ученикъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи богатый матеріалъ, какъ собраніе типовъ и образцовъ латинской рѣчи. Вотъ откуда по нашему мнѣнію должно почерпаться учениками семинаріи знаніе грамматики! Разумѣется, ученикамъ семинаріи не представляется необходимымъ идти тѣмъ же путемъ, какимъ шелъ Шлиманъ. Они естественно изучаютъ грамматику на первоначальной ступени въ училищѣ. Но тѣмъ, которые непроходили этого пути или безуспѣшно шли этимъ путемъ, въ семинаріи необходимо прямо настойчиво взяться за чтеніе авторовъ и отсюда извлекать всѣ необходимыя грамматическія знанія. Этотъ взглядъ раздѣляютъ всѣ лучшіе и опытнѣйшіе педагоги. Этотъ же взглядъ лежитъ въ основаніи синодальной программы и объяснительной записки относительно преподаванія латинскаго языка въ семинаріи. Этой запиской въ программу семинаріи вводится только практическое изученіе грамматики.

Отдѣльное въ видѣ особыхъ уроковъ изученіе грам-

матики въ семинаріи прямо запрещается, какъ мы на это указывали уже выше. Мы съ своей стороны скажемъ даже больше того: о грамматикѣ въ семинаріи совсѣмъ нѣтъ надобности даже говорить; знаніе ея само собой придетъ послѣ долгаго чтенія авторовъ, подобно тому какъ силы мужа приходятъ къ юношѣ, когда онъ достигаетъ совершеннолѣтія. Не только не разумно и не полезно, но даже, какъ намъ кажется, довольно смѣшно дѣлать изъ изученія грамматики какой-то вопросъ въ отношеніи къ взрослымъ ученикамъ. Припомнимъ то, какъ сами молодые преподаватели латинскаго и греческаго языковъ изучаютъ эти языки, развѣ по грамматикѣ, развѣ по учебникамъ, а не чрезъ чтеніе и изученіе текста классическихъ авторовъ? Конечно чрезъ чтеніе. Съ учебниками учитель далеко не уѣдетъ, необходимо съ этимъ согласиться. То же нужно сказать и такой же путь для изученія языка нужно предложить и взрослымъ ученикамъ, вышедшимъ уже изъ ребяческаго возраста, каковы именно ученики семинаріи.

Итакъ вопросъ о граматикѣ можетъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что теоретическое изученіе ея должно имѣть мѣсто только въ училищномъ курсѣ. Вообще же должно помнить, что не языкъ изучается чрезъ грамматику, а наоборотъ знаніе грамматики пріобрѣтается чрезъ изученіе языка т. е. въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о мертвыхъ языкахъ,—чрезъ чтеніе авторовъ. Latina lingua non est ex libris grammaticis comparanda. Таковъ долженъ быть основной взглядъ на грамматику.

Теперь мы переходимъ собственно къ изложенію метода или пріемовъ преподаванія лат. языка; но должны сдѣлать маленькую оговорку о томъ, что мы намѣрены начертить только общую схему, общій планъ преподаванія, не загромождая его излишними, слишкомъ подробными предписаніями и мелочными указаніями. Мы полагаемъ, что всякая излишне подробная регламентація, изобилующая мелочами, могла бы стѣснять преподавателей,

мѣшая проявленію самостоятельности, связывала бы имъ руки, задерживая подъ часъ лучшія проявленія индивидуальнаго духа. Подъ излишними подробностями и мелочами мы разумѣемъ то, когда наприм. относительно чтенія авторовъ указываются не только всевозможные частные пріемы преподаванія, дѣлается анализъ отдѣльныхъ уроковъ, предлагаются примѣрные уроки, даются правила какъ вести каждый урокъ, съ чего начинать, чѣмъ кончать, какъ спрашивать учениковъ;—но даже назначается, сколько строкъ нужно переводить, сколько учениковъ нужно спросить въ теченіе одного урока и т. д. и т. д. Или наприм. относительно письменныхъ работъ не только указываются всевозможные роды и виды письменныхъ упражненій, назначается количество и сроки ихъ; даются подробныя предписанія относительно того, какъ исправлять письменныя работы, какъ сдавать ихъ; но даже предписывается въ какомъ порядкѣ класть ученическія тетради, какіе на нихъ дѣлать знаки, какимъ карандашемъ, какими чернилами, сколько употреблять минутъ на разборъ и просмотръ той или другой тетрадки и т. под. и т. под. Въ филологическихъ и педагогическихъ журналахъ особенно въ журналѣ «Гимназія» нерѣдко появляются спеціальныя разсужденія въ подобномъ родѣ. См. напр. статью Бродскаго (Гимн., январь 1890 г.). «По поводу переводовъ съ древнихъ языковъ» Въ этой статьѣ разсматривается какъ отдѣльный вопросъ сдача ученикамъ письменныхъ работъ (стрн. 47—48). Такія мелочи, такія подробности могутъ имѣть мѣсто только въ спеціальной методикѣ и если бы мы вздумали въ свои замѣчанія о методѣ внести такія подробности, такія мелочи, то намъ потребовалось бы тогда написать о методѣ не особую главу, а особую книгу. Мы же имѣемъ въ виду болѣе общій вопросъ и болѣе широкое его рѣшеніе. Наши указанія и замѣтки относительно метода преподаванія будутъ также довольно многочисленны, но особенныхъ, излишнихъ подробностей и мелочныхъ, скрупулезныхъ частностей читатель въ нашей книгѣ не найдетъ. Да и вообще подобныя методическія частности

скорѣе вредны чѣмъ полезны: они могутъ только затемнять предметъ и заслонять основную идею метода; тѣмъ болѣе что отъ такихъ мелочныхъ предписаній, отъ мелочной регламентаціи никогда не получалось ни на волосъ практической пользы.

Мелочныхъ указаній, подробныхъ предписаній, всевозможныхъ инструкцій, разъясненій, циркуляровъ и т. под. существуетъ очень много, даже слишкомъ много; они-то, по нашему мнѣнію, и привели къ плачевнымъ результатамъ изученіе латинскаго и греч. языковъ, какъ въ семинаріяхъ, такъ и въ гимназіяхъ. Пора освободиться отъ этой обузы, отъ этой сковывающей живую дѣятельность рутины и ухватиться покрѣпче за главное!

Итакъ нужно установить только общій взглядъ на методъ и на систему преподаванія, уяснить характеръ и духъ преподаванія, создать планъ, начертить схему, которая могла бы служить полезнымъ руководствомъ для молодыхъ преподавателей и которую они вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы разрабатывать въ частностяхъ и деталяхъ.

Главный недостатокъ нынѣшняго преподаванія тотъ, что нынѣ слишкомъ долго задерживаютъ учениковъ на грамматическихъ мелочахъ и что чтеніе авторовъ ведется убійственно медленно. И даже мало того, что учениковъ долго держатъ на грамматикѣ, но повидимому этимъ думаютъ исчерпать все дѣло преподаванія древнихъ языковъ. Изучается, какъ мы уже говорили, только грамматика, а не языки въ полномъ смыслѣ этого слова. Страшная рутина сковала все преподаваніе. Тратится время, убиваются силы, теряется интересъ къ занятіямъ и главная цѣль — изучить языкъ, узнать языкъ остается недостижимой. Такое изученіе языка, вращающееся, какъ въ заколдованномъ кругѣ, въ предѣлахъ грамматики, скучно, однообразно и безплодно и — на что мы указываемъ съ особеннымъ удареніемъ — порождаетъ въ ученикахъ отвращеніе къ древнимъ языкамъ.

Чтобы устранить эти недостатки, нужна строго выдержанная система, главныя качества которой суть:

постоянное поступательное или прогрессивное движеніе впередъ, интересъ и новизна сообщаемыхъ знаній и самодѣятельность т. е. постоянная работа мысли со стороны учениковъ. Это общія основныя положенія, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ частныя требованія. Учить тому что ново и интересно для учениковъ, учить такъ, чтобы не стоять на одномъ мѣстѣ и чтобы каждый урокъ содержалъ въ себѣ естественныя логическія основанія для перехода къ слѣдующему новому уроку; учить такъ, чтобы постоянно вызывать къ работѣ, къ самодѣятельности весь классъ и каждаго ученика въ отдѣльности. Наконецъ нужно учить такъ, чтобы постоянно поддерживать священный огонь любознательности въ ученикахъ, какъ главное движущее начало и какъ главное условіе всякаго успѣха. А это возможно и выполнимо только тогда, когда будетъ отброшенъ нынѣшній безплодный и безсодержательный формализмъ и на его мѣстѣ водворится дѣйствительное изученіе языка, а не однихъ только его грамматическихъ формъ и построеній. Итакъ вмѣсто нынѣшняго формализма, вмѣсто господства грамматики, вмѣсто изученія въ каждомъ классѣ однихъ и тѣхъ же, вѣчно ускользающихъ изъ памяти, флексій т. е. склоненій и спряженій, вмѣсто безплодной теоріи мы рекомендуемъ реальный методъ, рекомендуемъ въ изученіи латинскаго языка идти реальнымъ путемъ, изучать самую вещь, а не бездушныя формы.

Форма и содержаніе не могутъ и не должны быть такъ расторгаемы, какъ это дѣлается нынѣ. Формы въ отвлеченіи, формы безъ содержанія—предметъ не только скучный, но и мало доступный для юнаго ума, который неумѣетъ отдѣлить вещь отъ названія и названіе отъ вещи. А потому изучаемый языкъ и долженъ быть предлагаемъ ему въ видѣ цѣлаго связнаго организма неразрывно съ содержаніемъ. И даже мало этого: нужно, чтобы содержаніе, матерія изучаемаго языка стояла на первомъ мѣстѣ, а форма занимала подчиненное мѣсто,—чтобы содержаніе или матерія языка захватывала всего ученика, овладѣвала всѣми его способно-

стями и чтобы формы языка, какъ нѣчто нераздѣльное съ матерiей, сами собой, естественно и легко усвоялись учениками черезъ усвоенiе матерiи. А это значитъ не что иное какъ то, что нужно, отбросивъ мелочную заботу о грамматикѣ, читать авторовъ, сопровождая это чтенiе надлежащими реальными комментарiями и вводя чрезъ это учениковъ въ болѣе и болѣе широкое знакомство съ классическою древностью, которую они при своевременномъ и правильномъ знакомствѣ несомнѣнно должны полюбить. Мы говоримъ при своевременномъ.... и дѣйствительно чѣмъ раньше ученики будутъ знакомиться, при изученiи древнихъ языковъ, съ исторiей, миѳологiей и бытомъ древнихъ грековъ и римлянъ, тѣмъ лучше. При нынѣшней постановкѣ латинскiй и греческiй языки, какъ учебные предметы, слишкомъ бѣдны содержанiемъ. Необходимо вложить въ нихъ это реальное содержанiе. Не изъ тѣхъ тощихъ книжекъ, которыя въ видѣ краткихъ учебниковъ и руководствъ предлагаются ученикамъ и которыя содержатъ въ себѣ только одну номенклатуру и перечень предметовъ, должны знакомиться ученики съ классическими древностями, а изъ особыхъ уроковъ посвящаемыхъ этому предмету и изъ широко поставленнаго по отношенiю къ этой сферѣ домашняго чтенiя.

При такой постановкѣ изученiе древнихъ языковъ изъ занятiя скучнаго и сухого, какимъ оно является нынѣ, должно сдѣлаться занятiемъ интереснымъ, содержательнымъ и широкообразовательнымъ. Языкъ не есть только сумма формъ, но въ гораздо большей, въ неизмѣримо большой степени онъ есть сумма понятiй и изучать его должно въ связи съ мыслями, понятiями, взглядами, нравами и образомъ жизни тѣхъ, которые говорили на этомъ языкѣ [65]) Этотъ путь единственно правильный

[65]) Одинъ англiйскiй писатель (А. Грантъ) справедливо жалуется, что нынѣ съ особенной заботливостью изучается языкъ и слогъ въ ущербъ изученiю жизни и понятiй древнихъ, раскрываемыхъ ихъ творенiями.

путь въ изученіи древнихъ языковъ. Строго выдержанная на этой почвѣ система преподаванія и въ формальномъ отношеніи выполнитъ всѣ лучшія педагогическія требованія и въ реальномъ смыслѣ дастъ ученикамъ именно то, что нужно имъ знать, для того чтобы въ результатѣ многолѣтнихъ занятій владѣть изучаемымъ языкомъ.

Внося такую систему и примѣняя такія требованія къ преподаванію лат. языка въ дух. училищахъ и семинаріяхъ, мы дѣлимъ все изученіе этого предмета, продолжающееся 9 лѣтъ, (3 года въ училищѣ и 6-ть въ семинаріи) на три ступени или курса.

Г. Можаровъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ, ВОШЕДШИХЪ ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Посвящается Н. Я. Соболеву.

Составленъ подъ редакціею А. Н. Чудинова. Матеріалы для лексической разработки заимствованныхъ словъ въ русской литературной рѣчи СПБ. 1894 г.

Трудъ этотъ весьма солидный, такъ какъ представляетъ изъ себя огромный томъ въ тысячу страницъ. По полнотѣ словарь стоитъ выше многихъ однородныхъ (Дубровскаго, Бурдона и Михельсона и др.), исключая нѣкоторые энциклопедическіе, имѣющіе особое назначеніе. Самооцѣнка, сдѣланная въ предисловіи самимъ г. Чудиновымъ, можетъ быть названа довольно правильною. «Предлагаемый словарь составленъ при участіи нѣсколькихъ лицъ, работавшихъ по карточной системѣ и пользовавшихся при этомъ, въ качествѣ источниковъ, всѣми наиболѣе извѣстными русскими и иностранными словарями заимствованныхъ словъ, общими и спеціальными энциклопедическими лексиконами, этимологическими словарями и пр. Къ сожалѣнію, въ настоящемъ своемъ видѣ, онъ представляетъ лишь наиболѣе полный сводъ сырого словарнаго матеріала, требующій еще тщательной детальной разработки въ будущемъ и лишь до нѣкоторой степени упорядоченный въ настоящемъ изданіи»... «Все сомнительное или прямо невѣрное исключалось или исправлялось; внесено, на основаніи позднѣйшихъ лексическихъ трудовъ, весьма немало новыхъ словъ, не вошедшихъ въ прежнія изданія подобнаго рода. Но, при всей доброй волѣ редактора, настоящій «Опытъ словаря иностранныхъ словъ» все-таки представляетъ трудъ крайне еще несовершенный, и лишь при слѣдующихъ его изданіяхъ возможна будетъ болѣе тщательная разработка, которая, въ настоящее изданіе не могла быть внесена»... При такой работѣ едва ли достаточно, въ качествѣ источниковъ, однихъ только «общихъ и спеціальныхъ энциклопедическихъ лексико-

новъ, этимологическихъ словарей и пр.». Если настоящій словарьс оставленъ при участіи нѣсколькихъ лицъ, то необходимо предположить еще близкое знакомство сотрудниковъ со спеціальными сочиненіями по разнымъ отраслямъ. Это очень важно. Какою бы полнотою существующіе словари ни отличались, въ нихъ всегда почти встрѣтятся пропуски. Въ этомъ могъ и можетъ убѣдиться каждый, кто имѣетъ дѣло съ подобнаго рода трудами. Далѣе. Разныя отрасли знанія спеціализируются, разрабатываются часто до удивительныхъ тонкостей и мелочей, и все это закрѣпляется нерѣдко особыми терминами. Возьмемъ хотя медицину, химію, минералогію, ботанику, метеорологію и пр. и пр. (Въ нѣкоторыхъ наукахъ прибѣгаютъ, кромѣ того, къ особымъ условнымъ, іероглифическимъ знакамъ и формуламъ). Въ мореходствѣ употребляется немало самыхъ странныхъ и сложныхъ словечекъ (Гротъ-бомъ-брамъ-стаксель-галсъ, гротмарсалисельспирты, гротбомбрамфалъ и т. п.), изъ коихъ большинство нашли себѣ мѣсто въ Академическомъ словарѣ. Если мы къ этому прибавимъ еще полный произволъ въ употребленіи иностранныхъ словъ, терминовъ, фразъ, даже діалоговъ, цѣликомъ переносимыхъ на страницы нашихъ романовъ, журналовъ, газетъ, то получимъ въ итогѣ подавляющую массу иноязычнаго элемента, доступнаго далеко не многимъ читателямъ, не говоря уже о малыхъ сихъ. Главная суть въ томъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ руководящихъ началъ и указаній, которыя можно было бы имѣть въ виду при опредѣленіи наслѣдій и достояній русскаго литературнаго языка. Здѣсь мы видимъ полный хаосъ. При данныхъ условіяхъ попытки словарей обнять и вмѣстить всѣ появляющіяся иностранныя слова нужно считать не удачными и, смѣю сказать, напрасными.

Разсматриваемый нами «Опытъ» можетъ похвалиться также относительною полнотою. Хотя сюда «внесено, на основаніи позднѣйшихъ лексическихъ трудовъ, весьма немало новыхъ словъ, не вошедшихъ въ преж-

нія изданія подобнаго рода» (напр., между прочимъ, словъ, совершенно обрусѣвшихъ и ходячихъ, но этимологически не совсѣмъ ясныхъ; здѣсь можно было бы видѣть и такія, какъ—воръ гр. φωρός—уносящій, лат. fur; волдырь гр. φλυδίρ —мягкій, расплывшійся; выя—φυά, φυή, φύσις; верстакъ нѣм. Werkstätte и пр.), тѣмъ не менѣе пропусковъ замѣчено мною, даже при бѣгломъ просмотрѣ, достаточно. Позволяю себѣ привести наиболѣе употребительныя слова, которыя желательно бы видѣть въ Опытѣ. Вотъ они: абриколь, (бриколь—есть) Авеста, авлоніады, акроміальный, амбулакры (амбулакрумъ—есть), Анатоліевы (стихиры), анепсій (Колос. IV, 10), антрустіоны, аншлагъ, апсинѳосъ (Апокал. VIII, II), араѳоѳъ (2 цар. XVII, 19), аргады, аррадиація, афедронъ (4 цар. X, 27; Марк. VII, 19), аффиксъ, аѳанимъ (3 цар. VIII, 2); бакалея, баккара; балбесъ, бахрома, бахтерцы, бека (беа), берковецъ (берковескъ, берковскъ), биксъ, бирема, бирка, блонденъ, болиды, brio, броваръ, бубны (карточная масть, зап. звонки), буераки, бука, Булъ или Вулъ (3 цар. VI, 38), бульба, бумага, бусурманъ; ватъ, вакуоли, вахлакъ, вема или фема (въ ср. в.), вертъ, vivace, витенагемотъ, витрина, воанергесъ (Марк. III, 17), воскомастихъ; Гаввааѳа, ганоидный, гафъ, гектографъ, гелеонты, геоморы, гера (мелкая монета и единица вѣса у евреевъ; ср. рус. и славян. текстъ библіи—Исх. XXX, 13), гермоконіды, гиллеи, гиппагреты, гиппеи, гіероники, глыба, гмина, гольфштремъ, гоморъ (Исх XVI, 36), гоноръ; деиктическій, дигамма, діасмозъ, дока, домра, дориносимъ, дюжина; енколпій, ефа (Исх. XVI, 36; ср. рус. и славян. тек.); жаверія; зигоспора; игнорировать, интерцессія, исполины; іаннуарій; кабатъ, cadenza, кайнозойскій, кандія и кандея (греч. κόνδυ), карандашъ, кассіопея, каторга, катрбандъ, керлы, кикимора, кинура, (I Маккав. IV, 54), киріопасха, клапитосъ, кларисянки, клеберъ, клерухъ, кома, компактатъ, конобъ, конопля, контекстъ, contradictio in adjecto, корпускулы, коръ (3 цар. IV, 22; рус. перев.), котва (дѣян. XXVII, 29),

котилъ, котора, кровать, крока (Лев. XIII, 48), ктеноидный, куличъ, куллей, кумпанства, кутикула, кумиты; лассы, лафа, лахань, левды, левиратъ, легеонъ (славян. форма), леониды, ливъ, лириды, лохъ, лохагъ, люцеры; марзупіальный, микронезія, митацелиты, мнихъ, монеры, монисто, мордентъ, морфема, москотъ, муни, муринъ, мыза; навкраріи, наррація, нефъ, нитръ, нотъ; оба — обы, обрамливать, окалинъ, омогенный, оморганный; остовъ; палашъ, палеи, паломничество, памфилы парта, партесный, парусъ, патарія — патарены, патрипассіане, паюсъ — паюсный, пекъ, пеклеванный, пентаөлонъ, пентера, перитецій, петиметръ, пиджакъ, пикарды, пира (Лук. IX, 3), пиреномицеты, пистикія (Марк. XIV, 3), плагіоклазъ, плакоидный, пластиды, плинөа, пліоценовый, подвассалъ, подтрифокъ, подкапокъ, подшефе, политомія, политриховый, полсикль, полуимперіалъ, поматы, попъ, посполъство, постпакетъ, предика, примипилъ, протазанъ, психопатъ, пудофутъ, прозенхима, прокамбій, пропозиція, просколексъ, протонема, профинтить, пудо-футъ, пуля; рамнъ, рафиды, рафли, рейка, рейхскаммергерихтъ, респонсіональный, рикосомбры, ринезмъ, рисовать, ритина, рогація, рокошъ, ромеи, ртуть, rubato, рубка (на пароходахъ), рынокъ, рюмка; савахөани, сайгатъ, сапрофиты, саросъ, свекла, свинецъ, севастъ — севастійскій, секстарій, сердюки, симасіологія, симема или семема, синтелія, синусъ—буссоль, сиртъ (сиртъ), сисахтія, сказонтъ, сквайръ, скименъ, скитъ, скиталиамъ, скнипа, скоморохъ, скопецъ, скранія, скрижаль, славянофилъ, слюда, снитокъ, сонанты, sordo, софы, socii romani, спаөаріи, спира, спиранты, спорідіи, спудеи, спудъ, срачица, станта, стамна, стасимоны, статарный, статіи, стихосложеніе, стихологія, стихословить — стихологисать, стомахъ, схенъ; тарантасъ, тасовать, тафья, творогъ, тетрадь, тетралемма, тетракисъ, тетро, теты, тормазъ, трактиръ, транжирить, тюфякъ, трафить; ff — ff (муз.), фанаріоты (фанаръ — есть), fes, фестъ, феферъ, филинъ, филлоксера, fine—fin, финифть, фонема, фонографъ, фо

рамиииферы, фортель, фоска, фофанъ, фрилинги, фуксъ, фульгуріи. фюрстъ; узелъ (мор.); хамиты, халколиванъ, харалугъ, хоботъ, хоругвь, хорунжій, хоя; цаты (стар. дорогія украшенія, привѣски), цинамомъ, цыбикъ, цистерціанцы; чехолъ; шантажъ, шваль, шелягъ (шиллингъ—помѣщено), шедевръ, шпалы, шпильманъ, штокъ, штунда—штундизмъ, шудры; эдукаціонный, элеваторъ, экзина, эозоонъ, эристики, этнархъ.

Этимологическое объясненіе носитъ характеръ довольно неопредѣленный и страдаетъ отсутствіемъ однообразія и системы. По-видимому, не придавалось особой важности первичному, основному значенію словъ въ томъ языкѣ, изъ котораго они заимствованы; нерѣдко остаются безъ перевода, когда въ этомъ послѣднемъ вся суть, зерно, или переводится одно случайно взятое изъ ряда другихъ однокоренныхъ и сродныхъ по значенію (напр. Хорегъ—хоры; дѣлается пересылка на сл. хоръ, при которомъ не указано основного значенія). Въ иныхъ случаяхъ отмѣчается только сокращенно, изъ какого языка заимствованъ терминъ, часто съ транскрипціей на томъ же языкѣ. Попадаются объясненія спорныя, не совсѣмъ удачныя или даже просто—невѣрныя.

Аврора — см. Реальный словарь классическихъ древностей по Любкеру, 1885 г. Анкеръ кельт.?—гр. ἄγκυρα (ἀγκυρίζω—прицѣпляю), лат. ancora, фр. ancre, англ. anchor, нѣм. Anker, русс. якорь. Берзеркеръ—см. словарь Брокгауза. Бокалъ гр. βαύκαλις, βαυκάλιον, лат. poculum, pocillum, итал. boccale (Гротъ). Войтъ лат. advocatus, ср-в. fogatus, затѣмъ уже—нѣм. и польс. Гипсъ—отъ γύψος—мѣлъ, а не—ὕψος—высота. Горы—отъ ὥρα, затѣмъ—лат. hora—время часъ; не сближено со сл. хоры. Зурна—обыкновенно употребляется—сурна. Казарма—производятъ отъ лат. casa—хижина. arma—оружіе. Канва—отъ фр. canevas, лат. cannabis, гр. κάνναβις—конопля; такое объясненіе нѣкоторые относятъ къ сл. канитель—cannetille, а canevas—канва сопоставляется съ гр. κάνναβος—модель, эскизъ, см. греческо-рус. сло-

варь — И. Синайскаго. Канунъ — см. Правопис. Грота, Истор. рус. церкви — Е. Голубинскаго, т. I Кинсонъ англ.?! — есть, вѣдь, гр. ὁ κῆνσος, лат. census (φόρος) — поголовная подать; дань, цензъ (Матѳ. XVII, 25; XXII, 17; Лук. XX, 22); кинсонный. Кифа (а не киѳа) — арам., гр. будетъ πέτρα (Петръ) — камень (Іоан. I, 42). Кметь, стар. къметъ, гр. κωμήτης отъ κώμη — село; см. Слово о Полку Игоревѣ — соч. Барсова (лексикологія). Маріонетки — ср. объясненіе въ Рус. хрест. Поливанова, Ш ч., 658 стр. Паніоній — нѣтъ этимологіи слова. Паперть (др. слав. папьрътъ папьртъ, гр. νάρθηξ — папортникъ); см. указанное соч. Голубинскаго, 2-я полов. 1-го тома стр. 56, 60. Паразони (вѣрнѣе — паразоній), лат. отъ гр., правильное толкованіе дано при сомнительной формѣ — Парацонеумъ. Параллелепипедъ (epidon вм. 'επίπεδον — поверхность). Пемза нѣм. Bimsstein, лат. pumex. Пельмени, пильмени — отъ зырян. и пермяц. пел — ухо, нан — хлѣбъ; см. Зырянскій край — Лыткина, Руск. энцикл. словарь — Березина. Таганъ tyganon — не вѣрно; слѣдуетъ — Τάγηνον отъ Ταγηνίζω — жарю, пеку. Шлемъ — смѣшаны два разныхъ слова: 1) англ. slam — убить, нѣм. Schlemm, chelem; 2) шлемъ, шеломъ, шишакъ — нѣм. Helm, фр. heaume.

Акростихъ — нѣтъ акростихида, краестрочіе; краегранесіе, краестишіе, встрѣчающіяся въ церк. канонахъ. Аспазія — любовница Алкивіада (?). Булла — слѣдуетъ прибавить: коробочка, мидальонъ, который носили римскія дѣти до совершеннолѣтія. Нѣтъ сл. вольтъ (по имени учен. Вольты + 1827) — единица электровозбудительной силы; вольтметръ. — Гетеріями назывались еще тайныя политическія общества во время Пелопонесской войны, извѣстны были своими заговорами и преступными дѣяніями. Названіе глоссатора въ ср. в. давалось юристу вообще. Обозначимъ далѣе въ скобкахъ желательныя дополненія. Деміургъ, — и (Творецъ, создатель; сановники въ нѣкотор. государ.). Докимасія (провѣрка геліастами правъ гражданина на занятіе должности въ Аѳин. респ.; контроль дѣятельности должностного лица

за истекшій годъ). Инверсія (особое расположеніе словъ въ предложеніи). Камилавка — опредѣленіе дано такое, что подъ нимъ скорѣе можно разумѣть скуфью! Катарактъ (потемнѣніе хрусталика, бѣльмо; морская птица, пеликанъ — Второзак. XIV, 17). Люциферъ лат., греч. φωσφόρος — свѣтоносный (утренняя звѣзда, денница); опущена ср.-вѣковая секта люциферіанъ. Манія (страшная древнеримская богиня, заправлявшая ларвами). Омъ отъ соб. им. (единица сопротивленія ртутнаго столба; употреб. для указанія зависимости силы тока отъ сопротивленія проводника). Пассія (богослужебное чинопослѣдованіе — великое повечеріе, торжественно совершаемое въ нѣкоторые дни первыхъ четырехъ седмицъ Великаго поста). Педаль (сокр. Ped.); нѣтъ употребляющагося въ муз. знака. Протъ (настоятель монастыря). Скорпіонъ (военная машина для метанія копій и стрѣлъ — I Маккав. VI, 51; бичъ съ иглами — 3 Цар. XII, 14). Спекуляторъ (соглядатай, шпіонъ, палачъ — Марк. VI, 27). Стадія (стадіоники, стадіодромы, стадіумъ). Сударій (сударь гр. — головное покрывало, убрусъ, главотяжъ — Іоан. XX, 7). Хоръ (гр. χορός — кругъ со пѣнами, κύκλος, люстра, паникадило); хорагъ (sic!) гр. χορηγός; нѣтъ — горелія, хоревтъ. Штофъ будто $= 3^1/_8$ ведра. Эллипсъ (особый оборотъ рѣчи — пропускъ словъ в предложеній).

Корректура, къ сожалѣнію, должна быть названа очень слабою; опечатокъ, неправильныхъ начертаній встрѣчается не мало. Одни и тѣже слова съ разной транскрипціей, иногда произвольной, почему-то не сопоставляются и не сближаются, пересылокъ и сравненій почти не дѣлается. Многія мѣры и монеты не имѣютъ при себѣ указанія величины въ общепринятыхъ теперь единицахъ. Важнѣйшіе промахи въ этихъ отношеніяхъ слѣдующіе. Абаддона вм. Аваддонъ (Апок. IX, 11); антипатръ вм. анѳипатъ, помѣщенное въ др. мѣстѣ (гр. ανθύπατος; ἀντί — вмѣсто, ὕπατος — консулъ — Дѣян. XIII, 12; Дан. III, 2). Dixi et animam salvavi (употребляется также levavi). Кидѣръ вм. кидаръ. Киліархъ вм. хиліархъ — χιλιάρχης; χίλιοι (кило — это франц. произношеніе). Ла-

хетизъ вм. лахезисъ. Литостроеонъ вм. лиеостротонъ—λιθόστρωτον, гавваеа=βῆμα—возвышеніе, судебное сѣдалище (Іоан. XIX, 13). Ліангъ, ліаны, ліана—упоминаются на 460 и 472 стр. Милотъ вм. милоть (3 цар. XIX, 13, 19; Евр. XI, 37). Пентикосторій вм. пентикостарій; сл. Пентикостія—вовсе нѣтъ. Пираргилитъ вм. пираргиритъ (πῦρ—огонь, ἄργυρος—серебро). Рафаины вм. рафаимы, рефаимы—земнородные или гиганты (греч.), исполины, споли или плоди (Быт. VI, 4; XIV, 5; см. Хрест.—Буслаева, стр. 513 и 542, Историч. грам. I, 56; II, 70). Рудиментальный вм. рудиментарный. Севатъ вм. Саватъ (Захар. I, 7). Slissato вм. glissando, glissato. Сода фр. soude (а не saude) отъ лат. sal—соль; равно какъ—фатъ лат. fatuus, а не fatius. Кизикъ вм. кизякъ. Коллиріумъ вм. коллурій. Пилужъ вм. пилусъ. Метоновъ циклъ—періодъ времени въ 10 л. вм. 19 лѣтъ. Огава вм. огива и др. Стоятъ одиноко, какъ будто не имѣющія ничего общаго: атемпера и темпера; Беліалъ, Веліалъ и Веліаръ; секель и сикль (вѣрнѣе—сикль; стоимость его опредѣлена не точно—различался сикль обыкновенный и священный); сидръ и сикера (вѣрнѣе—сикеръ) гр. σίκερα, лат. sicera, фр. cidre (а не sidre)—см. Чис. XXVIII, 7, Лук. I, 15; фидитіи, филитіи и сисситіи; фирманъ и ферманъ; фарсангъ и парасангъ; хомеръ или спудъ (чис. XI, 32), или коръ (3 цар. IV, 22; ср. рус. и слав. текстъ); ореографія и орографія и пр.

Особенно чувствительныя невѣрности встрѣчаются въ области библейской исторіи; ихъ можно было избѣжать, имѣя подъ руками хотя бы Библейскій словарь—трудъ и изданіе Верховскаго, Еврейскія древности—Мунка, Справочный и объяснительный словарь къ Новому Завѣту—П. Гильдебрандта, словарь Академическій и Даля.

Не соблюденъ также въ нѣкоторыхъ случаяхъ строгій алфавитный порядокъ слѣдованія словъ; многія изъ послѣднихъ не худо бы видѣть съ удареніемъ.

Г. Бѣлозерскъ. Н. Рамзевичъ.
1895 г. 29 октября.

ОСОБЕННОСТИ ВОЛОГОДСКАГО ГОВОРА

Вологодскій говоръ отличается многими замѣчательными особенностями въ произношеніи буквъ и словъ и въ удареніяхъ, какъ то:

a) Звукъ *о* вездѣ произносится твердо и отчетливо безъ перехода въ *а*, наприм: корово, потолокъ, а не карова и патолокъ.

b) *Ц* часто замѣняетъ звукъ *ч*, наприм: мальцикъ вмѣсто мальчикъ, копеецка—копеечка.

c) ё выговаривается вмѣсто *е* во многихъ случаяхъ, какъ-то: къ нёй, своёй, дёржите, хотитё.

d) *е* выговаривается вмѣсто ё въ словахъ: еще, дерни вмѣсто—ещё, дёрни. Осённій—осенній.

e) Въ окончаніи глагола въ третьемъ лицѣ ед. ч. *е* въ произношеніи скрадывается, какъ-то: одѣва-'тся, собира́-'тся, начина́-'тся, вмѣсто одѣвается, собирается, начинается.

f) Прошедшее вр. чаще употребляется многократнаго вида, говоря о самомъ недавнемъ времени и о произведенномъ дѣйствіи только одинъ разъ: нынче онъ не бывалъ, я сегодня еще хлѣба не ѣдалъ.

g) Прошедшее время употребляется вмѣсто настоящаго какъ-то: я пошла въ лавку, куда ты пошла-то? вмѣсто: я иду въ лавку, куда ты идешь? я ужъ пошелъ—вмѣсто—я уже иду.

h) *Ой!* междометіе употребляется ежеминутно: *Ой*, что—это! *Ой*, нѣтъ! *Ой*, боюсь!

i) Частица *то* прибавляется почти къ каждому слову: отдай книг*у-то*, знаешь-ли урокъ-то? ребенка-*то* испугалъ и т. п.

j) Слово чего употребляется вм. что—чего говоришь-то, чего дѣлаешь-то? вмѣсто: что говоришь? *что* дѣлаешь?

k) Рукáмъ, ногáмъ—вмѣсто руками, ногами.

l) Нѣкоторыя слова употребляются въ одномъ только смыслѣ, напр: худо, худой значатъ лишь дурно, дурной; довести, доводить значатъ испортить, повредить, сгубить: она себѣ ногу довела—она себѣ испортила, повредила ногу; такъ можно себя довести—такъ можно заболѣть, искалѣчиться; вотъ сколько говядины-то довели!—вотъ сколько говядины-то испортили; вѣдь этакъ-то ты яйца доведешь! этакъ яйца испортишь!

m) Удареніе въ словахъ всегда почти на первомъ слогѣ.

Вотъ еще вологодскіе провинціализмы

Глаголы.

1) Обирать—убирать.

Я уже оброла—я уже убрала.

2) Вынять—вынуть.

Этотъ билетъ уже винетъ—билетъ вынутъ.

3) Наварзать—напроказить, набѣдокурить.

Ты что нибудь здѣсь наварзалъ?—что нибудь напроказилъ?

4) Поззрать—порвать, потрепать.

Собаки—позрали меня—собака потрепала меня.

5) Хоронять—хоронить, погребать.

Нынче хороняли покойника—сегодня схоронили покойника.

6) Стражить—стращать, пугать.

Онъ меня построжилъ—онъ меня попугалъ.

7) Погодиться—годиться, быть годнымъ.

Это погодится—это годится.

8) Догонить—догнать.

Просто нельзя догонить—нельзя догнать.

9) Довести—испортить, изнурить.

10) Ревитъ, ревятъ—ревётъ, ревутъ.

11) Плыветъ самоваръ—самъ бѣжитъ самоваръ уплылъ—самъ ушелъ.

12) Творить тѣсто—заквашивать тѣсто.

Ходитъ тѣсто—поднимается тѣсто.

13) Лóжить—класть, положить.

Я уже лóжила—я уже клала.

14) Воцерковлять—пріобщать ребенка вносся его въ первый разъ въ церковь по крещеніи.

15) Пити, ѣсти, мнѣ охота пити: я хочу пить.

16) Скучать—болѣть.

Я скучаю ногамъ. Чѣмъ ты скучаешь-то?—что у тебя болитъ? У меня болятъ ноги.

17) Гонить, прогонить—гнать, прогнать:

Я прогонилъ корову—я прогналъ корову

18) Лошадь храмлетъ-то—лошадь хромаетъ.

19) Курица—кладется—курица несется.

20) Водиться съ дѣтьми—ходить за дѣтьми, нянчить дѣтей.

Я водилась раньше съ дѣтьми-то я нянчила—раньше дѣтей.

Я выводила у нихъ мальчика—я вынянчила у нихъ мальчика.

21) Незадолить—незамедлить:

Мы незадолимъ—незамедлимъ.

22) Рядиться, порядиться—договариваться, наниматься.

Я порядилась—я нанялась.

23) Обряжаться—стряпать и все убирать въ кухнѣ.

Ты ужъ обрядилась—ты уже отстряпала послѣ обряда—послѣ стряпни.

24) Перебить зубы—набить оскомину.

25) Кажетъ—кажется.

Это мнѣ такъ кажетъ. Какъ вамъ кажетъ этотъ домъ?

26) Опростать—опорожнить.

27) Чаявать—пить чай.

28) Попить чаю, попить воды—питей.
29) Опушить домъ—обить домъ тесомъ.
30) Не охота—не хочется.
31) Теребить ленъ, рѣпу,—дерить ленъ, рѣпу.
32) Басить—украшать.
33) Толкнуть яйцо—разбить яйцо въ тѣсто.
34) Съ ногъ дуетъ—въ ноги дуетъ, съ полу.
35) Изладить—хорошо сдѣлать, починить, пристроить.

Существительныя.

1) Пóжегъ—костеръ.
2) Подустрешка—вода съ крыши дождевая.
3) Кукшинъ—кувшинъ.
4) Ручéнка—маленькая кадочка съ крышкой.
5) Пестерь—высокая плетушка.
6) Катанки—валенки, сапоги, калоши, валеные.
7) Двоеведра—ушатъ въ четыре ведра.
8) Тюрикъ—бумажный мѣшечекъ.
9) Рогоза—рогожа.
10) Вица, вичка—вѣтка, вѣточка.
11) Рéмень—ремéнь.
12) Тормазки—деревянные санки для катка съ горы.
13) Чуньки—лубочыя салазки.
14) Косицы—виски: косицы болятъ.
15) Дѣвица, дѣвушка—всякая незамужняя, даже дѣвочка—2,—5,—7-ми лѣтъ.
16) Братанъ—двоюродный братъ.
17) Шадринки—рябинки.
18) Порунья—насѣдка, курица съ цыплятами.
19) Поужинъ—ѣда между обѣдомъ и ужиномъ.
20) Землянка—земляника } ягоды.
Голубица—голубика.
Полянка—поленика.
21) Губина—всякіе грибы.
22) Грибы—бѣлые грибы

23) Солонина—соленые рыжики (грибы).
24) Пѐченье—печенка, легкое.
25) Госьба—собраніе гостей.
26) Рукамъ, ногамъ—руками, ногами.
27) Варъ, Сѣра — смола.
28) Ка́лбасъ—колбаса.

Прилагательныя.

1) Толстой—толстый
2) Убогой—убогій.
3) Милой—милый.
4) Худой—дурной, нехорошій.
5) Баской—хорошій, красивый.
6) Долгой—длинный. Долгой носъ, долгая булка.
7) Одино́кой—одинаковый.
Это всѣ стаканы одинокіе, одинокой сортъ—одинаковый сортъ.
8) Простой—пустой, порожій.
9) Добряй, черняй, Скоряй, бѣляй — добрѣй, чернѣй, скорѣй бѣлѣй.
10) Шадроватой—рябоватый.

Нарѣчія и междометія.

1) Ишто—еще.
Еще—безъ произношенія ё.
2) Больно—очень.
Больно часто-то!—очень часто.
Больно хорошо-то! очень хорошо.
Больно весело. Больно жалко.
3) Ни по чемъ—ни за что.
Ни по чемъ не хочу, ни по чемъ не сдѣлаю.
4) На пополамъ—пополамъ.
5) Круто—быстро: Онъ круто идетъ.

6) Равно—ровно. Столъ стоитъ ровно. Онъ подѣлилъ равно.

7) Ладно—хорошо, согласенъ.

8) Убродно—глубоко, идти по снѣгу, по сугробамъ,

9) Ненадологко—ненадолго.

10) Чего дѣлаешь-то? что дѣлаешь?

11) На улицѣ—на дворѣ.

12) На волѣ—снаружи дома на свѣжемъ воздухѣ.

13) До чего хорошо-то! } какъ хорошо!
До чего похоже-то! } какъ похоже!

14) Сравненіе ставится въ концѣ:
Всѣхъ старше, тебя лучше,
Меня больше, ихъ добряя, братъ выше.

15) Худо—дурно (только въ этомъ смыслѣ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышли слѣдующія изданія отдѣльными оттисками изъ «Фил. Зап.».

Хрестоматія къ 1-му курсу Методики «Живое слово». А. В. Барсова. Готовится и ко 2-му курсу и для другихъ. Цѣна 60 коп. съ перес.

Князь Серебряный. Историч. романъ гр. Л. Толстого. Критико-литературный очеркъ. М. Соколова. Ц. 25 к. съ перес.

Славянскія Извѣстія. 93 отзыва о новѣйшихъ книгахъ по славяновѣдѣнію. А. Степовича, Директора Коллегіи Павла Галагана. Ц. 1 руб. съ перес.

Очерки изъ современной поэтики. В. М. Добровскаго. Очеркъ первый—наука и поэзія на почвѣ логики. (О другихъ его трудахъ см. особое объявленіе въ II вып. Ф. З.). Ц. 75 к. съ пер.

Матеріалы и замѣтки для ученическихъ литературныхъ вечеровъ и бесѣдъ. В. И. Рѣзанова. (Подобнаго рода изданія, какъ отдѣльные оттиски, пригодны для внѣклассныхъ занятій тѣмъ, что они одновременно у цѣлаго класса учениковъ могутъ быть подъ руками).

Опытъ разбора произведеній Г. Р. Державина, примѣнительно къ учебнымъ планахъ 1890 г. для учениковъ VI кл. гимназій и прогимназій. Ѳ. Г. Болотникова. Это другой трудъ, подобный вышеозначенному' можетъ быть предлагаемъ въ внѣклассной бесѣдѣ,

Библіографія Н. Ф. Горяевъ. Сравнительный этимологическій (Словопроизводственный) Словарь русскаго языка. Тифлисъ 1896 г. Библіографія І. Е. Линдемана. Обращаемъ вниманіе читателей на это изданіе, надъ которымъ г. Горяевъ трудится уже 25 лѣтъ, До сихъ поръ разработано 6400 производственныхъ словъ.

Курсъ теоріи словесности, составленный, на основаніи изслѣдованій Бема, Ваккернагеля и Потебни, И. Н. Стефановскимъ. Желающіе пріобрѣсти это изданіе, могутъ обращаться прямо къ автору въ Бѣлгородъ (Курской губ.) преподавателю гимназіи.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

въ 1898 году.

Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. За представленное изданіе Филолог. Зап. на Всероссійскую Выставку печатнаго дѣла въ 1895 г. Коммиссіей присужденъ похвальный отзывъ.

Въ настоящемъ году наше изданіе, предпринятое въ интересахъ изслѣдованія по языку и литературѣ отечественной, славянскимъ нарѣчіямъ и другимъ,—вступаетъ въ 38-ю годовщину своего существованія. Область языкознанія широка и задачи далеко еще не исчерпаны; работы впереди предстоитъ еще много. Учеными и компетентными лицами и педагогическимъ персоналомъ труды наши оцѣнены по достоинству. Съ своей стороны Редакція принимаетъ всевозможныя усилія доставлять больше нужныхъ матеріаловъ, какъ пособіе для развитія и разъясненія научныхъ вопросовъ. Постоянные наши подписчики достаточно знакомы съ цѣлью, задачами и стремленіями и съ тѣми матеріалами и пособіями, какіе доставлялись и доставляются въ журналѣ.

Не говоря объ оффиціальныхъ отзывахъ, относительно изданія нашего, укажемъ какъ на болѣе крупныя пособія, именно на практическое пособіе, выработанное г. Барсовымъ, на „Методику" подъ заглавіемъ „Живое слово" для преподаванія рус. языка, изданное въ 3-хъ курсахъ, печатается и 4-й курсъ. Въ настоящемъ году авторомъ „Живого Слова" выпущена къ методикѣ и давно ожидаемая „Хрестоматія" къ 1-му курсу.—Готовится Хрестоматія для 2-го и для другихъ курсовъ.

Въ журналѣ помѣщались и помѣщаются даже цѣлые курсы, напр., въ прошломъ году помѣщенъ былъ курсъ „Теорія Словесности", составленный И. Н. Стефановскимъ, отли-

чающійся научно-яснымъ изложеніемъ, о которомъ недавно данъ прекрасный отзывъ А. П. Флёровымъ. Готовится также курсъ, какъ новый трудъ въ учебной литературѣ г. Добровскаго: „Очерки изъ современной поэтики“ въ связи съ логикой и психологіей, какъ разъясненіе взаимныхъ отношеній между произведеніями поэтическими и научными на почвѣ психологіи, чего у насъ недостаетъ, какъ болѣе важнаго въ дѣлѣ преподаванія словесности.

Въ портфелѣ Редакціи на 1898 г., кромѣ продолжающагося очерка „О преподаваніи латинскаго языка въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ“, имѣются слѣдующія статьи: „Произведенія А. С. Пушкина (планъ, идея, литературная форма и языкъ)“.—„О правописаніи по Гроту“.—„Дума“, Лермонтова.—Русскій языкъ въ духовныхъ училищахъ“.—„Очеркъ жизни и дѣятельности Ѳ. И. Буслаева“.—По поводу предстоящаго 50-лѣтія В. Г. Бѣлинскаго,—ст. Н. Ѳ. Бунакова.—Замѣчанія на Словарь 2-го Отд. Акад. Наукъ, 3-й вып. Никольскаго. „Замѣтка къ Слову о Полку Игоревѣ“.—„Разборъ стихотворенія „Тучки“. Лермонтова.—„Живое слово“—продолженіе IV курса.—„С. П. Шевыревъ и его взгляды на задачи воспитанія“.—„О сродствѣ сагъ“ и другія. Кромѣ того будетъ продолжаться печатаніе перевода „Грамматики церковно-славянскаго языка“ Шлейхера.

„Филологическія Записки“ издаются въ **Воронежѣ**; выходятъ безсрочными выпусками,—по шести выпусковъ въ годъ.

ЦѢНА годовому изданію **6** руб. **50** к. съ пересыл.; за границу **7** руб.

ПОДПИСКА преимущественно принимается въ Редакціи „Филологическихъ Записокъ“, въ **Воронежѣ**; желающіе могутъ подписываться также въ извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ. Изданіе „Фил. Зап.“ можно выписывать и за прежніе годы.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

Дозволено цензурою. Москва, 6 Декабря 1897.
Воронежъ. Типографія В. И. Исаева.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ВООБЩЕ, ПЕРЕВОДНЫХЪ ЖЕ ВЪ ОСОБЕННОСТИ [1]).

> Экзаменъ—это есть актъ недовѣрія. Держать и выдержать экзаменъ—это особое искусство, выработанное школой. Это военное искусство, потому что экзаменъ—это война, и притомъ войн сильнаго съ завѣдомо слабымъ. Сильный нападаетъ, а слабый всяческі защищается.
>
> (Фингалъ: Записки молодого человѣка «Нов. Вр.» № 7301).

Все, что я пишу, пишу откровенно, ничего не утаивая и основываясь на опытѣ, если не исключительно личномъ, то во всякомъ случаѣ принадлежащемъ сферамъ ко мнѣ очень близко относящимся.

Въ самомъ основаніи всякаго экзамена кроется какой-то оттѣнокъ отрицательности. Поэтому на меня, какъ на человѣка положительнаго и ко всему отрица-

1) Настоящая статья представляетъ посильный отвѣтъ на циркулярное предложеніе, съ которымъ въ концѣ минувшаго 189⁶/₇ учебнаго года обратился къ директорамъ гимназій г. Попечитель Московскаго учебнаго округа. Въ упомянутомъ документѣ за № 9362/9370 требуется отъ педагогическихъ совѣтовъ гимназій, si cui placuerit, такъ же и отъ отдѣльныхъ ихъ членовъ, высказать свой личный взглядъ по слѣдующимъ вопросамъ: 1) Насколько установившійся порядокъ переводныхъ испытаній вліяетъ благопріятно или неблагопріятно на ходъ учебнаго дѣла въ теченіе года. 2) Желательно ли сохраненіе переводныхъ испытаній по существующимъ нынѣ правиламъ, или польза учебнаго дѣла требуетъ измѣненія этихъ правилъ, или полной отмѣны переводныхъ испытаній. 3) Въ послѣднемъ случаѣ какія мѣры могли бы способствовать достиженію тѣхъ цѣлей, ко-

тельному относящагося съ нѣкоторымъ отвращеніемъ, всякій экзаменъ всегда и вездѣ производилъ какое-то тягостное впечатлѣніе и кромѣ страха и трепета во мнѣ ничего не возбуждалъ. «Есть рѣдкіе, которые, выходя къ экзаменнаціонному столу, не чувствовали бы себя такъ, какъ будто бы они выходятъ къ позорному столбу: есть немногіе, которыхъ бы экзаменъ не оскорблялъ» —такъ думаетъ выше приведенный же Фингалъ.

Этими немногими словами мои отношенія къ экзаменамъ всякаго рода вполнѣ опредѣлены. Остается мнѣ указать тѣ причины, на основаніи которыхъ эти отношенія выработались такъ, а не иначе.

Я воспитанникъ Цѣльской гимназіи. Въ австрійскихъ гимназіяхъ, какъ извѣстно, кромѣ пріемныхъ и зрѣлости настоящихъ испытаній не было и нѣтъ до сихъ поръ; даже пріемныя испытанія существовали только для поступавшихъ въ гимназіи со стороны, т. е. для тѣхъ, которые не прошли предварительно правительственныхъ нормальныхъ 4-хъ классовъ. Но зато испытанія зрѣлости въ мое время уже давали себя чувствовать надлежащимъ образомъ. Еще тогда вражда между отдѣльными національностями достигла въ Австріи значительныхъ размѣровъ, такъ что ея послѣдствія, не смотря на всевозможныя

торыя полагаются въ основу переводныхъ испытаній: провѣрка успѣховъ, достигнутыхъ учащимися въ теченіе года; систематическое сравнительно въ короткій срокъ повтореніе всего пройденнаго курса; и объективная, не единоличная оцѣнка познаній учащихся. Мы постарались по всѣмъ намѣченнымъ вопросамъ высказать свое мнѣніе и освѣтить ихъ тѣми замѣчаніями, какія нами получались при внимательномъ наблюденіи за практическимъ примѣненіемъ института переводныхъ экзаменовъ въ продолженіе чуть не цѣлой четверти вѣка, оставивъ безъ прямого отвѣта только послѣдній, потому что разница между единоличной и коммиссіонной оцѣнками крайне рѣдко можетъ служить предметомъ какихъ либо серьезныхъ недоумѣній съ важными для ученика послѣдствіями.

Примѣчанія автора.

мѣры предохранительнаго характера со стороны правительства, и въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ типовъ начали давать себя чувствовать въ значительной степени. Вотъ примѣръ: въ декабрѣ 1871-го года держало 34 первокурсника у Чеха-ренегата, доктора классическ. филологіи, colloquium на Germania Taciti, имъ читанную. Всѣ слушатели его съ пріятными для его слуха фамиліями выдержали провѣрку блестяще: строгій профессоръ еще не успѣлъ близко познакомиться съ политическимъ образомъ мыслей своихъ слушателей; въ послѣдствіи, узнавъ ихъ и съ этой стороны, онъ въ качествѣ экзаменатора ко многимъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и ко мнѣ, сталъ относиться совершенно иначе...

Такія и подобныя явленія считались въ мое время въ Градецкомъ университетѣ совершенно въ порядкѣ вещей. Изъ Градца я переѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ въ мѣстномъ университетѣ весною 1875-го года держалъ экзаменъ на званіе преподавателя древнихъ языковъ въ русскихъ правительственныхъ гимназіяхъ. Національныхъ вѣяній я тутъ тогда [2]) еще не замѣчалъ; но въ качествѣ стипендіата М. Н. Пр. я испытывалъ давленіе отношеній университета, которыя я вѣрно понялъ только въ послѣдствіи...

Таковъ краткій перечень экзаменовъ, какіе мнѣ приходилось держать въ своей жизни. Я упомянулъ о нихъ не для того, чтобы требовать ихъ уничтоженія, но для того, чтобы этимъ показать, что даже такіе экзамены, необходимость которыхъ безусловна, оставили у меня послѣ себя исключительно воспоминанія, во всякомъ случаѣ не очень-то пріятныя...

Со времени моего поступленія на государственную службу мнѣ уже никакихъ экзаменовъ держать не при-

---

[2]) Съ тѣхъ поръ минуло болѣе 20-ти лѣтъ, которыя, конечно, и для Россія не прошли даромъ. Въ наши времена и въ Россіи отлично понимаютъ, что значитъ «свои къ своимъ»... *Авт.*

ходилось, но производить ихъ мнѣ приходилось ежегодно и въ теченіе 22-хъ лѣтъ я произвелъ ихъ чуть не безчисленное множество, какъ переводныхъ, такъ и всякихъ другихъ, неисключая и выпускныхъ.

Переводные экзамены, о которыхъ исключительно здѣсь рѣчь идетъ, какъ письменные, такъ и устные, могутъ имѣть только двоякую цѣль[3]: a) поднять уровень познаній учащихся, b) провѣрить успѣшность преподаванія учащихъ. Ни той, ни другой цѣли переводные экзамены, по моему мнѣнію, не достигаютъ.

I. Польза экзаменовъ, по словамъ ихъ защитниковъ, заключается главнымъ образомъ въ необходимости и возможности повторенія въ сравнительно краткій срокъ всего пройденнаго: repetitio mater studiorum. Прекрасно, если повтореніе это происходитъ осмысленно, постепенно, и главное, если оно ученикамъ посильно. Возможно ли подобное повтореніе любого предмета предъ экзаменами при теперешнемъ способѣ ихъ производства? Конечно, нѣтъ. Почему нѣтъ? Потому что пройденнаго въ теченіе одного или даже нѣсколькихъ годовъ въ срокъ какихъ нибудь 2 до 4 дней осмысленно, постепенно и основательно никакому смертному не повторить[4]). Это положеніе для людей, стоящихъ близко къ дѣлу и знающихъ учениковъ и ихъ положеніе, такъ ясно и такъ понятно, что объ этомъ и словъ терять не стоитъ. Даже хорошіе ученики, а о среднихъ и слабыхъ и говорить нечего, предпочитаютъ въ подобныхъ слу-

---

[3]) Сравни первое примѣчаніе, гдѣ указаны тѣ цѣли, которыя полагаетъ въ основу переводныхъ испытаній циркуляръ г. попечителя Моск. учебн. округа.

[4]) Отъ 2—4 дней бываютъ, при благопріятныхъ условіяхъ, промежутки между отдѣльными экзаменами, назначаемые для повторенія только того предмета, по второму предстоитъ экзаменъ. Общее повтореніе ведется обыкновенно въ классѣ за мѣсяцъ до экзаменовъ, какъ это сказано ниже (см. IV). *Авт.*

чаяхъ обыкновенно конспективный способъ повторенія, т. е. они минутно освѣжаютъ въ своей памяти главныя правила и отдѣлы предметовъ, но, повторяю, только минутно, потому что никакая память не въ силахъ удержать продолжительно ту массу свѣдѣній, которой ученики, волей-неволей, обременяютъ ее непосредственно предъ экзаменами. Выходитъ, что экзамены, говоря строго, сопровождаются лишь бѣглымъ, но отнюдь не основательнымъ повтореніемъ ученаго, другими словами, экзамены ведутъ въ силу своей теперешней постановки, къ поверхности, а вовсе не къ основательности познаній учениковъ и отношеній послѣднихъ къ своему дѣлу. Чтобы repetitio на самомъ дѣлѣ оказалось mater studiorum, необходимо или теперешній способъ производства экзаменовъ существенно измѣнить, или же экзамены совсѣмъ отмѣнить и повтореніе пройденнаго отнести на счетъ годичнаго прохожденія курса, т. е. вести послѣднее такимъ образомъ, чтобы въ концѣ года курсъ оказался и достаточно твердо пройденнымъ и повтореннымъ.

II. Переводные экзамены будто бы возбуждаютъ въ ученикахъ соревнованіе и энергію, закаляютъ въ трудѣ и подготовляютъ такимъ образомъ къ труднымъ минутамъ жизни. Что касается соревнованія, то правильная годовая оцѣнка ученическихъ трудовъ и работъ скорѣе можетъ привести къ возбужденію ученика, нежели переводные экзамены. Вѣдь ученики отлично знаютъ и понимаютъ своихъ наставниковъ. Они знаютъ и понимаютъ и то, что всѣмъ и каждому изъ нихъ желательно, чтобы экзаменныя отмѣтки по возможности согласовались съ отмѣтками за весь годъ. Всякіе плюсы, всякіе минусы въ сравненіи съ годичными баллами представляютъ въ подобныхъ случаяхъ пріятную или непріятную неожиданность, т. е. нарушеніе нормы, которое едвали серьезно можетъ входить въ чьи бы то ни было

расчеты. Если не единственнымъ, то, по крайней мѣрѣ, самымъ сильнымъ двигателемъ соревнованія всегда были и останутся награды, зависящія, какъ отъ годичныхъ, такъ и отъ экзаменныхъ отмѣтокъ, и притомъ въ гораздо большей степени отъ первыхъ, нежели послѣднихъ; стало быть, при чемъ же тутъ экзамены, какая же необходимая связь существуетъ между ними и соревнованіемъ? [5]) Энергія всегда и вездѣ творитъ великія дѣла, и ученики, не испытывающіе ея благодѣтельныхъ порывовъ, положительно достойны сожалѣнія. Но, по-моему, безъ энергіи къ экзаменамъ приступать не слѣдуетъ, ее должно выработать въ достаточномъ количествѣ еще до экзаменовъ, и гдѣ этого не бываетъ, тамъ ученики на экзаменахъ проваливаются цѣлыми десятками. Выходитъ, что экзамены сами по себѣ никакой энергіи не возбуждаютъ, даже возбудить не могутъ, но они въ крайнемъ случаѣ способны лишь усилить ее, но экзамены энергію поглощаютъ. Такъ бываетъ дѣло съ энергіей и экзаменами, если послѣдніе бываютъ посильными, если запасы энергіи, существую-

---

[5]) Но если даже допустить, что экзамены возбуждаютъ въ ученикахъ нѣкоторое соревнованіе, то все же остается вопросъ, желательно ли оно съ нравственной и педагогической точекъ зрѣнія? Англійскіе педагоги новѣйшихъ школьныхъ направленій отзываются на этотъ вопросъ положительнымъ словомъ «нѣтъ», какъ они относятся отрицательно и къ переводнымъ испытаніямъ, отмѣна которыхъ привела бы къ устраненію 1) соревнованія изъ-за лучшей отмѣтки, 2) соперничества aemulatio— преслѣдующаго наружный лоскъ образованія и отвратительную зависть. По словамъ одного видваго представителя этого новѣйшаго теченія въ англійскомъ педагогическомъ мірѣ, директора образцовой школы въ Аббатсгольмѣ,—ребенокъ не долженъ хвастаться, что онъ превозшелъ другого; онъ всегда долженъ задаваться вопросомъ, превозшелъ ли онъ самого себя, сдѣлалъ ли онъ больше успѣховъ, чѣмъ прежде». Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ Ѳ. Булгаковъ въ «Нов. Вр.», № 7737. *Авт.*

щіе наканунѣ экзаменовъ, доведены до такихъ размѣровъ, что возможность ея недостатка положительно находится внѣ всякаго вѣроятія и ожиданія. Въ противныхъ случаяхъ въ результатѣ бываютъ однѣ только слезы дѣтей да проклятія ихъ родителей... Экзамены не только никакой энергіи не возбуждали, а напротивъ, на нихъ истрачены были послѣднія ея капли: и дѣти, и ихъ родители оказались съ опущенными руками, т. е. въ совершенно безпомощномъ положеніи. Закалить кого-нибудь въ трудѣ можно только правильнымъ трудомъ же. Разумность труда составляетъ въ подобныхъ случаяхъ conditio sine qua non. Если же труды непосильны, то изъ нихъ выходятъ не закаленными, а изнеможенными. Слѣдствіемъ закаленности въ трудахъ является удовольствіе и увлеченіе трудомъ, слѣдствіемъ же изнеможенія отъ непосильнаго труда происходитъ отвращеніе къ нему. Всѣ эти положенія безспорно вѣрны; если же, тѣмъ не менѣе, пожелалъ бы кто нибудь подтвердить ихъ какими-либо наглядными доказательствами, то такихъ, конечно, рѣдкая область человѣческой жизни представила бы въ большемъ количествѣ, чѣмъ именно та, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Выходитъ, что, если признать за экзаменами какую нибудь подготовку къ труднымъ минутамъ жизни, то эта подготовка во всякомъ случаѣ крайне низкопробная и сомнительнаго свойства. По поводу ея можно развѣ только привести слова Паскаля: «Иногда исправляютъ лучше видомъ зла, нежели примѣромъ добра». Какъ далеко, однако, это «иногда» отъ нормы, объ этомъ распространяться было бы, по крайней мѣрѣ, излишнимъ. Да и сама мысль посредствомъ экзаменовъ подготовлять дѣтей къ труднымъ минутамъ жизни отзывается уродливостью пониманія и взгляда на жизнь, которая, по словамъ Шекспира, ткань изъ хорошихъ и дурныхъ нитокъ. Жизнь и даетъ, и беретъ свое, она никакихъ компромисовъ не принимаетъ, никакихъ подготовокъ не знаетъ и знать не желаетъ. Поэтому-то намъ и приходится въ дѣйствительности наблюдать парадоксы

въ родѣ слѣдующаго· На экзаменахъ однѣ пятерки, въ жизни однѣ единицы и vice versa...

III. Всякій экзаменъ представляетъ государственный актъ. Въ силу такого своего значенія онъ не лишенъ важнаго смысла для того, чтобы дѣтей своевременно пріучить къ уваженію государственныхъ учрежденій и установленій. Такъ обыкновенно говорятъ тѣ, которые считаютъ себя не только сильными сторонниками экзаменовъ, но и главной опорой чего-то поважнѣе экзаменовъ. Съ господами этого рода вообще трудно разсуждать, имъ можно развѣ поставить на видъ только ту неправильность понятій, которая заключается въ ихъ основномъ положеніи. Summum jus summa injuria, и крайняя послѣдовательность приводитъ всегда къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ. Если всякій экзаменъ, строго говоря, и представляетъ государственный актъ, то все же на переводные экзамены никто такъ не смотритъ, а нѣкоторый оттѣнокъ упомянутаго значенія экзаменовъ соединяется, пожалуй, только съ тѣми изъ нихъ, которые представляютъ законченность какого нибудь опредѣленнаго курса съ опредѣленными же правами; полнымъ же значеніемъ государственнаго акта пользуются въ дѣйствительности только тѣ экзамены, которые этимъ эпитетомъ и величаются, т. е. государственные экзамены, открывающіе подвергающимся таковымъ и успѣшно оканчивающимъ ихъ дорогу на государственную службу. Къ категоріи экзаменовъ послѣдняго рода отношу я и экзаменъ зрѣлости, который въ силу такого своего значенія, вѣроятно, никѣмъ и не подвергается отрицанію. Что же касается государственныхъ учрежденій и установленій, то и эти понятія по обширности своего значенія въ данномъ случаѣ едва ли умѣстны. Если хотятъ ими доказать много, то скажемъ, что ими доказываютъ слишкомъ много, а кто доказываетъ слишкомъ много, тотъ обыкновенно ничего не доказываетъ. Современное государство со всѣмъ аппаратомъ современной культурной жизни, право, не многое потеряетъ отъ отмѣны

маленькой толики такихъ «государственныхъ учрежденій и установленій», которыя, по мнѣнію просвѣщенныхъ, согласно заголовку нашей статьи, не что иное, какъ актъ недовѣрія, а, по мнѣнію темныхъ, въ смыслѣ громаднаго большинства гражданъ этого государства, нѣчто въ родѣ колеса фортуны, которая чающихъ ея благъ награждаетъ своими дарами по законамъ случайности, чтобы употребить сочетаніе выраженій, имѣющее полное право на значеніе и эфектъ древняго оксимора. И въ самомъ дѣлѣ, если какой нибудь родъ экзаменовъ дѣйствительно заслуживаетъ названія лотереи, названія, составляющаго нѣчто въ родѣ vox populi, то оно, конечно, составляетъ неотъемлемую принадлежность экзаменовъ переводныхъ по преимуществу.

Этимъ мы заканчиваемъ перечень доводовъ, приводимыхъ обыкновенно сторонниками переводныхъ экзаменовъ въ пользу важности значенія и необходимости сохраненія послѣднихъ. Мы остановились по мѣрѣ надобности на этихъ доводахъ и нашли, что они строгой критики не выдерживаютъ и приводятъ въ большинствѣ случаевъ къ результатамъ діаметрально противоположнымъ тѣмъ, которые имъ приписываютъ ихъ авторы. Но помимо всего этого мы склоняемся къ отмѣнѣ переводныхъ экзаменовъ еще по слѣдующимъ причинамъ.

IV. Переводныя испытанія въ своемъ настоящемъ видѣ для хорошихъ учениковъ безполезны, для посредственныхъ—обременительны, для слабыхъ—непосильны. Для того, чтобы быть хорошимъ ученикомъ, требуются не только достаточныя умственныя способности, но и добросовѣстное примѣненіе этихъ способностей. Такой ученикъ въ теченіе года при мало-мальски раціональномъ преподаваніи усвоиваетъ себѣ курсъ предмета настолько основательно, что для него всякій экзаменъ представляетъ только ненужную тревогу, излишнее нарушеніе душевнаго спокойствія, напраcную пере-

мѣну обычнаго хода занятій. Средній ученикъ при среднихъ умственныхъ способностяхъ и при большемъ рвеніи, по возможности производительно пользуясь своими дарованіями, при разумныхъ требованіяхъ въ продолженіе года, одолѣваетъ годичный курсъ отдѣльными уроками удовлетворительно и знаетъ его и въ его совокупности въ концѣ года тоже удовлетворительно, если только преподаваніе ведется правильно, постепенно, съ безпрерывными повтореніями, какъ устными, такъ и письменными. Если же отдѣльные уроки заходятъ за предѣлы обыкновенныхъ уроковъ, если по обоимъ древнимъ языкамъ урокъ опредѣляется въ 200 стиховъ,—по русскому языку въ 10 стихотвореній наизусть,—по исторіи въ 5—10 главъ,—по математикѣ въ 2—4 отдѣла повторенія, то средній ученикъ можетъ добросовѣстно «продѣлывать» со дня на день только 3, въ крайнемъ случаѣ, при очень благопріятныхъ условіяхъ, 4 урока, а 5-й, чтобы не говорить о шестомъ, хотя бываютъ и такіе, остается или уже совершенно нетронутымъ, или перелистывается только отъ страницы до страницы, и больше ничего. Такое усиленное повтореніе возможно лишь въ продолженіе какихъ нибудь 10-ти дней занятій; при большей же продолжительности его—силы и энергія средняго ученика начинаютъ постепенно убывать и доходятъ по истеченіи одного мѣсяца, обычнаго срока, назначаемаго на повтореніе предъ экзаменами, до минимума, выражающагося обыкновенно тѣмъ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ ученикъ ограничиваетъ свой ежедневный трудъ повтореніемъ уже не 3—4, а лишь 1—2 урока; если же обстоятельства чѣмъ нибудь особенно неблагопріятныя, если между учителями и учениками возникаютъ частыя недоразумѣнія, изо дня въ день обостряющія ихъ взаимныя отношенія, то дѣло повторенія курса сводится въ концѣ-концевъ только къ отдѣльнымъ порывамъ, кромѣ отчаянія ученика въ своихъ занятіяхъ вслѣдствіе малопосильнаго труда ничего, рѣшительно ничего не зна-

чащимъ. Такъ бываетъ дѣло въ дѣйствительности, безъ всякихъ мрачныхъ преувеличеній противъ ихъ пригодности и необходимости. Результатъ подобнаго повторенія, alias приготовленія къ экзаменамъ, опредѣляетъ, какъ нельзя лучше, избитый стихъ Горація: «Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus!» Что же сказать послѣ всего этого о слабомъ ученикѣ, у котораго и голова работаетъ плохо, да и воля работать не всегда достаточно сильна? Конечно, все то-же, что мы сказали о среднемъ ученикѣ, только приходится пропорціонально сгустить краски, что мы, однако, во избѣжаніе никому не нужныхъ повтореній, охотно предоставляемъ добавить самому читателю.

V. Непосильный трудъ всегда и вездѣ, стало быть, и въ нашемъ случаѣ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что и современной медициной, и современнымъ обществомъ называется переутомленіемъ. Не намъ, разумѣется, подробно описывать явленія переутомленій, эти явленія составляютъ всеобщую извѣстность, благодаря своей повсемѣстной распространенности. Стоитъ только спросить любого гимназическаго врача, и онъ не затрудняясь, назоветъ вамъ цѣлые десятки своихъ паціентовъ въ стѣнахъ гимназіи, страдающихъ этимъ «новомоднымъ» недугомъ. Но смѣйтесь, сколько вамъ угодно, надъ этой «новоиспеченной» болѣзнью, ея существованія, однако, никто отвергать не можетъ. Войдите въ благодатные дни мѣсяца мая въ душныя залы гимназіи, въ которой производятся экзамены. Мало вы увидите веселыхъ, бодрыхъ лицъ, наглядно иллюстрирующихъ древнюю истину: in corpore sano mens sana, а напротивъ, вы увидите сплошь да рядомъ личики, буквально заживо высохшія, съ усталымъ взоромъ и мертвенно блѣднымъ цвѣтомъ. Приступите съ разспросами къ нимъ, и вы узнаете всевозможныя скорбныя исторіи о ихъ «превращеніяхъ», т. е. о томъ, почему и какимъ образомъ они стали такими. Эти исторіи заканчиваются обыкновенно такъ: «впрочемъ, по заявленію врача, лѣтомъ я поправлюсь, если на то

Божья воля, если же нѣтъ, то придется мнѣ остаться на второй годъ въ томъ-же классѣ по болѣзни»... Эти страдальцы во имя непосильнаго и неправильнаго труда, alias во имя переводныхъ экзаменовъ, при благопріятныхъ семейныхъ и матеріальныхъ условіяхъ, большей частію за лѣто повидимому, «поправляются», какъ принято выражаться; но что значитъ подобное «поправленіе» de facto, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ опять-таки annales medicorum, онѣ, эти врачебныя лѣтописи, сравнительно легко доступны, сомнѣвающіеся въ справедливости нашихъ словъ могутъ при помощи ихъ разсѣять всякія сомнѣнія. Но полное разстройство физическихъ силъ учащихся, являющееся слѣдствіемъ обремененія ихъ непосильными занятіями, составляетъ только одну половину дѣла; вторая же половина горя заключается въ томъ вліяніи, какое имѣютъ переводные экзамены на добросовѣстныхъ преподавателей. Имъ вѣдь приходится испытывать тяжесть экзаменовъ не въ меньшей, а въ гораздо большей степени, нежели бываетъ та, которую изобразили въ отношеніи къ старательнымъ, но не блестяще одареннымъ ученикамъ: чѣмъ больше сознаніе зла, тѣмъ больше и страданіе отъ этого зла. Составленіе программъ для устныхъ,—составленіе темъ для письменныхъ экзаменовъ, исправленіе нѣсколькихъ сотенъ ученическихъ работъ [6]), нравственныя мученія, неразрывныя, какъ съ этими исправленіями, такъ и съ оцѣнкой письменныхъ и устныхъ отвѣтовъ, разногласія по разнымъ вопросамъ педагогическаго свойства съ товарищами и началь-

---

[6]) Это не утрировка, это сущая правда, которую можемъ подтвердить слѣдующими цифровыми данными: во время экзаменной горячки минувшаго 189⁶/₇ учебнаго года мнѣ пришлось прочесть работы учениковъ II-ти старшихъ и среднихъ классовъ и отдѣленій. Если считать классъ хотя бы только въ 20 человѣкъ, то и тогда выходитъ 220 работъ, въ томъ числѣ 80 работъ учениковъ 8-го и 6-го клас-

ствомъ ближайщимъ, а иногда даже съ окружнымъ, слезы и просьбы дѣтей, моленія и столкновенія съ ихъ родителями и представителями общества etc. etc. etc.—все это въ продолженіе одного мѣсяца можетъ сдѣлать и обыкновенно на самомъ дѣлѣ и дѣлаетъ изъ нравственно и физически бодраго наставника дѣтей и руководителя юношей настоящаго калѣку, который по окончаніи экзаменовъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, такъ же, какъ и его питомцы, уѣзжаетъ на «поправку», на дачу или даже на воды, rebus adversis же продолжаетъ хирѣть въ городской духотѣ, чувствуя себя тягостнымъ и для самого себя, и для своей ближайшей окрестности... Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ о какой либо рѣзкой перемѣнѣ умственной сферы, о какомъ либо нравственно-научномъ самоусовершенствованіи за время вакаціи едва ли можно серьезно говорить. Всякая маломальски выдающаяся работа, волей-неволей, изъ года въ годъ откладывается въ долгій ящикъ, и духомъ и тѣломъ эти горемыки просвѣщенія воскресаютъ еле-еле настолько, чтобы въ началѣ слѣдующаго учебнаго года опять быть къ состояніи войти въ старую колею и тянуть свою лямку до поры, до времени, никому невѣдомую [7])...

VI. Если вліяніе переводныхъ экзаменовъ для прилежныхъ, но не богато одаренныхъ учениковъ вредно

совъ съ болѣе или менѣе подробными рецензіями для Учебнаго округа. Для просмотра и оцѣнки каждой подобной работы требуется минимумъ 2 часа времени; а бываютъ и такія, надъ которыми просидишь цѣлые дни и ночи—въ отчаяніи и недоумѣніи, что съ ними дѣлать: Verfluchte Pflicht und Schuldigkeit...

[7]) Краснорѣчивѣйшую илюстрацію, и при томъ, смѣемъ думать, не первую и не послѣднюю, непосильности преподавательскаго труда во время экзаменовъ представляетъ замѣтка, помѣщенная въ III выпускѣ «Филол. Запис.» за текущій годъ подъ заглавіемъ «Памяти честнаго работника». Она написана по поводу прискорбнаго сообщенія

главнымъ образомъ въ физическомъ отношеніи, въ смыслѣ черезмѣрнаго истощенія ихъ тѣлесныхъ силъ, то для лѣнивыхъ учениковъ, будь они способны или малоспособны, это вліяніе принимаетъ вредный характеръ преимущественно въ нравственномъ отношеніи, въ смыслѣ возбужденія въ нихъ всевозможныхъ дурныхъ инстинктовъ въ сферѣ нечестнаго отношенія ихъ къ своему дѣлу и обязанностямъ, въ сферѣ—лжи и обмана—будемъ же откровенны. Хотя экзаменнымъ отмѣткамъ придается не всегда рѣшающее значеніе, хотя для того, чтобы устранить возможныя случайности, существуютъ такъ называемые провѣрочные экзамены, все же страхъ предъ неудачей да желаніе поставить на своемъ заставляетъ нерадивыхъ учениковъ прибѣгать ко всевозможнымъ плутнямъ и выдумкамъ, могущимъ въ критическую минуту доставить имъ якорь спасенія, въ виду ли списанной письменной работы, или въ видѣ подсказаннаго устнаго отвѣта.—это въ сущности безразлично. Эти плутни и выдумки достигли въ своемъ развитіи и примѣненіи такого совершенства, такой утонченности и такихъ правъ гражданства, что противъ нихъ оказывается всякій, даже строжайшій контроль недѣйствительнымъ. Въ многочисленныхъ классахъ бываетъ обыкновенно по нѣскольку такихъ «артистовъ», которые и въ продолженіе учебнаго года, собственно говоря, кромѣ обмана, ни о чемъ не думаютъ. Они вѣчно посмѣиваются надъ своими това-

---

«Екатериносл. Губерн. Вѣд.» отъ 28 мая 1896 г. за № 112». Сущность ея сводится къ тому, что 22 мая 1896 г. послѣдовала-де смерть скромнаго труженика, преподавателя русскаго языка въ Екатериносл. гимназіи—Павла Лукича Рекало. Онъ умеръ отъ скоротечной болѣзни—воспаленія мозга—вслѣдствіе непосильнаго труда, преимущественно по оцѣнкѣ письменныхъ работъ по русскому языку, какъ это видно изъ краткаго некролога, помѣщеннаго въ «Е. Г. В.» etc.—quod erat demonstrandum».

Авт.

рищами—«зубрилами», что они де напрасно трудятся, потому что на экзаменѣ имъ не сдобровать; между тѣмъ какъ сами, ничего не дѣлая, и въ году исподволь получаютъ удовлетворительныя отмѣтки, а что касается экзамена, то ихъ дѣло де давнымъ-давно въ шляпѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ Рождества начинаются обширныя приготовленія ко «взятію крѣпости»: изощряются въ примѣненіи разныхъ пріемовъ самаго неблаговиднаго свойства, распредѣляются подходящія роли между дѣйствующими лицами, изыскиваются достаточныя средства на непредвидѣнные расходы, однимъ словомъ: составляется вполнѣ надежный планъ «компаніи», замышленной противъ опаснѣйшихъ враговъ—экзаменаторовъ и ихъ ассистентовъ. Благодаря такой энергичной и дружной работѣ и происходятъ «оказіи», надъ которыми приходится только разводить руками... Такой-то ученикъ занимался въ году на 2, а письменную задачу на экзаменѣ онъ исполнилъ на 4! Для втораго рецензента, если онъ случайно знаетъ учениковъ, подобное явленіе представляетъ настоящаго Сфинкса; но что же ему дѣлать!? Баллъ поставленъ и прописанъ преподавателемъ предмета, значитъ, или поднять ему «исторію» и пойти противъ своего товарища, или же уважить ему «принципъ коллегіальности» и завѣдомо ложный баллъ признать настоящимъ. Въ первомъ случаѣ онъ окажется въ концѣ концовъ «придирой» и «кляузникомъ»; у него вѣдь какъ доказательство справедливости его подозрѣнія имѣется на-лицо только нѣкоторое сходство работы такого-то ученика съ работой другого ученика, занимавшагося старательно и въ продолженіе года и написавшаго и на экзаменѣ, быть можетъ, дѣйствительно самостоятельно на 4; но частному сходству, дѣло извѣстное, никто не станетъ придавать значеніе настоящаго доказательства, оно де можетъ быть вызвано разными «случайностями»... Во-второмъ случаѣ восторжествовалъ обманъ, и притомъ не простой обманъ, а нѣчто въ родѣ круговаго обмана: обманулъ ученикъ лѣнивый, обманулъ ученикъ дѣль-

ный, обманули ученики—посредники между обоими, оставшіеся прикрытыми какой-то чудодѣйной шапкой-невидимкой, обмануты были преподаватель предмета, второй рецензентъ, инспекторъ или директоръ въ качествѣ предсѣдателя экзаменной коммиссіи, родители и т. д., обмануты были всѣ и всякій, имѣвшій какое либо отношеніе къ «загадочной четверкѣ»... Разсказанный мною случай не единичный, ихъ бываетъ цѣлая масса, и подобныхъ приведенному мною, и менѣе важныхъ, и болѣе крупныхъ [8]) и поэтому продѣланныхъ еще искуснѣй; но дѣло тутъ не въ степени ловкости, а въ томъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ самой ихъ основѣ кроется грубая неправда, что эта неправда получаетъ широкое развѣтвленіе именно въ дѣлѣ учебномъ и воспитательномъ, то подъ однимъ, то подъ другимъ болѣе или менѣе благопристойнымъ видомъ, и что на святой Руси люди, власть имѣющіе и къ этому дѣлу близко стоящіе, никакъ не хотятъ понять, что непосильность труда, сопряженнаго съ переводными экзаменами, въ значительной степени составляетъ неизсякаемый источникъ этой печальной неправды, между тѣмъ какъ руководители просвѣщенія въ другихъ странахъ, кажется, не менѣе культурныхъ, чѣмъ Россія, поняли это такъ легко, такъ скоро и уже такъ давно; вѣдь просто же и ясно говоритъ самъ русскій народъ: «Голь на выдумки горазда».

VII. Переводные экзамены носятъ въ себѣ элементы нарушенія правильнаго и спокойнаго прохожденія годичнаго курса и составляютъ для бюджета бѣдныхъ семействъ значительную, хотя совершенно непроизводительную

[8]) Если приведенный нами и подобные же ему единичные, такъ сказать, случаи прискорбны, то что же сказать про массовый обманъ, практикуемый цѣлыми классами! А что бываетъ и такой, въ этомъ, къ сожалѣнію краснорѣчиво убѣждаетъ насъ, хотя бы «исторія», разсказанная нами выше. *Авт.*

статью расходовъ. Благодаря переводнымъ экзаменамъ правильныя занятія продолжаются въ сущности только до Св. Пасхи, т. е. или до начала, или до конца второй трети мѣсяца апрѣля. Въ первомъ случаѣ пропадаетъ почти весь мѣсяцъ апрѣль, во второмъ—большая его половина. Выходитъ, что годичный срокъ долженъ быть пройденъ приблизительно въ семимѣсячный срокъ: вторая половина августа, сентябрь, октябрь, ноябрь, первая половина декабря, вторая половина января, февраль, мартъ и неопредѣленная часть апрѣля. Половина января, весь іюнь и іюль и половина декабря составляютъ вакаціонное время; первая половина августа уходитъ на производство пріемныхъ и повторительныхъ экзаменовъ, май—это мѣсяцъ экзаменовъ по преимуществу; остается еще какая нибудь треть апрѣля, которая составляетъ какъ бы преддверіе къ экзаменамъ κατ' ἐξοχήν переводнымъ. Не будь переводныхъ, повторительныхъ и повѣрочныхъ экзаменовъ, годичный курсъ выигралъ бы по крайней мѣрѣ цѣлыхъ полтора мѣсяца, послѣдняя часть вышла бы настоящей четвертью учебнаго года, такимъ образомъ получилась бы полная возможность пройти курсъ и въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ правильнѣе, полнѣе, а главное—основательнѣе. Къ тому же время, предшествующее непосредственно производству экзаменовъ, собственно нельзя называть временемъ учебнымъ, а, если называть его тѣмъ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ есть, то слѣдовало бы называть его временемъ тревоги и волненій душевныхъ, какъ для учениковъ, такъ и для учителей. Первые только и дѣлаютъ, что вывѣдываютъ, что изъ курса преподавателемъ считается важнѣе и что поэтому имѣетъ, повидимому, больше шансовъ войти въ письменную работу, если такая полагается, если же нѣтъ, то—въ программу устнаго испытанія; послѣдніе же, если у нихъ хватаетъ твердости духа, стараются при помощи разныхъ, хотя бы и уклончивыхъ, но тѣмъ не менѣе въ иныхъ случаяхъ несомнѣнно что нибудь да значащихъ отвѣ-

товъ отдѣлаться, насколько хватаетъ терпѣнія, отъ обыкновенно назойливыхъ, а иногда прямо нелѣпыхъ вопросовъ своихъ питомцевъ. А что же бываетъ въ подобныхъ случаяхъ съ тѣмъ, у кого нѣтъ достаточной твердости отпора? На этотъ вопросъ отвѣчаю фактомъ, засвидѣтельствованнымъ моей личной практикой. Много лѣтъ тому назадъ, еще до передѣлки прежнихъ правилъ объ испытаніяхъ, я, въ качествѣ второго рецензента, получаю работы учениковъ по нѣмецкому языку—класса отъ—преподавателя, cui jam terra levis sit! Пересматриваю оцѣнку г. преподавателя, за исключеніемъ какихъ нибудь 2—3 троекъ, красуются однѣ четверки да пятерки! Читаю самъ да самъ себѣ не вѣрю: учениками весьма неблестящаго состава, мнѣ хорошо извѣстныхъ по греческому языку, работы по нѣмецкому языку были исполнены безукоризненно. Что сей сонъ значитъ?—подумалъ я, и, бросивъ бѣловыя, началъ рыться въ черновыхъ, въ одной изъ которыхъ я такъ-таки нашелъ ключъ къ загадкѣ: какъ всегда, такъ и тогда ларчикъ просто открывался—я нашелъ цѣлыхъ два столбца словъ и оборотовъ, подобранныхъ и составленныхъ какъ разъ на заданную тему... Такимъ образомъ я только благодаря оплошности ученика, забывшаго въ черновой продиктованный наканунѣ экзамена самимъ г. преподавателемъ «списокъ словъ», и успокоился, никакого дѣла не поднималъ, потому что было уже поздно, а, надписавъ на этомъ «спискѣ словъ» собственноручно: mundus vult decipi, ergo decipiatur»,— послалъ работы въ томъ же видѣ, въ какомъ получилъ ихъ, въ канцелярію г. директора, cui quoque sit terra levis!... Финалъ понимайте, какъ хотите, я его разсказывать не стану, потому что въ данномъ случаѣ не столько интересна таинственная сторона «атакъ», производимыхъ учениками на своихъ наставниковъ, сколько желательно показать, что за недѣли двѣ до начала экзаменовъ рѣдкіе ученики занимаются своимъ дѣломъ правильно, рѣдкіе учени-

ки заучиваютъ задаваемые имъ уроки основательно, а большая часть класса только поверхностно скользитъ по классвымъ занятіямъ, со дня на день напѣвая себѣ: «ахъ, когда же распустятъ! Тогда-то я и займусь, а теперь—нѣтъ, не стану заниматься»... И такія явленія совершенно въ порядкѣ вещей. Вѣдь сомнительныхъ по отмѣткамъ учениковъ найдется подъ конецъ года въ любомъ классѣ, по крайней мѣрѣ, съ десятокъ. Этотъ-то десятокъ и выбивается изо всѣхъ силъ, они «поправляются», а всѣ прочіе находятся въ какомъ-то выжидательномъ, крайне томительномъ положеніи. Въ такомъ-же состояніи находится и самъ преподаватель: однихъ «поправляетъ», другихъ окончательно «проваливаетъ», а съ остальными «разъѣзжаетъ по общимъ мѣстамъ», стараясь такимъ образомъ, какъ можно лучше, обезпечить благопріятный исходъ «компаніи»—экзамена. Что касается экономической части экзаменовъ, то она кажется маловажной только на первый взглядъ; если же въ нее вникнуть поглубже, то положеніе, высказанное нами въ этомъ отношеніи въ началѣ настоящаго отдѣла статьи, окажется вполнѣ вѣрнымъ и совершенно естественнымъ. Сколько поломается новыхъ перьевъ, сколько измарается чистыхъ листовъ бумаги, сколько испачкается чистой одежды и это дѣлается все совершенно напрасно, потому что письменныя работы отъ этого что-то не улучшаются...

VIII. Наконецъ, переводные экзамены носятъ на себѣ въ значительной степени характеръ случайности, а поэтому-то главнымъ образомъ и нельзя считать ихъ вѣрнымъ показателемъ степени годности или негодности въ оцѣнкѣ дѣятельности преподавателя. Намъ уже приходилось указывать въ настоящей статьѣ на ту и другую отрицательную сторону переводныхъ экзаменовъ. Такъ, наприм., подъ III мы привели то значеніе, которе имъ обыкновенно придается и дѣтьми и родителями. Намъ, конечно, возразятъ, что ни тѣхъ, ни другихъ въ дан-

номъ случаѣ нельзя считать компетентными судьями. И мы скажемъ, что сравненіе экзаменовъ съ лотереей сравненіе не совсѣмъ точное и поэтому и не совсѣмъ подходящее. Но, во первыхъ, извѣстно, что omnis comparatio claudicat; а, во вторыхъ, дыму безъ огня не бываетъ; поэтому, въ третьихъ, естественно, въ чемъ же здѣсь собственно дѣло? Отвѣтъ на заданный вопросъ насъ, вдоволь приглядѣвшихся къ этому въ продолженіе болѣе, чѣмъ 20-лѣтняго опыта, ничуть не затрудняетъ, и мы приводимъ его вполнѣ искренно, какъ мы понимаемъ его. Количество учебнаго матеріала, входящаго въ объемъ переводныхъ испытаній и подлежащаго, стало быть, повторенію наканунѣ и во время производства экзаменовъ, если только послѣдніе должны считаться актомъ, вполнѣ сознаваемымъ, слишкомъ разнообразенъ и слишкомъ обширенъ для того, чтобы вполнѣ сознательно осилить его, мы не думаемъ, слабому, мы даже не говоримъ, среднему, а мы прямо утверждаемъ, хорошему ученику — по силамъ это утвержденіе, по нашему мнѣнію, подробному доказательству не подлежитъ, оно само собою ясно, какъ Божій день: что съ трудомъ усвоивается учениками въ теченіе 7, 8 мѣсяцевъ, того въ продолженіе нѣсколькихъ дней суматохи и волненій, не то, что основательно, но вообще никоимъ образомъ повторить нельзя. Къ такому выводу мы пришли опытомъ; если же наше мнѣніе, тѣмъ не менѣе, кажется кому либо парадоксальнымъ, того мы отсылаемъ къ статьѣ г. Розанова, напечатанной по этому же поводу въ «Нов. Вр.» какъ разъ на-канунѣ переводныхъ экзаменовъ минувшаго 189⁶/₇ учебнаго года. Г. Розановъ разбираетъ этотъ вопросъ главнымъ образомъ по отношенію къ географіи, но разбираетъ его подробно и основательно, на основаніи цыфровыхъ данныхъ, и для того, чтобы подобнымъ же образомъ разобрать всѣ прочіе предметы гимназическаго курса, по которымъ наравнѣ съ географіей производятся экзамены, для этого

повторяемъ, потребовалось бы времени и труда больше того, какой мы можемъ посвятить данному вопросу. Такова фактическая сторона дѣла. Для смягченія же такой суровой дѣйствительности прибѣгаютъ къ разнымъ ухищреніямъ, которыя, конечно, ни для кого изъ желающихъ видѣть никакой тайны не составляютъ. Стоитъ только спуститься съ высоты, стоитъ только съ участіемъ заговорить о производствѣ экзамена съ тѣми, которымъ вся подноготная этого производства извѣстна,—съ учениками. Они вамъ безъ особеннаго стѣсненія приподнимутъ занавѣсъ, они вамъ съ увлеченіемъ разскажутъ о безконечной разнообразности тѣхъ способовъ, которые выработаны школой путемъ практики для облегченія дѣла непосильнаго, такъ что слова г. Фингала, приведенныя нами въ заголовкѣ настоящей статьи, оказываются за правду не простой фразой, а сужденіемъ, провѣреннымъ на опытѣ и глубокій смыслъ въ себѣ заключающимъ. Такъ, наприм., по предметамъ, усвоиваемымъ по преимуществу силой памяти, общее число билетовъ, программу испытанія составляющихъ, дѣлится на двѣ половины. Ученики подходятъ къ экзаменаціонному столу и задумчиво берутъ билеты изъ той кучки, которую успѣли основательно приготовить... Весь классъ отвѣчалъ «превосходно», испытательная коммиссія въ восторгѣ отъ «блестящаго успѣха и умѣлаго преподаванія», преподавателя «поздравляютъ», ему жмутъ руку—за что? Въ сущности, конечно, за то, что способъ облегченія, придуманный и продѣланный учениками съ достаточной ловкостью—свѣдома ли и согласія преподавателя, или нѣтъ, этотъ вопросъ мы оставляемъ открытымъ—удался, какъ нельзя лучше. Въ данномъ случаѣ лотерейность экзамена ограничивается, по крайней мѣрѣ, только одной половиной программы; обыкновенно же дѣло дѣлается еще почище: ученики, убѣдившись въ невозможности честно и благородно выполнить свой долгъ, отправляются на экзаменъ по предметамъ второстепеннымъ на «ура»,

какъ они сами выражаются, по девизу «или панъ, или пропалъ», проучивая, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, изъ программы въ 40—50 билетовъ, какъ нибудь 5—10, предоставивъ остальные «чистой математикѣ случая», иначе говоря с ч а с т ь я! Если мы еще укажемъ на часто слышимыя хвастливыя заявленія въ родѣ слѣдующаго: «программы и видать не видалъ, отвѣчалъ, что Богъ на душу послалъ, а прошелъ такъ, что лучше и желать не полагается» — если мы упомянемъ о возможности с и м п а т і й и а н т и п а т і й, имѣющихъ своими источниками всевозможные оттѣнки движеній человѣческой мысли и сердца и играющихъ при производствѣ экзаменовъ нерѣдко весьма важную роль; если мы изъ пункта VII припомнимъ, какимъ путемъ получаются на письменныхъ экзаменахъ даже отъ посредственныхъ учениковъ сравнительно ч и с т ы я р а б о т ы, то мы надѣемся со стороны приверженцевъ экзаменовъ избѣгнуть упрека въ г о л о с л о в і и, повторяя свое глубокое убѣжденіе, высказанное въ началѣ настоящаго отдѣла нашей статьи, что переводные экзамены носятъ на себѣ въ значительной степени х а р а к т е р ъ с л у ч а й н о с т и, а поэтому-то главнымъ образомъ и нельзя считать ихъ в ѣ р н ы м ъ п о к а з а т е л е м ъ степени годности или негодности въ оцѣнкѣ дѣятельности преподавателя. Какъ вездѣ, такъ и въ дѣлѣ экзаменовъ с к р о м н ы й и д о б р о с о в ѣ с т н ы й т р у д ъ не о ч е н ь - т о з а м ѣ ч а е т с я, напротивъ, б о й к о с т ь и ш а р л а т а н с т в о снискиваютъ себѣ и расположеніе и благодарность тѣхъ, которые въ оцѣнкѣ чужой дѣятельности привыкли преимущественно руководствоваться в н ѣ ш н и м ъ б л е с к о м ъ я в л е н і й, а не проникать в ъ с а м у ю г л у б ь и х ъ в н у т р е н н е й о р г а н и з а ц і и [10]).

---

[10]) Исключенія въ этомъ отношеніи, бываютъ крайне рѣдки. Мнѣ по крайней мѣрѣ, во всю свою жизнь пришлось встрѣтить только о д н о г о окружнаго инспектора, который по поводу сильно испещренныхъ работъ учениковъ

Итакъ, а) повтореніе всего пройденнаго курса, предшествующее переводнымъ экзаменамъ, за краткостью срока и обширностью матеріала, бываетъ непосильное, неполное и неосновательное, а поэтому и безцѣльное и безполезное. b) Переводные экзамены въ ученикахъ соревнованія и энергіи не возбуждаютъ, въ трудѣ ихъ не закаляютъ и къ труднымъ минутамъ жизни не подготовляютъ. c) Никто переводныхъ экзаменовъ государственнымъ актомъ въ собственномъ значеніи слова не считаетъ, стало быть, они учащихся къ уваженію государственныхъ учрежденій и установленій не пріучаютъ. d) Переводныя испытанія въ своемъ настоящемъ видѣ для хорошихъ учениковъ безполезны, для посредственныхъ — обременительны, для слабыхъ — непосильны. e) Непосильный трудъ влечетъ за собою то, что и современная медицина, и современное общество называютъ переутомленіемъ. f) Вліяніе переводныхъ экзаменовъ на прилежныхъ, но не особенно даровитыхъ ученикахъ отзывается вредно главнымъ образомъ въ физическомъ отношеніи, въ смыслѣ черезмѣрнаго истощенія ихъ тѣлесныхъ силъ, между тѣмъ, какъ то-же самое вліяніе въ ученикахъ нерадивыхъ, буде они способны или малоспособны, возбуждаетъ всевозможные дурные инстинкты въ сферѣ нечестнаго отношенія ихъ къ своему дѣлу и обязанностямъ, въ сферѣ лжи и обмана. g) Переводные экзамены нарушаютъ правильное и спокойное прохожденіе годичнаго курса. h) Такой или иной исходъ переводныхъ экзаменовъ зависитъ въ значительной степени отъ множества случайностей, почему главнымъ образомъ нельзя считать ихъ вѣрнымъ показателемъ степени годности или негодности въ оцѣнкѣ дѣятельности преподавателя.

VIII-го класса выразился такъ: «Да, работы неважны; но у нихъ одно преимущество: онѣ не возбуждаютъ никакихъ подозрѣній, они несомнѣнно исполнены самостоятельно, безъ всякой посторонней помощи.» «Такъ-то, по крайней мѣрѣ, вышло»: «Ne nimis me laudes aut vituperes me».

Авт.

Вотъ нашъ взглядъ на переводные экзамены. Вотъ какія соображенія заставляютъ насъ отрицательно относиться къ переводнымъ экзаменамъ и склоняться къ полной ихъ отмѣнѣ. Изъ остальныхъ экзаменовъ мы находимъ пріемные и выпускные необходимыми, повѣрочные и повторительные—терпимыми.

Что же касается вопроса, чѣмъ замѣнить переводные экзамены въ случаѣ полной ихъ отмѣны, то на него отвѣчаемъ мы пока лишь слѣдующее: до послѣднихъ временъ своей педагогической дѣятельности мы, говоря по правдѣ, подобными вопросами серьёзно не задавались; равнымъ образомъ мы не находили возможнымъ вдаваться въ составленіе какихъ бы-то ни было проектовъ въ данномъ смыслѣ. Мы производили переводные экзамены, правда, не по своему внутреннему убѣжденію, а въ силу того могучаго побужденія, которое заключается въ сознаніи святости долга предъ Богомъ, Царемъ и родиной, стараясь и въ этомъ отношеніи приносить посильную пользу на своемъ скромномъ посту. И съ каѳедры, и въ частныхъ бесѣдахъ со своими учениками мы проводили всегда ту мысль, что всѣмъ и каждому должно прилагать посильныя старанія къ тому, чтобы изъ существующихъ государственныхъ учрежденій извлекать, какъ можно, больщую пользу для того дѣла, для котораго они были установлены. Мы только на этомъ мѣстѣ впервые позволили себѣ въ дѣлѣ переводныхъ экзаменовъ нарушить мудрый завѣтъ великаго государственнаго мужа: «Dem Menschen ist die Sprache gegeben, dass er damit seine Gedanken verberge». У насъ спрашиваютъ мнѣнія, мы высказали это мнѣніе, по мѣрѣ своихъ силъ, обстоятельно, ясно и, что самое важное, искренне, sine ira et studio и безъ всякихъ постороннихъ вліяній. Мы и тутъ еще прямо заявляемъ что, на нашъ скромный взглядъ, не столько вопли дѣтей и ихъ родителей, сколько истинные интересы родного просвѣщенія настоятельно

требуютъ принять въ дѣлѣ переводныхъ экзаменовъ какую нибудь инициативу. Мы стоимъ въ данномъ случаѣ за тѣ порядки, при которыхъ мы сами учились и воспитывались, стоимъ за систему австрійскихъ гимназій не по принципу родства, а въ силу своего глубокаго убѣжденія, что успѣхъ во всякомъ дѣлѣ главнымъ образомъ зависитъ отъ умѣренности, равномѣрности, постепенности и разумной строгости того, кто это дѣло вѣдаетъ, другими словами:—отъ тѣхъ условій, которыя за мое время преимущественно положены были австрійской средней школой въ прохожденіе годичнаго курса. Сколько грустныхъ воспоминаній ни сопутствовало мнѣ при переѣздѣ изъ Австріи въ Россію, но въ этомъ отношени я отъ всей души восклицаю съ Вергиліемъ: Et meminisse juvat...

Б. Сольчавскій.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЕ АФОРИЗМЫ.

Для насъ до сихъ поръ этимологія многихъ словъ русскаго языка представляется темною. Но, судя по тѣмъ громаднымъ успѣхамъ, какихъ достигла въ послѣднее время наука языкознанія, можно ожидать въ предстоящемъ будущемъ разрѣшенія очень многихъ словъ, темныхъ по своему составу.

Въ нашей небольшой статьѣ постараемся, такъ сказать, разрѣзать анатомически составъ нѣкоторыхъ реченій языка.

Правда, часто бываетъ для насъ темною этимологія многихъ словъ по причинѣ затерянности корней; тѣмъ не менѣе путемъ научнаго анализа иногда возможно бываетъ доискаться истинной этимологіи слова, происшедшаго, повидимому, отъ затеряннаго корня. Такъ, реченіе трезвый (пишу это слово пока такъ, какъ принято) видимо заключаетъ въ себѣ неясный корень. Но не отыщемъ ли мы корня въ этомъ словѣ, если обратимъ вниманіе на слѣдующее: во-первыхъ, *в* не принадлежитъ къ корню, а служитъ суффиксомъ; во-вторыхъ, *т* въ реченіи трезвый точно также не принадлежитъ къ корню, а есть приставочное. Въ славянскомъ и русскомъ языкѣ мы наблюдаемъ свойство не только вставлять *д* и *т* передъ *р* (ноз-д-ри, с-т-роп-тивый, раз-д-рѣшити, с-т-рамъ, н-д-равъ, в-с-т-рѣтить, с-т-раженіе), но и приставлять, напр.: т-рог-ать (корень рог, откуда с-т-рог-ій), д-раз-нить (корень раз). Слѣдовательно, и разбираемое нами реченіе легко разлагается на слѣдующія части: т-рез-в-ый. Корень *рез* мы считаемъ тѣмъ же самымъ корнемъ, что и въ глаголѣ рѣз-ать, а потому правильнѣе писать трѣзвый, и эта одинаковость корней вытекаетъ изъ слѣдующаго разсужденія. Корень *рѣз* заключаетъ въ себѣ а) понятіе нѣкоторой силы, съ какою частицы какого-либо предмета разъединяются одна отъ другой (что видно въ сло-

вахъ рѣз-ать, рѣз ецъ и пр.) и b) понятіе нѣкоторой бодрости, живости (что видно въ словахъ, образовавшихся отъ корня *рѣз* съ суффиксомъ *в*, напр.: рѣзвый. рѣзвиться, рѣзвость и пр.).

Слово трѣзвый также образовано при помощи суффикса *в*, а потому и приближается по значенію своему къ словамъ рѣзвый, рѣзвость и пр. лишь только съ оттѣнкомъ нѣкотораго различія: рѣзвый—живой, добрый въ физическомъ отношеніи и трѣзвый—живой какъ въ физическомъ отношеніи: трѣзвый человѣкъ (человѣкъ, находящійся въ бодрственномъ состояніи) такъ и еще болѣе—живой въ отношеніи духовномъ, нравственномъ: трѣзвый умъ, трѣзвый взглядъ на вещи и пр.

Корни *рѣз* и *раз* представляютъ двѣ ступени подъема одного и того же корня съ нѣкоторыми оттѣнками отличія въ своихъ значеніяхъ. Отъ корня *раз* происходятъ реченія: раз-ить, д-раз-нить, об-разъ (то, что поражаетъ сходствомъ одного предмета съ другимъ и проч.

Корни *раг* и *рог* суть первичныя формы корня *раз*: отъ корня раг происходитъ съ приставочнымъ *д* реченіе *д* раг-а, дорога—мѣсто утоптанное, убитое вслѣдствіе ходьбы и ѣзды; отъ драга происходитъ глаголъ подражать—идти по указанной кѣмъ либо дорогѣ, слѣдовать чьему либо примѣру; въ чешскомъ языкѣ реченіе drahа получило (переносное) значеніе «свиты»—тѣ люди, которые слѣдуютъ за своимъ господиномъ (Ѳ. И. Буслаевъ реченіе драга производитъ отъ двухъ санскритскихъ корней: *дру*—бѣжать и *га*—идти; такимъ образомъ выходитъ, что драга будетъ, по его мнѣнію, означать «бѣгущая—идущая». «О Вліяніи Христіанства на славянскій языкъ», стр. 51). Отъ корня *рог* произошли: а) первообразное существит. рогъ, названное такъ по отличительному признаку рогатаго животнаго: рогъ—орудіе, которымъ животное поражаетъ (Ѳ. И. Буслаевъ говоритъ, что «наше рогъ, черезъ опущеніе ç образовалось изъ скр. çрига, составившагося изъ çира голова и *га* идущій, т. е. изъ головы идущій, или ра-

ступій». Ibidem, стр. 151); b) д-рог-и, c) д-рог-нуть и d) д-рож ать.

Чередованію *ѣ* и *а* въ корняхъ *рѣв* и *раз* аналогичное явленіе представляютъ корни *рѣ* и *ра*, какъ двѣ ступени подъема одного и того же индоевропейскаго корня, заключающаго въ себѣ понятіе теченія, движенія и даже раздиранія частицъ; эти корни производятъ отъ себя обиліе словъ въ индоевропейскихъ языкахъ. Укажемъ на нѣкоторыя слова: рѣ-ка—не только текущая, но и раздирающая частицы земли, чтобы пробить себѣ путь, гл. рѣ-ити, рѣять; греч. ῥέω, ῥεῦμα; д-рѣ-во—раздирающее землю своими корнями и растущее дерево. Въ школьныхъ учебникахъ корнемъ принято считать *дър*, откуда съ подъятіемъ *ъ* въ *е*, *и* и *о* происходятъ реченія: дер-у, о дир ать, за-дор ъ, и пр. т-рѣ-ва, т ра-ва (такъ же, какъ и д-рѣ-во), откуда происходитъ о-т-ра ва—разрушающая организмъ; ра-ть—побивающая; ра-на—разъѣдающая организмъ; у-ра—восклицательное слово при сильномъ напряженіи голосовыхъ связокъ; Дра-ва—названіе рѣки; ра-дуга—дуга, обходящая, огибающая небесный сводъ; ра-душіе—открытая душа, то состояніе человѣка, когда его душа какъ бы вся выказываетъ себя, выступаетъ наружу; тѣ же корни *ра* и *рѣ* съ перестановкою плавнаго звука являются въ слѣдующихъ словахъ: орь—конь; орьлъ—хищная птица; ор-ати—пахать (впослѣдствіи получило иное значеніе—орать—драть горло, сильно кричать); ор-ити—разрушать; греч. ἀροῦν; лат. ar-are; лит. ar-ti, гот. ar-jan; древневерхненѣм. ar-an; греч. δ-έρ-μα, δ-ορ-ὺ и пр. Реченіе бесѣда представляетъ не мало затрудненій для филологовъ въ отношеніи своего производства. Нѣкоторые филологи полагали, что бесѣда состоитъ изъ приставки бе и корня сѣд. Такъ думалъ авторъ «Мыслей объ исторіи русскаго языка»: «иныя частицы (говоритъ И. Срезневскій), напр., предлоги: па, су, бе, ра, потерявъ свое независимое значеніе, сохранились въ словахъ сложныхъ (пажить, сурожь, бесѣда, радуга) и т. п.» (Мысли объ И. Р. Я., стр. 89).

До нѣкоторой степени эту теорію можно было бы оправдать какъ съ внѣшней стороны, со стороны формы, такъ и съ внутренней стороны, со стороны смысла. Частицу *бе* можно было бы считать образовавшеюся изъ предлога *безъ*, ибо въ древнемъ періодѣ нашего языка мы имѣемъ постоянные примѣры, что предлогъ *безъ*, соединяясь съ словомъ, начинающимся съ согласной, выпускалъ *з*: бесрамие, бесребрьникъ, бесрьдъ, бестоудие и пр., такъ было бы и бе(з)сѣда. Со стороны внутренней можно было бы оправдать тѣмъ, что бесѣда получила свое начало уже во времена принятія русскими христіанства, въ церкви, когда проповѣдникъ говорилъ рѣчь, а міряне слушали его стоя (безъ сидѣнья). Но при всемъ этомъ такое толкованіе будетъ въ высшей степени ненаучное.

Въ разбираемомъ реченіи слѣдуетъ признать два знаменательныхъ корня: а) *сѣд* (сид, сѣд, сад, сяд, греческ. ἑδ(σεδ); καθίζειν, καθέδρα, лат. sed-ere, лит. sed-eti, гот. sit-an, древневерхненѣм. sizzan, санскр. sad, sâd-ajâmi, нынѣш. нѣм. sitzen) и b) *бе*=bhaš—говорить, санскр. (Миклошичъ: Lexicon palaeoslovenico—graeco—latinum). Въ аріоевропейскихъ языкахъ корень bhaš довольно распространенъ: греч. φημι, лат. fari (откуда fa-bul-a); особенно же богатые ростки пустилъ отъ себя корень bhaš въ русскомъ языкѣ: ба-яти, баять; къ этому производному глаголу мы должны допустить первообразный гл. ба-ти, би-ть, слѣды котораго весьма ясно видны въ словахъ ба-с-нь (образов. черезъ причастную форму страд. залога прошед. времени ботъ со вставнымъ *с* отъ гл. ба-ти, какъ отъ пѣ-ти—пѣ-с-нь) отъ реченія баснь образовался глаг. баснити), и на-ба-т-ь (образовал. точно также черезъ причастную форму страд. залога прош. вр. съ пр. на: на-батъ, какъ отъ пѣ-ти—пѣтье); это послѣднее реченіе набатъ—исконное, имѣвшее широкое распространеніе въ древнемъ періодѣ нашей русской жизни, въ особенности же въ вѣчевой періодъ; въ XVIII вѣкѣ потребовалось даже стѣснить право широкаго распространенія этого слова:

законъ гласилъ, чтобы въ — набатъ били только въ случаѣ общественнаго несчастія или же народнаго возмущенія; между тѣмъ какъ въ древній періодъ жизни всѣ случаи народныхъ сходокъ сопровождались набатомъ; б а л и й, б а л ь н и к ъ, б а ш л ь н и к ъ—ворожецъ (синонимъ къ этимъ реченіямъ влъхвъ); башнъ (черезъ причастную форму отъ гл. баштя=ба-шнъ) вообще такой человѣкъ, въ слово котораго вѣрили наши предки; я думаю, что слово «боянъ» въ «Словѣ о пълку Игоревѣ», къ которому авторъ слова обращается съ словами: «О бояне, соловію стараго времени! а бы ты сіа плъкы ущекоталъ»... и пр. не есть, какъ думаютъ многіе, собственное имя поэта, но обозначаетъ вообще пѣвца, или (какъ мы выразились бы нынѣ) поэта; отъ темы *бал* слѣдуетъ, по моему мнѣнію, производить глаголъ бал-ую, бал-ов-ать, т. е. первоначально, стало быть, имѣло значеніе забавлять кого либо словамъ, пѣніемъ, а впослѣдствіи вообще получило смыслъ потворствовать какимъ либо дурнымъ привычкамъ, наклонностямъ; отсюда же, я думаю, слѣдуетъ производить и струнный инструментъ такъ наз. «балалайка, т. е. забавляющая; самый звукъ струнъ уподобляется какъ бы человѣческому слову, голосу.

Въ заключеніе разберу этимологію реченія «хоботъ», повидимому, страннаго и какъ будто даже не русскаго происхожденія.

Въ реченіи х о б о т ъ корень—*хоб*, а *от*—суффиксъ; видоизмѣненіе корня *хоб* составляетъ корень *хаб*, заключающій въ себѣ понятіе ш и р о к о й п а с т и, ж е р л а, что видно въ словахъ: у-хаб-а (яма на дорогѣ), хаб-алка (женщина, которая очень много позволяетъ себѣ своимъ ртомъ, т. е. произноситъ бранныя и неприличныя слова), глаг. хаб-алить, прилагательное по-хаб-ный (то мѣсто, гдѣ позволяютъ себѣ говорить много неприличныхъ словъ), сущ. о-хаб-ка (первоначально такое соединеніе чего либо, что можно обхватить руками, образовавши соединеніемъ ихъ кругъ, и затѣмъ уже вообще всякая связка предметовъ); видоизмѣненіе корня

хаб составляетъ корень *хап*, заключающій въ себѣ указаніе на дѣйствіе, чтобы взять чего либо въ большемъ объемѣ; отсюда происходятъ слова: хап-ать, хап-уга, хап-унъ и пр. корень *хап* я сближаю съ лат. корнемъ сар, который является въ глаголахъ сар-іо и сар-to, а въ рус. яз. какъ извѣстно, *б* переходитъ въ *п* и наоборотъ.

Намъ кажется, что предложенное Сабининымъ въ видѣ попытки словопроизводство имени «Славяне» ближе къ истинѣ, чѣмъ предъидущія. Онъ только не подтвердилъ свое объясненіе. Это словопроизводство можно подтвердить какъ историческими условіями, такъ и фонетическими правилами славянскаго языка. Скандинавы (въ Россіи называемые Варягами) собирали дань съ Новгородскихъ славянъ и сосѣднихъ съ ними племенъ. Примѣры подобнаго собиранія дани мы видимъ какъ еще до основанія русскаго государства, такъ и послѣ основанія (припомнимъ такъ называемое «Полюдіе»). Слѣдовательно, Скандинавы могли назвать подчиненныя имъ племена Славянами (Slovene, Slofene). Вѣдь утвердилось же за нашими предками названіе «Русскіе» (имя, сообщенное нашимъ предкамъ Скандинавскими князьями изъ племени «Русь»); такъ отчего же не могло утвердиться и другое скандинавское названіе? Слѣдовательно, исторически возможно допустить словопроизводство «Славяне» отъ Slavene, Slafene. Что же касается фонетическихъ условій славянскаго и русскаго языковъ, то и въ этомъ отношеніи доказывается только справедливость такого словопроизводства. Въ славянскомъ языкѣ соблюдалось слѣдующее правило: коль скоро въ иностранномъ словѣ на «*а*» не было ударенія, то при переходѣ въ русскій языкъ это неударяемое «*а*» обращалось въ «*о*»; напримѣръ: altáre—олтáрь, pagánus—погáнъ, Lázarus—Лáзорь, σατανᾶς—сотонá пр., точно также и скандинавское слово Slovéne, Slofébe наши предки произносили «Словѣни», каковую форму мы дѣйствительно, и видимъ въ Лѣтописи.

Итакъ, вотъ краткій очеркъ вліянія Скандинавовъ на нашихъ предковъ въ обычаяхъ, понятіяхъ и въ названіи самаго имени Само собой разумѣется, мы еще далеки отъ полнаго и окончательнаго разрѣшенія вопроса, заданнаго нами въ началѣ статьи: добровольное ли было это прозваніе князей—Варяговъ, или же они насильно подчинили себѣ Новгородскихъ славянъ? Мы только помѣрѣ силъ желали представить краткій очеркъ вліянія скандинавовъ примѣнительно къ вопросу призванія Варяговъ, тѣмъ не менѣе уже изъ этого краткаго очерка видимъ, что это вліяніе было сильное, какъ будто бы даже тяжеловатое, отразившееся, повидимому, въ самомъ названіи нашихъ предковъ, такъ что волей-неволей приходишь къ болѣе или менѣе положительному отвѣту на вторую половину вопроса. Нашу мысль отчасти подтверждаютъ и слова лѣтописи: «По дву же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прія власть Рюрикъ; и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи»... Замѣчательно то, что Синеусъ и Труворъ умерли «по дву лѣту»; это указываетъ на какую-то драму, разыгранную между Рюрикомъ и его братьями.

М. Великановъ.

НѢКОТОРЫЯ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА ВЪ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ Тверской губерніи, какъ области исконно исторической, встрѣчаются замѣчательныя особенности въ бытѣ, вѣрованіяхъ, нравахъ, понятіяхъ, характерѣ жителей, въ ихъ говорѣ, произношеніи, вообще въ языкѣ.—Въ этомъ послѣднемъ укажемъ на нѣкоторыя особенности: просодическія, морфологическія и лексическія. Основное свойство акцентуаціи Тверскаго нарѣчія заключается въ томъ, что удареніе въ простыхъ и нерѣдко сложныхъ словахъ, по возможности, покоится на коренномъ слогѣ, а въ большинствѣ реченій сложныхъ (представка+главное слово)—на префиксѣ. Результатомъ такого основного (и, конечно, прямолинейнаго) правила въ говорѣ являются, напримѣръ, слова со слѣдующимъ произношеніемъ: си́роты, пле́тень, ру́чей, дне́вникъ, кле́ить, чи́хать, тѣ́нистый, снѣ́жинка, ко́роткій, ло́моть, а́рбузъ, ко́рысть, ру́сло, то́пливо, ме́четь, ко́мпасъ, ма́шина, ро́манъ, пира́мида,—Та́мбовъ, А́зовъ, Ка́луга, Евпра́ксія, Досто́евскій, Одо́евскій, Бы́стровъ, Ки́словъ, Свѣ́шниковъ, Го́меръ, Да́ву, Ко́нде, Кле́мансо, Па́стеръ, ка́ссиръ, ба́нкиръ, инстру́ментъ, аргу́ментъ, доку́ментъ,—поба́сенка, прихо́жанинъ, подчи́ркнуть (=подчеркнуть), побу́дить (въ отличіе отъ побуди́ть=заставить проснуться), уне́сенный, сва́ренный, на́йденный, безды́ханный, гро́моздкій, лу́бочный,—за́рѣчье, по́бѣги (subst. plur.), по́сидки, по́рука, при́говоръ, па́волока (глаза съ поволокой), за́воротъ, по́воротъ, по́зывъ, по́вадка, за́работокъ, за́рокъ, за́суха, на́ковальня; на́отмашь, на́бекрень, на́готовѣ, на́сторожѣ, по́давно, и́здавна, и́наче, и́ногда и пр. и пр. Сюда же относятся выраженія: бе́зъ глазу, бе́зъ хлѣба, бе́зъ соли, за́ лѣто, до́ сихъ поръ, до́ Твери и такъ далѣе. Но наблюдаемъ и обратное разсмотрѣнному явленіе, т. е. находимъ, что удареніе иногда относится и къ концу слова: братья́, блюда́, ремесла́ (pur.), виды́, суме́рки, раве́нство, дѣво́чка,—множе́ственныя, сестрина́, Метлина́, Травина́, Ивано́въ, крупно́й, переходно́й, переводно́й. Послѣдняго рода

произношеніе словъ соотвѣтствуетъ акцентуаціи во французскомъ языкѣ, гдѣ, какъ извѣстно, удареніе пребываетъ на послѣднемъ (конечномъ) слогѣ слова. Такое произношеніе (удареніе на концѣ слова) какъ въ Тверскомъ говорѣ, такъ въ особенности во французскомъ языкѣ, свидѣтельствуетъ, конечно, объ омертвѣніи языка, послѣднемъ фазисѣ развитія; и это обстоятельство по отношенію къ Тверскому нарѣчію крайне печальное, грустное; но за то первое вышеуказанное явленіе (удареніе какъ можно ближе къ началу слова) въ большинствѣ, въ массѣ реченій Тверскаго говора доказываетъ жизненность языка, возвышаетъ Тверскую рѣчь, въ отношеніи живучести, предъ многими другими великорусскими говорами. Само собой разумѣется, такая акцентуація рѣчи жителей Тверской губерніи могла обусловливаться разными причинами: климатическими, этнографическими, историческими, физіологическими и т. п.

Въ словообразованіи и словоизмѣненіи также замѣчаются особенности: изгорода (=изгородь), смородa, самородина (=смородина), лягуха, лягушка, рыбина, конфетина, бишкетина (бифштексъ), картофелина. Реченіе крупа, несмотря на собирательное значеніе, употребляется большею частію во множественномъ числѣ: фунтъ (манныхъ крупъ, супъ съ крупами; вмѣсто обыкновеннаго выраженія: „онъ не въ духѣ", употребляется „онъ не въ духахъ; слово картофель измѣняется съ выпаденіемъ *е*: картофелю, картофлю и т. д. Реченіе огонь въ родит. пад. имѣетъ ю: „подайте огню". (Существительное имя мышь считается мужскаго рода и измѣняется род. мыша, дат. мышу и пр. Отъ „пальто" множ. число образуется съ перемѣною *а* въ *о*; польта, польтъ и т. д.; то же замѣчаніе относится и къ слову кайма—коймы, коймъ, коймамъ... Глаголъ одѣвать(ся) въ настоящемъ времени употребляется съ выпаденіемъ слога *ва*: одѣюсь, одѣешь(ся) одѣетъ(ся)... подобно тому какъ въ литературномъ языкѣ отъ глагола давать настоящее время: даю, даешь и пр. вмѣсто: даваю, даваешь... Параллельно съ формою „третьяго дня" существуютъ формы: третёводни, третёвась и третеняясь.

Штыръ,—тоже, что въ другихъ мѣстахъ сердешникъ

(въ Саратовской губерніи) и шкворень (= польск. sworzeń)— чуждаго происхожденія. Алаборъ—порядокъ; отсюда происходитъ литературная форма прилагательнаго имени: безалаберный = безпорядочный. Бухма—тоже, что брюква— происходитъ отъ глагола бухнуть. Зусѣнце, зусѣнецъ—холодокъ, тѣнь—происходитъ отъ существительнаго сѣнь(тѣнь) съ представкой за; это слово слѣдуетъ отличать отъ существ. заусенецъ (на пальцахъ), которое составилось изъ частей: за + ус(ъ)+ен+ец+ъ—подобіе уса.—Названія корзинъ разныхъ видовъ: крошня, беркунъ, мостина; послѣднее реченіе произошло отъ слова мостъ и означаетъ корзину съ перегородками.—Злыдень, злыдни—означаетъ жалкаго, несчастнаго горемыку, бѣднягу, нищаго. Въ Саратовской губерніи это слово подверглось сильному измѣненію и звучитъ такъ: злыдарь—злыдари. Въ Малороссіи существуетъ форма злидні съ значеніемъ отвлеченнаго понятія—несчастіе. Это реченіе, по всей вѣроятности, пошло, путемъ семинарскимъ, отъ библейскаго выраженія „зли дни“ (см. отвѣтъ Іакова Фараону на вопросъ послѣдняго первому о числѣ лѣтъ).—Шероша мелкій ледъ, идущій по рѣкѣ во время замерзанія; очевидно, одного корня съ именемъ прилагательнымъ шершавый. Зажора—остановка льда при вскрытіи рѣки—есть видоизмѣненіе слова заторъ (отъ глагола затереть). Посыкаться (въ Саратовской губерніи насыкаться)— намѣреваться—произошло отъ междометія ксы и съ перестановкою сык (означаетъ натравливаніе собаки). Поросокъ— особое мѣсто въ печкѣ, куда загребается жаръ съ тою цѣлью чтобы тамъ онъ дальше держался. На югѣ Россіи разбираемое слово звучитъ прыскъ и означаетъ мелкіе уголья (здѣсь мы видимъ тропъ—метонимію: содержимое—уголья, а содержащее—мѣсто, куда загребаются уголья). Въ связи съ даннымъ реченіемъ стоятъ глаголы: порсануть, порскануть, пырснуть и пырскнуть, которые могутъ имѣть разное значеніе: ударить, сдѣлать прыжокъ, засмѣяться, фыркнуть. Всѣ приведенныя нами слова должны быть, въ отношеніи корня, сопоставлены съ общеизвѣстными словами: брызга, брызнуть прыснуть.—Луна—свѣтъ; отсюда получился глаголъ лунить—свѣтить. Здѣсь мы видимъ первоначальное понятіе слвао

луна не въ смыслѣ тѣла, спутника земли, а въ значеніи свѣта, блеска. Сравн. лат. luna вмѣсто lucna, какъ lumen вмѣсто lucmen, при глаголѣ luceo (корень этихъ словъ заключается въ санскритѣ: чик—свѣтить, блестѣть; отсюда въ греческомъ языкѣ: λύχνος, λευκός и пр.). Зрительныя впечатлѣнія могутъ быть отожествлены, сближены съ слуховыми. Слово луна на югѣ Россіи ходитъ съ значеніемъ „эхо".

Примѣчаніе. Въ Саратовской губерніи ключъ чистой воды, образовавшійся при таяніи снѣга, называется „лункой" (отразилось первичное значеніе корня: свѣтъ).

Быркій—быстрый, быръ—быстрина. Это областное реченіе важно для уясненія слова „быстрый". Въ послѣднемъ къ корню относятся звуки б—ы—р, а „ст" вставка, подобно тому какъ въ прилагательномъ строптивый √ ров, а „ст" приставочный звукъ. Заломъ—это слово объясняется дѣйствіемъ „заламыванія", связыванія колосьевъ во ржаномъ полѣ. Въ нѣкоторыхъ захолустныхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи крестьяне думаютъ, что спорыню у колосьевъ отнимаетъ нечистая сила, для погубленія которой крестьяне поступаютъ такъ: вокругъ мѣста съ завязанными колосьями обводятъ кочергой; въ середину круга кладутъ ворохъ соломы, зажигаютъ ее и съ разными заклинаньями вызываютъ нечистую силу. Послѣдняя, въ образѣ отвратительной старухи съ распущенными волосами, съ длиннымъ языкомъ, является на вызовъ и бросается въ огонь; тутъ крестьяне добиваютъ ее кольями, рогатинами, и послѣ того колосья произрастаютъ своимъ порядкомъ.—Молодѣть, замолаживать—говорится о небѣ, когда оно заволакивается, покрывается тучами. Этотъ глаголъ объясняется миѳологическимъ воззрѣніемъ на природу. Небо сочетается бракомъ съ землею,—дѣлаются „молодыми", и въ результатѣ появляется благодатная влага—тучи. Данный глаголъ съ указаннымъ значеніемъ встрѣчается, помимо Тверской, и въ другихъ губерніяхъ, напр., Новгородской и Саратовской.

Примѣчаніе. Этотъ глаголъ замѣчателенъ тѣмъ, что послужилъ исходнымъ пунктомъ для Даля къ составленію имъ знаменитаго словаря.

М. Великановъ.

О ЗВУКАХЪ Ч и Щ

У насъ есть цѣлый рядъ словъ, начертаніе которыхъ даетъ совсѣмъ ложное понятіе объ ихъ произношеніи. Возьмите, напримѣръ, слова—жужжать, визжитъ, брызжетъ, дрожди, дождикъ... Судя по письму, надо было бы читать—жуж^{ъ}ж^{ъ}ать, виз^{ъ}ж^{ъ}ітъ [1]), брыз^{ъ}ж^{ъ}етъ, дрож^{ъ}д^{ь}і, дож^{ъ}д^{ь}ікъ..., т. е. въ серединѣ этихъ словъ произносить или два *ж*, оба твердые—жъжъ (зъжъ) [2]), какъ въ первыхъ трехъ словахъ, или же твердое *ж* въ сочетаніи съ мягкимъ *д*, какъ въ двухъ послѣднихъ. Многіе такъ, по книжному, и произносятъ подобныя слова, но это совсѣмъ неправильно и объясняется невнимательнымъ отношеніемъ къ звуковому составу такихъ словъ и привычкой въ сомнительныхъ случаяхъ подчинять свой выговоръ книгѣ.

А приведенные случаи принадлежатъ именно къ числу сомнительныхъ и даже весьма сомнительныхъ. Чтобы убѣдится въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на разнописаніе нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ. Почему, напримѣръ, встрѣчается тройкая форма—дрожжи, дрожди (по Гроту) и дрозжи (по Далю)? Академикъ Я. Гротъ на 292 стр. II ч. Филологическ. Разыск. изд. 1885 г. говоритъ, что «начертаніе вожжи (отъ возить), какъ болѣе согласное съ общимъ характеромъ нашей орѳографіи, предпочтительно», а на 71 стр. Русск. Правопис. изд. 1886 г. онъ же высказываетъ совершенно противоположный взглядъ на тотъ же предметъ, говоря, что форма вожжи правильнѣе нежели «возжи», такъ какъ первая въ родствѣ съ гл.

---

[1]) Буквою і выражаемъ звукъ і вообще.

[2]) По закону уподобленія звуковъ, свистящій передъ шипящимъ произносится какъ шипящій (Русск. Правопис. Я. Грота, 1886, стр. 18, б.).

водить.—Чѣмъ объяснить такую крупную разнорѣчивость?

Если вникнемъ въ живое, не книжное, произношеніе словъ **жужжать**, **брызжетъ** и т. п., то замѣтимъ въ немъ одну весьма важную особенность. Попробуемъ ее выяснить. Обратимся къ сравненію.

Возьмемъ слово **прыщетъ** и сравнимъ съ нимъ слово **брызжетъ**. Что общаго между ними? Въ корнѣ перваго буква *щ* представляетъ собой сочетаніе *ск*, въ которомъ *к* смягчено въ *ч*, а свистящее *с*, по закону уподобленія звуковъ, перешло въ шипящее *ш*, образовавъ такимъ образомъ сочетаніе *шч*, гдѣ *ш* произносится мягко,—(единственный случай мягкаго произношенія этого звука); такимъ образомъ слово «прыщетъ» въ дѣйствительности произносится—прыш^{ь}ч^{ь}этъ, или—прыш^{ь}ш^{ь}этъ, но никакъ не—прыс^{ъ}ш^{ъ}этъ=прыш^{ъ}ш^{ъ}этъ. Въ корнѣ второго замѣчается то же явленіе буквами *зж* выражается сочетаніе, совершенно аналогичное съ сочетаніемъ *шч*, и вся разница между ними заключается только въ томъ, что первое отзвучное (безголосное) и выражается особымъ присвоеннымъ ему знакомъ *щ*, второе же звучное (голосовое), особаго знака для себя не имѣетъ и вслѣдствіе этого совершенно неправильно понимается. Въ самомъ дѣлѣ, при внимательномъ наблюденіи нельзя не замѣтить, что въ словѣ **брызжетъ** сочетаніе, передаваемое, по недоразумѣнію, буквами *зж*, представляетъ собой не иное что, а именно сочетаніе *зг* (брызг), въ которомъ *г* смягчено въ **особый шипящій звукъ**, аналогичный съ *ч*, какъ *ч* всегда мягкій, но болѣе густой, голосовой, жужжащій (который для наглядности обозначимъ буквою ч̂); свистящій *з* передъ этимъ шипящимъ, по закону уподобленія звуковъ, въ произношеніи обратился въ шипящее *ж*, и получилось голосовое сочетаніе *жч̂* (обозначимъ его для наглядности буквою *щ̂*), гдѣ *ж*, по аналогіи съ *ш* въ предъидущемъ случаѣ, произносится мягко,—въ свою очередь единственный случай мягкаго произношенія это-

го звука; такимъ образомъ слово «брызжеть» въ живой русской рѣчи произносится — брыж^{ь}ч̂^{ь}этъ, или — брыж^{ь}ж^{ь}этъ, но никакъ не — брыз^{ъ}ж^{ъ}этъ = брыж^{ъ}ж^{ъ}этъ.

Совершенно такъ же какъ жч̂ = щ̂ произносится и сочетаніе *жд* въ аналогичныхъ формахъ, напр. въ словахъ дрожди = дрож^{ь}ч̂^{ь}і, дождя = дож^{ь}ч̂^{ь}а и т. п., гдѣ звукъ ч̂ неправильно переданъ буквою *д*.

Особенность произношенія сочетаній *жж* (*зж*) и *жд* въ словахъ — жужжать, можжевельникъ, брюзжать, дребезжать, мозжечокъ, позже, дрожди, дождевой, пригвождать [3]), вожделѣніе, иждивеніе и т. п., выясняется очень наглядно, если сравнить его съ тѣмъ чистымъ произношеніемъ этихъ сочетаній, какое слышится, напримѣръ, въ словахъ — разжаловать, разжигать, изжарить, вражда, страждущій, и т. д.

Къ характеристикѣ звуковъ ч̂, щ̂ добавимъ еще слѣдующее.

Если ч довольно близко можетъ быть передано сочетаніемъ безголосныхъ т + ш = тш (по Гроту), вѣрнѣе — тъ + шь = тьшь, то звукъ ч̂ такъ же близко можетъ быть переданъ сочетаніемъ соотвѣтствующихъ голосовыхъ дъ + жь = дьжь. Какъ звукъ ч съ предъидущимъ ш образуетъ безголосный шипящій шч = щ, такъ же точно и звукъ ч̂ съ предъидущимъ ж образуетъ голосовой жужжащій жч̂ = щ̂, писчать = пищчать = пищать, визч̂ать = вижч̂ать = вищ̂ать. Звукъ ч представляетъ собой смягченіе безголосныхъ к, т, входящихъ въ слогъ какъ отдѣльно, такъ и въ сочетаніяхъ ск, ст, напр. дик — дич, свѣт — свѣч, треск — тресч = трещ, прост — просч = прощ; звукъ ч̂ представляетъ собой смягченіе соотвѣтствующихъ голосовыхъ г, д, но находится всегда вмѣстѣ съ предшествующимъ ж(з), напр. жг = жч̂ прежд — прежч̂, визг — визч̂, дребезг — дребезч̂, позд — позч̂, гвозд — гвозч̂, и т. д. Какъ и всякій голосовой, звуки ч̂, щ̂

---

3) Рус. Правоп., Я. Грота, 1886, Справочн. указат., стр. XXVII.

въ концѣ слова произносятся какъ соотвѣтствующіе безголосные [4]), напр. слово дожч̂ъ произносится — дошчъ=дощъ, вожч̂ъ—какъ вошчъ=вощъ, и т. д.

Изъ предъидущаго видно, что звуки ч̂, щ̂ такъ же свойственны русской рѣчи и имѣютъ въ ней такое же точно значеніе, какъ и соотвѣтствующіе имъ звуки ч, щ; поэтому если для этихъ послѣднихъ необходимы особыя обозначенія (буквы), то такія обозначенія на столько же необходимы и для звуковъ ч̂, щ̂. Что же касается самаго примѣненія знаковъ для звуковъ ч̂, щ̂, то, по аналогіи, они должны быть подчинены тѣмъ же правиламъ, какія установлены для примѣненія буквъ ч, щ [5]), а именно—сочетанія жч̂, зч̂ должны выражаться однимъ знакомъ (щ̂), когда находятся въ корнѣ, наприм., дожч̂—дощ̂-евой, жг—жч̂—щ̂-оный, (?) визг—визч̂—вищ̂-ать, мозг—мозч̂—мощ̂-ечокъ, (?) жузг—жузч̂—жущ̂-ать [6]), и т. д., и тѣ же сочетанія должны быть раздѣляемы, когда звуки ж, з относятся къ одной, а звукъ ч̂—къ другой части слова, напр. воз-ч̂и, вож-ч̂й, навож-ч̂еніе, дрож-ч̂и, из-ч̂ивеніе, воз-ч̂елѣніе (?), и такъ далѣе.

Съ принятіемъ особыхъ буквъ для звуковъ ч̂, щ̂ устранились бы такимъ образомъ всякія недоразумѣнія по части правописанія разсматриваемаго здѣсь ряда словъ.

Кстати прибавимъ, что звукъ ч̂ свойственъ и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, напр. сербскому, гдѣ онъ изображается буквою ђ.

Ив. Рудановскій.

---

[4]) Рус. Пр., Я. Грота, 1886, стр. 18, в.

[5]) Тамъ же, стр. 51, § 52.

[6]) Отсюда жузга—постоянно жужжащій (звукъ), подобно тому какъ брюзга—постоянно брюзжащій.

Разоблаченіе аллегорической формы стихотвореній.

Во многихъ стихотвореніяхъ мысль поэта выражена въ аллегорической формѣ. Понять надлежащимъ образомъ эти стихотворенія можно лишь разоблачивши аллегорическую форму ихъ. Раскроемъ эту форму въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, при чемъ виденъ будетъ и пріемъ разоблаченія этой формы. Возьмемъ стихотвореніе Лермонтова.

Воздушный корабль.

Послѣ чтенія въ классѣ всего стихотворенія, слѣдуетъ возбудить въ ученикахъ желаніе узнать: о какомъ императорѣ и о какомъ островѣ говорится въ немъ? что разумѣется подъ могилой, изъ которой выходитъ императоръ? что изображаетъ собою корабль, на которомъ нѣтъ ни матросовъ, ни капитана, но который мчится съ быстротою молніи, не встрѣчая никакихъ преградъ? почему этотъ корабль несется къ Франціи? и т. д.

Обратимъ вниманіе на слѣдующія строки стихотворенія: «На немъ (императорѣ) трехугольная шляпа и сѣрый походный сюртукъ»; онъ, «скрестивши могучія руки, главу опустивши на грудь, идетъ». Кто видѣлъ портретъ императора Наполеона I го, или читалъ описаніе его наружности, тотъ не можетъ не узнать въ приведенныхъ строкахъ изображеніе этого императора.

Извѣстно, что Наполеонъ былъ сосланъ на островъ Св. Елены. Островъ этотъ стоитъ одиноко среди безбрежнаго—Атлантическаго океана. Очевидно, что этотъ-то островъ и изображенъ поэтомъ въ слѣдующихъ стихахъ: «Есть островъ на томъ океанѣ—пустынный и мрачный гранитъ».

Находясь въ заточеніи на островѣ, Наполеонъ, такъ сказать, заживо умеръ для прежней, громкой своей дѣятельности. Окончилась славная военными подвигами жизнь величайшаго полководца и началась жизнь человѣка, лишеннаго свободы. Съ заключеніемъ на островъ Св. Елены угасла слава того, кто собирался подчинить своей власти полміра. Мысль эта и выражена въ стихотвореніи словами: «На островѣ томъ есть могила, а въ ней императоръ зарытъ. Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ врагами въ сыпучій песокъ».

Къ Наполеону приставлена была стража, чтобы лишить его возможности уѣхать съ мѣста своего заключенія. Это и выражено поэтомъ словами: «Лежитъ на немъ камень тяжелый, чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ».

Находясь въ ссылкѣ, вдали отъ той кипучей, боевой жизни, какую велъ до своего заключенія, Наполеонъ, естественно, уносился мыслью къ своему славному прошлому, какъ бы вновь переживая его. Воспоминанія его уносились далеко, далеко отъ той дѣйствительности, въ которой онъ находился. Въ стихотвореніи это и выражено словами: «Изъ гроба тогда императоръ, очнувшись, является вдругъ. Идетъ и къ рулю онъ садится и быстро пускается въ путь».

Самый полетъ мысли или, точнѣе, мечты императора изображены въ образѣ корабля, несущагося по волнамъ океана. Такой образъ очень удаченъ, тѣмъ болѣе, что мысль или мечта императора уносилась за океанъ. Какъ мысль, воспоминаніе, мечта, не имѣютъ преграды въ своемъ полетѣ, такъ и корабль, на которомъ «императоръ несется», не встрѣчаетъ себѣ преградъ: «и скалы, и тайныя мели, и бури ему ни-почёмъ».

Само собою разумѣется, что воспоминанія и мечты Наполеона съ особенною живостью должны были возникать въ то время, когда внѣшнія впечатлѣнія не отвлекали его вниманія, когда наступала ночная тишина, «лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ». Особенно живо они знали день годовщины заключенія его на

островъ Св. Елены, что и выражено въ стихотвореніи слѣдующими словами: «И въ часъ его грустной кончины, въ полночь, какъ свершается годъ, къ высокому берегу тихо воздушный корабль пристаетъ. Къ рулю онъ садится и быстро пускается въ путь».

Куда же уносится Наполеонъ своею мыслью, мечтой? Отвѣтомъ служатъ слѣдующія строки стихотворенія: «Несется онъ къ Франціи милой, гдѣ славу оставилъ и тронъ, оставилъ наслѣдника—сына и старую гвардію онъ». О чемъ же ему и вспоминать, о чемъ и мечтать, какъ не о томъ, что такъ дорого, такъ близко и такъ мило его сердцу? И понятно, что чуть только ему припоминается родная страна, какъ «его сердце трепещетъ и очи пылаютъ огнемъ». Онъ живо представляетъ себѣ тѣхъ «усачей—гренадеровъ, съ которыми давалъ славныя битвы. Но, увы, «спятъ усачи—гренадеры въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ, подъ снѣгомъ холодной Россіи, подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ». Онъ живо припоминаетъ своихъ маршаловъ: «и маршаловъ грозно зоветъ». Но и маршалы не откликаются на его зовъ: «иные погибли въ бою, другіе ему измѣнили и продали шпагу свою». Это вызываетъ въ немъ горькое, тяжелое чувство: «и, топнувъ о землю ногою, сердито онъ взадъ и впередъ по тихому берегу ходитъ». Онъ вспоминаетъ «любезнаго сына, опору въ превратной судьбѣ». Но и отъ него нѣтъ отклика: «въ цвѣтѣ надежды и силы угасъ его царственный сынъ». Грустное чувство одиночества давитъ Наполеона Лишеніе прежняго могущества и прежней славы болью отзывается въ серцѣ его: «Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ, и капаютъ горкія слезы изъ глазъ на холодный песокъ»....

Масса тяжелыхъ мыслей и чувствъ, естественно, утомляетъ императора. Его воспоминанія и мечты становятся менѣе живы и напряженны. Къ тому же ночь, такъ благопріятствовавшая мечтѣ и воспоминаніямъ, прошла: «востокъ озарился». Окружающая дѣйствительность беретъ свои права и, разгоняя горячія мечты и

чувства Наполеона, привлекаетъ къ себѣ его сознаніе. Этотъ возвратъ къ действительности поэтъ выразилъ слѣдующими словами: «Идетъ и, махнувши рукою, въ обратный пускается путь».

Такимъ образомъ, разоблачивши аллегорическую форму взятаго стихотворенія, мы видимъ, что въ немъ изображенъ Наполеонъ въ его воспоминаніяхъ, мечтахъ и чувствованіяхъ въ то время, когда онъ находился въ заточеніи на островѣ Св. Елены. Онъ вспоминалъ о Франціи, о сынѣ, о прежней своей боевой славѣ и вообще о всемъ томъ, что было дорого его сердцу и съ чѣмъ связана была его минувшая слава.

Послѣ разоблаченія аллегорической формы стихотворенія и выясненія мысли его, можетъ быть предложена ученикамъ для устнаго, а затѣмъ и письменнаго изложенія слѣдующая тема: Мысль стихотворенія «Воздушный корабль» и выраженіе ея. При этомъ можетъ быть выработанъ слѣдующій планъ изложенія:

I) Вступленіе.

II. Изложеніе.

а) Изображеніе императора Наполеона I.

б) Островъ Св. Елены, какъ мѣсто ссылки Наполеона.

в) Годовщина ссылки Наполеона, какъ обстоятельство, способствующее особенно живому воспоминанію о минувшемъ.

г) О чемъ вспоминалъ и мечталъ Наполеонъ.

д) Чувствованія, сопровождавшія воспоминанія и мечты.

е) Возвратъ къ дѣйствительности.

К. Ельницкій.

РАЗЛИЧІЕ СИНОНИМОВЪ — «ЧЕРМНЫЙ» и «ЧЕРВЛЕНЫЙ» (ЧЕРВНЫЙ).

Всякому извѣстно изъ школьной практики, какъ часто учащіеся смѣшиваютъ названія—Чермное и Черное море. Очевидно—звуковая разница словъ не такъ чувствительна, чтобы дѣти свободно могли различать два особые термина и предмета. У Геродота (I, 1, 202; VII, 80 и др.). Чермное море называется Эриөрейскимъ—Ερυθρή θάλασσα, т е. Красное море (ἐρυθρός—красный, темнокрасный, ἐρυθραίνω—красить, дѣлать краснымъ) Названіе это въ настоящее время объясняется присутствіемъ въ морѣ массы красныхъ инфузорій, которыя покрываютъ часто морскую поверхность. Нѣкоторые также указываютъ, что и въ Нилѣ, во время полноводья, встрѣчается много такихъ инфузорій, придающихъ красный цвѣтъ водѣ (Священная Лѣтопись—Геор. Властова, т. II. стр. 52, прим. П). Въ свящ. книгахъ Нов. Завѣта Геродотовское названіе осталось—Чермное море передается погреч.—ἐρυθρὰ θάλασσα, полатин.—Rubrum mare (Дѣян. VII, 36; Евр. XI, 29). Между тѣмъ слово—«черменъ» (Апокал. XII, 3) по-греч. передано—πυρρός (огненнаго цвѣта), лат. rufus—рыжій,—«чермноватися»—πυρράζειν, rubere (Матѳ. XVI, 2, 3). Чермность—качество чермнаго, багряность (Академ. Слов.—стар. изд.). «Вину чермностію пречистыя крове Христовы чермнящеся». Чермный (тамъ же)—темнокрасный, багряный и рыжій. «Видѣ Моавъ сопротивъ воды чермны, яко кровь». «Изыде же сынъ первенецъ черменъ» (рыжій) По Далю: «чермный, червленый, багровый, темнокрасный; мутнаго краснаго цвѣту; рыжій». Нѣкоторые изъ князей на Руси носили прозваніе «чермный» (Мстиславъ Тмутараканскій+1036).

Теперь возьмемъ другое слово. «Червéнь»—tó kókkinon, cocceus—багряница, красная, окрашенная пряжа. «Червленица»—тожъ. «Бремéнъ злата и сребра,

и каменія драгаго и бисеря, и вусса и порфуры, и шелка и червени»... «И жена бѣ облечена въ порфуру и червленицу»... Апок. XVIII, 12; XVII, 4. ...«Да сотвориши сіе отъ злата, и синеты, и багряницы и червленицы пряденыя» (toga praetexta)... Исх. XXVIII, 15. «Червленый» — kókkivos, сосceus — багряный, темнокрасный. «Одѣяша его хламидою червленою»... «Совлекоша съ него багряницу» (χλαμύδα, πορφύρα, purpura)... Матѳ. XXVII, 28, 31. «И облеченъ въ ризу червлену (βεβαμμυένον, tincta)... Апок. XIX, 13. «Воини... въ ризу багряну облекоша его».

Изъ всѣхъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, что для выраженія признака—«красный»—употреблялись синонимы—чермный, червленый, багряный. Первый синонимъ стоитъ совершенно одиноко и употребляется для показанія естественнаго, природнаго свойства предмета; означаетъ красный цвѣтъ, отливъ (заря, огонь, рыжій). «Онъ же отвѣщавъ, рече имъ: вечеру бывшу, глаголете, вёдро: чермнуетбося небо». «И утру, днесь зима: чермнуетбося дряселуя небо». Матѳ. XVI, 2—3. «И видѣ Моавъ сопротивъ воды чермны яко кровь, и рече: кровь сія есть отъ оружія». 4 Цар. III, 22. Признаютъ даже единство корня и звуковое родство въ словахъ—ἐρυθρὸς, редрый, рьдьръ, рьдѣти (зардѣлся, весь вспыхнулъ), рьдръ, редръ, рыждь, rutilus, нѣм. roth (Начертаніе Цер.-слав. грам.—А. Будиловича, 1883 г., стр. 98; Журн. М. Н. Пр. 1893 г., Ноябрь, стр. 49) *).

Что касается двухъ другихъ словъ, то они, повидимому, смѣшиваются между собою—«риза багряна», «хламида червленая», «багряница»; передаются по-греч. и по лат. — kókkinos, сосceus (βεβαμμένος, tinctus), πορφύρεος, purpureus,—πορφύρα, purpura, т. е. — пурпуровая одежда, краска. Пурпуровая краска, какъ извѣ-

*) Ср. народ. руда—кровь («отъ каменя ни воды, отъ мертваго—ни руды»), а также—рудникъ, ру(д)мяный, рожа (болѣзнь), ржа—ржавчина. См. Сравнительный Этимологическій словарь Н. Горяева.

ство, добывалась въ древности изъ морскихъ раковинъ (Murex brandarius и Murex trunculus); ихъ много было близъ древ. Тира и Сидона и острововъ Егейскаго моря. Финикіяне на своихъ фабрикахъ приготовляли тонкія шерстяныя матеріи, которыя окрашивались пурпуромъ. Особенно цѣнилась аметистовая пурпура, лаконская и тирская. Пурпуровыя одежды (или только съ пурпуровою каймою, оторочкою) носили цари, жрецы и высшіе сановники. Въ Византіи одно время даже запрещено было закономъ частнымъ лицамъ красить матеріи пурпуромъ. Въ церк.-славян. πορφύρεος, purpureus передается—«багряный»,—πορφύρα, purpura—«порфира», «багряница», «преприда» (Марк. XV, 17). Нѣкоторыя изъ этихъ реченій встрѣчаются и въ живой рѣчи—багровый, багрянка, багровѣть, багрѣть и друг. (См. также «Слово о Полку Игоревѣ—Е. В. Барсова. III т. стр. 10).

Червленый, червлень, червленѣть, червленость, червонный, червчатый и др.—kokkinos, cocceus; по объясненію нѣкоторыхъ, произошло это названіе отъ насѣкомаго «coccus illicus», изъ котораго добывалась «червяная краска» («червецъ» у Даля), т. е. изъ червя добытая (свящ. Лѣт. II т. Исходъ. Стр. 168, 169) *). «Червленый», по моему мнѣнію, ближе всего подходитъ къ слову—«красный» и заключаетъ въ себѣ не только обозначеніе цвѣта, но и понятіе объ окрашиваніи вообще, красотѣ и дороговизнѣ («червонецъ»; бѣлорус. «краски»—цвѣты) [2]). Говорить, поэтому, что щиты на Руси окрашивались въ любимый цвѣтъ, красный (червленый), нельзя безъ нѣкотораго ограниченія. Мысль эта подтверждается вышеприведенными примѣрами, гдѣ «червленый» = βεβαμμένος, tinctus. Въ указанномъ изслѣдованіи Е. В. Барсова на 10 стр., приведены выраженія—«Добрая жена сугуба одѣнья сотворить мужеви

*) Ср. фр. cochenille, лат. coccinella, coccum.

[2]) Кромѣ того, въ Бѣлорус. «краска» употреб. въ смыслѣ—кровь, напр. пустить коню краску.

своему, очервлена и багряна собѣ одѣнья». «Каплями кровными очервивша багряницу».

Названіе мѣсяца. Червецъ, червень (Іюнь, Іюль), производятъ отсюда же (Бытъ рус. народа—Терещенко, III т. стр. 21), между тѣмъ тотъ же мѣсяцъ называется—«кресникъ» —огненный, жаркій, красный (Ист. грам.—Буслаева, § 147).

Въ заключеніе сопоставимъ слова: чермный (чрьмьнь), червленый, червный (польск. czerwony, серб.-луж. čŕwjeny, болг. чьрвенъ, др.-сл. чръвьный; древ.-слав.—кръвь—кровь, чръвь—червь), червецъ, карминъ (краска изъ червца), кермесъ, кармазинъ, кармазинный (татар.—кырымызы); всѣ они, повидимому, близки по значенію. Хотя два первые термина стоятъ обособленно, каждый имѣетъ свое значеніе, тѣмъ не менѣе можно, кажется, допустить звуковое родство—корни ихъ: «черм» и «черв». Здѣсь могла произойти замѣна последняго звука, какъ это нерѣдко случается съ губными и плавными [3]).

Н. Рамзевичъ.

---

[3]) См. еще «черевья» въ Исторіи рус. церкви—Е. Голубинскаго, II т. стр. 548; «чары»—въ Историч. Очеркахъ—Ѳ. Буслаева, стр. 580 и въ его Ист. Христ., стр. 118. Славян. «шары»—краски (срикъ—minium), разноцвѣтныя одежды (τὰ βάμματα—Суд. V. 30; Премудр. Солом. XIII, 14) не есть ли тоже, что и «чары»? «Ошарати»—окрашивать.

Памяти Ф. Рейфа.

Двадцать пять лѣтъ назадъ осенью 1872 года погибъ ужасною смертію знаменитый составитель паралельныхъ словарей Рейфъ. Не мѣшаетъ вспомнить о заслугахъ этого почтеннаго филолога.

Словарь Рейфа былъ посвященъ составителемъ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Каждому извѣстно достоинство этихъ словарей, которые и одобрены были для учебныхъ учрежденій министерствъ Военнаго и Народнаго Просвѣщенія. Они удостоены нашею Академіей Наукъ полной Демидовской преміи и двумя медалями отъ королевской берлинской Академіи *).

Словарь г. Рейфа состоитъ изъ 4 объемистыхъ томовъ in—8⁰, около 900 стр. каждый. Цѣна каждой ча-

---

*) Рецензіи: 1) «Библіотека для чтенія». 1834, т. 9, отд. 6, стр. 36—45.
2) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». 1843, а. 37, отд. 6, стр. 160—162, ст. Ф. Б.
3) «Москвитянинъ», 1850, часть 5, № 18 кн. 2, стр. 67—68.
4) «Отечественныя Записки» 1843, № 1, т. 26, отд. 6, стр. 29—31. 1844, № 11, т. 37, отд. 6, стр. 40—41, 1847, № 9, т. 54, отд. 6, стр. 56—59.
5) «Присужденіе двадцатое Демидовскихъ премій». 1851, ст. И. И. Срезневскаго, стр. 313—334.
6) «Современникъ». 1843, т. 30, стр. 110—111.
7) «Сѣверная Пчела» 1835. № 33. 1844, № 223.
8) «Финскій Вѣстникъ». 1847, т. 21, отд. 5, стр. 54—55.

Эти рецензіи относятся ко всѣмъ изданіямъ.

сти 2 р. 50 к. а всѣхъ четырехъ вмѣстѣ 10 рублей. Въ 1836 году г. Рейфъ, по окончаніи изданія этимологическаго лексикона русскаго языка, удостоеннаго Императорской Академіей Наукъ полной Демидовской преміи и посвященіе котораго принялъ въ Бозѣ почивающій Императоръ Николай Павловичъ, по представленіи его графомъ Уваровымъ, президентомъ Императорской Академіи Наукъ, задумалъ издать изъ него извлеченіе, съ цѣлью сдѣлать его доступнымъ для русскаго юношества.

Однако онъ понялъ, что его работа была бы гораздо полезнѣе, если бы она заключала въ себѣ всѣ слова главныхъ языковъ, которыя бываютъ часто нужны при употребленіи иностранныхъ изданій.

Такова была причина, которая заставила автора издать карманный лексиконъ русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, раздѣленный на четыре части, изъ которыхъ каждая содержитъ слова одного изъ языковъ, съ объясненіемъ ихъ на другихъ, вслѣдствіе чего его словарь одинъ замѣняетъ шестьнадцать, а каждая часть—четыре.

Кромѣ предисловія къ каждой части, помѣщена и грамматика каждаго языка, а при русской и нѣмецкой—грамматика, правила которой составлены для всѣхъ 4 языковъ.

Эти основанія грамматики извлечены изъ сочиненій лучшихъ авторовъ. Такъ, русская—изъ руководства къ изученію русской грамматики г. Греча; французская изъ «Nouvelle grammaire française de Noel et Chapsal»; нѣмецкая изъ «Schulgrammatique der deutschen sprache von K. Becker».

Первое изданіе напечатано было въ Карлсруэ, гдѣ г. Рейфъ имѣлъ почти постоянное мѣстопребываніе. Словарь выдержалъ нѣсколько изданій и многочисленныя тисненія. Каждое изъ нихъ было улучшаемо, что и видно изъ предисловія къ нимъ. Такъ напр., второе изданіе французской части было дополнено 6000 словъ.

Г. Рейфъ возъимѣлъ уже при этомъ мысль сдѣлать свое изданіе возможнымъ для пользованія даже

ученымъ людямъ, а поэтому и самое изданіе получило уже заглавіе не карманнаго словаря, а «новыхъ паралельныхъ словарей русскаго, французскаго. нѣмецкаго и англійскаго языковъ», и форматъ значительно увеличенъ.

Третье изданіе этой части (1858 г.) было стереотипировано по особенному методу г. Архимовича и печатано съ помощью механическихъ станковъ Кенига и Бауера. Оно было дополнено болѣе чѣмъ тысячью словами, взятыми изъ «Dictinnaire des sciencer des lettres et des arts» г. Булье которые, въ совокупности со словаремъ Академіи Наукъ и прибавленіемъ къ нему, составляютъ самое полное изданіе по словарной отрасли французскаго языкознанія. Кромѣ того, каждый листъ словаря былъ доставляемъ передъ печатаніемъ къ г. Гречу, съ цѣлью провѣрки этимъ ученымъ русскаго объясненія словъ.

Четвертое изданіе вышло въ 1865 году. Уже въ это время словарь былъ распространенъ въ числѣ около 120000 томовъ, и при этомъ не только во всѣхъ образованныхъ государствахъ, но даже въ Австраліи. Это изданіе было снова дополнено 2,500 словами и напечатано съ помощью новыхъ литеръ, отлитыхъ г. Дреслеромъ во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Такимъ же образомъ дополнены были и изданія прочихъ частей словаря. Такъ второе и третье изданія нѣмецкой части дополнены были болѣе чѣмъ 4000 словъ, четвертое же, 1865 года, тысячью. Въ 1871 году вышло шестое его тисненіе. Замѣтимъ при этомъ, что всѣ эти изданія и тисненія печатаны въ Карлсруэ.

Вообще же въ составъ каждой части словаря вошли слова словарей, изданныхъ Академію Наукъ каждой націи, техническіе термины (хотя далеко не всѣ), географическія и историческія названія, метрологія и сокращенія, употребляемыя въ каждомъ языкѣ.

Но словаремъ далеко не заканчивается вся авторская дѣятельность покойнаго Рейфа. Мы уже упоминали объ этимологическомъ лексиконѣ русскаго языка,

или русско-французскомъ словарѣ, въ которомъ русскія слова распредѣлены по происхожденію. Онъ изданъ въ С.-Петербургѣ, въ двухъ частяхъ in magno 8, въ 1835 году и удостоенъ нашей Академіей Наукъ полной преміи.

Кромѣ того, имъ же составлена «Grammaire russe à l'usage des intrangers, St. Pétersbourg», 1821 г. эта книга издана была въ 1823 году въ Вильнѣ на польскомъ языкѣ г. Химбовичемъ и перепечатана въ 1851 году въ Парижѣ. Она была переработана авторомъ съ приложеніемъ упражненій для грамматическаго анализа и переводовъ съ французскаго языка на русскій и издана на трехъ языкахъ подъ слѣдующими тремя заглавіями:

1) Grammaire française—russe ou principes de la langue russe à lúsage des Français. Въ 1860 году въ Карлсруэ и Парижѣ вышло ея 3-е изданіе in—8⁰.

2) Deutsch—russische Sprachlehre oder Gründsätze des Russichen sprache zúm Gebrauche für Deutsche. Karlsrue. 1853. 8⁰, одинъ томъ и

3) Englich — russian grammar — or principles of the Russian language for the use of the Englich. Third edition. Paris 8⁰. 1860.

Наконецъ въ 1832 году издано было имъ въ С.-Петербургѣ: «Rechrches sur les racines des idiomes Slavons, comparées avec celles des langues etrangers pour servir à l'etude comparative des langues» in—8⁰, которое составляетъ извлеченіе изъ изысканій адмирала Шишкова, извѣстнаго автора трехъязычнаго морскаго словаря, о корняхъ славянскихъ языковъ.

Вотъ какова была дѣятельность этого ученаго, труды котораго касались исключительно области сравнительной лингвистики и одной изъ ея самыхъ существенныхъ, но, къ сожалѣнію, еще слабыхъ и доселѣ отраслей.

Н. Н. Вакуловскій.

ПАМЯТИ В. И. ДАЛЯ.

Въ текущее время исполнилось 25-ть лѣтъ послѣ кончины Владиміра Ивановича Даля. Не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ даровитомъ русскомъ дѣятелѣ въ области языкознанія. Я живо вспоминаю какое впечатлѣніе произвела вѣсть о его кончинѣ, сколько ходило разсказовъ о немъ, сколько было воспоминаній. По моему мнѣнію это была одна изъ рѣдкихъ натуръ, счастливо одаренныхъ отъ природы. Онъ легко сроднился со всякаго рода дѣятельностью, съ которою судьба или обстоятельства его сталкивали: медикъ, естествоиспытатель, этнографъ, лингвистъ, администраторъ и, наконецъ, выдающійся писатель, успѣшно подвизавшійся на поприщѣ изящной литературы. Родился въ 1801 г. въ Екатеринославской губ., на Луганскомъ заводѣ (откуда и псевдонимъ «Казакъ Луганскій»). Воспитывался Даль въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Выйдя изъ него 1819 г., онъ поступилъ въ Черноморскій, послѣ перешелъ въ Балтійскій флотъ. Въ 1826 г. вышелъ въ отставку и поступилъ въ Дерптскій университетъ, откуда вышелъ докторомъ, былъ командированъ на театръ войны съ Турціей, затѣмъ служилъ въ С.-Петербургѣ ординаторомъ военно-сухопутнаго госпиталя. Выйдя въ отставку одно время онъ занимался литературою, затѣмъ опредѣлился чиновникомъ особыхъ порученій къ Оренбургскому губернатору Перовскому, причемъ участвовалъ въ Хивинскомъ походѣ. Въ 1859 г. оставилъ службу и поселился въ Москвѣ, гдѣ занимался новымъ изданіемъ своего знаменитаго словаря и здѣсь же въ 1872 г. скончался. Разбирать и оцѣнивать Даля въ немногихъ строкахъ нельзя. Это былъ дѣятель, увѣковѣчившій свое имя прекрасными трудами, каковы были: «Томовый словарь живаго великорусскаго языка» и «Пословицы русскаго народа». Въ образованномъ кругу имя его пользовалось широкою извѣстностью. Тѣмъ не менѣе мы

по сегодня не имѣемъ ни хорошаго жизнеописанія В. И. Даля, ни подробной, достойной имени его оцѣнки трудовъ его, ни дѣйствительно полнаго собранія его сочиненій. Пожелаемъ, чтобы все это появилось хотя бы къ столѣтію рожденія Даля, вѣдь оно близко. Пожелаемъ также, чтобы у насъ въ Россіи появилось больше равныхъ Далю дѣятелей. Условія жизни у насъ сложились такъ, что люди съ широкимъ кругозоромъ, и съ широкою же иниціативою или дѣятельностью, рѣдки, и рѣдки. Да будетъ вѣчная память Владиміру Ивановичу! (Котл. Крондш.).

Ѳиве.

О ПРЕПОДАВАНІИ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ И УЧИЛИЩАХЪ *).

Курсъ первый,—училищный, элементарный, грамматическій. Въ составъ этого курса должны входить слѣдующія занятія: чтеніе и письмо, изученіе количества слоговъ и правилъ объ удареніи и вообще краткія свѣдѣнія изъ просодіи; ознакомленіе съ знаками препинанія; диктантъ или письмо по слуху, съ книги, съ доски, и вообще упражненія, направленныя къ наглядному, непосредственному и болѣе тѣсному ознакомленію учениковъ съ латинскимъ текстомъ; изученіе грамматики т. е. этимологіи и элементарнаго синтаксиса; чтеніе легкихъ авторовъ; изученіе словъ; заучиваніе наизусть, какъ вообще лучшихъ образцовыхъ отрывковъ, такъ въ особенности,—на этой ступени,— пословицъ, изреченій и сентенцій и наконецъ письменныя упражненія, которыми должны сопровождаться всѣ безъ исключенія занятія этого курса отъ самыхъ элементарныхъ до наиболѣе сложныхъ.

Относительно чтенія мы должны сказать, что не согласны съ тѣми преподавателями лат. яз., которые употребляютъ на обученіе чтенію очень мало времени: 2—3 урока и не больше недѣли. Нѣтъ, если такъ отнестись къ чтенію, то ученики будутъ читать плохо и сдѣланное на первыхъ порахъ упущеніе будетъ сказываться во все дальнѣйшее время. Такъ и есть въ дѣйствительности. Ученики т. е. преобладающее большинство читаютъ плохо; совсѣмъ несвободно, небойко, не говоря уже о томъ, что читаютъ невыразительно, некрасиво. Плохое чтеніе это вообще недостатокъ семинариста; плохо читаютъ не только по-латыни и по-гречески, но и по-русски. Поэтому нужно на первыхъ же порахъ достигать

*) См. Ф. Зап. вып. IV. 1897 г.

хорошаго[66]) чтенія и не жалѣть на это времени. Пусть употребляютъ на это не два-три урока, а 10—15-ть уроковъ и больше. Такая затрата времени вознаградится при дальнѣйшихъ занятіяхъ съ избыткомъ. Не знаніе только алфавита и не кое-какое комбинированіе буквъ въ слова требуется для чтенія: чтеніе есть искусство и ему нужно учиться и долго учиться, не жалѣя времени. Дѣло не въ механизмѣ только, а въ умѣньи владѣть механизмомъ, придать жизнь этому механизму. Можетъ быть, скажутъ, что одному собственно чтенію спеціально нѣтъ надобности учиться, такъ какъ ученики при всѣхъ дальнѣйшихъ урокахъ будутъ учиться чтенію. Въ томъ то и дѣло, что забытое т. е. оставленное безъ вниманія на первыхъ порахъ искусство чтенія не возстановляется и не восполняется при дальнѣйшихъ занятіяхъ. Упущенное не наверстывается потомъ никогда. Другія занятія еще болѣе отодвигаютъ чтеніе на задній планъ. И оно остается забытымъ. Требованія его не бываютъ удовлетворены. И что особенно худо, такъ это то, что создается въ ученикахъ дурная привычка манкировать этимъ дѣломъ. Никакія усилія потомъ не помогаютъ сгладить эти недостатки и уяснить ученикамъ важность предъявляемыхъ имъ требованій. Какъ въ походкѣ, какъ въ манерѣ говорить и держать себя при извѣстныхъ условіяхъ укореняются трудно или совсѣмъ неизгладимые недостатки, своего рода наросты и уродства; такъ и въ плохомъ чтеніи проявляются столь дурныя привычки, столь упорные недостатки, что съ ними въ послѣдстіи нѣтъ никакой возможности бороться. И такъ чтенію нужно удѣлять больше времени и больше вниманія.

Затѣмъ вмѣстѣ съ чтеніемъ должна изучаться просодія т. е. краткія свѣдѣнія о количествѣ слоговъ и пра-

[66]) Подобный же взглядъ и подобныя же требованія относительно чтенія высказываются и въ объяснительной запискѣ къ училищной программѣ по лат. языку. (См. стр. 2 и 5).

вила объ удареніи—и чтеніе должно быть правильное по удареніямъ.

Было время, когда требованія латинской просодіи въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (не въ училищахъ только, но и въ семинаріяхъ и даже въ академіяхъ [67]) игнорировались и были совершенно неизвѣстны не только ученикамъ, но и учителямъ. Наши отцы обыкновенно читали: ópinor вм. opínor, perséquor вм. pérsequor, péritus вм. perītus и даже нерѣдко asínus вм. ásinus. Теперь, слава Богу, дѣло обстоитъ не такъ [68]). Но все же просодія и нынѣ нерѣдко хромаетъ въ училищахъ. На устраненіе этого недостатка учителями училищъ должно быть обращено большое вниманіе. Необходимо поставить твердо это дѣло на первыхъ порахъ. Кромѣ теоретическихъ правилъ о долготѣ и краткости слоговъ самымъ важнымъ въ этомъ случаѣ средствомъ должно быть изученіе склоненій и спряженій, а равно и всѣхъ частей рѣчи съ количествомъ инкрементовъ и флексій; особенно же необходимо усвоеніе количества втораго отъ конца слога (s. penultima), такъ какъ на количествѣ этого слога основывается удареніе. Своевременное усвоеніе количества слоговъ и правильнаго ударенія важно потому въ особенности, что, разъ или два на первыхъ порахъ ошибочно, противъ ударенія произнесенное слово оставляетъ глубокій слѣдъ, исправить и изгладить

---

[67]) Мы знаемъ, какъ на нашихъ глазахъ одинъ профессоръ академіи, (не латинскаго языка, а церковнаго права) читая рѣчь на годичномъ актѣ и приводя въ ней латинскія цитаты, коверкалъ ударенія, а сидѣвшій тутъ же университетскій профессоръ римской словесности удивлялся, пожималъ плечами и не могъ усидѣть спокойно на мѣстѣ отъ волненія.

[68]) Мы имѣемъ отъ нашихъ бывшихъ учениковъ, поступившихъ въ Историко-филологическій институтъ, письмо, въ которомъ они извѣщаютъ насъ, что на экзаменѣ по лат. языку произвели своими отвѣтами благопріятное впечатлѣніе между прочимъ благодаря правильному въ просодическомъ отношеніи чтенію.

который при дальнѣйшихъ занятіяхъ бываетъ очень и очень трудно. Ученикъ и послѣ сообщеннаго ему количества извѣстнаго слога постоянно сбивается на старое ошибочное произношеніе. Это фактъ извѣстный въ учебной практикѣ, И потому нужно предупреждать это во-время, бороться съ этимъ въ началѣ, укореняя въ памяти ученика въ началѣ же правильные навыки по части ударенія. Равнымъ образомъ съ первыхъ же уроковъ необходимо настаивать на громкомъ и выразительномъ чтеніи. Чтеніе подъ—носъ, невнятное и монотонное не должно быть терпимо. Чтобы достигнуть добрыхъ результатовъ при обученіи чтенію и притомъ по возможности скоро, нужно чтобы на первыхъ порахъ учитель самъ показалъ, какъ нужно читать, чтобы практически, собственнымъ примѣромъ училъ читать. Чтеніе есть искусство, какъ сказано выше, а особенно хорошее чтеніе и научиться этому исуству чрезъ одну теорію нельзя. Если ужъ гдѣ, то здѣсь въ особенности exemplum trahit. И безъ примѣра, безъ образца для подражанія здѣсь обойтись нельзя. Но, къ сожалѣнію у насъ и среди учителей хорошіе чтецы рѣдки. А дѣло это заслуживаетъ вниманія. Нѣкоторые видятъ пользу въ хоровомъ чтеніи. «Хоровое чтеніе, говоритъ (слѣдуя Гербарту) Дрбоглавъ въ своей «Методикѣ первоначальнаго обученія лат. языку» [69]), представляетъ могущественное средство для образованія правильнаго произношенія: чистая артикуляція является сама собой при одновременномъ произношеніи статьи цѣлымъ классомъ въ тактъ, такъ какъ ни одинъ звукъ не поглощается, а напротивъ для произношенія каждаго находится время». Мы полагаемъ, что этотъ пріемъ можно примѣнять съ пользою, но при этомъ учитель долженъ быть особенно внимателенъ къ классу и зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы ученики не обращали этого чтенія въ забаву.

Насколько мы желаемъ улучшить чтеніе и повышаемъ требованія относительно чтенія. настолько же

---

[69]) Стр. 15.

расширяемъ мы и требованія относительно письма. Кромѣ обыкновеннаго занятія письмомъ учениковъ училища младшаго возраста должно упражнять въ письмѣ подъ диктовку, по слуху, а также въ списываніи съ книги и съ доски, чтобы и ухо и глазъ ученика какъ можно больше освоивались и привыкали къ латинскому тексту и лат. рѣчи. Теперь, на это непосредственное ознакомленіе учениковъ съ лат. текстомъ, на это навыканіе слуха и зрѣнія, на это освоеніе съ звуками и текстомъ чужаго языка не обращаютъ совсѣмъ вниманія. Вслѣдствіе этого, теперь ученики даже уже въ семинаріи обнаруживаютъ удивительную неувѣренность и робость въ обращеніи съ латинскими словами и фразами, когда имъ приходится писать латинскій текстъ подъ диктовку. Когда напримѣръ имъ диктуютъ самыя простѣйшія слова въ родѣ Di, quibus imperium est animarum, umbraeque и т. п., притомъ диктуютъ ясно, звучно, раздѣльно, то и тогда они постоянно переспрашиваютъ: какъ? imperium? какъ? animarum? и т. д. При болѣе правильныхъ занятіяхъ чтеніемъ и письмомъ, при разнообразныхъ упражненіяхъ въ письмѣ, этого не могло бы быть и ученики обнаруживали бы большій навыкъ и большее знакомство съ звуковымъ составомъ латинскихъ словъ и съ построеніемъ латин. фразъ. Здѣсь мы разумѣемъ не спеціальныя правила о конструкціи, а простой, внѣшній навыкъ и освоиваніе съ латинской рѣчью, послѣ того какъ ученику уже знакомы склоненія и спряженія и вообще формы и элементы (пока еще по содержанію чуждой для него) рѣчи. (О конструкціи у насъ рѣчь будетъ ниже, здѣсь же у насъ идетъ рѣчь собственно о томъ, какія требованія должно выполнять при чтеніи и письмѣ).

При чтеніи и письмѣ необходимо также обращать вниманіе на знаки препинанія, какъ на первыхъ порахъ, такъ особенно на дальнѣйшей ступени, послѣ нѣкотораго ознакомленія учениковъ съ строеніемъ латинскихъ предложеній. Это особенно удобно и легко дѣлать въ нашихъ училищахъ, гдѣ латин. языкъ начинается

со II класса, послѣ того какъ ученики уже порядочно ознакомятся съ русской и славянской книжной рѣчью. Съ теченіемъ времени ученикъ долженъ достигнуть осмысленнаго и вполнѣ сознательнаго чтенія при чемъ онъ долженъ быть въ состояніи указать причину, почему поставленъ въ данномъ мѣстѣ тотъ или другой знакъ. Точно также при чтеніи и письмѣ нужно имѣть въ виду требованія орѳографіи и орѳоэпіи.

Латинская орѳографія дѣло не сложное и исчерпывается какимъ нибудь десяткомъ правилъ, притомъ такихъ элементарныхъ, что они легко усвоются при первыхъ же уроках лат. языка. Ничего не можетъ быть проще латинскаго правописанія. Все пишется такъ, какъ и произносится, даже и двугласныя легко даютъ себя знать, если ихъ правильно произносятъ. Въ остальномъ не можетъ быть даже никакого вопроса. Нужно только, чтобы въ училищахъ умѣли во время остановить вниманіе учениковъ и на этой сторонѣ дѣла.

Нѣсколько въ другомъ видѣ представляется вопросъ объ орѳоэпіи. Здѣсь также правилъ чрезвычайно мало, всѣ они излагаются на двухъ-трехъ страничкахъ. Основное правило здѣсь тоже, что и въ орѳографіи только въ обратномъ видѣ: все произносится въ лат. языкѣ такъ, какъ пишется. Но дѣло принимаетъ другой оборотъ, если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя спорные пункты въ фонетикѣ или вообще будемъ стремиться къ недостижимому для насъ пуризму въ произношеніи латинскихъ звуковъ. Тутъ напр. является вопросъ о томъ, какъ произносились римлянами тѣ или другіе буквы, напр. какъ произносилось f, какъ s, какъ произносились дифтонги, является совсѣмъ спорный вопросъ о томъ, какъ произносилось c, какъ ti,[70]) предъ гласной

[70]) По двумъ этимъ наиболѣе шаткимъ пунктамъ въ нынѣ принятомъ произношеніи мы приведемъ здѣсь авторитетное мнѣніе проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Буква c въ древнѣйшія времена выражала звукъ г; звукъ же k обозначался въ тѣ времена буквою к. Буква c еще въ эпоху децемвировъ (ок. 350 г.

и т. под. Въ элементарномъ курсѣ спорные пункты фо-

до Р. Хр.) употреблялась для обозначенiя g. Вотъ примѣры изъ Двѣнадцати Таблицъ: ni cum eo pacit, ni pacunt.

(И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Изъ лекцiй по лат. фонетикѣ. стр. 20).

Но въ тоже время и въ томъ же памятникѣ с употребляется и въ качествѣ к nancitor, renancitur.

А старый знакъ K съ этого же времени т. е. со временъ Децемвировъ начинаетъ выходить изъ употребленiя, хотя совершенно все-таки не исчезаетъ. (стр. 21).

Для обозначенiя звука г около второй пунической войны изобрѣтена была буква G, представляющая собою видоизмѣненiе буквы C.

Тѣмъ не менѣе въ старолатинскихъ надписяхъ C долго еще сохраняло значенiе g, когда уже G было въ употребленiи: какъ напр. macister, cesserit acetur, lecio, sincilatim, acer (=ager) necotia, cocnomen и др.

Правописанiе подобныхъ словъ было двояко: то они писались чрезъ c, то чрезъ g.

Буква же c въ качествѣ к никогда въ древней латыни не смягчалахь въ ц. Ce и ci всегда обозначали ке и кі. Это продолжалось до VI и даже до VII стол. по Р. Хр. т. е. еще во времена Равенскаго экзархата и Лангобардовъ говорили kaesar kikero. Первыя надписанiя, свидѣтельствующiя что ce, ci обозначаю нѣчто въ родѣ це, цi или русскаго ce, ci попадаются не ранѣе VI стол. по Р. Хр. (стр. 48).

При этомъ иногда вмѣсто c, долженствующаго выражать звукъ ц, употребляются другiя буквы напр. s или z.

Такъ пишется: sisternae, paze и пр. Изъ этихъ то начертанiй мы и узнаемъ, равно какъ и изъ свидѣтельства грамматиковъ, что буква c. предъ гласн. e и i постепенно смягчалась и перешла наконецъ въ звукъ ц.

Относительно слога ti предъ гласной мы узнаемъ, что онъ иногда замѣнялся слогомъ ci и буквою z, слѣдовательно тоже смягчался. Ci вм. ti встрѣчается впервые спорадически въ африканскихъ надписяхъ III стол. по Р. Хр. таковы напр. disposicionem ocio и др. (стр. 125).

По свидѣтельству Contentius—a (Галльскаго грамматика V ст.) въ его время говорили: Eziam a по свидѣтельству

нетики конечно должны быть разрѣшены [71]) категорически. Что-же касается пуризма въ произношеніи, то слишкомъ строгія требованія въ этомъ отношеніи должны считаться невыполнимыми и потому нѣтъ надобности гоняться за этими тонкостями. Что возможно еще рѣшить въ теоріи, то на практикѣ бываетъ подъ часъ очень трудно выполнить. Національный выговоръ будетъ давать себя знать всегда и вездѣ и бороться съ нимъ безполезно. Извѣстенъ въ этомъ смыслѣ фактъ очень интересный, хотя нѣсколько анекдотическаго характера. Когда-то, по случаю какого то торжества или юбилея съѣхались къ папѣ (Пію IX) делегаты изъ разныхъ католическихъ странъ: изъ Франціи, Австріи, Польши, Германіи, Ирландіи и пр. и всѣ объяснялись у св. отца и съ нимъ и между собою полатыни; но къ удивленію своему съ трудомъ понимали или даже почти совсѣмъ немогли понять другъ друга вслѣдствіе рѣзкой разницы въ національномъ выговорѣ. Въ концѣ концовъ гости папы съ улыбкой перешли отъ латинскаго языка къ французскому, этому общему языку для всѣхъ дипломатовъ. Фактъ этотъ хотя и похожъ, какъ мы сказали, на анекдотъ, однако очень поучителенъ. Нужно ли сохранять и тщательно возстановлять чистоту произношенія, чтобы объясняться полатыни съ современными намъ иностранцами? Да и возможно ли это? Оставимъ лучше невыполнимую претензію и будемъ относиться къ требованіямъ латинской орѳоэпіи также просто, какъ и къ требованіямъ орѳографіи. Должно обратить вниманіе только на то, чтобы латинскія слова ученики не произносили на маперъ русскихъ, измѣняя о на а, v на ф и т. под. и вообще чтобы каждый звукъ произносился ясно и твердо, не смѣшиваясь и не отожествляясь съ другими звуками. И этого

Исидора въ VII ст. говорили: justizia, milizia, malizia, nequizia (стр. 127).

[71]) Какъ и дѣлается въ хорошихъ учебникахъ напрям. въ грамматикѣ Никифорова.

довольно въ смыслѣ орѳоэпiи. Точно также напр. звукъ е нужно произносить глухо, какъ русское э, въ словѣ эхо, а не какъ рѣзкозвучащее е – въ словѣ нельзя. Во обще-же должно помнить, что фонетическiе вопросы имѣютъ больше академическiй характеръ и теоретическiй интересъ. Не слѣдуетъ только склоняться къ обрусѣнiю латинскихъ звуковъ.

Послѣ упражненiй въ чтенiи и письмѣ и послѣ ознакомленiя съ главными правилами просодiи должно переходить къ изученiю грамматики.

Мы признаемъ необходимымъ систематическое изученiе грамматики въ училищномъ курсѣ, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть конечно и практическимъ: вмѣстѣ съ грамматикой ученикамъ долженъ быть данъ живой конкретный матерiалъ въ формѣ фразъ для письма и говоренiя. При первомъ же ознакомленiи съ склоненiями и спряженiями т. е. съ матерiаломъ для простыхъ предложенiй ученикъ долженъ писать и говорить. Только такимъ путемъ можно поддержать въ ученикахъ самодѣятельность (необходимѣйшее условiе для успѣха въ занятiяхъ) и только такимъ путемъ можно заставить работать весь классъ. Отъ этихъ занятiй ученикъ никогда не долженъ отступать. Въ этомъ смыслѣ—nulla dies sine linea sit! Наши предки такъ именно и вели дѣло изученiя латинскаго языка и потому достигали громадныхъ успѣховъ въ этомъ дѣлѣ. И дѣйствительно изученiе языка, если оно не хочетъ замереть на не подвижной точкѣ, не можетъ обойтись безъ упражненiя въ colloquium-ахъ. Хотя легкими но живыми разговорными фразами должно занимать учениковъ постоянно. Полгода, много годъ такихъ упражненiй и ученику будетъ ясно и понятно строенiе латинской рѣчи и доступенъ ея анализъ при переводѣ съ латинскаго. Изученiю собственно грамматики т. е. этимологiи и элементарнаго синтаксиса нужно посвятить 2 года т. е. второй и третiй классы училища. Такъ приблизительно и назначено училищной программой латинскаго языка. Такое количество времени считаютъ достаточнымъ и многiе педагогическiе

авторитеты. Въ общемъ весь курсъ училищный (т. е. всѣ 3 года) есть курсъ грамматическій, но послѣ того какъ въ теченіе двухъ лѣтъ грамматика будетъ пройдена, IV классъ долженъ быть посвященъ преимущественно практическому приложенію грамматики и достиженію второй цѣли элементарнаго курса т. е. навыка учениковъ въ переводѣ легкихъ латинскихъ авторовъ. Что касается распредѣленія грамматическаго матеріала по классамъ, то съ одной стороны рамки въ этомъ отношеніи указаны училищной программой, съ каковыми указаніями мы можемъ пожалуй согласиться, а съ другой стороны въ болѣе подробномъ распредѣленіи нѣтъ никакой надобности и такое распредѣленіе должно быть предоставлено всецѣло опытности преподавателя. Въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, упомянутаго нами выше извѣстнаго нѣмецкаго педагога, Ф. Экштейна будто есть признанное и безспорное распредѣленіе грамматическаго матеріала. Другое дѣло вопросъ объ учебникѣ. Въ этомъ случаѣ мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Экштейна. Онъ ставитъ вопросъ, нужно ли ученику тотчасъ же при начинаніи преподаванія давать въ руки грамматику и если такъ, то должна ли она быть чистая или прерываемая статьями для упражненій, и отвѣчаетъ какъ на первый вопросъ утвердительно, такъ и на второй, что грамматика должна быть чистая. Ученикъ сейчасъ же долженъ имѣть видимый текстъ съ примѣрами и правилами, онъ долженъ видѣть предъ глазами своими формы и часто видѣть въ строгомъ порядкѣ и на опредѣленномъ мѣстѣ. Потому подлежащій заучиванію матеріалъ не долженъ быть ему чуждымъ. «Я стою также за одну грамматику, говоритъ Экштейнъ, которая удовлетворяла бы требованіямъ всѣхъ классовъ и потому противникъ малыхъ и большихъ грамматикъ по крайней мѣрѣ, когда они не происходятъ отъ одного и того же автора» [72]). Итакъ грамма-

[72]) Экштейнъ. Преподав. лат. и греч. яз. въ переводѣ Янчевецкаго, стр. 159 и 160, 172 и 173.

тика должна быть одна и отъ нея нужно требовать, что бы она имѣла возможно краткое и догматическое изложенiе правилъ. Если примѣры по мѣсту предшествуютъ правиламъ, то этимъ облегчается выводъ послѣднихъ. Должны ли правила дословно заучиваться наизусть или нѣтъ—это вопросъ спорный, говоритъ Экштейнъ. По нашему мнѣнiю этотъ вопросъ рѣшается гораздо болѣе просто. Ученики того возраста, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь работаютъ гораздо больше и охотнѣе памятью и потому естественно сами собой заучиваютъ правила буквально. Передать правило своими словами для нихъ кажется гораздо труднѣе и они тяготятся тѣмъ, когда заставляютъ ихъ передать выученныя правила своими словами. Итакъ буквальное заучиванiе будетъ совершаться само собой, но насколько оно нужно объ этомъ разсуждать можно различно. Мы думаемъ, что буквальное заучиванiе правилъ не имѣетъ цѣны, если ученикъ не умѣетъ излагать правило своими словами и, главное, если онъ не умѣетъ примѣнить правила на практикѣ. Если же онъ то и другое умѣетъ сдѣлать, то тогда буквальное или не буквальное заучиванiе является довольно безразличнымъ. Другое дѣло заучиванiе парадигмъ т. е. склоненiй и спряженiй и нѣкоторыхъ другихъ статей этимологiи, это заучиванiе должно быть буквальное. Это своего рода таблицы умноженiя, безъ которыхъ нельзя обойтись при изученiи языка. Необширный, необъемистый учебникъ долженъ быть выученъ и усвоенъ прочно и основательно; на этотъ счетъ не должно быть споровъ. Основное, главное должно быть выучено, для того и предлагается учебникъ.

Особенно же въ этимологiи должно обращать вниманiе на слѣдующiя статьи.

Съ первыхъ же уроковъ грамматики, сопровождаемыхъ, разумѣется, изученiемъ фразъ, необходимо ознакомить учениковъ съ латинской конструкцiей и постоянно держаться ея.

Необходимо прочно усвоить отдѣлъ о словопроиз-

водствѣ и словообразованіи. Онъ имѣетъ огромное значеніе для изученія словъ.

Склоненія и спряженія нужно изучать систематически и при томъ вмѣстѣ съ глагольными формами ученики должны изучать и русскій ихъ переводъ. Необходимо, чтобы каждую форму ученики умѣли сказать и съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій. При изученіи склоненій и спряженій необходимо обращать вниманіе на составъ производныхъ формъ т. е.: на основу и инкрементъ. Это почти тоже самое, что обращать вниманіе на образованіе производныхъ формъ отъ коренныхъ. Но это послѣднее относится только къ глаголамъ или къ спряженіямъ, понятіе же объ основѣ и инкрементѣ шире и обнимаетъ собою спрягаемыя и склоняемыя формы.

При этомъ основу не слѣдуетъ смѣшивать съ корнемъ; понятіе о корнѣ относится къ словопроизводству, основа же къ словамъ измѣняемымъ и имѣетъ мѣсто въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Далѣе суффиксъ и флексія извѣстны ученикамъ изъ русской грамматики; здѣсь слѣдуетъ указать только, что инкрементъ иногда состоитъ изъ суффикса и флексіи, напримѣръ laud-ab-am иногда онъ равняется только одной флексіи напримѣръ laud-em. Чрезвычайно важно обращать вниманіе на количество слоговъ въ инкрементѣ, особенно когда инкрементъ состоитъ изъ двухъ и болѣе слоговъ. Этимъ навсегда обусловливается правильность ударенія.

Здѣсь же, т. е. при изученіи склоненій и спряженій необходимо также усвоить латинскую терминологію т. е. латинскія названія грамматическихъ формъ, частей рѣчи и членовъ предложенія, чего къ сожалѣнію нѣтъ въ училищномъ учебникѣ Михайловскаго.

Статью о такъ называемыхъ уклоняющихся глаголахъ нужно изучать болѣе сознательно, раціонально, нежели механически, памятью только. Объяснительная записка къ училищной программѣ не придаетъ значенія изученію уклоняющихся глаголовъ и не рекомендуетъ обременять учениковъ заучиваніемъ ихъ.

Но мы не раздѣляемъ этого мнѣнія и думаемъ, что изученіе этой статьи весьма умѣстно и вовсе не обременительно для училища. Трудную вещь въ этой статьѣ составляютъ уклоняющіеся глаголы 3 го спряженія, которыхъ чрезвычайно много. Но изученіе ихъ по нашему мнѣнію должно входить въ училищный курсъ, потому во 1-хъ, что всякимъ случаемъ нужно пользоваться для увеличенія запаса словъ у учениковъ, а особенно такого важнаго отдѣла, какъ глаголы, а во 2-хъ —большинство, огромное большинство этихъ глаголовъ встрѣчаются ученикамъ при переводѣ съ латинскаго т. е. при чтеніи авторовъ. Самые же рѣдкіе и малоупотребительные конечно могутъ быть оставлены безъ вниманія. Вообще-же на perfectum и supinum слѣдуетъ обратить вниманіе и раціонально изучить ихъ образованіе. При этомъ т. е. при изученіи производства временъ должно быть указано ученикамъ дѣленіе глагольныхъ формъ на verbum или tempus finitum и verbum infinitum и сообщено, что v. finitum бываетъ сказуемымъ въ главныхъ и придаточныхъ предложеніяхъ, а v. infin. только въ придаточныхъ.

Это важнѣйшія статьи этимологіи: словопроизводство, склоненія и спряженія и статьи о производствѣ временъ и объ образованіи perfect. и supin. въ уклоняющихся глаголахъ. Сюда-же должно отнести степени сравненія прилагательныхъ и нарѣчій. Менѣе важнымъ мы считаемъ изученіе числительныхъ именъ и многочисленныхъ группъ мѣстоименій. На эти статьи не слѣдуетъ тратить много времени, а нужно изучать ихъ практически преимущественно при переводѣ съ русскаго языка на латинскій. Хотя, говоря вообще, въ этимологіи не должно быть пропусковъ и всѣ статьи ея должны быть изучаемы въ училищахъ. Что касается исключеній, которыхъ такъ много и въ склоненіяхъ (въ 3-мъ преимущественно) и особенно въ ученіи о родѣ именъ, то на нихъ вообще существуетъ такой взглядъ, что за ними гоняться не слѣдуетъ, что должно откладывать ихъ къ дальнѣйшему курсу, изучать ихъ практически и—что са-

мое главное—не придавать имъ вообще большаго значенія.

Съ этимъ мы согласны. Тѣмъ не менѣе желательно, чтобы ученики возможно скорѣе и возможно полнѣе овладѣвали и исключеніями. Предлагаются на этотъ счетъ разные пріемы мнемоническіе въ родѣ напр. versus memoriales; но это средство слишкомъ механическаго характера и даетъ результаты скоропреходящіе. Мы съ своей стороны находимъ нужнымъ предложить нѣкоторыя соображенія на этотъ счетъ. Пунктъ, на которомъ обыкновенно терпитъ крушеніе даже самая счастливая память, это 3-е склоненіе. Тутъ и падежи представляютъ много исключеній и родъ именъ существительныхъ также. Самыя главныя условія и пріемы прочнаго усвоенія исключеній, по нашему мнѣнію, состоятъ въ томъ, что исключенія должны быть изолированы отъ правилъ, (а не вмѣстѣ съ ними изучаемы) и—предложены отдѣльно и непосредственно; и во-вторыхъ они должны быть изучаемы письменно. Но при этомъ относительно склоненій одни пріемы, относительно рода именъ другіе. Чтобы заучить правильно родъ именъ по исключенію, для этого есть только одинъ болѣе или менѣе вѣрный пріемъ—это писаніе и заучиваніе существительныхъ вмѣстѣ съ прилагательными или съ мѣстоименіями: meus, noster, hic, а лучше однако съ прилагательными. И заучивать такія имена должно и въ единственномъ и во множественномъ числѣ, напр. bonum cor, bona corda и т. п. Для твердаго усвоенія рода именъ по значенію, въ чемъ также (хотя это и не исключеніе, а правило) ученики нерѣдко путаются, есть простое и вѣрное средство раціональное. Слѣдуетъ указать ученикамъ, что родъ именъ по значенію, изъ которыхъ большинство суть собственныя имена, опредѣляется родомъ нарицательныхъ именъ (родовыхъ понятій), означающихъ тѣже группы. Наприм. нарицательное родовое понятіе urbs—городъ ж. рода и названія городовъ жен. рода; рѣка, вѣтеръ, мѣсяцъ, amnis, ventus, mensis муж. рода и собственныя имена рѣкъ,

вѣтровъ и мѣсяцевъ тоже муж. рода и т. д. Названія странъ, острововъ ж. рода, потому что нарицательныя regio и insula ж. рода; точно также названіе піесъ и драматическихъ произведеній ж. р., потому что піеса — fabula ж. рода и т. д. и т. д. Исключенія въ падежахъ т. е. въ склоненіяхъ нужно изучать такъ, какъ изучаются исключенія и особенности въ русскомъ правописаніи. Нужно дать ученику эти fratrum, patrum, veterum, optimatium, imbrium, tussim, puppim и проч. не во фразѣ, а одиноко въ голомъ видѣ, (чтобы ничто не заслоняло этихъ исключеній и ничто не отвлекало вниманія ученика) и заставить его написать эти слова много—много разъ, 20—30—50 разъ и при этомъ пусть онъ въ первый разъ всѣ эти формы списываетъ съ доски, пусть въ первый разъ увидитъ ихъ на доскѣ, или пусть выписываетъ ихъ изъ учебника, гдѣ они должны быть напечатаны особымъ шрифтомъ. Если онъ ихъ иначе т. е. ошибочно никогда не склонялъ, никогда не писалъ и никогда не читалъ, то онъ запомнитъ эти исключительныя формы и усвоитъ ихъ. Многочисленность группъ, на которыя распадаются исключенія вслѣдствіе множества самыхъ правилъ рѣшительно лишаетъ учениковъ возможности систематически, сознательно усвоить эти исключенія. Одна группа перемѣшивается съ другой, правила съ исключеніемъ и т. д. И это въ значительной степени происходитъ оттого, что правила и исключенія обыкновенно стоятъ рядомъ, матерія тѣхъ и другихъ перемѣшивается. Помочь горю въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, могутъ всего лучше внѣшнія механическія средства. Главнымъ образомъ раздѣльность и обособленность исключеній отъ правилъ по мѣсту, по времени и по виду т. е. въ данномъ случаѣ по шрифту. Правила должны быть помѣщены въ одномъ мѣстѣ книги, исключенія въ другомъ, правила должны быть заучены въ одно время, исключенія въ другое, правила должны быть напечатаны однимъ шрифтомъ, исключенія другимъ. Область правилъ и область исключеній должны стоять на далекомъ разстояніи другъ отъ

друга, какъ бы на двухъ противоположныхъ полюсахъ. И тогда эти двѣ области не будутъ смѣшиваться въ сознаніи учениковъ. О систематическомъ изложеніи или расположеніи исключеній нѣтъ надобности хлопотать. Достаточно къ исключеніямъ въ родѣ присоединить прилагательное, какъ данный имъ разъ навсегда ярлыкъ. Исключенія падежныя суть самыя безхарактерныя и трудныя, но за то они же и суть самыя маловажныя, нестоющія, какъ сказано, большаго вниманія. Но можно къ этимъ (падежнымъ) исключеніямъ примѣнить и еще одинъ пріемъ, а именно—примѣры на правила должны быть поставлены въ учебникѣ съ родительнымъ падежомъ единственнаго числа, слова относящіяся къ исключеніямъ должны стоять съ родительнымъ множ. числа. Раздѣляя и разграничивая такъ строго область правилъ и область исключеній, мы тѣмъ самымъ даемъ ученикамъ на дальнѣйшее время раціональный, сознательный пріемъ при припоминаніи забытаго. Встрѣтивъ сомнительное слово, ученикъ будетъ имѣть возможность, хотя неясно, слабо, слегка, припомнить, что это слово относится къ той группѣ, которая находится на концѣ книги, которая напечатана особымъ шрифтомъ и наконецъ которую онъ заучивалъ съ родительнымъ множ. числа. Признакъ времени т. е. соображеніе о томъ, когда заучивалъ ученикъ исключенія, будетъ дѣйствовать всего слабѣе. Общая же сумма признаковъ будетъ достаточно сильна, для того, чтобы дать ученику возможность отличить исключенія отъ правилъ. Но употребляя всяческіе пріемы съ цѣлью прочно усвоить исключенія, не должно никогда придавать этому отдѣлу особенно большой важности. Въ отношеніи къ роду именъ допускать неправильности не слѣдуетъ, но что касается склоненій, то, что за важность, если ученикъ скажетъ optimatum вмѣсто optimatium; слишкомъ огорчаться этимъ не слѣдуетъ. Помнить нужно, что и порусски нерѣдко пишутъ о Василіѣ вм. о Василіи, объ Анастасіѣ вм. объ Анастасіи, свѣчъ вм. свѣчей (извѣстна поговорка: «игра не стоитъ свѣчъ», а не свѣ-

ней). Несомнѣнно—это мелочи, болѣе прочное и менѣе прочное усвоеніе которыхъ не составляетъ еще знанія или незнанія языка. Такъ нужно смотрѣть на это дѣло и съ легкимъ сердцемъ относиться къ пробѣламъ въ знаніяхъ исключеній. Такой взглядъ и такое отношеніе тѣмъ болѣе обязательно, что иное исключеніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ можетъ ниразу не встрѣтиться ученику на практикѣ какъ напр. Canopus, Vesontio и нѣкоторыя друг. названія городовъ м. р., или напр. названія нѣкоторыхъ рѣкъ ж. рода чрезвычайно рѣдкія и совершенно неизвѣстныя. Гораздо важнѣе толково и внимательно отнестись къ важнѣйшимъ статьямъ грамматики, нежели тратить время на заучиваніе исключеній.

Еще одно частное замѣчаніе нужно сдѣлать относительно склоненія именъ греческихъ. Здѣсь немало неправильностей или особенностей. Но всѣ излагаемыя на этотъ счетъ правила излишни. Всѣ формы греческихъ именъ объясняются просто. Одни наименѣе употребительныя и рѣдкія, какъ совершенно иностранныя, остаются при своихъ родныхъ формахъ т. е. имѣютъ чисто греческія окончанія напримѣръ Metamorphoseon libri;—нѣсколько болѣе употребительныя въ латинскомъ языкѣ склоняются двояко, таковы напр. musica и musice, geometres—ae, geometer—tri, то по греческимъ склоненіямъ, то по латинскимъ склоненіямъ эти формы переходныя, неустойчивыя [73]). Третьи самыя обыкновенныя, наиболѣе часто встрѣчающіяся и совершенно олатинившіяся формы склонялись правильно безъ всякихъ уклоненій по латинскимъ склоненіямъ напр. poëta—ae. Достаточно это выяснить и понять, что у самихъ рим-

---

[73]) Тоже самое было и у насъ въ русскомъ языкѣ, когда по мановенію Петра Великаго въ русскую рѣчь хлынулъ цѣлый потокъ иностранныхъ словъ, съ которыми русскій языкъ не успѣвалъ сразу справляться. И потому Петръ и его замѣчательный сподвижникъ Ѳеофанъ Прокоповичъ писали духовное коллегіумъ, священное синедріонъ и т. п. Тоже отчасти было и въ падежахъ.

лянъ греческія формы колеблются и не оказываются устойчивыми, чтобы знать какъ относиться къ греческимъ именамъ въ латинскомъ языкѣ.

О синтаксисѣ должно замѣтить слѣдующее. Въ синтаксисѣ casuum т. е. въ синтаксисѣ падежей нужно полнѣе заучить группы глаголовъ, сочиняющихся съ извѣстнымъ падежомъ. Мы не раздѣляемъ взгляда тѣхъ, которые предлагаютъ въ своихъ учебникахъ не полныя и случайно составленныя группы глаголовъ. Скажутъ, что не слѣдуетъ обременять память и что все равно всѣхъ глаголовъ, относящихся къ извѣстному правилу ученики не удержатъ въ памяти. Пусть такъ, но все-таки эти глаголы должны быть знакомы ученикамъ и ученики, хоть въ моментъ изученія должны знать, какіе именно и много ли глаголовъ относятся къ извѣстному правилу. Въ невѣдѣніи на этотъ счетъ ихъ не слѣдуетъ оставлять, иначе при первоначальной встрѣчѣ съ незнакомыми глаголами ученики теряются въ догадкахъ и соображеніяхъ и тратятъ на это много времени. Пусть всѣ глаголы относящіеся къ извѣстному правилу будутъ старыми знакомыми для учениковъ. Практическое изученіе этихъ глаголовъ само собой, а теоретическое знакомство съ этими группами само собой.

Въ синтаксисѣ verbi труднѣйшія статьи составляютъ употребленіе временъ т. е. consecutio temporum и употребленіе наклоненій (съ союзами) въ придаточныхъ предложеніяхъ. Относительно послѣдовательности временъ нужно въ училищѣ усвоить только неизмѣнно твердыя и постоянныя правила, касающіяся взаимнаго отношенія между главнымъ и придаточнымъ предложеніемъ, всѣ же колеблющіяся и не всегда прилагаемыя правила нужно оставлять на долю практическаго усвоенія. Главныхъ же правилъ не много и они легко усвояются чрезъ наглядное представленіе послѣдовательности временъ въ таблицѣ. Знакомство съ таблицей въ этомъ случаѣ безусловно необходимо. Довольно удовлетворительная, сравнительно лучшая таблица послѣдовательности временъ находится въ учебникѣ синтакси-

са Ив. Виноградова. Ученіе объ употребленіи наклоненій длинная вещь. Особенное вниманіе обыкновенно сосредоточивается на правилахъ объ употребленіи сослагательнаго наклоненія. И здѣсь множество частныхъ правилъ. Употребленіе сослагательнаго наклоненія въ главномъ предложеніи легко усвоить, придаточныя же представляютъ много трудностей. Полезно связывать употребленіе сослагательнаго наклоненія въ придаточномъ предложеніи съ употребленіемъ союзовъ; но и союзы не составляютъ безусловно твердаго признака. Поэтому нужно принять за правило—не обременять учениковъ никакими второстепенными правилами объ употребленіи наклоненій, сосредоточивая ихъ вниманіе только на главномъ въ этомъ отношеніи. Достаточно избѣжать хоть только грубаго смѣшенія случаевъ употребленія изъявительнаго и сослагательнаго наклоненій, напримѣръ употребленія сослагательнаго въ придаточныхъ предложеніяхъ съ употребленіемъ въ главныхъ.

Это и все, что касается синтаксиса. Можно добавить только требованіе относительно болѣе полнаго знакомства учениковъ съ participium coniunctum. Здѣсь нужно обратить вниманіе на умѣнье правильно переводить предложенія, выражаемыя чрезъ participium coniunctum. Вообще же употребленіе такъ называемыхъ verbum infinitum достаточно изучается въ училищахъ. Распространяться объ этомъ нѣтъ надобности.

Другія статьи синтаксиса болѣе сложныя и рѣдкія нужно изучать практически при чтеніи авторовъ, какъ здѣсь въ училищѣ, такъ особенно на дальнѣйшей ступени—въ семинаріи.

Послѣ курса грамматики начинается чтеніе авторовъ. Занятія переводомъ небольшихъ фразъ и отдѣльныхъ предложеній начинаются, какъ сказано, съ самыхъ первыхъ шаговъ,—этими занятіями непрерывно сопровождается весь элементарный курсъ. Систематическое же чтеніе авторовъ, хотя бы самыхъ легкихъ, должно слѣдовать за изученіемъ грамматики. Чтеніе это начинается съ III кл. Программою назначены Epitome

historiae sacrae Домонда и Vitae Корнелія Непота. Къ этимъ двумъ мы желали бы еще присоединить Евтропія т. е. его краткую римскую исторію (Breviarium historiae Romanae). Этотъ послѣдній авторъ по нашему мнѣнію очень удобенъ для чтенія въ училищѣ. Здѣсь кстати будетъ напомнить, что канонъ читаемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ классическихъ авторовъ всегда подвергался большимъ спорамъ. Тоже и въ отношеніи къ Евтропію. Одни желаютъ видѣть его въ школьной программѣ, другіе исключаютъ его изъ этой программы. Когда мы говоримъ, что желали бы видѣть этого автора въ училищной программѣ, то руководимся слѣдующими соображеніями. Необходимо помнить, что учениковъ, впервые приступающихъ къ чтенію авторовъ, никакъ не слѣдуетъ озадачивать трудностями. Это нужно всячески предусматривать. Въ противномъ случаѣ теряется охота къ занятіямъ, порождается апатія, своего рода разочарованіе; трудъ непосильный убиваетъ энергію и любознательность. А при такихъ (выражаясь языкомъ медиковъ) показаніяхъ все дѣло т. е. всѣ занятія уже бываютъ попорчены. Должно строго этого беречься. Epitome h. sacrae прекрасная книга для первоначальныхъ упражненій въ переводѣ, особенно симпатичная и вполнѣ доступная по содержанію, но ненадо забывать, что эта книга не классическая и необходимо отъ этой книги въ третьемъ же классѣ поскорѣе переходить собственно къ классическому автору. На этомъ мѣстѣ по нашему мнѣнію долженъ стоять Евтропій. Можно его и не вводить въ число обязательныхъ авторовъ и предоставить заниматься имъ по усмотрѣнію преподавателей, но рекомендовать его по нашему мнѣнію должно. Рѣчь у него простая, безъискусственная, и вмѣстѣ съ тѣмъ правильная и ясная. Содержаніе его сочиненія для учениковъ младшаго возраста гораздо доступнѣе нежели «Vitae» К. Непота. И потому Евтропій могъ бы служить посредствующимъ звеномъ между Epitome h. sacrae и Непотомъ. Въ IV классѣ пусть переводятъ Непота.

Общія требованія въ этомъ отношеніи т. е. относительно чтенія авторовъ въ училищномъ курсѣ, не многосложны. 1-е) нужно, чтобы ученики навыкли хорошо разбирать предложенія и практически усвоили ихъ строеніе. Обыкновенно у учениковъ поступающихъ изъ училища въ семинарію замѣчается недостатокъ навыка въ этомъ отношеніи. Они не только постоянно обнаруживаютъ неумѣніе разобраться въ придаточныхъ предложеніяхъ, когда ихъ много и тѣмъ болѣе во вводныхъ, но даже сплошь-рядомъ смѣшиваютъ придаточныя предложенія съ главными, главныя съ придаточными и не ясно представляютъ себѣ отличительные признаки и основной характеръ тѣхъ и другихъ. Поэтому при чтеніи классическихъ авторовъ нужно обращать на это особенное вниманіе. Дружными усиліями учителей классическихъ языковъ и русскаго языка нужно достигать лучшихъ результатовъ. 2 е) нужно постоянно заставлять учениковъ дѣлать перифразъ переведенныхъ уроковъ, перифразъ хотя бы болѣе краткій сравнительно съ подлинникомъ и въ болѣе упрощенной конструкціи. Начинать это упражненіе нужно съ немногихъ фразъ, которыя выражали бы содержаніе переведеннаго урока. 3-е) нѣкоторые уроки должно заучивать цѣликомъ наизусть, какъ ради усвоенія особенныхъ латинскихъ оборотовъ, такъ и для того, чтобы въ головѣ ученика всегда былъ запасъ заученныхъ отрывковъ изъ того или другого автора, которыми бы онъ и могъ во всякое время свободно пользоваться для сравненія и сопоставленія съ текстомъ другихъ авторовъ. Плохъ тотъ ученикъ, который не можетъ привести на память ни одного отрывка изъ читаннаго имъ автора. 4-е) нужно на первыхъ же порахъ пріучать учениковъ хорошо, отчетливо овладѣвать содержаніемъ переводимыхъ статей. Для этого нужно заставлять учениковъ содержаніе переведенныхъ главъ разсказывать связно и послѣдовательно. Этого умѣнья разсказывать въ ученикахъ не замѣчается. 5-е) переводить нужно больше, а не три—четыре странички въ годъ, какъ нерѣдко это дѣлается въ училищахъ; и

притомъ ради болѣе цѣлостнаго во всѣхъ отношеніяхъ впечатлѣнія уже здѣсь, на этой ступени, по крайней мѣрѣ въ старшемъ классѣ, должно переводить цѣльныя статьи и избѣгать отрывковъ.

Вмѣстѣ съ чтеніемъ авторовъ и съ изученіемъ грамматики и вообще въ параллель со всѣмъ элементарнымъ курсомъ должно идти изученіе словъ. Изученіе словъ начинается при первомъ же знакомствѣ съ склоненіями и спряженіями и съ первой же заученной или написанной фразы. На этой статьѣ т. е. на изученіи словъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе. Ранѣе было уже сказано, что словъ въ училищѣ изучаютъ мало. Это совершенно неправильное, ненормальное явленіе. Съ нимъ нужно бороться всѣми мѣрами и всѣми силами. Хотя небольшимъ, но цѣльнымъ лексикономъ ученики уже въ училищѣ должны овладѣть сполна. Таковъ напр. лексиконъ или словарь при 1-й части христоматіи Носова. Сюда присоединить нужно и словарь при Epitome Hist. S. и при нѣкоторыхъ учебникахъ грамматики. Все это ученикъ долженъ изучить въ училищѣ. Въ старину въ нашихъ школахъ, какъ мы видѣли, цѣлью изученія лат. языка ставилось perspicue et eleganter latine loqui et scribere и потому заучиваніе словъ считалось самымъ важнымъ дѣломъ. Тоже самое было и въ западно-европейскихъ школахъ, которымъ наши только подражали. Начинали съ очень практичнаго требованія, чтобы ученики все окружающее, всѣ предметы, съ какими они имѣютъ дѣло и какіе только попадаются имъ на глаза,—называли полатыни. Нынѣ этой системы не держатся. И это очень жаль. Пріемы эти очень плодотворны и ими всегда нужно пользоваться въ широкой мѣрѣ. Запасъ словъ при помощи этихъ пріемовъ можетъ быть расширенъ весьма значительно. Нынѣ ограничиваются только заучиваніемъ словъ, встрѣчающихся въ урокахъ изъ христоматіи т. е. въ текстѣ переводимыхъ авторовъ и во фразахъ, которыя ученики пишутъ и заучиваютъ при изученіи грамматики. А такъ какъ переводятъ т. е.

прочитываютъ изъ авторовъ мало, то число заученныхъ словъ бываетъ очень ограниченно. Да и это небольшое количество словъ изучается не настойчиво, не отчетливо, не твердо. Эта статья въ настоящее время въ училищномъ курсѣ въ большомъ пренебреженіи. Никакими опредѣленными цѣлями, планами и пріемами на этотъ счетъ никто не задается. Какой минимумъ запаса словъ можно допустить для учениковъ училища и какого максимума въ этомъ отношеніи можно достигнуть, никто этихъ вопросовъ не ставитъ и не рѣшаетъ. Между тѣмъ время, отведенное на лат. языкъ въ училищномъ курсѣ, позволяетъ сдѣлать въ отношеніи къ изученію словъ гораздо больше, чѣмъ дѣлается нынѣ. Говоря это мы имѣемъ въ виду слѣдующій простой ариѳметическій расчетъ. Въ училищѣ 16-ть недѣльныхъ уроковъ по лат. языку: по пяти во II и IV кл. и шесть въ III классѣ. Принимая 7 учебныхъ мѣсяцевъ въ году съ 20-ю уроками въ мѣсяцъ для II и IV кл. и съ 25—26 для III кл., мы будемъ имѣть 140 уроковъ годовыхъ для II и IV кл. и 175 для III кл. Отдѣливъ изъ нихъ уроковъ 20—25 на повтореніе и уроковъ 15-ть на случайные праздники среди учебныхъ недѣль, мы удержимъ только 100 уроковъ для II и IV кл. и 135 для III кл. Этими уроками учитель долженъ воспользоваться расчетливо, разумно, со всевозможной экономіей. Полагая кромѣ 1-й четверти во II кл. на каждый урокъ отъ 10-ти до 15 словъ или среднимъ числомъ хоть 12-ть, получимъ при 70 урокахъ вмѣсто 100, (за вычетомъ первыхъ двухъ мѣсяцевъ) для II кл. 840 словъ, плюсъ слова заученныя въ первые два мѣсяца положимъ, хоть въ количествѣ 40 или 50, и того почти 900 словъ. Къ этому присоединимъ еще слова, которыя естественно могутъ быть заучены на урокахъ, употребляемыхъ на повтореніе. На такихъ урокахъ могутъ появляться новые примѣры, новыя фразы или новыя комбинаціи прежнихъ фразъ и при этомъ легко могутъ быть сообщены (и конечно сообщаются) 3—4 новыхъ слова на каждомъ урокѣ, что составитъ при 20 или 25 урокахъ 80 или 100 словъ.

А въ общемъ итогѣ такимъ образомъ получится въ теченіе года для II класса 1,000 словъ. Тоже должно быть и въ IV кл. при одинаковомъ числѣ уроковъ. Но тамъ не 70, а всѣ 100 уроковъ[74]) должны быть регулярно употреблены на заучиваніе словъ и притомъ 12 словъ на урокъ для четвертоклассниковъ, равно какъ и для третьеклассниковъ, слишкомъ мало. 12-ть словъ это вѣдь всего двѣ или три самыя коротенькія фразы съ нарочно подобраннымъ каждый разъ новымъ лексическимъ матеріаломъ. Но такія двѣ-три микроскопическія фразы ученики IV кл. училища должны заучивать къ каждому уроку цѣликомъ, in extenso, а не только что выучивать относящіяся къ этимъ фразамъ вокабулы. Поэтому мы полагаемъ, что ученикъ IV класса долженъ заучивать къ каждому уроку не менѣе—15—20 словъ. Слѣдовательно, при ста урокахъ въ IV кл. въ теченіе года можетъ быть заучено около 2,000 словъ. Тоже нужно сказать и о III классѣ. И здѣсь ученики должны заучивать къ каждому уроку также не менѣе 15—20 словъ. При 135 урокахъ въ III классѣ можетъ быть заучено въ теченіе года отъ 2,000 до 2700 словъ. Къ этому также какъ и во II кл. нужно еще прибавить съ сотню словъ, которыя могутъ быть заучены на урокахъ повторенія. Такимъ образомъ въ теченіе всего учившагаго курса можетъ быть заучено отъ $5^1/_2$ до 6-ти тысячъ словъ. А этой цифрой обнимается весь словарь при 1-ой части христоматіи Носова, въ которомъ неболѣе пяти тысячъ словъ, и словарь при Epitome h. s., въ которомъ не болѣе двухъ или двухъ съ половиной тысячъ словъ. Этого по меньшей мѣрѣ результата въ изученіи словъ и должно достигать съ учениками училища. Если этого нынѣ не дѣлается, то это нужно считать нынѣ непоправимымъ упущеніемъ и большой педагогической ошибкой.

---

[74]) Намъ скажутъ: «а дни назначаемые на письменныя упражненія вы упускаете изъ виду»? Нѣтъ, мы полагаемъ, что и накануне этихъ дней ученики неопустительно должны писать и заучивать вокабулы.

Не надо забывать, что въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ изучается лат. языкъ въ училищѣ, ученики бываютъ въ возрастѣ отъ 11-ти до 17 лѣтъ т. е. въ такомъ возрастѣ, когда память поглощаетъ слова съ такою же жадностью и легкостью, какъ и желудокъ дѣтей того же возраста, поглощаетъ и усвояетъ фрукты и овощи, съ такою легкостью которая для взрослаго совершенно немыслима. Итакъ указываемой нами цифры словъ достигнуть легко. Но этимъ еще не слѣдуетъ ограничиваться. Проектируемое нами количество изучаемыхъ въ теченіе училищнаго курса словъ можетъ быть въ нѣсколько разъ увеличено, если къ изученію словъ примѣнить еще одинъ особый пріемъ. Чтобы безъ особенныхъ усилій можно было расширить указанный нами запасъ словъ, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на производство словъ, слѣдуетъ заставлять учениковъ изучать слова по группамъ или семействамъ: вмѣстѣ съ primitiva должно изучить и derivativa вмѣстѣ съ simplicia и composita и обратно; такъ напр. вмѣстѣ съ словомъ rex ученикъ долженъ записать и заучить regina, regius, regia (aula) rego, а также interrex, dirigo, corrigo и др., или напр. вмѣстѣ съ mitto долженъ записать и заучить permitto, promitto, immitto, amitto, omitto, admitto, submitto, committo, dimitto, demitto, remitto, intermitto, promissum, intermissio, commissio и др. отъ того же корня. Эти derivativa и composita ученикъ частію самъ выписываетъ изъ словаря, а частію сообщаетъ ихъ на урокѣ учитель. Если далеко не каждое коренное и простое слово такъ обильно своими производными и сложными, то 2—3 слова во всякомъ случаѣ образуются отъ каждаго корня. Круглымъ числомъ можно считать, что при такомъ пріемѣ изученія указанное нами выше количество словъ заучиваемыхъ въ теченіе училищнаго курса, увеличится по меньшей мѣрѣ въ три раза т. е. вмѣсто 5—6 тысячъ получится не менѣе 15-ти или даже около 20 тысячъ. Изучая по такимъ пріемамъ и въ такой системѣ слова, ученики училища должны разумѣется пользоваться какимъ нибудь

болѣе или менѣе цѣльнымъ словаремъ; всего лучше, по нашему мнѣнію, словаремъ г. Г. Шульца. Съ этимъ превосходнымъ пособіемъ ученики должны рано знакомиться и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Привыкнуть къ этому словарю и научиться умѣло обращаться съ нимъ ученики училища могутъ въ короткое время.

Отъ спеціальныхъ и краткихъ словарей къ общему и болѣе полному словарю нужно отвлекать учениковъ какъ можно раньше. Въ этомъ мы видимъ большую пользу и наоборотъ въ спеціальныхъ словаряхъ видимъ если не вредъ, то во всякомъ случаѣ большую невыгоду. Въ спеціальныхъ словаряхъ указывается какое-нибудь одно случайное значеніе слова, главнаго же значенія сплошь рядомъ ученикъ въ нихъ и не находитъ. Перемѣна словаря при каждой перемѣнѣ автора вредитъ единству преподаванія: запасъ словъ одного автора кажется ученику уже ненужнымъ, когда читается другой авторъ съ другимъ словаремъ. Кромѣ того спеціальные словари слишкомъ облегчаютъ ученикамъ работу. При помощи такихъ словарей ученики работаютъ чисто механически, между тѣмъ какъ подбираніе подходящаго выраженія по общему словарю представляетъ собою умственную дѣятельность. Наконецъ спеціальные словари слишкомъ разнохарактерны, безсистемны и вообще отличаются очень многими недостатками. Счастливыя исключенія рѣдки. Итакъ при нашихъ требованіяхъ относительно изученія словъ необходимо уже въ училищѣ, покрайней мѣрѣ въ IV кл., пользоваться словаремъ Шульца. Изучая слова по этому словарю и держась при этомъ указанныхъ нами пріемовъ, ученики училища пріобрѣтутъ такой запасъ словъ, къ которому въ настоящее время они даже и не приближаются. При заучиваніи словъ нужно также строго слѣдить за тѣмъ, чтобы ученики одинаково твердо и отчетливо знали слова какъ съ латинскаго на русскій, такъ и съ русскаго на латинскій.

Методическое заучиваніе словъ свое естественное продолженіе и расширеніе имѣетъ въ пріобрѣтеніи запаса латин. фразъ. Заучиванье фразъ есть превосход-

ное средство для обогащенія учениковъ лексическимъ матеріаломъ, для укрѣпленія въ ихъ памяти этимологическихъ формъ и синтаксическихъ оборотовъ, для болѣе прочнаго усвоенія латинской конструкціи и наконецъ вообще для выработки навыка во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Это живая рѣчь и притомъ образцовая, такъ какъ мы предполагаемъ и рекомендуемъ заучиваніе фразъ классическаго характера. Воспріимчивою памятью учениковъ училища нужно пользоваться для этого дѣла въ широкихъ размѣрахъ. Выборъ фразъ сообразно съ возрастомъ мы предоставляемъ учителю; но существуютъ и готовые сборники изреченій, пословицъ, поговорокъ, небольшихъ басенъ и анекдотовъ, а также краткихъ діалоговъ и бытовыхъ разсказовъ, языкъ которыхъ по своему лексическому матеріалу, а равно и по синтаксическому строенію всего ближе подходитъ къ живой разговорной рѣчи. Матерія всѣхъ подобныхъ фразъ можетъ превосходно разнообразить и освѣжать запасъ заучиваемыхъ учениками училища словъ. Но помимо стилистическаго и лексическаго значенія эти изреченія, пословицы, эти aptedicta драгоцѣнны, по содержанію, какъ достояніе лучшихъ умовъ и избраннѣйшихъ народовъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ долженъ быть, по нашему мнѣнію, училищный курсъ латинскаго языка и съ такой подготовкой ученики училища должны поступать въ семинарію.

О письменныхъ упражненіяхъ въ училищномъ курсѣ будетъ сказано особо въ третьей главѣ.

Г. Можаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ
СЕРБСКАГО НАРОДА.

„Поэзія сербовъ вполнѣ національна, и представляетъ собою, такъ сказать, безсознательное проявленіе общихъ способностей всего народа“, говоритъ Ранке въ своей „Исторіи Сербіи“ (стр. 55). Сербы раздѣляютъ общую со всѣми славянами любовь къ пѣнію и поэзіи, что въ данномъ случаѣ почти неотдѣлимо одно отъ другого: произведенія устнаго творчества сербскаго народа попреимуществу поются и въ огромномъ большинствѣ изложены въ стихотворной формѣ. Пѣсни въ Сербіи поются подъ аккомпаниментъ особаго инструмента — „гусель“, который состоитъ всего изъ одной волосяной струны *); звукъ извлекается волосянымъ же смычкомъ. Нельзя сказать, что звукъ этого инструмента принадлежитъ къ пріятнымъ звукамъ; но сербскіе пѣвцы и музыканты умѣютъ придавать этому однообразному звуку различный оттѣнокъ и ритмъ, что въ значительной степени скрашиваетъ недостатки инструмента. Гусли употребляются по преимуществу въ концѣ стиха, чтобы дать возможность отдохнуть голосу пѣвца. Сербъ потому мирится съ такимъ несовершеннымъ инструментомъ, что для него главное значеніе имѣетъ самая пѣсня. Оставивъ въ сторонѣ пѣсни эпическія, въ предлагаемомъ очеркѣ попытаемся дать понятіе о лирической поэзіи сербскаго народа, о пѣснѣ женской. Подъ женскими пѣснями разумѣются пѣсни лирическія, которыя исполняются по преимуществу женщинами (откуда ихъ и названіе), хотя по Дунаю и Савѣ ихъ поютъ и мужчины. Величавая и суровая юнацкая пѣсня, состоя изъ стиховъ въ пять хореевъ каждый, поется на одинъ мотивъ. Образчикъ такого напѣва можно видѣть въ статьѣ Лисенка объ южно-русской музыкѣ въ „Запискахъ Юго-Запад. Отдѣл. Географическаго Общества (1873 г. т. I). Знатокъ южно-русской музыки, Лисенко находитъ, что сербскія юнацкія пѣсни, которыя онъ слу-

*) Т. е. прядь волосъ замѣняетъ собою струну.

шалъ и частію записалъ во время путешествія по Сербіи, своимъ гармоническимъ построеніемъ чрезвычайно напоминаютъ южно-русскія думы. Пятистопный хорей вообще самый любимый сербами стихотворный метръ. Всѣ юнацкія пѣсни, записанныя Караджичемъ, составлены этимъ размѣромъ. Но есть и другой метръ. Гильфердингъ во время путешествія по Сербіи записалъ двѣ длинныя пѣсни (т. III, 169—183), стихи которыхъ состоятъ изъ пятнадцати, рѣже шестнадцати слоговъ съ цезурою послѣ седьмого или восьмого стиха; этотъ размѣръ соотвѣтствуетъ русскому восьмистопному хорею—образчикъ этого размѣра будетъ приведенъ ниже. Это очень рѣдкій ритмъ; кажется, онъ принадлежитъ древнѣйшему стихосложенію. Во всякомъ случаѣ ритмъ юнацкихъ пѣсенъ бѣденъ разнообразіемъ. Размѣръ стиха женскихъ пѣсенъ несравненно разнообразнѣе: разнообразіе чувствъ вызывало разнообразіе и метровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и музыкальныхъ мотивовъ. Женская пѣсня, исполняемая однимъ голосомъ или хоромъ, изображаетъ дѣянія и чувства не героя и воина, какъ юнацкая пѣсня, а чувства простого человѣка въ его обычной обстановкѣ: его горе и радость, любовь молодыхъ людей, радость свиданія, горечь разлуки и т. д.

Можно сказать, что вся жизнь серба сопровождается лирической (женской) пѣсней: каждое время года, праздникъ, игра, трудъ и т. д.—все это сопровождается пѣсней. Особенно много пѣсенъ бываетъ во время свадебъ, что понятно само собой: бракъ въ жизни селянина есть одно изъ самыхъ важныхъ событій; къ тому же брачныя церемоніи относятся къ самымъ веселымъ. Свадьба болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое событіе, даетъ матеріалъ для лирической пѣсни, воспѣвающей любовь и семейное счастье.

Содержаніе женскихъ пѣсенъ очень разнообразно. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ отзываются глубокой стариной и должны быть отнесены къ разряду миѳическихъ пѣсенъ; о нихъ мы скажемъ въ отдѣлѣ славянской миѳологіи. Для образца же приведемъ переводъ одной пѣсни, содержаніе которой безъ сомнѣнія миѳологическаго характера, хотя выяснить его не легко: по всей вѣроятности дѣло идетъ о звѣздномъ небѣ при новолуніи (см. пѣсню ниже № 416).

Изведенный пастухъ.

Небо звѣздами покрыто,
Поле чистое овцами;
Пастуха не видно въ полѣ,
Лишь одинъ дитя Радойя,
Да и онъ уснулъ у стада.
Сестра Яна кличетъ—будитъ:
„Просыпайся, братъ Радойя!
„Стадо въ лугъ зашло зеленый“.
—„Не могу, сестра, подняться,
„Извела меня колдунья...
„Мать мнѣ сердце вынимала,
„Тетка ей огнемъ свѣтила“.
(Караджж. томъ I-й, стр. 162).

Въ другихъ пѣсняхъ слышны отголоски первобытныхъ соціальныхъ отношеній. Такова напр. слѣдующая пѣсня, въ которой можно видѣть указаніе на древній обычай умыканія, похищенія женщинъ.

Часто Мары мать съ тоскою
Расплетала русу косу,
Расплетая говорила:
„Ты мое запомни слово:
„Какъ пойдешь гулять ты въ поле,
„Какъ пойдешь плясать ты въ коло,—
„Бойся, дочка, ты Томаша.
„Томашъ парень неженатый,
„У меня же ты невѣста“.
Но не слушалася Мара:
Шла она гулять во поле,
Поплясать въ веселомъ коло;
Повстрѣчалась тамъ съ Томашемъ.
Томашъ весело танцуетъ,
А слугамъ мигаетъ глазомъ:
„Вы коней ведите ближе—
„Вороного и гнѣдого“.

Догадались вѣрны слуги,
Лошадей вели поближе—
Вороного и гнѣдого.
Прыгнулъ Томашъ на гнѣдого,
Бросилъ Мару на другого
И мелькнулъ онъ черезъ поле,
Словно звѣздочка по небу.
А у края чиста поля
Говорилъ юнакъ дѣвицѣ:
„Видишь, Мара, кленъ усохшій?
„Я тебя на немъ повѣшу:
„Будутъ вороны съ ордами
„Собираться на поживу,
„Будутъ бить тебя крылами,
„Расклюютъ все бѣло тѣло".
И заплакала тутъ Мара:
„Горе мнѣ, о Боже правый!
„Такъ тому всегда бываетъ,
„Кто не слушаетъ родимой".
Томашъ Марѣ отвѣчаетъ:
„Ты не бойся, дорогая!
„То стоитъ не кленъ усохшій,—
„Виденъ домъ вдали мой бѣлый:
„Тамъ женой моею будешь,
„Будешь въ домѣ ты хозяйкой".
(Караджк. томъ I, № 385).

Но главнымъ образомъ сербская лирическая пѣсня занимается изображеніемъ обще-человѣческихъ чувствъ; чаще всего предметомъ ея служитъ семья и любовь. Какъ извѣстно, эти предметы такъ обширны по содержанію, что изображеніе ихъ не исчерпывается безконечнымъ количествомъ лирическихъ пѣсенъ всѣхъ временъ и народовъ. Но о сербской лирической пѣснѣ должно сказать, что она отличается особою прелестью, задушевностью и глубиной чувства; форма ея всегда оригинальна и художественно-поэтична.

Героическая, юнацкая пѣсня представляетъ намъ серба серьезнымъ, строгимъ и воинственнымъ. Если тамъ и

изображается свадьба или описывается любовь, то имѣется въ виду фактическая сторона событія, именно что случилось при чьей-нибудь свадьбѣ. Изображеніе же чувства любви обыкновенно отсутствуетъ. Женская пѣсня, наоборотъ, совершенно опускаетъ фактическій элементъ и изображаетъ одно чувство, одно психическое состояніе.

Сербская лирическая пѣсня главнымъ образомъ касается женщины въ спеціальномъ значеніи этого слова, какъ бы пополняя пробѣлъ юнацкихъ пѣсенъ, которыя не занимаются женщиной и ея бытомъ. Такимъ образомъ, лирическая пѣсня изображаетъ намъ душевный міръ женщины во всѣхъ его проявленіяхъ и именно съ точки зрѣнія женщины, организація которой нѣжнѣе, воспріимчивѣе мужской.

Въ пѣсняхъ лирическихъ яркими чертами описываются главныя качества женщины—ея красота и скромность Сербская дѣвушка такъ скромна, что парень не знаетъ: какіе глаза у его возлюбленной,—дѣвушка не осмѣливается при постороннихъ поднять своихъ опущенныхъ въ землю взоровъ.

У Милицы длинныя рѣсницы,
И играетъ на щекахъ румянецъ—
На щекахъ, на личикѣ румяномъ.
Все глядѣлъ я цѣлые три года
И не могъ очей ея увидѣть,
Разглядѣть лицо ея и очи.
Вотъ собралъ я дѣвичее коло,
Пригласилъ въ то коло и Милицу,—
Не удастся ль глазъ ея увидѣть?
Какъ водили коло мы,—на небѣ
Было ведро, но нашла вдругъ тучка;
Въ этой тучкѣ молньи засіяли.
Дѣвушки подняли къ небу взоры.
Не глядитъ туда одна Милица,
А къ землѣ свои склонила взоры.
Говорятъ ея подруги тихо:
„О Милица, милая подруга!
„Не разумна иль мудра ты очень,
„Что склонила взоръ къ травѣ зеленой,

„А не смотришь вмѣстѣ съ нами въ небо,
„Гдѣ средь тучи молнія играетъ?“
Говоритъ имъ дѣвушка Милица:
„Не глупа я, да и не разумна...
„Я не вила, чтобъ сгущать мнѣ тучи;
„Я смотрю, какъ дѣвушкѣ прилично“,
(Караджж. томъ I, № 599).

Незнакомая съ жизнью дѣвушка гордится своей красотой и хвалится ею предъ солнцемъ.

Дѣвушка и солнце.

Передъ солнцемъ дѣвушка хвалилась:
„Ясно солнце, вѣдь тебя я краше,
„И тебя и твоего-то брата,
„Мѣсяца, сіяющаго въ небѣ,
„И сестры твоей звѣзды—денницы,
„Что проходитъ черезъ ясно небо,
„Какъ пастухъ предъ бѣлыми овцами“.
Ясно солнце жаловалось Богу:
„Что мнѣ дѣлать съ проклятою дѣвкой?!“
Тихо Богъ на это отвѣчаетъ:
„Ясно солнце, чадо дорогое!
„Будь веселымъ, не сердись напрасно,
„Съ дѣвушкой управиться не трудно:
„Ты сіяй и жги ее лучами—
„Загоритъ лицо ея, увянетъ.
„Я-жъ пошлю недобрую ей долю:
„Дамъ ей малыхъ деверей, да злую
„Дамъ свекровь ей, сердитаго свекра.
„Тутъ узнаетъ передъ кѣмъ хвалиться“.
(Караджж. томъ I, № 416).

Вотъ настаетъ пора любви съ тайными свиданіями, затаеннымъ трепетомъ чувства. Милые видятся тайно отъ своихъ родителей; но скоро ихъ любовь дѣлается извѣстной всѣмъ, и дѣвушка горько тоскуетъ, что ея тайна перестала быть тайной.

Ничто не можетъ укрыться.

Двое милыхъ по лугу гуляли,
Думали, что ихъ никто не видитъ.
Но зеленый лугъ влюбленныхъ видѣлъ,
И про это разсказалъ онъ стаду.
Пастуху о томъ сказало стадо,
А пастухъ повѣдалъ пѣшеходу;
Пѣшеходъ сказалъ гребцу на лодкѣ;
Перевозчикъ—орѣховой лодкѣ,
А ладья о томъ водѣ сказала,
„А водица—матери дѣвицы.
Проклинала дѣвушка всѣхъ люто:
„Чтобы, лугъ, тебѣ не зеленѣться!
„Растерзайте, волки, бѣло стадо!
„Пастуха убьютъ пусть злые турки!
„Пусть усохнутъ пѣшехода ноги!
„Пусть, гребецъ, тебя снесетъ водою!
„На огнѣ сгори ты, легка лодка!
„А вода въ рѣкѣ—чтобъ ты усохла!“
(Кар. томъ I, №: 444).

Какъ извѣстно, любовь имѣетъ иногда счастливый, а иногда и печальный конецъ. Одна пѣсня самыми трогательными чертами описываетъ смерть двухъ несчастныхъ влюбленныхъ: не будучи въ состояніи перенести разлуки, они по звѣздамъ условливаются о времени своей смерти, и ихъ хоронятъ въ одной могилѣ.

Смерть милой и милаго.

Милые другъ-друга любили:
Умывалися одною водою,
Полотенцемъ однимъ утирались.
Въ первый годъ никто любви не зналъ ихъ,
Во второй же—всѣ о ней узнали,
Ихъ отцы и матери узнали.
Мать не хочетъ, чтобъ женился парень,

И влюбленныхъ—она разлучила.
Вѣсть къ подругѣ шлетъ съ звѣздою парень:
„Ты въ субботу поздно, другъ, скончайся;
„Я жь скончаюсь въ воскресенье рано“.
Что рѣшили, то и учинили:
Умерла она въ субботу поздно,
Въ воскресенье жь рано умеръ милый
Схоронили рядомъ ихъ въ могилѣ,
Подъ землей соединили руки,
Дали въ руки свадебный подарокъ—
Яблоко зеленое имъ дали.
Миновало времени немного,
И сосна надъ милымъ выростала,
А надъ милой румяная роза.
Обвиваетъ роза стволъ сосновый,
Какъ изъ шелка нитка у букета.
(Кар. томъ I, № 441).

Но вотъ дѣвушка выходитъ замужъ и дѣлается членомъ семейства мужа. Здѣсь оканчивается поэзія и начинается прозаическая суровая жизнь сербской женщины. Пѣсня почти никогда не переступаетъ этой границы: она доводитъ событіе только до брака. Пѣсни чаще изображаютъ отношенія женившихся братьевъ къ сестрамъ-дѣвушкамъ. Обыкновенно дѣвушка жалуется, что женившійся братъ забываетъ свою сестру для своей жены; да и вообще вся родня жены дѣлается ему ближе и милѣе ея. Таковы слѣдующія пѣсни:

Виноградъ садила Мара,
Насадила лозъ зеленыхъ.
Налеталъ тутъ черный воронъ,
Виноградъ клевалъ онъ Мары,
Мара брата проситъ—молитъ:
„Братъ Иванъ мой, братецъ милый!
„У тебя есть сизый соколъ;
„Дай его мнѣ: я изъ саду
„Прогоню имъ злую птицу„.

—„Ахъ, сестра родная Мара!
„Я охотой забавлялся,
„Тамъ сломалъ крыло мой соколъ;
„И тебѣ не дамъ его я“.
Говорила брату Мара:
„Ахъ Иванъ мой, братецъ милый!
„Иль меня ужъ ты не любишь,
„Какъ до сей поры любилъ ты?“
—Ахъ, сестра моя родная!
Той любви теперь ужъ нѣту.
Раздѣлилъ ее недавно
Между шуринами, сватомъ,
Да и тещею моею.
(Кар. т. I, № 299).

Сестра испытываетъ брата.

Что это слышно съ дальней сторонки?
Пѣтухи ли это, иль звонки играютъ?
Не кричитъ пѣтухъ тамъ, не звонки играютъ,
А сестра родного брата умоляетъ:
„Я томлюсь у турокъ жалкою рабою,
„Выкупи меня ты изъ руки невѣрныхъ;
„Не великій выкупъ ты уплатишь туркамъ:
„Жемчуга два литра и три литра злата“ *).
Шлетъ отвѣтъ на это братъ своей
сестрицѣ:
„Золото мнѣ нужно на узду шелкову,—
„Любо мнѣ какъ бляхи на уздѣ сіяютъ;
„Жемчугъ же навѣшу я женѣ на шею,—
„Чудно свѣтятъ камни, какъ ее цѣлую“.
А сестра на это: „Не раба я турокъ:
„Я живу у турокъ славною царицей“.
(Кар. т. I, № 301).

*) Литръ—мѣра вѣса, равная $^1/_4$ ока (окъ $2^1/_4$ фун.).

Братъ, сестра и чужестранка.

Лѣсъ листвою зеленѣетъ,
Братъ съ сестрой въ лѣсу гуляетъ.
И сестра тутъ молвитъ брату:
„Что ко мнѣ не пріѣзжаешь?“
—Я бъ къ тебѣ, сестра, пріѣхалъ,—
Чужестранка не пускаетъ,
Изъ чужой страны дѣвица.
Лишь коня я осѣдлаю,
Чужестранка разсѣдлаетъ;
Опояшусь острой саблей,
Чужеземка распояшетъ;
Говоритъ: «Куда ты ѣдешь?
«Вѣдь широко чисто поле,
„А вода мутна,—глубока...
„Нѣтъ, не ѣзди, другъ, останься“.
(Кар. томъ I, № 298)

Иногда сербская лирическая пѣсня пользуется крайне прихотливыми образами для выраженія извѣстнаго чувства. Такъ напр. въ пѣснѣ „Исполненное желаніе“ (Карад. I № 600): парень желаетъ сдѣлаться жемчугомъ, чтобы въ видѣ ожерелья быть всегда на груди своей милой. Въ пѣснѣ „Заклятіе“ дѣвушка желаетъ болѣзни своему милому только для того, чтобы имѣть возможность ухаживать за нимъ. Приводимъ эту пѣсню.

Расчищала дѣва лугъ зеленый,
Огородъ широкій разводила,
Въ огородѣ разные цвѣточки;
Всякій день цвѣточки обходила.
Только разъ она осталась дома...
Въ этотъ день забрался парень Муйо,
Онъ забрался въ огородъ зеленый,
Тамъ потрогалъ дѣвичьи цвѣточки.
Проклинала дѣвушка юнака:
„Далъ бы Богъ, чтобъ Муйо разболѣлся!

„Я бы Муйѣ кушанья носила:
„Сахаръ съ моря, смоквы отъ Мостара;
„Принесла-бъ ему пирогъ, ягненка
„И съ душистымъ медомъ вкусныхъ вишень...
„Подкрѣпися пищей, ненаглядный“...
(Кар. I, № 286).

Иногда въ пѣсняхъ, воспѣвающихъ любовь, встрѣчается юмористическій элементъ; это чрезвычайно своеобразный и мягкій юморъ. Приводимъ одну такую пѣсню.

Дѣвичій судъ.

Три дѣвицы цвѣтики садили:
На горѣ душистую гвоздику,
Подъ горою—васильки зелены.
Сталъ ходить тамъ парень неженатый,
Сталъ онъ трогать дѣвичьи цвѣточки.
Сѣть сплести дѣвицы догадались
И поймали этой сѣтью парня.
Говоритъ одна: „сожжемъ живого“;
А другая: „Выгонимъ съ позоромъ“.
Третья молвитъ: „Нѣтъ, повѣсить надо!“
Говоритъ имъ парень неженатый:
„Чрезъ огонь лишь злато очищаютъ;
„Я не воръ, чтобъ гнать меня съ позоромъ.
„Я юнакъ: хотите, такъ повѣсьте
„Вы юнака—на дѣвичьей шеѣ“.
(Кар. томъ I, № 548).

Для выраженія извѣстныхъ чувствъ сербская пѣсня иногда пользуется образами природы: дѣйствующими лицами являются цвѣты (напр. роза, рута) и животныя; конечно, подъ эти предметами должно подразумѣвать людей. Такова слѣдующая пѣсня.

Олень и Вила.

За горой въ лугу олень пасется;
День пасется, на другой тоскуетъ,
А на третій жалуется горько.
Говоритъ съ горы оленю Вила:
„О, олень мой, звѣрь лѣсной и горный!
„Что съ тобой за горе приключилось,
„Что ты день пасешься, на загорьѣ,
„День пасешься, а другой тоскуешь,
„А на третій жалуешься горько?“
Отвѣчаетъ ей олень печально:
„О сестра моя, лѣсная Вила!
„Приключилась мнѣ бѣда большая.
„Жилъ я вмѣстѣ съ дорогой мнѣ ланью;
„Какъ пошла она воды напиться,
„Какъ пошла, назадъ и не приходитъ.
„Заблудилась ли она въ дорогѣ,
„Иль ее охотники поймали?
„Иль о мнѣ она совсѣмъ забыла,
„Полюбила другого оленя?..
„Если лань моя съ дороги сбилась,
„Дай ей Богъ, чтобы нашла дорогу;
„А когда охотникамъ попалась,
„Дай то Богъ, чтобъ имъ и я попался;
„А когда она меня забыла,
„Полюбила другого оленя—
„Пусть ее тогда ловцы поймаютъ“.
(Кар. т. I, № 370).

Но чаще всего пѣсни, въ которыхъ дѣйствующими выводятся животныя и предметы неодушевленные, бываютъ юмористическаго содержанія. Обыкновенно это бываютъ самые простые и прозаическіе предметы; юморъ бываетъ основанъ на томъ, что о нихъ говорится весьма важнымъ и серьезнымъ тономъ, который совсѣмъ не вяжется съ этими предметами. Таковы пѣсни о сватовствѣ комара за муху, о женидьбѣ супа изъ крупы на одномъ кушаньѣ, въ которой

трогательно описывается болѣзнь и смерть жениха—супа именно въ то время, когда должно было бы начаться брачное счастье *). Сюда же относится уморительное сватовство рака за дочку жабы, окончившееся неудачно: жаба не рискнула выдать свою дочь за господина, который можетъ быть пойманъ и съѣденъ человѣкомъ. Послѣдняя пѣсня записана Ястребовымъ и помѣщена въ его книгѣ „Пѣсни турецкихъ сербовъ". Въ слѣдующей пѣснѣ Сова сѣтуетъ на орла—будто бы тотъ хочетъ запятнать добрую ея славу, строя ей глазки.

Сова и Орелъ.

На дубовомъ пнѣ сова сидѣла,
А подъ ней орелъ на вѣткѣ ели.
Говоритъ сова орлу тихонько:
„Ахъ, орелъ! Зачѣмъ ты мнѣ мигаешь?
„Станутъ люди диву дивоваться,
„Говорить: орла я полюбила"...
Говоритъ орелъ ей сизокрылый:
„Ахъ сова, сова, ты пучеглаза!
„Да найдется-ль, кто тебя полюбитъ?"
(Кар. I, № 717).

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, всѣ образы лирическихъ сербскихъ пѣсенъ взяты изъ явленій повседневной жизни. Содержаніе ихъ весьма разнообразно, а форма отличается художественностью и изящною простотою. Внутренняя духовная сила, руководящая желаніями и поступками, выражается и въ словѣ во всей прямотѣ и чистотѣ своей. Поэзія беретъ и воспроизводитъ внѣшнія явленія точно такъ, какъ понимаетъ ихъ общій народный смыслъ, только въ формахъ болѣе чистыхъ и свѣтлыхъ: она изобразительна, вѣрна природѣ; но въ то же время допускаетъ изліяніе личнаго чувства и не лишена символовъ **).

---

*) Караджичъ, томъ I, №№ 716, 718 и 719.
**) Ранке. Исторія Сербіи. Стр. 58.

Эта характеристика Ранке въ одинаковой степени приложима не только къ лирической, но и къ эпической поэзіи сербскаго народа.

Всѣ произведенія сербской народной литературы проникнуты высокимъ нравственнымъ чувствомъ. Пѣсня лирическая женская, конечно, стремится охранить святость семейнаго начала: вездѣ восхваляется почитаніе дѣтьми родителей, супружеская вѣрность почитаніе не только кровнаго, но и сводного родства—побратимства. Пѣсни съ глубокою нѣжностью говорятъ о трудахъ матери при воспитаніи дѣтей; зато неблагодарность дѣтей считается ужаснѣйшимъ преступленіемъ и страшно карается небесами, примѣръ чему можно видѣть изъ слѣдующей пѣсни „Неблагодарные сыновья“.

„Мать старуха бѣдная трудилась,
Девять малыхъ сыновей питала.
Воспитала, всѣхъ ихъ поженила.
А когда она ихъ поженила,
Стали дѣти говорить старухѣ:
„Мать ты наша, наше поруганье!
„Уходи отъ насъ въ зелены горы,
„Пусть въ горахъ тебя загубятъ звѣри“.
Услыхала это мать старуха,
Стало больно материну сердцу,—
И пошла она въ зелены горы,
Взявши только посохъ съ полотенцемъ.
Ей никто и слова не промолвилъ;
Лишь идутъ за ней два малыхъ внука,
Говорятъ ей: „Бабушка, вернися!“
Но назадъ старуха не вернулась.
Повстрѣчался съ ней святой Димитрій,
Говоритъ ей: „Воротись, старуха!“
Мать старуха слушалась святого
И къ родному дому возвращалась.
Но куда жъ ея дѣвались дѣти?
Девять братьевъ—это девять камней,
Злыя снохи—девять стѣнъ холодныхъ;
Девять внуковъ голубками стали,

Голубками съ перьями златыми...
Отъ стѣны къ стѣнѣ они летаютъ.

Строгое почитаніе родителей дѣтьми потому считается первою добродѣтелью, что семья во всѣ времена и у всѣхъ народовъ была и будетъ первою школою религіи и нравственности. Охраняя святость семейнаго начала, сербская народная литература вмѣстѣ съ тѣмъ охраняетъ и народную нравственность. Въ высшей степени замѣчательно то явленіе, что Сербы, расширяя понятіе семьи, наравнѣ съ кровнымъ родствомъ, считаютъ сводное родство—кумовство и побратимство. Человѣка, почтившаго серба довѣріемъ, послѣдній считаетъ какъ бы своимъ кровнымъ родственникомъ. Для Серба нѣтъ болѣе чести, какъ быть приглашеннымъ воспринимать отъ купели младенца. Покровитель кумовства считается св. Іоаннъ креститель, крестившій—Самого Спасителя во Іорданѣ и, по сербскимъ народнымъ пѣснямъ, бывшій Его и воспріемникомъ. Побратимство—союзъ дружбы, заключенный между двумя лицами до самой ихъ смерти. Мужчины одинаковыхъ приблизительно лѣтъ даютъ другъ другу обѣтъ побратимства, женщины одинаковаго возраста—обѣтъ посестримства, т. е. считаютъ себя сестрами. Лица же разнаго возраста и пола, въ ознаменованіе своей глубокой дружбы, называютъ другъ-друга такъ, какъ бы они состояли въ кровномъ родствѣ: старшіе называютъ младшихъ сыновьями и дочерьми, а младшіе старшихъ—отцами и матерями; мужчины называютъ женщинъ посестримами, а молодыя женщины своихъ друзей юнаковъ—побратимами. Считая побратимство наравнѣ съ кровнымъ родствомъ, сербскій народъ не допускаетъ брака между побратимомъ и посестримой? Попытка оскорбить честь посестримы карается громомъ небеснымъ, что описывается въ слѣдующей пѣснѣ.

Дѣвушка Мара и Перо Бугаринъ.

Далеко зашла къ Болгарамъ Мара;
Всѣхъ она юнаковъ заклинала,
Напослѣдокъ Пера Бугарина:
„Въ Богѣ братъ мой, Перо Бугарине!

„Проводи меня домой отсюда“.
Побратимство Мары принялъ Перо,
Шелъ онъ съ нею изъ земли Болгарской.
Вотъ идутъ они горою черной
И находятъ ручеекъ студеный.
На огнѣ варить сталъ Перо кофе,
А водою умываться Мара,—
Засіяло личико, какъ солнце,
Бѣло горло—словно мѣсяцъ ясный!
Говоритъ Бугаринъ Перо Марѣ:
„Посестримо Маро, расцѣлую
„Я лицо твое и бѣло горло“.
Что сказалъ Бугаринъ Перо Марѣ,
Что сказалъ ей Перо, то и сдѣлалъ.
Въ ясномъ небѣ молнія засверкала,
И упала молнья въ Бугарина.
Надъ убитымъ Мара говорила:
„Богъ убьетъ и всякаго юнака,
„Кто любить захочетъ посестриму“
Караджичъ, томъ I, № 206.

Несчастный въ политическомъ отношеніи, Сербскій народъ съ удивительнымъ чутьемъ угадалъ, что единственное его спасеніе, единственная опора его національности заключается въ прочности семейнаго и вообще нравственнаго начала, и потому вездѣ въ пѣсняхъ мы видимъ прославленіе любви родительской и сыновней, вѣрной дружбы, неподкупной честности и супружеской вѣрности. Вслѣдствіе этого произведенія сербской народной литературы носятъ на себѣ идеально нравственный отпечатокъ.

Н. Гальковскій.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭТЮДЪ.

Драматическій стиль Шекспира.

Во всякомъ художественномъ поэтическомъ произведеніи внутренняя его сторона (содержаніе) связана съ внѣшнею стороною (формою) такъ же органически, какъ въ человѣкѣ тѣло связано съ душею и душа съ тѣломъ. Тѣмъ не менѣе каждая изъ этихъ сторонъ можетъ служить самостоятельнымъ предметомъ изслѣдованія: можно изучать поэтическое произведеніе со стороны его формы, оставляя въ сторонѣ его содержаніе, и наоборотъ.

При оцѣнкѣ какъ отдѣльныхъ художественныхъ поэтическихъ произведеній, такъ и цѣлой литературной дѣятельности того или другого поэта обѣ стороны (внутренняя и внѣшняя) имѣютъ важное значеніе: плохъ тотъ поэтъ, произведенія котораго страдаютъ безсодержательностію; но если авторъ не въ силахъ дать своему произведенію художественную форму, то онъ теряетъ всякое право называться поэтомъ-художникомъ. Художественность поэтическаго произведенія состоитъ именно въ высокомъ совершенствѣ формы, въ полнѣйшей гармоніи ея съ содержаніемъ. Значитъ, при оцѣнкѣ художественнаго значенія дѣятельности того или другого поэта—формѣ принадлежитъ первая роль. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, справедливо Гораціанское изреченіе: „forma esse rei dat“.

Отсюда понятно, что для исторіи литературы весьма важно изученіе произведеній поэта со стороны формы. Чѣмъ талантливѣе писатель, чѣмъ шире кругъ его вліянія, тѣмъ важнѣе и интереснѣе будетъ это изученіе.

Въ этомъ отношеніи едвали какой бы то ни было писатель новаго времени можетъ сравниться по значенію съ Шекспиромъ. Будучи геніальнымъ поэтомъ, онъ является отцомъ и неограниченнымъ законодателемъ новѣйшей драмы: его драматическія произведенія представляютъ верхъ художественнаго совершенства; Шекспиру подражали всѣ лучшіе

драматурги новѣйшаго времени: Шиллеръ, Гёте, у насъ Пушкинъ. Слѣдовательно, говорить о драматическомъ стилѣ Шекспира—значитъ отчасти говорить о законахъ и особенностяхъ новѣйшей драмы вообще. Отсюда понятно, историко-литературное значеніе изученія драматическаго стиля Шекспира. Говоря о драматическомъ стилѣ Шекспира, мы, конечно, понимаемъ слово стиль въ его обширномъ значеніи, разумѣя подъ нимъ не только особенности слога, но также самые пріемы творчества, способъ развитія дѣйствія, особенности характеристики и то, что называется художественною композиціей.

Слово „драма" у насъ имѣетъ двоякое значеніе: въ обширномъ смыслѣ оно обозначаетъ особый родъ поэтическихъ произведеній, для которыхъ внѣшнею формою служитъ дѣйствіе (въ отличіе отъ эпоса и лирики); въ тѣсномъ же смыслѣ подъ именемъ драмы разумѣется особый видъ драматическихъ произведеній въ отличіе отъ трагедіи и комедіи. Поэтому и выраженіе „драматическій стиль" можно понимать различно. Мы намѣрены говорить о драматическомъ стилѣ Шекспира, понимая слово драма въ обширномъ его значеніи, какъ названіе особаго рода поэтическихъ произведеній. Но драматическое искусство Шекспира достигло высшей степени своего развитія въ его трагедіяхъ; при томъ же трагедія—преобладающій родъ у Шекспира.

I.

Дикція Шекспира.

Обыкновенно различные пріемы творчества служатъ поэту только средствомъ для достиженія цѣлей и задачъ, которыя онъ себѣ предположилъ и, слѣдовательно, въ значительной степени зависятъ отъ послѣднихъ. Поэтому прежде всего возникаетъ вопросъ, какъ смотрѣлъ Шекспиръ на драму, на ея цѣли и задачи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ его произведеніяхъ: устами Гамлета поэтъ высказываетъ ясное и глубокое пониманіе задачи драматическаго искусства: „цѣль

театра была, есть и будетъ—отражать въ себѣ природу: добро, зло, время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ (актъ III, сц. II).

И такъ мы видимъ, что Шекспиръ стремился изображать въ своихъ драмахъ природу, дѣйствительность. Правда, эпосъ и лирика стремятся къ тому же. Но эпосъ изображаетъ преимущественно внѣшній, объективный міръ—міръ событій;—лирика, напротивъ, отражаетъ внутреннюю, субъективную сторону человѣческой жизни. Драма объединяетъ то и другое и представляетъ самую полную картину человѣческой жизни. Внутренняя жизнь человѣка внѣшнимъ образомъ выражается въ разговорахъ и дѣйствіяхъ; поэтому существенная и необходимая форма драмы—дѣйствіе въ обширномъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ также и діалогъ.

Діалогическая форма составляетъ постоянное свойство Шекспировой рѣчи. Иногда одно дѣйствующее лицо разсказываетъ другому о случившемся; мѣстами попадаются и описанія; но разсказы и описанія никогда не стоятъ у него сами по себѣ, отдѣльно, а находятся въ связи съ ходомъ дѣйствія и носятъ на себѣ характеръ діалога: они нетолько изображаютъ самый предметъ, но выражаютъ также отношеніе къ нему мыслей и чувствъ разсказчика; съ другой стороны они пробуждаютъ извѣстныя чувства и мысли, а иногда и рѣшимость воли въ слушателѣ. Напримѣръ, въ „Макбетѣ“ раненый солдатъ разсказываетъ королю Дункану о подвигахъ Макбета (актъ I, сцена II); при этомъ въ его разсказѣ выражается съ одной стороны ненависть и презрѣніе къ врагу, а съ другой стороны чувство воинской чести и гордости своимъ полководцемъ. Самъ король говоритъ солдату, что его разсказъ также дышитъ честью, какъ и его раны. Въ „Ричардѣ II-мъ“ (актъ V, сц. II) герцогъ Іоркскій разсказываетъ свой жёнѣ о томъ униженіи, которому подвергался Ричардъ во время торжественнаго вступленія Болинброка въ Лондонъ; при этомъ онъ выражаетъ свои чувства въ слѣдующихъ словахъ:

„Я увѣренъ,
Что, видя то, и варварство само
Растаяло-бъ горючими словами“.

Изъ словъ самой герцогини видно, что она не могла удержать слезъ, слушая разсказъ о случившемся. Въ „Отелло“ вымышленный разсказъ Яго о томъ, какъ Кассіо во снѣ проговорился ему о своей любовной связи съ Дездемоной, возбуждаетъ въ душѣ мавра цѣлую бурю страсти и негодованія противъ своей супруги: „я разорву её на части!“ восклицаетъ онъ.

Иногда дѣйствующія лица лирически выражаютъ свои чувства, но эти лирическія изліянія чувствъ постоянно имѣютъ діалогическую форму. Напримѣръ, въ драмѣ „Ромео и Джульетта“, несмотря на строго-драматическую постановку цѣлаго, пробивается мѣстами лирическій элементъ (что зависитъ отъ самаго предмета пьесы); но вездѣ выраженіе чувствъ имѣетъ характеръ діалогическій. Такъ при первой встрѣчѣ на балу Ромео и Джульетта выражаютъ другъ другу свои чувства въ разговорѣ. Во 2-й сценѣ III-го акта Джульетта передъ свадьбой выражаетъ свои чувства въ монологѣ, который имѣетъ діалогическій характеръ: сначала, она обращается съ рѣчью къ ночи, потомъ, къ отсутствующему Ромео, затѣмъ, опять къ ночи; наконецъ, говоритъ сама себѣ:

„Этотъ день
Такъ кажется мнѣ длиненъ, какъ ребенку
Ночь кажется длинна подъ праздникъ!“

Наконецъ, 3-е лирическое мѣсто представляетъ сцена прощанія Ромео и Джульетты. Въ этой сценѣ поэту послужилъ образцомъ особый видъ діалогическихъ стихотвореній, который возникъ во времена миннизингеровъ, такъ называемая „дневная пѣснь“ [1]). Наконецъ, Шекспиръ нигдѣ не вставляетъ общихъ, отвлеченныхъ разсужденій. Монологи, такъ встрѣчающіеся въ его драмахъ, представляютъ въ сущности опять таки разговоръ дѣйствующаго лица—его „я“ съ его

---

[1]) Содержаніе этихъ пѣсенъ состоитъ въ томъ, что влюбленные встрѣчаются ночью въ таинственномъ мѣстѣ и поутру, не желая разставаться, спорятъ о томъ, солнце или луна свѣтитъ, соловей или жаворонокъ поетъ. Гервинусъ Т. П.

чувствами, мыслями и съ тѣмъ, что его окружаетъ. Напримѣръ, укажемъ на монологъ Гамлета (актъ I, сцена II), начинающійся словами:

„О еслибъ вы, души моей основы...

Сначала, онъ выражаетъ желаніе развязаться съ жизнію и обращается къ Богу со словами:

О если-бъ Ты, судья земли и неба,
Не запретилъ грѣха самоубійства...
О Боже, Боже!...

Затѣмъ, онъ изливаетъ свое негодованіе на нравственно испорченный міръ; потомъ, укоряетъ свою мать за ея легкомысленное поведеніе.

Наконецъ, онъ обращается къ своей душѣ со словами:

„Скорби душа моя!. уста должны молчать“.

Въ „Королѣ Лирѣ“ несчастный король въ своихъ монологахъ взываетъ къ богамъ и природѣ: къ грому, бурѣ, вѣтрамъ и требуетъ отмщенія.

И такъ мы видимъ, что въ разсказахъ, описаніяхъ, въ лирическихъ мѣстахъ и въ монологахъ, словомъ—всюду господствуетъ діалогическая форма.

Шекспировскій діалогъ по своему характеру вполнѣ соотвѣтствуетъ вышеуказанной цѣли драмы—отражать дѣйствительную жизнь. Прежде всего онъ поражаетъ своею естественностію и непринужденностію. Его діалогъ вовсе не похожъ на діалогъ драмъ ложно-классическихъ, гдѣ герои размѣниваются краснорѣчивыми тирадами и искусными диссертаціями. Въ дѣйствительной жизни люди не вѣчно разсуждаютъ о серьезномъ и важномъ; напротивъ, большая часть досуга обыкновенно проводится въ разговорѣ о незначительныхъ предметахъ. Точно также ведутъ себя и герои Шекспира: они спрашиваютъ другъ друга о здоровьи, говорятъ иногда о мелочахъ, судятъ о томъ и семъ и часто дѣлаютъ все это передъ самымъ моментомъ страшной катастрофы или передъ рѣшимостію на какое-нибудь важное дѣло. Гамлетъ въ I й сценѣ I го акта спрашиваетъ, который часъ, замѣчаетъ, что вѣтеръ слишкомъ рѣзокъ, разговариваетъ о доносящихся издали отголоскахъ пира, о звукахъ трубъ и пушечной пальбѣ—словомъ ведетъ разговоръ, который возникъ

совершенно случайно и не имѣетъ никакого отношенія къ тому дѣлу, для котораго онъ пришелъ, и этотъ разговоръ продолжается до самаго явленія тѣни.

Какъ въ дѣйствительной жизни разговаривающіе большею частью размѣниваются отрывочными, короткими фразами, такъ и у Шекспира дѣйствующіе лица произносятъ большею частью по одному, по 2 или по 4 стиха; особенно въ мѣстахъ наиболѣе драматическихъ. Отъ этого діалогъ пріобрѣтаетъ живость. Далѣе, въ Шекспирово время игра словъ, остроты, отдаленныя сравненія составляли неотъемлемую принадлежность разговоровъ; при этомъ даже въ нашемъ обществѣ нерѣдко допускались двусмысленные намеки и указанія на такія вещи, о которыхъ въ наше время не говорятъ въ порядочномъ обществѣ. Этотъ духъ времени отразился въ произведеніяхъ Шекспира: языкъ его блещетъ меткими, нерѣдко двусмысленными остротами, смѣлыми сравненіями и уподобленіями; игра словъ встрѣчается почти на каждомъ шагу. Его дѣйствующія лица не стѣсняясь называютъ вещи ихъ собственными именами и разсказываютъ иногда о самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Разговоры джентльменовъ и дамъ нерѣдко наполнены сальными намеками, которые въ наше время не всегда услышишь и въ самомъ низшемъ, необразованномъ кругу. Въ гнѣвѣ его дѣйствующіе лица осыпаютъ другъ-друга крупною бранью.

Языкъ Шекспира такимъ образомъ даетъ вѣрное понятіе о тогдашнихъ нравахъ и эта вѣрность природѣ и энергическое изображеніе ея вполнѣ выкупаетъ погрѣшности противъ правилъ приличія и тонкаго эстетическаго вкуса.— При этомъ дикція Шекспира отличается сжатостію, силою, глубокомысліемъ (особенно въ монологахъ, напр. въ монологахъ Гамлета, Лира и т. п.). Особенной силой и выразительностью отличается діалогъ тамъ, гдѣ изображаются сильныя страсти. Шекспиръ вполнѣ постигъ языкъ страстей и умѣетъ выражать ихъ сильно, кратко и осязательно. Какимъ негодованіемъ, презрѣніемъ и отвращеніемъ дышитъ каждое слово принцессы Анны въ ея разговорѣ съ Глостеромъ (актъ I, сц. II) [2]), Сколько демоническаго юмора въ мо-

[2]) Впослѣдствіи Ричардъ III.

нологахъ того же Глостера и въ нѣкоторыхъ разговорахъ Яго! Глубокое негодованіе и горькое чувство выражается у Гамлета въ самыхъ ѣдкихъ сарказмахъ, которыми онъ осыпаетъ свою мать и другихъ лицъ. Монологъ Лира—эти стоны отчаянія, вырвавшіеся изъ груди человѣка, униженнаго и оскорбленнаго до глубины души (актъ III сц. II). Наконецъ, какъ на особенность Шекспирова языка слѣдуетъ указать на образность. Обладая въ высшей степени живымъ воображеніемъ, поэтъ щедро разсыпаетъ матафоры во всемъ, что пишетъ; самыя отвлеченныя идеи превращаются у него въ яркіе, конкретные образы. Нерѣдко одну и ту же мысль поэтъ выражаетъ въ нѣсколькихъ образахъ. Приведемъ для примѣра отрывокъ изъ разговора Гамлета:

„Простой и честный человѣкъ обязанъ
Стоять за жизнь всей силою души;
Тѣмъ больше духъ, отъ блага коего
Зависитъ жизнь и счастіе столь многихъ.
Монархъ не можетъ умереть одинъ:
Въ свое паденіе онъ увлекаетъ
Все близкое, какъ горный водопадъ.
Онъ—колесо гигантскаго размѣра,
Стоящее на высотѣ горы;
И тысячи вещей прикрѣплены
Къ его огромнымъ и могучимъ спицамъ;
Падетъ оно—ужасное паденье
Раздѣлятъ съ нимъ всѣ вещи мелочныя.
Еще монархъ ни разу не вздыхалъ,
Чтобъ народъ съ нимъ вмѣстѣ не страдалъ“.

Здѣсь три образа слѣдуютъ одинъ за другимъ для выраженія одной и той же мысли. Этотъ отрывокъ взятъ еще изъ спокойнаго разговора; но гдѣ говорящее лицо находится подъ вліяніемъ сильнаго чувства, страсти, тамъ образы

---

[3]) «Гамлетъ». III сц. I актъ.

положительно громоздятся другъ на-друга. Въ „Гамлетѣ“ королева спрашиваетъ сына Гамлета:

„Что же я сдѣлала?“

Онъ отвѣчаетъ:

„Ты запятнала
Стыдливый цвѣтъ душевной чистоты:
Ты назвала измѣной добродѣтель,
Съ чела любви ты розы сорвала,
И, вмѣсто ихъ невинной красоты,
Цвѣтетъ болѣзнь въ твоихъ устахъ, о матерь,
Обѣтъ при брачномъ алтарѣ сталъ ложенъ,
Какъ клятва игрока! о, твой поступокъ
Исторгъ весь духъ изъ брачнаго обряда,
Въ пустыхъ словахъ излилъ всю сладость вѣры!
Горитъ чело небесъ, земли твердыня
При мрачной думѣ о твоихъ дѣлахъ,
Грустна, какъ въ день передъ судомъ послѣднимъ“.

Это обиліе метафоръ въ языкѣ Шекспира не нравилось многимъ критикамъ его. Вольтеру, напримѣръ, языкъ Шекспира казался совершенно непонятнымъ, надутымъ, шероховатымъ, варварскимъ и нелѣпѣйшимъ изъ всѣхъ, когда либо появлявшихся въ печати. Драйденъ, сравнивая простоту слога въ діалогѣ древнихъ съ блистательнымъ слогомъ діалоговъ Шекспира, говоритъ, что Шекспировъ слогъ слишкомъ отзывается котурномъ. Гервинусъ на это возражаетъ [4]), что у древнихъ все содержаніе и постановка драмъ, наконецъ, великолѣпный стиль хоровъ,—все это уносило зрителя за предѣлы обыкновенной природы и для того, чтобы не утрачивалась передъ зрителемъ и послѣдняя почва дѣйствительности, надлежало выдерживать діалогъ со всевозможною простотою; но у Шекспира это былъ мастерской пріемъ творческаго инстинкта, когда онъ возвышалъ свой слогъ и своимъ болѣе изысканнымъ языкомъ ежеминутно напоминалъ зрителю, что его пьеса отражаетъ въ себѣ дѣйствительность

---

[4]) Шекспиръ, Т. IV, стр. 312.

но не есть сама дѣйствительность. По нашему мнѣнію, ошибочно было бы думать, что поэтъ съ опредѣленною цѣлью расточалъ метафоры въ такомъ обиліи, они у него выливаются невольно; метафора—обыкновенная форма мысли геніальныхъ поэтовъ; онъ невольно превращаетъ всякую сухую идею въ конкретный, поэтическій образъ. Слѣдовательно, гораздо лучше объяснять это свойство языка поэта его личными свойствами, нежели цѣлями драмы.

II.

Развитіе дѣйствія.

Если драма должна изображать природу, дѣйствительность, то самое дѣйствіе должно въ ней развиваться естественно. Съ этой стороны произведенія Шекспира безукоризненны: въ нихъ нѣтъ мѣста натяжкамъ, мишурному блеску, ложнымъ театральнымъ эффектамъ; напротивъ, въ каждомъ произведеніи Шекспира дѣйствіе развивается такъ живо, просто и осязательно, что невольно вѣрится въ его возможность. Могучій геній Шекспира умѣетъ самыя странныя приключенія дѣлать не только вѣроятными, правдоподобными, но даже совершенно необходимыми событіями: при данныхъ обстоятельствахъ съ необыкновеннымъ искусствомъ онъ подбираетъ такіе характеры, которымъ стоитъ только сойтись, чтобы данное событіе сдѣлать неизбѣжнымъ.

Возьмемъ для примѣра „Отелло" и посмотримъ, какъ поэтъ искуснымъ подборомъ характеровъ дѣлаетъ происшествіе необходимымъ слѣдствіемъ внутреннихъ свойствъ дѣйствующаго лица.

Въ этой трагедіи поэтъ изображаетъ ревность въ ея развитіи до той степени, когда человѣкъ становится способнымъ уничтожить предметъ своей страстной любви. Отелло, главный герой пьесы, соединяетъ въ себѣ всѣ свойства, которыя дѣлаютъ такой исходъ совершенно необходимымъ при данныхъ условіяхъ. Кипучая мавританская кровь, живая фантазія и пылкая чувственность составляютъ прирожденныя свойства его темперамента; военное ремесло и превратности

судьбы закалили его волю; чувство чести развито въ немъ до высшей степени.

Разсказывая о своихъ воинскихъ подвигахъ онъ плѣняетъ молодую дѣвушку и та отдается ему вопреки воли родителей, не обращая вниманія на его безобразіи и уже преклонныя лѣта. Будучи самъ человѣкомъ простымъ, безхитростнымъ и честнымъ, онъ и въ окружающихъ его людяхъ видѣлъ тѣже черты: такого продувнаго плута и негодяя, какъ Яго, онъ считаетъ отмѣнно честнымъ человѣкомъ и своимъ доброжелателемъ. Между тѣмъ послѣдній, искусно пользуясь достоинствами и недостатками Отелло, опутываетъ его хитросплетенною сѣтью. Отелло выше всего ставитъ свою незапятнанную честь; Яго задѣваетъ его за самую больную струну, доказывая, что честь Отелло замарана его женою. Безобразная наружность мавра дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе о невѣрности жены, а пылкая фантазія уже рисуетъ ему картину ея разврата. Яго стоило только доставить нѣсколько мнимыхъ уликъ противъ Дездемоны и Отелло уже былъ убѣждень, что его честь и вмѣстѣ счастіе пропали навсегда. Дездемона—ангелъ доброты и невинности; этотъ избытокъ невинности дѣлаетъ её совершенно небрежною въ мелочахъ и въ значительной степени помогаетъ Яго въ его козняхъ; она не только не въ силахъ оправдываться, но сначала даже не можетъ понять, въ чемъ её обвиняютъ. И вотъ честный и правдивый мавръ собственными руками умерщвляетъ нѣжно любимую жену, которая составляла счастье его жизни. Послѣ смерти Дездемоны Отелло убѣждается въ ея невинности; счастье для него навсегда утрачено и ему ничего не остается, какъ наложить на себя руки. Дѣйствительно, онъ самъ совершилъ надъ собою эту очистительную казнь съ тою же самоувѣренностію и твердостію, съ какою раньше убилъ свою жену. Такимъ образомъ мы видимъ, что дѣйствіе необходимо вытекаетъ изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ.—Не только общій ходъ и развязка дѣйствія, но отдѣльныя сцены у Шекспира дышатъ неподдѣльною психологическою правдою.

При этомъ поэтъ не стѣсняется кажущеюся неправдоподобностію той или другой сцены, если только она согла-

сна съ психологическою правдою. Ричардъ III [5]) сватается за принцессу Анну и, несмотря на то, что онъ раньше убилъ ея отца и нѣжно любимаго мужа, ему все таки удается достигнуть своей цѣли. Самъ Ричардъ удивляется своему успѣху, принимая во вниманіе свое безобразіе и свои преступленія.

„Какъ! я, зарѣзавшій ея отца,
Какъ! я, зарѣзавшій ея супруга,
Пришелъ къ ней въ часъ неслыханнаго гнѣва—
Къ ней, полной слезъ и яростныхъ проклятій,
Рыдающей надъ жертвою моей,
Пришелъ, имѣя все противъ себя—
И прошлое и Бога Самого—
Безъ всякаго заступника въ мольбахъ,
Съ однимъ притворствомъ дьявольскимъ—и чтоже?
Она моя, наперекоръ всему!"

Эта сцена съ перваго взгляда можетъ показаться читателю неправдоподобною: принцесса чувствуетъ ненависть къ Ричарду и выходитъ за него замужъ; она проклинаетъ ту женщину, которая захочетъ сдѣлаться его женою, и сама подпадаетъ подъ свое проклятіе. Но взвѣсивъ всѣ обстоятельства, мы увидимъ, что эта сцена вполнѣ естественна. Ричарда отчасти могла извинить неизбѣжность зла, сопряженная съ войной. При помощи необыкновеннаго своего искусства притворяться онъ убѣдилъ лэди Анну въ своей страстной любви и этою любовью мотивировалъ убійство ея мужа. При этомъ онъ умѣлъ ловко польстить ей, расхваливая ея красоту. Нужно при этомъ помнить, что непривычная кротость жестокаго человѣка дѣйствуетъ на женщину гораздо сильнѣе, нежели незлобіе человѣка слабаго. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что женщинѣ можетъ нравиться уже самая мысль поддержать и спасти кающагося грѣшника. Не мало есть историческихъ примѣровъ, гдѣ

5) «Ричардъ III», актъ I, сц. II.

женщины, руководясь подобными гуманными соображеніями, выходили замужъ за людей, которыхъ онѣ считали чуть не дикарями. Сообразивъ все это, мы видимъ, что эта сцена вполнѣ естественна.

Уже было замѣчено, что у Шекспира дѣйствіе въ цѣляхъ вытекаетъ изъ характеровъ и ими объясняется; слѣдовательно, драма у него имѣетъ психологическую основу. Этимъ Шекспировская драма отличается отъ древней классической, въ которой преобладающее значеніе и внѣшнія вліянія имѣли на судьбу. Шекспировскій способъ развитія дѣйствія вполнѣ естественъ, потому что и въ дѣйствительной жизни человѣкъ большею частію является творцемъ своей участи, хотя нерѣдко склоненъ бываетъ обвинять во всемъ обстоятельства. Эдмундъ въ „Королѣ Лирѣ“ говоритъ: „выводя дѣйствіе изъ характеровъ, Шекспиръ все таки признаетъ и вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на судьбу человѣка. Въ его драмахъ, какъ и въ самой жизни, внѣшнія обстоятельства и характеры постоянно дѣйствуютъ взаимно и перекрещиваются другъ-съ-другомъ. Гибель Ромео и Джульетты обусловливается столько же неумѣренною ихъ пылкостью и страстнымъ увлеченіемъ, сколько враждою двухъ различныхъ фамилій, къ которымъ они принадлежатъ: не будь этой семейной вражды не было-бъ и драматическаго положенія: Ромео преспокойно женился бы на Джульеттѣ и влюбленные могли бы жить въ свое удовольствіе.

И такъ дѣйствіе у Шекспира развивается естественно и необходимо. При этомъ Шекспиръ передаетъ только такія дѣйствія и сцены, которыя служатъ къ выясненію характеровъ и основной идеи пьесы. Въ его пьесахъ нѣтъ ничего лишняго. Всѣ части такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ члены одного организма. „Это цѣлый стволъ съ вѣтвями и вѣточками, листьями, почками, цвѣтами и плодами. Тутъ все тѣсно и неразрывно связано“ сказалъ Гете о „Гамлетѣ“. То же самое, можно сказать и о всякой другой изъ зрѣлыхъ пьесъ Шекспира: каждая сцена у Шекспира составляетъ необходимое звено въ общемъ ходѣ дѣйствія; здѣсь ничего нельзя ни выпустить, ни прибавить безъ ущерба для цѣлаго. Поэтому всѣ попытки исправлять про-

изведенія Шекспира посредствомъ выпущенія той или другой сцены постоянно оставались безуспѣшными. Шиллеръ переработавшій Шекспирова „Макбета", для нѣмецкой сцены, счелъ возможнымъ выпустить въ этой трагедіи сцену умерщвленія семейства Макдуфа (актъ IV сц. III). Но примѣръ жестокости Макбета долженъ быть введенъ на сцену, чтобы, зритель собственными глазами видѣлъ поводъ, поселившій въ душѣ Макдуфа чувство непримиримой мести. Даже такіе знатоки Шекспира, какъ Кольриджъ и Кольеръ, признавали за лишнюю вставку монологъ привратника въ той-же трагедіи (актъ II сц. III) [8]. Но это едвали справедливо. Нельзя сказать, чтобы эта сцена не имѣла никакого отношенія къ главному дѣйствію: она только усиливаетъ общее впечатлѣніе. Полупьяный превратникъ съ своеобразнымъ юморомъ уподобляетъ дворецъ Макбета жилищу ада и такимъ образомъ даетъ намекъ на совершающееся въ немъ злодѣйство. Къ тому же эта сценка вполнѣ естественна. Говоря о діалогѣ Шекспира мы замѣтили, что у него герои иногда передъ самыми торжественными моментами говорятъ о мелочахъ, и сказали, что въ этомъ Шекспиръ вѣренъ дѣйствительности. Здѣсь мы тоже должны сказать о дѣйствіи. Въ дѣйствительной жизни среди самыхъ важныхъ, серьезныхъ событій совершается много неважнаго, много такого, что почти не имѣетъ отношенія къ главному событію. Хоронятъ, положимъ, какого нибудь важнаго человѣка; моментъ серьезный и торжественный, но тутъ же нерѣдко приплетается какая-нибудь не важная комическая сцена, возбуждающая смѣхъ и остроты. Тоже дѣлаетъ и Шекспиръ; рядомъ съ серьезнымъ и важнымъ у него нерѣдко стоитъ неважное, комическое. Хоронятъ Джульетту, а музыканты, приглашенные наканунѣ на свадьбу, перекидываются шутками и остротами съ прислугой. Эта и подобныя ей сцены вполнѣ естественны и придаютъ дѣйствію полноту и жизненность.

Въ „Гамлетѣ" нѣкоторые считали за лишнюю вставку

---

[8]) Нѣкоторые даже думали, что это позднѣйшая вставка какого нибудь актера.

появленіе Фортинбраса и утверждали, что онъ является въ концѣ пьесы только для того, чтобы закончить все торжественною процессіей. Но съ этимъ трудно согласиться. Фортинбрасъ служитъ представителемъ лучшаго будущаго; своимъ появленіемъ среди груды труповъ онъ вноситъ въ смутившуюся душу зрителя свѣтлый лучъ надежды на лучшее будущее и такимъ образомъ примиряетъ его съ жизнію. Точно также имѣетъ глубокій смыслъ и сцена съ могильщиками: она характеризуетъ самого Гамлета, знакомитъ насъ съ его меланхолически-мрачнымъ настроеніемъ и даетъ нѣкоторые намеки относительно его дѣтства. Остроумныя же рѣчи могильщиковъ знакомятъ насъ съ духомъ того вѣка, который по выраженію Гамлета „помѣшанъ на остротахъ".

Изъ всего сказаннаго вовсе не слѣдуетъ заключать, что никакая мелочь не можетъ быть опущена или измѣнена въ произведеніяхъ Шекспира: даже въ самыхъ зрѣлыхъ произведеніяхъ его можно безъ вреда для цѣлаго устранить кое какія мелочи, подобно тому какъ и отъ растительнаго организма (напримѣръ, отъ роскошнаго дуба) можно отрѣзать какой-нибудь наростъ. Но устранить болѣе крупныя части въ нихъ невозможно безъ ущерба для цѣлаго.—Вплетая въ дѣйствіе второстепенныя сцены, Шекспиръ все-таки въ цѣломъ обнаруживаетъ сценическую экономію. Изъ длинной цѣпи событій онъ выбираетъ самые драматическіе моменты и сплетаетъ ихъ между собою, такъ-что одинъ моментъ опредѣленно и точно вытекаетъ изъ другаго; вслѣдствіе чего почти во всѣхъ крупныхъ трагедіяхъ Шекспира дѣйствіе развивается съ чрезвычайною быстротой—стоитъ вспомнить „Макбета", „Ромео и Джульетту" и „Лира" [9]. Эта быстрота въ ходѣ дѣйствія особенно замѣтна въ „Макбетѣ". Здѣсь дѣйствіе подвигается впередъ гигантскими шагами, такъ-что мы почти не замѣчаемъ продолжительности времени въ 17 лѣтъ, которыя обнимаетъ драма.—Слѣдуя обыкновенію древне-англійской драмы, Шекспиръ въ своихъ драмахъ разомъ вводитъ насъ въ самый центръ дѣйствія, и дѣлаетъ

9] Медлинный ходъ дѣйствія въ «Гамлетѣ» объясняется характеромъ главнаго героя.

это съ самаго же начала пьесы, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ различнымъ оговоркамъ и дополненіямъ, знакомящимъ насъ съ тѣмъ, что уже случилось. Такъ развиваетъ онъ драматическое столкновеніе отъ самаго его зарожденія въ „Отелло“, „Ромео и Джульеттѣ“, „Макбетѣ“, „Лирѣ“, „Цимбелинѣ“,—„Коріоланѣ“ и др. Но въ „Бурѣ“ онъ отступилъ отъ этого обыкновенія. Точно также онъ уклонился отъ этой методы и въ „Гамлетѣ“. Предположивъ, что смерть короля отца уже совершилась до начала трагедіи, онъ пріобрѣлъ тѣмъ болѣе простора для изображенія характера главнаго героя. Но въ „Отелло“ поэтъ съумѣлъ полнѣе изобразить постепенный ходъ страсти Отелло и въ то же время далъ зрителю возможность видѣть на сценѣ все дѣйствіе отъ начала до конца.

Мы сказали, что въ „Макбетѣ“ дѣйствіе обнимаетъ періодъ времени въ нѣсколько лѣтъ. Тоже замѣчается и въ другихъ пьесахъ Шекспира. Слѣдовательно, Шекспиръ не соблюдалъ закона единства времени, котораго строго держались драматурги ложно-классической школы; въ силу этого закона дѣйствіе у нихъ обнимало періодъ времени не болѣе сутокъ.

Не стѣсняя себя узкими границами времени, Шекспиръ съ тою же свободою поступалъ и въ выборѣ мѣста дѣйствія: онъ не ограничиваетъ сцену дѣйствія какою нибудь одною мѣстностью, напротивъ, у него въ различныхъ сценахъ одной и той же пьесы дѣйствіе происходитъ въ различныхъ мѣстностяхъ, иногда весьма удаленныхъ другъ-отъ-друга. Такъ въ „Генрихѣ V-мъ“ сначала, дѣйствіе происходитъ въ Англіи, потомъ, во Франціи; въ „Юліѣ Цезарѣ“ дѣйствіе происходитъ сперва въ Римѣ, а потомъ—въ Сардахъ и близь Филиппи. Въ „Отелло“ первое дѣйствіе происходитъ въ Венеціи, остальныя—на Кларѣ. Въ трагедіи „Антоній и Клеопатра“ дѣйствіе сначала происходитъ въ Александріи, потомъ, въ 4-й сценѣ 1-го акта въ Римѣ, въ 5-й сценѣ снова въ Александріи, въ 1-й сценѣ II-го дѣйствія въ Мессинѣ, затѣмъ опять въ Римѣ. Между тѣмъ, по требованію ложно-классической теоріи, дѣйствіе должно совершаться въ одной мѣстности. Значитъ, и другой законъ лож

но-классической трагедіи—законъ единства мѣста—несоблюдается въ пьесахъ Шекспира.

Точно также у него не вездѣ соблюдается и законъ единства дѣйствія въ томъ смыслѣ, какъ его понимали представители ложно-классицизма. Они требовали, чтобы въ цѣлой пьесѣ развивалось одно какое-нибудь главное событіе, которому бы подчинялись всѣ второстепенныя дѣйствія.

Но въ нѣкоторыхъ пьесахъ Шекспира два совершенно независимые другъ-отъ друга дѣйствія идутъ параллельно. Такъ въ „Королѣ Лирѣ" несчастія семейства Лира составляютъ одно дѣйствіе, а исторія Глостера—другое, совершенно независимое отъ перваго. Въ „Зимней сказкѣ" тоже собственно два дѣйствія: исторія Леонта и Герміоны составляютъ одно дѣйствіе, а исторія дочери ихъ Пердиты и Флорицеля—другое. Въ „Венеціанскомъ купцѣ" одно дѣйствіе—процессъ Шейлока и Антоніо, другое—исторія Порціи и Бассаніо. Въ „Цимбелинѣ" одно дѣйствіе представляетъ исторія Имоджены и Постума (закладъ Постума относительно вѣрности его жены и послѣдствія его); другое дѣйствіе—исторія Белларія и двухъ похищенныхъ имъ царевичей. Итакъ Шекспиръ несоблюдалъ ни одного изъ трехъ единствъ, которыя составляли необходимую принадлежность ложно классической трагедіи. Это обстоятельство между прочимъ подавало поводъ представителямъ ложно-классицизма обличать Шекспира въ полнѣйшемъ безвкусіи и отрицать художественную правильность въ его произведеніяхъ.

Свое ученіе о трехъ единствахъ представителя ложно-классицизма основывали на Аристотелѣ.

Но замѣчательно, что о законѣ единства мѣста Аристотель нигдѣ не говоритъ, а законъ единства времени упоминается въ его піитикѣ только какъ обыкновеніе. Единство дѣйствія Аристотель дѣйствительно считалъ необходимымъ условіемъ драмы. Иначе онъ и не могъ поступать: его теорія основана на произведеніяхъ образцовыхъ греческихъ трагиковъ (Эсхила, Софокла и Еврипида). Эти трагики вездѣ соблюдали законъ единства дѣйствія; единство же времени и мѣста они соблюдали большею частію, но не всегда. Такъ въ Софокловомъ „Аяксѣ" и „Евменидахъ" Эсхи-

ла мѣсто измѣняется, а въ нѣкоторыхъ пьесахъ у него дѣйствіе продолжается долѣе сутокъ.

Употребительность 3-хъ единствъ въ древне-греческой трагедіи объясняется тѣмъ, что она изображала не полный ходъ дѣйствія отъ начала до конца, а только катастрофы; поэтому она могла мириться съ узкими рамками единства времени и мѣста. Напротивъ, новѣйшая драма постановила себѣ цѣлью изображать полный ходъ дѣйствія отъ начала до конца и потому не могла ограничивать дѣйствія однимъ извѣстнымъ мѣстомъ и краткимъ временемъ, не впадая въ неестественность. Что было бы съ Шекспировымъ „Гамлетомъ“, „Макбетомъ“, „Отелло“, еслибы онъ вздумалъ втиснуть ихъ въ узкія рамки трехъ единствъ! Многія прекрасныя, характеристическія сцены перешли бы въ слабый разсказъ и пьеса утратила бы значительную часть драматизма; между тѣмъ характеры и самое дѣйствіе оставалось бы невыясненными даже впали бы въ неестественность.

Шекспиръ долженъ былъ или отказаться отъ изображенія полнаго хода дѣйствія, постепеннаго развитія страстей, или сообразно съ содержаніемъ расширить предѣлы времени и мѣста. Шекспиръ выбралъ послѣднее и этимъ нисколько не унизилъ художественнаго значенія своихъ произведеній. Силою своего генія онъ съумѣлъ въ тѣсныхъ рамкахъ драматическаго дѣйствія представить событія, требующія для своего совершенія цѣлые годы, не нарушивъ при этомъ поэтической иллюзіи и не уничтоживъ удобообозримости дѣйствія. Онъ понималъ, что, какъ бы ни была представлена пьеса, все-таки она не можетъ быть совершеннымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности и что магическая сила поэзіи должна въ этомъ случаѣ опираться на живое воображеніе зрителей.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы, смотря и слушая „Прекрасную Елену“, переносимся въ тѣ отдаленныя доисторическія времена,—почему же мы не можетъ также свободно переноситься мыслію изъ одного мѣста въ другое, какъ бы ни были они отдалены другъ отъ друга? Кто хочетъ въ теченіе 3-хъ, 4-хъ часовъ драматическаго представленія видѣть только то, что на самомъ дѣлѣ совершилось или можетъ совершиться въ этотъ промежутокъ времени тотъ и отъ

живописца долженъ требовать натуральной величины фигуръ на картинѣ.

Изъ того, что Шекспиръ не признавалъ пресловутыхъ трехъ единствъ, вовсе не слѣдуетъ, что въ произведеніяхъ его нѣтъ никакого единства Напротивъ, у него есть и единство времени, и единство мѣста, и единство дѣйствія; только онъ понималъ законъ единства не такъ, какъ понимали ложно-классики, а гораздо шире; онъ, такъ сказать, одухотворялъ его, превращая изъ чисто механическаго закона въ законъ идеальный. Идеальный законъ единства мѣста состоитъ въ томъ, чтобы представлять вмѣстѣ только такіе характеры и дѣйствія, которые въ дѣйствительности могли существовать одновременно, въ одну эпоху.

Идеальный законъ единства времени состоитъ въ томъ, чтобы въ развитіи дѣйствія не было скачковъ, чтобы время въ глубинѣ дѣйствія расширялось по требованію обстоятельствъ. Поэтъ долженъ намъ показывать всѣ главнѣйшіе моменты въ ходѣ дѣйствія отъ перваго движенія страсти до ея высшаго развитія и обнаруженія въ дѣлѣ; все, что въ обыкновенной жизни перепутано и разбросано, въ идеальномъ изображеніи поэта должно являться связнымъ и стройнымъ. Здѣсь Шекспиръ опять оказывается великимъ мастеромъ. Онъ заставляетъ зрителя переживать вмѣстѣ со своимъ Отелло, Макбектомъ, Гамлетомъ всѣ душевныя движенія.

Величіе Шекспирова генія обнаруживается между прочимъ и въ томъ, что въ каждой пьесѣ онъ даетъ всестороннее и полное развитіе основной идеи и посредствомъ искусной комбинаціи характеровъ и событій выводитъ всё изъ единаго основанія. Въ „Ромео и Джульеттѣ“ поэтъ, очевидно, имѣлъ цѣлью представить любовь въ той высшей степени напряженія, когда она можетъ служить къ погибели человѣка. Идея пьесы состоитъ въ томъ, что страсть, доведенная до высшаго развитія, губитъ человѣка, какъ-бы ни была она благородна. Но чтобы изобразить любовь трагически, необходимо постановить ее въ борьбу съ сильными препятствіями; въ этой трагедіи главнымъ препятствіемъ для любви Ромео и Джульетты служитъ элементъ противоположенной любви—ненависть между двумя фамиліями. Любовь

дѣтей побѣждаетъ семейную вражду между ихъ родителями и влюбленные вступаютъ въ тайный бракъ. Но семейная вражда не прекращается. Она обнаруживается въ стычкѣ Тибальта съ Ромео и ведетъ къ разлукѣ влюбленныхъ, къ притворной смерти Джульетты для избѣжанія брака съ Парисомъ и, наконецъ, къ дѣйствительной смерти обоихъ влюбленныхъ. Истинная любовь—чувство сложное: чувственный элементъ въ ней смѣшивается съ духовнымъ. Представителями этой истинной любви являются Ромео и Джульетта. Въ контрастъ съ ними въ драмѣ выведены представители односторонних проявленій любви.

Уже въ средневѣковыхъ мистеріяхъ въ представленіи изъ Новаго Завѣта вставлялись соотвѣтственныя сцены изъ Ветхаго Завѣта. Затѣмъ Гринъ вводилъ иногда въ свои пьесы по два параллельныя дѣйствія (именно въ „Бэконѣ".) Шекспиръ перенялъ у своихъ предшественниковъ этотъ обычай—сплетать въ одной пьесѣ нѣсколько дѣйствій, идущихъ параллельно. Но геніальный поэтъ понималъ, что вслѣдствіе этого единство художественнаго произведенія уничтожится, если различныя дѣйствія не будутъ приведены къ внутреннему единству; поэтому онъ дѣлалъ одну и туже идею душею двухъ различныхъ дѣйствій, соединяя и сплетая ихъ между собою. Уже Августъ Вильгельмъ Шлегель не соглашался съ тѣмъ, будто бы въ „Лирѣ" дѣйствіе разстраивается введеніемъ исторіи Глостера. Онъ указываетъ, съ какимъ глубокимъ смысломъ обѣ главныя части дѣйствія сплетаются между собою и служатъ къ полному выраженію одной общей идеи „съ нарушеніемъ семейныхъ связей рушится всякій общественный порядокъ". Это сопоставленіе двухъ дѣйствій придаетъ пьесѣ даже особое достоинство: оба случая въ сущности сходны, такъ какъ представляютъ искаженіе.

И такъ мы видимъ, что Шекспиръ соблюдалъ законъ единства дѣйствія, но понималъ, его шире, чѣмъ Аристотель, и представители ложно-классицизма.

Не разъ было высказываемо мнѣніе, что Шекспиръ натуральный геній, въ произведеніяхъ котораго напрасно мы стали бы отыскивать правильности. Но внимательное изслѣдованіе доказываетъ совершенно обратное: въ развитіи дѣй-

ствія у Шекспира постоянно замѣчается опредѣленный планъ, вполнѣ правильное расположеніе частей. Въ трагедіяхъ Шекспира можно различить двѣ части: въ 1-й части излагается завязка въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. всё, что происходитъ въ пьесѣ до перемѣны счастія; изображаемая въ пьесѣ страсть зарождаестя и постепенно возрастаетъ, обстоятельства усложняются и запутываются; въ серединѣ драмы драматическій паѳосъ достигаетъ высшей степени; 2-я половина драмы посвящается развязкѣ; дѣло приближается къ катастрофѣ. Такимъ образомъ у Шекспира полный ходъ дѣйствія—запутываніе и распутываніе представляется въ видѣ правильнаго свода: какъ въ послѣднемъ срединная точка есть въ тоже время высшая, такъ и въ пьесахъ Шекспира высшей степени паѳосъ достигаетъ въ срединной точкѣ пьесы. Такъ въ „Макбетѣ“ поворотною точкою Макбетова счастья служитъ убіеніе Банко, послѣ чего Макбетъ теряетъ свою самоувѣренность (актъ III, сц. III); мученія совѣсти, достигаютъ высшей степени, натура его расшатывается, онъ громоздитъ преступленіе на преступленіи и быстро приближается къ своей погбели. Въ „Отелло“ счастіе героя достигаетъ своей высшей степени въ серединѣ III-го акта, когда Отелло произноситъ извѣстныя слова:

„Чудесное созданіе! да погибнетъ
Моя душа, когда любовь моя
Не вся въ тебѣ! И быть опять хаосу,
Когда любить тебя я перестану!“

Послѣ этого Яго бросаетъ въ душу Отелло зерно подозрѣнія, которое съ этихъ поръ постепенно возрастаетъ и, достигнувъ, наконецъ, чудовищныхъ размѣровъ, приводитъ героя къ трагической развязкѣ. Въ „Гамлетѣ“ поворотною точкою счастія служитъ убіеніе Полонія; сдѣлавъ этотъ ложный шагъ, Гамлетъ окончательно теряетъ самоувѣренность и впадаетъ въ какой-то фатализмъ. Король послѣ этого прямо и рѣшительно стремится къ погибели Гамлета. Все это въ концѣ концовъ приводитъ къ роковому поединку и къ смерти всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Н. Тихомировъ.

(Окончаніе будетъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. Н. МИРОНОВЪ. ИЗЪ «МЕТОДИКИ РОДНОГО СЛОВА *).

Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку. (Теорія, примѣры, образцы пробныхъ уроковъ). Рига. Ц. 75 коп.

По видимому, недалеко то время, когда и на урокѣ русскаго языка заговорятъ русскимъ живымъ словомъ; все чаще и чаще раздаются голоса, требующіе живого слова въ школѣ. Книга, заглавіе которой мы выписали, еще разъ свидѣтельствуетъ о необходимости движенія въ сторону живого слова, свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, своимъ заглавіемъ: „Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку". Жаль только, что авторъ книги, при благомъ намѣреніи, при несомнѣнномъ знакомствѣ съ предметомъ, не можетъ отрѣшиться отъ рутиннаго дробленія предмета на различныя «дисциплины"; это обстоятельство, да отчасти недостатокъ строгаго отношенія къ напечатанному, много вредитъ книгѣ: обѣщавшись говорить о сознательномъ чтеніи, какъ главномъ предметѣ, г. Мироновъ въ отдѣлѣ—„Взаимное отношеніе практическаго курса къ теоритическому"—отводитъ сознательному чтенію очень мало мѣста (стр. 57), не болѣе того, сколько отводилось ему прежде. Очевидно, у г. Миронова здравая

---

*) Перебирая книги, присылаемыя намъ въ Редакцію, мы натолкнулись на эту книгу, повидимому, забытую нами. Несмотря на нѣкоторые недостатски, книга эта заслуживаетъ того, чтобы остановить на ней вниманіе: она чужда шаблонности, касается важнаго вопроса,—вопроса о чтеніи, а потому считаемъ нужнымъ побесѣдовать о ея значеніи такъ близко касающагося однороднаго поднятаго въ «Фил. Зап.» вопроса еще прежде.

Ред.

идея не успѣла еще вырисоваться въ деталяхъ: эта идея осталась на заглавномъ листѣ.

Вся книга (85 страницъ)) распадается на двѣ части: первая трактуетъ о выборѣ и чтеніи книгъ и пріемахъ веденія чтенія, вторая—объ отношеніи другихъ занятій по русскому языку къ чтенію.

Сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія относительно первой части. Послѣ указанія видовъ сознательнаго чтенія авторъ говоритъ о методахъ объясненія статей „индуктивномъ (аналитическомъ) и дедуктивномъ (синтетическомъ)“. Въ самомъ названіи—смѣшеніе индукціи съ анализомъ и дедукціи съ синтезомъ; вообще—подобныя названія только затемняютъ дѣло, хотя носятъ видъ научности: если я знакомъ только съ процессами, обозначаемыми данными терминами, то не могу догадаться, какіе методы объясненія обозначены ими. Оказывается—при индуктивномъ или аналитическомъ методѣ, по г. Миронову, разбираются сначала части, а потомъ дается идея статьи, т. е. дѣлается переходъ отъ частностей къ общему; если смотрѣть на дѣло поверхностно, то это—индукція; на самомъ же дѣлѣ здѣсь не дѣлается наведенія отъ частнаго къ общему, а только частности слагаются, сводятся вмѣстѣ—дѣлается синтезъ; послѣдній актъ, послѣ сложенія, обобщеніе, которое можно назвать индукціей: собственныя имена замѣняются названіями общихъ понятій—видовъ и родовъ. Въ виду сказаннаго первый методъ можно бы назвать „индуктивно-синтетическимъ“, второй же, какъ обратный, можно бы назвать „дедуктивно-аналитическимъ“. Но оба названія сложны безъ особой нужды; нѣтъ нужды и въ иностранныхъ словахъ, когда можно назвать по-русски: „слагающій методъ“ и „разлагающій“.

По мнѣнію г. Миронова, въ низшихъ классахъ господствуетъ „эвристическая форма“ преподаванія, въ высшихъ—„академическая“. Трудно согласиться съ этимъ: ученики высшихъ классовъ имѣютъ запасъ знаній, достаточно развиты, у нихъ есть навыкъ дѣлать выводы, слѣдовательно—въ высшихъ классахъ всецѣло и примѣнима эвристическая форма; въ низшихъ классахъ несравненно чаще приходится

дѣлать отступленіе отъ эвристической формы, вызываемое необходимостію сообщать свѣдѣнія, на основаніи которыхъ ученики могли-бы дѣлать дальнѣйшіе выводы изъ прочитаннаго. Но вообще—должно держаться требованія: и въ низшихъ и въ высшихъ классахъ форма должна употребляться эвристическая и выдерживаться возможно строже.

Г. Мироновъ даетъ два плана чтенія; одинъ изъ нихъ—сокращеніе другого. Каждый изъ этихъ плановъ пріуроиивается къ методу объясненія статей; при методѣ „аналитическомъ" (терминъ г. Миронова) почему-то необходимъ планъ—именно—такой: 1) предварительная бесѣда, 2) чтеніе статьи въ цѣломъ, 3) чтеніе по частямъ, 4) общая катехизація, 5) упражненіе въ выразительномъ чтеніи. При методѣ синтетическомъ 1 и 5-й пункты отброшены, и 4-й п. поставленъ прежде 3-го. Трудно проникнуть въ мотивы такого различія: въ „методахъ объясненія статей" нѣтъ элементовъ, вызывающихъ различіе плановъ, или, по крайней мѣрѣ, эти элементы не ясны.

Всѣ пункты плана выясняются цѣлесообразно; но, по нашему мнѣнію, „стилистическій разборъ" отнесенъ слишкомъ далеко, именно—въ III классъ. На практикѣ этотъ разборъ производится даже въ приготовительномъ классѣ, но безъ терминовъ. Я не нахожу никакого основанія бояться терминовъ: метафора, эпитетъ и т. п.; вѣдь еще въ приготовительномъ классѣ даются термины малопонятные, или вѣрнѣе—вовсе непонятные: подлежащее, сказуемое, опредѣленіе, глаголъ и т. п.; мало того: заучиваются опредѣленія подлежащаго, сказуемаго и проч. Отчего же мы боимся терминовъ только стилистическихъ и логическихъ? Кажется, единственная причина—требованія учебныхъ плановъ: пусть будетъ внесено въ Учеб. планы требованіе стилистическаго и логическаго разбора—и мы увидимъ, что ученики I-го класса будутъ дѣлать эти разборы лучше грамматическаго, потому что стилистическіе и логическіе разборы легче. Возьмемъ примѣръ: Подлежащее сужденія есть предметъ, о которомъ мы думаемъ; какъ назвать этотъ предметъ—до этого нѣтъ дѣла. При отыскиваніи грамматическаго подлежащаго мы должны считаться со многими его

формами: подлежащее — существительное, прилагательное, числительное, мѣстоименіе, глаголъ, нарѣчіе, предлогъ, союзъ. междометіе, подлежащее—въ видѣ придаточнаго предложенія, въ видѣ—главнаго („Вотъ идетъ „расплети косу, потеряй красу“); есть случаи отсутствія подлежаго (безличн. пр.), бываетъ разногласіе у преподавателей и при отъискиваніи подлежащаго. Какъ объяснить безъ логики, что такое „отвлеченные или умственные предметы“? Терминъ „отвлеченные“ указываетъ на логическій процессъ „отвлеченіе“, что объяснить очень легко; но несравненно труднѣе выяснить, что такое „отвлеченный предметъ“.

У г. Миронова даны „образцы уроковъ по сознательному чтенію“, при составленіи которыхъ приняты во вниманіе разборы, извѣстные въ педагогической литературѣ. Въ первомъ примѣрѣ для разбора маленькаго, совершенно яснаго по построенію стихотворенія—„Что ты спишь, мужичокъ?“ дано до тридцати вопросовъ; не много-ли будетъ? вѣдь эти вопросы даны только для выясненія выраженій и отношенія частей, выясненія самаго элементарнаго. Если не предполагать, что классъ поголовно состоитъ изъ идіотовъ, то число вопросовъ можно бы сократить на половину. Было время, когда учитель (въ „бурсѣ“) приходилъ въ классъ посмотрѣть „нотату“, вызвать „къ печкѣ“ „двоешниковъ“ и отмѣтить ногтемъ заданный урокъ; тогда отецъ привезетъ сына въ бурсу, впуститъ во дворъ и захлопнетъ калитку: отъискивай себѣ науку! Это—крайность; а теперь—другая: теперь мы, педагоги, считаемъ все непонятнымъ; встрѣчается у Кольцова: „на гумнѣ—ни снопа“—нужно поставить вопросъ: „что у лѣниваго крестьянина на гумнѣ?“ (У г. Миронова на стр. 30 нѣсколько такихъ вопросовъ). Если я начну съ буквы „б“—бѣда! ученикъ не знаетъ „а“—какъ можно говорить ему о „б“? Пусть учащіеся прежде посмотрятъ это „а“ въ книгѣ; пусть пятеро одинъ за другимъ скажутъ: „это *а*“; пусть всѣ повторятъ хоромъ: „это *а*“. Я напишу на доскѣ *а*, а Ивановъ, Петровъ и проч. повторятъ: „учитель написалъ *а*“ и т. д. Мы не довольствуемся тѣмъ, что ученики легко усвоиваютъ 1+1=2, 2+1=3 и проч.; по методѣ Грубе на каждый случай нужно создать задачи: считать

пальцы, кубики, столы, и все, что попадется на глаза. Вслѣдствіе такихъ усовершенствованныхъ методовъ при преподаваніи всѣхъ предметовъ мы непроизводительно теряемъ массу времени на педагогическіе фокусы. Сказанное здѣсь не относится прямо къ г. Миронову, а вообще къ направленію современной педагогики и къ постановкѣ дѣла. Въ низшихъ классахъ на урокахъ русскаго языка теряется много времени на усвоеніе жалкихъ грамматическихъ свѣдѣній, а въ высшихъ классахъ учитель словесности—хоть „караулъ кричи" отъ недостатка времени. За современную постановку русскаго языка въ низшихъ классахъ вступится всякій учитель: такъ легче; но этотъ же учитель въ старшихъ классахъ со спокойнымъ сердцемъ изложитъ исторію словесности въ „академической формѣ"—лучше этого и нельзя сдѣлать при теперешней постановкѣ русскаго языка.

Переходимъ ко второй части—объ отношеніи къ сознательному чтенію другихъ занятій по русскому языку. Появленіе книжки свидѣтельствуетъ о потребности рѣшить вопросъ; но г. Мироновъ не только не рѣшаетъ его, даже отодвигаетъ назадъ за ту грань, которую этотъ вопросъ на практикѣ перешелъ: теперь только лѣность, нежеланіе дѣлать постоянныя усилія ума побуждаетъ учителя дѣлить уроки русскаго языка между отдѣльными „дисциплинами". Сколько времени нужно употребить на чтеніе, сколько на грамматику, сколько на письмо—это зависитъ отъ выбора статей, отъ развитія учениковъ, отъ среды и проч.,—дѣло очень сложное, а потому невозможно размежевать время. Г. Мироновъ, между тѣмъ смѣло говоритъ объ отношеніи уроковъ чтенія къ ур. грамматики: въ первое полугодіе это отношеніе—2: 2; во второмъ полугодіи—5: 3 или 3: 1 (стр. 57—60). На чемъ основано такое рѣшеніе—не видно. Если мы отведемъ всецѣло два урока на грамматику, то будетъ два раза въ недѣлю происходить „превышающая всякое терпѣніе человѣческое эрудиція грамматическихъ формъ", какъ выражается самъ г. Мироновъ (на 57 стр.); будетъ происходить то, надъ чѣмъ смѣется авторъ и на слѣдующей 58 страницѣ: вопросы „щедро сыплются изъ устъ иного препода-

вателя: гдѣ здѣсь подлежащее? гдѣ сказуемое? такъ развѣ это дополненіе? Творительный падежъ отъ такого-то слова! Совершенный видъ отъ такого-то глагола и т. д. и т. д.“ Развѣ можно избѣгнуть одуряющей постановки подобныхъ вопросовъ, занимаясь по цѣлымъ часамъ грамматикой? „Чему посмѣешься—тому и поработаешь“, говоритъ пословица.

На стр. 58 и 59 г. Мироновъ старается разграничить, что изъ грамматики можно присоединить къ сознательному чтенію (бѣдное сознательное чтеніе, какъ главный предметъ! отъ него еще отнимается время на сообщеніе грамматическихъ свѣдѣній) и что должно стоять отдѣльно. Отдѣльно должно стоять управленіе и согласованіе словъ; почему же? развѣ нельзя въ читаемомъ найти достаточно матеріала для выясненія этихъ отдѣловъ? развѣ не уясняется читаемое, когда мы по вопросамъ покажемъ отношеніе словъ—(самъ г. Мироновъ относитъ это къ логическому разбору). По нашему мнѣнію, весь синтаксисъ долженъ быть отнесенъ къ сознательному чтенію; а если чтеніе сопровождается и письменнымъ изложеніемъ, то возможно отнести къ сознательному чтенію и этимологію съ ороографіей. Какъ это сдѣлать лучше—задача очень благодарная.

Въ связи съ сознательнымъ чтеніемъ допускаются „логико-стилистическія упражненія“. Для этихъ упражненій даются примѣры, которые должны представлять изъ себя типы упражненій. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о необходимомъ количествѣ типовъ, обращаемъ вниманіе на неудачный выборъ „примѣра для болѣе сложнаго пересказа“ (62 стр. прим. г. Мартыновскаго). Изъ отвѣтовъ на поставленные вопросы получается слѣдующій пересказъ басни Крылова „Лисица и Сурокъ“: „Сурокъ спросилъ Лису, что заставляетъ ее бѣжать безъ оглядки. Лиса отвѣчаетъ, что она выслана за взятки. При этомъ она прибавила, что была въ курятникѣ судьей, что очень усердно трудилась, но (что) была невинно оклеветана. Но Сурокъ ей отвѣтилъ: „нѣтъ, кумушка, я видывалъ частенько, что рыльце у тебя въ пуху“. Слово „что“ употреблено такъ часто, что на поставленномъ въ скобкахъ учитель самъ сконфузился и замѣтилъ:

„у нась выходитъ нескладно“. Да, скажемъ и мы: дѣйствительно, нескладно и послѣ удаленія „что“, поставленнаго нами въ скобкахъ. Можно-ли такъ искажать художественное произведеніе! это не позволительно даже въ томъ случаѣ, еслибы отъ этого зависѣло все дальнѣйшее обученіе. У Крылова главныя мысли во вносной рѣчи; а въ этомъ пересказѣ всѣ эти мысли выражены придаточными предложеніями. Я полагаю, если изъ пересказа выбросить придаточныя предложенія, то сущность останется; а что здѣсь останется? Состоя преподавателемъ, я борюсь съ такою манерою пересказа, и, конечно, учить такой манерѣ не буду. Заставляешь ученика пересказать, напр., „Споръ“ Лермонтова; ученикъ смѣло начинаетъ: „Лермонтовъ говоритъ, что какъ-то разъ передъ толпою“ и пр. однимъ словомъ—все произведеніе выразится въ придаточныхъ предложеніяхъ. Неужели мы еще должны давать образцы такихъ пересказовъ? Мы не отрицаемъ—на первой ступени разсказъ можетъ быть веденъ по вопросамъ; но въ случаяхъ, подобныхъ данному, не слѣдуетъ упорно заставлять учениковъ давать „полные“ отвѣты: это значитъ—учить говорить такъ, какъ никто не говоритъ, а только пишутъ въ педагогическихъ книжкахъ. На первой ступени вопросы могутъ имѣть только два значенія: 1) они представляютъ способъ провѣрить, всѣ-ли мысли поняты и усвоены; 2) они помогаютъ переходить отъ одной мысли къ другой. Если всѣ мысли поняты и усвоены, если связь мыслей опредѣлилась, ученикъ разскажетъ связно безъ вопросовъ. Въ данномъ „примѣрѣ“ не достигается ни та, ни другая цѣль: Предлагается вопросъ: „О чемъ спросилъ Лису Суркъ?“ половина отвѣта заключается въ вопросѣ, именно—слова, написанныя курсивомъ, входятъ въ отвѣтъ... Это мнѣ напоминаетъ одинъ экзаменъ географіи; учитель спрашиваетъ: какая большая рѣка въ сѣверной Америкѣ? и сейчасъ же начинаетъ подсказывать: „Ми.. Ми... Мис... Миссиси“... Ученикъ, конечно, догадается; но вѣдь въ этомъ случаѣ расчетъ на механическую память, основывающуюся на ассоціаціи смежности; эта та-же память, которая развивалась въ „бурсацкой долбнѣ“: начните фразу и ученикъ окончитъ. Поставлено въ приве-

денномъ примѣрѣ 13 вопросовъ и не выяснено то, что нужно разъяснить: а разъяснить нужно было слѣдующее: 1) что такое „взятки“? 2) Какія взятки могла брать лисица въ курятникѣ? 3) могла-ли лисица не брать этихъ взятокъ, состоя „судьей“ въ курятникѣ? что значитъ—„рыльце въ пушку? Если ученики не могутъ отвѣтить на эти вопросы, то они не поймутъ, въ чемъ „соль“ басни; а такую несложную басню разскажетъ всякій ученикъ приготовительнаго класса, разскажетъ безъ „педагогическихъ фокусовъ“, и складнѣе, чѣмъ она разсказана въ приведенномъ примѣрѣ. Вопросы въ большинствѣ случаевъ подчеркиваютъ логическую связь; для пересказа же они нужны въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Вопросы безъ нужды вредны: наша школа грѣшитъ этимъ. Учителю иногда просто скучно выслушивать сплошной разсказъ ученика; иногда совѣстно быть пассивнымъ— и вотъ онъ начинаетъ „сократствовать“.

Г. Мироновъ въ одномъ изъ „примѣровъ“ совершенно справедливо настаиваетъ на различіи „оглавленія“ и „плана“; но терминъ „конспектъ“ онъ употребляетъ безразлично; я съ своей стороны полагаю, что „конспектъ“ пространнѣе, но за то опредѣленнѣе „оглавленія“: если части „оглавленія“ мы выразимъ цѣлыми предложеніями, то получится „конспектъ“.

Съ IV-го класса, по видимому, г. Мироновъ считаетъ преподаваніе почти всецѣло теоретическимъ; по крайней мѣрѣ, грамматика IV-го класса, исторія литература и теорія словесности подведены подъ заглавіе: „Б. Теоретическія занятія“. На нашъ взглядъ, теоріи въ низшихъ классахъ не меньше, если не больше: развѣ можно исторію литературы преподавать теоретически? она должна преподаватся практически, но выводы представляютъ „теорію“; то-же и во всѣхъ классахъ.

Желая дать надлежащую постановку „исторіи литературы, г. Мироновъ дѣлаетъ слѣдующее опредѣленіе ея: „Исторія словесности, одна изъ важнѣйшихъ гуманныхъ наукъ, раскрываетъ народное міросозерцаніе, сосредоточиваясь на созданіяхъ творчества (на произведеніяхъ какъ на-

родной, такъ и искусственной поэзіи) и касаясь другихъ памятниковъ человѣческаго слова настолько, насколько они выясняютъ произведенія поэтическія". Это опредѣленіе приложимо только къ новѣйшей литературѣ, съ Пушкина, когда литература стала твердою ногою на путь самостоятельнаго развитія; до тѣхъ поръ. по прекрасному опредѣленію Гоголя, „наша поэзія... воспитывалась поэтами всѣхъ вѣковъ и націй, обвѣвалась звуками всѣхъ поэтическихъ странъ, пробовала всѣ тоны и аккорды". Изучая древнюю литературу, приходится, главнымъ образомъ, изучать не „народное міросозерцаніе", а различныя вѣянія, и преимущественно— вѣяніе христіанства, этой единственной „цивилизующей силы" въ древней Руси. Эта сила проявляется во всей чистотѣ въ духовной литературѣ и эта литература могущественно вліяетъ на „зачатки" (только—зачатки) народнаго творчества. Съ Петра Великаго является еще другая сила—наука. Третья сила—литература съ Кантемира и особенно съ Ломоносова. Въ древней литературѣ мы видимъ только проблески народнаго міросозерцанія—сначала преимущественно языческаго, потомъ съ христіанскою окраскою. Изъ всего этого мы дѣлаемъ выводъ: въ древней литературѣ мы выдвигаемъ впередъ прозу, въ новой „сосредоточиваемся на произведеніяхъ творчества». Какой взглядъ у г. Миронова на группировку произведеній древней литературы, можно видѣть изъ примѣра: г. Мироновъ кладетъ въ основаніе раскольничьи стихи и къ нимъ хочетъ примкнуть „Домострой". Чтобы сдѣлать свою идею убѣдительною, г. Мироновъ долженъ бы показать, какъ онъ это сдѣлаетъ; а то трудно отрѣшиться отъ установившихся взглядовъ; кромѣ того, мы ищемъ міросозерцанія свѣтлаго, истинно-русскаго, а не раскольничьяго; странно бы опредѣлять міросозерцаніе русскаго человѣка по разбойничьимъ пѣснямъ, по сказкамъ о ворахъ, о солдатскихъ проказахъ и проч. отрицательнымъ произведеніямъ; для педагога важнѣе положительныя произведенія. На нашъ взглядъ, преждевременно восторгаться перенесеніемъ теоріи словесности изъ V въ VIII классъ: „Грибки по осени считаютъ"—мы еще не знаемъ хорошенько

плодовъ этой перемѣны. Мы склонны думать, что теперь хуже: ученику V класса удобопонятнѣе современныя литературныя явленія, а историко-литературные факты мало доступны, особенно факты древней литературы; этимъ сознаніемъ вызвано „примѣчаніе" въ Учебныхъ планахъ въ курсѣ V класса, въ которомъ (примѣчаніи) дозволяется заняться произведеніями новой литературы. Программа, какъ будто, теорію словесности хочетъ сдѣлать окончательнымъ выводомъ, цѣлью занятій литературою; но позволительно на теорію словесности взглянуть, какъ на средство понимать литературныя произведенія, какъ на поддержку при писаніи сочиненій.

„Въ настоящее время, говоритъ г. Мироновъ: эта дисциплина преподаванія отечественнаго языка получаетъ весьма образовательное значеніе, представляя сводъ свѣдѣній, полученныхъ на урокахъ сознательнаго чтенія". Судя по тѣмъ элементамъ сознательн. чтенія, которые рекомендуетъ г. Мироновъ, эта „дисциплина" будетъ представлять нѣчто новое; если сказать, что она представитъ сводъ свѣдѣній, полученныхъ на урокахъ исторіи литературы, то получится опять нѣчто странное: какой же сводъ историко-литературныхъ свѣдѣній подъ рубриками: описаніе, повѣствованіе и т. н.! На что мнѣ свѣдѣнія о романѣ, что онъ такое, какъ онъ пишется, тогда, когда я уже прочелъ много романовъ съ анализомъ? или, можетъ быть, произведенія Пушкина, Гоголя, Лермонтова читаются безъ анализа, въ „академической формѣ"?

Чтеніе книги г. Миронова производитъ двойственное впечатлѣніе: нѣкоторые отдѣлы разработаны хорошо, книга представляетъ извлеченіе изъ многихъ цѣнныхъ педагогическихъ трудовъ; но въ то-же время главный вопросъ—объ отношеніи чтенія къ другимъ упражненіямъ—разрѣшаетъ совсѣмъ неудовлетворительно. Замѣтна торопливость въ составленіи книги.

А. Барсовъ.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Проф. Вильг. ВАККЕРНАГЕЛЯ.

(Продолженіе).

Какъ за отдѣленіемъ скульптуры отъ архитектуры слѣдуетъ живопись, какъ нѣчто третье, обозначающее завершеніе развитія путемъ возсоединенія раздѣлившихся искусствъ и соглашенія ихъ противоположностей, совершенно также за эпосомъ и лирикою, какъ третье и послѣднее, слѣдуетъ драма. Здѣсь опять различіе уничтожилось: въ основѣ лежитъ лирика, эпосъ же отодвигается на второй планъ, и между тѣмъ какъ эпосъ изображаетъ внѣшніе факты, а лирика внутреннія состоянія,—драма изображаетъ внутреннія проявленія во внѣшнихъ событіяхъ. За этою третьею ступенью нѣтъ болѣе никакой и быть не можетъ; какъ только она достигнута, такъ поэзія останавливается и живетъ собраннымъ богатствомъ или же падаетъ и погибаетъ: теперь оба міра—и внутренній и внѣшній—вовлечены въ область поэтическую—въ эпосѣ и лирикѣ, какъ раздѣльныя противуположности, въ драмѣ же примиренные и слитые. Точно также и въ живописи, въ которой идеальное зодчество и чувственная скульптура взаимно другъ друга проникаютъ,—не мыслимо никакое образовательное искусство. Но параллелизмъ между поэзіей и образовательнымъ искусствомъ, на этой послѣдней степени, является въ то-же время и синхронизмомъ: высшее развитіе собственно нѣмецкой драмы совпало въ одномъ столѣтіи съ расцвѣтомъ нѣмецкой живописи.

И такъ—эпосъ, лирика, драма. Но естественно что переходъ отъ одного къ другому никогда не совершался скачкомъ: какъ при всякомъ органическомъ ростѣ и здѣсь нужны были члены посредствующіе, обозначающіе переходъ. Архитектоническое украшеніе должно было сперва явиться рельефомъ, прежде чѣмъ могла выступить скульптура съ со-

3

вершенно округлыми фигурами; эпосъ долженъ былъ первоначально только получить лирическій оттѣнокъ и принимать его все болѣе и болѣе, пока наконецъ не произошла совершенная лирика; должны были сперва производиться попытки поглошенія лирики съ эпосомъ—то съ лирической, то съ эпической точки зрѣнія, пока наконецъ но отыскалось правильное смѣшеніе ихъ, а съ нимъ уже собственно драма. Подобныя переходныя формы встрѣчаются особенно между эпосомъ и лирикою,—меньше ихъ передъ драмою: возникновеніе послѣдней при существованіи первыхъ двухъ совершилось легче.

IV

Мы слѣдимъ теперь за ходомъ развитія эпической поэзіи на ея второй ступени — ступени индивидуальной субъективности; первую ступень—національной объективности мы уже миновали.

Однако, слово субъективность нельзя здѣсь принимать въ томъ же полномъ смыслѣ въ какомъ, напримѣръ, называемъ мы субъективными — поэзію романтическую въ противоположность классической, или Шиллерову въ противоположность Гётевой, ибо все же послѣднія т. е. произведенія классическія и Гётевы—ея не лишены; здѣсь же слово это должно обозначать не прямо неудержимое преобладаніе, но всякое даже легчайшее заявленіе свойствъ и склонностей творящаго субъекта.

Но творящій индивидуумъ, по своимъ субъективнымъ склонностямъ и свойствамъ, можетъ проявить особенную дѣятельность при эпической концепціи или со стороны воображенія, или же чувства, или наконецъ разсудка. Въ эпосѣ воображенія мы получаемъ непосредственное продолженіе болѣе ранняго національнаго эпоса; въ эпосѣ чувства—посредствующій переходъ къ лирикѣ; въ эпосѣ же разсудочномъ мы видимъ созерцаніе перенесеннымъ на ту духовную силу, которой всего менѣе слѣдовало имѣть столь положительное вліяніе не только здѣсь, но и вообще въ поэзіи; здѣсь видимъ мы болѣе или менѣе значительный упадокъ

искусства, незамедлившій съ другой стороны проявиться и въ области лирики.

Теперь перейдемъ сперва къ эпосу воображенія—къ тому виду эпической поэзіи который обыкновенно называютъ—опять въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова—эпопеею.

Старую любовь къ эпическимъ созерцаніямъ народъ все продолжаетъ сохранять, хотя бы онъ и не стоялъ болѣе на той степени умственнаго и нравственнаго образованія, которая производила простыя эпическія пѣсни, онъ все еще удерживаетъ любовь къ эпическому созерцанію и изображенію—такъ какъ вообще народъ предпочтительно къ нимъ склоненъ, если только обладаетъ какимъ нибудь поэтическимъ смысломъ,—но уже одна прекрасная обработка общеизвѣстнаго содержанія не доставляетъ чистаго наслажденія: преобладающій интересъ пріобрѣтаетъ содержаніе само по себѣ. Искренняя связь съ послѣднимъ порвалась и растущее самосознаніе индивидуумовъ ограничиваетъ все болѣе и болѣе распространеніе сагъ и миѳовъ въ народной массѣ. Такимъ образомъ теперь уже съ большею охотою слушаютъ и эпическія стихотворенія, которыя должны были отличаться большимъ содержаніемъ противъ прежняго.

На встрѣчу этой потребности явились у Грековъ прежде всего рапсоды. Аойды еще распѣвали свои эпическія пѣсни, сопровождая пѣніе игрою: они умѣли пѣніемъ своимъ не утомлять ни себя, ни слушателей; рапсоды же отложили въ сторону цитру и, вмѣсто того чтобы пѣть, стали рецитировать, ибо для пѣнія ихъ богатыя содержаніемъ произведенія были слишкомъ длинны. Но произведенія эти ни въ какомъ случаѣ не были новыми,—рапсоды только сплочивали и соединяли во едино все то, что находили уже сложившимся поэтически,—это были то пѣсни о разумныхъ преданіяхъ, допускавшія возможность соединенія, то различныя пѣсни объ одномъ и томъ же преданіи. Такое занятіе естественно не исключало для нихъ возможности иногда и самимъ прилагать свою творческую способность и то сокращать, то—и еще чаще—вставлять, то наконецъ кое гдѣ измѣнять въ своихъ пѣніяхъ. Отъ такого рода поэтической дѣятельности проис-

ходитъ и самое имя рапсодовъ и вооружаться противъ простого производства его отъ ραπτειν αοιδην—совершенно произвольно. Но если уже древніе Аойды составляли нѣкоторымъ образомъ собственное сословіе, то тѣмъ естественнѣе было это для рапсодовъ: первые всѣмъ своимъ существомъ и всею дѣятельностію пребывали среди согражданъ; послѣдніе напротивъ—себя имъ противопоставляли. Такою корпораціею рапсодовъ былъ на островѣ Хіосѣ родъ Гомеридовъ, по имени которыхъ назвали вскорѣ и рапсодовъ другихъ острововъ и земель а потомъ даже позднѣйшихъ эпическихъ поэтовъ. И въ Германіи, кажется, существовали люди въ родѣ греческихъ рапсодовъ, но указанія на существованіе ихъ тутъ менѣе ясны.

Но дѣятельность рапсодовъ только посредствующая, составляла переходъ. Дѣло въ томъ, что интересъ къ содержанію растетъ все сильнѣе и болѣе быстрая рецитація рапсодовъ все же для народа слишкомъ медленна и слишкомъ мало даетъ ему заразъ; съ тѣмъ вмѣстѣ въ отдѣльныхъ—поэтически одаренныхъ индивидуумахъ возникаетъ потребность къ болѣе свободной самодѣятельности. Сюда присоединяется и еще одно обстоятельство, богатое слѣдствіями. Чѣмъ долѣе миѳы, сказанія и басни гуляютъ по народу вдоль и поперегъ, въ пространствѣ временъ, тѣмъ болѣе они взаимо перекрещиваются и скрѣпляются; опредѣленныя личности, опредѣленныя событія являются преобладающими большею частію потому что характеръ и историческое самосознаніе народа чувствуютъ себя въ нихъ высказавшимися наиболѣе ясно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потому также, что онъ преимущественно находитъ ихъ себѣ соотвѣтствующими: то, что не допускаетъ отношенія къ нимъ, начинаютъ цѣнить меньше, но прилагаютъ стараніе, гдѣ только возможно, относить все къ нимъ. Такъ пѣсни Сербовъ съ особеннымъ предпочтеніемъ разсказываютъ о суровомъ Кралевичѣ Маркѣ, равно храбромъ и благочестивомъ, врагѣ и слугѣ Турокъ; такъ лиса, возвышающаяся по уму надъ остальнымъ міромъ звѣрей, сдѣлалась вскорѣ главнымъ лицомъ звѣринаго эпоса; такъ Артуръ, которымъ заканчивается Британская исторія и Карлъ, которымъ начинается Фран-

цузская, — составили оба центры — первый круга сказаній валлійскихъ, второй — французскихъ; такъ особеннымъ любимцемъ нѣмцевъ является Зигфридъ съ его геройской отвагою и простодушною чувствительностью, — и подобно тому какъ нѣмецкія героическія сказанія примыкаютъ къ переселенію народовъ, ибо этимъ переселеніемъ данъ былъ новый толчокъ и направленіе всей исторіи народовъ, совершенно также и на томъ же основаніи Троянская война сдѣлалась зерномъ и центромъ греческаго сказанія, но Ахиллесъ и Одиссей возвышались надъ всѣми героями этой войны, ибо въ одномъ грекъ находилъ олицетвореніе своей веселой отваги, въ другомъ — умственной изворотливости. Какъ только однако эпическій матеріалъ собрался въ опредѣленныя группы и сомкнутые циклы, на которыхъ съ особенною охотою останавливались и въ которыхъ по преимуществу любили вращаться, — такъ сейчасъ же и слишкомъ пространныя въ устахъ рапсодовъ стихотворенія должны были показаться еще мало распространенными: должна была пробудиться потребность въ такихъ поэмахъ, которыя бы охватывали всю обширную область этого круга, въ которыхъ бы открывалась возможность разсказать если ужъ не все то, что могло способствовать созерцанію господствующихъ лицъ и событій, то по крайней мѣрѣ весьма многое.

Пѣсни аойдовъ передавали всегда только одно сказаніе; изъ цѣлаго ряда событій въ жизни народа, вождя или божества, они выбирали какое либо одно; рецитирующіе рапсоды перешли, хоть и не далеко, за эти предѣлы, и измѣнили прежнюю простоту на умѣренное впрочемъ разнообразіе, — при этомъ они еще сколь можно ближе держались преданій аойдовъ, такъ что имъ пришлось обработать только одиночныя тѣсно связанныя группы изъ событій Троянской войны. Всѣ доселѣ самостоятельно отдѣльныя пѣсни и рапсодіи поглотились въ большемъ, всеобнимающемъ единствѣ одной писаной эпопеи. Такъ возникли въ Греціи Иліада и Одиссея, во Франціи — пѣснь о битвѣ Консевальской, въ Германіи — пѣснь о Нибелунгахъ.

Работы такого рода требовали уже болѣе высокой степени сознательнаго искусства; кому желалось предаться

столь обширной переработкѣ, тотъ долженъ былъ привнести въ нее и широкій взглядъ и изощренный вкусъ и наконецъ собственную поэтическую способность. Ибо приходилось возводить зданіе изъ матеріаловъ еще не приготовленныхъ: изъ двадцати пѣсенъ, строго по себѣ законченныхъ, нужно было создавать двадцать первую, которая бы вмѣстила въ себѣ всѣ прочія; приходилось воспользоваться всѣмъ, что только когда либо было пѣто и говорено объ этомъ героѣ и создать тѣмъ не менѣе одну поэму, какъ законченное цѣлое. Въ высшей степени для насъ поучительною—представляется упомянутая уже древне-французская поэма о битвѣ въ долинѣ Ронсевальской. Здѣсь передъ нами разнохарактерный матеріалъ, вовсе не сличенный и не связанный: объ одномъ и томъ же событіи идетъ снерва одна пѣснь, потомъ другая, затѣмъ и третья, гдѣ даже было довольно легко присоединить всѣ эти три къ четвертой. Сама древность признала Иліаду и Одиссею, какъ только онѣ предстали предъ ней въ законченномъ видѣ, и ту и другую вмѣстѣ, за оригинальное произведеніе одного поэта, котораго и назвали Гомеромъ выводя это имя отъ знаменитаго рода рапсодовъ на Хіосѣ—Гомеридовъ, ибо полагали что обѣ эпопеи возникли ранѣе рапсодіи т. е. эпику, представившему два раза по двадцать четыре книги, отводили мѣсто между поющими аойдами и рецитирующими рапсодами.

Обработыватели, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ Иліада, Одиссея и пѣснь о Нибелунгахъ—имѣли всѣ трое въ виду—уничтожить на тѣхъ меньшихъ единствахъ, изъ которыхъ они нашли всѣ слишкомъ случайные слѣды прежней разрозненности: они вездѣ иное выравняли, иное опустили, еще болѣе вставили, такъ что прямо въ противоположность энергически поступательному развитію древне эпическихъ пѣсенъ—свойствомъ новаго эпоса явилась широта, расплывающаяся въ пріятной мелочности.

Стремленіе новыхъ эпиковъ было направлено къ тому, чтобы сколь можно полнѣе исчерпать доставшійся имъ запасъ сказаній, и не оставить не затронутымъ ничего, что только входило въ опредѣленный кругъ. Если же какой нибудь миѳъ или сказаніе не поддавались на включеніе въ

поступательный ходъ развитія, то, во всякомъ случаѣ, для нихъ дѣлалась остановка и отступленіе съ тѣмъ однако, чтобы потомъ снова возвратиться къ предмету и продолжать прежній путь,—однимъ словомъ допускались эпизоды.

Часто, однако, и даже очень часто, эпизоды имѣютъ не прямо такую основу, но являются скорѣе какъ результатъ вліянія тѣхъ древнихъ пѣсенъ, которымъ слѣдовали и которыя переработывали. Въ этихъ пѣсняхъ находили величайшую простоту созерцанія, находили тѣсно ограниченное содержаніе. Хотя новый эпосъ и раздвинулъ границы свои во всѣ стороны, ради богатѣйшаго разнообразія, тѣмъ не менѣе хотѣлось соблюсти по крайней мѣрѣ обликъ той простоты и ограниченности, какъ—напр. въ пѣснѣ о Нибелунгахъ разсказывается о битвахъ Зигфрида съ старымъ владѣтелемъ сокровища, тогда какъ вовсе не было нужды именно здѣсь вставлять это важнѣйшее для всей поэмы событіе, ибо о юности героя повѣдано уже прежде; точно также и въ Одиссеѣ мы узнаемъ часть Улиссовыхъ блужданій изъ устъ автора, другую и гораздо большую, въ эпизодѣ, обнимающемъ четыре книги, изъ устъ самого Одиссея—отъ этой вставки въ середину того, что собственно составляетъ начало изображеннаго ряда сказаній,—цѣлое получаетъ видъ большей сжатости, округленности, сосредоточенности, простоты и единства.

Такимъ способомъ и путемъ возникли всѣ три названныя эпопеи изъ доставшагося запаса эпическаго матеріала поэтическихъ стихотвореній.

Низшую степень могла бы занять Иліада. Ей преимущественно недостаетъ истиннаго единства идеи и содержанія, всѣ тѣ высокія красоты, которыми въ ней поражается каждый, даетъ только красоты отдѣльныхъ частей, но не всего цѣлаго, которое онѣ составляютъ. Начало провозглашаетъ Ахиллеса героемъ поэмы, но вскорѣ и онъ самъ и гнѣвъ его уходятъ на задній планъ, и только уже въ концѣ получаютъ нѣкоторое значеніе; въ серединѣ же рѣчь идетъ—только мимоходомъ обращась къ нему—преимущественно о богатой подвигами борьбѣ, которую ведутъ между собою Иліонъ и Греція, по судьбамъ опредѣленнымъ Зевсомъ,

откуда издревле обычное названіе—Иліада, а не Ахиллеида.

Гораздо выше стоитъ Одиссея. Фридрихъ Шлегель на авторитетѣ Иліады утверждалъ, что истинный эпосъ долженъ всюду начинаться и всюду кончаться, на основаніи Иліады же. Августъ Вильгельмъ Шлегель искалъ сущности эпическаго стихотворенія въ подобіи его — рельефу, фигуры котораго слѣдуютъ одна за другой безъ всякой группировки и котораго начало и конецъ являются результатомъ скорѣе случая или произвола, чѣмъ внутренней необходимости.

Это могло быть вѣрнымъ только относительно Иліады, въ Одиссеѣ же нѣтъ ни малѣйшаго слѣда такого произвола или случайности, начиная, въ полномъ смыслѣ, съ начала и до послѣдняго слова—все содѣйствуетъ выполненію задачи: страданія покинутой супруги, выѣздъ сына за вѣстью объ отцѣ, приключенія, постоянно увеличивающія и затрудняющія отцу путь на желанную родину,—все это направлено и приведено къ извѣстной цѣли — наградѣ за страданія и мщенію за несправедливость. Не будь Иліады, ясно свидѣтельствующей о своемъ происхожденіи — трудно было бы критикѣ придти къ отрицанію существованія одного поэта: съ такимъ совершеннымъ искусствомъ сглажена тутъ рознь отдѣльныхъ частей, а такою ловкостью меньшія частности сведены въ одно цѣлое. Обработыватель Одиссеи видимо стоитъ выше собирателя Иліады—въ Иліадѣ индивидуумъ еще медлилъ обнаружиться, въ Одиссеѣ же онъ проявляетъ полное самосознаніе: нельзя не замѣтить подъ-часъ и лукавой шутливости, переходящей иногда въ тонъ безвредной пародіи.

Поэма о бѣдствіи Нибелунговъ, по смѣлой широтѣ своего плана, превосходитъ оба греческіе эпоса. Ея богатая, многообразная, пестрая основа охватываетъ всѣ круги нѣмецкаго героическаго сказанія, расположенные около главнаго его центра,—все воспринято ею—и Зигфридъ, и Бургунскіе короли, и Дитрихъ и Эцель. Отъ начала и до конца проводится многократно высказанная, всемірно-историческая идея того, что всякая радость этого міра заканчивается глубочайшею горестью; но истинною носительницею

этой идеи, лицомъ въ дѣйствіяхъ и страданіяхъ котораго она проведена до высшаго совершенства — является Кримгильда: черезъ нее и частныя группы сказанія, хотя и покоящіяся исторически на общемъ основаніи, получають въ поэтической идеѣ связующее единство.

Такимъ образомъ ради интереса содержанія сдѣлано было довольно, теперь обладали большою, богатою содержаніемъ героическою поэмою и могли ее читать, вмѣсто того, чтобы пѣть и сказывать. Но индивидуальная личность, разъ научившись сознавать свое значеніе въ поэзіи, съ этихъ поръ уже не упускала случая пріобрѣтать все большее и большее вліяніе. Вслѣдъ за возникновеніемъ у грековъ Иліады и Одиссеи, у французовъ—Ронсевальской битвы, образовалась цѣлая масса новыхъ эпопей, имѣвшихъ съ первыми только то общее, что и они въ свою очередь примыкали къ издревле переданному содержанію, и что они снова пересказывали древніе миѳы, сказанія и басни; эти новыя эпопеи слѣдовали прежнимъ въ образѣ и способѣ созерцанія и представленія, соблюдали даже древнюю дикцію и форму стиха, напр. Гомерическій діалектъ и гекзаметръ — въ одномъ только, однако, сказалась новая самостоятельность: слѣдовали они древнимъ сказаніямъ, а не древнимъ пѣснямъ, и не только обработывали или пересочиняли, но являли въ твореніяхъ своихъ совершенно новый и своеобразный видъ. Такихъ твореній у французовъ было довольно уже въ XII-мъ столѣтіи; черезъ нихъ и нѣмцы, обладавшіе дотолѣ только пѣснями въ древне-эпическомъ родѣ, познакомились впервые съ объемистою и неудобною къ пѣнію эпопеею. Вскорѣ и они стали дѣлать попытки въ этомъ новомъ искусствѣ, но такъ какъ само искусство пришло къ нимъ изчужа, то и попытки эти дѣлались только надъ чужимъ или получуждымъ матеріаломъ—на французскихъ провансальскихъ и на британскихъ сказаніяхъ, на звѣриномъ эпосѣ и т. п., для родныхъ же героическихъ сказаній, (если только не считать одного или двухъ далеко недостовѣрныхъ исключеній), сохранялась въ теченіе нѣкотораго времени древняя пѣсенная форма, пока наконецъ и она, къ началу XIII вѣка, не нашла своего Гомера въ собирателѣ Нибелунговъ, а послѣ него—своихъ

свободно индивидуальныхъ, самостоятельныхъ и самодѣятельныхъ эпиковъ Это историческое отношеніе важно, ибо оно показываетъ, что Нибелунги стоятъ не совершенно на одной и той же ступени, а такъ называемыми Гомерическими поэмами. Не нѣмецкій эпосъ вообще, но только эпосъ нѣмецкихъ героическихъ сказаній начинается Нибелунгами, тогда какъ Иліада и Одиссея образуютъ начало всякой и каждой греческой эпопеи. Собиратель Нибелунговъ имѣлъ передъ собою достаточно стиховъ иного рода,—въ родѣ напр. Парциваль Вольфрама—чтобы научиться по нимъ высокому искусству сочиненія; собиратель же Иліады долженъ былъ сдѣлать первый опытъ вполнѣ собственными средствами.

Съ выступленіемъ новыхъ эпиковъ до того пріучились сочинять эпическія стихотворенія только для письма, чтенія и прочитыванія въ слухъ, что даже и тамъ, гдѣ простота созерцанія и объемъ легко допускали форму пѣсенную. Такимъ образомъ, изъ XII-го и слѣдующихъ столѣтій, дошла до насъ масса былинъ, сказокъ и басенъ, разсказанныхъ въ формѣ по-парно рифмованныхъ короткихъ стиховъ.

Въ подобныхъ разсказахъ (какъ можно для отличія назвать всѣ такія поэмы меньшаго объема) индивидуумъ смогъ сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ, въ своемъ высвобожденіи изъ-подъ старой подчиненности.

Большія эпопеи вырабатывались по образцамъ, только переданнымъ отъ временъ древнихъ,—тогда не приходилось поэту обращаться за содержаніемъ къ современной исторіи или къ собственной фантазіи: полагались только на то, что было освящено преданіемъ, что удержало свое существованіе черезъ смѣны временъ и поколѣній и что само изъ себя развилось въ богато и прекрасно развитой организмъ; такія только—издавна оживленныя и воодушевленныя созерцанія,—могли внушать довѣріе, какъ обладавшія правомъ дѣйствовать на читателя, плѣнять его и побуждать къ воспроизводящей дѣятельности,—а вовсе не то, что сегодня только впервые имъ вымышлено. Иное дѣло относительно меньшихъ, менѣе содержащихъ и менѣе объемистыхъ разсказовъ. Тамъ, гдѣ болѣе имѣлось въ виду только мимолетное содержаніе, поэтъ не нуждался ни въ какомъ подобномъ изстари сохра-

ненномъ матеріалѣ: онъ самъ и его собственное время могли сильно стать на первый планъ и тѣмъ не менѣе можно было быть увѣреннымъ въ впечатлѣніи; онъ могъ разсказывать событія дня или даже и самъ все вымышлять впервые. Въ то время какъ въ эпосѣ творящій индивидуумъ высказываетъ свою сдерживающую умѣренность уже и въ томъ, что только изрѣдка, и развѣ въ легкомъ намекѣ, допускаетъ противорѣчіе созерцаемой дѣйствительности, въ то время, слѣдовательно, когда эпопея только кое-гдѣ допускаетъ иронію и насмѣшку—въ разсказѣ напротивъ того они совершенно на мѣстѣ и поэты любятъ здѣсь и тѣмъ выставить на видъ свою болѣе свободную дѣятельность, что сопровождается ходомъ событій, силой разума или чувства. Слѣдовательно рядомъ съ эпопеею были безъ сомнѣнія и комическіе разсказы какъ у грековъ Маргитесъ (Μαργίτης), а у нѣмцевъ и французовъ въ средніе вѣка такое обиліе, что я даже затрудняюсь поименовать отдѣльные,—но комическаго эпоса не было. Это уклоненіе отъ древняго міра сказаній, это преобладаніе интереса къ содержанію въ ущербъ идеѣ и формѣ, это, наконецъ, глухонѣмое писаніе и читаніе, путемъ котораго вся эпическая поэзія отчуждалась мало по малу отъ живаго употребленія—все это должно было вскорѣ приготовить ея паденіе: начавшись пѣніемъ она заключилась въ концѣ прозою—рядомъ съ исчезающимъ эпосомъ и взамѣнъ исчезнувшаго явилось бытописаніе.

Всюду однако въ исторіи человѣчества, какъ и въ природѣ, противоположности сглаживаются путемъ промежуточныхъ явленій и приготовительныхъ переходныхъ ступеней! Совершенно тоже и относительно контраста между эпической поэзіею и исторической прозой. Новѣйшее бытописаніе начинается уже въ эпосѣ и новѣйшій эпосъ еще простирается въ область бытописанія. Упадокъ эпической поэзіи Среднихъ вѣковъ обозначается возникновеніемъ довольно многочисленныхъ произведеній, имѣющихъ съ нею общаго только развѣ форму стиха и рифму, въ содержаніи же представляющихъ чистую, непоэтическую исторію—каковы хроники и біографіи. Съ другой стороны историческая проза начинается сочиненіями, не принадлежащими къ про-

3*

зѣ ни по формѣ, ни по содержанію; исторіографія въ своихъ начаткахъ столь же мало полагаетъ различія между исторіею и сказаніемъ, какъ это дѣлала нѣкогда эпическая поэзія, и въ произведеніяхъ ея фантазія и чувство принимаютъ почти еще одинаковое участіе съ разсудкомъ. Одновременно, подлѣ собственно исторіографіи, развивается еще другой родъ исторической прозы, въ которомъ фантазія и чувство занимаютъ прямо и умышленно тоже самое мѣсто, какъ и въ эпосѣ, такъ что здѣсь нехудожественную форму рѣчи можно признать и несвойственною—это проза романа. Романъ въ основѣ есть не что иное какъ прозаическій эпосъ, такъ первыя книги въ этомъ родѣ у нѣмцевъ и у другихъ средневѣковыхъ народовъ возникли изъ прозаическаго переложенія древнѣйшихъ героическихъ поэмъ. То обстоятельство, что романъ въ большей степени обозначаетъ паденіе эпоса чѣмъ начало исторической прозы, въ соединеніи съ тѣмъ удобствомъ, которое представляли подобнаго рода переложенія, только и могло продлить его существованіе за время перехода и упрочить его до нашихъ дней. У грековъ съ меньшею ясностью обнаруживается подобное предчувствіе бытописанія въ области поэзіи и такой преемственный переходъ эпоса въ историческую прозу. Все же однако, настолько извѣстно, что предшественники Геродота не слишкомъ-то много возвышались надъ метрическимъ эпосомъ въ своемъ легковѣрномъ пристрастіи къ миѳамъ и сказаніямъ. Но начатки греческаго романа относятся къ временамъ гораздо позднѣйшимъ. Мы удерживаемся отъ подробной параллели между сказаніемъ и исторіею, между эпосомъ и исторіографіею,—параллели, къ которой здѣсь представляется поводъ—и ограничиваемся только однимъ пунктомъ, наиболѣе существеннѣйшимъ, а именно различнымъ положеніемъ того и другой въ отношеніи къ идеѣ.

Каждая былина и стихотвореніе выражаетъ какую нибудь идею, раскрытую въ исторіи, но идею эту она отвлекаетъ въ область фантазіи и жертвуетъ обычною правдою фактовъ красотѣ: въ этомъ случаѣ все то, что излишне и мѣшаетъ созерцанію идеи въ единствѣ, должно отпасть, съ другой же стороны фантазія кое-что и прибавляетъ, ради

оживленнаго разнообразія,—а для того, чтобы было возможно выпускать и прибавлять естественно что даже уцѣлѣвшіе и не вымышленные факты подвергаются часто въ высшей степени смѣлому переиначиванію. Иное дѣло бытописаніе. Безъ сомнѣнія истинный историкъ ни въ какомъ случаѣ не откажется отъ идеальнаго направленія—и онъ также будетъ стараться распознать въ представляющемся ему историческомъ ходѣ руководящую и одушевляющую его божественную идею, которая станетъ началомъ и концомъ какъ для его собственнаго произведенія, такъ и для воспроизведенія, которое онъ имѣетъ въ виду возбудить въ читателѣ. Но огромное различіе въ томъ и заключается, что онъ выискиваетъ и усматриваетъ проявленіе идеи не въ прекрасномъ, а въ истинномъ: онъ разсматриваетъ историческія событія, которымъ эта идея соприсуща съ точки зрѣнія разсудка, а не воображенія; онъ пренебрегаетъ всякимъ содѣйствіемъ фантазіи и допускаетъ помощь только со стороны воспоминанія, которое, будучи такъ объединено, не вредитъ разумному познаванію; онъ не отвергаетъ ни одного факта только въ силу того обстоятельства, что фактъ этотъ долженъ затемнить идею, но онъ и не изобрѣтаетъ ихъ съ цѣлію выставить идею въ большемъ свѣтѣ, а слѣдовательно ему не приходится ничего и измѣнять—онъ творитъ свои формы и образы, слѣдуя только тому что находитъ передъ собою и, прежде чѣмъ что-нибудь изобразить,—изслѣдуетъ истинность найденнаго. Но, какъ мы уже сказали, при всей разочаровывающей вѣрности, при всемъ чисто разсудочномъ изысканіи, онъ ни разу не упускаетъ изъ виду идеи, но постоянно старается по крайней мѣрѣ согласить ее съ неприкрашенной истиной, признать ее исходнымъ пунктомъ для каждаго факта и каждый фактъ ея результатомъ, и связать рядъ приводимыхъ имъ событій въ организмъ поддерживаемый и одушевляемый единствомъ внутренней необходимости и имѣющій кончиться только съ выполненіемъ самой идеи. Такой только методъ единственно можетъ имѣть притязаніе на столь часто злоупотребляемое названіе—прагматической исторіи, ибо πραγμα обозначаетъ не все случающееся, но нѣчто такое, что случается въ силу того, что

должно случиться и что потому только и действительно, что случается: но полная действительность и истинная необходимость могутъ являться только съ точки зрѣнія идеи. Историкъ слѣдовательно старается проявить дѣйствующую идею въ неприкрашенной правдивости узнанныхъ имъ фактовъ,—но слишкомъ часто стараніе это бываетъ безплоднымъ, слишкомъ часто историкъ, рѣшаясь довольствоваться только свѣдѣніями и сужденіями разсудка, усматриваетъ развѣ только механическую, а вовсе не органическую связь,—часто даже нѣтъ у него и механической связи. И все-таки нельзя ему, если только онъ добросовѣстно переступить тѣ границы, въ предѣлахъ которыхъ предметы представляются ему столь оторванными, безжизненными и незначащими. Тогда высказывается самымъ непріятнѣйшимъ и рѣзкимъ образомъ контрастъ между исторіею и сказаніемъ: въ исторіи художественность отсутствуетъ, сказаніе же совмѣщаетъ въ себѣ созерцанія повѣствовательной поэзіи въ соединеніи съ элементомъ исторически повѣствовательной прозы—ибо сказаніе съ отвагою творческой фантазіи—или совершенно бы устранило частности, противорѣчащія идеѣ, или же съумѣло бы возстановить между ними связь, которой не могъ бы признать разсудокъ.

Прослѣдивъ историческое развитіе эпопеи въ постепенномъ ходѣ ея образованія—совершенно будетъ кстати бросить взглядъ на сущность и законы ей свойственные и изложить догматически все то, что является въ этомъ отношеніи результатомъ сказаннаго доселѣ. Мы дѣлаемъ, и здѣсь какъ прежде, различіе между эпопеею въ тѣсномъ смыслѣ слова и такъ называемымъ разсказомъ.

Эпопея, подобно эпической пѣснѣ, понимаетъ исторію не въ историографическомъ, но въ миѳическомъ или былинномъ смыслѣ, ибо она имѣетъ въ виду божественную идею и стремится не къ истинѣ, а прежде всего къ красотѣ. Но въ то время какъ пѣсня пріурочена къ одному событію, изображаетъ одинъ миѳъ, одно сказаніе, одну басню, эпопея обнимаетъ цѣлый рядъ событій, расширяется по цѣлому кругу сказаній. Но при этомъ однако единство не должно въ ней затериваться—въ силу основнаго закона художественна-

го творчества. Слѣдовательно, предпочтительно передъ всѣмъ, должно существовать единство дѣйствія: отдѣльныя событія должны не только находиться въ единой причинной связи, но и должны стоять всѣ въ дѣятельномъ отношеніи къ одушевляющей ихъ центральной идеѣ; поэма должна начинаться съ событій, содѣйствующихъ выполненію идеи, должна оканчиваться съ выполненіемъ послѣдней и не должна заключать въ себѣ ничего такого, что бы не могло служить дѣятельною частью этого идеальнаго организма. Только въ этомъ смыслѣ и допускаются эпизоды: они могутъ прерывать неуклонно тянущуюся нить событій, но въ то же время не должны выходить изъ того круга, надъ которымъ царитъ идея—даже главная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, что они, сокращая эту непрерывную нить, содѣйствуютъ наглядности хода и кажущеюся простотою еще болѣе выставляютъ единство дѣйствія.

Лучшій, если и не единственно возможный, способъ сохранить это единство дѣйствія есть тѣсно связанное съ нимъ единство лица, состоящее въ томъ, чтобы съ начала и до конца одно лицо являлось главнѣйшимъ и чтобы всѣ событія эпопеи радостно или скорбно отзывались на судьбѣ его. Такимъ образомъ все богатое разнообразіе фактовъ являетъ свое внѣшніе единство, въ противоположность единству внутреннему, идеальному и послѣднее еще лучше охраняется первымъ; но необходимости въ этомъ внѣшнемъ единствѣ нѣтъ: эпопею о Троянской войнѣ можно и безъ единства лица все таки представить съ полнѣйшимъ единствомъ идеи и дѣйствія; такую же попытку имѣемъ мы и въ Иліадѣ, если исключить изъ нее все то, что въ ней собственно заслуживаетъ имени Ахиллеиды.

Еще менѣе необходимо требованіе единства времени и мѣста. Сначала о первомъ. Подобно тому, какъ сказаніе опускаетъ все не имѣющее существеннаго значенія, совершенно тоже можетъ и должна дѣлать былина, эпическая поэзія, но если ей предоставляется опускать событія незначащія, то это же право сохраняетъ она и относительно цѣлыхъ эпохъ, наполненныхъ только такого рода событіями. Главнѣйшія единства—идеи и дѣйствія—ни въ ка-

комъ случаѣ отъ этого не потеряютъ. Все же впрочемъ хорошо если, для усиленія послѣднихъ единствъ, является еще и третье и ходъ событій совершается въ непрерывномъ теченіи времени, особенно же коль-скоро этотъ промежутокъ времени ограниченъ до наглядной краткости, хотя бы последняя и была только кажущеюся. Въ Иліадѣ только то и содѣйствуетъ единству дѣйствія, что весь ходъ ея событій долженъ совершиться не болѣе какъ въ 15 дней, а въ другихъ отношеніяхъ единство это въ ней мало соблюдено. Но въ Одиссеѣ прекрасно гармонируетъ съ общею округленностью ея, то обстоятельство, что дѣйствіе, какъ кажется продолжается будто всего одинъ мѣсяцъ,—говорю „кажется", потому что собственно оно продолжается десять лѣтъ, но этотъ избытокъ времени занятъ событіями эпиводическими. Затѣмъ единство мѣста есть всегда только случайный, вовсе не существенный и необходимый результатъ единства дѣйствія и времени,—оно кстати тамъ, гдѣ выдается, но требовать его нельзя нигдѣ. Кого возмущаетъ въ Одиссеѣ то, что дѣйствіе происходитъ по всему міру, и чему помогаетъ въ Иліадѣ—что оно замкнуто въ узкомъ пространствѣ?

Затѣмъ эпопея то имѣетъ общаго со всякою другою поэзіею, что созерцаетъ и представляетъ прекрасное какъ прекрасное, нераздѣльнымъ отъ формъ дѣйствительности; особенныя модификаціи этого всеобщаго закона вытекаютъ только изъ того, что дѣйствительность эпопеи есть исторія. Такимъ образомъ цѣль представленія у ней общая со всякою поэзіею и, вообще, со всякимъ искусствомъ—и она также стремится къ тому, чтобы созерцанія поэта были воспроизведены въ душѣ слушателя или читателя. Отсюда вытекаютъ опять новые законы и требованія. Во первыхъ, въ изображеніи не должно быть слишкомъ быстраго поступательнаго движенія: чѣмъ разнообразнѣе обиліе событій, охватываемое поэмой, тѣмъ необходимѣе остановиться на каждомъ изъ нихъ и удѣлить читателю время на то, чтобы онъ могъ воспроизвести его въ душѣ своей ясно и прочно; если изображеніе слишкомъ бѣгло касается частностей, то оно вовсе не приводитъ къ связному, единичному воспроизведенію цѣлаго.

Требуется слѣдовательно обстоятельность, требуется и—соразмѣрная, конечно,—широта; самый разсказъ, ради изобразительности, можетъ даже переходить въ описаніе, но подъ условіемъ, чтобы описаніе имѣло видъ разсказа, чтобы оно было обставлено исторически и чтобы не было спокойно—неподвижнымъ, ибо широта, придающая изобразительность, лежитъ не въ неподвижности, а только въ тихомъ, медлительномъ ходѣ.

Во имя того же,—чтобы сдѣлать свое богатое содержаніе удобнымъ для воспроизведенія—эпическій поэтъ обязанъ домогаться наивозможно большей объективности: онъ вовсе не долженъ изображать своихъ чувствованій, а только разсказывать событія внѣшняго міра—послѣднія на столько теряютъ въ объективной наглядности, насколько они вмѣшиваются въ нихъ со своими субъективными чувствами и сужденіями: да и кто ему поручится, что его чувства и сужденія будутъ раздѣлены читателемъ"? Совершенно избѣжать субъективности, конечно нельзя тамъ, гдѣ творитъ индивидуумъ, а уже не цѣлая нація, но она должна проявляться только въ той мѣрѣ, посколько нельзя ее избѣжать. Потому въ эпопеѣ вовсе не кстати, если сила воображенія—этотъ органъ объективнаго созерцанія—станетъ впадать въ противорѣчіе съ чувствомъ и разсудкомъ, если поэтъ вноситъ въ разсказъ свой иронію и насмѣшку, если наконецъ онъ приводитъ смѣшныя случайности;—исключеніе изъ этого можетъ составить развѣ тотъ случай, когда упомянутое противорѣчіе уничтожается и изглаживается послѣдующимъ ходомъ, но и тогда даже смѣшное должно быть указываемо всегда слегка, осторожно и скромно—иначе оно также разрушаетъ воспроизведеніе. Прекрасный примѣръ такого умѣреннаго и сдержаннаго примѣшиванія смѣшнаго представляетъ то мѣсто въ Нибелунгахъ, гдѣ Гунтеръ привѣшивается Брунгильдою на гвоздь; событіе это необходимо для полной обрисовки личностей Брунгильды, Гунтера и Зигфрида,—въ дальнѣйшемъ ходѣ оно уже не имѣетъ ничего смѣшнаго; но ни разу не позволяетъ себѣ поэтъ, хотя бы и мимоходомъ, навязать своему читателю издѣвающійся и злорадостный смѣхъ. Гораздо сомнительнѣе одна личность Иліа-

ды, именно Тереитъ; споръ эстетическихъ критиковъ за и противъ его поэтической пристойности все еще не рѣшенъ: во всякомъ случаѣ здѣсь къ смѣшной сторонѣ примѣшивается и безобразное, и даже отвратительное—и трудно эстетически оправдать такую помѣсь нелѣпостей.

Наконецъ, такъ какъ эпикъ заимствуетъ формы своихъ созерцаній, изъ дѣйствительности исторической, то для того, чтобы воспроизведеніе дѣлалось возможнымъ, она должна быть такою же и для читателя—послѣдній долженъ быть въ состояніи понимать то, что слышитъ и вѣрить этому. Слѣдовательно дѣйствительность, являющаяся въ эпопеѣ, съ одной стороны не должна быть черезчуръ близкою къ читателю и слишкомъ для него обыденною,—да притомъ она и не можетъ быть такою, съ другой же стороны она не должна быть отъ него и до такой степени далекою, что бы онъ чувствовалъ себя чуждымъ среди всѣхъ этихъ лицъ, ихъ дѣяній и помысловъ. Безъ сомнѣнія, весь тотъ уровень культуры, на которомъ построились Иліада и Одиссея, былъ для грековъ отдаленною эпохою, но они еще не чувствовали себя чужими относительно этихъ предковъ: и они были,—хоть правда и не такими ужъ героями, —но все же отважными до героизма, и у нихъ существовалъ подобный же образъ веденія войны и такія же общественныя народныя увеселенія, какъ и у Ахейцевъ Иліады и у Ѳеаковъ Одиссеи. Они съ одинаковою вѣрою принимали какъ разсказы объ Аресѣ и Палладѣ, такъ и повѣствованія объ Агамемнонѣ и Менелаѣ,—ничто еще не было для нихъ чудеснымъ и невѣроятнымъ, ибо все ихъ язычество основывалось на этихъ миѳахъ. Тоже и въ Средніе вѣка: не имѣли никакого сознанія о различіи между исторіею и сказаніемъ—едва только предчувствовали его ученые; остатки миѳологіи примѣшались къ эпосу настолько, насколько имъ еще вѣрили; герои рыцарскихъ поэмъ были идеальны, но не до того однако, чтобы ихъ нужно было считать недосягаемыми. Такимъ образомъ эпика находила въ читателяхъ всюду, гдѣ только эпосъ еще существовалъ самъ по себѣ, всякую способность и готовность къ воспроизведенію представленныхъ имъ созерцаній.

Отмѣченные нами законы въ различныя времена и у различныхъ народовъ были соблюдаемы поэтами, не имѣвшими однако обо всѣхъ этихъ законахъ никакого понятія,— это дѣлалось само собой, безъ намѣренія, безъ произвольнаго содѣйствія съ ихъ стороны. Это же даетъ намъ полное право разсматривать эти законы какъ органически, какъ такіе, которые существенно и неизмѣнно присущи природѣ эпоса; даетъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ и право прилагать ихъ по эпопеямъ новѣйшаго времени, ибо послѣднія лежатъ внѣ такого историческаге развитія, на основѣ котораго могутъ образоваться законы, наконецъ—что даже еще важнѣе—всѣ отдѣльные новѣйшіе эпики имѣли передъ собою эпиковъ древнѣйшихъ, нѣкоторымъ образомъ, какъ норму и образецъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ первымъ, остается собственно только вопросъ—правильно ли уразумѣли гени эти законы и правильно ли ихъ приложили?

Древніе эпики, всюду примыкающіе въ сказанію, въ силу тѣсной связи сказанія съ миѳомъ, примѣшивали также всюду въ свои произведенія миѳологію; какъ у Гомера, такъ и у Виргилія боги принимаютъ свое участіе въ дѣйствіи; эпосы средневѣковые тоже не лишены подобнаго же соучастія сказочныхъ существъ—остатки древне-галльской и древнегерманской миѳологіи. Въ силу того же и новые эпики сочли своимъ долгомъ населить подземный и надземный міръ сверхъестественными и божескими существами, которыхъ они или заимствовали изъ древняго язычества и суевѣрія—какъ напр. эпики XVII ст. боговъ и богинь греческихъ, новые— фей и эльфовъ,—или же изобрѣтали ихъ сами—какъ Мильтонъ и послѣ него Клопштокъ ангеловъ и чертей, распредѣленныхъ по степенямъ и состояніямъ и обозначенныхъ собственными именами, помимо всякаго библейскаго или церковнаго авторитета, или какъ Вольтеръ и Андре олицетворенныя добродѣтели и пороки. Они думали, что все подобное относится въ эпосу, они полагали, что поступаютъ въ этомъ согласно своимъ образцамъ—но какъ скоро все это не относилось къ эпосу и какъ сильно должно оно было вредить ихъ твореніямъ! Когда средневѣковые поэты разсказывали о феяхъ, греки и римляне о богахъ, то находи-

ли въ читателяхъ вѣру въ нихъ—тогда это были для читателей жизненные съ головы до ногъ образы, которые потому столь же легко переходили въ воспроизведеніе, какъ и тѣ люди, на судьбу которыхъ эти божественныя существа вліяли спасительно или непріязненно. Совершенно иное у насъ: мы уже не вѣруемъ ни въ фей, ни въ эльфовъ; въ Юпитера и Юнону мы не вѣрили никогда; олицетворенія Генріады ни для насъ, ни для кого другаго никогда не были дѣйствительностью; мы должны придать въ душѣ дѣйствительность такимъ созерцаніямъ, которыя необладають, да и не могутъ и не должны обладать никакою дѣйствительностью, такимъ вымысламъ, въ которые и самъ поэтъ едва-ли вѣритъ или и вовсе не вѣритъ. Такимъ образомъ эти поэты съ лучшими намѣреніями сами совершенно уничтожили то, что составляетъ цѣль и стремленіе всякаго искусства, т. е. воспроизведеніе; они вложили въ свои поэмы полужизнь и даже наложили на нихъ печать смерти. Единственная миѳологія, употребленіе которой доступно еще въ настоящее время для эпика, такъ какъ при ней только можетъ онъ разсчитывать на воспроизведеніе, есть миѳологія христіанская въ томъ видѣ, какъ ее сохраняетъ легенда. Но и она не во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ находитъ одинаковую вѣру—все же однако католическій миѳъ не настолько чуждъ протестанту, насколько языческій миѳъ—христіанину; отказывая легендѣ въ какой бы то ни было дѣйствительности, протестантъ все же не исключаетъ ея возможности, такъ какъ католики все же христіане, и такимъ образомъ они охотно поддаются на воспроизведеніе. Едва-ли кого-нибудь возмущаетъ въ Гердеровомъ Сидѣ то, что, какъ въ испанскомъ оригиналѣ, такъ и въ нѣмецкомъ подражаніи, апостолы Петръ и Іаковъ чудеснымъ образомъ вмѣшиваются въ дѣйствіе—поэтъ болѣе древній поставилъ бы на ихъ мѣсто можетъ быть геніевъ славы и храбрости,—еще древнѣйшій-то или другое греческое или римское божество, и тѣмъ уничтожилъ бы всякую поэзію.

Но нашъ эпосъ ограниченъ не только относительно употребленія миѳологіи,—что еще важнѣе—у него отнята и область сказанія. У насъ нѣтъ уже никакого круга

сказаній, на которомъ могъ бы широко и спокойно раскинуться эпосъ; мы имѣемъ только отдѣльныя сказанія, могущія, можетъ быть, дать содержаніе балладѣ, но никакъ не эпосу. Что же остается дѣлать? Возвращеніе отъ всѣхъ условій современности къ отдаленнымъ основамъ эпопей классической древности и средневѣковыхъ было уже конечно часто испытано, но всякій же разъ и сбивало съ пути: ибо чѣмъ эпичнѣе и, слѣдовательно, чѣмъ объективнѣе поэтъ созерцаетъ и изображаетъ свой предметъ, тѣмъ болѣе послѣдній становится для насъ чуждымъ, тѣмъ болѣе чувствуемъ мы, какъ всякая связь между тѣмъ временемъ и нашимъ порвана, тѣмъ яснѣе видимъ мы, что пробраться въ тотъ міръ можемъ мы только объ руку съ ученостью, а никакъ не съ поэзіею, тѣмъ менѣе дѣлаемся мы способными воспроизводить твореніе поэта. Слѣдовательно, такъ какъ у насъ нѣтъ никакого круга сказаній, древнія же сказанія стали для насъ не действительными, то и остается намъ—исторія и вымыселъ, т. е. наша эпопея изгнана изъ наслѣдственной своей области и водворена на такой почвѣ, на которую никогда не вступала древняя эпопея. Но за исключеніемъ единственнаго историческаго содержанія, носящаго въ себѣ высшую, божественную идею, въ соединеніи съ полнотою поэзіи—содержанія Клопштоковой Мессіады—вся исторія лежитъ внѣ области эпической поэзіи, и дѣлается пригодною для поэзіи только въ томъ случаѣ, когда въ ней признано будетъ зерно божественной идеи и она преобразится въ сказаніе. Если мы допустимъ—однако не утверждая—что и отдѣльный поэтъ нашего времени въ состояніи сдѣлать это, что въ силѣ и во власти одного современнаго индивидуума лежитъ преобразованіе исторіи въ былинно-идеальномъ смыслѣ—и тогда все же представится намъ двоякое препятствіе и противодѣйствіе. Если исторія относится къ временамъ отдаленнымъ, то прежнее наше возраженіе противъ возобновленія древнихъ сказаній сохраняетъ свою силу: потребуется ученость для того, чтобы подготовить воспроизведеніе. Или же исторія лежитъ къ намъ близко и мы стоимъ въ весьма тѣсныхъ, родственныхъ отношеніяхъ къ ея характерамъ, нравамъ и событіямъ. Но въ этомъ случаѣ,

такъ какъ разъ уже отрѣшились отъ сказанія, то, конечно, не одинъ недовѣрчиво отнесется къ подобному неисторическому пониманію, и въ силу того и не поддастся на воспроизведенія. Отсюда-то можемъ мы прежде всего ожидать эпопей, какъ только снова явятся эпики. Еслибы нашелся только поэтъ по геніальности равный Наполеону, какъ вождю,—онъ имѣлъ бы столь же величественный объектъ, какъ и объекты Иліады и Нибелунговъ.

Кромѣ содержанія историческаго дозволяется нашимъ эпикамъ и вымышленное. Недостатка въ эпопеяхъ послѣдняго рода нѣтъ, но онѣ же чаще всего и погрѣшаютъ,—да и нѣтъ пути столь опаснаго какъ этотъ, такъ какъ онъ требуетъ величайшей поэтической силы, чтобы возбудить въ читателѣ интересъ къ событіямъ и для него и для каждаго новымъ, къ лицамъ, которыя ему до сихъ поръ были неизвѣстны, требуетъ такой силы, призваніе которой состоитъ въ томъ чтобы направляться на высшія идеи,—на идеи, историческія формы которыхъ лежатъ внѣ человѣческаго дара изобрѣтенія. И до сихъ поръ только посредственные поэты отваживались на такія эпопеи.

Гетевская „Германъ и Доротея“ не можетъ служить въ этомъ отношеніи значительнымъ противорѣчіемъ. Я не думаю утверждать, чтобы главное дѣйствіе этого эпоса, совершающееся на переднемъ планѣ, не было вымысломъ поэта только въ силу того, что мотивы къ нему заимствованы изъ одной старинной книги, ибо послѣдняя ровно почти никому не знакома и, слѣдовательно, все это имѣетъ для насъ значеніе вновь вымышленнаго. Вотъ этого-то историческаго плана, столь существенно важнаго для всей поэмы, поэтъ не изобрѣталъ, но заимствовалъ его изъ живой современной дѣйствительности.

Теперь намъ остается сказать еще о комическихъ эпопеяхъ. Уже выше упомянуто, что хотя древняя поэзія и не отказывается отъ примѣшиванія комическаго въ обширный эпосъ, но дѣлаетъ она это весьма основательно, только изрѣдка и притомъ всякій разъ съ умѣренною воздержанностью.

Германія обладаетъ подобными поэмами со времени Цахаріи, но великая заслуга по введенію этого новаго на-

правленія должна быть предоставлена другимъ націямъ и преимущественно итальянцамъ. Обыкновенно комическая эпика еще болѣе приближается къ серьёзной, или еще болѣе отъ нея отдаляется,—въ смыслѣ пародіи: тутъ она стремится сдѣлать смѣшнымъ способъ и образъ созерцанія и представленія послѣдней, пользуясь тѣми же средствами для ничтожныхъ цѣлей—изъ-за какой-нибудь ленты свывается цѣлый Олимпъ, и съ тою же торжественною широтою, съ какой Гомеръ излагаетъ битвы Гектора.

Отъ эпопеи мы отличаемъ разсказъ. Такъ какъ при болѣе простомъ содержаніи и при меньшемъ объемѣ разсказа, возсоздающая дѣятельность читателя занята не столь продолжительное время и не столь разнообразнымъ образомъ, какъ при обильнѣйшей и пространнѣйшей полнотѣ событій, свойственной эпопеѣ, то здѣсь поэтъ воленъ кое-въ-чемъ такомъ, и отступить отъ чего въ эпопеѣ ему или вовсе не дозволено, или—въ очень ограниченномъ размѣрѣ.

V.

Въ предъидущей главѣ мы слѣдили дальнѣйшее развитіе древне-эпической пѣсни, не выходящимъ изъ области эпической. Въ настоящей мы увидимъ, какъ оно частію переносится въ область лирики и, какимъ образомъ этотъ путь подготовляетъ и способствуетъ къ образованію изъ послѣдней особеннаго рода лирики.

У грековъ, уже въ весьма раннюю пору, положена была основа къ такой переходной ступени—къ эпосу чувства. Уже до Гомера рядомъ съ эпическими пѣснями, которыя могли пѣться ежедневно и повсюду, существовалъ видъ эпической поэзіи на извѣстные случаи: были произведенія, сочиненныя только по извѣстному поводу, и только при возобновленіи этого повода находившія примѣненіе. Это были гимны и ѳрины (θρῆνοι), религіозныя славословія и жалобныя пѣсни,—первыя—въ честь какого-нибудь бога, вторыя—въ память умершаго, первыя—при религіозныхъ праздне-

стихахъ, вторыя — при погребеніяхъ, или же вообще — гдѣ бы ни представился случай почтить бога хвалебнымъ возгласомъ, или отшедшаго человѣка хвалою и печалью. Пріурочиваніе къ отдѣльнымъ празднествамъ, къ предстоящимъ событіямъ влекло естественно за собою то, что на ряду съ разсказами о чудесахъ боговъ, о дѣяніяхъ людей давали мѣсто и изліянію чувствъ, возбуждаемыхъ празднествомъ, высказывая то религіозныя чувства, то грусть, что объективное содержаніе ставили въ отношеніе къ субъекту, факты внѣшней дѣйствительности ставили въ связь съ внутренними чувствами, — однимъ словомъ, что къ эпическому содержанію примѣшивали лирическій элементъ. Сначала однако послѣдній былъ очень незначителенъ и игралъ совершенно подчиненную роль.

Наиболѣе ясно указываютъ на это, такъ называемые, Гомерическіе гимны, которые нѣкоторымъ образомъ моложе послѣдней обработки Иліады и Одиссеи и въ которыхъ однако лирическій элементъ все еще довольствуется нѣсколькими строками, вообще выражающими хвалу божеству, — въ началѣ и краткимъ молитвословіемъ — въ концѣ, тогда какъ все остальное въ нихъ чисто эпически повѣствовательное. Они имѣютъ еще и обычную эпическую форму — гекзаметръ. Впослѣдствіи однако, чѣмъ болѣе поэзія отдалялась отъ своей эпической основы, чѣмъ болѣе она становилась, дѣломъ личности — тѣмъ болѣе увеличивалась и лирическая примѣсь; пока наконецъ два вида такихъ поэмъ на случай — пэанъ и диѳирамбъ — восхвалявшіе первоначально тѣхъ двухъ божествъ, имена которыхъ носили, т. е. Аполлона и Вахуса — не отрѣшились совершенно отъ своего историческаго происхожденія и не перешли вполнѣ въ область лирики, въ качествѣ хвалебныхъ и воодушевляющихъ пѣсенъ.

Рядомъ съ греческою поэзіею мы ставимъ поэзію народовъ новыхъ. Тутъ еще яснѣе чѣмъ тамъ видимъ мы какъ тѣсно и непосредственно примкнулъ лирическій эпосъ къ древнимъ эпическимъ пѣснямъ и какъ тѣмъ самымъ, сдѣланъ былъ полушагъ къ собственной лирикѣ. И теперь существуютъ еще народы, которые не двинулись далѣе этого полушага, которые все еще не имѣютъ настоящей лирики,

но только эпическія и лиро-эпическія пѣсни:—эпическія, направленныя только на внѣшніе факты, лиро-эпическія, которыя пользуются внѣшнимъ событіемъ болѣе какъ мотивомъ и основаніемъ для выраженія внутреннихъ чувствъ, въ которыхъ эпическое содержаніе даже напередъ подъискивается съ цѣлію доставить лучшій пунктъ присоединенія къ лирическому чувству. Таковы народы именно литовцы и сербы. И врядъ ли у сербовъ не больше такихъ лиро-эпическихъ стиховъ, чѣмъ у литовцевъ, такъ какъ первые уже немного дальше двинулись въ дѣлѣ цивилизаціи, тогда какъ вторые, вслѣдствіе меньшей степени образованности, держатся болѣе на древней, чисто-эпической ступени. Но и сербы все еще не могутъ обойтись безъ эпической основы: такъ напр. чисто-лирическихъ любовныхъ пѣсенъ у нихъ не найдешь—развѣ что разсказывается о двухъ любящихся; разсказъ можетъ ограничиться только однимъ эпическимъ положеніемъ, безъ болѣе пространнаго развитія, но хоть одно эпическое положеніе должно быть, покрайней мѣрѣ, и на немъ-то развивается созерцаніе и изображеніе душевныхъ состояній—однако и послѣднее все еще въ опредѣленномъ эпическомъ видѣ, напр. въ формѣ разговора. Такъ что лиро-эпическія пѣсни сербовъ оказываются чисто развалинами и остатками большихъ, болѣе подробныхъ эпическихъ пѣсенъ съ тѣмъ только различіемъ, что въ первыхъ выступаютъ на видъ и обслѣдуются душевныя состоянія—о чемъ еще не имѣетъ понятія чистый эпосъ.

У насъ—нѣмцевъ, вслѣдствіе двукратнаго повторенія одинаковыхъ обстоятельствъ, лиро-эпическое стихотвореніе вытекало изъ эпоса также въ двѣ различныя эпохи. Сперва въ то время, когда исчезло древне-эпическое пѣніе и на мѣсто его явилась эпопея; тогда возлѣ этого эпоса фантазіи, постепеннымъ выше указаннымъ ходомъ, начала развиваться и лирика—но именно только что развиваться,—она не разомъ стала во всеоружіи, а только вводилась и посредствующимъ видомъ былъ именно лирическій эпосъ. Но прежде совершенной лирики, явившейся къ концу XII ст.—около половины послѣдняго, мы находимъ еще пѣсни чисто въ томъ родѣ, какъ только что упомянутыя

нами сербскія. Лиро-эпическая поэзія XII ст. была только временнымъ промежуточнымъ членомъ между древнимъ эпосомъ и новою лирикою—и въ этомъ качествѣ она еще смотрѣла разомъ взадъ и впередъ: въ ней была еще часть древняго эпоса, но уже была часть и новой лирики. Но, съ 1400 г., лирическая эпика не являла болѣе подобной переходной ступени—она была только наслѣдствомъ и остаткомъ, который ничего новаго собою не начиналъ, ничего новаго не возвѣщалъ и не приготовлялъ: притомъ позади ея лежали цѣлыхъ два столѣтія эпопей и лирическихъ стихотвореній. Слѣдствіемъ этого было то обстоятельство, что въ новой лирической эпикѣ оба эти элемента рѣдко уже присутствуютъ въ столь чистой раздѣльности; что обыкновенно и по большей части лирическій почти совершенно стушевывается передъ эпическимъ, и наоборотъ. Во многихъ отношеніяхъ пѣсни нашего простаго люда совершенно сходятся съ національными пѣснями сѣдой старины. Разъ, что содержаніе ихъ всегда совершенно просто,—одно происшествіе, одно главное событіе, а не непрерывный рядъ цѣпляющихся одно за другое, какъ въ эпопеѣ Затѣмъ, что и онѣ подобно старымъ пѣснямъ не имѣютъ авторовъ, что и составляютъ вполнѣ общее достояніе, а потому и общее созданіе—всего простаго люда. Въ началѣ, конечно, и онѣ все таки обязаны происхожденіемъ одному лицу, но этотъ одинъ творилъ не какъ одинъ, но какъ членъ большаго цѣлаго и это большое цѣлое продолжало работу надъ его творческимъ созданіемъ. Мы можемъ прослѣдить нѣкоторыя еще живущія народныя пѣсни въ цѣломъ ряду варіацій текста болѣе чѣмъ за три столѣтія назадъ: тогда окажется, что и при свойственномъ имъ способѣ живой передачи путемъ пѣнія, что, слѣдовательно, и при устной передачѣ текстъ стиха постепенно измѣнялся по времени и мѣсту; окажется, какъ таже самая пѣсня, въ силу всюду совокупнаго и постояннаго творчества цѣлаго народа, явится передъ нами иною въ XVI, иною въ XIX ст., иною въ Швейцаріи, Шлезвигѣ,—не переставая однако въ основѣ своей оставаться всюду одною и тою же.

Кстати будетъ при этомъ взглянуть съ одной стороны

на шведовъ и датчанъ, съ другой же на Англичанъ, шотландцевъ и испанцевъ.

У шведовъ и датчанъ въ огромномъ запасѣ имѣющихся прекрасныхъ и важныхъ народныхъ пѣсенъ лирическій элементъ отдѣленъ отъ эпическаго совершенно своеобразнымъ способомъ. Значительнѣйшая часть пѣсни у нихъ чисто эпическая: дѣйствіе съ каждой строфой подвигается впередъ въ правильномъ ходѣ отдѣльныхъ фактовъ, всюду почти еще съ тою же энергическою поспѣшностью, которая столь свойственна древнѣйшему эпосу и притомъ всегда такъ, что сопровождается характеристическими рѣчами и разговорами дѣйствующихъ лицъ,—на что также было указано какъ на особенную принадлежность древне-эпической поэзіи и именно сѣверной. Лирическій же элементъ лежитъ болѣе внѣ поэмы и заключенъ въ припѣвѣ, слѣдовательно, ограничивается одною или двумя строками неизмѣнно и правильно повторяющимися послѣ каждой строфы, хотя бы пѣсня и была длинна. Только тутъ, и то большею частію въ отрывистыхъ, полузагадочныхъ словахъ высказывается вліяніе разсказываемыхъ фактовъ на расположеніе духа повѣствующаго.

Народныя пѣсни англичанъ и шотландцевъ уже не только исключительно внѣшнимъ образомъ приставляютъ лирическое къ эпическому, но стараются сливать ихъ тѣснѣе и полнѣе,—все же однако такъ, чтобы гораздо сильнѣйшее удареніе лежало на эпическомъ.

Разсказъ быстро и живо подвигается къ развязкѣ, всегда только одно событіе съ его мотивами и фактической обстановкой. Но проявленіе лирическаго элемента высказывается не столько въ томъ, что поэтъ излагаетъ свои внутреннія чувства и приводитъ разсказанные факты въ соотношеніе съ своею субъективностью,—сколько главнымъ образомъ въ краткомъ намекѣ на внутреннее состояніе тѣхъ самыхъ лицъ, которыя составляютъ объектъ созерцанія, въ мимолетномъ обозначеніи душевныхъ движеній, стоящихъ въ непосредственной связи съ внѣшними фактами, какъ ихъ мотивы или результаты. Этимъ шотландская народная пѣсня близко подходитъ къ образу древне-эпической,—отличіе по

слѣдней состоитъ въ томъ, что подобные внутренніе мотивы являются въ ней въ формѣ рѣчи и разговора и, слѣдовательно, также нѣкоторымъ образомъ объективируются въ факты внѣшніе, тогда такъ въ пѣсняхъ шотландскихъ внутренніе мотивы являются прямо сами собою. Но лирическое представленіе тогда достигаетъ совершенства и крайней высоты и предѣла, когда эпически объективированное лицо, передавая факты своей внутренней жизни, ставши основною причиною его душевнаго состоянія, разсказываетъ о нихъ какъ о прошедшихъ и совершившихся. Прекраснѣйшій примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ пѣснь объ Эдвардѣ-отцеубійцѣ, сдѣлавшаяся извѣстною въ нѣмецкомъ переводѣ Гердера. Здѣсь рѣчь и дѣйствіе не чередуются: развивается только рѣчь, оживленная діалогомъ, какъ выраженіе внутренняго состоянія, а дѣйствіе кроется за нею, какъ мотивъ этого состоянія и какъ предметъ этой рѣчи. Англійское названіе для подобныхъ лиро эпическихъ стихотвореній есть ballad—слово, обозначающее подобно провансальскому balada и итальянскому ballata—плясовую пѣснь, что указываетъ на древнее соединеніе поэзіи, музыки и танцевъ.

Въ противоположенность балладамъ англичанъ и шотландцевъ мы ставимъ романсы испанцевъ. Romance (собственно романскій народный языкъ и все что на немъ сочинено) называютъ испанцы всякого рода повѣствовательное стихотвореніе, простое по содержанію и незначительное по объему, но у нихъ такихъ романсовъ два рода. Это или чисто эпическія пѣсни, совершенно въ древнѣйшемъ родѣ, иногда и съ діалогомъ, сопровождающимъ или перебивающимъ событія. Или же—лиро-эпическія. Послѣднія иногда совершенно подобны лиро-эпическимъ стихотвореніямъ сербовъ и нѣмцевъ XII в.: сначала идетъ отрывочное эпическое положеніе, затѣмъ лирическое развитіе душевнаго состоянія, но состоянія не творящаго субъекта, а объекта поэмы, такъ что и здѣсь, слѣдовательно, индивидуальность поэта не возвышается еще до изображенія собственныхъ душевныхъ движеній—поэтъ только переносится, такъ сказать, въ душу созерцаемой имъ индивидуальности, прибли-

жаясь въ этомъ отношеніи къ древне-эпическому способу. Иногда же лиро-эпическія пѣсни испанцевъ подобны пѣснѣ шотландской т. е. все созерцаніе объективируется въ форму разговора, заслоняющаго въ разсказѣ причинные факты. Ясно, что различіе между романсами и балладами не идетъ дальше названія.

Еще два вѣка тому назадъ появились, и съ этой поры существуютъ, нѣмецкіе романсы и баллады: романсы—французскіе, баллады—англо-шотландскія стихотворенія того же названія, перенесенныя въ германію частію путемъ переводовъ, частію же посредствомъ вольнаго подражанія—первые Глеймомъ, вторыя—Бюргеромъ. Вскорѣ затѣмъ такъ называемые романтическіе поэты, обратившись непосредственно къ Испаніи, еще болѣе отуземили имя романса и въ тоже время ввели и первоначальную его форму. Поэты и теоретики постоянно затруднялись этимъ двоякимъ названіемъ. Самъ Гёте называетъ свои лиро-эпическія стихотворенія только балладами; другое же, что могло бы одинаково называться и балладою и романсомъ, отнесено у него къ пѣснямъ. И Шиллеръ пользуясь тѣмъ же самымъ возраженіемъ, двумъ стихотвореніямъ своимъ „Битвѣ съ Дракономъ“ и “Порукѣ“ придалъ онъ, безъ всякаго основанія, названіе романсовъ. По внимательномъ однако разсмотрѣніи оказывается, что ни одно изъ обоихъ названій сюда нейдетъ,—съ одной стороны всѣ эти стихотворенія по своему значительному объему и подробному, доходящему до мельчайшихъ фактическихъ частностей, способу изложенія, ближе лежатъ къ эпопеѣ чѣмъ къ балладѣ или романсу, съ другой же стороны чрезвычайная простота содержанія и черезчуръ лиричный способъ созерцанія не допускаютъ причислить ихъ и къ эпопеямъ. Они образуютъ именно средній, смѣшанный родъ, являющійся всегда въ тѣ времена, когда поэзія теряетъ органическую связь съ жизнью народа. Наконецъ Уландъ, лиро-эпическія стихотворенія котораго принимаютъ оттѣнки всевозможныхъ цвѣтовъ, рѣшилъ, что съ его стороны вѣрнѣе всего будетъ придать всѣмъ имъ общее двойное наименованіе балладъ и романсовъ,—но можетъ быть подъ послѣдними онъ понималъ только тѣ стихотворенія, которыя

имѣютъ одинаковую съ испанскимъ романсомъ форму трохеевъ и созвучій.—Теоретики, строя по обыкновенію свое систематическое зданіе на воздухѣ, не позаботились и тутъ справиться объ историческомъ происхожденіи обеихъ названій, но придумали имъ самыя произвольныя отличія, напр. баллада, у нихъ, отличается трагическимъ характеромъ, романсъ допускаетъ и свѣтлое начало; или баллада—пластична, романсъ—живописенъ; или баллада—болѣе эпична, романсъ—болѣе лириченъ. Но все это не вѣрно. Мы видѣли, что оба выраженія обозначаютъ въ сущности одно и тоже, только одно изъ нихъ—англійское, другое—испанское; что баллада, равно какъ и романсъ, есть лиро-эпическое стихотвореніе, разсказывающее простое дѣяніе подобно древне эпическимъ пѣснямъ, но которое однако объективируетъ не только внѣшній фактическій ходъ, подобно послѣднимъ, а и внутреннія движенія, связанныя въ душѣ дѣйствователя съ внѣшними фактами. Только такое лиро-эпическое стихотвореніе, облеченное въ форму созвучныхъ тетраметровъ нельзя съ достаточною основательностію называть балладой, а по формѣ своей, оно чисто испанское, названіе же „баллада“ вовсе не испанское и предполагаетъ иную форму—форму риѳмы и строфъ.

VI.

Дидактическій эпосъ—эпосъ разсудка,—въ которомъ на передній планъ выступаетъ та изъ силъ души, которой собственно при поэтической концепціи приличествуетъ всегда только подчиненная, болѣе отрицательная, чѣмъ положительная роль—развился, вообще говоря, въ нѣмецкой литературѣ не самостоятельно и не въ органической послѣдовательности (и въ этомъ можемъ мы полагать нѣкоторую для себя выгоду): мы перенесли его къ себѣ во всѣхъ его видахъ изъ древности и изъ-чужа. Едва ли не издавна уже была присуща нѣмцамъ охота и стремленіе—перенести на поэзію дидактическую точку зрѣнія,—и это стремленіе вызывается въ той готовности, съ которою они предались подражанію дидактическому эпосу другихъ временъ и наро-

довъ, но гдѣ они, совершенно независимо и сами по себѣ, стали примѣшивать поучительный элементъ въ поэзіи—а не въ лирикѣ.

Какъ это самое раздвоеніе, основывающееся на томъ—есть ли дѣйствительность эпоса данная или придуманная, такъ и выключеніе изъ эпоса чисто разсудочной поучительности—проявились конечно не сразу даже и у грековъ, а должны были возникать только мало помалу. Въ древнѣйшемъ памятникѣ всей греческой поучительной поэзіи, въ Гезіодовыхъ трудахъ и дѣяніяхъ мы еще находимъ въ нераздѣльной совокупности всѣ виды не только дидактической эпики, но и вообще дидактической поэзіи—дозволенные и недозволенные, поэтическіе и собственно прозаическіе.

Теперь обратимся прежде всего къ тому поучительному эпосу, который поучаетъ на данной дѣйствительности. Чувство—являющееся руководящимъ какъ здѣсь, такъ и вообще всегда въ дидактикѣ—направлено въ двѣ стороны: одну—высшую, другую—низшую; одну—небесную, другую—земную; одну—нравственную, другую—чувственную. Такимъ образомъ и поучительный эпосъ можетъ обращаться то къ той, то къ другой. Дѣйствіе на чувственную сторону и ея возбужденіе происходитъ тогда, когда поученіе является въ видѣ описанія, слѣдовательно въ идилліи. На нравственную же сторону поученіе дѣйствуетъ всего лучше тогда, когда разсудокъ впадаетъ въ противорѣчіе съ тою дѣйствительностью которая созерцается воображеніемъ,—слѣдовательно путемъ представленія смѣшнаго, въ сатирѣ.

Ειδυλλίον—есть всякое небольшое, красивенькое стихотвореніе, преимущественно же такое, которое основывается на эпическихъ созерцаніяхъ, заимствованныхъ изъ данной дѣйствительности и въ которомъ эти эпическія созерцанія являются въ тоже время только поводомъ и основаніемъ для описанія, какъ одного изъ способовъ поученія. Слѣдовательно, это и разсказъ и въ тоже время описаніе—Сцилла и Харибда, черезъ которыя немногимъ только поэтамъ удалось пробраться благополучно. Разсказъ стремится впередъ отъ факта къ факту: онъ спѣшитъ во времени; описаніе старается остановиться и помедлить на каждой внѣшности,

которую мимоходомъ затрогиваетъ историческое дѣйствiе: оно держится въ пространствѣ. Вотъ почему самою обычною ошибкою бываетъ то, что описанiе рѣзко прерываетъ теченiе разсказа, прикрѣпляясь неподвижно къ одному мѣсту. Но этимъ послѣднимъ уничтожается и истребляется уже не только эпическое а и вообще поэтическое созерцанiе: ибо постольку всякая поэзiя есть эпическая, поскольку она удовлетворяетъ требованiю неуклоннаго развитiя. Какъ же теперь примирить эти противорѣчивыя требованiя? Уступки должны быть съ обѣихъ сторонъ—какъ со стороны разсказа такъ и со стороны описанiя. Повѣствовательная часть эпической основы требуетъ величайшей простоты, удобной наглядности,—она не должна содержать въ себѣ длиннаго ряда искусственно сплетенныхъ событiй, самыя же событiя не должны быть сами по себѣ велики и ужасны—иначе при воспроизведенiи душа читателя будетъ слишкомъ увлечена фактами.

Съ другой стороны и описанiе, чтобы не прерывать и не останавливать этого медленнаго потока, должно также податься на историческую подвижность и получить, хотя бы только и одинъ обликъ, эпическаго развитiя,—послѣднее ему естественно тѣмъ легче сдѣлать, что и самое развитiе эпической части, къ которому оно должно принаравливаться. Но описанiе, сопровождая такимъ образомъ время въ пространствѣ и сливая историческую дѣйствительность съ очевидною,—стремится дѣйствовать не исключительно на умъ, а имѣетъ въ виду также и возбужденiе чувства. Слѣдовательно оно, медля на подробностяхъ, станетъ добиваться—доставить чувству наслажденiе, явить ему созерцанiя въ привлекательныхъ образахъ. Вотъ почему идиллiя вращается преимущественно въ тѣхъ сферахъ, гдѣ господствуетъ неизвращенная, естественная жизнь, наиболѣе еще способная удовлетворить чувству своею прелестью. Однако чѣмъ ближе именно эта самая дѣйствительность предстанетъ передъ чувство, чѣмъ въ точнѣйшемъ изображенiи развернется она передъ нимъ—тѣмъ скорѣе чувство останется неудовлетвореннымъ, тѣмъ легче впадетъ оно въ противорѣчiе съ этою дѣйствительностью: и смотря потому—отнесется ли къ по-

слѣдней болѣзненно, или легко скользнетъ по ея поверхности—въ область идилліи проникаетъ шутка или скорбь.

Въ извѣстномъ Гомерическомъ гимнѣ, молодой Гермесъ охваченный чувствомъ уютности въ родимомъ пріютѣ своей матери воспѣваетъ не только ея любовь съ Зевесомъ но и домашнюю утварь, котлы и треножники. Уже въ Одиссеѣ есть не мало мѣстъ въ этомъ родѣ; Иліада еще ихъ не знаетъ, хотя въ поводахъ къ нимъ недостатка ни въ какомъ случаѣ не было. Въ подобномъ же отношеніи стоятъ у насъ Нибелунги къ Гудрунѣ, которые впрочемъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ подобны Иліадѣ и Одиссеѣ: строгій, героическій ходъ Нибелунговъ не могъ останавливаться на такихъ внѣшностяхъ, между тѣмъ какъ въ Гудрунѣ время отъ времени появляются идиллическія черты, часто весьма трогательныя. И такимъ образомъ идиллія еще долго заключалась въ чисто эпическомъ видѣ, въ видѣ случайнаго украшенія. Но подобно тому, какъ украшающая обстановка, которою художники уже рано окружали свои историческія фигуры, отрѣшилась отъ послѣднихъ и заняла своею тихою жизнью отдѣльную часть—такъ было и съ идиллическою поэзіей, она настолько удержала отъ своего эпическаго происхожденія, насколько ей было необходимо для того, чтобы принять въ себя описаніе;--но описаніе, разъ ставши главнымъ предметомъ, расширяется до такой подробности, въ какой оно никогда не являлось въ чистомъ эпосѣ. Идиллія принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ дробленій поэзіи—у грековъ развитіе ея совпало съ Александрійскимъ періодомъ. Въ нѣмецкой литературѣ возникновенію ея предшествовали многократныя, ошибочныя попытки; прошло изрядное время, прежде чѣмъ напали на мысль сочинять идилліи въ стихахъ.

Сатира есть видъ дидактической эпики, исключительно свойственной Римлянамъ; здѣсь они могли научиться у грековъ развѣ только частностямъ, ибо грекамъ была извѣстна только сатирическая лирика, но не сатира, какъ форма эпоса. Къ сожалѣнію однако мы знаемъ римскую сатиру только въ формахъ ея высшаго развитія—длинный путь предшествовавшій мы, къ сожалѣнію, выслѣдить болѣе не

можемъ: намъ недоступно уже разсмотрѣніе того процесса, какимъ она достигла своего полнаго расцвѣта, вышедши изъ народной пѣсни, ибо до самаго, такъ называемаго золотого вѣка, существуютъ только отдѣльные отрывки, да и они относятся уже къ періоду греческаго вліянія. Мы должны, слѣдовательно, взять сатиру въ томъ видѣ, какъ она является намъ у Горація, Персія и Ювенала.

Персій и Ювеналъ тѣмъ отличаются отъ Горація, что противополагаютъ своему нравственному чувству такія представленія, передъ которыми оно должно сознавать себя оскорбленнымъ, которыя оно должно отвергнуть—тогда какъ дѣйствительность, изъ которой заимствуетъ свои созерцанія Горацій, только непріятна и противорѣчива разсудку и, пожалуй, чувству. Персій и Ювеналъ направляютъ свои бичующія сатиры противъ порока, Горацій—свои насмѣшливыя и шутливыя противъ глупости. Образъ дѣйствія обоихъ позднѣйшихъ сатириковъ сомнителенъ до послѣдней степени: они хотятъ поучать нравственному чувству и безпощадно отталкиваютъ его; напротивъ шутка и насмѣшка Горація, путемъ смѣшныхъ преувеличеній, гораздо болѣе побуждаетъ чувство и умъ обращаться къ истиннѣ. Къ этому различію присоединяется другое, гораздо важнѣйшее для нашего разсмотрѣнія. Сатиры Горація по существу своему—эпическія: онѣ всѣ или цѣликомъ, съ начала и до конца, представляютъ эпическое развитіе смѣшныхъ фактовъ, заключающее въ себѣ явно или скрытно то, на что авторъ собственно и мѣтитъ, т. е. насмѣшливое поученіе—и въ этомъ отношеніи онѣ совершенно уподобляются идилліи, гдѣ эпическій ходъ заключаетъ въ себѣ описаніе; или же онѣ содержатъ по крайней мѣрѣ вставныя эпическія положенія: поученіе для того, чтобы выразиться съ большею полнотою, переходитъ отъ одного эпическаго мотива къ другому, связаннымъ между собою не внѣшнимъ только образомъ, но общею основною идеею всего стихотворенія. Естественно, что эта эпическая основа, даже и тамъ, гдѣ представляетъ одинъ непрерывный ходъ, все же въ высшей степени проста, не велика по объему и наглядна; все въ ней совершающееся относится къ одновременному настоящему и само по себѣ незначи-

тельно,—совершено какъ и въ идилліи—ибо величественные характеры и важныя событія отдаленной старины уже не поддаются осмѣиванію,—да и пробѣгать длинную вереницу фактовъ при постоянномъ смѣхѣ становится наконецъ только утомительнымъ. Но Горацієва сатира, принимая уже формою стиха къ греческой эпопеѣ, имѣетъ съ нею и еще кое-что общаго,—именно употребленіе эпизодовъ. Эпосъ любитъ прерывать прямой ходъ разсказа и, уклонясь въ сторону, затрагивать такой эпическій объектъ, который хотя и не прямо вяжется съ извѣстнымъ мѣстомъ именно этого эпоса, но все-таки относится къ дальнѣйшему кругу его сказаній—совершенно такъ и въ Горацієвой сатирѣ. Послѣдняя, остановившись вдругъ на одномъ пунктѣ, начинаетъ обставлять его разсказомъ и поученіемъ, такъ что заставляетъ почти совсѣмъ позабывать все предшествовавшее и затѣмъ снова свободно обращается къ начатому и заканчиваетъ прежній путь—въ результатѣ одна сатира прочитана въ другой, но уже въ полномъ смыслѣ въ другой, ибо перная необходимо лежитъ въ дальнѣйшемъ кругѣ мыслей послѣдней и, пока поэтъ особенно долго медлитъ въ этомъ болѣе ограниченномъ пространствѣ, читатель самъ въ состояніи приблизительно усмотрѣть къ какимъ умозаключеніямъ должны привести тѣ прочія части всего круга, которыя или только бѣгло затронуты или и вовсе не затронуты. Поэтъ говоритъ сначала о недовольствѣ каждаго своимъ жребіемъ и о зависти, питаемой къ жребію другихъ; это наводитъ его на скупость, причемъ онъ пускается въ большую подробность; наконецъ отъ этой частности онъ снова возвращается къ общему и затѣмъ заканчиваетъ все стихотвореніе. При этомъ очевидно цѣлое созерцаніе поэта выигрываетъ въ изобразительности для читателя и тѣмъ ближе все поученіе привлекается къ нравственному чувству послѣдняго ибо здѣсь все то, что нарушаетъ поступательное движеніе цѣлаго, сосредоточивается поэтомъ къ тому главному пункту, изъ котораго, какъ изъ фокуса, разбѣгаются во всѣ стороны освѣщающіе лучи.

Этимъ очеркомъ свойствъ сатиры Горація, въ которой все оказалось цѣлесообразнымъ и достойнымъ вниманія, мы

съ тѣмъ вмѣстѣ высказали и тѣ законныя требованія, которыя сатира должна выполнять всюду. Персій и Ювеналъ большею частію ихъ не выполняютъ — особенно Ювеналъ, стоящій и по времени дальше отъ Горація, чѣмъ Персій. Конечно, онъ не упустилъ изъ виду замѣченной нами уловки Горація и даже ей подражалъ. Его четырнадцатая сатира трактуетъ о безобразномъ и извращенномъ воспитаніи дѣтей, или покрайней мѣрѣ такова ея точка исхода; обратившись къ воспитанію дѣтей въ домѣ жаднаго скупца, онъ незамѣтно переходитъ къ подробному сатирическому изображенію скряжничества и скупости. До сихъ поръ все какъ у Горація — но того, что затѣмъ неминуемо слѣдовало бы у Горація, у Ювенала недостаетъ, — возвращенія къ общей темѣ, которое только и могло бы придать стихотворенію законченное единство, напротивъ онъ обрывается и, въ концѣ, какъ бы переходитъ къ изображенію скупости. А эта сатира принадлежитъ еще къ числу такихъ, которыя наилучше оживлены искусно проведенными эпическими положеніями. Въ другихъ же нѣтъ и этого, ибо кромѣ упомянутаго нами выше отличія между Персіемъ и Ювеналомъ съ одной стороны, и Гораціемъ — съ другой, есть еще другое, состоящее въ томъ, что въ то время, какъ Горацій заимствуетъ разсказъ изъ окружающей его современной дѣйствительности и поучаетъ съ сожалѣніемъ и насмѣшкой — первые два сатирика только описываютъ современную дѣйствительность вовсе не съ привлекательной, и не съ забавной или скорбной стороны — и на такомъ-то описаніи хотятъ преподавать обличительное поученіе. Слѣдовательно, тогда какъ у Горація сатира есть еще дидактическая эпика, у позднѣйшихъ сатириковъ она переходитъ уже въ чистую дидактику. Ювеналова сатира, стоявшая уже на границахъ поэзіи, въ силу одного того, что вооружалась противъ порока, — выступаетъ теперь вполнѣ и цѣликомъ изъ этихъ границъ въ область прозы.

Чтобы не толковать слишкомъ много сперва о баснѣ, какъ объ одномъ изъ видовъ этой еще въ большей степени дидактичной эпики, я долженъ напомнить о томъ, что уже прежде рядомъ съ сказаніемъ, миѳомъ и сказкою представленъ былъ мною животный эпосъ, какъ форма чисто эпиче-

ской поэзіи; что онъ явился попыткою перенести формы исторіи человѣчества и на ниже стоящій міръ звѣрей, подобно тому какъ въ миѳѣ перенесли ихъ на сверхъчеловѣческій,— оказалось вмѣстѣ съ тѣмъ, что, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ направленіи, человѣкъ принужденъ былъ почерпать историческія формы изъ своей фантазіи, а историческое воспоминаніе не давало ему тутъ ничего. Подобнымъ, чисто эпическимъ, животнымъ эпосомъ нѣмцы и французы обладали до глубокой средневѣковой поры—остатки его даже и доселѣ живы въ дѣтскихъ сказкахъ. У другихъ націй, не далеко ушедшихъ отъ своего простаго первобытнаго состоянія еще и до-сегодня сохраняются древне-эпическія звѣриныя басни въ общемъ употребленіи,—какъ у Сербовъ, у Эстовъ.

Впрочемъ однако, изъ всѣхъ многоразличныхъ формъ эпическаго созерцанія, эта послѣдняя всюду, ранѣе прочихъ, должна была уступить напору образованности и измѣнить свою собственную природу. Но какъ могло разумное человѣчество далѣе оставаться при этомъ безцѣльномъ, идеальномъ возвышеніи и облагороженіи міра животныхъ? Съ изчезновеніемъ простодушной посредственности, должны были научиться разсматривать и животный эпосъ, представлявшій исключительный продуктъ фантазіи, какъ пустое фантазёрство и пренебрегать имъ. Но форма все же существовала— съ ней разстаться совсѣмъ не хотѣлось, и вотъ ее удерживаютъ, но именно только какъ форму, только какъ вмѣстилище для того, что хотѣли въ нее вложить,—звѣриная басня, бывшая доселѣ чисто объективнымъ видомъ эпическаго созерцанія, попала во власть и подъ произволъ субъекта—она сдѣлалась для него средствомъ для цѣли,—разсудокъ пользуется ею для того, чтобы облечь въ нее какое нибудь поученіе, опытный выводъ или нравственное правило. Въ то время какъ прежде поучались на нихъ и отъ нихъ—подобно тому какъ учились на сказаніяхъ и на миѳахъ—теперь стали поучаться посредствомъ нихъ: короче—эпическій звѣриный эпосъ измѣнился въ дидактическую басню, сдѣлался однимъ изъ многихъ наиболѣе дидактичныхъ видовъ дидактической эпики. Басня о животныхъ преобразилась въ басню

просто, но, съ перенесеніемъ ея въ область поученія, расширилась также и область доступной ей дѣйствительности. Пока она считалась и понималась чисто эпическою,—она и ограничивалась только животными, какъ такими существами, которыя по своей способности къ произвольному передвиженію и по свойственному имъ говору и смыслу стоятъ ближе всего къ человѣку, и на которыхъ слѣдовательно скорѣе всего можно было перенести формы человѣческой исторіи. Но какъ скоро басня употреблена была только ради дидактической цѣли,—не было больше основанія къ такому самоограниченію: теперь данъ былъ фантазіи полный произволъ, опять все же въ виду извѣстной цѣли и полезности ея созданій: теперь задумали изображать дѣйствующими и говорящими не только деревья, но даже и бездушныя вещества. Такимъ образомъ вся внѣ человѣка стоящая природа составила область дидактической басни.

Но пошли еще дальше: примѣненіе эпическихъ созерцаній къ дидактическимъ цѣлямъ перебралось и на міръ человѣческій: какъ только животный эпосъ разъ сдѣлался дидактическимъ, такъ и человѣческій родъ привлеченъ былъ въ область поучительнаго и его событія стали только обусловливаться и приспособляться ради поученія: посредствомъ нихъ—къ баснѣ присоединилась притча. Такъ какъ басня распространила свою область на всю внѣчеловѣческую природу, и даже на бездушныя вещества, то событіямъ, приводимымъ ею ради поученія, не могла быть присуща особенная историческая подвижность; она рѣдко имѣетъ возможность представить собственный ходъ фактовъ, но должна ограничиваться обыкновенно вводнѣ обособленными положеніями, отрывочными эпическими чертами безъ мотива и результата, какимъ нибудь поступкомъ одного животнаго относительно другаго, однимъ какимъ нибудь словомъ дерева къ дереву—короче басня въ своемъ обусловливаніи и приспособленіи ограничивается, и по сущности своей должна ограничиваться, только тѣмъ, что ей необходимо потребно для облеченія имѣющагося въ виду эмпирическаго положенія. Ей даже часто такъ мало дѣла до эпической изобразительности, что она и вниманія не обращаетъ на то—сообразно или нѣтъ то или

другое дѣйствіе или слово съ характеромъ дѣйствующаго и говорящаго; ей нерѣдко рѣшительно все равно—лисица ли животное или волкъ, маслина ли дерево или дубъ. Иное въ притчѣ. Дѣйствительность, которую притча принаровляетъ для поученія есть дѣйствительность человѣческой исторіи—здѣсь, слѣдовательно, представляется полная, не стѣсняемая возможность дать созерцанію болѣе подробный и эпическій видъ, не исключая въ тоже время и возможной привлекательности. И такимъ образомъ сущность притчи не требовала того, чтобы ограничивались единственнымъ положеніемъ (хотя кой-гдѣ встрѣчается и это), а допускала въ разсказѣ событія и болѣе пространный фактическій ходъ,—но всегда однако только **одного** событія, ибо притча даетъ всегда **одно** поученіе. Въ силу этого большаго присутствія эпической изобразительности, притча становится въ художественномъ отношеніи выше басни: въ первой эпическая форма, въ которую облекаютъ поученіе, заявляетъ и для себя нѣкоторыя требованія, во-второй она играетъ совершенно подчиненную роль. Отсюда проистекаетъ и дальнѣйшее различіе. Въ притчѣ всегда есть стремленіе утвердить соразмѣрное отношеніе между поученіемъ и облекающимъ его созерцаніемъ,—вотъ почему для нравственнаго поученія высшаго значенія предпочитаютъ форму притчи, ибо она можетъ быть обработана болѣе художественно, тогда какъ скромная и менѣе художественная форма басни прилагается на нисшей ступени поучительнаго. Но это же нисшее положеніе басни нерѣдко совершенно увлекало ее изъ области поэзіи: часто въ ней имѣется въ виду поученіе не нравственнаго чувства, а только разсудка,—когда, напримѣръ, ее употребляютъ для изложенія правилъ мудрости или такихъ эмпирическихъ выводовъ, которое имѣетъ исключительное отношеніе къ разсудку. Такія басни безъ малѣйшаго сомнѣнія можно признать непоэтичными.

Теперь кстати будетъ подкрѣпить теоретическій разборъ басни нѣсколькими замѣтками объ ея исторіи.

Басня, и побочный видъ ея—притча, весьма рано развились у народовъ восточныхъ. Евреи, и народы имъ родственные, издавна, по преимуществу, обладали склонностью

къ дидактикѣ, склонностью подчинять и отдавать въ власть поучающему разсудку то фантазію, то даже и чувство въ своихъ поэтическихъ концепціяхъ, но то что обыкновенно говорится о разнузданной и цвѣтущей фантазіи восточныхъ людей—легче высказать, тѣмъ доказать,—напротивъ они рѣдко фантазируютъ безъ разсудочнаго разсчета и мечтательность своего чувства подчиняютъ обыкновенно тонкостямъ остроумія. Такъ какъ евреи бѣдны миѳами, они въ недостаточномъ количествѣ одарены творческою фантазіею, то у нихъ потому и находятся древнѣйшія басни и притчи—эти эпическія созерцанія, созданныя ради поученія; даже съ полнымъ правомъ можно усумниться—предшествовалъ ли у нихъ когда нибудь чисто эпическій животный эпосъ—дидактической баснѣ: по крайней мѣрѣ никакихъ историческихъ слѣдовъ этого нѣтъ. Что это было такъ у народовъ Верхней Азіи—сомнѣнія въ этомъ менѣе: басенная дидактика индѣйцевъ, нѣкоторымъ образомъ,—только позднѣйшій результатъ древнѣйшаго животнаго эпоса. Такъ и у Грековъ. Здѣсь мы имѣемъ еще полный, небольшой животный эпосъ: стихотвореніе, которое единственно по своему эпическому содержанію и по формѣ гекзаметра приписано также Гомеру; но которое моложе Иліады и Одиссеи. Хотя и нельзя здѣсь не отмѣтить разнообразныхъ пародійныхъ выходокъ на битвы боговъ и героевъ, но разсматривать ее только какъ пародію на этотъ героическій эпосъ—значитъ идти слишкомъ ужъ далеко. Превращеніе эпической басни въ дидактическую, послѣ нѣсколькихъ не столь важныхъ попытокъ, было завершено Езопомъ—имя общеизвѣстное, историческое, пріуроченіе котораго представляетъ много труднаго и сомнительнаго. Дѣло въ томъ, что дѣйствующія существа выбраны часто столь нехарактеристично, что отъ эпической изобразительности не остается и малѣйшаго слѣда, притомъ самое поученіе столь часто обращено только къ разсудку читателя, а не къ нравственному его чувству, что поэтическая форма была бы въ этомъ случаѣ только чисто внѣшнею, необъусловленною и не вызываемою содержаніемъ.

Въ Германіи Езопова басня встрѣтила столько же противодѣйствія, сколько и готовности къ ея принятію. Она

въ этомъ случаѣ нашла еще у народа, который наслаждался своими эпически одушевленными созерцаніями, который уже въ теченіи долгихъ вѣковъ обладалъ богатымъ запасомъ животнаго эпоса и даже цѣлымъ цикломъ разсказовъ подобнаго рода, сгруппированныхъ около Рейнгардта—Лиса; но въ то же время этотъ народъ не былъ непріязненъ и дидактикѣ. Такимъ образомъ Езопова басня была, правда, принята, но должна была сдѣлать уступку въ двухъ отношеніяхъ. Разъ, что рядомъ съ нею продолжалъ свободно существовать древній животный эпосъ въ своей цикловой законченности, тогда какъ у грековъ и вездѣ, гдѣ нравоучительная басня образовалась сама собою,—она зарождалась только со смертью древней животной эпики; такъ что, не принимая во вниманіе множества меньшихъ разсказовъ въ этомъ родѣ, рядъ которыхъ простирается до конца Среднихъ вѣковъ—уже въ XII ст. былъ сочиненъ средне-верхненѣмецкій эпосъ о Рейнгардтѣ-Лисѣ. Тогда и сама Езопова басня волей не волей должна была подпасть національному вліянію—она должна была принять метрическую форму и принаровиться къ обычному образу всѣхъ эпическихъ стихотвореній, т. е. къ широкой, спокойной, выдвигающей всякую характеристическую и фактическую черту подробности. Если басня эта и можетъ считаться часто слишкомъ лаконичною, то теперь, нерѣдко, она становилась черезчуръ болтливою. Эпическую часть ихъ разсказывали такъ, какъ разсказывали, и должны были разсказывать, собственно древнія басни о животныхъ; но присоединилась еще, въ видѣ второй дидактической части,—мораль, которой древняя басня не допускала. Часто даже передѣлывали на новый ладъ дѣйствительно родныя басни о животныхъ. Это отуземливаніе Езоповыхъ басенъ и вліяніе ихъ на туземную басню зашло скоро такъ далеко, что даже вовсе не басенные матеріалы, какъ то древнія сказки и новыя шутки стали перерабатывается въ дидактическія басни или притчи, т. е. ихъ заключали моральнымъ ἐπιμύθιον (примолвьемъ), хотя его и приходилось притягивать далѣе. Для всѣхъ подобныхъ басенъ и разсказовъ, считавшихся дидактическими, нашъ Средній вѣкъ имѣлъ общее названіе—bispel, т. е.

вымышленная исторія, при которой надо нѣчто подразумѣвать, отсюда посредствомъ измѣненія главной а съ тѣмъ вмѣстѣ и смысла сдѣлали beispiel (примѣръ). Наконецъ, съ исходомъ Среднихъ вѣковъ, и въ этой области литературы иноземное, заимствованное изчужа и изъ древности одержало побѣду надъ роднымъ, унаслѣдованнымъ отъ отцовъ,— хотя только и половинную побѣду. Эпическая басня о животныхъ совершенно почти погибла—она не могла болѣе устоять противъ дидактической, по крайней мѣрѣ исчезла она изъ поэзіи образованнаго класса,—у народа, у дѣтей изъ простонародья она сохранилась дольше въ пѣсняхъ, въ прозаическомъ пересказѣ сказокъ. Но эпическій просторъ дидактической басни не исчезъ,—не исчезла та фактическая оживленность созерцанія. На этотъ ладъ, въ тоже время и туземный и чуждый, эпическій и дидактическій, переработали еще разъ, къ концу XV ст., и древній эпосъ о Лисѣ-Рейнгардтѣ, на основаніи Нидерландской редакціи; на нижненѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ Рейнеке-де Фосъ. Средне-верхне нѣмецкій Рейнгардтъ, Нидерландскій Рейнертъ были только эпопеями: въ Рейнеке высказывается еще тотъ округленный ходъ событій, который объединяется въ Лисѣ, его характерѣ и судьбахъ, но теперь уже, отъ начала до конца, онъ остается выразителемъ поученія и даже съ сатирическимъ направленіемъ, приправленнымъ насмѣшкою и ироніей. Впрочемъ довольствовались простыми баснями, ограничивающимися однимъ событіемъ, однимъ положеніемъ, но все же безъ Езоповой краткости и постоянно въ стихахъ—пока наконецъ Лессингъ и тутъ не попробовалъ выступить преобразователемъ.

Лессингъ остановился на той болтливости, въ которой столь усердно и обычно проводилась повѣствовательная страсть баснописцевъ; онъ остановился на несоотвѣтствіи, существовавшемъ большею частію между широкою эпическою основой и крошечнымъ поученіемъ, за нею слѣдовавшемъ. Онъ подвергъ сущность басни тщательному изысканію съ исторической точки зрѣнія, но немогъ провести его до конца,— тогда еще ровно ничего не знали о древнемъ эпосѣ, породившемъ басню. Такимъ образомъ онъ не вышелъ изъ пре-

дѣловъ поучительной басни и тогда езоповъ образъ и способъ показался ему единственно состоятельнымъ образцомъ— что было вполнѣ вѣрно и естественно при ограниченности его историческаго матеріала и при свойственномъ ему направленіи духа, обращавшемся лучше къ находчивости и краткой холодной остротѣ, чѣмъ къ эпической теплотѣ жизни и богатому фантастическому разнообразію. Только въ одномъ должна была погрѣшать езопова басня передъ склонностью Лессинга къ остроумной краткости, это именно въ присловьѣ (επιμυθιον), котораго вопіющую излишность онъ сознавалъ вполнѣ. Плодомъ его историко-теоретическихъ изысканій было собраніе собственныхъ басенъ: въ нихъ эпическія положенія, большею частію взятыя изъ міра животныхъ, являются средствомъ для проведенія какого нибудь нравоучительнаго положенія; изложены онѣ съ наивозможною краткостью и въ прозѣ. Басни Лессинга составляютъ эпоху въ исторіи этого вида поэзіи: съ этого времени и тѣ, которые оставались при метрической формѣ, предоставили по крайней мѣрѣ нравоучительныя примѣненія самому читателю; другіе послѣдовали Лессингу даже и въ употребленіи прозы. Только на нашихъ дняхъ удалось Фрёлиху исправить все то, что было односторонняго и непоэтическаго у Лессинга въ понятіи басни и ея отдѣлкѣ, и дать вообще этому виду поэзіи новое счастливое направленіе,—направленіе, которымъ она во многихъ случаяхъ переносится изъ области эпики въ область лирическую: именно Фрёлихъ, желая поучать посредствомъ положенія, заимствованнаго изъ дѣйствительности, смотритъ на послѣднюю не только съ разсудочной точки зрѣнія, сколько съ точки зрѣнія чувства; онъ менѣе гонится за сообщеніемъ эмпирическаго вывода, голаго предложенія, сколько за тѣмъ, чтобы возбудить въ своемъ читателѣ какое нибудь опредѣленное чувство. Еще болѣе способствуетъ его цѣли то обстоятельство, что дѣйствительность, которою онъ особенно охотно пользуется— по преимуществу пейзажная: зачастую представляетъ она читателю небольшія пейзажныя картинки, выполненныя притомъ съ такою идиллическою объективностью, что намѣреніе—поучать едва замѣтно, что поэтъ, кажется, хочетъ, по-

учать на самомъ дѣлѣ. Эти басни имѣютъ естественно поэтическую форму.

Теперь намъ остается еще сказать о пословицѣ.

Характеристическій признакъ, которымъ отличаются собственно пословицы отъ голыхъ изреченій, сентенцій или гномовъ состоитъ въ томъ, что послѣднія высказываютъ какое нибудь нравоученіе или познаніе совершенно абстрактно въ возможно-краткой формѣ, обыкновенно только какъ слово разсудка и рѣдко относясь и обращаясь къ чувству, потому онѣ и лежатъ большею частію совершенно внѣ поэзіи, тамъ же, гдѣ онѣ могутъ быть названы поэтическими,—ихъ нужно отнести къ дидактической лирикѣ. Пословица напротивъ не остается при абстрактномъ и общемъ, и хотя также есть слово разсудка и имѣетъ нравоучительное содержаніе и цѣль, но даетъ абстракціи конкретный видъ, объединяетъ и сосредоточиваетъ общность въ отдѣльное созерцаніе, взятое изъ чувственной дѣйствительности. Такъ напр. слѣдующее выраженіе—„надо обращать вниманіе на предостереженія старости“,—въ настоящемъ своемъ видѣ есть сентенція, если же здѣсь придается образность и объединенность—то моральный выводъ дѣлается пословицею Слѣдовательно, пословица есть образно выраженная сентенція, отсюда и латинское ея названіе proverbium, т. е. вмѣстословіе,—слово заступающее мѣсто чего либо, а не собственное и обычное, отсюда же и греческое *παροίμια*—то, что лежитъ возлѣ дороги а не на самомъ прямомъ пути, то, надо своротить въ сторону. Нѣмецкое названіе Sprichwort обозначаетъ только, что здѣсь говорится т. е. часто и обычно произносится. Очевидно, что пословица стоитъ въ ближайшей связи съ баснею и что весьма будетъ кстати разсмотрѣть одну вслѣдъ за другою.

Басня хочетъ внушить какую нибудь нравственную истину,—пословица также, басня хочетъ поучать посредствомъ какого нибудь отдѣльнаго созерцанія изъ дѣйствительности,—пословица также. Но являются и различія, вытекающія изъ того практическаго значенія, которое имѣетъ пословица: она должна быстро вставляться въ рѣчь, должна быть каждому равно понятна, каждымъ равно удержана и каждый долженъ

вѣрить въ ея поученіе. Басня къ созерцанію прибавляетъ еще предположенное поученіе,—къ конкретному присоединяетъ абстрактное; пословица довольствуется конкретнымъ созерцаніемъ, разсчитывая, что съ нимъ будетъ соединенъ истинный смыслъ и что оно будетъ употреблено правильно. Басня во всякомъ случаѣ имѣетъ извѣстную эпическую подвижность и подробность, хотя и въ ограниченномъ, видѣ,—тамъ же, гдѣ она переходитъ въ притчу, дѣлается столь же эпичною какъ и собственно эпическій разсказъ; пословица раздѣляетъ вмѣстѣ съ притчею область человѣческой дѣйствительности, съ баснею — дѣйствительности внѣчеловѣческой, но она сосредоточиваетъ созерцаніе басни до такой краткости, что для эпической подробности не остается и мѣста. Наконецъ важнѣйшее и значительнѣйшее изо всѣхъ отличій есть слѣдующее: басня всегда разсказываетъ,—пословица также можетъ разсказывать, но еще чаще она выставляетъ свое созерцаніе не какъ фактъ минувшій, но какъ ежедневно повторяющееся наблюденіе; она понимаетъ дѣйствительность не какъ нѣчто подвижное и перемѣнное, но какъ покоящееся и въ проявленіи своемъ постоянно повторяющееся и одинаковое: басня всегда говоритъ въ прошедшемъ, пословица болѣе въ настоящемъ. Это послѣднее, главное свойство пословицы высказывается лучше изъ того практическаго значенія, на которое она претендуетъ; она заявляетъ требованіе на значеніе всюду и у каждаго; каждый обязанъ ей вѣрить; во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ она желаетъ говорить истину, отсюда и свойственная ей форма повсечаснаго наблюденія,—форма не повѣствовательная, ограничивающаяся прошедшимъ, но форма настоящаго, простирающаяся и на современное и на все будущее. Такимъ образомъ пословица только наполовину принадлежитъ къ эпикѣ, другою же частью она лежитъ внѣ ея: относится она къ ней, поскольку заимствуетъ созерцанія свои также изъ внѣшней дѣйствительности, выдѣляется изъ нея насколько дѣйствительность эта чужда историческаго движенія.

При всемъ томъ, нельзя не замѣтить тѣсной связи существующей между баснею и пословицей. Къ соглашенію вну-

треннему между обеими присоединяется еще и разнообразная внѣшняя связь. Нѣтъ сомнѣнія, что многія пословицы суть только сокращенныя басни и, на оборотъ, многія басни — только распространенныя пословицы. Слѣдующее, на примѣръ, выраженіе Іисуса Сираха: что станется съ глинянымъ горшкомъ о бокъ съ желѣзнымъ? Когда они столкнутся, то первый сломается.

Какъ басня въ способѣ внѣшняго изложенія колеблется между рѣчью мѣрной и прозаической, — такъ и родственная ей пословица. И едва ли можно удивляться тому, что пословица всюду предпочитаетъ совершенно и исключительно прозаическую форму, такъ какъ она, если только возможно, еще дидактичнѣе, чѣмъ басня. Въ сущности и тогда, когда пословица расположена ритмически и украшена риѳмою или аллитераціею, — въ этомъ все же не выражается ни малѣйшаго притязанія на поэтическое искусство: ритмъ рѣчи и созвучія имѣютъ цѣлью только упрочить за нею тотъ видъ, который она приняла при составленіи, чтобы сохранить ее въ памяти. Древнѣйшія пословицы нѣмцевъ почти всѣ безъ исключенія — прозаическія, равно какъ и пословицы древняго міра и востока: болѣе частому примѣненію къ пословицѣ риѳмической формы выучились чуть ли не въ XIII-мъ столѣтіи.

А. К.

